

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

**Международная
научно-практическая конференция
(Минск, 16 апреля 2026 г.)**

Тезисы докладов

Минск
Академия МВД
2026

Освещаются вопросы, посвященные 30-летию создания Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств.

Рассматриваются актуальные вопросы законодательства, борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов.

Издание предназначено для научных сотрудников, преподавателей, лиц, обучающихся на юридических факультетах учреждений высшего образования, сотрудников правоохранительных органов.

В сборнике сохранены авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

Редакционная коллегия:

А.В. Башан (ответственный редактор),
И.А. Анищенко, Е.В. Боровая, Д.А. Воропаев, А.В. Григорьев, Т.Л. Гюрсель, С.В. Добриян,
А.Н. Дрозд, Д.А. Егоров, И.В. Козелецкий, О.И. Левшук, В.В. Меерсон, А.И. Мурашко, В.И. Павлов,
Г.А. Павловец, С.В. Пилюшин, Е.А. Реутская, Р.М. Ропот, Е.Г. Терешенко, А.А. Тит,
А.Н. Тукало, М.М. Якубель, А.В. Яскевич

УДК 351.74

А.И. Бородин

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

Данные тезисы приурочены к 30-летию создания Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СМВД) – отраслевого органа Содружества (далее – СНГ), созданного решением Совета глав государств – участников СНГ от 19 января 1996 г. в целях взаимодействия и координации действий в борьбе с преступностью. СМВД является преемником действовавшего с 1992 до 1996 г. Совещания министров внутренних дел государств – участников СНГ. В своей деятельности СМВД руководствуется Уст следующего содержания авом СНГ, решениями Совета глав государств – участников СНГ (далее – СГГ), Совета глав правительств государств – участников СНГ (далее – СГП) и положением о нем, утвержденным решением СГГ от 17 мая 1996 г. Функции рабочего аппарата СМВД выполняет Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (далее – БКБОП), постоянно действующий орган, предназначенный для обеспечения эффективного взаимодействия министерств внутренних дел и государственных органов в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и иными опасными видами преступлений, работой которого руководит СМВД. Основными задачами БКБОП являются: обеспечение взаимодействия в борьбе с преступностью, охране правопорядка и других сферах деятельности министерств внутренних дел, министры которых по должности являются членами СМВД; реализация решений СГГ и СГП; содействие гармонизации национального законодательства по вопросам, входящим в компетенцию министерств внутренних дел.

Основная форма деятельности СМВД – заседания, проводимые по мере необходимости, но не реже одного раза в год. Внеочередные заседания могут созываться по решению СГГ и СГП, а также при согласии не менее половины его членов по инициативе одного или нескольких членов СМВД. Тематика вопросов, которые рассматриваются СМВД и по которым принимаются решения, охватывает более 20 направлений. Среди них выделим: а) совершенствование межгосударственного розыска лиц; б) противодействие: преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий; вербовке граждан для участия в вооруженных конфликтах на территории третьих стран; противоправным деяниям со стороны членов неформальных объединений болельщиков спортивных команд, в том числе в период проведения массовых спортивных и зрелищных мероприятий; незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; хищению автотранспортных средств; в) возвращение несовершеннолетних в государства их проживания; г) совершенствование подготовки кадров и др.

Направления работы СМВД определяются прежде всего межгосударственными программами совместных мер борьбы с преступностью на пятилетний срок, например, на 2014–2018, 2019–2023, 2024–2028 гг., а также программами сотрудничества государств – участников СНГ: по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействию наркомании; по борьбе с торговлей людьми; по борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма; по противодействию незаконной миграции; по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий; по укреплению пограничной безопасности на внешних границах и др. К числу приоритетных направлений сотрудничества СМВД в соответствии с данными документами отнесены: совершенствование правовых и организационных основ сотрудничества; проведение организационно-практических, в том числе согласованных, профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций; информационное и научное обеспечение сотрудничества; кадровое обеспечение органов внутренних дел. В целях своевременного выполнения мероприятий, предусмотренных межгосударственными программами, а также в рамках реализации требований механизма контроля соответствующих программ СМВД разработаны, утверждены и реализованы планы по организации их выполнения.

Практика исполнения международных договоров в сфере борьбы с преступностью, заключенных в рамках СНГ, регулярно рассматривается на заседаниях СМВД при обсуждении, например, вопроса «О приоритетных вопросах сотрудничества министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ и ходе реализации межгосударственных программ борьбы с преступностью». На основании информации, предоставляемой министерствами внутренних дел (полицией) в БКБОП, обобщенные сведения о результатах выполнения межгосударственных программ ежегодно направляются в Исполнительный комитет СНГ для подготовки отчетов главам государств.

Одним из важных направлений деятельности СМВД является совершенствование правовых основ функционирования компетентных органов государств – участников СНГ и органов отраслевого сотрудничества в сфере противодействия преступности, а также повышение эффективности взаимодействия министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ.

Эффективным направлением сотрудничества органов внутренних дел государств – участников СНГ продолжает оставаться проведение комплексных согласованных и совместных оперативно-профилактических мероприятий. Правовые основания для проведения таких мероприятий закреплены в межгосударственных программах совместных мер борьбы с преступностью, а также в отдельных договорах и соглашениях по вопросам противодействия различным видам преступных проявлений на пространстве СНГ.

Важным элементом сотрудничества министерств внутренних дел (полиции) является своевременное и объективное научное и информационное обеспечение деятельности сотрудников органов внутренних дел. В рамках координации работы по данному направлению СМВД, например, в 2014 г. было принято решение «Об организации работы Научно-консультативного совета при Совете министров внутренних дел государств – участников СНГ». Как закреплено в Положении о Научно-консультативном совете (далее – НКС), целью его деятельности является обеспечение условий эффективного взаимодействия министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ в сфере научного обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел стран Содружества в борьбе с преступностью. В этой связи в 2014–2018 гг. в рамках реализации положений межгосударственных программ борьбы с преступностью СМВД, министерствами внутренних дел совместно с БКБОП и НКС проводились научные исследования по вопросам борьбы с преступностью, осуществлялся обмен передовым опытом в раскрытии и расследовании преступлений, разрабатывались методические пособия и рекомендации. Ежегодно министерства внутренних дел (полиция) государств – участников СНГ принимают участие в подготовке аналитического обзора «О фактах терроризма и иных проявлениях экстремизма, их причинах и источниках финансирования в государствах – участниках СНГ», ответственными разработчиками которого выступают БКБОП совместно с Антитеррористическим центром государств – участников СНГ (создан решением СГГ от 21 июня 2000 г.), постоянно действующим специализированным отраслевым органом СНГ, предназначенным для обеспечения координации взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма.

Таким образом, СМВД планирует, последовательно реализовывает стоящие перед ним задачи на основе приоритетов, определенных межгосударственными программами сотрудничества, решениями СГГ и СГП, положениями международных договоров и соглашений по вопросам борьбы с преступностью, действуя в тесном сотрудничестве с Исполнительным комитетом СНГ, государственными органами стран Содружества и профильными международными организациями.

УДК 351.74(100-87):001.892

А.В. Кащеев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Научной сфере в Республике Беларусь в последние годы уделяется особое внимание. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на совещаниях, встречах и собраниях, посвященных развитию белорусской науки, подчеркивает, что передовые результаты последней составляют основу не только благосостояния граждан, но и дальнейшего существования государства. И это неудивительно: у границ нашего государства идут боевые действия, при этом Республика Беларусь и ее граждане подвергаются незаконным санкциям в различных сферах, в том числе в научной. Для обеспечения научного суверенитета наше государство не только сохраняет собственный научный потенциал, но и активно взаимодействует с дружественными государствами, в первую очередь в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др. Научное взаимодействие осуществляется и по линии органов внутренних дел, в частности Совета министров внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ (далее – СМВД). Еще до создания СМВД, когда в первые постсоветские годы выстраивались контуры взаимодействия министерств внутренних дел суверенных государств в рамках Совещания министров внутренних дел государств – участников СНГ (1992–1996 гг.), вопросам взаимодействия в научной сфере уделялось особое внимание. Практически в каждое соглашение о сотрудничестве включались пункты о проведении совместных научных исследований. Например, в ст. 11 Соглашения о сотрудничестве министерств внутренних дел в сфере обеспечения безопасности дорожного движения от 24 сентября 1993 г. указано, что «стороны будут сотрудничать в проведении научных исследований в сфере обеспечения безопасности дорожного движения». В итоге 25 октября 1995 г. в Ереване принято решение о проведении совместных научных исследований и утверждены 10 основных тем: «Организованная преступность: понятие, организационные и правовые меры противодействия», «Особенности раскрытия убийств, совершенных наемными лицами», «Организационные и правовые средства борьбы с коррупцией», «Предупреждение, выявление и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (внутригосударственный и международный аспекты)», «Организация и тактика взаимодействия правоохранительных органов при проведении операции „контролируемая поставка“ (внутригосударственный и международный аспекты)», «Предупреждение, выявление и раскрытие преступлений в финансовой сфере», «Организация и тактика раскрытия проявлений фальшивомонетничества (внутригосударственный и международный аспекты)», «Борьба с легализацией доходов, полученных преступным путем (внутригосударственный и международный аспекты)», «Преступность несовершеннолетних: состояние, тенденции развития и меры противодействия», «Проблемы повышения эффективности сотрудничества государств – участников СНГ в области борьбы с преступностью». Следует отметить, что наше министерство выразило согласие участвовать в разработке только семи тем, а также инициировало проведение исследования по теме «Незаконный оборот оружия, взрывчатых и отравляющих веществ».

С начала XXI в. взаимодействие в научной сфере в рамках СМВД расширяется. Так, в 2008 г. государственное учреждение «Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» МВД России получило статус базового научно-исследовательского учреждения в области разработки специальных средств (оружия нелетального действия) для правоохранительных органов государств – участников СНГ, в результате участники СМВД получили возможность заказывать

проведение соответствующих научных исследований в данном учреждении. В рамках реализации Концепции сотрудничества министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ на период до 2020 года, которая принята на заседании СМВД в Астане 10 сентября 2013 г., взаимодействие в научной сфере приобрело новый организационно-правовой механизм. В частности, создан Научно-консультативный совет (НКС) при СМВД, уполномоченный осуществлять координацию совместной научно-исследовательской деятельности в интересах министерств внутренних дел (полиции), а также определено головное научное учреждение по координации научно-исследовательской деятельности образовательных и научных учреждений НКС при СМВД, которым стал Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

В 2019 г. принята новая концепция сотрудничества до 2030 г., в которой к основным формам сотрудничества отнесены «развитие сотрудничества между научно-исследовательскими коллективами, образовательными организациями», «создание совместных научных коллективов на временной основе для решения вопросов, представляющих взаимный интерес», «выполнение совместных научных исследований по актуальным проблемам борьбы с трансграничной преступностью», «содействие международной академической мобильности научно-педагогических работников», «стимулирование деятельности базовых научно-исследовательских учреждений и образовательных организаций государств – участников СНГ по подготовке кадров в сфере правоохранительной деятельности», «инициирование придания статуса базовых в СНГ учебным заведениям министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ», «проведение международных научно-представительских мероприятий по актуальным проблемам борьбы с преступностью, в том числе под эгидой СМВД» и др. Одними из элементов реализации представленной концепции стало создание в 2021 г. Ассоциации образовательных организаций министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке руководящего состава органов внутренних дел. Одно из основных направлений ее деятельности – расширение научных связей между ее членами, в том числе в части проведения фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам деятельности образовательных организаций СМВД.

Таким образом, с 1992 г. вопросам взаимодействия министерств внутренних дел государств – участников СНГ в научной сфере уделялось особое внимание. После создания СМВД работа в данном направлении активизировалась, а за последние 20 лет получила новый организационно-правовой механизм, нацеленный на повышение эффективности и практической составляющей научного взаимодействия.

УДК 343

Г.А. Павловец, Е.В. Сакулевич

СОВЕТ МИНИСТРОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ НА СТРАЖЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОДРУЖЕСТВА

В 2026 г. Совет министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СМВД) отмечает свой 30-летний юбилей. Эта знаковая дата – повод оценить путь, пройденный уникальной региональной структурой, созданной для объединения усилий в борьбе с общими угрозами безопасности и правопорядку.

Решение о создании СМВД принято Советом глав государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) 24 октября 1996 г. Это стало ответом на новые вызовы, возникшие после распада СССР: резкий рост транснациональной преступности, организованных преступных групп, действующих через границы новообразованных государств, наркотрафик, незаконный оборот оружия, торговля людьми. Стало очевидно, что эффективно противостоять этим угрозам можно только через тесную координацию и совместные действия правоохранительных органов. СМВД стал ключевым инструментом такого взаимодействия на пространстве Содружества. За прошедшие десятилетия организация прошла путь от первоначальной координации к созданию сложной, многоуровневой системы сотрудничества, доказав свою жизнеспособность и востребованность. Важным этапом стало формирование постоянно действующего рабочего органа – Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (далее – БКБОП) в Москве, ставшего оперативным «мозговым центром» организации.

Главная цель СМВД – обеспечение согласованных действий министерств внутренних дел стран Содружества для повышения эффективности борьбы с преступностью, защиты прав граждан и укрепления общественной безопасности. Основные задачи включают в себя: разработку и реализацию совместных программ и планов борьбы с преступностью, организацию совместных оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций, координацию взаимодействия на границах, содействие в розыске преступников и пропавших без вести, развитие системы обмена оперативно значимой информацией (включая базы данных БКБОП), организацию подготовки и повышения квалификации кадров, гармонизацию законодательства в сфере внутренних дел, взаимодействие с другими органами СНГ и международными организациями (Интерпол, ОДКБ и др.).

Структура СМВД отражает многоуровневый подход. Так, высшим органом является СМВД, собирающий министров внутренних дел государств – участников СНГ не реже одного раза в год для принятия стратегических решений. Постоянный рабочий орган находится в Москве и представлен БКБОП. Именно бюро обеспечивает текущую координацию, информационный обмен, анализ криминогенной обстановки и организацию совместных действий. По ключевым направлениям для углубленной проработки проблем создаются профильные комиссии и рабочие группы (борьба с терроризмом, наркопреступностью, киберпреступностью, экстремизмом, правовые вопросы, кадровая работа и др.). Секретариат обеспечивает организационно-техническое сопровождение деятельности СМВД.

С 2023 г. руководящую роль в СМВД выполнял Министр внутренних дел Республики Беларусь И. Кубраков, являвшийся действующим Председателем Совета до августа 2025 г. Председатель организует работу Совета и его органов, руководит

заседаниями, представляет СМВД на международной арене и координирует выполнение принятых решений. Председательство Беларуси – это признание вклада нашей страны в развитие сотрудничества в СНГ в правоохранительной сфере и доверие со стороны партнеров. В этот период особое внимание уделялось активизации совместной работы по приоритетным направлениям, совершенствованию механизмов взаимодействия, в том числе информационного, и реализации инициатив, направленных на повышение эффективности борьбы с современными вызовами.

За 30 лет деятельности СМВД сформировались четкие приоритеты:

борьба с терроризмом и экстремизмом (мониторинг угроз, обмен информацией, пресечение финансирования, совместные учения);

противодействие незаконному обороту наркотиков (перекрытие транзитных каналов, контроль прекурсоров);

борьба с организованной преступностью (координация действий против транснациональных организованных преступных групп, розыск лидеров, противодействие отмыванию денег);

противодействие киберпреступности (обмен данными об атаках и мошенничествах, борьба с запрещенным контентом, координация расследований, обучение специалистов, именно данное направление становится все более актуальным) и другие направления деятельности.

Вопросы подготовки высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов, способных эффективно работать в условиях современных угроз, всегда были в фокусе внимания СМВД. Ярким примером такого внимания стала Международная научно-практическая конференция «Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов», организованная в 2021 г. Академией МВД Республики Беларусь и приуроченная к 25-летию образования СМВД. Это масштабное мероприятие собрало руководителей и представителей органов внутренних дел, образовательных и научных учреждений государств – участников СНГ, а также других стран и международных организаций. Конференция стала важной площадкой для обсуждения актуальных криминальных вызовов и тенденций, обмена передовым опытом в сфере оперативно-служебной деятельности и профилактики преступлений, глубокого анализа состояния и перспектив развития системы профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов, выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию сотрудничества.

Три десятилетия работы СМВД – это история становления и отлаживания эффективного механизма многостороннего сотрудничества в правоохранительной сфере. Организация доказала свою способность адаптироваться к меняющейся криминальной обстановке, оставаясь ключевым инструментом обеспечения региональной безопасности. Предстоящий 30-летний юбилей – это не только повод оценить достигнутое, но и важная веха для определения будущего курса. Опыт совместных операций, налаженные каналы обмена информацией, система подготовки кадров и, конечно, такие значимые мероприятия, как юбилейные конференции в Академии МВД Республики Беларусь, закладывают прочный фундамент для дальнейшего укрепления потенциала СМВД в борьбе с преступностью XXI в. Нужно отметить, что Содружество уверенно смотрит в будущее и готово к новым вызовам во имя безопасности граждан всех государств – участников СНГ.

УДК 378.2

В.Н. Радоман

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИНИСТЕРСТВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В ПОДГОТОВКЕ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Научная сфера является ключевым элементом инновационного развития современного государства и общества. В этой связи развитию науки и ее кадрового потенциала уделяется особое внимание. Не является исключением и ведомственная наука, которая отражает прикладные потребности силового блока государства. При этом научное обеспечение деятельности системы органов внутренних дел (ОВД) Республики Беларусь сегодня обеспечивают учреждения высшего образования – Академия МВД и Могилевский институт МВД. Следует отметить, что Академия МВД с 2012 г. аккредитована в качестве научной организации, что является результатом планомерной многолетней работы по формированию научного кадрового потенциала. Сегодня только Академия МВД в системе ОВД Республики Беларусь уполномочена осуществлять подготовку научных работников высшей квалификации (НРВК), которая реализуется по четырем специальностям в докторантуре и восьми – в адъюнктуре. В адъюнктуре научно-педагогического факультета (НПФ) Академии МВД могут обучаться сотрудники не только правоохранительных органов Республики Беларусь, но и дружественных государств. В частности, в адъюнктуре НПФ проходили обучение в заочной форме сотрудники МВД Республики Казахстан, один из которых в 2024 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

С 2011 г. в рамках выполнения решения Объединенной коллегии министерств внутренних дел Союзного государства Беларуси и России сотрудники ОВД Республики Беларусь направляются на обучение в адъюнктуру учреждений высшего образования МВД России (в настоящее время в Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя и Санкт-Петербургский университет МВД России). Опыт взаимодействия с учреждениями высшего образования МВД России показал высокую эффективность: 80 % адъюнктов защитили диссертации и вернулись на родину кандидатами наук.

Расширение сотрудничества в области подготовки НРВК, а также тенденция на интеграцию научного и образовательного пространства в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) позволяют допустить, что опыт взаимодействия в

рамках Союзного государства Беларуси и России может быть распространен на учреждения высшего образования и научные организации министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ. Данный вопрос может быть вынесен на рассмотрение Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ (далее – СМВД) и реализован в рамках действующих организационно-правовых форм сотрудничества.

При этом могут быть выделены три основных направления взаимодействия. Первым, ключевым направлением остается полный цикл подготовки НРВК в учреждениях высшего образования и научных организациях министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ. В данной части имеется ряд трудностей, вызванных различиями образовательных программ научно-ориентированного образования (например, отсутствие разделения на адъюнктуру и докторантуру), номенклатур специальностей и т. п. Применительно к законодательству Республики Беларусь можно отметить, что существует возможность как выдать национальный диплом PhD успешно защитившим кандидатскую диссертацию иностранцам, так и пройти процедуру нострификации документа об ученой степени, полученного за границей. У Академии МВД имеется опыт, когда ее сотрудники проходили нострификацию (все успешно защитившие диссертации в Московском университете МВД России), а также когда выпускники адъюнктуры, успешно защитившие диссертацию, получали национальный диплом PhD (указанный выше сотрудник МВД Республики Казахстан). При этом получение искомой ученой степени не является самоцелью, хотя и выступает в качестве показателя эффективности подготовки НРВК, главная задача, как отмечает Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, – получить настоящего ученого, востребованного в государстве и обществе.

Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь ведется планомерная работа в данном направлении, в том числе в рамках СНГ и Евразийского экономического союза. В частности, в мае 2024 г. вступило в силу Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах – членах Евразийского экономического союза, которое нацелено на ликвидацию ограничений для трудовой деятельности ученых в рамках этого союза.

В контексте указанного выше соглашения вторым направлением взаимодействия может стать привлечение в качестве научных руководителей (консультантов) ведущих ученых учреждений высшего образования и научных организаций министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ. Данное направление с учетом возможности использования современных информационно-коммуникационных технологий позволит включать в процесс подготовки НРВК наиболее опытных ученых и представителей ведущих научных школ, что значительно повысит эффективность адъюнктуры и докторантуры. По данным официальной статистики (Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2025 г.), в 2024 г. из 757 выпускников аспирантуры (адъюнктуры) только 54 завершили обучение с защитой диссертации (7 %).

Ведущие ученые учреждений высшего образования и научных организаций министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ также могут быть включены в процесс аттестации НРВК. Опыт последнего был реализован в рамках Академии МВД в 2025 г.: по согласованию с Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь, МВД Республики Беларусь и МВД Российской Федерации в созданный при Академии МВД совет по защите диссертаций Д 06.01.01 включен заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе доктор юридических наук, профессор полковник полиции М.В. Бавсун.

Третьим направлением взаимодействия в подготовке НРВК может стать содействие в апробации и внедрении результатов диссертационных исследований, а также во включении соискателей ученых степеней в выполнение межгосударственных программ научных исследований, проводимых в интересах СМВД. В данной части представляется возможным расширить функции Научно-консультативного совета при СМВД, который создан в 2012 г. в целях научно-методического обеспечения межгосударственного сотрудничества и координации совместной научно-исследовательской деятельности и действует при Всероссийском научно-исследовательском институте МВД России. Реализация этого направления взаимодействия в перспективе позволит не только повысить практическую составляющую диссертационных исследований, но и при необходимости привлечь дополнительное финансирование через грантовые программы государственных научных фондов, если диссертация готовится в рамках международного проекта. Например, белорусские ученые регулярно участвуют в ежегодном совместном конкурсе Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Российского научного фонда по поддержке международных российско-белорусских научных коллективов.

Таким образом, расширение в рамках СНГ интеграции научных и образовательных пространств требует углубления взаимодействия учреждений высшего образования и научных организаций министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ в подготовке НРВК. При этом порядок и особенности такого взаимодействия по решению СМВД СНГ должны отражать специфику подготовки НРВК, в которую включены действующие сотрудники ОВД, и может основываться на имеющихся организационно-правовых формах сотрудничества.

УДК 340.1

В.А. Волков

ДОКТРИНАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В юридической науке нет единства мнений относительно выделения конкретных функций судебной власти. Определенный консенсус достигнут в понимании того, что функции судебной власти можно изначально подразделить на основные, связанные с отправлением правосудия, и обеспечивающие (вспомогательные), к которым необходимо отнести материально-техническую, кадровую, информационно-аналитическую и иные функции. При этом в научных публикациях подчеркивается, что выделение обеспечивающих функций необходимо для сохранения и упрочения независимости судей.

Представляется, что наряду с основными и вспомогательными функциями судебной власти следует выделять и производные функции.

Основные функции – это то, что непосредственно связано с отправлением правосудия. Традиционно под правосудием понимается форма государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел – о преступлениях, гражданских спорах и др.

Вспомогательные функции судебной власти направлены на содействие реализации ее основных функций.

В качестве производных функций судебной власти можно рассматривать корректирующее воздействие решений судов на различные сферы социальной действительности: превентивную (предупреждение правонарушений), воспитательную (привитие гражданам чувства уважения к закону, правам и свободам других лиц), доктринальную (формирование научно обоснованных взглядов на правовые явления) функции.

В эпоху информационного общества, обеспечивающего повсеместное внедрение в различные сферы социальной действительности наукоемких технологий и процессов, первостепенное значение приобретает доктринальная функция судебной власти, которая позволяет обеспечить принятие не только законных и справедливых, но и научно обоснованных судебных решений. Примером осуществления данной функции может служить концептуальная разработка в Посланиях Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» за истекший год таких основополагающих для конституционного права категорий, как конституционная безопасность, конституционный патриотизм, конституционная идентичность и некоторых других.

На доктринальный характер указанных посланий обращалось внимание в научных публикациях. Так, А.Г. Тиковенко отмечено: «В ежегодных посланиях Конституционного Суда о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь содержатся правовые позиции и принципы, рекомендации, оценки юридической практики, выступающие в качестве основы, ориентира для законотворческой и правоприменительной деятельности, формирующие конституционное мышление, конституционные стандарты взаимоотношений личности, общества и государства, основополагающие взгляды на сущность, социальное назначение, юридическую природу Конституции Республики Беларусь, ее место и роль в политической, государственной и правовой системах».

Полагаем, что в целях актуализации доктринальной функции судебной власти целесообразно внесение изменений в Концепцию правовой политики Республики Беларусь (далее – Концепция), утвержденную Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196.

В частности, представляется обоснованным в п. 40 данной Концепции, предусматривающем повышение эффективности правовой политики посредством усиления роли правовой науки, круг субъектов, участвующих в разработке и актуализации приоритетных направлений научно-правовых исследований, дополнить указанием на представителей органов правосудия и правоохранительных органов.

В связи с этим предлагается абзац второй п. 40 Концепции изложить в следующей редакции: «Разработка и актуализация приоритетных направлений научно-правовых исследований, включая диссертационные исследования в области права, должны осуществляться Национальным центром законодательства и правовой информации с привлечением представителей органов правосудия, правоохранительных органов, учреждений высшего образования и общественных объединений профильной юридической направленности».

УДК 340.5

Е.Н. Григорьева

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Согласно п. 56 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, значимая роль в обеспечении безопасности в социальной сфере отводится программам по образованию и молодежной политике.

В соответствии с подп. 3.2 п. 3 Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1, ключевой концепцией нового пятилетия определено формирование самодостаточного и конкурентоспособного государства, в центре внимания которого находится человек. Одним из семи приоритетов на 2026–2030 гг. установлено развитие человеческого потенциала, качественное образование, воспитание гармоничной и патриотичной личности. Объединение рассматриваемых трех компонентов свидетельствует об их неразрывной связи и подчеркивает важность качественного образования и воспитания гармоничной и патриотической личности как неотъемлемых факторов развития интеллектуального и духовно-нравственного потенциала личности в частности и общества в целом.

В подп. 1.18 п. 1 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь об образовании установлено, что образование, в том числе высшее образование как уровень его вида – основного образования, представляет собой обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на интеллектуальное, духовно-нравственное, творческое, физическое и профессиональное развитие личности, удовлетворение ее образовательных потребностей и интересов, а также совокупность приобретенных знаний, умений, навыков и компетенций определенного объема и сложности. Исходя из содержания вышеприведенной легальной дефиниции, следует, что высшее образование представляет собой процесс, включающий в себя такие компоненты, как обучение и воспитание. На первый взгляд, они взаимосвязаны и взаимообусловлены и осуществляют-ся в неразрывном единстве, хотя каждый из них преследует решение исключительно своих задач. Так, задачей обучения является формирование знаний, умений и навыков, которые предопределяют профессиональные компетенции будущего молодого специалиста, задачей же воспитания является формирование духовно-нравственных и нравственно-волевых качеств личности. Несмотря на очевидную разрозненность задач, они преследуют достижение одной цели – формирование высоко-нравственной интеллектуально развитой личности, обладающей ценностно-правовыми ориентациями, соответствующими ценностным установкам общества и государства. Эти ценностные установки находят отражение в идеологии белорусского государства, которая, в свою очередь, исходя из содержания Основ идеологии белорусского государства, утвержденных Директивой Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12, представляет собой систему идей, взглядов и представлений, отражающую национально-исторические традиции, интересы и ценности белорусского народа, и определяет цели развития личности, общества и государства.

Одними из основных приоритетов Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349, наряду с повышением качества национальной системы образования и подготовки квалифицированных кадров выступают как гражданское и патриотическое воспитание молодежи, так и ее правовое воспитание. Задачами правового воспитания являются развитие правовой культуры молодежи и обеспечение комплексного подхода к повышению ее уровня, формирование правовой компетенции молодежи. Проявленность правовой компетенции должна не ограничиваться исключительно знанием правовых норм, умением их применять, а выражаться в сформированной внутренней потребности соблюдать требования актов законодательства. Полагаем, что рассматриваемая внутренняя потребность по соблюдению требований нормативных предписаний представляет собой духовную потребность личности, в основе которой должны находиться ее устойчивые нравственно-правовые ценности и высокая правовая культура.

В Стратегии развития системы образования Республики Беларусь до 2035 года, утвержденной решением коллегии Министерства образования Республики Беларусь от 12 декабря 2024 г. № 19.33, подчеркивается, что важной составной частью развития образования является неотделимость обучения от воспитания, и определяются такие характерные черты образования, как формирование духовности, культуры; целостное развитие всех сторон личности; национальная направленность, обеспечивающая сочетание образования с историей и народными традициями, сохранение и обогащение национальных ценностей. Последняя черта свидетельствует о ее социально-исторической обусловленности, основанной на национально-культурной идентичности белорусского народа как патриотической ценности, и выступает критерием формирования и становления духовной сферы личности молодого человека.

Наряду с национально-культурной идентичностью и исторической памятью патриотическими ценностями белорусского народа согласно Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773, являются: Родина (место рождения человека, страна, в которой он родился, культурно-историческая среда, созданная предками); Отечество (страна, государство, с которым личность связана системой отношений, регламентированных правами и обязанностями); семья, преемственность поколений, нация; государственность, государственный суверенитет Республики Беларусь; государственная символика Республики Беларусь (флаг, герб, гимн); национальная культура.

Любовь к Родине, малой родине, уважение и защита Отечества, знание национальной (отечественной) истории, уважительное отношение к старшим, забота о младших и ответственность за них, служение народу, единство современной белорусской нации, понимание национальной идеи как мировоззренческой основы консолидации белорусского общества, знание исторических форм государственности на территории Беларуси и национальной белорусской государственности, готовность к защите и укреплению государственного суверенитета Республики Беларусь, уважительное отношение к представителям различных конфессий, национальностей, социальных групп, знание и уважение наиболее значимых достижений и традиций национальной культуры представляют собой облеченные в правовую форму патриотические ценностные ориентации, которые приобретают черты правовых.

Вышеизложенное свидетельствует о высокой степени заинтересованности государства и общества в формировании ценностно-правовых ориентаций современной белорусской молодежи как стратегической цели сохранения и укрепления государственного суверенитета и национальной безопасности посредством их нормативно-правовой институализации и при помощи правовой регламентации механизма их формирования у молодого поколения через образовательную среду.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство (ст. 1 Конституции Республики Беларусь). Несмотря на существующие негативные общемировые тенденции в развитии человечества (социальная справедливость и социальная ответственность государств перед гражданами подменяются глобальными интересами стран, стремящихся доминировать в мире; старение населения, высокая смертность; нехватка ресурсов, истощение экосферы, изменение климата и рост техногенной нагрузки на окружающую природную среду; увеличение количества и масштабов чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе связанных с урбанизацией), в целях реализации социальной политики нашего государства проводится системная целенаправленная работа по эволюционному развитию личности, общества и государства. В Республике Беларусь сформирована собственная модель общественного развития, ключевыми достижениями которой являются среди прочих высокий уровень общественной безопасности, отсутствие резкого социального и имущественного расслоения, доступность и высокое качество медицины, образования и социального обслуживания (согласно Директиве Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства»). При этом стратегическими национальными интересами являются всемерная защита народа Беларуси, устойчивое социально-экономическое развитие, благополучие граждан, создание комфортных условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала (п. 8 Концепции национальной безопасности, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5).

Увеличение народонаселения, повышение благосостояния и уровня жизни граждан также является одним из стратегических интересов Союзного государства Беларуси и России (п. 27 Концепции безопасности Союзного государства, утвержденной постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. № 14).

Безусловным подтверждением социальной ориентированности политики государства является принимаемая раз в пять лет Программа социально-экономического развития Республики Беларусь (далее – Программа) (на 2026–2030 гг. утверждена решением Всебелорусского народного собрания 19 декабря 2025 г. № 1). В данном комплексном документе на основе анализа достигнутых результатов, проблемных аспектов в социально-экономическом развитии предыдущего пятилетнего периода устанавливаются цели и приоритеты на ближайшие пять лет.

Так, на 2026–2030 гг. определены семь приоритетов: 1) национальная демографическая безопасность – сохранение населения, укрепление здоровья нации и поддержка семьи; 2) развитие человеческого потенциала, качественное образование, воспитание гармоничной и патриотичной личности; 3) создание качественной и удобной среды для жизни; 4) рост конкурентоспособности, ускорение технологического развития и цифровая трансформация; 5) сильные регионы; 6) укрепление обороноспособности государства и развитие оборонного сектора экономики; 7) реализация туристического потенциала.

Одним из важных механизмов реализации запланированных мер станут государственные программы. При этом в Программе отмечается, что достижение обозначенных целей требует тесного и конструктивного взаимодействия государства, бизнеса и общества, объединения усилий всех слоев населения.

И действительно, как показывает многовековой опыт поколений наших граждан, только совместными усилиями возможно разрешить самые сложные, иногда кажущиеся невероятными задачи. Наши предки благодаря мобилизации всех имеющихся личных и общественных ресурсов смогли одержать победу в самой кровопролитной Великой Отечественной войне, восстановить в кратчайшие сроки разрушенные города и села, наладить работу предприятий, учреждений и организаций. Подростки и взрослые работали по 12–14 часов в сутки, без отпусков и иных социальных благ и гарантий трудящихся.

Однако свойство человеческой памяти забывать со временем информацию вместе с потоком сведений, носящих иногда скрытый деструктивный подтекст о легкости жизни, гедонистическому к ней отношению, забвению смерти и исключению обязанностей у человека (популярные лозунги у молодежи – «Никто никому ничего не должен»; «Хочешь – делай, не хочешь – не делай»), представляют угрозу достижению вышеобозначенных социальных гуманистических целей развития нашего общества и государства.

В.И. Павлов отмечает, что при достижении достаточно благополучного уровня материального достатка начинается необратимая трансформация сознания. Любой опыт лишения граждане в обществе потребления воспринимают как катастрофу, поэтому здоровое общество с хозяйственно-бытовой точки зрения должно уметь упрощаться и терпеть, однако в условиях общества потребления это невозможно. В этом и заключается основное противоречие между обществом потребления и традиционным государством. Государство традиционного типа, закономерно напоминающее о необходимости помнить цену комфорта через интенсивный труд, контроль и репрессию, нарушает идиллию потребления.

При этом излишнее проявление «заботы» государства о своих гражданах может приводить к отмиранию (атрофии) способностей у человека самостоятельно разрешать личные проблемы, выбирать из нескольких вариантов действия наиболее оптимальное в складывающейся обстановке, планировать свою жизнь и просчитывать возможные трудности на ее пути, т. е. обеспечивать в определенном объеме свою жизнедеятельность. В случае же возникновения экстраординарных событий, например природного (сильный снегопад, ураган) или техногенного характера, человек будет не способен самостоятельно предвосхитить наступление для себя трудностей (не иметь минимального запаса воды и продуктов питания, лекарственных средств, средств индивидуальной защиты), оказать себе базовую помощь. Комфорт и шаговая доступность многих социальных благ формируют в сознании индивида установку, что и в особых условиях к нему по первому звонку в кратчайшие сроки придут соответствующие специальные службы (ресурсы которых по объективным причинам в этих условиях могут быть

ограничены), он без проблем сможет приобрести в шаговой доступности в магазине, аптеке необходимые товары (которые будут закрыты по причине отсутствия, например, электричества, невозможности доставки товаров). В итоге может сформироваться тип личности «социального инвалида» или «иждивенца», которому общество и государство должны обеспечить полный набор социальных благ, а своей роли и участия в данном процессе он не видит либо считает их минимальными.

Кроме того, непонимание своих обязанностей (которые закреплены в том числе нормативно), обнародование своих искаженных представлений о своих правах, например в сети Интернет, с учетом не критичности восприятия информации отдельными членами общества могут увеличить риск возникновения социальной напряженности, усложнить работу государственных органов по обеспечению жизнедеятельности большинства наших граждан.

Неслучайно Конституция на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. была дополнена рядом жизненно необходимых норм, направленных на правильное понимание и восприятие гражданами своих прав и обязанностей, коммуникации в системе «личность – общество – государство»: о сохранении национальной самобытности и суверенитета, культурных и духовных традиций, обеспечении социальной справедливости; право и обязанность родителей или лиц, их заменяющих, воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси. Так, в ст. 21 закреплена обязанность каждого проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства; в части второй ст. 2 – гражданин ответственен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией; в части первой ст. 45 – граждане заботятся о сохранении собственного здоровья; в части второй ст. 54 – сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь; в ст. 55 – охрана природной среды и бережное отношение к природным ресурсам – долг каждого.

А.Г. Лукашенко отмечал еще 8 мая 2012 г. в Послании белорусскому народу и Национальному собранию: «Задача государства – создать условия для тех, кто может работать, и помочь слабым. Все остальное в руках самих людей». Данный посыл Президента раскрыт в Директиве от 2 апреля 2025 г. № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины»: успешное развитие Республики Беларусь возможно при условии эффективного управления и строгой производственно-технологической, трудовой, служебной и исполнительской дисциплины в купе с совместной работой государственных органов всех уровней, организаций независимо от формы собственности и граждан. Добросовестным, ответственным, творческим отношением к служебным обязанностям, высокопроизводительным использованием рабочего времени каждый из нас вносит свой вклад в общее благосостояние и устойчивость страны.

Таким образом, можно резюмировать, что эволюционное развитие нашего общества, достижение поставленных целей в социально-экономическом развитии возможно только при условии правильного понимания и реализации своих прав и обязанностей каждым субъектом правоотношений в системе «личность – общество – государство». При этом уполномоченные субъекты должны: во-первых, на постоянной основе разъяснять требования законодательства и проводимой государственной политики в различных сферах; во-вторых, приводить положительные примеры достижений в развитии нашего общества и государства в исторической ретроспективе и в сравнении с иными субъектами на международной арене, воздействуя на эмоциональную сферу личности, вызывая чувство гордости и удовлетворения.

УДК 340.132

Н.М. Дубрава

ПРАКТИКА ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Органы внутренних дел Республики Беларусь, в первую очередь в лице Министерства внутренних дел Республики Беларусь (МВД Республики Беларусь), выступают в качестве субъекта как официального, так и неофициального толкования норм права. Осуществляя официальное толкование, МВД Республики Беларусь может использовать инструменты как аутентичного (в случае толкования принятых МВД Республики Беларусь нормативных правовых актов – постановлений), так и легального толкования правовых предписаний (в случае делегирования МВД Республики Беларусь полномочий по толкованию нормативных правовых актов других нормотворческих органов (должностных лиц)).

Анализ практики официального толкования МВД Республики Беларусь в настоящее время затруднен. Причина такого положения проста – отсутствие актов официального толкования МВД Республики Беларусь. В случае необходимости установления смысла правовых предписаний, а также конкретизации правовых норм, что безусловно свидетельствует о правотолковательной деятельности, МВД Республики Беларусь прибегает к изданию правовых актов (ненормативных и (или) локальных) либо к разработке методических изданий (как форме реализации неофициального, профессионального толкования). Так, в соответствии с подп. 9.4 п. 9 Указа Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611 «Вопросы Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел» (далее – Указ) МВД Республики Беларусь в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством принимает правовые акты и осуществляет контроль за их исполнением, участвует в подготовке проектов законодательных и других нормативных правовых актов, а в соответствии с подп. 11.6 п. 11 данного Указа Министр внутренних дел издает в пределах своей компетенции приказы, распоряжения, обязательные для исполнения сотрудниками и гражданским персоналом органов внутренних дел, военнослужащими и гражданским персоналом внутренних войск, отменяет противоречащие законодательству правовые акты должностных лиц органов внутренних дел, внутренних войск. Разработка же методических изданий, немалое количество которых в системе органов

внутренних дел свидетельствует о их востребованности, обоснована наличием у МВД Республики Беларусь полномочий по обобщению практики применения законов и иных нормативных правовых актов в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, разработке предложений по их совершенствованию, предусмотренных подп. 9.3 п. 9 Указа, а также приказом МВД Республики Беларусь от 4 июля 2017 г. № 188 «Об организации методического обеспечения служебной деятельности органов внутренних дел».

Подобная ситуация для МВД Республики Беларусь не нова. Еще в период существования СССР Н.Л. Гранат писала: «МВД СССР является субъектом ведомственного по преимуществу правотворчества и издает множество различных правовых актов, в том числе интерпретационных. Однако для последних пока не предусмотрена особая форма, отличная от формы других правовых актов МВД СССР. Поэтому интерпретационные акты не издаются в „чистом виде“, как, например, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР. Практика МВД СССР пошла по пути издания „смешанных“ актов, то есть интерпретационные нормы могут содержаться в различных правовых актах». В качестве примера Н.Л. Гранат приводит несколько приказов, инструкций и указаний, явно содержащих интерпретационные положения (правотолковательные). Например, в приказе МВД СССР № 3-1985 г. «Об объявлении постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 г.» воспроизводится текст указанного постановления, в котором разъясняется порядок применения ст. 209 Уголовного кодекса РСФСР, а также дается разъяснение содержания таких понятий, как «попрошайничество» (часть вторая п. 1 постановления), «нетрудовые доходы» (часть четвертая п. 1 постановления), «лицо, проживающее на нетрудовые доходы» (часть пятая п. 1 постановления); Инструкция об организации и тактике установления личности гражданина по непознанным трупам, больных и детей, которые по состоянию здоровья не могут сообщить о себе сведения, утвержденная приказом МВД СССР от 14 января 1986 г., толкует статьи Уголовно-процессуального кодекса РСФСР путем указания примет, признаков профессии, одежды и т. п.; в указании МВД СССР от 3 ноября 1986 г. № 101-118/81 «О мерах по обеспечению законности разрешения заявлений и сообщений о безвестном исчезновении граждан, своевременного раскрытия преступлений» дан исчерпывающий перечень признаков, дающих основания для возбуждения уголовных дел по сообщениям и заявлениям граждан о без вести пропавших лицах, т. е. толкование ст. 108–110 и 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Интересным представляется тот факт, что в СССР имели место случаи толкования нормативных правовых актов, которые уже были подвергнуты толкованию иными органами, и данное толкование отлично от ранее осуществленного. Так, постановление Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1985 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» предусмотрено, что к крепким спиртным напиткам домашней выработки кроме самогона, чачи, араки, тутовой водки, браги относятся также иные спиртные напитки, выработанные путем отделения, перегонки алкогольной массы от продуктов брожения зерна, сахара и других продуктов. В свою очередь, в указании МВД СССР от 16 ноября 1987 г. № 70 «Об использовании служебных собак в борьбе с самогонварением» дается иное толкование: «Крепкими спиртными напитками домашней выработки считается жидкость любого цвета с содержанием спирта более 18 %, полученная путем перегонки спиртосодержащей массы (браги, вина), приготовленной из различного углеводосодержащего сырья в домашних условиях».

В настоящее время в МВД Республики Беларусь также не исключено многообразие форм правовых актов. Помимо вышеуказанных приказов и распоряжений Министра внутренних дел Республики Беларусь, издание которых предусмотрено подп. 11.6 п. 11 Указа, в соответствии с Инструкцией по делопроизводству в органах внутренних дел и внутренних войсках Министерства внутренних дел, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 259, в органах внутренних дел принимаются (издаются) такие правовые акты, как указания, решения, инструкции, положения, уставы, постановления.

Помимо вышеизложенного принятию решений органами внутренних дел способствуют не только инструменты профессионального (неофициального) толкования – вышеуказанные методические издания, но и инструменты научного (доктринального) толкования – научно-практические комментарии к нормативным правовым актам (например, научно-практический комментарий к Кодексу об административных правонарушениях Республики Беларусь и научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь) и практические пособия, разработчиками которых в том числе становятся представители органов внутренних дел. Возможность издания таких научно-практических комментариев, а также практических пособий, в том числе обеспечивающих реализацию нормативных правовых актов, предусмотрена п. 1 ст. 73 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА). Достоинство таких комментариев, как отметил В.С. Каменков, заключается в том, что их «должны и могут готовить только юристы, имеющие не только высшее юридическое образование, научную степень и звание, но и практический опыт по анализу правоприменения (судебной, следственной, нотариальной, адвокатской, медиативной и др.) практики». В таких случаях можно вести речь о профессионально-доктринальном толковании, которое основано на компиляции глубоких теоретических знаний и навыков ученых и устойчивой практики применения норм права конкретными субъектами правоприменения (органами (организациями), должностными лицами).

Безусловно, многообразие форм правовых актов (в том числе неправовых актов на примере методических изданий, научно-практических комментариев, практических пособий), а также неоднозначность характера их содержания (что является отдельным предметом исследования) вызывают на практике определенные сложности, выражающиеся как в поиске необходимого акта, так и в определении его юридической силы и возможности официально апеллировать им при принятии решений. Решение этой проблемы возможно в законодательном закреплении субъекта, порядка осуществления (процедуры) и однозначной формы выражения неофициального (профессионального и доктринального) толкования и определения его юридической силы, а также в расширении практики официального толкования нормативных правовых актов (аутентического и легального (делегированного), в том числе судебного), тем самым в реализации норм права ст. 73 Закона о НПА.

СООТНОШЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР И ВРЕМЕННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ С КОНСТИТУЦИОННЫМИ ПРАВАМИ ЛИЧНОСТИ

Конституционной аксиомой является определение человека, его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью и целью общества и государства. В правовом государстве ограничение прав человека имеет характер исключения из обычного режима нормативно-правового регулирования, допускаемого в том числе в период введения чрезвычайного положения (ЧП) и военного положения (ВП) в целях нормализации обстановки, устранения угрозы безопасности населения, обеспечения прав и свобод других лиц. Для правового регулирования соответствующего института необходимым является определение основных аспектов пределов ограничения (приостановления) прав и свобод человека в период введения особых правовых режимов (ОПР). Одним из таковых, на наш взгляд, является законодательно установленный закрытый перечень чрезвычайных мер и временных ограничений (приостановлений). Учитывая предметный интерес отрасли конституционного права, рассмотрим чрезвычайные меры, подлежащие применению в период введения особых правовых режимов, через призму ограничиваемых (приостанавливаемых) конституционных прав и свобод человека.

Свобода хозяйственной деятельности (ст. 13 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция)) может быть ограничена в следующих формах: установление ограничений (запретов) производства и (или) реализации товаров (работ, услуг); установление особого порядка продажи, приобретения и распределения товаров; ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, пиротехнических средств, специальных средств, ядовитых веществ, алкогольной продукции, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные, сильнодействующие вещества (абз. 6, 7 часть первая ст. 11, абз. 6 часть первая ст. 13 Закона Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении» (далее – Закон о ЧП); абз. 7 часть первая ст. 15 Закона Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-З «О военном положении» (далее – Закон о ВП)).

Право на свободу, неприкосновенность и достоинство личности гарантируется ст. 25 Конституции. При этом конституционной нормой предусматривается, что ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом. В ординарных условиях функционирования государства уголовно-процессуальным и административно-процессуальным законодательством предусмотрен ряд правовых мер, ограничивающих данную группу прав. Одновременно установлена возможность задержания граждан, нарушивших режим комендантского часа; проведения личного досмотра, досмотра вещей, жилища и транспортных средств граждан (абз. 6 часть первая ст. 13, ст. 26 Закона о ЧП; абз. 6 часть первая ст. 15 Закона о ВП).

В период ЧП и ВП посредством проведения досмотра жилища, предусмотренного абз. 6 частью первой ст. 13 Закона о ЧП; абз. 6 частью первой ст. 15 Закона о ВП, может ограничиваться конституционное право на неприкосновенность жилища и иных законных владений (ст. 29 Конституции).

Право на свободу передвижения и выбор места жительства (ст. 30 Конституции) может ограничиваться введением комендантского часа, особого режима въезда на территорию введения ОПР и выезда с нее, установлением ограничений на свободу передвижения, запретов или ограничений на выбор места жительства и места пребывания, временным отселением жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением им временных жилых помещений (абз. 3, 4 часть первая ст. 11, абз. 2 часть первая ст. 12 Закона о ЧП; абз. 5, 13, 15 часть первая ст. 15 Закона о ВП).

Предусмотренные ст. 33 Конституции свобода мнений, убеждений, их свободное выражение, запрет цензуры и монополизации средств массовой информации могут приостанавливаться ограничением свободы печати и других средств массовой информации, доступа к интернет-ресурсам, сетевым изданиям, новостным агрегаторам (абз. 11, 12 часть первая ст. 11 Закона о ЧП; абз. 34, 35 часть первая ст. 15 Закона о ВП), введением цензуры (абз. 9 часть первая ст. 15 Закона о ВП; абз. 2 часть первая ст. 13 Закона о ЧП).

В абз. 9 части первой ст. 11 Закона о ЧП, абз. 3 части четвертой ст. 11 Закона о ВП установлена возможность запрета или ограничения проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, право на проведение которых, при условии соблюдения правопорядка и прав других граждан, установлено ст. 35 Конституции.

Свобода объединений (ст. 36 Конституции) ограничивается (приостанавливается) при установлении запрета на создание политических партий, иных общественных объединений, их союзов (ассоциаций), приостановлении их деятельности в случае нарушения ими законодательства о ВП, препятствии устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения ЧП (абз. 25, 26 часть первая ст. 15 Закона о ВП; абз. 3 часть первая ст. 13 Закона о ЧП).

Конституционно установленный запрет на проведение выборов в период ЧП и ВП (часть шестая ст. 71 Конституции) ограничивает осуществление гражданами своих избирательных прав, предусмотренных ст. 38 Конституции.

Право на забастовку (часть третья ст. 41 Конституции) может ограничиваться отложением (приостановлением, запрещением) их проведения, но не более чем на трехмесячный срок (абз. 9 часть первая ст. 11 Закона о ЧП; абз. 27 часть первая ст. 15 Закона о ВП).

Закрепленное в ст. 44 Конституции право собственности может ограничиваться при временном изъятии у граждан и организаций оружия и боеприпасов, ядовитых веществ, боевой и учебной военной техники, взрывчатых и радиоактивных веществ, химически опасных веществ, имущества, находящегося в собственности, необходимого для нужд обороны, в том числе жилых или нежилых помещений для проживания или размещения временно отселенных граждан (абз. 7, 17 часть первая ст. 15 Закона о ВП).

Право граждан участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей (ст. 37 Конституции) тесно сопрягается с другими политическими правами и свободами, что предопределяет

возможность его ограничения посредством выше рассмотренных мер (например, запретом на проведение публичных мероприятий, приостановлением (запрещением) деятельности политических партий, запретом проведения выборов и референдумов).

В рамках рассмотрения возможности ограничения прав и свобод человека в условиях ОПР следует отметить, что иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами (ст. 11 Конституции). В отношении последних возможно установление ограничений (запретов) на въезд на территорию, на которой введено ЧП и ВП, и пребывание на ней (абз. 4 часть первая ст. 11 Закона о ЧП; абз. 16 часть первая ст. 15 Закона о ВП). При введении ВП в качестве особой меры возможно интернирование граждан иностранного государства, совершивших нападение (абз. 19 часть первая ст. 15 Закона о ВП).

Проведенный анализ позволяет заключить, что перечень применяемых в условиях ЧП мер и временных ограничений (приостановлений) закрытый, не подразумевает расширительного толкования и дифференцирован в зависимости от характера возникших чрезвычайных обстоятельств. Порядок их применения с указанием ответственных за это государственных органов устанавливается Правительством (часть вторая ст. 11, часть вторая ст. 12, часть вторая ст. 13 Закона о ЧП). Объем ограничения указанных прав зафиксирован посредством перечисления полномочий чрезвычайной компетенции государственного аппарата. При введении ВП уполномоченными государственными органами помимо мер по обеспечению ВП, указанных в части первой ст. 15 Закона о ВП, могут применяться иные меры, предусмотренные законодательными актами (часть вторая ст. 15 Закона о ВП). Данное положение, полагаем, обоснованно и целесообразно при соблюдении установленных законодательством пределов ограничения прав и свобод человека по ряду причин. Во-первых, правовая природа ЧП и ВП различна. Во-вторых, специфика угроз, являющихся основанием введения ВП и требующих оперативного и гибкого реагирования, может требовать применения иных, не предусмотренных законом мер, нестандартных решений, которые невозможно заранее предусмотреть. В-третьих, при введении ВП применяемые государством меры и ограничения (приостановления) направлены на обеспечение основного суверенного приоритета – обеспечение территориальной целостности, суверенитета и существования государства, жизни и здоровья людей. При этом, по мнению Конституционного Суда Республики Беларусь, выраженному в решении от 10 марта 2022 г. № Р-1303/2022, «расширение защитных мер реагирования на современные вызовы и угрозы национальной безопасности, усиление обязанностей участников правоотношений должны быть уравновешены соблюдением принципов соразмерности, правовой определенности, а также процессуальными гарантиями эффективной судебной защиты права на свободное выражение мнения».

УДК 343.9

К.Ю. Ковальчук

ПРАВО НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КАК ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В современном мире свобода передвижения признается фундаментальным правом любого человека, обеспечивающим каждому возможность беспрепятственного перемещения как внутри страны пребывания, так и за ее пределами. Она играет центральную роль в формировании полноценной жизнедеятельности человека и служит одним из важнейших проявлений его индивидуальной свободы.

Сегодня право на свободу передвижения в законодательстве многих государств имеет конституционную основу. Не является исключением Республика Беларусь и Российская Федерация, где право на свободу передвижения и выбора места жительства гарантируется Конституцией (ст. 30 и 27 соответственно). Анализ данных норм Конституций свидетельствует, что право на свободу передвижения предполагает право свободно как передвигаться внутри страны и выбирать в ней место жительства, так и выезжать из страны и возвращаться обратно. Однако подходы к определению субъектов, на которых распространяется право на свободу передвижения, в Конституциях Республики Беларусь и Российской Федерации имеют существенные отличия. Ключевое отличие – в области распространения.

Открытый подход к определению субъектов демонстрирует ст. 27 Конституции Российской Федерации, предоставляя право всем законно пребывающим на ее территории независимо от национальности, гражданства. В то время как ст. 30 Конституции Республики Беларусь, напротив, придерживается более закрытой модели, ограничивая действие соответствующих прав исключительно на граждан Беларуси. Необходимо отметить, что ст. 27 Конституции Российской Федерации конкретизирует, что данное право доступно лишь тем, кто законно пребывает на территории страны, что является важным уточнением, особенно в контексте правового статуса иностранцев и апатридов. Иными словами, лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации, но законно находящиеся на ее территории, также обладают этим правом в соответствии с законодательством.

Конституционная доктрина обеих стран сегодня исходит из того, что любое право может быть ограничено в определенных ситуациях, руководствуясь конституционными принципами и защищая конституционно значимые ценности. Применительно к праву на свободу передвижения и выбор места жительства возможность ограничения указанных прав прямо вытекает из содержания Основного закона и соответствует международным нормам. Следует согласиться с К.Д. Сазоном, что конституционные принципы и нормы выступают необходимым правовым фундаментом обеспечения реализации права граждан на свободу передвижения и выбор места жительства, а также обязанностью государства создавать необходимые условия для полной реализации гражданами своих прав и свобод.

Необходимо отметить, что право государства в ограничении данного права предусматривается Конституциями обеих государств применительно к любому праву, определяя только основания такого ограничения. При этом подходы к основаниям

для таких ограничений в Республике Беларусь и Российской Федерации отличаются. В Беларуси эти основания четко определены и детализированы: защита национальной безопасности, общественного порядка, здоровья граждан или прав и свобод других лиц. В Российской Федерации же ограничения, устанавливаемые федеральным законом, охватывают более широкий спектр целей, включая защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других, а также обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Любое право, закрепленное в Основном законе, соответствует чьей-то обязанности. Порядок реализации права на свободу передвижения в обоих государствах закреплён на законодательном уровне. В Российской Федерации – в Законе Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», который устанавливает правовые рамки для реализации гражданами Российской Федерации свободы передвижения в пределах страны, обеспечивает защиту конституционных гарантий граждан, касающихся их права на свободное передвижение и выбор места жительства, а также определяет порядок учета граждан по месту их временного пребывания и постоянного проживания, что является условием для осуществления ими своих социальных прав и выполнения государственных обязательств.

В Республике Беларусь – в Законе Республики Беларусь от 20 сентября 2009 г. № 49-З «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь», который обеспечивает конституционное право граждан Республики Беларусь свободно покидать Республику Беларусь и беспрепятственно возвращаться обратно; создает правовую основу для ограничения права на выезд; определяет компетенцию государственных органов по надзору за соблюдением установленных правил.

Сопоставление подходов, закрепленных в Конституции Республики Беларусь и Конституции Российской Федерации применительно к праву на свободу передвижения, позволяет сделать следующие выводы:

на высшем законодательном уровне обоих государств закреплены нормы, служащие основой для формирования и реализации миграционной политики;

различные подходы в принципах конституционного регулирования прав: открытая модель в Российской Федерации и закрытая модель в Республике Беларусь. Первый подход ориентирован на защиту прав не только граждан, но и иностранцев и апатридов; второй, напротив, подчеркивает приоритет прав граждан перед правами нерезидентов. При этом подход Республики Беларусь соответствует традиционной концепции гражданства как основного критерия конституционных гарантий;

государственная миграционная политика Российской Федерации направлена на мультикультурность и экономическую интеграцию (привлечение трудовых мигрантов, развитие туризма), в то время как Республика Беларусь защищает интересы своих граждан. При этом указанные подходы подкрепляются правовыми гарантиями.

Таким образом, различие в конституционных подходах Республики Беларусь и Российской Федерации отражает несовпадающие приоритеты двух государств – баланс между открытостью и защищенностью национального правового пространства. Это влияет не только на внутреннюю политику (миграцию, интеграцию), но и на восприятие стран на международной арене. Вместе с тем интеграция сопровождается негативными явлениями, в том числе ростом преступности и такого явления, как незаконная миграция, особо опасной формой которой является ее организация.

Высокая степень общественной опасности организации незаконной миграции говорит о ее особом месте в системе общественных отношений, охраняемых законом. Незаконная миграция влечет за собой на территории государства такие негативные последствия, как возникновение межнациональных конфликтов, угроза изменения демографической ситуации, рост отдельных видов преступлений, включая транснациональную преступность, расширение сфер влияния терроризма, повышение уровня организованной преступности и коррупционных проявлений.

Миграционная политика в Республике Беларусь и Российской Федерации направлена на создание условий, обеспечивающих национальную безопасность, устойчивый экономический рост, повышение качества жизни граждан, демографическое развитие, защиту рынка труда и интеграцию в рынок труда мигрантов. В связи с глобализацией миграционных процессов считаются необходимыми формирование и внедрение системы противодействия организации незаконной миграции в Российской Федерации и Республики Беларусь, в том числе в рамках создания Союзного государства.

УДК 340.144.5

А.А. Козел

ТИП ПРАВОПОНИМАНИЯ КАК ВЕКТОР ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одной из ключевых тем юриспруденции как прошлого, так и настоящего остается тема правопонимания. Иными словами, с момента становления юридической науки в правоведении идет перманентный поиск ответов на вопросы: что есть право и в чем его сущность? В зависимости от ответа на эти кажущиеся простыми вопросы в теории права сформировалось несколько доктрин (учений, теорий). В отечественной учебной и монографической юридической литературе рассматриваются такие основные типы правопонимания, как естественно-правовой, нормативистско-позитивистский, социологический, либертарно-юридический (смотри, например, учебник «Общая теория государства и права» А.Ф. Вишневого, Н.А. Горбатка, В.А. Кучинского). В российском правоведении говорится также об исторической школе правопонимания: психологической, коммуникативной, антропологической. Как справедливо полагает известный российский правовед Н.В. Варламова, от теоретической позиции ученого-юриста зависит вся юридическая догматика (теоретико-понятийный аппарат правопонимания).

Вместе с тем право – это не только теоретическая конструкция, но и особый социальный институт, имплицитно пронизывающий все основные сферы общественной и индивидуальной жизнедеятельности. Правовоспитательная работа, проводимая в Республике Беларусь, нацелена на формирование у граждан такого правосознания-правопонимания, в котором право предстает особой духовной ценностью народа, а знание права и следование его предписаниям – обязанностью. Поэтому от понимания сущности права, на наш взгляд, зависит состояние всей правовой сферы государства, особенно такой важной, как правоохранительная деятельность. Анализируя основные типы правопонимания, мы предлагаем обращать внимание не на их особенности, а на то, что их может объединить. Естественно-правовую концепцию иногда определяют как нравственную или философскую. Видимо полагая, что к праву она имеет весьма отдаленное отношение. Если же мы обратимся к истокам естественно-правовых взглядов, а их мы находим в античности, то заметим, что космоцентризм греков требовал установления в полисе такого же гармонично-красивого порядка-права, какой уже был в Космосе. Идея следующая: космические, читай естественные природные, законы универсальны, их следует интегрировать в полисное общежитие. Для этого необходимо соблюсти демократические процедуры: законы в полисе-государстве обсуждаются и принимаются всеми гражданами, их цель – общее благо и воспитание граждан. Все это греки называют справедливостью. В этом, на наш взгляд, суть (сущность) естественно-правовой концепции. Закон, право, справедливость едины, единосущны. Сотрудник органов внутренних дел, служа закону, охраняет право-справедливость. Сущность права, а следовательно, и правоохранительной деятельности органов внутренних Республики Беларусь состоит в следовании справедливости.

В нормативистско-позитивистском типе правопонимания сущность права видится в законах (нормах), принятых государством. Эти законы (нормы) призваны регулировать наиболее важные общественные отношения, что формирует предсказуемый правопорядок. Несмотря на декларирование необходимости избавления от оценочных и ценностных суждений в праве, имеются в виду прежде всего такие конструкции, как справедливость, равенство перед законом, сторонники правового нормативизма-позитивизма видят ценность и справедливость права в строгом его формализме и высокой юридической технике.

Социологический тип правопонимания выстроен на осознании тотальной социальности права: истоки права, само право и его назначение социально обусловлены, как полагают сторонники социологического понимания права. В самом общем виде их позицию можно выразить положением: «Право творит общество, а не государство». Один из разработчиков такого подхода к праву Г. Гурвич, рассматривая естественно-правовой, нормативистско-позитивистский и социологический типы правопонимания в диалектическом единстве, определил право как попытку добиться справедливости с помощью юридических процедур и государственного принуждения.

Автор либертарно-юридического типа правопонимания В.С. Нерсисянц определял право как меру свободы, выраженной в нормах, целью которых является справедливость.

Таким образом, на наш взгляд, правопонимание в правовой теории приобрело статус категории, фундирующей как всю юридическую науку, так и правоохранительную и правотворческую практики. С теоретической стороны декларируемые отечественной юридической наукой особенности типов правопонимания (естественно-правового, нормативистско-позитивистского, социологического, либертарно-юридического) не носят антагонистического характера, поскольку их интегрирует другая фундаментальная правовая категория – справедливость. В отечественной юридической литературе и нормативных правовых актах правовая категория «справедливость» некорректно отождествляется с социальной справедливостью, которая является социально-экономической, а не юридической категорией. Получая закрепление в нормативных правовых актах, она декларирует достойную заработную плату, право на жилье, бесплатную медицинскую помощь, образование и т. д. Содержанием же правой справедливости выступает закон, обсужденный и принятый собранием граждан и направленный на достижение общего блага. Справедливость как юридическая категория и справедливость как социально-экономическая категория находятся в родо-видовой взаимосвязи, но не сводятся одно к другому.

С практической стороны, заявляя справедливость в качестве интегратора рассматриваемых нами типов правопонимания и одного из основополагающих принципов права, юриспруденция ориентирует на привлечение к правотворчеству широких слоев граждан, а правоохранительную работу органов внутренних дел Республики Беларусь – на защиту естественных прав и свобод человека и гражданина в рамках отечественной нормативно-правовой базы.

УДК 351.74(09)

С.Ф. Лапанович

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД ОСВОБОЖДЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ БССР ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ (1943–1945 гг.)

Началом восстановления деятельности милиции в Беларуси можно считать осень 1943 г., когда были освобождены от фашистов Хотимский, Костюковичский, Мстиславский, Славгородский и Кличевский районы. Этой же осенью в г. Кондрово Смоленской области созданы оперативно-чекистские группы, задача которых – непосредственная подготовка к восстановлению органов милиции на освобожденной территории республики.

Оперативно-чекистская группа управления НКВД по Могилевской области, возглавляемая полковником милиции В.И. Сыромолотовым, направляла в освобожденные районы своих работников, успешно выполнивших задачи по восстановлению общественного порядка в райцентрах и других населенных пунктах. Такая же группа управления НКВД по Витебской области, созданная немного позже и руководимая П.Е. Крысановым, на первых порах оказывала большую помощь партизанам, действовавшим на территории области, еще занятой врагом. Действовали и другие оперативно-чекистские группы, которые

одновременно с передовыми частями Красной Армии прибывали в освобожденные от нацистских войск районы. Их задача – принимать самые неотложные меры по восстановлению разрушенного хозяйства, оказывать помощь войскам Красной Армии, обеспечивать общественный порядок, брать на учет всех прислужников фашистов, проводить сбор трофейного оружия и т. д.

Работа по восстановлению деятельности милиции активно осуществлялась по мере освобождения территории республики. В конце 1943 г. Президиум Верховного Совета БССР издал Указ о разделении НКВД БССР, который в этот период находилось еще за пределами Беларуси, на два наркомата – внутренних дел и государственной безопасности. Народным комиссаром внутренних дел республики был назначен комиссар государственной безопасности С.С. Бельченко.

Структура органов милиции после их восстановления в республике изменилась незначительно по сравнению с довоенным периодом. НКВД БССР состоял из нескольких управлений и отделов. Главная роль в системе НКВД принадлежала по-прежнему Главному управлению милиции (ГУМ) как по задачам, возложенным на органы милиции, так и по количественному составу. Именно в ГУМ определялись и разрабатывались основные направления борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, защиты прав и интересов граждан. По конкретным направлениям деятельность осуществляли отделы ГУМ: политический, уголовного розыска, по борьбе с хищениями социалистической собственности, службы и боевой подготовки; государственной автомобильной инспекции; оперативный, виз и регистрации и загс, паспортный стол, отделение научно-технических средств. Кроме того, в ГУМ входили отделения пропаганды и агитации, культурно-просветительной работы, а также редакция газеты «На страже Октября».

В число подразделений, входивших непосредственно в НКВД БССР в качестве самостоятельных единиц, вместе с ГУМ отметим также отделы кадров, профилактики преступлений, перевозок, технического обслуживания, борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Отдел контрразведки «Смерть шпионам» вел борьбу с диверсантами, шпионами, вражеской агентурой. Крупным подразделением наркомата было пожарное управление, а также штабы противовоздушной обороны и истребительных батальонов. Впоследствии возникло еще одно управление – по борьбе с бандитизмом (УББ).

С середины 1943 г., когда в распоряжение органов внутренних дел начали большими массами поступать вражеские пленные, возникает такое новое направление в деятельности органов правопорядка, как оперативные и следственные мероприятия по выявлению и привлечению к ответственности военных преступников. В начале января 1944 г. Управлению по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР (в 1944–1951 гг. – Главное управление военнопленных и интернированных (ГУПВИ)), республиканским НКВД и УНКВД краев и областей была разослана Директива «О выявлении среди военнопленных участников совершения зверств», которая предписывала мобилизовать внимание всего оперативного состава лагерей военнопленных на выявление оперативным и следственным путем среди военнопленных (особенно немцев) участников совершения зверств в отношении советских граждан в оккупированных районах СССР и документировать их преступную деятельность. Все добытые материалы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков поступали в оперативно-чекистский отдел (ОЧО) ГУПВИ НКВД СССР.

Отметим, что деятельность НКВД осуществлялась по многим направлениям, часть из которых имела специфический характер. Круг основных задач включал в себя борьбу с бандитизмом и повстанческими формированиями, охрану государственной границы, борьбу с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности, охрану общественного порядка и личной безопасности граждан, организацию проведения паспортной системы, обеспечение изоляции преступников и их трудовое использование, содержание, охрану и трудовое использование военнопленных и интернированных, охрану железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, организацию пожарной охраны и местной противовоздушной обороны, борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, выполнение оборонных, народнохозяйственных и специальных заданий правительства.

При этом НКВД СССР продолжал решать в том числе многочисленные хозяйственно-производственные задачи, что носило чрезвычайный характер и было обусловлено проблемами и обстоятельствами военного и послевоенного времени. В последующие годы хозяйственно-производственные функции постепенно перешли к другим органам государственного управления. Такие функции органов милиции, как предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, охрана общественного порядка, охрана государственной собственности, обеспечение безопасности дорожного движения, соблюдение требований паспортной и разрешительной систем, стали приоритетными и получили в послевоенные годы дальнейшее развитие.

С учетом потерь военного времени одной из самых острых проблем органов милиции в данный период являлся недостаток квалифицированных кадров. Решалась кадровая проблема следующим образом. Во-первых, укомплектование органов милиции проводилось за счет сотрудников с довоенным стажем, ранее работавших в БССР, которые как привлекались из тыловых районов страны, так и отзывались из частей Красной Армии. Во-вторых, началась подготовка кадров на специальных курсах. Так, уже в 1943 г. наркомат организовал краткосрочные курсы, на которых обучались более 300 человек, демобилизованных солдат из внутренних войск НКВД СССР. Следует отметить, что помощь в комплектовании опытными кадрами органов милиции республики оказывала вся страна – на постоянную работу в БССР были направлены сотрудники милиции из Московской, Ленинградской, Мурманской, Иркутской и других областей страны. ЦК КП(б) 7 января 1944 г. принял постановление «О курсах резерва партийных и советских работников для освобождавшихся районов Белоруссии», в соответствии с которым органы внутренних дел после освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков должны были широко использовать краткосрочные курсы подготовки и переподготовки сотрудников оперативных служб пожарной охраны, следственных аппаратов, дактилоскопистов, кинологов и др. В-третьих, по мере выполнения оперативно-чекистскими группами возложенных на них задач их личный состав переводился на работу в милицию. В-четвертых, кадровое пополнение милиции осуществлялось за счет партизан – всего к работе в органах милиции было привлечено не менее 15 тыс. бывших партизан.

В результате проведения ряда мероприятий качественный состав кадров органов милиции республики значительно изменился, кадровая проблема постепенно была решена.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Быстрое становление информационного общества и возрастание роли информации в различных сферах жизнедеятельности общества стали стимулом к увеличению интереса к частной жизни человека и гражданина. Важно отметить, что право на неприкосновенность частной жизни в отечественной юридической науке до недавнего времени практически не исследовалось. Это обстоятельство вызвано тем, что на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. в ст. 28 Конституции были внесены изменения и дополнения, касающиеся частной жизни, защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Наряду с этим особую актуальность в Республике Беларусь приобретает забота о личности, охрана ее чести и достоинства, а также прав и законных интересов. В свою очередь, социальная активность личности не исключает, а, наоборот, предполагает предоставление гражданину права на частную жизнь. Так, в ст. 28 Конституции Республики Беларусь закреплено, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Право на частную жизнь граждан состоит из многих компонентов. Так, частная жизнь включает в себя сферы почтово-телеграфной корреспонденции, телефонных переговоров, неприкосновенности жилища, семейных отношений, личной интимности, дружбы, хобби, отдыха, а также важные для личности моменты, такие как саморазвитие, самопознание и приобретение духовных ценностей. Она представляет собой сферу, защищенную правом на приватность и личное пространство. Комплекс этих прав и свобод образует межотраслевой институт неприкосновенности частной жизни человека и гражданина в Республике Беларусь. Вместе с тем право на частную жизнь – емкая юридическая категория и всеобъемлющее понятие, которое включает и круг общения человека в целом, и круг его интересов (не на публику). В юридической литературе содержится огромное количество определений указанной категории.

Так, М.В. Баглай определяет частную жизнь как те стороны личной жизни человека, которые он при определении своей свободы не желает делать достоянием других.

И.А. Манкевич рассматривает частную жизнь как сферу физической и духовной жизнедеятельности личности, находящуюся вне государственного контроля и общественного интереса.

По мнению И.В. Пржиленского, частная жизнь выражается в некоем пространстве, прилегающем к личности и огораживающем ее от внешних вмешательств, гарантирующая человеку свободу суждений и действия.

Анализ частной жизни показывает, что в центре внимания находится разграничение частной и общественной жизни. На наш взгляд, частная жизнь включает в себя внешность человека, сексуальную ориентацию, интересы, предпочтения, профессиональную и личную деятельность, отношения с другими людьми – семьей, друзьями и более широким внешним кругом, – жизненный выбор, дом и переписку. Право на частную жизнь состоит из ряда правомочий. Прежде всего необходимо указать на предоставляемую гражданину возможность пребывать вне работы, службы в состоянии некоторой обособленности от государства, общества, коллектива. Право лишь в самых общих чертах влияет на характер взаимоотношений между людьми в сфере частной жизни. Эти отношения регулируются в основном нормами нравственности. Право на частную жизнь выражается, в частности, в свободе общения между людьми на неформальной основе. Человек сам определяет круг своих знакомств и содержание разговоров с близкими, знакомыми, родными. При этом он должен быть уверен, что информация личного характера не станет достоянием государства или частных лиц.

В свою очередь Р.Б. Головкин полагает, что внешняя граница частной жизни – это согласованный с личностью предел возможного вмешательства государства в данную сферу.

Вся сфера семейной жизни, родственных и дружеских связей, домашнего уклада, интимных и других личных отношений, привязанностей, симпатий и антипатий охватывается понятием неприкосновенности частной жизни. Образ мыслей, увлечения, творчество также относятся к сфере частной жизни. Право на частную жизнь означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, не допускать разглашения сведений личного, интимного характера. Из права на частную жизнь вытекает недопустимость слежки за человеком, прослушивания и записи личных разговоров, ведущихся дома или в общественных местах, в том числе телефонных переговоров, а также распространения персональных данных человека и гражданина.

Конституционные основы защиты персональных данных закреплены в части второй ст. 28 Конституции Республики Беларусь: государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании, а в части третьей ст. 34 Конституции Республики Беларусь определено, что пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав.

Кроме того, основу политики в отношении защиты персональных данных в Республике Беларусь составляют Законы от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации», от 21 июля 2008 г. № 418-3 «О регистре населения», от 13 июля 2006 г. № 144-3 «О переписи населения».

Согласно Закону Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных» персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Указанный закон регулирует отношения, связанные с защитой персональных данных при их обработке, осуществляемой с использованием средств автоматизации; без использования средств автоматизации,

если при этом обеспечиваются поиск персональных данных и (или) доступ к ним по определенным критериям (картотеки, списки, базы данных, журналы и др.).

В Республике Беларусь за нарушение Закона «О защите персональных данных» предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Так, ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за умышленные незаконные сбор, обработку, хранение или предоставление персональных данных физического лица либо нарушение его прав, связанных с обработкой персональных данных. Кроме того, ст. 203¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за умышленное незаконное распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что право на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь в Республике Беларусь гарантируется Конституцией и иными законодательными актами Республики Беларусь. Также своевременно совершенствуется действующее законодательство, реализуются комплексные профилактические меры, используются цифровые технологии, направленные на защиту частной жизни человека и гражданина в Республике Беларусь.

УДК 93/94

Д.В. Михазлис

КРАСНОДАРСКИЙ И ХАРЬКОВСКИЙ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Великая Отечественная война советского народа стала не только примером героизма наших предков, но и свидетельством огромного количества преступлений против человечества. Жертвами преступлений нацистов и их пособников стали миллионы мирных граждан СССР. В ответ на эти бесчеловечные акты советское руководство предприняло ряд мер для осуждения таких преступлений. Для этого были организованы судебные процессы 1943 г., прошедшие в Краснодаре и Харькове после их освобождения от оккупации. По нашему мнению, главной их целью было показать стремление Советского Союза бороться за справедливость и неотвратимость наказания в отношении нацистских захватчиков.

Актуальность рассмотрения данного вопроса обусловлена рядом факторов. Во-первых, в современном мире наблюдается рост пронацистских настроений и усиления попыток пересмотреть итоги Второй мировой войны. Во-вторых, по нашему мнению, можно говорить о недостаточной информированности молодого поколения о проведенных процессах в 1943 г. В-третьих, освещение подобных вопросов способствует углублению понимания роли Советского Союза в разгроме нацизма не только на поле боя, но и в идеологическом ключе.

Судебные процессы над нацистскими преступниками и их пособниками в СССР имели ряд характерных процессуальных особенностей. Они проводились военными трибуналами в соответствии с советским уголовно-процессуальным законодательством того времени, но с учетом специфики военного положения. Всем подсудимым предоставлялись адвокаты, подсудимым-немцам предоставлялись переводчики.

В обоих судебных процессах обвинительная речь прокурора носила яркую эмоциональную окраску. Речь прокурора генерал-майора юстиции Л.И. Яченина в Краснодарском процессе изобиловала эмоционально-окрашенными неюридическими терминами, такими как «процесс по следам зверя», «коричневая саранча», «людоедская программа», «подлая изменническая деятельность», «фашистские наймиты и лакеи». Аналогичны по своему содержанию выражения прокурора харьковского процесса полковника Н.К. Дунаева: «кошмарные картины злодеяний», «германское разбойничье правительство», «гнуснейшее насилие над мирными жителями». По нашему мнению, употребление подобных оборотов речи подчеркивает искреннее желание государства, от лица которого выступали государственные обвинители, показать истинную сущность нацизма и его вред для мирового сообщества и Советского Союза в частности.

Процессы носили открытый характер, что обеспечивало их публичность и способствовало максимальному освещению в прессе. Судебные заседания, как правило, проходили в больших залах, доступных для широкой общественности и представителей средств массовой информации, включая иностранных корреспондентов. Это подчеркивало стремление Советского государства к прозрачности и справедливости.

Главным правовым актом, заложившим основу для дальнейшего судопроизводства, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Вторым нормативным правовым актом стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» (далее – Указ). В соответствии с Указом уголовно-процессуальными правами по отношению к нацистским преступникам и их пособникам наделялись военно-полевые суды, в состав которых входили юристы-военнослужащие (прокурор дивизии и председатель военного трибунала дивизии), а также кадровые военные (начальник особого отдела дивизии и заместитель командира дивизии по политической части).

Первым судебным процессом над пособниками нацистов стал Краснодарский процесс, проходивший с 14 по 17 июля 1943 г. На скамье подсудимых оказалось около 11 человек – советские граждане, помогавшие оккупантам. Им вменялись массовые убийства мирных жителей с использованием «душегубок» (газвагенов). Следственным органам не удалось установить

точно количество убитых, в материалах Краснодарского процесса используется цифра «свыше 6 700» человек. Наказание для нацистских пособников было суровым: восемь человек были приговорены к смертной казни, трое – к каторжным работам. В полном соответствии с текстом Указа приговоренные были казнены прилюдно.

Всего через несколько месяцев после суда в Краснодаре, в декабре 1943 г., состоялся Харьковский процесс, который стал знаковым событием не только для советского, но и для международного права. Особенностью его было то, что судили нацистских преступников, непосредственно совершавших геноцид советских граждан: капитана В. Ландхельда, унтерштурм-фюрера СС Г. Рица, старшего ефрейтора немецкой тайной полевой полиции Р. Рецлава и советского коллаборациониста, водителя «душегубки» М.П. Буланова. Военный трибунал 4-го Украинского фронта в качестве доказательств использовал заключение судебно-медицинской комиссии, подтвердив преступления, совершенные нацистскими оккупантами в Харькове и его окрестностях. Комиссия исследовала места массового уничтожения советских граждан: пригород Харькова, где было расстреляно около 900 человек из числа пациентов харьковской больницы, лесопарк в районе п. Сокольники, военный госпиталь Харькова, ставший местом казни 800 военнослужащих Красной Армии. Были обследованы также места, где оккупанты пытались сжечь тела, чтобы скрыть следы преступлений, особенно в бараках Харьковского тракторного завода. Всего было обследовано 1 047 трупов, возраст которых колебался от 2 до 70 лет.

Судебные процессы над нацистскими преступниками и их пособниками, проведенные в СССР в период Великой Отечественной войны, представляют собой уникальное явление в истории правосудия. В то время как Нюрнбергский процесс считается кульминацией международного правосудия в отношении нацистских военных преступников, советские процессы, начавшиеся в 1943 г., озаменовали собой поворотный момент в формулировании принципов международного уголовного права. Начиная с процессов в Краснодаре и Харькове, руководство Советского Союза не только приступило к фактическому осуждению и наказанию непосредственных исполнителей преступлений, но и сформировало правовую доктрину, которая стала основой для Нюрнбергского трибунала.

УДК 351.74 + 351.746.1

А.И. Мурашко

РЕФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

После завершения Великой Отечественной и Второй мировой войн Советское государство столкнулось с новыми вызовами и угрозами государственной и общественной безопасности, возникшими в связи со сложными криминогенной ситуацией, сложившейся внутри страны, и геополитической – на международной арене.

Войны привели к ухудшению общеэкономического положения в Советском государстве, снижению уровня жизни населения, социальным и демографическим проблемам – большое количество населения погибло и получило увечья, массовые миграционные процессы, связанные с возвращением населения из эвакуации, репатриацией советских граждан и демобилизацией военнослужащих, необходимостью их адаптации к мирной жизни, развитие различного рода социальных девиаций у населения, доминирование в поведении людей психологических установок военного времени, что объективно создавало условия для роста преступности, ухудшения общественной безопасности. С 1945 г. в СССР отмечался рост преступности, достигший пика к 1947 г. Особенно заметным всплеск преступности был на территории, подвергшейся оккупации, в том числе БССР.

На международной арене разворачивались события, связанные с началом холодной войны. В марте 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль, выступая в Фултоне (штат Миссури, США) в присутствии президента США Г. Трумэна, заявил, что Советский Союз является причиной «международных трудностей» и, по сути, призвал Запад к войне с СССР. В марте 1947 г. в Конгрессе США Г. Трумэн провозгласил новую внешнеполитическую доктрину, которая санкционировала вмешательство США во внутренние дела других стран. Основанием для такого вмешательства являлась необходимость противостоять «советской экспансии». Доктрина Г. Трумэна предполагала «сдерживание» СССР во всем мире и означала прекращение сотрудничества между бывшими союзниками Второй мировой войны.

Продолжением внешнеполитического курса Г. Трумэна стало создание в апреле 1949 г. военно-политического союза – Североатлантического блока (НАТО), куда вошли США, Канада и страны Западной Европы. Основной задачей НАТО являлось противодействие «коммунистической угрозе». В декабре 1949 г. НАТО утвердил план Dropshot «для противодействия предполагаемому вторжению СССР в Западную Европу, Ближний Восток и Японию». В соответствии с этим планом на январь 1957 г. было запланировано начало крупномасштабной войны сил НАТО против СССР.

В сложившейся внешнеполитической и внутриполитической обстановке руководство Советского государства приняло ряд организационных решений по усилению органов государственной безопасности за счет других правоохранительных органов.

В январе 1947 г. из МВД СССР в ведение МГБ СССР передаются внутренние войска общей численностью около 70 тыс. человек. Внутренние войска в первую очередь реализовывали оперативно-боевые задачи по поддержанию общественного порядка в городах и населенных пунктах, обеспечению государственной и общественной безопасности в стране.

В январе 1947 г. управление транспортной милиции Главного управления милиции МВД СССР в соответствии с решением Совета Министров СССР передается МГБ СССР. Тем самым стратегически важные объекты, в первую очередь железнодорожного транспорта, полностью попадают в сферу оперативного обслуживания органов государственной безопасности. В июне 1947 г. в МГБ СССР создается Главное управление охраны на железнодорожном и водном транспорте, на которое возлагаются задачи по охране общественного порядка, осуществлению уголовного и политического сыска на транспорте.

В августе 1947 г. Совет Министров СССР принимает постановление «Об укреплении общественного порядка и улучшении работы органов милиции», в соответствии с которым в ряде крупных промышленных городов, где криминогенная ситуация оставалась сложной, в том числе и в Минске, милиция реорганизовывалась по войсковому принципу и переводилась на особое положение. На личный состав управлений милиции распространялись уставы Советской армии, возлагались повышенные требования по обеспечению охраны общественного порядка и борьбе с преступностью.

В апреле 1948 г. из МВД СССР в МГБ СССР передаются войска по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог и Государственное хранилище ценностей.

В октябре 1949 г. в МГБ СССР передается Главное управление милиции МВД СССР, а на местах – территориальные органы милиции. В составе Главного управления милиции МГБ СССР создано три управления: милицмейской службы, уголовного сыска и борьбы с хищениями социалистической собственности.

В октября 1949 г. из МВД СССР в МГБ СССР передаются пограничные войска и военно-строительное управление. В МГБ СССР создаются Главное управление погранвойск и военно-строительное управление.

В феврале 1950 г. Главное управление по борьбе с бандитизмом МВД СССР реорганизуется в Главное управление МВД СССР по оперативному розыску и в июле 1950 г. передается в состав МГБ СССР. В июле 1950 г. из МВД СССР в МГБ СССР также передаются спецпоселения.

В августе 1952 г. в составе Главного управления милиции МГБ СССР создается управление транспортной милиции и ему подчиняются по линейному принципу органы железнодорожной милиции.

В октября 1952 г. создается вневедомственная наружная сторожевая охрана в составе Главного управления милиции МГБ СССР.

Аналогичные структурные изменения происходят и на республиканском уровне.

Таким образом, в 1947–1950 гг. проходит процесс постепенного переподчинения МГБ СССР основных подразделений МВД СССР, прослеживается тенденция к усилению роли органов государственной безопасности в государственном механизме. Приоритетными в политике Советского государства как реакция на внутрйполитическую и внешнеполитическую обстановку в рассматриваемый период становятся вопросы, связанные с обеспечением государственной безопасности. Обеспечение общественной безопасности становится составляющим элементом государственной безопасности. В контексте данной политики осуществляется поиск наиболее приемлемых организационных форм органов внутренних дел и государственной безопасности, который приводит к тому, что МГБ СССР становится к 1953 г. основным ведомством, отвечавшим в стране как за государственную безопасность, так и за охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

УДК 340.131

Т.А. Некрашевич

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Вопрос исследования права как комплексного инструмента воздействия на общество широко рассматривается в современной юридической литературе. Успешное повышение эффективности действия правовых норм невозможно без более глубокого и детального изучения способов влияния права как на человека, так и на общество в целом, в том числе изучения правового воздействия на субъектов права, а также его средств.

Дискуссионным в теории государства и права является вопрос содержания понятия «правовое воздействие». Понятие «воздействие» в большинстве словарей определяется как оказание влияния на что-либо с целью достижения необходимого результата. Следует отметить, что правовое воздействие – одно из самых сложных и малоизученных понятий. Правовое воздействие представляет собой масштабное и комплексное явление, при исследовании которого необходимо учитывать его характерные особенности, а также его интеграцию в систему социального воздействия.

Правовое воздействие как автономный феномен до сих пор исследовано в недостаточной степени. В основном учеными изучаются различные элементы правового воздействия, среди которых упоминаются, например, правовое регулирование, правосознание и др. При этом при изучении данных феноменов взаимосвязь между ними не всегда проводится, что может привести к утере смыслового значения собственно правового воздействия.

Правовое воздействие в условиях современного общества происходит в рамках значительной информационной перегрузки. Осуществление правового воздействия предполагает применение соответствующих средств, при помощи которых обеспечивается получение ожидаемых результатов и достижение поставленных целей.

В современном теоретико-правовом дискурсе средства правового воздействия до сих пор нельзя считать исчерпывающе изученными. При анализе процесса правового воздействия необходимо делать исследовательский акцент на совокупность как юридических, так и неюридических средств, которые оказывают упорядочивающее воздействие на общественные отношения. Юридические средства правового воздействия позволяют успешно выполнять задачи, поставленные перед ними, так как несут в основном императивный характер и обеспечиваются государством.

Неюридический инструментарий правового воздействия имеет сложную неоднородную структуру, зависящую от особенностей отношений, субъектов и конкретных обстоятельств, в которых осуществляется правовое воздействие. В него могут включаться различные социальные регуляторы: моральные, религиозные, политические, экономические, психические, идеологические и иные средства и факторы, позволяющие правовому воздействию функционировать наиболее эффективно.

Вопрос об использовании комплекса юридических и неюридических средств имеет большое значение для развития не только теоретических знаний о праве, но и юридической практики, реализуемой системой исполнения наказаний, целью которой является исправление осужденных.

Наказание представляет собой принудительную меру уголовно-правового воздействия, применяемую по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающуюся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного. Одним из самых строгих видов наказания за совершение преступления является лишение свободы на определенный срок. Данный вид наказания имеет многолетнюю историю, поскольку уже в древности тюрьмы выступали в качестве основного места заключения и лишения свободы.

Согласно ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь к основным средствам исправления относятся установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие.

Необходимо отметить, что перечень средств исправления не является исчерпывающим. Законодатель также отмечает, что в процессе формирования у осужденных готовности вести правопослушный образ жизни могут применяться иные средства исправления в целях создания возможностей для добровольного осуществления осужденными учебной, творческой, спортивной и другой деятельности, которая не противоречит установленному порядку исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности и направлена на приобретение значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодоление негативных черт личности.

Для оказания эффективного правового воздействия на осужденных к лишению свободы на определенный срок следует разрешить ряд вопросов функционирования неюридических средств правового воздействия, а именно получения осужденными образования, участия общественных организаций в процессе воспитательной работы, использования средств массовой информации, роли начальника отряда как субъекта правового воздействия на осужденных и др.

Исходя из вышеизложенного, нужно отметить важность понятия «правовое воздействие», расширительный характер его толкования. Ключевую роль играет совокупность как юридических, так и неюридических средств правового воздействия, необходимых для выполнения одного из основных направлений в теории государства и права, а именно повышения эффективности действия правовых предписаний. От эффективности правового воздействия на личность зависит укрепление законности и правопорядка в обществе.

Следует отметить, что правовое воздействие – это прежде всего влияние правовых ценностей на социальную жизнь, сознание и поведение человека и общества в области построения социально-полезных целей. Оказание правового воздействия на осужденного к лишению свободы на определенный срок способствуют процессу его исправления, качественному изменению личности осужденного, при котором у него одновременно формируются положительные и устраняются отрицательные личностные свойства.

УДК 342

К.А. Орлов

ПРОЯВЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ КОРРУПЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Коррупция выступает как сложное социальное явление, которое зародилось в глубокой древности и продолжает существовать в настоящее время практически во всех странах мира. В любом обществе коррупция оказывает разлагающее влияние на все стороны его жизни, в частности, ее негативные проявления способны найти следующие отражения.

Увеличение объемов теневой экономики. Как нелегальное явление, коррупция порождает экономические процессы, нарушающие экономическую безопасность государства, связанные с неподконтрольностью с его стороны. Проявляются они в неуплате налоговых платежей, ведении скрытой бухгалтерии, нелегальной торговли, обналичивании финансовых средств и вывозе их из страны, увеличении безработицы.

Деформация конкуренции. Желание и способность получить наиболее привлекательные условия для осуществления своей предпринимательской деятельности провоцирует отдельных недобросовестных игроков на финансовую заинтересованность отдельных должностных лиц, принимающих ответственные решения различного уровня в разных секторах экономики. Как итог, снижение конкуренции, что влечет за собой рост монополизации рынка и рост цен.

Деструктивные процессы при осуществлении приватизации. Стремление приобрести государственную собственность (которая может быть разной по объему, комплектации, площади, мощности и состоянию) в отсутствие конкуренции либо по привлекательной стоимости порождает проявление коррупционных проявлений.

Неэффективность и личная заинтересованность при распределении бюджета. Искренние заблуждения и низкая квалификация при освоении бюджетных средств со стороны должностных лиц вполне допустимы в условиях российской действительности, но нередки и ситуации, когда накопления бюджетных средств распределяются по иным основаниям, мотивами которых является личная заинтересованность. Достаточно часто данные проявления сопутствуют государственным заказам, льготному кредитованию и субсидированию.

Увеличение стоимостного выражения продукции, услуг из-за включения в них «накладных расходов». Желание прирастить свое финансовое состояние для заинтересованных должностных лиц в отдельных случаях выливается в повышение стоимости

продукта для конечного потребителя, которым являются практически все граждане государства. Своими средствами обычные жители компенсируют все издержки сферы бизнеса, которые возникают при прохождении административных барьеров.

Формирование недоверия и нежелание взаимодействия бизнеса и власти, общества в целом. Коррупционное поведение представителей публичной власти вынуждает заявителей услуг не только нести дополнительную финансовую нагрузку, но и следовать правилам, которые устанавливает недобросовестный и коррумпированный чиновник. А эти правила подрывают доверие к существующей на законодательном уровне системе норм, снижают их авторитетное, легальное значение. Для сферы бизнеса это еще одно негативное проявление, поскольку оно отторгает инвестиционные вливания в экономическое развитие государства.

Недостаток финансирования важных, социально значимых процессов развития. Отток капитала, который может присваиваться в результате хищений бюджетных средств, не позволяет решать давно назревшие проблемы общества (ремонт (организация новых) дорог, больниц, детских садов, школ, объектов капитального строительства жилого фонда), что подогревает социальную напряженность в обществе либо формирует у людей чувство безысходности и недоверия к власти.

Существенная дифференциация слоев общества. Возможность направлять и корректировать распределение денежных средств провоцирует стремительный рост благополучия одного класса, отсутствие роста дохода у других, их обеднение.

Снижается авторитетное значение права, как регулятора общественных отношений. У многих в обществе формируется стереотип, что право не является основным и главным источником права, поскольку коррумпированные чиновники позволяют себе его нарушать, играя по своим правилам, теряется сама сущность права. Субъекты чувствуют свою незащищенность и уязвимость со стороны властвующих субъектов.

Формирование общественной напряженности. Факты коррупции часто становятся предметом обсуждения широкой общественности, что создает и укрепляет в сознании граждан установки, что это обыденность жизни и рядовые явления среди должностных лиц. А это в свою очередь подрывает авторитет и легитимность государственного управления, политической стабильности.

Повышается роль криминальных кругов, организованной преступности. Неотвратимость наказания как один из важных принципов юридической ответственности для отдельных лиц теряет свое истинное значение. Возможность избежать ответственности и, как следствие, продолжить ее осуществление стимулирует отдельных субъектов, сросшихся с коррумпированными должностными лицами, на дальнейшие преступные действия самого разного характера.

Замещение общезначимых социальных целей корыстными интересами отдельных лиц или групп. Мотив финансового обогащения становится первичным в деятельности должностных лиц, которые забывают о своем истинном предназначении помощи обществу, увеличивая свое благосостояние.

Снижение легитимности и авторитета власти. Даже единичные факты коррупционных проявлений способны нивелировать долгую и кропотливую работу по выстраиванию ответственного и добросовестного выполнения своих должностных обязанностей чиновником любого уровня власти.

Снижение авторитета государства на международном уровне. Любые коррупционные проявления снижают престиж власти не только внутри государства, но и за его пределами, особенно это касается инвестиционных проектов, включения государства в международные организации, а также контактов иного характера. В отдельных случаях государство не воспринимается как уважаемый, достойный и добросовестный партнер, а иногда подвергается экономическому и политическому забвению.

Снижение ценности демократических институтов. У избирателей подрывается доверие не только к конкретным должностным лицам, но и к государственным выборным органам в целом. Те лица, которым общество доверило и делегировало власть, используют ее в своих целях, поэтому ценность институтов демократии значительно снижается. И в особых случаях, как ни странно, общество начинает поддерживать элементы кардинальных мер в отношении недобросовестных чиновников, поощряя элементы авторитаризма и диктата.

Распространение коррупционных проявлений на многие институты, где присутствует властное управление. Факты личной финансовой заинтересованности при осуществлении власти свойственны не только представителям публичной власти, но и иным субъектам, обладающим управленческими полномочиями (государственные и муниципальные предприятия, учреждения, корпорации, а также общественные организации). Руководители указанных организаций, видя поступки должностных лиц государственных органов, перенимают их негативный опыт и позволяют себе отдельные действия коррупционного характера.

УДК 340.1

В.И. Павлов

ПРИНЦИПЫ ПРАВА В АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Любой общий взгляд на право как целостную систему нормативного регулирования всегда связан с опорой на исходные теоретические основания, которые выступают методологическим каркасом правовой теории. Независимо от того, от-refлексированы эти основания субъектом познания или нет, они в любом случае имманентно присутствуют в структуре мысли о праве. В юридической науке эти основания исследуются в рамках правовых концепций и теорий путем обоснования принципов права как исходных начал правового познания, на которых строятся все другие теоретико-правовые компоненты.

Принципы права, в особенности фундаментальные, связаны с определенным типом правопонимания, который утверждается в правовой концепции как ее центральный компонент. Именно поэтому дать характеристику принципам права во многом означает раскрыть способ понимания права, который используется в той или иной правовой концепции.

В антропологии права как направлении развития современной общетеоретической юриспруденции, в том числе в рамках разрабатываемой автором антропологической концепции права, право рассматривается как система антрополого-ориентированного правового регулирования. Понимание права в рамках концепции основывается на его представлении как правовой структуры – целостности трех базовых образующих его элементов, а именно человека в праве, нормы права и факта правовой жизни. Человек в праве как правовой деятель выступает центральным элементом структуры, обеспечивая актуализацию и координацию норм и фактов. Правовая структура позволяет не только выразить многомерность права, но и охарактеризовать человека как его главную составляющую, не отказываясь от других базовых элементов права. Такой подход дает возможность избежать представления права как оторванного от конкретной антрополого-правовой среды сущностного образования, позволяет рассмотреть базовые элементы права как расположенные вокруг человека как центра правовой реальности.

Сущность права, его главная идея определяются не только охватом и структурным единством всех трех выделенных аспектов правовой реальности, но и соответствием каждого из элементов антрополого-правовой структуры положенному ему идеальному правовому критерию, реализация которого и обеспечивает максимальное приближение к правовому идеалу. Для правового деятеля идеальным критерием в праве выступает качество правовой субъективации, связанное прежде всего с направленностью лица на становление идеальной правовой личности. Среди личностно-правовых свойств главное внимание направлено на формирование личностных правовых ценностей, в первую очередь – ценности справедливости. Данный критерий также адресуется субъектно-правовому уровню правовой персональности, выражающемуся в необходимости для лица точно следовать своему правовому статусу, соответствующим правам и обязанностям при условии их непротиворечия личностно-правовым ценностям, признаваемым в правовом порядке. Для нормативной системы права критериями правового являются: а) надлежащий порядок ее установления, б) легитимация, в) максимально соответствующее выражение в нормах права оптимальных с позиции ценностей конкретного общества и разумных с позиции его правового развития практик правового существования. Для факта правовой жизни критерием правового является надлежащее состояние и воспроизводство социокультурной среды и всех регулятивных систем общества, господствующего юридического дискурса и правового порядка, обеспечивающей его системы государственных органов, а также всех участников правового общения. В предельном смысле фактическое состояние правовой жизни связывается с процессом воплощения идей социального и правового государства, а также комплексом экономических, политических, идеологических, моральных, культурных и других факторов, определяющих состояние социума, в рамках которого и возникают конкретные юридически значимые жизненные ситуации.

Сформулированные идеальные критерии права в рамках антропологического правопонимания одновременно выступают выражением принципов права в концепции, поскольку последние всегда содержат в себе наряду с требованием и ценностным теоретическим содержанием также идеальный ценностно-нормативный образ правовой действительности.

В антрополого-правовой концепции понимание принципов имеет свои особенности, которые обуславливаются спецификой антропологического правопонимания. Ввиду уяснения сущности права посредством правовой структуры как целостности трех базовых элементов права, принципы права также делятся на три группы соответственно трем элементам структуры.

Принципы, относящиеся к правовому деятелю, связаны с их признанием не как категории, адресуемой положительно праву, а как категории, характеризующей правосознание личности. В таком аспекте принципы выступают руководящими нормами правового сознания, мышления и поведения человека в правовой сфере. К ним относятся человекомерность как нравственно-ценностный образ правового сознания, мышления и поведения лица, означающий ориентацию на справедливость и разумность в юридически значимой деятельности, ситуации правовой неопределенности и личностном правовом развитии; справедливость; принцип прав и свобод человека, человеческого достоинства; принцип законности; принцип гуманизма и др.

Принципы, относящиеся к нормативной системе права, выражают идеи уровня системы позитивного права. К ним относятся принцип верховенства права, скоординированный с принципом конституционной идентичности (выражение в нормативной системе права традиционных социокультурных и духовно-нравственных ценностей); принцип конституционной законности; принцип демократизма; принцип равенства всех перед законом; принцип легитимности системы права и др.

Принципами, относящимися к факту правовой жизни, выступают так называемые общесоциальные принципы – требования и руководящие начала, которые детерминируют влияние на право экономических, политических, моральных и других общесоциальных факторов, возникающих в различных сферах жизнедеятельности общества и выражающихся в правовом порядке. Ключевой характеристикой этих принципов является правовой характер организации и регулирования всех сфер жизнедеятельности, которые создают условия и возможность социального действия права в правовом государстве. В связи с этим Конституция Республики Беларусь указывает на принципы многообразия форм собственности, свободы предпринимательской деятельности, политического плюрализма, гражданского согласия, воспитания гражданского долга, патриотизма и др.

Таким образом, принципы права в антрополого-правовой концепции непосредственно связаны и являются отражением идеальных правовых критериев, которые предъявляются к каждому из трех базовых элементов права. Среди всех указанных принципов в концепции главными являются те, с которыми непосредственно связаны сформулированные правовые идеалы. Для человека в праве и его юридически значимого поведения главными являются принцип человекомерности права и принцип справедливости, для нормативной системы права – принцип верховенства права, скоординированный с принципом конституционной идентичности, а также принцип легитимности системы права, для факта правовой жизни – реализация в правовом порядке базовых общесоциальных стандартов и организация жизнедеятельности общества на правовых началах.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДДЕЛКУ ДОКУМЕНТОВ В 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГДОВСКОГО ДОМА ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Гражданская война и интервенция неблагоприятно отразились на развитии экономики Советского государства в 20-х гг. XX в. По мере окончания военных действий началось преодоление хозяйственной разрухи путем восстановления сельского хозяйства и промышленности. Однако существенные меры были приняты в процессе проведения новой экономической политики, ознаменовавшей коренные изменения в методах управления и хозяйствования.

Преобразования в общественно-политическом устройстве, хозяйственном укладе и социальных отношениях отразились на общей картине преступности. На смену преступлениям эпохи военного коммунизма пришли характерные для нэпа имущественные, хозяйственные и должностные правонарушения.

Серьезной угрозой для экономики начала 1920-х гг. стало масштабное распространение фальшивомонетничества и подделки документов, которые подрывали ее устои.

Судебная практика Гдовского уезда Ленинградской губернии в рассматриваемый период свидетельствует о наличии случаев подделки документов.

Народным судом 5-го участка Гдовского уезда Ленинградской губернии в составе народного судьи Николашина, народных заседателей Николаева и Кузьмина при секретаре Уголкове на открытом судебном заседании 22 февраля 1926 г. было рассмотрено уголовное дело по обвинению:

И.А. Спиридонова, 1904 г. рождения, холостого, жившего при родных, ранее несудимого, беспартийного, грамотного, середняка, происходившего из граждан д. Дуброво Тупицинской волости Гдовского уезда Ленинградской губернии, проживавшего там же, в совершении преступления, предусмотренного ст. 188 УК РСФСР 1922 г. («мошенничество, имевшее своим последствием убыток, причиненный государственному или общественному учреждению, карается – лишением свободы на срок не ниже одного года»);

И.И. Зайцева, 1907 г. рождения, холостого, жившего с родными, ранее несудимого, беспартийного, грамотного, жившего на крестьянстве, середняка, происходившего из д. Захонье Тупицинской волости Гдовского уезда Ленинградской губернии, в совершении преступления, предусмотренного ст. 188 УК РСФСР;

С.С. Иванова, 18 лет, ранее несудимого, холостого, жившего совместно с родителями, беспартийного, грамотного, профессии не имевшего, жившего на крестьянстве, бедняка, происходившего из граждан д. Большое Озеро Тупицинской волости Гдовского уезда Ленинградской губернии, в совершении преступления, предусмотренного ст. 188 УК РСФСР.

Из материалов уголовного дела следовало, что 18 января 1926 г., придя к фабричному кооперативу им. Д. Бедного, И.А. Спиридонов, И.И. Зайцев и С.С. Иванов стали между собой шутить на предмет получения ими товара. С.С. Иванов пояснил, что из кооператива можно получить товар по чекам, в которых вместо слова «копеек» необходимо указать «рубли». После чего С.С. Иванов достал из кармана чек на 3 к., в котором буквы «к» не было, попросив карандаш у И.И. Зайцева, поставил букву «р» и передал чек И.А. Спиридонову, по которому тот получил товар на 3 р. Далее С.С. Иванов снова передал И.А. Спиридонову чек на 16 к., на котором он приставил букву «р», и получил товар на 16 р.

Таким же способом данную манипуляцию проделал и И.И. Зайцев, получив от С.С. Иванова чек на 15 к., приставив букву «р», приобрел товар на 15 р. После этого сам С.С. Иванов получил товар на 10 р.

И.А. Спиридонов такое же преступление повторил 19 января 1926 г., взяв чек на 8 к., и в этот момент был задержан свидетелем Филипповым. В результате задержания И.А. Спиридонов выдал своих соучастников, вследствие чего товар обвиняемых был изъят, недостача составила 1 р. 14 к. Кроме того, по чеку было выплачено 3 р., как не входящих в данный расчет, за кооперативом понесены расходы на поездку на обыск – 3 р., на поездку на разбор – 2 р., всего – 9 р. 14 к.

Таким образом, было установлено, что И.А. Спиридонов, И.И. Зайцев и С.С. Иванов совершили мошенничество, посредством чего получили товар на 52 р. из кооператива им. Д. Бедного. За совершение данного преступления было предусмотрено строгое наказание, так как посредством их мошенничества к уголовной ответственности по ст. 113 УК РСФСР («присвоение должностным лицом денег или иных ценностей, находящихся в его ведении в силу его служебного положения, карается – лишением свободы на срок не ниже одного года с увольнением от должности») был привлечен приказчик. Кроме того, своими преступными деяниями они осуществили подрыв работы кооператива, который только зарождался. Однако, принимая во внимание обстоятельства, что обвиняемые преступление совершили впервые, «по неосознанию и невежеству, но не из-за нужды», подлежали наказанию в виде лишения свободы по ст. 24, 25 УК РСФСР и ст. 319 УПК РСФСР.

На основании вышеизложенного народный суд 5-го участка Гдовского уезда Ленинградской губернии приговорил И.А. Спиридонова по ст. 188 УК РСФСР к лишению свободы сроком на один год, И.И. Зайцева – к лишению свободы сроком на один год, С.С. Иванова – к лишению свободы сроком на один год без применения ст. 40 и 48 УК РСФСР, а также приговорил взыскать с осужденных 9 р. 14 к. в возмещение причиненных убытков.

Ленинградский губернский суд по кассационному отделению уголовного отдела г. Ленинграда 20 июля 1926 г. рассмотрел дело в соответствии со ст. 412 УПК РСФСР на предмет изменения приговора в части квалификации преступления.

Преступное деяние подсудимых по ст. 188 УК РСФСР, которое выразилось в подделке чеков на получение товаров из Единого потребительского общества, содержало состав ст. 189 УК РСФСР («подделка в корыстных целях как официальных, так и простых бумаг, документов и расписок, если таковая не подходит под признаки преступления, указанного в ст. 85 Уголовного кодекса, карается – лишением свободы на срок до двух лет»).

На основании рассмотренных обстоятельств дела губернский суд определил приговор оставить в силе, изменив квалификацию преступления по ст. 189 УК РСФСР вместо ст. 188 УК РСФСР, в связи с этим понизил судебно-исправительную меру до четырех месяцев лишения свободы со всеми вытекающими из приговора последствиями.

Таким образом, советская правоохранительная система в начале 1920-х гг. активно адаптировалась к вызовам новой экономической политики, несмотря на сложности проводимой кадровой политики. Борьба с преступностью как средство укрепления законности выступала определяющим фактором развития Советского государства. По мере проведения социально-экономических преобразований наблюдался рост экономических преступлений.

УДК 343

М.А. Пашкеев

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД), несомненно, имеет правовую природу, т. е. это нормативно-властное влияние государства на общественные отношения с целью их упорядочения. Такое влияние происходит путем установления и закрепления правовых норм относительно отношений, которые возникают в рамках ОРД. Отечественное законодательство в этой сфере, несмотря на сложность общественных отношений, которые оно регулирует, достаточно полно нормирует ОРД. Такая ситуация связана и с тем, что нормативно-правовое обеспечение ОРД основывается на научных теоретико-методологических основах. Тем не менее категориальный аппарат ОРД нуждается в совершенствовании на основе современных подходов и учета особенностей развития государства.

Прежде всего отметим, что ОРД как вид деятельности государства регламентируется законодательством, которое также определяет права и обязанности субъектов, осуществляющих ОРД и контролирующих эту деятельность. Так, определение ОРД как специфического вида государственной деятельности содержится в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон).

Исходя из задач и функций оперативных служб правоохранительных органов и различных правовых отношений, определяемых Законом, можно отметить, что вся оперативная деятельность подразделяется на два вида: 1) деятельность, связанную с предупреждением, раскрытием преступлений и розыском преступников и других лиц; 2) административно-контролирующую деятельность. Необходимо указать, что силы и средства ОРД используются только тогда, когда достижение поставленной цели невозможно другим законным путем. Это подчеркивает исключительный, вынужденный характер такой деятельности. Вопрос применения оперативных и оперативно-технических средств нормируется внутриведомственными нормативными актами правоохранительных органов на основании Закона. Применение этих мер проводится исключительно с целью предотвратить преступление или выяснить истину во время расследования уголовного дела, если иным способом получить информацию невозможно. По результатам осуществления оперативно-розыскных мероприятий составляется протокол с соответствующими приложениями, который подлежит использованию как источник доказательств в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, предлагаем понятие «ОРД как вид деятельности государства» понимать в качестве разновидности социально полезной человеческой деятельности и регламентированной нормативными актами государственно-властной деятельности компетентных государственных органов, направленной на выполнение определенных законодательством задач и функций. ОРД как наука в соответствии с классификацией юридических наук, разработанной теорией государства и права, относится к специальным прикладным юридическим наукам. Согласно толковому словарю термин «оперативно-розыскная деятельность» означает, что розыск осуществляется практически, быстро, заблаговременно может изменить ход дела, реализовать соответствующие материалы. Следует отметить, что понятие «оперативный» на практике часто связывается не только со скоростью, но и с секретностью работы, поэтому подразделения, осуществляющие ОРД, называют оперативными, а сотрудников – оперативниками. В научных и учебных изданиях определение ОРД рассматривается в узком и широком смысле. В узком понимании ОРД – это вид социально полезной юридической государственной деятельности уполномоченных на то законодательством субъектов, представляющий собой систему актов поведения конспиративного и гласного применения специальных сил, средств и методов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий и принятия оперативно значимых решений, направленных на защиту человека и общества от преступных посягательств при наличии объединительных трудностей, при невозможности достижения этой цели путем реализации других законных средств. В широком понимании в определении ОРД меняется содержание одного из основных ее субъективных элементов – цели. Помимо ее узкой направленности (защита субъектов, охраняемых законом, от преступных посягательств) целью такой деятельности выступает обеспечение безопасности человека, общества, государства. Таким образом, можно выделить две группы признаков ОРД, вытекающих из научных подходов к определению ОРД, и признаков, предусмотренных законодательством. Первую группу составляют следующие характеристики ОРД: цель деятельности – защита человека и общества; вид государственной деятельности, основанной на законе; деятельность уполномоченных законом субъектов; деятельность, осуществляемая гласным и негласным путем; негласные средства применяются в случаях невозможности использования других гласных средств. Во вторую группу входят характеристики ОРД, закрепленные в Законе: система гласных и негласных мероприятий, которые могут быть поисковыми, разведывательными и контрразведывательными; оперативно-розыскные мероприятия могут осуществляться только определенными в Законе субъектами; оперативно-розыскные мероприятия применяются с помощью оперативных и оперативно-технических средств. Две группы признаков ОРД в целом совпадают по своему содержанию и дополняют друг друга, что свидетельствует

о том, что ОРД имеет правовой, научно-теоретический и прикладной характер. Прикладное значение ОРД заключается в том, что она является эффективной формой борьбы с преступностью. ОРД входит в перечень учебных дисциплин в системе юридического образования. Для подготовки специалистов оперативных подразделений всех правоохранительных органов важными являются все три значения ОРД – правовое, научно-теоретическое и прикладное, но основным в учебном процессе из них является первое – правовое, предусматривающее профессиональную деятельность, направленную в первую очередь на борьбу с преступностью, и которое является составной частью всей правоохранительной работы ряда органов государственной власти, а именно Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и других, перечисленных в Законе.

Подытоживая изложенное, можно сделать следующие выводы.

1. ОРД в научной литературе рассматривается в трех основных значениях: 1) как специфический вид государственной деятельности специальных служб правоохранительных органов, направленный на противодействие преступности, обеспечение национальной безопасности и государственной тайны; 2) как самостоятельная юридическая наука, имеющая свой предмет и метод исследования, опирающийся на достижения других наук; 3) как самостоятельная учебная дисциплина в системе юридического образования.

2. ОРД осуществляется соответствующими органами исключительно с целью борьбы с преступностью, розыска лиц, уклоняющихся от следствия и суда за совершение преступлений, безвестно отсутствующих лиц, выполнения других задач, определенных законодательными и другими нормативными актами, которые устанавливают порядок осуществления гласными и негласными средствами и методами оперативно-розыскных мероприятий. Перспектива дальнейших исследований заключается в необходимости осуществления системного анализа проблем ОРД, например в приграничной сфере, и разработке предложений относительно путей их решения.

УДК 342

А.А. Подупейко

НАРОДОВЛАСТИЕ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Развитие Республики Беларусь в современный период характеризуется прежде всего совершенствованием конституционного законодательства. Следует отметить, что объективными предпосылками совершенствования конституционного законодательства Республики Беларусь стали необходимость укрепления суверенитета, независимости и повышения роли народовластия, а также закрепления и сохранения национальной самобытности белорусского народа, удовлетворения возрастающих потребностей людей, модернизации белорусского общества и национальных интересов в целом.

Конституция Республики Беларусь содержит ряд положений, закрепляющих возможность народа осуществлять власть. Так, согласно ст. 3 «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией». Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов, иных нормативных правовых актов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами. «В порядке, установленном законодательством, граждане Республики Беларусь принимают участие в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на республиканских и местных собраниях» (ст. 37 Конституции). Кроме того, граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы, имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах, имеют право направлять личные и коллективные обращения в государственные органы. В соответствии со ст. 73 Конституции для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни могут проводиться республиканские и местные референдумы, в которых имеют право участвовать граждане, обладающие избирательным правом.

В Республике Беларусь во исполнение норм Конституции утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь (указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196). Концепция определяет идеологические императивы правовой политики на современном этапе, и одним из них является народовластие. Под народовластием понимается способ реализации народом политической власти, которая включает в себя процесс формирования единой воли народа и ее практического осуществления на основе идеологии белорусского государства. Она реализуется как в непосредственной, так и в представительной форме с учетом многообразия политических институтов и мнений.

Концепция определяет и основные инструменты народовластия. К таковым относятся Всебелорусское народное собрание как высший представительный орган народовластия; выборы Президента, депутатов всех уровней; республиканские и местные референдумы; местное самоуправление, осуществляемое через местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания и иные организационно-правовые формы принятия решений.

Следует отметить, что самым значимым итогом республиканского референдума 2022 г. является принятие решения о создании Всебелорусского народного собрания. Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий неизменность конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие (ст. 89-1). Образование и полномочия Всебелорусского народного собрания направлены прежде всего на укрепление государственного суверенитета и повышение роли народа Беларуси в политическом процессе. При этом делегаты Всебелорусского народного собрания представляют различные сферы деятельности общества: промышленность, транспорт, строительство, агропромышленный ком-

плекс, образование, здравоохранение, культуру, банковское дело, силовой блок, СМИ и др. Особое внимание необходимо обратить на полномочия Всебелорусского народного собрания. Их особенностью является то, что это наиболее важные вопросы государственной и общественной жизни и в их обсуждении и принятии может участвовать значительное количество граждан.

Всебелорусское народное собрание в соответствии с Конституцией и Законом «О Всебелорусском народном собрании» утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности, программу социально-экономического развития Республики Беларусь; заслушивает ежегодные послания Президента к Парламенту; заслушивает Премьер-министра о выполнении программ социально-экономического развития Республики Беларусь; обладает правом законодательной инициативы, предлагает изменения и дополнения в Конституцию; предлагает проведение республиканских референдумов; вправе рассматривать вопрос о легитимности выборов и др.

Всебелорусское народное собрание может выступать и в качестве гаранта Конституции, суверенитета и национальной безопасности: принимает решение о смещении Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения им Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления; вправе ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение при наличии оснований, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, и в случае бездействия Президента по этим вопросам.

Кроме того, Всебелорусское народное собрание для реализации возложенных на него конституционных функций принимает решения. Решения Всебелорусского народного собрания являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов (ст. 30 Закона «О Всебелорусском народном собрании»). В актах Всебелорусского народного собрания воплощается суверенная воля народа, которая направлена на укрепление народного суверенитета, народовластия, на углубление отношений между гражданами и государством.

Народовластие может быть реализовано и других формах. Например, в соответствии с Конституцией и законодательством граждане обладают правом законодательной инициативы. Право законодательной инициативы принадлежит гражданам Республики Беларусь, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тыс. человек. Право законодательной инициативы о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, а также право на внесение предложений Всебелорусскому народному собранию принадлежат не менее чем 150 тыс. граждан.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь гарантирует принцип народовластия и дает возможность гражданам активно участвовать в различных политических и общественных процессах. При этом роль государства значительна, что позволяет обеспечивать стабильность общественных отношений и социальные гарантии граждан. Для укрепления роли народовластия, на наш взгляд, целесообразно дальнейшее расширение форм участия граждан в принятии управленческих решений; обеспечение развития и внедрение в практическую деятельность современных цифровых технологий для дальнейшего совершенствования деятельности в сфере государственного управления; активизация работы по цифровизации и упрощению всех административных, управленческих процессов и взаимодействию государственных органов с юридическими лицами и гражданами; повышение прозрачности деятельности государственных органов; укрепление местного самоуправления как базового уровня народовластия. Белорусская политическая модель основана на принципах народовластия, верховенства норм права, незыблемости основ конституционного строя, баланса интересов личности, общества и государства.

УДК 34.06

П.И. Протащук

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН: ТРЕНД ИЛИ ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

В эпоху цифровизации правовой сферы растущий общественный запрос на публичность деятельности государственных институтов диктует необходимость поиска современных средств и методов реализации фундаментальных (основополагающих) принципов их деятельности.

В п. 1 ст. 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З (далее – Закон) закреплены основные принципы нормотворческой деятельности, среди которых ключевое место занимает принцип гласности. Реализация данного принципа означает, что граждане и юридические лица должны быть информированы о деятельности нормотворческих органов (должностных лиц), подготавливаемых ими проектах нормативных правовых актов (НПА), принимаемых (издаваемых) актах в порядке, установленном законодательством. Содержание данного принципа предполагает не только доступность, но и простоту восприятия юридической информации. Сложность формулировок НПА или актов применения права (АПП), специфика юридических конструкций, наличие немалого количества бланкетных и отсылочных норм создают барьеры в правовой коммуникации между субъектами нормотворческой деятельности и представителями гражданского общества.

Новым направлением теории права и инновационной разновидностью юридической техники, выступающей в качестве способа реализации принципа гласности, является юридический дизайн (legal design). В настоящее время учеными ведется дискуссия о том, что следует понимать под данным определением. Общепринятого определения наукой не выработано. Одни исследователи сводят его к архитектуре и логической структуре юридического документа, другие акцентируют внимание исключительно на эстетико-визуальном восприятии адресатом правовой информации. Наиболее признанным определением legal design является следующее: разновидность юридической техники, согласно которой НПА или АПП излагаются с использованием эстетико-дизайнерских средств в доступной форме, применяя упрощенный язык и инструменты визуализации.

Какие же положительные и отрицательные черты несет в себе юридический дизайн? Очевидным преимуществом юридического дизайна является доступность нормативных правовых предписаний тем субъектам права, которые обладают обы-

денным правосознанием. Применение средств юридического дизайна позволяет в полной мере реализовать требования ст. 28 Закона: обеспечить ясность, простоту и доступность языка изложения НПА. Предлагаем субъектам нормотворческой деятельности в положениях проектов НПА использовать средства юридического дизайна: заголовки и подзаголовки (четкое разделение текста), списки (маркированные и нумерованные для перечисления), отступы и пробелы (улучшение читабельности), инфографики, диаграммы, схемы (наглядное представление сложных данных и процессов), шрифт, цвет, линии (использование стандартных стилей для единообразия), при этом минимизируя использование причастных (деепричастных) оборотов, отсылочных (бланкетных) норм. На этапе обсуждения проекта НПА граждане, представители государственных (негосударственных) организаций видят не просто набор статей, а разбитый по логическим блокам текст, что в конечном счете способствует укреплению доверия деятельности нормотворческих органов, минимизирует риск разного толкования. Следует отметить, что юридический дизайн следует рассматривать не как способ подмены традиционной юридической техники, а как средство баланса между формальной определенностью (юридической точностью) и доступностью формы изложения НПА. Визуализируя НПА, субъекты нормотворческой деятельности понятным и доступным языком излагают юридический текст.

Юридический дизайн выступает эффективным проводником воли законодателя, гарантируя корректное восприятие субъектами правоотношений нормативных правовых предписаний. Обеспечивая верное толкование нормативных правовых предписаний, юридический дизайн минимизирует риски недопонимания, что приведет к сокращению необоснованных жалоб на действия представителей органов государственной власти. Изложенные в визуализированной форме НПА или АПП способствуют лучшему усвоению правовых знаний населением, как следствие, повышается правовая культура и правосознание субъектов права. Таким образом, юридический дизайн превращает НПА и АПП в инструмент правового просвещения.

Несмотря на очевидный потенциал legal design в реализации принципа гласности деятельности нормотворческих органов, данный правовой феномен не следует рассматривать как абсолютную панацею. Обратной стороной стремления к обеспечению гласности деятельности нормотворческих органов (иных публично-правовых организаций), визуальной ясности НПА или АПП выступают риски, связанные с внедрением средств юридического дизайна. Одним из рисков внедрения юридического дизайна является примитивизация положений НПА и АПП. Попытка заменить четко установленное законодателем содержание статьи на визуализированный язык может привести к потере сущностно важных положений правовой нормы или АПП. Простота текстуальных положений юридического дизайна достигается за счет сокращения положений НПА, что может привести к неверному толкованию текста НПА.

В юриспруденции каждая запятая имеет значение, и юридический дизайн должен не подменять текст всецело, а служить инструментом правового просвещения. Показателен известный многим пример: «казнить, нельзя помиловать» (смертный приговор) и «казнить нельзя, помиловать» (прощение). Следующим аргументом является то, что юридический дизайн законодательно не закреплён, соответственно не может являться источником доказательств по делу. Кроме того, юридический дизайн может быть использован для того, чтобы замаскировать (скрыть) важные, но неприятные положения НПА или АПП. Из этого следует, что за визуализированной оболочкой может скрываться ущемление прав субъектов права, которые под влиянием «удобного интерфейса» подпишут документ, не вникнув в смысл субъективных прав и обязательств.

Таким образом, юридический дизайн потенциально может быть использован в нормотворческой деятельности в качестве дополнительного инструмента, направленного на правовое просвещение субъектов правоотношений. Учеными ведутся дискуссии о понятии, сущности, месте и роли юридического дизайна в системе средств юридической техники. Основная часть юридического сообщества считает, что юридический дизайн – это разновидность юридической техники, согласно которой НПА или АПП излагаются с использованием эстетико-дизайнерских средств в доступной форме и применением упрощенного языка и инструментов визуализации. Юридический дизайн в нормотворческой деятельности не должен рассматриваться как новый способ юридического оформления НПА, поскольку в настоящее время данный феномен не имеет нормативного закрепления, как следствие, юридической силы. Юридический дизайн в нормотворческой деятельности следует рассматривать как комплементарный (дополнительный) инструмент, который истолковывает содержание права для неспециалиста, субъекта права с обыденным правосознанием. Результативность использования юридического дизайна в нормотворческой деятельности должна строиться в строгой последовательности: правовая основа первична, а визуальная и структурная доступность вторична. Соблюдение указанной последовательности позволяет на более высоком уровне реализовывать принцип гласности в деятельности нормотворческих органов.

УДК 351.74

С.А. Семёнова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ И СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-х гг.

После завершения Великой Отечественной войны в Советском государстве наряду с решением народно-хозяйственных проблем в первое послевоенное десятилетие важное общегосударственное значение приобрели задачи дальнейшего укрепления правопорядка, усиления борьбы с преступностью, охраны государственного и общественного имущества, защиты законных прав и интересов граждан. Выполнение этих задач и легло в основу деятельности правоохранительных органов, в том числе и уголовного розыска.

Сложившаяся оперативная обстановка в стране определила основные направления практической деятельности аппаратов уголовного розыска и других служб милиции. На уголовный розыск возлагались следующие функции: предупреждение,

пресечение и раскрытие преступлений; борьба с детскими беспризорностью и безнадзорностью, способствовавшими значительному росту преступности среди несовершеннолетних; изъятие оружия у населения; оказание помощи другим милицеским службам в охране общественного порядка, государственной и общественной собственности и личного имущества граждан, в соблюдении паспортной и разрешительных систем, в решении других задач укрепления правопорядка в стране.

Большое внимание в послевоенные годы уделялось вопросам упрочения законности и правопорядка, решались проблемы комплектования и подготовки кадров уголовного розыска, совершенствовалась его организационная структура и материально-техническое оснащение.

Так, в июле 1946 г. отдел уголовного розыска Главного управления милиции (ГУМ) МВД СССР был преобразован в управление уголовного розыска (УУР), что было закреплено в специальном положении об УУР. Его деятельность стала строиться по территориальному принципу. Начальник УУР стал починяться непосредственно начальнику ГУМ МВД СССР. На УУР возлагалась задача организации борьбы со всеми видами уголовных преступлений на территории Советского Союза. Соответствующие организационно-структурные преобразования произошли в аппаратах уголовного розыска республик, краев и областей.

Следующую серьезную реорганизацию уголовный розыск претерпел в 1949 г., когда ведущие милицеские службы были переданы из МВД в Министерство государственной безопасности (МГБ) в целях расширения функций милиции в обеспечении государственной безопасности. В 1951 г. в уголовном розыске учреждается институт сыщиков. Их деятельность регламентировалась приказом МГБ СССР от 19 января 1951 г. «О перестройке уголовного розыска и мерах по усилению борьбы с уголовной преступностью». Сыщики были призваны повысить эффективность борьбы с преступным элементом, активизировавшимся в послевоенные годы.

В приказе отмечалось, что в милиции на протяжении длительного времени не уделялось должное внимание сыскной работе, не проявлялась необходимая забота о подготовке имеющегося персонала квалифицированных сыщиков, хорошо знающих свое дело. Этим же приказом уголовный розыск переименовывался в уголовный сыск.

Предусматривался ряд мер по подготовке профессиональных сыщиков. Вводились должности старшего сыщика, сыщика и младшего сыщика, на которые должны были назначаться лучшие оперативные работники уголовного розыска, других милицеских служб, государственной безопасности. Сыщики обязаны были изучать и знать повадки и жаргон преступников, способы совершения ими преступлений и места сбыта краденого, умело производить осмотр места происшествия и вести слежку, делать установку и, соблюдая конспирацию, выведывать все, что требуется для выполнения порученных оперативных заданий, в совершенстве владеть научно-техническими методами раскрытия преступлений.

Каждый сыщик действовал в одиночку, но в случае оперативной необходимости ему в помощь придавались другие сыщики. Им разрешалось производить вербовку агентуры, для выполнения оперативных заданий иметь в ресторанах, пивных, скупочных, гостиницах и иных соответствующих местах нужных для сыска людей. Сыщики широко использовали в своей работе оперативный гардероб и средства маскировки. При совершении преступления сыщик собирал необходимые сведения на месте происшествия и приступал к розыску преступников.

В январе 1954 г. уголовный сыск был упразднен. Произошло это уже в рамках обновленного МВД СССР, образованного в марте 1953 г. в результате объединения в одно министерство МВД и МГБ. Объем функций уголовного розыска и других милицеских служб, входивших ранее в ГУМ МГБ, по обеспечению государственной безопасности основательно сокращался. Основное внимание сотрудников уголовного розыска акцентировалось на повышении уровня работы по предупреждению и пресечению правонарушений и полному раскрытию совершенных преступлений.

Данное положение получило нормативное заключение в постановлении Совета Министров СССР от 27 августа 1953 г. «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью». Особое внимание в нем наряду с требованиями укрепления законности уделялось вопросам совершенствования профилактики правонарушений, усиления борьбы с особо опасными видами преступлений, пресечения противоправной деятельности рецидивистов. Было рекомендовано укрепить уголовно-розыскную службу наиболее квалифицированными сотрудниками, освободить их от производства расследования и сосредоточить все усилия оперативных работников на раскрытии уголовных преступлений.

В розыскную практику в 1950-х гг. все шире вовлекались научно-технические отделы (НТО) органов милиции. Все чаще на места преступлений в составе оперативных групп выезжали и эксперты НТО.

Улучшению качественного состава кадров уголовного розыска способствовала практическая реализация требований постановления ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «Об основных задачах и структуре Министерства внутренних дел СССР». В нем в частности была поставлена задача дальнейшего совершенствования системы общей и специальной подготовки сотрудников милицеских служб, повышения их деловой квалификации. Проблемы организации профессиональной подготовки в качестве первоочередных были поставлены и в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 октября 1956 г. «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР», которое сыграло важную роль в демократизации деятельности милицеских служб и совершенствовании их организации.

Большое внимание в эти годы уделялось дальнейшему развитию специальных милицеских учебных учреждений. К действующим в 1955 г. 4 высшим и 13 средним специальным школам милиции дополнительно были открыты 12 средних специальных школ милиции, 9 школ переподготовки начальствующего состава, которые имели 7 заочных отделений. Все школы были специализированы на подготовку и переподготовку кадров по определенному профилю деятельности милиции. Кроме высших и средних специальных учебных учреждений действовали областные и межобластные пункты подготовки и переподготовки сотрудников, а также курсы переподготовки работников уголовного розыска и других служб милиции. Во многих крупных подразделениях уголовного розыска были организованы школы повышения оперативного мастерства. Они вели большую работу по распространению передового опыта борьбы с преступностью, повышению квалификации оперативного состава. Основной формой обучения в таких школах были практические занятия, максимально приближенные к реальной обстановке.

Большая роль в подготовке кадров и повышении оперативного мастерства работников уголовного розыска в данный период отводилась криминалистическим музеям. На базе криминалистического музея с помощью научно-технического отдела УМ МВД БССР проводились занятия с оперативным составом милиции, обобщался опыт борьбы с преступностью. Музей служил также средством популяризации возможностей криминалистической экспертизы и научно-технических средств в оперативной и следственной работе.

Осуществление вышеперечисленных мер по совершенствованию организационной структуры и подготовке кадров для уголовного розыска позволило во второй половине 1950-х гг. увеличить уровень раскрываемости преступлений, стабилизировать оперативную обстановку и замедлить рост преступности.

УДК 342.31

Р.А. Середа

НАРОДОВЛАСТИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

На современном этапе развития большинства стран принцип народовластия не только играет системообразующую роль в формировании системы органов управления государством, но и становится фактором, консолидирующим общество перед лицом нарастающей внешнеполитической нестабильности и новых социальных вызовов и угроз.

Как отмечал М. Вебер, наряду с харизматическим и традиционным источниками легитимности власти рациональным является демократический, предполагающий веру в легальный (законный) характер полномочий лидера на издание законов. Сегодня именно народовластие является ведущим способом легитимации государственной власти и фундаментом конституционализации политической системы современных государств. При этом процесс построения демократического государства почти всегда проходит длительный путь через поэтапное укоренение принципов демократизма и создание целостной архитектуры институтов народовластия. Как отмечает О.Е. Кутафин, «принятие первых конституционных документов, предоставивших определенные гражданские права и ограничивших власть монарха, явилось значимым событием конституционного развития, а модернизация конституций – важный фактор дальнейшей демократизации государственной жизни».

В связи с этим представляет научный интерес анализ этапов закрепления и развития принципа и институтов народовластия в конституциях белорусского государства советского периода, а также суверенной Республики Беларусь.

Первая из обозначенного периода Конституция ССРБ была довольно лаконичной и отличалась ярко выраженным классовым подходом к организации государства и общества. Реализация принципа народовластия была ограничена провозглашением принадлежности всей власти рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах. В качестве полномочного представительства трудящихся масс закреплялись Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В свою очередь, высшим органом государственной власти провозглашался съезд Советов Белоруссии.

Каких-либо институтов непосредственного народовластия данная конституция не предусматривала, ограничиваясь закреплением некоторых политических свобод в данной области (свобода выражения своих мнений; свобода собраний, митингов, шествий; свобода союзов).

Конституция БССР 1927 г., несмотря на более широкий предмет регулирования, в целом сохранила классовый подход к вопросам народовластия. Закреплялся принцип диктатуры пролетариата на основе союза рабочих и крестьян, а принадлежность всей власти также сохранялась за Советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Вместе с тем конституционное развитие получил статус Всебелорусского съезда Советов как носителя верховной власти в республике: установлены его исключительная компетенция и нормы представительства. Кроме того, получила развитие реализация народовластия на местном уровне: закреплён статус местных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, их съездов, предусмотрена ответственность депутатов Советов перед избирателями и возможность их отзыва. Отдельная глава была посвящена избирательному праву.

В Конституции БССР 1937 г. принцип народовластия получил более широкую трактовку как власть трудящихся города и деревни, смягчив жесткий классовый подход предыдущих конституций. В контексте данной тенденции впервые получило закрепление всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, а также установлены субъекты выдвижения кандидатов в депутаты.

Таким образом, в рассмотренных белорусских конституциях принцип народовластия находил отражение через призму классового подхода и имел ограниченную реализацию, преимущественно через деятельность представительных органов – Советов депутатов, их съездов, производных государственных органов. При этом непосредственное народовластие ограничивалось закреплением избирательного права и возможностью отзыва депутатов местных Советов.

Значительное развитие принцип народовластия получил в Конституции БССР 1978 г. В преамбуле был впервые зафиксирован самостоятельный субъект конституционно-правовых отношений – народ БССР, принимающий и провозглашающий данную Конституцию. Он же провозглашался субъектом всей государственной власти. При этом народ включал в себя рабочих, крестьян, интеллигенцию, трудящихся всех национальностей, минимизировав классовый подход предыдущих конституций.

Знаковым для конституционного развития стало использование формулы «демократический централизм», под которым подразумевалась выборность всех органов государственной власти, ответственность их перед народом, сочетание единого управления с инициативой на местах. Идеи социалистической демократии как основного направления политической системы также нашли отражение в данной конституции посредством обеспечения более широкого участия граждан в управлении делами государства и общества, повышения активности общественных объединений.

Ключевым событием для развития непосредственного народовластия стало закрепление института референдума как всенародного обсуждения и голосования по наиболее важным вопросам государственной жизни.

Обретение независимости и принятие в 1994 г. первой Конституции Республики Беларусь как суверенного государства ознаменовали коренные изменения во всех сферах конституционного строя нашей страны. В политической системе произошел полный переход к модели демократического государства, были восприняты многие новые формы народовластия.

Народ помимо субъекта, принимающего Конституцию, был провозглашен в качестве единственного источника государственной власти и носителя суверенитета, закреплены две формы народовластия – непосредственная и представительная, каждая из которых получила самостоятельное развитие в конституционном тексте.

Непосредственное народовластие получило развитие через закрепление институтов местных референдумов, обсуждение проектов законов, проведение республиканских и местных собраний. Граждане получили возможность выдвигать кандидатов в Президенты, депутаты, инициировать проведение республиканских и местных референдумов, рассмотрение Парламентом законов о внесении изменений в Конституцию (а также иных законов), а также возможность отзыва депутатов за неисполнение их обязанностей. Вместе с тем, несмотря на количественный скачок институтов непосредственного народовластия, некоторые из них (местные референдумы, народная законодательная инициатива, отзыв депутата) остаются нереализованными.

Дальнейшее конституционное реформирование в Республике Беларусь так или иначе было связано с совершенствованием принципа демократического государства и оптимизацией различных форм народовластия. Так, конституционная реформа 1996 г. изменила место и роль Президента Республики Беларусь, придав ему статус представителя Республики Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями. Парламент – Национальное собрание Республики Беларусь был трансформирован в двухпалатный орган, обеспечивающий как народное, так и территориальное представительство.

Качественным витком в развитии принципа народовластия стала конституционная реформа 2022 г. Во-первых, был обоснованно уточнен сам принцип демократии в Республике Беларусь, в основу которой была положена идеология белорусского государства.

Во-вторых, конституционное оформление получило Всебелорусское народное собрание (ВНС) как высший представительный орган народовластия, фактически сформировав в Республике Беларусь самостоятельную ветвь органов представительного народовластия (ВНС – Национальное собрание – местные Советы депутатов).

В-третьих, новые формы воплощения получило непосредственное народовластие. Так, народ Республики Беларусь получил право инициировать выдвижение обвинения Президенту и ставить перед ВНС вопрос о смещении Президента с должности; инициировать созыв внеочередного заседания ВНС; право обращаться с жалобами в Конституционный Суд Республики Беларусь и оспаривать конституционность нормативных правовых актов.

Таким образом, принцип народовластия как основа политической системы был присущ белорусскому государству практически на всех этапах конституционного развития. И если в начале советской эпохи его реализация была ограничена классовым подходом, то с момента обретения Республикой Беларусь суверенитета мы наблюдаем поступательное развитие идей демократизма как в непосредственной, так и в представительной формах.

Вместе с тем остаются нерешенными вопросы реализации отдельных форм народовластия (местные референдумы, законодательная инициатива, отзыв депутата), требуют научно-практического осмысления место и роль ВНС в политической системе, а также вопросы дальнейшего развития идей народовластия в условиях цифровизации общественных отношений.

УДК 340.114.5

Е.И. Стабровский

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ ЛИЧНОСТИ

В современном мире, характеризующемся юридизацией общественных отношений, совершенствованием законодательства, стремительным развитием цифровых технологий, особый научный интерес представляют вопросы, связанные с правовым сознанием личности, на поведение которой направлено правовое регулирование. Норма права, в которой находят отражение правовые ценности общества, рассчитана на безупречный вариант поведения. При этом реализация нормы права зависит от личности, которой она адресована. Личность каждого обладает различными свойствами, в том числе личностными правовыми ценностями, проявляющимися в конкретной правовой ситуации, при встрече с фактом правовой жизни или нормой права.

Правовые ценности, существующие в системе права, формируются на прочной основе социального взаимодействия в течение определенного времени. Система права обуславливает формирование правового сознания личности с учетом правовой традиции, особенностей социокультурного развития. Однако восприятие человеком ценности, заложенной законодателем в норму права, еще не служит основанием для утверждения ценности как реального регулятора поведения, а является для человека только правовой информацией. В этом проявляется вероятность несовпадения правовой ценности общества с ценностями конкретной личности. Е.Н. Тонков отмечает, что нормативная система личности не совпадает с позитивным законодательством, но в совокупной целостности индивидуальные человеческие позиции формируют правовые устои общества. В масштабе правового поведения человек как субъект права не всегда выбирает то, что является ценностью для субъекта нормотворческой деятельности. Человек готов выбрать то, что является ценным для него. Отсюда следует, что утверждение ценности должно произойти не только на уровне правовых знаний, но и на уровне личностного отношения, в чем проявляется

личностная сторона правового сознания. После этого правовая ценность начинает нести в себе личностно воспринятое и ставшее личностно-ценностным регулятивное содержание, определяющее поведение субъекта права.

Как отмечает Н. Неновски, уровень правосознания не находится в прямой зависимости от знания права и его источников. Можно знать правовые нормы и тем не менее иметь низкое правосознание. И наоборот, при незначительных правовых знаниях можно обладать достаточно высоким правосознанием. Правовое сознание личности нельзя оценить только по знанию нормы права.

Следует отметить, что человек может не знать и, как правило, не знает в точности положений норм права, но, имея к ним ценностное отношение, поступает в соответствии с личностно усвоенной правовой ценностью. Если человек встречается с необходимостью совершения юридически значимых действий или уточнения правила поведения в той или иной сложной правовой ситуации, то, имея личностную правовую ценность, ему достаточно обратиться к тексту соответствующей нормы права или к тем лицам, которые обладают необходимыми знаниями, чтобы норма права была реализована в соответствии с замыслом законодателя.

Поскольку большинство граждан не знают в точности содержания законодательства и не обладают специальными правовыми знаниями, постольку большинство поступков обусловлены их личными нравственными представлениями, сформированными в согласии с правовыми ценностями. Это позволяет обеспечить правомерность поведения на основе личностных ценностей, совпадающих с правовыми ценностями общества. И наоборот, для человека, не имеющего личностно-ценностного отношения к праву, знание правовой нормы не является определяющим в выборе варианта поведения. Даже зная предписанное правило поведения, но имея возможность не следовать норме права, такой человек может совершить поступок, не связывая себя требованиями нормы права. Таким образом, в выборе правомерного способа поведения наличие у человека личностной правовой ценности имеет первоочередное значение по отношению к знанию законодательства.

Личностные правовые ценности, необходимые для устойчивого правомерного поведения человека, должны быть в комплексе сформированы в правовом сознании. Приведем перечень базовых личностных правовых ценностей в правовом сознании человека:

- позитивное отношение к праву как способу правовой жизни и личностной реализации человека (например, законность, справедливость, общее благо, образование, свобода творчества, свобода убеждений);

- позитивное отношение ко всем субъектам права как свободным участникам правовой жизни, которая обеспечивается государственным управлением (например, мир, единство, согласие, права человека, народовластие, свобода, равенство, семья, гуманизм, субъективные права и обязанности, неприкосновенность и достоинство личности);

- позитивное отношение к законным способам удовлетворения потребностей как средству жизнеобеспечения и сохранения правопорядка в обществе (например, собственность, право на труд, социальное обеспечение, природная среда);

- позитивное отношение к деятельности государства и его органов как представителей и выразителей общественных интересов, что не исключает оценки их деятельности и стремления к ее совершенствованию (например, конституционный строй, установленный правопорядок, общественный порядок, безопасность, защита от необоснованного обвинения или осуждения);

- позитивное отношение к установленным правовым процедурам (например, правосудие, презумпция невиновности, защита от незаконного вмешательства в личную жизнь, право избирать и быть избранным).

Таким образом, правовые ценности общества должны находить отражение в правовом сознании личности для достижения устойчивого правомерного поведения. Знание правовых предписаний не служит основанием правомерного поведения, для которого необходимо личностное усвоение правовых ценностей общества. Наличие в правовом сознании системы личностных правовых ценностей необходимо каждому человеку. В совокупности базовые личностные правовые ценности выражаются в позитивном отношении к праву, субъектам права, деятельности государства, законным способам удовлетворения потребностей, правовым процедурам.

УДК 351.756

Д.Ю. Фицев

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН ОТ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

Обеспечение реализации права граждан от незаконного вмешательства в частную жизнь при использовании возможностей республиканской системы мониторинга общественной безопасности (РСМОБ, система мониторинга) при раскрытии преступлений, выявлении административных правонарушений, выполнении задач, стоящих перед органами внутренних дел (ОВД), в том числе по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, требует развития и совершенствования существующих организационных и правовых подходов, регулирующих данные правоотношения.

Принятые нормативные правовые акты, направленные на построение и развитие системы мониторинга, практика использования возможностей РСМОБ показали, что для повышения качества использования результатов данной системы, а также соблюдения прав и законных интересов граждан, в том числе по защите тайны личной жизни от незаконного вмешательства, необходимо проведение организационно-штатных изменений в структуре ОВД с введением подразделений (служб), в служебные обязанности которых входила бы координация работы по построению и развитию РСМОБ.

С этой целью приказом Министра внутренних дел от 14 июля 2023 г. № 156 «О подразделениях мониторинга общественной безопасности органов внутренних дел» в штатной структуре ГУВД Минского горисполкома, УВД облисполкомов

созданы Центры мониторинга общественной безопасности, основной задачей которых определено проведение мероприятий по построению и развитию РСМОБ на территории обслуживания.

На основании типового положения, утвержденного вышеуказанным приказом, в ГУВД и УВД изданы соответствующие нормативные акты, которыми определены основные функции и задачи, возлагаемые на вновь созданные подразделения. Центры мониторинга общественной безопасности УВД в своей деятельности находятся в непосредственном подчинении заместителя начальника ГУВД, УВД – начальника криминальной милиции, а также оперативно подчиняются начальнику отдела оперативно-информационной работы криминальной милиции ГУВД, УВД.

В соответствии с типовым положением основными задачами центра являются:

- координация деятельности территориальных подразделений – пользователей РСМОБ, иных организаций и индивидуальных предпринимателей – при функционировании, развитии и использовании системы мониторинга;
- координация деятельности структурных подразделений МВД, ГУВД, УВД, подчиненных им ОВД по порядку подключения и (или) использования РСМОБ;

- организация взаимодействия с оператором системы мониторинга в части выполнения им работ (услуг) по содержанию и эксплуатации РСМОБ, в том числе в рамках договорных отношений;

- осуществление контроля за состоянием общественной безопасности в режиме реального времени и обеспечение оперативного реагирования на фиксируемые системой мониторинга события;

- участие в работе оперативно-ситуационного штаба;

- изучение, обобщение и распространение опыта использования системы мониторинга в профилактике, выявлении и пресечении правонарушений, установлении лиц, находящихся в розыске;

- анализ и обобщение результатов работы РСМОБ;

- внесение предложений по оптимизации работы и совершенствованию (модернизации) системы мониторинга, в том числе программной платформы.

Кроме того, центр мониторинга общественной безопасности ГУВД, УВД в соответствии с возложенными на них задачами и в пределах компетенции выполняет следующие функции:

- разрабатывает самостоятельно или совместно с заинтересованными структурными подразделениями ГУВД, УВД проекты локальных правовых актов, методических рекомендаций в сфере использования РСМОБ;

- координирует и контролирует служебную деятельность структурных подразделений УВД, подчиненных им ОВД в части использования РСМОБ, оказывает им методологическую и практическую помощь;

- оказывает содействие территориальному подразделению оператора РСМОБ в обеспечении функционирования и развития системы мониторинга;

- в установленном порядке участвует в проведении обследований объектов (мест установки), проводимых в соответствии с регламентом функционирования РСМОБ, утвержденным постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 9 сентября 2022 г. № 234, осуществляет контроль за ходом проведения обследований в ОВД, подчиненных ГУВД, УВД, и анализ их результатов;

- обеспечивает сопровождение (наблюдение и передачу информации) во время проведения поисковых и иных мероприятий;

- взаимодействует с оперативно-дежурной службой милиции общественной безопасности ГУВД, УВД в части обеспечения реагирования на события, зафиксированные РСМОБ;

- в установленном порядке использует информационные системы (ресурсы) ОВД, необходимые для осуществления задач, возложенных на центр;

- запрашивает у территориальных подразделений оператора и пользователей РСМОБ сведения об эффективности функционирования системы мониторинга, предложения по ее модернизации, необходимости изменения законодательства в данной сфере, анализирует и обобщает их;

- изучает, обобщает и внедряет в практику передовой опыт, в том числе ОВД (полиции) иностранных государств, по профилактике, выявлению и пресечению правонарушений с использованием систем видеонаблюдения;

- вносит предложения по актуализации формируемого МВД перечня объектов (мест установки), подлежащих оборудованию средствами системы видеонаблюдения и (или) специальными детекторами;

- обобщает списки сотрудников ГУВД, УВД, подчиненных им территориальных ОВД на подключение, продление или корректировку доступа к программной платформе РСМОБ;

- исполняет поступающие из ОВД, налоговых органов и судов запросы о предоставлении информации, зафиксированной системой мониторинга;

- организует и проводит семинары, совещания, учебные сборы по вопросам, относящимся к компетенции центра;

- анализирует и обобщает результаты работы РСМОБ;

- на основе результатов анализа вносит руководству ГУВД, УВД предложения по совершенствованию (модернизации) РСМОБ и ее элементов, в том числе ее программного обеспечения, деятельности по мониторингу общественной безопасности;

- выполняет иные функции, предусмотренные законодательством и правовыми актами МВД.

Таким образом, в системе ОВД организационно-правовое регулирование использования возможностей системы мониторинга находится в тесном взаимодействии с практическими результатами ее использования. Для эффективного обеспечения прав и законных интересов наших граждан необходимо расширение технических средств РСМОБ. Обозначенное требует расширения штата специалистов, работающих в том числе в центрах мониторинга общественной безопасности. Следовательно, необходимо обеспечить качественное организационно-управленческое воздействие на процессы развития РСМОБ, а также требуется совершенствование правового регулирования в обозначенной сфере общественных отношений в целях защиты прав и свобод населения нашей страны.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА, АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 342.9

Х.Д. Абдухалилов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Мелкое хулиганство как административное правонарушение остается одной из наиболее распространенных категорий дел, рассматриваемых органами внутренних дел Республики Узбекистан.

Согласно ст. 183 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности (далее – КоАО РУз) мелкое хулиганство определяется как нецензурная брань в общественном месте, оскорбительное приставание к гражданам либо другие действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан. Несмотря на кажущуюся ясность формулировки, правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем, связанных с субъективностью интерпретации, недостаточной четкостью квалификационных признаков и изменением форм правонарушений в условиях цифровизации.

Целью нашего исследования являются анализ проблем квалификации мелкого хулиганства, изучение зарубежного опыта и разработка предложений по совершенствованию ст. 183 КоАО РУз. Исследование опирается на теоретические основы административного права, анализ статистических данных и международных практик.

Мелкое хулиганство характеризуется действиями, которые нарушают общественный порядок, но не достигают степени уголовно наказуемого деяния. Основные признаки, закрепленные в ст. 183 КоАО РУз, включают в себя использование нецензурной брани в общественном месте, оскорбительное приставание к гражданам, иные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие.

Однако эти признаки вызывают дискуссии в научной среде и правоприменительной практике. Например, понятие «общественное место» не имеет четкого законодательного определения, что приводит к неоднозначной квалификации действий, совершенных в частных пространствах или в цифровой среде. Аналогично термин «нецензурная брань» субъективен и зависит от культурных, социальных и контекстуальных факторов.

Анализ судебной и административной практики в Республике Узбекистан за 2020–2024 гг. показывает, что около 60 % дел по ст. 183 КоАО РУз связаны с субъективной оценкой действий правонарушителя. Основные проблемы включают в себя:

1. Нечеткость квалификационных признаков. Отсутствие четких критериев для определения понятия «нарушения общественного порядка» приводит к произвольной интерпретации.

2. Цифровую трансформацию. Распространение социальных сетей и онлайн-платформ породило новые формы мелкого хулиганства, такие как троллинг, кибербуллинг или распространение оскорбительного контента, которые не полностью охватываются текущей нормой.

3. Субъективность оценки. Отсутствие унифицированных стандартов для определения степени общественной опасности деяния затрудняет единообразное правоприменение.

Для разработки предложений по совершенствованию ст. 183 КоАО РУз полагаем целесообразным рассмотреть зарубежный опыт.

В России мелкое хулиганство регулируется ст. 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Норма охватывает более широкий спектр действий, таких как нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Россия активно адаптировала законодательство к цифровой среде, введя ответственность за оскорбления в Интернете (ст. 5.61 КоАП РФ). Этот подход позволяет квалифицировать онлайн-правонарушения, что актуально для Узбекистана в условиях роста активности в социальных сетях.

В Германии аналогичные правонарушения регулируются законами об общественном порядке. Немецкий подход акцентирует внимание на профилактике: правонарушители часто направляются на общественные работы или проходят образовательные программы вместо штрафов. Такой механизм способствует ресоциализации и снижению рецидива.

В Казахстане мелкое хулиганство регулируется ст. 434 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях. Законодательство четко определяет действия, подпадающие под хулиганство, включая использование пиротехники и нарушение тишины в ночное время. Казахстан также применяет медиацию для разрешения конфликтов, что снижает нагрузку на судебную систему.

Зарубежный опыт показывает, что ключевыми элементами эффективного регулирования являются четкое определение квалификационных признаков, адаптация норм к цифровой среде, акцент на профилактику и альтернативные меры наказания.

Социальные сети, такие как Telegram, Instagram и TikTok, изменили природу мелкого хулиганства. Публикация оскорбительного контента, кибербуллинг и провокационные челленджи становятся распространенными формами правонарушений. Однако ст. 183 КоАО РУз не учитывает специфику цифровой среды, что затрудняет квалификацию таких действий.

Административное законодательство должно быть направлено не только на наказание, но и на предупреждение правонарушений. В Узбекистане профилактическая функция ст. 183 КоАО РУз реализована недостаточно. Например, отсутствуют программы по информированию граждан о последствиях мелкого хулиганства или медиативные процедуры для разрешения конфликтов.

Реформирование ст. 183 КоАО РУз позволит повысить единообразие правоприменения, адаптировать норму к цифровой среде, усилить профилактическую функцию, снизить уровень повторного совершения правонарушений.

На основе проведенного анализа предлагаем принять следующие меры по совершенствованию административной ответственности за мелкое хулиганство:

1. Дополнить действующую редакцию ст. 183 «Мелкое хулиганство» КоАО РУз:

второй частью следующего содержания: «Те же действия, сопряженные с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка.»;

третьей частью следующего содержания: «Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Республики Узбекистан, Конституции Республики Узбекистан или органам, осуществляющим государственную власть в Республике Узбекистан, за исключением случаев, предусмотренных статьей 189² настоящего Кодекса, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.».

2. Уточнение квалификационных признаков: дополнить ст. 183 КоАО РУз определением понятия «общественное место», включив в него цифровую среду (социальные сети, мессенджеры); уточнить понятие «нецензурная брань» с учетом культурных и языковых особенностей, а также контекста (например, публичность высказывания); ввести перечень действий, подпадающих под «иные нарушения общественного порядка», включая кибербуллинг, троллинг и распространение провокационного контента.

3. Адаптация к цифровой среде: разработать механизм привлечения к ответственности за правонарушения в социальных сетях, включая сотрудничество с администрацией платформ для удаления противоправного контента.

4. Усиление профилактической функции: внедрить образовательные программы для граждан, особенно для молодежи, о правовых последствиях мелкого хулиганства.

5. Совершенствование правоприменения: разработать методические рекомендации для сотрудников органов внутренних дел по квалификации мелкого хулиганства, включая примеры из практики; ввести обязательное документирование правонарушений (видео-, аудиофиксация) для повышения объективности оценки.

6. Мониторинг и оценка: создать систему мониторинга эффективности применения ст. 183 КоАО РУз, включая анализ статистических данных и обратной связи от граждан; проводить регулярные исследования для выявления новых форм мелкого хулиганства и их влияния на общество.

В заключение следует отметить, что мелкое хулиганство остается значимой проблемой для общественного порядка в Республике Узбекистан. Нечеткость квалификационных признаков, недостаточная адаптация к цифровой среде и слабая профилактическая функция ст. 183 КоАО РУз снижают эффективность правоприменения. Зарубежный опыт демонстрирует важность четкого определения правонарушений, внедрения профилактических мер и адаптации законодательства к современным вызовам.

Предложенные меры, включая уточнение квалификационных признаков, адаптацию к цифровой среде и усиление профилактики, позволят повысить эффективность применения ст. 183 КоАО РУз. Реализация этих предложений требует совместных усилий законодателей, правоохранительных органов и общества для создания сбалансированной системы ответственности и предупреждения правонарушений.

УДК 342.91

А.А. Абрамчук

ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В БЫТОВЫХ ПРИТОНАХ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В настоящее время существуют деяния, характеризующиеся определенной степенью общественной опасности, однако не обладающие признаком противоправности, так как не закреплены в нормативных правовых актах в качестве правонарушений. Одними из таких общественно вредных деяний являются деяния, возникающие в связи с предоставлением жилых помещений лицам асоциального поведения с целью распития спиртных напитков, влекущие в последующем совершение правонарушений.

Для нас интерес представляют именно жилые помещения, так как правонарушения, возникающие в связи с вышеуказанными деяниями, в первую очередь причиняют беспокойство проживающим рядом гражданам (соседям), что требует принятия органами внутренних дел определенных мер, направленных на их предупреждение.

Правовое регулирование профилактики общественно вредных деяний, связанных с посещением лицами асоциального поведения указанных помещений с целью распития спиртных напитков, может повысить эффективность работы органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка.

Несмотря на тот факт, что о существующей проблеме неоднократно заявляли сами сотрудники органов внутренних дел, на законодательном уровне не предпринято шагов для ее решения. Предложений по решению данной проблемы нет также и в научной литературе.

Отсутствие законодательно закрепленного определения понятия жилого помещения, предоставляемого посторонним лицам с целью распития спиртных напитков, указывает на недостаточное внимание к этой проблеме со стороны законодателя, в связи с чем целесообразно решение названной проблемы начать с разработки необходимой терминологии.

При попытке дать определение понятия «притон» следует иметь в виду, что существует несколько видов таких помещений:

1. Притон как помещение для изготовления, переработки и (или) потребления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов или других одурманивающих веществ.

2. Притон для занятия проституцией.

Данные два вида деяний закреплены в Уголовном кодексе Республики Беларусь как преступления, за которые предусмотрены соответствующие меры ответственности.

3. Представляющий для нас интерес бытовой притон как жилое помещение, предоставляемое посторонним лицам с целью распития спиртных напитков.

Выделим критерии, которые в своей совокупности позволяют дать определение понятия «бытовой притон». К таким критериям следует отнести: свободный доступ в указанное помещение посторонних лиц; цель посещения данного помещения (распитие спиртных напитков); регулярность посещения посторонними лицами названных помещений с целью распития спиртных напитков; личность лиц, посещающих данное помещение; неоднократно допускаемые в указанном помещении нарушения общественного порядка или спокойствия граждан.

Нарушения общественного порядка или спокойствия граждан могут выражаться в виде систематических вызовов милиции на указанный адрес, при этом речь идет именно об обоснованных вызовах, когда поведение лица не согласуется с традиционно установленными нормами. В этой связи вызов милиции вследствие личных неприязненных отношений либо из-за громко бегающих в квартире детей не следует расценивать в качестве критерия отнесения квартиры к жилому помещению, нуждающемуся в постановке на учет как бытового притона.

Только наличие вышеперечисленных критериев в совокупности позволит вести речь о жилом помещении как бытовом притоне и, в свою очередь, выделить помещения, которые хоть и причиняют беспокойство гражданам, но не нуждаются в постановке на учет в связи с отсутствием общественной опасности (например: места сбора подростков и молодежи; квартиры, где осуществляется ремонт с нарушением действующего законодательства; квартиры с большим количеством домашних животных и т. п.).

Таким образом, под бытовым притоном следует понимать жилое помещение, в котором на регулярной основе собираются лица асоциального поведения с целью распития спиртных напитков и где неоднократно допускаются случаи нарушений общественного порядка или спокойствия граждан.

Следует отметить, что ввиду отсутствия законодательно закрепленного определения понятия «бытовой притон» территориальными органами внутренних дел предпринимаются попытки самостоятельно очертить круг общественно вредных деяний, связанных с указанными помещениями, путем принятия локальных правовых актов. В качестве примера можно привести Инструкцию о порядке выявления, учета и осуществления наблюдения за жилыми помещениями, состоящими на учете в органах внутренних дел, утвержденную приказом главного управления внутренних дел Минского городского исполнительного комитета от 15 октября 2019 г. № 400 (далее – Инструкция).

Вместе с тем Инструкция является лишь попыткой наделить сотрудников органов внутренних дел государственно-властными полномочиями по предупреждению совершения общественно вредных деяний, связанных с предоставлением жилых помещений лицам с целью распития спиртных напитков, путем наблюдения за такими помещениями.

По нашему мнению, простое наблюдение за бытовыми притонами не является достаточной мерой для предупреждения общественно вредных деяний, возникающих в связи с посещением указанных помещений асоциальными лицами с целью распития спиртных напитков.

Решающая роль в профилактике общественно вредных деяний, возникающих в связи с предоставлением жилых помещений лицам асоциального поведения с целью распития спиртных напитков, должна отводиться сотрудникам органов внутренних дел, которые должны быть наделены государственно-властными полномочиями, связанными с возможностью применять меры индивидуальной профилактики правонарушений, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», для чего необходим эффективный механизм постановки названных лиц на профилактический учет.

На наш взгляд, в качестве основания для постановки на профилактический учет такого лица целесообразно считать постановку жилого помещения, в пользовании у которого оно фактически находится, на учет в орган внутренних дел как бытового притона, что закрепить в вышеуказанном законе.

Цель профилактической работы с такими лицами должна заключаться в том, чтобы заставить их занимать не пассивную, а активную роль, направленную на снижение риска совершения в данных помещениях различного рода правонарушений путем проявления активной жизненной позиции в этом вопросе.

Перечень обязанностей, выполнение которых необходимо при осуществлении профилактического учета, а также обязанность по учету таких помещений предлагается возложить на органы внутренних дел, при этом среди основных обязанностей полагаем целесообразным участие данных лиц в профилактических мероприятиях, на которых будут проводиться лекции с демонстрацией фильмов о правонарушениях, совершаемых в бытовых притонах; посещение советов общественных пунктов охраны правопорядка, а для неработающих – также посещение органов по труду, занятости и социальной защите по месту жительства с целью трудоустройства.

УДК 342.951:378.1(476)

Д.М. Ачинович

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Система высшего образования Республики Беларусь сталкивается с рядом вызовов, обусловленных демографическими изменениями, выражающимися в снижении численности населения страны и, соответственно, количества обучающихся

в учреждениях высшего образования (УВО), трансформацией нормативной правовой базы и необходимостью повышения эффективности управления УВО. В этих условиях актуальной задачей является поиск и научное обоснование оптимальной организационной структуры УВО, способной адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды.

Организационная структура УВО представляет собой фундаментальный элемент административно-правового механизма, определяющий внутреннюю иерархию, распределение полномочий и функциональную нагрузку подразделений. Структура и штатная численность является организационно-распорядительным документом, обязательность которого установлена для ряда юридических лиц, прежде всего для государственных органов и бюджетных организаций. В таких случаях штатное расписание составляется на основе утвержденной структуры и штатной численности, отражая внутреннюю архитектуру организации.

Разработка и утверждение организационной структуры приобретают особое значение на этапах создания либо реорганизации учреждения. В этот период требуется определить состав и наименования структурных подразделений, установить систему их подчиненности и распределить функции между должностными лицами. Только после формализации структуры возможно составление корректного штатного расписания, отражающего реальные управленческие контуры организации.

Указанные подходы в полной мере применимы и к системе высшего образования. В соответствии с постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 11 августа 2022 г. № 252 «О типовых штатах и нормативах численности работников учреждений высшего образования» руководители УВО обязаны ежегодно утверждать структуру и штатное расписание на 1 января календарного года. Кроме того, в целях повышения открытости и прозрачности согласно Указу Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» сведения о структуре государственных органов и организаций подлежат обязательному размещению на главной странице их официального интернет-сайта.

Таким образом, каждое УВО должно располагать актуальной схемой организационной структуры, соответствующей действующему штатному расписанию и локальным правовым актам, регулирующим деятельность структурных подразделений. В данном контексте нами разработана оптимизированная схема организационной структуры учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (далее – БГЭУ).

Схема организационной структуры БГЭУ построена с соблюдением принципов наглядности, функциональной завершенности и простоты восприятия. Визуально она разделяется на две основные группы: административно-управленческий персонал и профессорско-преподавательский состав. Расположение блоков осуществляется с учетом иерархического статуса: должностные лица более высокого уровня представлены в верхней части схемы. Дополнительное визуальное кодирование (цвет, размер) используется для обозначения уровня подчиненности, а также для указания каналов коммуникации и функционального взаимодействия между руководством и структурными подразделениями.

В последние годы организационная структура БГЭУ претерпела значительные преобразования, обусловленные как изменениями в нормативном правовом регулировании, так и необходимостью адаптации к современным условиям функционирования. В рамках указанных трансформаций ряд структурных элементов был преобразован в более рациональные формы. Так, Институт социально-гуманитарного образования трансформирован в социально-экономический факультет, Институт магистерской подготовки – в учебно-методический отдел магистерской подготовки, факультет довузовской подготовки – в центр довузовской подготовки и профессиональной ориентации.

В рамках оптимизации образовательного и административного процесса были объединены несколько кафедр в составе факультетов: учетно-экономического, экономики и менеджмента, международных бизнес-коммуникаций. Техническая инфраструктура университета также подверглась модернизации: на базе центров информационных и мультимедийных технологий создан центр цифровизации образовательного процесса.

Несмотря на достигнутые результаты, действующие организационные структуры УВО Республики Беларусь в полной мере не могут считаться совершенными. Сохраняется значительный потенциал для их дальнейшей оптимизации как с позиции нормативного правового соответствия и административной рациональности, так и в контексте повышения эффективности выполнения образовательной миссии УВО.

Практика показывает, что в отдельных случаях организационная структура УВО характеризуется чрезмерной громоздкостью, наличием завышенного организационного статуса у подразделений с ограниченными функциями, дублированием полномочий и недостаточной профильностью управления. Рационализация может быть достигнута за счет пересмотра статуса некоторых центров и отделов, численность персонала которых не предполагает необходимости в существовании структур более высокого уровня. В подобных случаях возможен перевод подразделения на уровень управления, отдела или сектора, что в том числе способствует сокращению фонда оплаты труда за счет снижения размера окладов руководящего состава.

Обобщенный анализ практики реорганизации свидетельствует, что наиболее результативными являются подходы, основанные на слиянии или присоединении однородных по функционалу подразделений. Так, опыт БГЭУ по объединению кафедр в рамках отдельных факультетов может быть распространен и на иные единицы, выполняющие взаимосвязанные задачи. Перспективными мерами в этом контексте видится, например, объединение подразделения по международному сотрудничеству с подразделением, курирующим обучение иностранных граждан, или слияние редакций периодических изданий УВО в рамках единой структуры.

Таким образом, важнейшей задачей администрации УВО является формирование рациональной, функционально обоснованной и адаптивной организационной структуры, которая будет отвечать стратегическим целям УВО и обеспечивать своевременное реагирование на изменения внешней среды. Анализ современных подходов к формированию организационной структуры УВО на примере БГЭУ позволяет сделать вывод о необходимости ее постоянного совершенствования как важнейшего условия эффективного функционирования УВО в условиях трансформирующегося правового и социального контекста.

ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Деликтоспособность должностных лиц органов внутренних дел Республики Беларусь (далее – ОВД) представляет собой важный элемент их правового статуса, определяющий способность нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения. В условиях формирования правового государства и реформирования системы правоохранительных органов вопрос об объеме и пределах деликтоспособности сотрудников ОВД приобретает особую значимость.

Деликтоспособность должностных лиц ОВД имеет свою специфику из-за их особого статуса и обязанности защищать права граждан. Ответственность сотрудников ОВД усиливается, поскольку их противоправные действия причиняют больший моральный вред, чем действия обычных граждан, так как они посягают на права и свободы граждан, которые по долгу службы должны защищать. Вследствие этого и юридическая ответственность должностных лиц ОВД должна быть (и является) строже.

Основанием ответственности являются правонарушения, совершаемые сотрудниками ОВД на службе (по службе), представляющие собой противоправные деяния (действия либо бездействие), выражающиеся в неисполнении или ненадлежащем исполнении ими своих служебных обязанностей. За эти деяния сотрудники ОВД подвергаются дисциплинарной, уголовной и материальной ответственности.

Привлечение сотрудников ОВД к юридической ответственности имеет ряд особенностей (например, Дисциплинарный устав органов внутренних дел Республики Беларусь предусматривает меры ответственности за невыполнение порядка и правил несения службы, вместе с тем за нарушение правил дорожного движения, охоты, совершение таможенных правонарушений и т. п. сотрудники подлежат административной ответственности на общих основаниях).

Теоретические аспекты рассматриваемого вопроса были глубоко проработаны в работах С.С. Касьянчика, О.И. Чуприс и др.

В работах С.С. Касьянчика методологической основой выделения юридической ответственности как отдельного структурного элемента административно-правового статуса сотрудника ОВД выступают: наличие специальных составов правонарушений, субъектами совершения которых могут являться сотрудники ОВД; признание совершения правонарушения сотрудником ОВД в связи с исполнением служебных обязанностей обстоятельством,отягчающим юридическую ответственность; запрет на применение к сотрудникам ОВД административных взысканий в виде исправительных работ или административного ареста; нормативное правовое закрепление в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Республики Беларусь особых условий и порядка привлечения сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности, закрепление особого перечня дисциплинарных взысканий; возможность освобождения сотрудника ОВД от административной ответственности с привлечением его к дисциплинарной ответственности.

В свою очередь, О.И. Чуприс предлагает сгруппировать отношения реализации (осуществления) государственной службы, объединяющие две подгруппы отношений (по осуществлению государственными служащими своих обязанностей и реализации полномочий, а также по обеспечению их надлежащего осуществления, в том числе за счет применения к ним ответственности), и приходит к выводу о существовании права государственной службы как комплексной отрасли законодательства и необходимости его дальнейшего развития в рамках системы законодательства Республики Беларусь.

Деликтоспособность как элемент административно-правового статуса сотрудника ОВД может быть рассмотрена в контексте мер государственного принуждения, принимаемых компетентными должностными лицами государственных органов в отношении сотрудников ОВД, виновных в совершении преступлений, административно-правовых, дисциплинарных и (или) материальных в области служебных отношений проступков, на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством Республики Беларусь.

Принцип равенства в белорусском праве состоит в том, что физические лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом и подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства или места пребывания, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, из чего следует, что лица начальствующего и рядового состава ОВД несут ответственность за совершение административных правонарушений на общих основаниях. Вместе с тем сотрудники ОВД обладают особым административно-правовым статусом и подпадают под действие исключений из общих правил привлечения к административной ответственности.

Например, предусматривается возможность освобождения от административной ответственности совершивших административные правонарушения военнослужащих и иных лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине с передачей материалов о правонарушениях соответствующим органам для решения вопроса о привлечении их к дисциплинарной ответственности. Указанная норма предоставляет лицу, рассматривающему дело об административном правонарушении, право освободить совершившего административное правонарушение сотрудника ОВД от административной ответственности и вынести постановление о передаче материалов дела об административном правонарушении по месту службы привлекаемого к административной ответственности для привлечения его к дисциплинарной ответственности.

В то же время согласно Дисциплинарному уставу органов внутренних дел Республики Беларусь применение к сотруднику ОВД дисциплинарного взыскания не освобождает его от других видов ответственности, предусмотренных законодательством.

Законодательством Республики Беларусь определяется административная ответственность военнослужащих и иных лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине, а также порядок возможного освобождения от административной ответственности военнослужащих и иных лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине, с передачей материалов о правонарушениях соответствующим органам для решения вопроса о привлечении их к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, законодатель уравнивает административную и дисциплинарную ответственность сотрудников ОВД с учетом особенностей и сложности службы наличием специального законодательства, регламентирующего вопросы служебной дисциплины и дисциплинарной ответственности.

УДК 342.951

А.М. Воронов

ПУБЛИЧНОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Конституционализацию развития предмета публичного права современной России уместно аргументировать тем, что любая деятельность публичной администрации именно в новой редакции Конституции Российской Федерации нашла свое правовое обоснование и границы.

Особой вехой реформирования российской государственности стало принятие поправок к Конституции Российской Федерации, инициированных Президентом Российской Федерации, которые вводят новое понятие «публичная власть». Эта формулировка объединила «федеральную», «региональную» и «местную (муниципальную)» власть, таким образом закрепив принцип единства системы публичной власти, призванной служить интересам многонационального народа России.

При обращении к ст. 2, 3 Конституции Российской Федерации усматривается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. При этом носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

На основании этого представляется целесообразным констатировать, что, на наш взгляд, публичная власть представляет собой взаимоувязанную триаду, включающую в себя помимо государственной (федеральной и региональной) и местной (муниципальной) власти народовластие, которое и является основополагающим фундаментом публичной власти. При этом институты гражданского общества выступают фундаментальной основой содержания понятия публичной власти и являются в нем системообразующими.

При таком подходе органы публичной власти осуществляют реализацию задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности. Именно такую деятельность, осуществляемую на основании и во исполнение закона по защите прав и свобод человека и гражданина, а также по реализации задач государства в социально-экономической, правоохранительной и иных сферах представляется целесообразным именовать публичным администрированием. Нами предлагается универсальный, соответствующий нынешним реалиям термин «публичное администрирование», который в современной России уверенно входит в оборот.

Обращаясь к вопросам публичного администрирования, следует подчеркнуть, что данный термин употребляется не только в контексте государственного управления, он гораздо шире и является прерогативой не только исполнительной, но и других органов власти (судебной и законодательной).

Смысл его также определяют реординарные (сервисные) отношения по оказанию государственных услуг органами публичной власти гражданам по их инициативе.

При этом восстановление нарушенных неправомерными действиями должностных лиц государственной администрации прав и свобод граждан в судебном порядке – прерогатива судебных органов, которые помимо отправления правосудия опосредованно также осуществляют такую деятельность.

Законодательная власть прописывает правоустановления, в том числе направленные на реализацию прав и свобод человека и гражданина, которые обязательны к исполнению всеми без исключения юридическими и физическими лицами, а также органами всех ветвей власти.

Резюмируя вышеизложенное, представляется целесообразным сделать некоторые промежуточные умозаключения.

Институциональное закрепление правового института «публичная власть» в Основном Законе является актуальным и своевременным, так как после принятия Конституции 1993 г. Россия встала на совершенно новый путь развития – построение социального, демократического, правового государства, в котором права и свободы личности являются приоритетными, а их защита – обязанностью государства.

При таком подходе органы публичной власти осуществляют реализацию задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности.

В рамках данных тезисов мы статуйруем правовой институт «публичное администрирование», предмет которого составляет следующий блок правоотношений: во-первых, правоотношения, возникающие в сфере реализации управленческой функции публичного администрирования, обеспечивающей поступательное социально-экономическое развитие нашей страны; во-вторых, правоотношения в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности личности, общества и государства в целом; в-третьих, правоотношения, возникающие в сфере оказания публичных услуг (отношения реординации); в-четвертых, восстановление законных прав и свобод граждан, нарушенных неправомерными действиями должностных лиц публичной администрации.

Сущность публичного администрирования состоит не только в государственно-властной управленческой деятельности исполнительной власти по реализации задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности, но и в оказании гражданам государственных услуг по их инициативе, а также в восстановлении судебными органами прав граждан, нарушенных незаконными действиями должностных лиц публичной администрации, и пр.

Таким образом, нами предлагается универсальный, соответствующий реалиям сегодняшнего дня термин «публичное администрирование», который в современной России уверенно входит в оборот.

Данное понятие является комплексным и, на наш взгляд, более широким по содержанию, при этом еще раз следует отметить, что без управленческой функции публичного администрирования не может быть поступательного развития российской государственности во всех сферах жизнедеятельности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

УДК 342.951

Д.В. Гвоздев

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА Внесудебного (Административного) Порядка Разрешения Административно-Правовых Споров

Внешний аспект юридического процесса, обозначаемый как форма юридического процесса, складывается из правотворческого и правоприменительного процессов. В свою очередь, внутренний аспект характеристики юридического процесса, т. е. процессуальная форма, складывается из совокупности основных требований к организации его содержания.

Рассматривая процессуальную форму внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правового спора, отметим отсутствие единообразного подхода к нормативному правовому закреплению его стадий и порядка осуществления соответствующих процессуальных действий, а также их процессуального оформления.

Анализируя законодательство, регулирующее общественные отношения, складывающиеся в указанной сфере, можно выделить несколько стадий рассматриваемой процессуальной деятельности, включая возбуждение дела, проверку фактов, изложенных в административной жалобе, рассмотрение жалобы, вынесение по ней решения.

Следует отметить, что, являясь важнейшей стадией, направленной на получение сведений, необходимых для полного и всестороннего исследования обстоятельств, имеющих значение для разрешения административно-правового спора при его внесудебном (административном) разрешении, правовое регулирование стадии подготовки дела к рассмотрению в белорусском законодательстве полностью игнорируется.

Исследуя особенности процессуальной формы внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров, нужно обратить внимание, что общественные отношения в указанной сфере складываются преимущественно в рамках реализации государственной функции правоприменения. Таким образом, и разрешение административно-правовых споров в большинстве своем носит характер исполнительно-распорядительной государственно-властной деятельности по реализации функций исполнительной ветви власти (функции правоприменения).

Исходя из вышеизложенного, особенность рассматриваемой процессуальной деятельности заключается в том, что действия, совершаемые в рамках установления всех обстоятельств, имеющих значение для дела, осуществляются посредством реализации государственно-властных полномочий соответствующего субъекта по отношению к субъекту, являющемуся подвластной стороной материальных административных правоотношений.

Вместе с тем отсутствие нормативно закрепленных полномочий государственных органов и их должностных лиц по осуществлению процессуальных действий, направленных на установление указанных обстоятельств, порождает наличие существенного пробела в правовом регулировании внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров в части оценки имеющихся обстоятельств при принятии решения по административной жалобе с точки зрения их достаточности.

Так, отсутствие нормативного правового закрепления рассматриваемых полномочий, а соответственно, обязанности их реализовывать, с одной стороны, порождает легальную возможность формального подхода к разрешению административно-правового спора (возможность рассмотреть жалобу, не выходя из кабинета), с другой стороны, полнота проведения проверки, наличие всех обстоятельств, имеющих значение для дела, не поддаются оценке вследствие отсутствия реального наполнения соответствующей процессуальной деятельности.

Более того, наличие соответствующих государственно-властных полномочий порождает возникновение корреспонденции им прав и обязанностей подвластной стороны административных правоотношений (являться (отказаться от явки) по приглашению, давать объяснения (отказаться от дачи объяснений), предоставлять документы и пр.), что также требует их нормативного правового закрепления.

Очевидно, что при таком характере разрешения административно-правового спора ни о какой состязательности речи быть не может. Должностное лицо должно действовать исходя из предоставленных ему полномочий по собственному усмотрению, руководствуясь целями и задачами, стоящими перед соответствующим государственным органом, и принципом законности.

Вместе с тем следует обратить внимание, что основанием рассматриваемой процессуальной деятельности является спорный характер материальных административных правоотношений. При этом данная деятельность связана с возможным нарушением прав и интересов указанного субъекта, а соответственно, с наличием у управомоченной стороны данных правоотношений. Указанное свидетельствует о необходимости существования права заявителя на обоснование своих требований, предоставление необходимых сведений, документов, юридическую помощь и пр.

Иными словами, граждане должны иметь право предоставлять необходимые материалы. В свою очередь, государственный орган (должностное лицо) обязан их принять, однако в любом случае установить их относимость, допустимость, достоверность и достаточность (придать им свойство доказательств) необходимо посредством реализации соответствующих государственно-властных полномочий.

Указанное свидетельствует о том, что в рамках внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров должностное лицо, осуществляющее проверку по жалобе, ни в коей мере не должно быть связано доводами и основаниями административной жалобы, при этом должно получать и исследовать доказательства по собственной инициативе.

Немаловажным требованием к процессуальной форме является должное оформление собранных по делу доказательств. Учитывая то, что действия, направленные на собирание, проверку и оценку доказательств в рамках внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров, представляют собой реализацию государственно-властных полномочий соответствующих государственных органов и их должностных лиц, придание им юридической силы в том числе должно осуществляться посредством соответствующего процессуального оформления.

В частности, ход и результаты опроса заявителя, свидетеля и пр. должны фиксироваться в протоколе опроса. При необходимости проведения осмотра его ход и результаты также должны фиксироваться в протоколе. В некоторых случаях может возникнуть необходимость изъятия документа, видеозаписи, вещественного доказательства, что также требует соответствующего процессуального оформления.

Указанное не только позволит придать сведениям, полученным в результате осуществления соответствующих действий, свойства доказательств, а соответственно, юридической силы, но и гарантирует более качественную защиту процессуальных прав заявителя, а также полномочий соответствующего государственного органа (должностного лица).

Таким образом, представляется необходимым в рамках дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования общественных отношений, складывающихся в рамках внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров, принятие нормативного правового акта, комплексно регулирующего рассматриваемые общественные отношения, в котором в том числе надлежит закрепить исчерпывающий перечень полномочий должностных лиц, осуществляющих проверку законности и обоснованности принятого государственно-властного решения, совершения (несовершения) государственно-властного действия, виды процессуальных документов, отражающих ход и результаты реализации соответствующих полномочий должностных лиц, а также требования, предъявляемые к их содержанию.

УДК 342.9

Д.В. Голованов

НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Повышение безопасности дорожного движения, направленное на сохранение жизни и здоровья граждан, их имущества, является одним из приоритетных направлений государственной политики в области дорожного движения и обеспечения его безопасности. Вместе с тем недостаточное удовлетворение потребностей в обеспечении особых условий для участия в дорожном движении таких его участников, как дети, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями, является одной из основных угроз безопасности дорожного движения. В связи с этим государственная политика в области дорожного движения и обеспечения его безопасности основывается в том числе на осуществлении различных мер, принимаемых в отношении участников дорожного движения: пешеходов, пассажиров, велосипедистов, лиц, передвигающихся на средствах персональной мобильности, и др., что нашло свое отражение в Концепции обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2023 г. № 329 «О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь».

В соответствии с частью первой ст. 22 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» органы внутренних дел (ОВД) обязаны осуществлять государственный контроль за соблюдением законодательства в области дорожного движения и обеспечения его безопасности, принимать соответствующие меры профилактики административных правонарушений, выявлять их и пресекать, вести административный процесс.

Согласно ст. 20 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-3 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» ОВД принимают участие в профилактике правонарушений несовершеннолетних. Специальными подразделениями ОВД, осуществляющими меры по профилактике таких правонарушений, являются инспекции по делам несовершеннолетних милиции общественной безопасности (ИДН МОБ). Порядок организации деятельности названных подразделений устанавливается Министерством внутренних дел (МВД).

Так, в соответствии с подп. 21.1 п. 21 Инструкции об организации деятельности инспекций по делам несовершеннолетних, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 10 января 2025 г. № 5, сотрудники ИДН МОБ обязаны принимать участие в выявлении несовершеннолетних, совершивших деяния, содержащие признаки административных правонарушений. Одно из приоритетных направлений служебной деятельности сотрудников ИДН МОБ – профилактика и предупреждение детского травматизма, в целях реализации которого проводятся различные мероприятия по разъяснению правил использования средств персональной мобильности: электросамокатов, гироскутеров, сигвеев и др.

Невзирая на проводимую профилактическую работу сотрудниками ИДН МОБ и иными субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, совершение противоправных деяний присуще лицам, не достигшим возраста совершеннолетия. Актуально в подростковой среде и совершение административных правонарушений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, среди которых доминирующим является правонарушение, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 18.20 «Нарушение правил дорожного движения пешеходом и иными участниками дорожного движения либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП).

Согласно статистическим сведениям, в 2022 г. к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения пешеходами и иными участниками дорожного движения либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования) к административной ответственности привлечено 32 624 лица, из которых 10, или 0,03 %, несовершеннолетние,

в 2023 г. – 27 771 лицо, из которых 13, или 0,05 %, несовершеннолетние, по итогам 2024 г. – 21 744 лица, из которых лишь 3, или 0,01 %, на момент совершения правонарушения являлись несовершеннолетними.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях составление протоколов об административных правонарушениях, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 18.20 КоАП, возлагается на уполномоченных на то должностных лиц ОВД. Реализуя данную норму, должностные лица ОВД при составлении протоколов об административных правонарушениях и подготовке дел об административных правонарушениях к рассмотрению руководствуются требованиями постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 19 февраля 2021 г. № 47 «О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел» (далее – Постановление МВД № 47). В соответствии с абзацем третьим подп. 1.3 п. 1 Постановления МВД № 47 сотрудники ИДН МОБ наделены полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта и подготовку дел об административных правонарушениях данной категории лишь в части умышленного блокирования транспортных коммуникаций, нарушения правил, обеспечивающих безопасность движения на железнодорожном или городском электрическом транспорте, и нарушения правил пользования транспортными средствами железнодорожного транспорта, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 18.1–18.3 КоАП.

На основании вышеизложенного представляется обоснованным скорректировать содержание абзаца третьего подп. 1.3 п. 1 Постановления МВД № 47 путем внесения соответствующего дополнения в части наделения сотрудников ИДН МОБ полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению по делам об административных правонарушениях по ст. 18.20 КоАП.

Реализация данного предложения, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности профилактической деятельности ОВД по предупреждению нарушений правил дорожного движения несовершеннолетними участниками дорожного движения и позволит создать необходимые условия для обеспечения безопасности дорожного движения в целом.

УДК 342.9

Б.С. Гришин

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Обеспечение безопасности дорожного движения является одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь. Значимость правоприменительной практики в данной сфере определяется необходимостью защиты жизни и здоровья граждан, охраны имущественных прав, а также поддержания устойчивого функционирования транспортной инфраструктуры как важного элемента экономической безопасности государства.

Рост интенсивности дорожного движения и числа транспортных средств повышает потребность в эффективных механизмах правоприменения в сфере безопасности дорожного движения. Важное место в административном процессе по делам данной категории занимает доказывание, от качественного осуществления которого зависит законность привлечения к административной ответственности.

Анализ правоприменительной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь позволяет выявить ряд проблемных аспектов, влияющих на эффективность собирания, проверки и оценки доказательств по делам об административных правонарушениях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

В силу ч. 1 ст. 6.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях доказыванию, в том числе по рассматриваемой категории дел, подлежат: наличие деяния, предусмотренного Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях; виновность физического лица в совершении административного правонарушения; характер и размер вреда, причиненного административным правонарушением, а также иные обстоятельства, влияющие на вид и размер административного взыскания, налагаемого на лицо, совершившее административное правонарушение; иные обстоятельства, имеющие значение для принятия решения по делу об административном правонарушении.

Специфика предмета доказывания по делам об административных правонарушениях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта обусловлена динамичным характером соответствующих противоправных деяний, к числу которых можно отнести, например, дорожно-транспортные происшествия, создание аварийной обстановки, превышение установленной скорости движения. Указанная особенность предопределяет необходимость незамедлительной фиксации следов административного правонарушения, часто в условиях жестко ограниченных временных рамок. Существенное значение при этом приобретает использование технических средств фиксации правонарушений, включая устройства фото- и видеофиксации, а также иные специальные технические средства.

В ходе ведения административного процесса по делам об административных правонарушениях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта имеются определенные сложности при формировании доказательственной базы. Так, нередко имеет место субъективность восприятия сотрудниками Государственной автомобильной инспекции (ГАИ) обстоятельств правонарушения, что может быть связано со стрессовыми условиями службы, ограниченной видимостью или дефицитом времени на анализ ситуации. Не менее сложной является работа со свидетельскими показаниями. На практике фиксируется значительная вариативность в описании одних и тех же событий разными свидетелями, что обусловлено естественными различиями в восприятии, условиями видимости в момент происшествия.

Использование технических средств фиксации административных правонарушений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта характеризуется рядом процессуальных и технических особенностей, одной из которых выступает идентификация водителя, управляющего транспортным средством в момент совершения противоправного деяния.

Данная проблема приобретает особую значимость при фиксации нарушений посредством стационарных и мобильных комплексов фото- и видеофиксации, а также в рамках функционирования республиканской системы мониторинга общественной безопасности (РСМОБ). В отличие от непосредственного обнаружения признаков административного правонарушения лично сотрудником ГАИ при технической фиксации отсутствует непосредственный контакт с водителем, что создает объективные препятствия для достоверного установления его личности.

В современной правоприменительной практике возможности РСМОБ активно используются в административном процессе. Функциональные возможности РСМОБ позволяют осуществлять фиксацию регистрационных знаков транспортных средств, а также выявлять факты управления транспортными средствами лицами, не обладающими соответствующим правом.

Использование РСМОБ в административном процессе имеет существенные процессуальные преимущества. Материалы, полученные посредством РСМОБ, формируют объективную доказательственную базу, отличающуюся высокой степенью достоверности зафиксированных событий, а ее содержание характеризуется сложностью оспаривания при условии соблюдения установленного порядка фиксации и надлежащего оформления материалов дела. При этом допустимость доказательств, полученных с помощью РСМОБ, находится в прямой зависимости от неукоснительного соблюдения процессуальных требований при приобщении материалов к делу.

Проведенный анализ позволяет отметить, что процесс доказывания по делам об административных правонарушениях данной категории характеризуется определенной многофакторностью и требует сбалансированного подхода к сочетанию оперативности проведения процессуальных действий и обеспечения процессуальных гарантий участников административного процесса.

Среди ключевых проблемных аспектов можно выделить субъективность восприятия событий участниками административного процесса, возможные технические сбои оборудования, а также необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования отдельных элементов доказывания. Указанные факторы могут влиять на эффективность правоприменительной деятельности.

Оптимизация доказывания видится возможной через последовательную реализацию ряда направлений: внедрение современных цифровых технологий, повышение профессиональной подготовки должностных лиц, ведущих административный процесс, и др.

Реализация этих мер способна содействовать укреплению законности, снижению количества дел об административных правонарушениях, по которым вынесено постановление о прекращении дела об административном правонарушении, а также повышению доверия общества к правоохранительной системе Республики Беларусь в целом.

УДК 342.92

С.В. Добриян

ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКОВ НАЛОЖЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Несмотря на более чем 17-летний срок действия законодательства об административных правонарушениях Республики Беларусь, на практике по-прежнему возникают проблемные вопросы исчисления сроков давности привлечения к административной ответственности.

Рассмотрим проблему на примере исчисления срока наложения административного взыскания на физических лиц. Так, по общему правилу в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 7.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) административное взыскание на физическое лицо может быть наложено не позднее двух месяцев со дня совершения административного правонарушения.

При этом КоАП не содержит положений, раскрывающих правила исчисления данного срока, а также понятие «день совершения административного правонарушения», в связи с чем на практике существуют различные подходы к исчислению вышеуказанного срока.

Встречаются случаи, когда день совершения административного правонарушения отдельные должностные лица органов, ведущих административный процесс, включают в два месяца, в течение которых можно наложить административное взыскание. Например, если административное правонарушение было совершено 5 января и этот день полностью включается в 2-месячный срок, то административное взыскание может быть наложено не позднее 24 часов 00 минут 4 марта.

В подавляющем большинстве случаев на практике применяется другой подход, согласно которому 2-месячный срок, в течение которого можно наложить административное взыскание на физическое лицо, исчисляется со дня, следующего за днем совершения административного правонарушения. В таком случае если административное правонарушение было совершено 5 января, то административное взыскание может быть наложено не позднее 24 часов 00 минут 5 марта.

Сторонники второго подхода нередко в аргументацию своей позиции приводят положения п. 19 ч. 1 ст. 1.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях о процессуальном сроке как о периоде времени, который начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало, и оканчивается в день наступления соответственно календарной даты или события.

В то же время отдельные исследователи отмечают, что срок наложения административного взыскания не является процессуальным, поскольку определяет давность привлечения к административной ответственности и регламентируется материальными нормами.

Отметим также, что ч. 2 ст. 1.3 КоАП определено: положения КоАП не подлежат расширительному толкованию, их применение по аналогии не допускается.

В ряде нормативных правовых актов правило расчета срока, исчисляемого месяцами, нашло нормативное правовое закрепление, например, в гл. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), ст. 10 Трудового кодекса Республики Беларусь.

Так, согласно ст. 192 ГК течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало.

В соответствии с п. 3 ст. 193 ГК срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число последнего месяца срока. Если окончание срока, исчисляемого месяцами, приходится на такой месяц, в котором нет соответствующего числа, то срок истекает в последний день этого месяца.

По общеизвестному правилу, широко применяемому на практике, срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число последнего месяца срока. Этот срок, в зависимости от продолжительности месяца (28, 29, 30, 31 день), может различаться. Если окончание срока, исчисляемого месяцами, приходится на такой месяц, в котором нет соответствующего числа, то срок истекает в последний день этого месяца (например, если правонарушение совершено 29, 30 или 31 декабря, то срок наложения административного взыскания должен истекать 28 февраля или 29 февраля, если в феврале 29 дней).

На основании вышеизложенного считаем возможным сделать вывод о том, что в действующем законодательстве об административных правонарушениях имеется правовая неопределенность при регламентации сроков, установленных КоАП. Это, в свою очередь, порождает неоднозначное толкование и применение отдельных положений рассматриваемого законодательства как со стороны должностных лиц органов, ведущих административный процесс, так и со стороны физических и юридических лиц, которые обжалуют постановления по делам об административных правонарушениях в рассмотренных случаях.

В этой связи полагаем целесообразным при очередной корректировке КоАП рассмотреть вопрос о дополнении его положениями, регламентирующими исчисление установленных сроков.

Например, дополнить ст. 1.10 КоАП пунктом следующего содержания:

«15) срок – установленный настоящим Кодексом или назначаемый судом, органом, ведущим административный процесс, период времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Течение срока, определенного периодом времени (за исключением срока, исчисляемого часами), начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало.»

Вторым вариантом правовой регламентации материальных сроков является дополнение гл. 1 КоАП ст. 1.11 следующего содержания:

«Статья 1.11. Исчисление сроков

1. Установленный настоящим Кодексом или назначаемый судом, органом, ведущим административный процесс, срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами.

2. Течение срока, определенного периодом времени (за исключением срока, исчисляемого часами), начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало.

3. Сроки, исчисляемые годами, месяцами истекают в соответствующее число последнего года или месяца срока. В срок, исчисляемый в календарных месяцах или днях, включаются и нерабочие дни.»

УДК 342.95

Д.А. Егоров

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

В практике рассмотрения судами дел об административных правонарушениях возникают ситуации, когда после вынесения постановления по делу устанавливается, что лицо, в отношении которого вынесено постановление о наложении административного взыскания, виновно еще и в другом административном правонарушении, совершенном им до вынесения такого постановления. В таком случае лицо вновь привлекается к административной ответственности, что существенно усиливает карательный потенциал административной ответственности и обуславливает постановку вопроса о справедливости и разумности ее мер.

В этой связи представляется важным подчеркнуть, что в соответствии с ч. 1 ст. 1.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) привлечение физических лиц к административной ответственности и освобождение их от административной ответственности, наложение на них административных взысканий осуществляются не иначе как по постановлению суда, органа, ведущего административный процесс, и на основании положений КоАП.

В ч. 1^й ст. 2.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) закреплено, что суд, орган, ведущий административный процесс, при ведении административного процесса обязаны соблюдать требования ПИКоАП.

Следовательно, во исполнение принципа законности суд, орган, ведущий административный процесс, обязаны руководствоваться нормами КоАП, устанавливающими основания и условия административной ответственности, и нормами ПИКоАП, определяющими порядок административного процесса.

В этой связи при наложении административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, суд должен следовать положениям ч. 3 ст. 7.1 КоАП, в соответствии с которыми за одно административное правонарушение могут быть наложены одно основное либо основное и дополнительные административные взыскания.

Специальный порядок предусмотрен КоАП для наложения административного взыскания при совершении нескольких административных правонарушений, образующих совокупность, дела о которых одновременно рассматриваются одним и тем же судом или органом, ведущим административный процесс. В соответствии с ч. 1 ст. 7.4 КоАП основное и дополнитель-

ные административные взыскания налагаются за каждое совершенное административное правонарушение в отдельности. При этом суд, орган, ведущий административный процесс, наложив основное либо основное и дополнительные административные взыскания отдельно за каждое административное правонарушение, окончательно определяют административное взыскание за совершенные административные правонарушения путем полного или частичного сложения.

Данное положение корреспондируется с п. 1 ч. 1 ст. 12.4 ПИКоАП, в соответствии с которым в одном административном процессе могут быть соединены дела о нескольких административных правонарушениях, совершенных одним лицом, если они подведомственны одному и тому же суду, органу, ведущему административный процесс.

Однако, основываясь на ч. 3 ст. 2.4 КоАП, в соответствии с которой совокупностью административных правонарушений признается совершение двух или более правонарушений, предусмотренных различными статьями либо частями статьи (когда статья состоит из частей) Особенной части КоАП, ни за одно из которых физическое лицо не было привлечено к административной ответственности, указанный порядок наложения административного взыскания не распространяется на изложенные в данных тезисах обстоятельства.

Кроме того, нормы ПИКоАП также не предполагают возможность составления одного протокола об административном правонарушении при совершении физическим лицом нескольких административных правонарушений, образующих совокупность. В частности, ч. 1 ст. 11.24 ПИКоАП предусматривает, что при совершении административного правонарушения, предусмотренного Особенной частью КоАП, должностным лицом органа, ведущего административный процесс, составляется протокол об административном правонарушении.

В таких условиях для каждого административного правонарушения, совершенного физическим лицом, действует непротиворечивый законодательству самостоятельный порядок административного процесса, включающий в себя свои поводы и основания, автономные сроки подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению, сроки его направления для рассмотрения, отдельные сроки и порядок рассмотрения дела, индивидуальные сроки обжалования постановления по делу об административном правонарушении и сроки исполнения административного взыскания.

Иными словами, формально (юридически) нормы КоАП и ПИКоАП не исключают ситуации, при которых к физическому лицу, совершившему несколько административных правонарушений, административные взыскания будут применяться за каждое административное правонарушение в отдельности. При этом не имеет правового значения указание на то, что каждое административное правонарушение выявлено одним и тем же органом, ведущим административный процесс, и рассматривается одним и тем же судом. Важным в такой ситуации является лишь соблюдение судом, органом, ведущим административный процесс, процессуального порядка производства по делу об административном правонарушении и учет предписаний ч. 3 ст. 2.4, ч. 3 ст. 7.1 и ч. 1 ст. 7.4 КоАП.

Однако, несмотря на наличие легальной возможности привлечения к административной ответственности физического лица последовательно за каждое административное правонарушение, такой порядок влечет повышение уровня репрессивного характера административной ответственности, существенно увеличивая, например, максимальные сроки административного ареста (ч. 1 ст. 6.6 КоАП), в том числе налагаемого при совокупности административных правонарушений (п. 3 ч. 1 ст. 7.4 КоАП).

Следует отметить, что аналогичная проблема решена в уголовном законодательстве посредством закрепления в ч. 5 ст. 72 Уголовного кодекса Республики Беларусь специального правила назначения наказаний по совокупности преступлений в ситуации, когда после вынесения приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора. В этом случае в срок окончательно назначенного наказания засчитывается наказание, отбытое полностью или частично по первому приговору.

Полагаем, такой подход наиболее полно отвечает принципу справедливости, выражающемуся в том числе и в том, что физическому лицу, совершившему административное правонарушение, должно быть назначено административное взыскание, необходимое и достаточное для его воспитания.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным дополнить ст. 7.4 КоАП ч. 6 следующего содержания:

«6. По тем же правилам налагается административное взыскание, если после вынесения постановления по делу об административном правонарушении будет установлено, что лицо, в отношении которого оно вынесено, виновно еще и в другом административном правонарушении, совершенном им до вынесения такого постановления. В этом случае в размер окончательно наложенного административного взыскания засчитывается административное взыскание, наложенное по первому постановлению по делу об административном правонарушении.»

УДК 342.9

В.В. Зиновенко

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТЕХНИЧЕСКОГО НАДЗОРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ

Подразделение технического надзора является основным функциональным подразделением Государственной автомобильной инспекции (ГАИ), которое предназначено для осуществления надзора за соответствием технического состояния и конструкции транспортных средств, участвующих в дорожном движении, требованиям Правил дорожного движения, технических нормативных правовых актов и технических регламентов, а также для предупреждения, выявления и пресечения правонарушений, выражающихся в невыполнении таких требований.

Вместе с тем работа указанного подразделения в соответствии с функциональным назначением ограничивается в основном организацией и проведением мероприятий технического (технологического, поверочного) характера в рамках постановления

Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2025 г. № 322. Иными словами, в настоящее время комплексное планирование и организация деятельности подразделений технического надзора ГАИ в соответствии с их функциональным назначением не прослеживаются. Часто на практике это приводит к привлечению сотрудников рассматриваемых подразделений для выполнения функций, непосредственно не связанных с их функциональным назначением (возложение функций пропаганды безопасности дорожного движения, функций дорожно-патрульной службы, административной практики и др.).

Такая ситуация сложилась с момента утраты юридической силы постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 июня 2006 г. № 177, утвердившего Инструкцию о порядке деятельности подразделений технического надзора Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, и обусловлена тем, что в настоящее время в законодательстве отсутствуют положения об организации деятельности подразделений технического надзора ГАИ, порядке осуществления ими повседневного контроля за конструкцией и техническим состоянием транспортных средств.

Таким образом, в настоящее время имеет место проблема эффективности организации деятельности подразделений технического надзора ГАИ, обусловленная отсутствием нормативного правового акта, содержащего положения об организации деятельности названных подразделений. При этом в современных условиях растет уровень автомобилизации, что также вызывает необходимость принятия мер, направленных на повышение эффективности организации надзора за техническим состоянием и конструкцией транспортных средств, участвующих в дорожном движении.

С учетом вышеизложенного для повышения эффективности организации деятельности подразделений технического надзора ГАИ требуется разработка и принятие Инструкции об организации деятельности подразделений технического надзора Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Представляется обоснованным, что предлагаемая инструкция должна включать в себя общие положения, регламентирующие деятельность подразделений технического надзора (цель, задачи, принципы, основные термины и их определения, планирование работы), положения об организации контроля за конструкцией и техническим состоянием транспортных средств юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, положения, определяющие основы организации деятельности по контролю за конструкцией и техническим состоянием транспортных средств, принадлежащих физическим лицам, а также положения о контроле и оценке деятельности подразделений технического надзора.

УДК 342.922

Л.А. Иванова

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

История возникновения и эволюция понятия административного правонарушения охватывает не один век. С древнейших времен люди осознавали необходимость разработки определенных норм и правил, которые способствовали бы поддержанию порядка и справедливости. В различных культурах это понимание развивалось по-разному, но основная идея о том, что определенные действия наносят вред обществу и, следовательно, должны быть наказуемы, оставалась неизменной.

Еще в Древнем Египте, более 4 тыс. лет назад, существовали законы, регулирующие отношения между людьми. Хотя многие из них были основаны на религиозных верованиях, уже тогда они отображали понимание важности защиты общества от правонарушителей. В Древнем Риме юридическая структура была более сложной, однако она также исходила из необходимости поддержания общественного порядка.

Средневековье привнесло свои особенности в восприятие правонарушений, во многом связанные с влиянием церкви. Грех и преступление часто приравнивались, и наказание за нарушение закона могло носить крайне суровый характер. Система наказаний той эпохи была направлена не только на предупреждение правонарушений, но и на моральное исправление правонарушителей.

Так, административные правонарушения возникли по мере усложнения государственных структур. С ростом городов и развитием торговли стало очевидным, что правонарушители должны нести ответственность за деяния, которые не были преступлениями в строгом понимании этого слова, но все же считались вредными для общественного порядка. В Средние века развитие законодательства шло рука об руку с укреплением централизации власти, что привело к уточнению и усложнению категории административных правонарушений. Они касались прежде всего регулирования экономической деятельности, порядка управления и обеспечения безопасности граждан.

Историческое понимание административного правонарушения в России приобретает свое уникальное обличье благодаря сложному переплетению традиций, правовых норм и политических трансформаций. Со времен Киевской Руси и Московского княжества, когда свод законов преимущественно находился в рамках устной и частично записанной традиции, административные правонарушения рассматривались как деяния, нарушающие установленный общественный порядок. Такие правонарушения часто решались в пользу княжеской власти или местного самоуправления, что отражает децентрализованный характер ранней русской юриспруденции. В Русской Правде Ярослава Мудрого впервые встречаются нормы, регулирующие общественные отношения и ответственность за проступки, в том числе и административные. В основном административные правонарушения воспринимались как действия, нарушающие общественный порядок.

В период Московского государства наступает следующий этап в развитии понимания административного правонарушения. С усилением государственной власти постепенно появляется система наказаний за нарушения порядка. В XV–XVI вв. законодательство усложняется, появляются специфические указы, касающиеся административных вопросов. Основной упор в это время делается на нарушение торговых правил и воинской дисциплины. Появляется необходимость в правовом регулировании столь важных аспектов, как налогообложение и соблюдение торговых уставов.

С введением Соборного уложения в 1649 г. формализовались многие аспекты правового регулирования административных вопросов. Этот документ стал одним из первых всеобъемлющих законодательных актов, обосновывающих роль государства в управлении общественным и правовым порядком. Более детализированное определение начали обретать административные правонарушения, санкции за которые предусматривали штрафы, телесные наказания и другие меры.

В XVIII в., в эпоху Петра Великого, административное право претерпевает значительные изменения и расширение. Реформы Петра I затрагивают все сферы жизни общества, вводятся многочисленные регламенты и уставы, регулирующие поведение граждан. Формируется штат новых административных органов, таких как полиция, которые были ответственны за поддержание порядка и дисциплины. Петровская эпоха ознаменовала собой значительное вмешательство государства в регулирование жизни подданных, что стало предшественником более всеобъемлющего подхода к административным правонарушениям. Петр I путем создания коллегий и других органов власти способствовал развитию централизованной системы управления, в рамках которой прямая ответственность за различные правонарушения, в том числе административные, заняла важное место.

В течение XVIII и XIX вв. Россия продолжала адаптировать и развивать свои подходы к административному праву. С внедрением «Законов Российской империи» административные правонарушения стали более формализованными и ответственность за них расширилась до государственного масштаба с использованием более современной концепции бюрократии.

Сегодня административные правонарушения охватывают более широкий спектр общественной деятельности. Индустриализация и урбанизация требуют новых подходов к организации общественной жизни.

Советский период ознаменовался радикальной сменой приоритетов, когда административные правонарушения часто воспринимались через призму классовой борьбы. По мнению Е.С. Изюмовой, советский период оказал существенное влияние как на доктрину административного права, так и на административно-деликтное законодательство. А.А. Романцова считает, что «административное правонарушение, так же, как административная ответственность, прошли большой путь развития и формирования для того, чтобы мы видели его таким, какой он есть сейчас. Правонарушения – это вид общественных отношений, необходимый для существования людей, но получивший от законодателя и других правотворческих органов свою юридическую значимость, и в силу этого взят под охрану государства. К сожалению, на данный момент не снижается общий уровень административных правонарушений. Что касается, например, административных правонарушений в сфере дорожного движения, здравоохранения, миграции, природопользования и экологии, бюджетного, налогового и антимонопольного регулирования, то – их количество даже растет».

С развалом Советского Союза и переходом к рыночной экономике в России в конце XX – начале XXI в. внимание к административным правонарушениям существенно меняется. Законодательство модернизируется в соответствии с новыми социально-экономическими реалиями. Совокупность административных правонарушений охватывает разнообразные аспекты: от нарушений на рынке труда до экологических проступков и безопасности дорожного движения. В фокусе государственной политики оказываются защита прав человека, обеспечение общественной безопасности и поддержание порядка в условиях обширной диджитализации и глобализации.

УДК 342.9 + 004:34

О.М. Кабак

СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Защита персональных данных является одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь, поскольку от ее состояния зависит возможность эффективного осуществления государственного управления в различных сферах (экономической, социально-культурной и др.), а также общая стабильность функционирования общества. При этом эффективность реализации рассматриваемого направления находится в прямой зависимости от правовой основы, определяющей публично-правовые и гражданско-правовые условия деятельности субъектов. Особый интерес вызывают публично-правовые условия, основанные на сочетании властно-принудительных и организационно-побудительных мер воздействия на объект управления.

В этой связи актуальным становится вопрос построения эффективно функционирующей единой системы субъектов государственного управления, обеспечивающих административно-правовой режим защиты персональных данных (далее – АПР защиты ПД), функции которых учитывали бы потребности объекта управления, а также соответствовали фактическому назначению деятельности конкретного органа государственного управления.

Следует отметить, что национальное законодательство в сфере защиты персональных данных прямо не закрепляет полномочия и не устанавливает исчерпывающего перечня субъектов, осуществляющих государственное регулирование и управление в рассматриваемой сфере. Полномочия органов государственного управления вытекают из иных актов законодательства, что создает проблему определения их правового статуса. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость определения единой системы субъектов АПР защиты ПД и нормативного правового закрепления их полномочий.

В административном праве вопрос о его субъектах получил детальное и обстоятельное рассмотрение в работах таких отечественных и зарубежных ученых, как Д.Н. Бахрах, В.Я. Бойцов, А.В. Венедиктов, И.В. Козелецкий, А.Н. Крамник, Л.М. Рябцев, Ю.Н. Стариков, Ю.А. Тихомиров и др.

Однако, несмотря на значительную теоретическую проработку, в науке административного права не сложилось единого мнения относительно вопроса определения видов субъектов. Отметим, что более обоснованным представляется подход А.Н. Крамника, согласно которому субъектами административного права являются «граждане и организации, если обладают административной правосубъектностью», которая и позволяет им вступать в административно-правовые отношения.

Традиционно к числу основных субъектов административного права относятся органы государственного управления и их должностные лица, которые выступают в качестве управляющих субъектов АПР защиты ПД. Указанные субъекты обеспечивают реализацию публичных интересов путем осуществления государственно-управленческой деятельности. Для этого государственные органы наделяются государственно-властными полномочиями, позволяющими им принимать решения и давать обязательные для исполнения предписания.

Подчеркнем, что органы государственного управления являются многочисленными, поэтому возникает вопрос о значении и роли, которую выполняет каждый из них в достижении целей АПР защиты ПД.

В научной литературе традиционно выделены следующие критерии их классификации: в зависимости от масштаба деятельности, порядка разрешения подведомственных вопросов, характера компетенции, порядка образования, источника финансирования и др.

При этом следует отметить, что в большинстве проведенных отечественными учеными диссертационных исследований, посвященных вопросу определения системы субъектов в различных отраслях и сферах государственного управления (общественного порядка и общественной безопасности, безопасности объектов использования атомной энергии, безопасности дорожного движения, экологической безопасности, здравоохранения), в основу положен анализ компетенции соответствующих субъектов.

Однако относительно АПР защиты ПД классификацию его субъектов следует проводить исходя из иных положений, что вытекает из следующих обстоятельств.

Во-первых, управление сферой АПР защиты ПД осуществляется не одним государственным органом, а различными органами управления, которые составляют определенную систему, что обусловлено двойственной правовой природой персональных данных, участием в процессе обработки большого количества субъектов, использованием персональных данных во всех сферах общественной жизни.

Во-вторых, складывающиеся общественные отношения в сфере обработки персональных данных создают сложную систему взаимодействий, в которой один и тот же субъект может выступать в процессе обработки в разных ролях. Государственный орган одновременно может быть как оператором персональных данных, так и органом, осуществляющим контроль над обработкой таких данных.

В-третьих, особенностью персональных данных является их трансграничный характер. Обработка персональных данных может осуществляться без привязки к административным и государственным границам, что существенно усложняет вопросы их защиты, а также может повлечь ряд негативных последствий для государства, включая подрыв репутации, экономические потери, угрозу национальной безопасности.

В-четвертых, по своей правовой природе персональные данные динамичны, что проявляется в их способности изменять свою значимость и чувствительность со временем. Персональные данные, которые в настоящее время не имеют никакой значимости, в дальнейшем могут стать критически важными и чувствительными, что требует создания гибких механизмов защиты и адаптивных подходов к классификации субъектов, способных учитывать меняющийся характер данных.

В-пятых, защита персональных данных обеспечивается посредством комплексного применения правовых (нормативная правовая основа, устанавливающая правила обработки, хранения и передачи персональных данных), организационных (обучение персонала, назначения ответственных лиц и др.), технических (использование программного обеспечения для шифрования, контроля доступа, антивирусов и других технологий) и физических (контроль доступа к помещениям, использование сейфов, видеонаблюдения и др.) мер.

Следовательно, административно-правовой статус субъектов АПР защиты ПД должен отражать данные особенности и функционально обеспечивать указанный вид режима.

Исходя из вышеизложенного, классификацию субъектов АПР защиты ПД следует проводить по функциональной направленности: в зависимости от того, какую функциональную роль в системе выполняет тот или иной субъект государственного управления. Основное преимущество такого подхода заключается в том, что функция как категория управления раскрывает основное назначение и содержание деятельности субъекта, отражает направленность воздействия субъекта на объект управления, ориентирована на процесс достижения целей и задач государственного управления.

В этой связи предлагаются следующие классификационные группы субъектов АПР защиты ПД:

субъекты, устанавливающие единые правовые и организационные требования в сфере АПР защиты ПД;

субъекты, обеспечивающие соблюдение АПР защиты ПД;

субъекты, осуществляющие оборот персональных данных, охраняемых АПР защиты ПД.

УДК 343.85(476)

В.А. Карабанов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Воплощая в жизнь метод убеждения на практике, субъекты профилактики согласно ст. 10 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон № 200-З) наделены правом посещать несовершеннолетних, проводить беседы с ними, их родителями (усыновителями, удочерителями), опекунами или попечителями; приглашать несовершеннолетних, их родителей (усыновителей, удочерителей), опекунов или попечителей по вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Вместе с тем на практике выработан механизм проведения с несовершеннолетними групповых профилактических ме-

роприятий, на которых транслируются профилактические видеоролики, выступают субъекты профилактики по тематическим вопросам, проводятся выездные заседания комиссий по делам несовершеннолетних по рассмотрению правонарушений, выездные судебные заседания по рассмотрению уголовно наказуемых деяний несовершеннолетних, осуществляются экскурсии по музеям, местам содержания правонарушителей (помещения оперативно-дежурной службы районного управления внутренних дел, приемников-распределителей, исправительные учреждения и др.), проводятся культурно-массовые и спортивные мероприятия. Место проведения названных мероприятий определяется субъектом профилактики. Однако правом вызова несовершеннолетних для проведения указанных мероприятий субъекты профилактики не наделены, отсутствует соответствующая обязанность и у лиц, подвергающихся профилактическому воздействию, что влечет снижение эффективности деятельности в данном направлении. Как правило, мероприятия посещают одни и те же подконтрольные лица, которые по своему нравственному воспитанию осознали вину и общественный вред правонарушений, желают исправиться и не склонны к рецидиву, в то время как трудные подростки всячески уклоняются от участия в подобных мероприятиях. Отметим, что для подконтрольных лиц Законом № 200-З не предусмотрена ответственность за неявку на профилактические мероприятия, что снижает эффективность профилактических мер и негативно сказывается на работе субъектов профилактики.

Вызов подконтрольных лиц для участия в групповых профилактических мероприятиях связан с ограничением прав и свобод несовершеннолетних. Такую меру согласно ст. 23 Конституции Республики Беларусь необходимо закреплять в законодательных актах. В настоящее время в Законе № 200-З отсутствует перечень мер профилактики правонарушений несовершеннолетних, не закреплена процедура их реализации, в том числе и способы вызова профилируемых лиц. Принимая во внимание имеющийся опыт нормотворчества, реализованный в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 122-З), вызов может осуществляться в письменной форме, телефонограммой или телеграммой, СМС-сообщением, с использованием факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты, а также иных средств связи, обеспечивающих фиксирование вызова. Вместе с тем следует учесть, что вызов на профилактическое мероприятие обоснованно осуществлять не позднее чем за один день до его начала и в свободное от работы или учебы несовершеннолетнего время, предоставляя возможность подростку и законному представителю спланировать свое время. В случае необходимости участия подростка в профилактическом мероприятии в учебное или рабочее время с целью защиты прав и законных интересов несовершеннолетних целесообразно согласовывать время его проведения с органами образования или работодателем соответственно, а также выяснять согласие законных представителей (опекунов или попечителей).

Рассматривая нормы процессуального права, связанные с порядком взаимодействия государственных органов и несовершеннолетних, обращаем внимание на действующий Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, в ст. 11.8 которого закреплено в рамках административного процесса обязательное присутствие педагогического работника при опросе несовершеннолетнего лица, не достигшего 14-летнего возраста, а при опросе лица от 14 до 16 лет – по усмотрению лица, ведущего административный процесс. Кроме того, родители в праве присутствовать во время опроса. Аналогичный порядок закреплен в ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Отметим, что осуществляя профилактические мероприятия, субъект профилактики не оформляет процессуальные документы, участие подконтрольных лиц в профилактических мероприятиях не является процессуальным действием, где требуется защита прав и законных интересов несовершеннолетних. Таким образом, полагаем, что присутствие педагогического работника во время проведения профилактического мероприятия не обязательно, однако с учетом особенностей развития несовершеннолетнего по усмотрению субъекта профилактики на профилактическом мероприятии может присутствовать педагогический работник либо психолог. Законные представители вправе присутствовать на любом профилактическом мероприятии. Вызов несовершеннолетних до 16-летнего возраста (возраста наступления административной ответственности) на профилактическое мероприятие необходимо осуществлять через законных представителей, а по достижении указанного возраста – с уведомлением законного представителя по имеющимся средствам связи.

Ответственность несовершеннолетних за неявку по вызовам на профилактические мероприятия в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях также не предусмотрена. В связи с этим в рамках проведения индивидуальной профилактической работы оправданно наделить субъекта профилактики правом вынесения официальных предупреждений за нарушение обязанностей профилируемыми лицами. С целью защиты прав и законных интересов несовершеннолетних данные предупреждения следует рассматривать на комиссиях по делам несовершеннолетних. Систематические нарушения обязанностей профилируемого лица (более трех раз в течение года) будут свидетельствовать о нежелании несовершеннолетнего становиться на путь исправления, что целесообразно рассматривать в качестве основания для направления подростка в специальные воспитательные учреждения.

Аналогичный порядок вызова несовершеннолетних оправданно предусмотреть и при проведении индивидуальной профилактической беседы с несовершеннолетним.

В целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, недопущения необоснованного ограничения их прав и свобод со стороны должностных лиц – субъектов профилактики правонарушений законодательно должно быть определено максимально возможное время проведения профилактической беседы, связанной с вызовом несовершеннолетнего в помещение государственного органа. Имеющийся опыт регулирования аналогичных общественных отношений, связанных с несовершеннолетними, определен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 августа 2019 г. № 525, в котором закреплены нормы санитарно-эпидемиологических требований к режиму учебных занятий в учреждениях образования. В соответствии с данными требованиями продолжительность учебного занятия с учетом психологических и физиологических возможностей несовершеннолетних от семи лет и старше составляет не более 45 минут. Следовательно, в Законе № 200-З полагаем необходимым закрепить продолжительность профилактической беседы с несовершеннолетними, которую целесообразно проводить не более 45 минут. Относительно профилактических мероприятий нужно учитывать опыт регулирования аналогичных общественных отношений, изложенный в ст. 29 Закона № 122-З, и ограничить их проведение одним часом.

Таким образом, реализация вышеизложенных предложений будет способствовать повышению эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних и усилению гарантий защиты их прав и законных интересов.

УДК 342.951

О.Г. Каразей

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ПО ЖАЛОБЕ ГРАЖДАНИНА

Существенные изменения в Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» вступили в силу 1 октября 2023 г. Данный нормативный правовой акт подготовлен в развитие изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, принятых решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г.

Сегодня согласно части пятой ст. 116¹ Основного Закона Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 января 2025 г. № Р-1306/2025 «О конституционности статьи 12.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях по жалобе гражданина Гнищевича Антона Александровича» является первым документом, в котором признано наличие конституционно значимого пробела в правовом регулировании, вызвавшего правовую неопределенность.

Суть проблемы заключается в том, что тремя постановлениями о наложении административного взыскания начальника ОГАИ Каменецкого РОВД А.А. Гнищевич привлечен к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, повлекшее создание аварийной обстановки (ч. 12 ст. 18.13 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП)), употребление водителем алкогольных напитков после совершения дорожно-транспортного происшествия (ДТП) до прохождения проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения (ч. 4 ст. 18.15 КоАП), оставление водителем места ДТП (ч. 2 ст. 18.16 КоАП) и суммарно подвергнут административным взысканиям в виде штрафа в размере 245 базовых величин с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на семь лет.

По мнению А.А. Гнищевича, начальник ОГАИ Каменецкого РОВД был обязан соединить три дела о совершенных им административных правонарушениях в одном административном процессе. Однако заявителю было отказано в этом, поскольку согласно ст. 12.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) соединение дел об административных правонарушениях в одном административном процессе является правом, а не обязанностью правоприменительного органа. А.А. Гнищевич полагает, что рассмотрение дел об административных правонарушениях, вытекающих из одного ДТП, вне связи данных дел одного с другим противоречит ст. 7.4 КоАП, содержащей правила наложения административного взыскания при совершении нескольких административных правонарушений.

Конституционным Судом определено, что законодатель не связывает правила наложения административного взыскания, содержащиеся в ст. 7.4 КоАП, непосредственно с соединением дел об административных правонарушениях в одном административном процессе. Положения ст. 7.4 КоАП и ст. 12.4 ПИКоАП находятся в системной взаимосвязи. Вместе с тем отсутствие ясных и недвусмысленных законодательных формулировок о взаимосвязи положений указанных статей не обеспечивает рассмотрение дел о нескольких административных правонарушениях, образующих совокупность, с учетом требований ст. 7.4 КоАП.

Исходя из принципа верховенства права, Конституционным Судом признано наличие конституционно значимого пробела в правовом регулировании, вызвавшего правовую неопределенность взаимосвязанных положений ст. 12.4 ПИКоАП и ст. 7.4 КоАП, поскольку в системе действующего законодательства они не обеспечивают правовую определенность при наложении административных взысканий за совершение нескольких административных правонарушений, образующих совокупность.

Полагаем, проблема, поднятая Конституционным Судом, сложная и должна решаться с учетом следующего.

КоАП (ст. 7.4) регламентирует наложение административных взысканий при совершении двух или более административных правонарушений, образующих совокупность, дела о которых одновременно рассматриваются одним и тем же судом или органом, ведущим административный процесс. В то же время на практике широко распространены ситуации совершения административных правонарушений, подведомственных разным органам, т. е. сама постановка вопроса в ст. 7.4 КоАП не в полной мере соответствует заявленному в ст. 1.4 КоАП принципу справедливости. Однако, учитывая большое количество органов, наделенных полномочиями на рассмотрение дел, урегулировать указанную проблему действительно не так просто.

Другой вопрос – «одновременное рассмотрение дела»: что мешает суду, органу, ведущему административный процесс, при наличии желания обойти данное условие, рассматривать дела разновременно? Полагаем необходимым исключить из ст. 7.4 КоАП указание, что правила наложения административного взыскания при совершении нескольких административных правонарушений работают только при одновременном рассмотрении дел, обязав суды, органы, ведущие административный процесс, устанавливать нахождение других дел в отношении лица в соответствующих судах, органах. Аналогично закрепить обязанность (а не право) соединять дела о нескольких административных правонарушениях, совершенных одним лицом.

Необходимо рассмотреть вопрос о введении в КоАП института наложения административного взыскания по совокупности постановлений по делам об административных правонарушениях. Данный институт должен регламентировать правоотношения, возникающие при определении вида и размера взыскания в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении, совершенном до вынесения предыдущего постановления о наложении административного взыскания. Для справедливого разрешения дела полагаем обоснованным распространять правила сложения взысканий и на такие ситуации.

Особенно это важно для повторности, даже с учетом действующих правовых предписаний. Так, согласно ч. 4 ст. 7.4 КоАП при наложении административного взыскания за совершение нескольких административных правонарушений, образующих повторность, взыскание налагается в пределах санкции соответствующей статьи, предусматривающей административную ответственность за указанное правонарушение.

Норма императивная, не допускающая усмотрения. И в данной норме нет никаких указаний на то, что дела рассматриваются «одновременно», а также «одним и тем же судом или органом, ведущим административный процесс». А как быть с реализацией ч. 4 ст. 7.4 КоАП, когда, например, по факту совершения нескольких мелких хищений лицо в одном случае признало вину (согласно ч. 3 ст. 11.28 ПИКоАП дело будет рассматриваться в органах внутренних дел), в другом – нет (будет рассматриваться в суде)? И даже если все протоколы остались в органах внутренних дел, однако рассматриваются дела одновременно?

Полагаем, что поле для научных дискуссий в данном вопросе Конституционным Судом открыто и вскоре приведет к урегулированию проблемы с учетом принципов справедливости и гуманизма.

УДК 342.9

Р.С. Карягин

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОДНОРОДНЫМ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

Вопрос квалификации административных правонарушений, характеризуемых признаками однородности, активно изучается специалистами в области права и применяется на практике. Однако само определение критерия однородности продолжает вызывать споры среди исследователей и работников юридической сферы. Разнотечение терминологии, отсутствие четкого правового закрепления понятия, различия в интерпретациях высшего судебного органа создают необходимость глубокого анализа практической стороны данного вопроса.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) обстоятельством, усиливающим наказание за административное правонарушение, считается повторное совершение аналогичного проступка лицом, которое ранее было привлечено к административной ответственности за подобное деяние, причем срок наказания по первому нарушению еще не завершился согласно ст. 4.6 КоАП РФ.

Определение понятия «однородность» административного правонарушения разнится в разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 и утратившего силу в 2014 г. постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10.

В первом источнике указывается, что однородностью характеризуется правонарушение, направленное против единого родового объекта, вне зависимости от того, предусмотрены ли санкции за подобные правонарушения в одной или разных статьях КоАП РФ.

Второй источник определяет однородность иначе: такими являются правонарушения, за которые ответственность наступает по одной конкретной статье Особенной части КоАП РФ.

Следуя изложенной точке зрения, если субъект совершает административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.1 «Мелкое хулиганство» КоАП РФ, то последующие правонарушения, предусмотренные гл. 20 КоАП РФ, будут рассматриваться как повторные, поскольку они затрагивают аналогичные объекты общественных отношений, относящиеся к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Некоторые авторы считают такое положение несправедливым и негуманным, утверждая, что оно нарушает принципы справедливости и противоречит профилактической роли законодательства об административных правонарушениях.

По общему правилу, при совершении двух административных правонарушений и более административное наказание назначается индивидуально за каждое из них.

Однако существует исключение, указанное в ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ, согласно которой если одно из совершенных действий подпадает под специальную норму КоАП РФ, предусматривающую ответственность сразу за несколько видов правонарушений, то применяется самое строгое наказание, определенное одной из соответствующих статей. Это касается случаев, когда противоправное поведение одновременно образует состав административных правонарушений, предусмотренных несколькими различными статьями (или частями статей) КоАП РФ, и дела по таким правонарушениям рассматриваются одним и тем же судьей, органом или должностным лицом.

Тем не менее эта юридическая норма не раскрывает, имеют ли указанные деяния общий родовый объект посягательства или же их объекты могут отличаться друг от друга, иными словами, являться неоднородными.

Начиная с 6 апреля 2022 г. вступило в силу новое правило (ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ), устанавливающее, что при наличии двух административных правонарушений и более возможно назначение ответственности исключительно однократно, как за единственное правонарушение. Это правило вступает в силу при одновременном выполнении двух условий:

контролирующими органами установлено наличие двух или большего числа правонарушений в ходе одного проверочного мероприятия (например, в рамках одной комплексной проверки);

каждое из выявленных правонарушений подлежит санкциям, установленным одной определенной статьей (или ее частью) второго раздела КоАП РФ либо аналогичным актом субъекта Российской Федерации.

Данная правовая норма не предусматривает дополнительных процессуальных действий: контролирующий орган, установивший факт наличия правонарушений, соответствующих указанным выше требованиям, обязан автоматически применить правила, установленные ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ, и наложить административный штраф за все выявленные правонарушения. Если

по ряду правонарушений уже были вынесены индивидуальные судебные или административные решения, соответствующий орган обязан отозвать избыточные постановления, сохраняя в силе только одно из них (это подтверждено письмами Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 26 июля 2023 г. № 17-3-03/0101@ и от 14 июля 2023 г. № Д-5-17/39@).

Например, в письме от 9 сентября 2022 г. № АБ-4-20/11978@ Федеральная налоговая служба Российской Федерации подтвердила, что при выявлении в ходе контроля за определенный период нескольких административных правонарушений, квалифицирующихся по ч. 2 ст. 14.5 КоАП РФ (таких как неиспользование кассового оборудования), меры ответственности должны применяться как за одно правонарушение. Если контролирующий орган проигнорировал это правило и вынес несколько постановлений по каждому правонарушению, можно потребовать отмены таких постановлений и назначения одного штрафа.

Таким образом, установление четких критериев однородности и неоднородности административных правонарушений в российском законодательстве обеспечивает правильную квалификацию таких дел, укрепляет законность и обоснованность привлечения виновных лиц к ответственности, препятствует неправомерному применению санкций и гарантирует справедливый характер принимаемых решений.

УДК 342.9

А.В. Ключников

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИЦЕНЗИОННО-РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Организация лицензионно-разрешительной работы занимает важное место в деятельности органов внутренних дел как структурной составляющей правоохранительной системы белорусского государства. Правоотношения, связанные с оборотом оружия, охватывают значительный круг физических (владельцы охотничьего и спортивного оружия) и юридических лиц (службы инкассации, военизированная охрана, организации защиты леса, охотничьи хозяйства, магазины по торговле оружием, мастерские по его ремонту, тир, стрельбища и др.).

Основу лицензионно-разрешительной работы составляют проводимые сотрудниками органов внутренних дел, в том числе в ходе специального комплексного мероприятия «Арсенал», мероприятия по контролю за оборотом служебного и гражданского оружия и боеприпасов к нему физических и юридических лиц, порядком открытия и функционирования штемпельно-гравёрных мастерских, стрелковых тиров, стрельбищ и стрелково-охотничьих стендов. Стремительное развитие современных технологий привело к постоянному совершенствованию и развитию практически всех сфер жизнедеятельности современного общества. С учетом современных реалий очень быстро развиваются и трансформируются сферы вооружения, беспилотных летательных систем, а также безопасности и защиты.

Сегодня тема постоянного совершенствования лицензионно-разрешительной работы довольно актуальна и обуславливается происходящими изменениями и угрозами во внешнеполитической сфере, санкционными ограничениями, законодательными послаблениями в сфере владения оружием, постоянным расширением ассортимента предлагаемого гражданам оружия, видов спорта с его использованием, а также увеличением числа лиц, желающих владеть различными видами гражданского оружия, в том числе в целях развлечения и безопасности.

Законодательство Республики Беларусь в сфере оборота оружия, административное и уголовное законодательство, действующие в настоящее время, в целом согласуются с международными стандартами. Тем не менее, как показывает правоприменительная практика, имеются серьезные основания для их расширения и корректировки.

Организация деятельности подразделений по лицензионно-разрешительной работе регламентирована более чем 30 нормативными правовыми актами, постановлениями и приказами Министерства внутренних дел. Однако до настоящего времени отсутствует единая инструкция по организации деятельности в данном направлении, в связи с чем возникают определенные трудности при выполнении обязанностей ответственными сотрудниками, особенно имеющими малый практический опыт и замещающими основных сотрудников в периоды их временного отсутствия в связи с нахождением в отпуске, на учебе и т. п.

Правонарушения, совершаемые в сфере оборота оружия, а также с его использованием и применением, являются социально опасными, а само оружие, используемое при их совершении, – неотъемлемым детерминирующим элементом системы, поскольку его технические и конструктивные параметры оказывают существенное влияние на ход событий. Следует помнить, что отнесение огнестрельного оружия к категориям гладкоствольного либо оружия с нарезным стволом существенно влияет на квалификацию расследуемых преступлений. Так, за незаконное хранение огнестрельного гладкоствольного оружия предусмотрена административная ответственность, а за аналогичные действия с оружием с нарезным стволом, а также за изготовление и переделку огнестрельного оружия наступает уголовная ответственность.

Отметим, что в настоящее время в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 61-З «Об оружии» (далее – Закон) отсутствуют определения понятий гладкоствольного, нарезного и комбинированного оружия, а также понятия сменных и вкладных нарезных стволов, необходимые для правильной классификации как гладкоствольного, так и нарезного оружия. Отсутствие четких формулировок способствует тому, что с точки зрения Закона гладкоствольным может в том числе считаться и оружие с нарезом не по всей длине ствола (парадокс), а также со стволом особой формы, придающей вращение пуле, не являющимся нарезным. Заключение по принадлежности указанных видов оружия могут дать только квалифицированные эксперты.

В Законе в настоящее время отсутствует и такое понятие, как «переделка оружия», в результате которой изменяются его технические и баллистические характеристики.

Например, изменения, касающиеся арбалетов и луков, – установка новых конструктивных элементов, увеличивающих силу натяжения тетивы, влекут их перевод из категории конструктивно сходных с оружием изделий или игрушек в охотничье или спортивное оружие, оборот которых предусматривает обязательное наличие разрешений органов внутренних дел. То же

самое касается и пневматических винтовок, где достаточно заменить пружину на более мощную или установить специальный газовый поршень, чтобы увеличить дульную энергию более 3 Дж, что относится уже к изготовлению пневматического оружия и влечет уголовную ответственность. В Законе также отсутствуют и такие необходимые понятия, как «холодное клинковое оружие», не определены понятия таких видов оружия, как лук, арбалет, охолощенное, разрезное оружие, массово-габаритный макет, оружие, имеющее культурную ценность, копии и реплики оружия, списанное оружие и другие понятия, широко используемые в современном обороте и имеющиеся в законодательстве соседних государств.

Анализируя практику контроля за оборотом оружия в соседних странах, следует отметить опыт Российской Федерации. Так, в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» в отношении ранее судимых, а также лиц, несущих потенциальную угрозу национальной и общественной безопасности, установлены строгие ограничения как на приобретение, так и на владение гражданским оружием, что положительно влияет на уровень преступности с его использованием и применением.

Учитывая постоянно растущий уровень внешних и внутренних угроз безопасности государства и его граждан, актуально принятие превентивных мер, выражающихся в усилении контроля за оборотом оружия, а также в применении дополнительных административно-предупредительных методов в отношении ранее судимых лиц, в связи с чем целесообразно рассмотреть вопрос об установлении запрета на приобретение, хранение и ношение оружия в отношении всех без исключения лиц:

имеющих снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, умышленное преступление, связанное с незаконным оборотом оружия и патронов к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, преступление террористического характера и (или) экстремистской направленности, а также за преступление, совершенное в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;

два и более раза осужденных за совершение преступлений;

имеющих снятую или погашенную судимость за умышленное преступление, совершенное с применением насилия в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней);

в отношении которых по результатам проверки, проведенной органами внутренних дел и (или) органами государственной безопасности, имеются сведения о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности.

Введение указанных ограничительных мер позволит существенно снизить уровень угроз и повысить безопасность государства и общества от преступных и иных противоправных посягательств.

УДК 35.08.71:351.74

И.В. Козелецкий

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Государственная кадровая политика как общенациональная стратегия развития совокупного кадрового потенциала является частью социально-экономической политики государства и одновременно одним из приоритетных направлений деятельности государства по координации мероприятий, проводимых в целях развития и совершенствования трудового потенциала страны. Она ориентируется на социальное регулирование, охватывающее все общество и общественные отношения, оказывает влияние на установление приоритетов социальных ценностей и общественные устремления в профессиональной сфере. Государственная кадровая политика Республики Беларусь направлена на формирование кадрового потенциала, целесообразное и рациональное использование трудовых ресурсов и включает в себя разработку общих принципов работы с кадрами, их воспитание и профессиональное развитие.

В 2024–2025 гг. в Республике Беларусь были приняты одни из важнейших, после Конституции Республики Беларусь, нормативных правовых актов, определяющих сущность и направления государственной кадровой политики: 3 января 2024 г. Указом Президента Республики Беларусь № 1 была утверждена новая Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь, а 25 апреля 2024 г. решением Всебелорусского народного собрания № 5 – Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Эти нормативные правовые акты определили магистральные направления кадровой политики белорусского государства, уделив особое внимание кадровой безопасности.

Эффективность деятельности органов внутренних дел (ОВД) непосредственно связана с их кадровым потенциалом. Развитие последнего в Республике Беларусь осуществляется в рамках государственной кадровой политики.

Среди ряда исследователей бытует мнение, что нормативное правовое регулирование государственной кадровой политики в ОВД требует совершенствования, в том числе через разработку концепции кадровой политики Министерства внутренних дел (МВД). Данное предложение выдвигалось в том числе под влиянием международного опыта, в частности МВД Российской Федерации в 2012 г. разрабатывался проект Концепции кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел на период до 2020 года. Однако исследователи, инициирующие создание такого рода концепции, не всегда убедительны в целесообразности такой работы. У нас достаточно компактное государство, где на государственном уровне принята Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь, которая находит отражение в ведомственных отраслевых программах кадрового обеспечения.

Кадровая политика в ОВД, являясь частью государственной кадровой политики, основана на тех же концептуальных направлениях, но уже применительно к системе ОВД как составной части правоохранительных органов страны. При этом

субъектами кадровой политики в ОВД являются МВД, органы и подразделения внутренних дел, должностные лица, участвующие в разработке, формировании и реализации кадровой политики и обладающие полномочиями в сфере работы с кадрами.

С точки зрения научного подхода субъект реализации государственной кадровой политики в ОВД – это то, на что воздействует субъект кадровой политики: граждане Республики Беларусь, сотрудники ОВД.

МВД, являясь республиканским органом государственного управления, возглавляющим систему ОВД и внутренние войска МВД, в целях осуществления своих полномочий обеспечивает организацию работы с кадрами, реализацию государственной кадровой политики, политики в области идеологии, а также правовую и социальную защиту сотрудников и гражданского персонала ОВД, граждан, уволенных со службы в ОВД, и членов их семей.

Соответствующие задачи и функции возложены на МВД в соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611. При этом основополагающим нормативным правовым актом по вопросам реализации кадровой политики в ОВД, который определяет порядок и условия прохождения службы, гарантии правовой и социальной защиты сотрудников, является Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133, которое подверглось серьезной корректировке осенью 2024 г. (Указ Президента Республики Беларусь от 9 сентября 2024 г. № 353).

На основании Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь Министром внутренних дел 17 декабря 2025 г. была утверждена Программа кадрового обеспечения органов внутренних дел Республики Беларусь на 2026–2030 годы.

Кроме того, государственная кадровая политика в ОВД реализуется в соответствии с целым рядом локальных правовых актов, среди которых постановления, приказы и распоряжения МВД.

Таким образом, в Республике Беларусь создана и достаточно успешно функционирует система нормативного правового регулирования государственной кадровой политики в ОВД, которая основана на Конституции Республики Беларусь и включает в себя широкий спектр нормативных правовых и локальных (ведомственных) правовых актов.

УДК 351.74:342.9

В.В. Коляго

ПОНЯТИЕ «ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ»

Относительно содержания понятия «противодействие правонарушениям» нет единого подхода как в теории права, так и в законодательстве. В разных нормативных правовых актах и даже в одном и том же допускается использование сходных по значению понятий «предупреждение», «профилактика», «борьба» и «противодействие» в различных значениях, что влечет терминологическую несогласованность. Так, в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» термины «предупреждение» и «профилактика» не отождествляются. Что касается понятий «борьба» и «противодействие», то они используются как равнозначные. Аналогичное отождествление терминов происходит в Законе Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью». В Законе Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом» под данным видом деятельности кроме предупреждения, выявления и пресечения понимается минимизация последствий террористической деятельности, в противодействие торговле людьми включается защита и реабилитация жертв торговли людьми, в противодействие экстремизму – осуществление профилактических мер. Противодействие монополистической деятельности включает в себя ее предупреждение и пресечение. В определении координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией в понятие «борьба с преступностью» включаются термины «противодействие» и «профилактика».

В законодательстве Российской Федерации закрепляются сходные по содержанию определения понятий «противодействие терроризму», «коррупция» и «экстремизм».

Отсутствует единый подход относительно рассматриваемой терминологии и в международных нормативных правовых актах. Так, в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции разграничиваются понятия «предупреждение» и «противодействие», при этом последнее отождествляется с термином «борьба». В целом следует отметить, что первоначально в модельном законодательстве государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) использовался термин «борьба» (например, законы государств – участников СНГ «О борьбе с коррупцией» 1999 г., «О борьбе с терроризмом» 1998 г.). При этом в указанные термины вкладывался различный смысл. В последующем в нормативных правовых актах СНГ стал использоваться термин «противодействие», что нашло отражение в таких модельных законах, как «О противодействии коррупции» 2008 г., «О противодействии экстремизму», «О противодействии терроризму» 2009 г. Однако единый подход к определению содержания понятия «противодействие» так и не был выработан. Например, в отдельных положениях модельного закона СНГ «О противодействии коррупции» понятия «борьба» и «противодействие» употребляются в самостоятельных значениях, а в других – как взаимозаменяемые (преамбула, ст. 7).

Отметим, что поскольку противодействие правонарушениям должно осуществляться всеми доступными средствами, то субъектом противодействия правонарушениям должно быть не только государство, но и общественность. Так, в Республике Беларусь граждане принимают активное участие в охране правопорядка, профилактике правонарушений, раскрытии преступлений, при этом данная деятельность получила подробное нормативное правовое регулирование, что позитивно сказалось на ее эффективности. Кроме того, деятельность ряда общественных объединений, организаций, органов общественного самоуправления связана с реализацией мер, направленных на недопущение совершения правонарушений.

В теории и законодательстве понятие «противодействие правонарушениям» трактуется в основном как деятельность, что, на наш взгляд, является не в полной мере обоснованным. Подчеркнем, что эффективность противодействия правонару-

шениям зависит не только от деятельности специально созданных государственных органов и общественных организаций, но в первую очередь от реализации государством и обществом системы экономических, правовых, идеологических, организационных и иных мер, рассматриваемых учеными в качестве условий поддержания режима законности. Это обусловлено тем, что на правонарушения оказывает воздействие более ста различных факторов. Кроме того, преломление противодействия правонарушениям через призму философии позволяет утверждать о возможности применения в данном случае такого закона диалектики, как единство и борьба противоположностей. Правонарушения и система мер государства и общества, направленных на их удержание на минимальном уровне, взаимосвязаны. Они предопределяют друг друга, а их постоянное противостояние является источником развития. Изменения в структуре правонарушений, способах совершения противоправных деяний влекут за собой объективную необходимость совершенствования форм и методов противодействия им со стороны общества и государства. В этой связи противодействие правонарушениям оправданно рассматривать как систему мер, характеризующихся целостностью, взаимосвязанностью, структурностью, иерархичностью, целенаправленностью, эмерджентностью.

Учитывая позицию законодателя и отдельных ученых, целесообразно в понятие «противодействие правонарушениям» включать возложенную на государственные органы законодательством обязанность по минимизации и ликвидации последствий правонарушений. Не случайно в административном праве выделяется такая отдельная группа мер административно-правового принуждения, как административно-восстановительные, направленные на воссоздание нарушенного правового состояния, которое было до совершения административного правонарушения.

Важным для нашего исследования является также положение о том, что суды отправляют правосудие, но не являются субъектами противодействия преступности. Аналогичная ситуация складывается относительно отдельных органов, ведущих административный процесс, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях (например, административные комиссии). Однако без отправления правосудия, рассмотрения дел об административных правонарушениях, исполнения приговоров и постановлений по делам об административных правонарушениях затруднено противодействие правонарушениям, поскольку названные направления деятельности имеют превентивное значение. Возможность привлечения лиц к ответственности за совершение правонарушений служит сдерживающим фактором для отдельной категории граждан, а неисполнение приговоров и постановлений по делам об административных правонарушениях негативно сказывается на эффективности мер ответственности. Поддерживая в целом данную точку зрения, целесообразно в понятии «противодействие правонарушениям» указать реализацию процессуальных мер по привлечению лиц, их совершивших, к ответственности, в том числе по рассмотрению соответствующих уголовных дел и дел об административных правонарушениях.

На основании вышеизложенного под противодействием правонарушениям целесообразно понимать систему экономических, социальных, идеологических, организационных, правовых и иных мер государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, граждан в пределах их полномочий, реализуемых в целях удержания правонарушений на минимальном уровне, направленных:

- на предупреждение правонарушений (профилактику, нацеленную на выявление причин правонарушений и условий, способствующих их совершению, принятие системы мер по их устранению либо нейтрализации; предотвращение правонарушений);
- борьбу с правонарушениями (выявление и пресечение правонарушений, установление лиц, их совершивших, реализацию процессуальных мер по привлечению их к ответственности, в том числе по рассмотрению уголовных дел и дел об административных правонарушениях и исполнению мер ответственности);
- минимизацию и (или) ликвидацию последствий правонарушений.

УДК 340.1

А.С. Кривонощенко

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ: ПРИЗНАКИ И ВИДЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В рамках изучения своей юридической природы презумпции, как правило, исследуются учеными в общеправовом смысле, однако в литературе наличествует достаточное количество научных трудов, рассматривающих их и через призму отраслевого регулирования общественных отношений. В связи с этим представляется актуальным подвергнуть анализу признаки и виды презумпций, характерных для административного права Республики Беларусь.

Говоря о признаках административно-правовых презумпций, необходимо выделять как общие признаки, являющиеся существенными для всех презумпций и определяющие их как таковые, так и специальные, характеризующие данную группу презумпций как отраслевую.

Ведя речь об отраслевых признаках административно-правовых презумпций, следует указать, что предмет их правового воздействия определяется предметом административного права, а именно общественными отношениями, складывающимися в сфере государственного управления. Следовательно, к признакам административно-правовых презумпций можно отнести следующие: они закреплены в административно-правовой норме, направленной на администрирование, т. е. на реализацию государственного управления; их правообразующее воздействие проявляется в рамках административно-правовых отношений, складывающихся по поводу и в процессе государственного управления; они являются моделью поведения должностного лица при осуществлении государственно-управленческой деятельности; они выступают условием принятия решения правоприменителем в рамках рассмотрения конкретного административного дела.

В целом представляется возможным презумпции в административном праве разделить на две большие группы: юрисдикционные и регулятивные.

Юрисдикционные презумпции регулируют деятельность сторон административного процесса в рамках рассмотрения дела об административном правонарушении. К указанной группе относятся презумпции вины, а именно презумпция невиновности и презумпция виновности.

Отметим, что данные презумпции являются общеправовыми и характерны для всех отраслей права. Вместе с тем в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь презумпция невиновности закреплена в качестве принципа правового регулирования и сформулирована в ст. 1.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) в виде принципа виновной ответственности физического лица, в соответствии с которой физическое лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

Презумпция невиновности является также принципом административного процесса. В соответствии со ст. 2.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) физическое лицо не может быть привлечено к административной ответственности, пока его виновность в совершении административного правонарушения не будет установлена в законном порядке.

Несмотря на то что термин «презумпция виновности» прямо не используется в административно-процессуальном законодательстве, можно утверждать, что данная презумпция также наличествует в административном процессе Республики Беларусь как исключение из принципа презумпции невиновности.

Так, ч. 6 ст. 10.4 ПИКоАП установлено, что должностное лицо органа, ведущего административный процесс, не обязано доказывать виновность лица в совершении административного правонарушения против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, зафиксированного работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами.

В соответствии со ст. 4.8 КоАП в случаях фиксации административного правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, административной ответственности подлежит собственник (владелец) транспортного средства.

Из положений вышеприведенных правовых норм следует, что в данном случае правоприменитель при рассмотрении дела об административном правонарушении исходит из виновности собственника (владельца) транспортного средства, однако если последний докажет иное либо это будет установлено каким-нибудь иным способом, то тогда собственник (владелец) транспортного средства признается невиновным, что позволяет говорить о реализации презумпции виновности в административно-юрисдикционном законодательстве.

Вторая группа презумпций, используемых в административном праве, может быть названа регулятивной. Эти презумпции используются в рамках государственно-управленческой деятельности, связанной в первую очередь с осуществлением контрольно-надзорной деятельности.

К данной группе презумпций, на наш взгляд, могут быть отнесены:

1. Презумпции доверия: презумпции добросовестности и презумпции опасности.

Так, ст. 4 Закона Республики Беларусь от 29 июня 2003 г. № 217-З «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» в качестве принципа государственной политики в данной области устанавливает презумпцию добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство и (или) оборот продовольственного сырья и пищевых продуктов.

Примером презумпции опасности может служить презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды», подп. 5.2 п. 5 Положения о порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду, требованиях к составу отчета об оценке воздействия на окружающую среду, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение оценки воздействия на окружающую среду, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2017 г. № 47 «О государственной экологической экспертизе, оценке воздействия на окружающую среду и стратегической экологической оценке»).

2. Презумпции легальности. Такие презумпции призваны определить порядок признания законности правовых актов, решений, достоверности либо истинности документов.

Например, п. 7 Правил профессиональной этики лиц, оказывающих юридические услуги, утвержденных постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 16 декабря 2022 г. № 152, устанавливает, что «при исполнении поручения заказчика юрист в своих действиях исходит из презумпции достоверности документов и информации, представленных заказчиком»; ст. 24 Закона Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации» закрепляет презумпцию соответствия техническому регламенту Республики Беларусь технических кодексов установившейся практики и (или) государственных стандартов.

УДК 342.9

В.Н. Крюков

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ К РАССМОТРЕНИЮ

Подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению является важной стадией административного процесса, на которой в соответствии с положениями Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) производятся действия уполномоченных на то должностных лиц по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела об административном правонарушении. В ходе подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению могут осуществляться процессуальные действия: опрос, осмотр, освидетель-

ствование, экспертиза, получение образцов для сравнительного исследования. От качественной деятельности должностных лиц, ведущих административный процесс, на этой стадии зависит не только результат рассмотрения дела, но и последующее исполнение постановлений о наложении отдельных видов административных взысканий. Итоговым результатом подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению является составление протокола об административном правонарушении либо прекращение дела об административном правонарушении.

Согласно ч. 1 ст. 11.1 ПИКоАП подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению должна быть осуществлена не позднее 10 суток со дня начала административного процесса, а по делам об административных таможенных правонарушениях, об административных правонарушениях против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования, против порядка налогообложения – не позднее двух месяцев со дня начала административного процесса.

При этом в некоторых случаях подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению может быть приостановлена по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 11.1 ПИКоАП.

Органы, ведущие административный процесс, сталкиваются с некоторыми проблемами, касающимися приостановления подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению. В частности, одним из дискуссионных вопросов применения данного института является возможность производства процессуальных действий по делам об административных правонарушениях, подготовка к рассмотрению которых приостановлена. Согласно п. 18 ч. 1 ст. 1.4 ПИКоАП процессуальные действия – предусмотренные ПИКоАП действия уполномоченных на то должностных лиц, производимые в ходе административного процесса. Следовательно, исходя из данного определения, любые процессуальные действия, предусмотренные ПИКоАП, производятся только в ходе административного процесса. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что вместе с приостановлением подготовки дела приостанавливается и административный процесс в целом, так как подготовка дела является составной частью административного процесса.

О приостановлении подготовки дела согласно ч. 4 ст. 11.1 ПИКоАП выносится мотивированное постановление. Согласно п. 15 ч. 1 ст. 1.4 ПИКоАП постановление – решение, вынесенное судьей или органом, ведущим административный процесс. Следовательно, постановление о приостановлении подготовки дела является решением органа, ведущего административный процесс, свидетельствующим о приостановлении административного процесса со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе невозможности производства процессуальных действий.

Следует отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) институт приостановления предварительного следствия регламентирован более подробно. Так, ч. 5 ст. 246 УПК предусмотрена обязанность следователя до приостановления предварительного следствия выполнить все следственные действия, проведение которых возможно в отсутствие обвиняемого, принять все меры по его розыску, а равно по установлению лица, совершившего преступление, либо по обнаружению безвестно исчезнувшего лица. Согласно ч. 2 ст. 247 УПК после приостановления предварительного расследования следователь принимает как непосредственно, так и через органы дознания меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, меры по установлению местонахождения обвиняемого, розыску скрывшегося обвиняемого или обнаружению безвестно исчезнувшего лица. При этом в ч. 3 ст. 247 УПК установлен прямой запрет на производство по уголовному делу, следствие по которому приостановлено.

На основании вышеизложенного полагаем целесообразным в случаях приостановления подготовки дела об административных правонарушениях в соответствии с ч. 2 ст. 11.1 ПИКоАП производить только действия по установлению лица, подлежащего привлечению к административной ответственности, которые не носят процессуальный характер (например, направление запросов и т. д.).

Согласно ч. 3 ст. 11.1 ПИКоАП подготовка дела об административном правонарушении возобновляется, если отпали основания для ее приостановления. Отметим, что данная норма не предусматривает в качестве основания для возобновления подготовки дела необходимость производства процессуальных действий. При этом в УПК соответствующая норма имеется. В соответствии с ч. 1 ст. 249 УПК приостановленное предварительное расследование возобновляется мотивированным постановлением следователя после того, как отпали основания для приостановления; возникла необходимость производства следственных действий, которые могут быть осуществлены без участия обвиняемого.

Для урегулирования описанных проблем полагаем необходимым внести следующие изменения в ст. 11.1 ПИКоАП:

1) дополнить ч. 5 следующего содержания:

«До приостановления подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению должностное лицо органа, ведущего административный процесс, обязано выполнить все процессуальные действия, производство которых возможно. После приостановления подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению орган, ведущий административный процесс, принимает меры по установлению лица, подлежащего привлечению к административной ответственности.»;

2) часть 3 дополнить словами «либо возникла необходимость производства процессуальных действий».

УДК 342.9

М.И. Лукьянчик

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ, НЕ ДОСТИГШИМИ ВОЗРАСТА, С КОТОРОГО НАСТУПАЕТ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

За последние несколько лет в Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон о профилактике безнадзорности) неоднократно

вносились изменения и дополнения. Вместе с тем до настоящего времени на практике отсутствует единообразие в подходе к определению порядка проведения проверки в случаях совершения правонарушения несовершеннолетним, заведомо не достигшим установленного ст. 4.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) возраста, с которого наступает административная ответственность. Так, административной ответственности подлежит физическое лицо, достигшее ко времени совершения правонарушения возраста 16 лет. Физическое лицо, совершившее правонарушение в возрасте от 14 до 16 лет, подлежит административной ответственности только за умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания (ст. 10.1), оскорбление (ст. 10.2), мелкое хищение (ст. 11.1), умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества (ст. 11.3), жестокое обращение с животным или избавление от животного (ст. 16.29), мелкое хулиганство (ст. 19.1).

Следует отметить, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 9.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) обстоятельством, исключающим административный процесс в отношении физического лица, является отсутствие в деянии состава административного правонарушения. Недостижение возраста, с которого возможно привлечение лица к административной ответственности, исключает субъектность такого лица, совершившего деяние, имеющее признаки административного правонарушения. Как следствие, состав правонарушения отсутствует. Более того, п. 5 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП определено специальное обстоятельство, исключающее административный процесс в отношении физического лица, касающееся его возраста, а именно недостижение физическим лицом на день совершения деяния, предусмотренного Особенной частью КоАП, возраста, с которого наступает административная ответственность. В итоге на основании п. 2 ч. 1 ст. 11.23 ПИКоАП окончание подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению завершается его прекращением и вынесением на основании ч. 1 ст. 11.25 ПИКоАП постановления о прекращении соответствующего дела об административном правонарушении, которое вступает в законную силу с момента его вынесения.

При этом согласно ч. 2 ст. 9.1 ПИКоАП основаниями для начала административного процесса являются достаточные данные, указывающие на признаки административного правонарушения, предусмотренного Особенной частью КоАП, если при этом отсутствуют обстоятельства, исключающие административный процесс. Таким образом, достоверно установленный факт недостижения возраста административной ответственности исключает начало административного процесса, так как для этого отсутствуют основания.

Для подтверждения отсутствия оснований для проведения проверки в рамках административно-процессуального законодательства материалы, собранные по конкретному факту (событию), обобщаются, суть дела излагается в рапорте сотрудника органов внутренних дел (ОВД), передаваемом в оперативно-дежурную службу для регистрации в соответствии с Инструкцией о порядке приема, регистрации и учета органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 8 января 2019 г. № 5. Затем согласно п. 51 указанной инструкции данный рапорт с иными материалами проверки докладывается начальнику ОВД, который по результатам рассмотрения принимает решение о списании информации о происшествии в дело, как не имеющей оснований для начала административного процесса.

В то же время в большинстве подобных ситуаций, например при совершении мелкого хищения имущества несовершеннолетним, заведомо не достигшим возраста привлечения к административной ответственности, начальник ОВД поручает подчиненному сотруднику проведение проверки в порядке, установленном административно-процессуальным законодательством, полагая неустановленным возраст лица, совершившего правонарушение.

Причиной тому является то, что частью первой ст. 5 Закона о профилактике безнадзорности определены категории несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа. Так, в абзаце восьмом части первой ст. 5 Закона о профилактике безнадзорности указано, что органы, учреждения и иные организации, осуществляющие профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетних, совершивших деяния, содержащие признаки административных правонарушений, но не достигших ко времени совершения таких деяний возраста, с которого наступает административная ответственность. При этом в соответствии с абзацем четвертым ст. 6 Закона о профилактике безнадзорности установлено, что индивидуальная профилактическая работа в отношении несовершеннолетних, их родителей (усыновителей, удочерителей), указанных в ст. 5 Закона о профилактике безнадзорности, проводится на основании постановления начальника ОВД. Принятие данного процессуального решения в рамках административного процесса позволяет сотрудникам ОВД на основании ст. 7 Закона о профилактике безнадзорности по собственной инициативе осуществлять профилактическую работу в отношении несовершеннолетнего. В свою очередь, при принятии решения о списании информации о происшествии в дело, как не имеющей оснований для начала административного процесса, для указанной инициативы отсутствуют основания.

Комиссии по делам несовершеннолетних также предпочитают видеть в материалах обоснования начала проведения индивидуальной профилактической работы строго определенную законодателем форму процессуального документа в виде постановления о прекращении дела об административном правонарушении в отношении несовершеннолетнего. Данное требование ими выдвигается исходя из формулировки подп. 29.7³ п. 29 Положения о порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2003 г. № 1599 (далее – Положение), согласно которой комиссия по делам несовершеннолетних принимает дополнительные меры воздействия, направленные на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в случае если в отношении несовершеннолетнего вынесено постановление о прекращении дела об административном правонарушении в связи с недостижением лицом на день совершения деяния, предусмотренного Особенной частью КоАП, возраста, с которого наступает административная ответственность.

Важно понимать, что проведение административного процесса в полном объеме служит в том числе и гарантией защиты прав, свобод и законных интересов всех участников административного процесса, что еще более актуально в том случае, когда

одним из участников административного процесса является несовершеннолетний. Однако в целях прежде всего процессуальной экономии, полагаем, будет верным исключить начало административного процесса в случае, когда несовершеннолетний, заведомо не достигший возраста, с которого наступает административная ответственность, признает себя виновным в совершении административного правонарушения и чистосердечно раскаивается, самим несовершеннолетним и (или) его законными представителями добровольно возмещен или устранен причиненный вред либо исполнена возложенная на лицо обязанность, за неисполнение которой может быть наложено административное взыскание, о чем уведомить заинтересованные органы, учреждения и иные организации, осуществляющие профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Таким образом, с целью исключения правовой неопределенности и унификации правоприменительной практики видится необходимым абзац четвертый ст. 6 Закона о профилактике безнадзорности изложить следующим образом: «постановления комиссии по делам несовершеннолетних, решения прокурора или его заместителя, начальника следственного подразделения, начальника органа внутренних дел или его заместителя». Кроме того, целесообразно дополнить подп. 29.7³ п. 29 Положения формулировкой: «либо по аналогичным основаниям в отношении несовершеннолетнего принято решение не начинать административный процесс».

УДК 342.92

Н.Е. Матюшенко

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИМЕНЕНИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

В специальной литературе кодификация рассматривается как высшая форма систематизации законодательства, в результате которой осуществляются разработка и принятие основополагающего источника права, где закрепляются наиболее значимые принципиальные положения общей и особенной частей отрасли права. Кодификация – это критическое переосмысление всего нормативного правового массива в современных реалиях, устранение противоречий, дублирования, несогласованности правовых норм, обеспечение системности, более четкое логичное построение нормативных правовых предписаний, удобство их использования, доступность понимания, возможность применения.

В национальном законодательстве кодификация рассматривается как вид систематизации нормативных правовых актов, сопровождающейся переработкой установленного ими правового регулирования общественных отношений путем объединения нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт (кодекс, правила и т. п.), содержащий систематизированное изложение нормативных правовых предписаний, направленных на правовое регулирование определенной области общественных отношений.

Как отмечает И.П. Сидорчук, «кодификация – это обусловленная потребностями развития и усложнением механизма правового регулирования деятельность нормотворческих органов по совершенствованию действующего законодательства с целью создания системных нормативных актов, обеспечивающих целостное юридическое регулирование функционально и организационно обособленных сфер общественных отношений либо основную их часть на более высоком качественном уровне».

Более того, в системе государственного управления достаточно давно практикуется кодификация норм, регулирующих однородные общественные отношения. Так, в настоящее время идет разработка концепции Экологического кодекса, Кодекса о здравоохранении и т. д.

Меры административного пресечения выступают, с одной стороны, необходимым организационно-правовым средством, без которого невозможно решение многих правоохранных задач, возложенных на органы внутренних дел (ОВД), с другой – их применение связано с вторжением в сферу основных, закрепленных Конституцией Республики Беларусь прав граждан и сопряжено с наступлением неблагоприятных имущественных, личных и иных правоограничений. Отдельно следует отметить и социальный эффект административного пресечения – предотвращение возможного вреда общественным отношениям. Вследствие этого применение мер административного пресечения должно осуществляться на основе четкой правовой регламентации содержания, видов мер, условий и порядка применения и в строгом соответствии с законом.

В контексте вышеизложенного заслуживает внимания высказываемая в научной литературе идея об унификации и систематизации мер административного пресечения вследствие того, что правовые нормы о мерах административного пресечения закреплены в различных по своей направленности, содержанию и иерархическому уровню нормативных правовых актах. Их многообразие и фрагментарность препятствуют гармоничному развитию законодательства в этой сфере, приводят к отсутствию скоординированности норм отдельных законов и подзаконных нормативных правовых актов, касающихся применения различных (в разрезе общих и специальных) мер административного пресечения.

Более того, в рамках правового поля отсутствует нормативное правовое закрепление унифицированного определения понятия «меры административного пресечения» (причем и на законодательном уровне), их видов, критериев классификации, оснований, порядка и условий применения, за исключением специальных мер пресечения.

На наш взгляд, такой кодифицированный нормативный правовой акт по своей структуре и содержанию, месту и роли в системе регулирования правоотношений, связанных с реализацией мер административного пресечения, по своим целям, способам реализации его положений, наличию норм, дифференцированных для применения в отношении к разнородным социально-управленческим ситуациям, должен значительно упростить понимание и применение сотрудниками ОВД различных мер административного пресечения и повысить эффективность их реализации. При этом одновременно расширятся общие положения, закрепляющие на республиканском уровне основы административно-пресекающей деятельности в Республике Беларусь.

Наряду с отсутствием легального определения понятия «меры административного пресечения», разнообразием самих мер административного пресечения, применяемых в правоохранительной практике ОВД, множеством нормативных правовых актов, закрепляющих основания, содержание и порядок их реализации, требующих их унификации, существует проблема неравномерного правового регулирования общих и специальных мер административно-правового пресечения, применяемых ОВД.

Как показывает анализ, наличие детально разработанной законодательной базы (нормативных правовых актов прямого действия), содержащей достаточную степень проработанности, насыщенности и детализированности правовых норм в регулировании и упорядочении общественных отношений, складывающихся в рамках охранительных отношений при применении специальных мер пресечения, способствует минимизации разработки подзаконного правового регулирования.

Несмотря на то что общие меры административного пресечения применяются в практике повседневной правоохранительной деятельности ОВД значительно чаще, должного нормативного правового закрепления в части определения понятия, видов, критериев классификации, содержания мер административного пресечения и общего порядка их применения в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» они не получили. Они рассредоточены во множестве нормативных правовых актов различной юридической силы, функционального назначения и содержания, отраслевой принадлежности.

Отсутствие в национальном законодательстве нормативного правового акта, закрепляющего перечень мер административно-правового пресечения и устанавливающего общие основы административно-пресекательной деятельности в Республике Беларусь, следует признать существенным пробелом в механизме регулирования правоохранительных отношений.

Постановка вопроса о необходимости систематизации норм, составляющих институт административного пресечения, не означает, что их установление может быть сведено исключительно к акту кодификации. Разработка такого акта направлена на создание условий, при которых правовое регулирование административно-пресекательных отношений приобрело бы логическую последовательность и видовую определенность. Вследствие этого наряду с принятием кодифицированного акта, закрепляющего основы пресекательной деятельности органов исполнительной власти, в том числе ОВД, ее последующая регламентация должна осуществляться на уровне отраслевого законодательства применительно к специфике общественных отношений, составляющих предмет ведения конкретного органа исполнительной власти.

Закрепление в отраслевом законе перечня общих и специальных мер административного пресечения позволит, с одной стороны, упорядочить в систематизированном виде, удобном для сотрудника ОВД (милиции) как правоприменителя, все меры административного пресечения, используемые в правоохранительной практике ОВД, а с другой – установить взаимосвязь между полномочиями на применение конкретных мер административного пресечения и их видовым многообразием.

Последующая конкретизация этих положений может носить подзаконный характер и заключаться в разработке соответствующих правил, инструкций, наставлений и иных документов, утверждаемых на уровне как Совета Министров Республики Беларусь, так и органов исполнительной власти (в частности, Министерства внутренних дел), наделенных нормотворческой компетенцией.

Таким образом, указанные предложения позволят упорядочить и повысить уровень правового регулирования мер административного пресечения, систематизировав их в кодифицированном акте наравне с другими мерами административного принуждения (административной ответственности, административно-процессуального обеспечения); нормативно закрепить определение понятия «меры административного пресечения», их цели, классификацию; определить и сосредоточить перечень общих и специальных мер административного пресечения в одном нормативном правовом акте, достичь их сбалансированности в части достаточного юридического обеспечения; иметь ориентир в правоприменительном процессе государственных органов при реализации различных мер административного пресечения.

УДК 342.9

С.В. Митрофанова

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА: КАК АЛГОРИТМЫ МЕНЯЮТ ВЛАСТЬ И УГРОЖАЮТ ПРАВАМ ГРАЖДАН

Цифровая трансформация государственного управления и правоохранительной деятельности представляет собой не просто техническое обновление, а фундаментальную перестройку парадигмы взаимодействия между государством и обществом. Этот процесс, нацеленный на повышение эффективности, прозрачности и доступности публичных услуг, проявляется в массовой автоматизации административных процедур, создании межведомственных цифровых платформ и внедрении систем аналитики больших данных. В России эти тенденции нашли отражение в национальных проектах, таких как «Цифровое государственное управление», что привело к активному использованию портала «Госуслуги» миллионами граждан. Однако подобная стремительная технологическая эволюция порождает глубокие и системные вызовы для традиционных основ административного права, которое исторически регулировало деятельность человеческих администраторов в рамках четко прописанных процедур. Основная проблема заключается в растущем разрыве между скоростью внедрения цифровых инструментов, включая алгоритмы искусственного интеллекта, и способностью правовой системы обеспечить адекватные гарантии законности, справедливости и защиты прав человека в новых условиях.

Одним из ключевых направлений цифровизации является автоматизация рутинных административных действий и оказания государственных услуг, что сокращает бюрократические издержки и повышает удобство для граждан. Однако с правовой точки зрения это ведет к трансформации классических административных процедур, требуя пересмотра таких фундаментальных вопросов, как форма и доказательная сила электронных документов, порядок идентификации личности в

цифровой среде и юридический статус автоматически сгенерированных решений. Более сложный вызов возникает в связи с внедрением интеллектуальных систем поддержки принятия решений и предиктивной аналитики в правоохранительной и контрольно-надзорной деятельности.

Накопление и интеграция данных из различных ведомств на единых цифровых платформах, с одной стороны, повышают эффективность государственного управления, но с другой – создают риск формирования тотальных цифровых профилей граждан, где информация, собранная для одной цели (например, предоставления социальной услуги), может быть использована в совершенно ином контексте (например, для правоохранительного контроля). Такая практика ставит под угрозу принцип контекстуальной целостности данных и фундаментальное право на неприкосновенность частной жизни. При этом нормативное правовое регулирование часто не поспевает за технологиями, оставляя правовые пробелы в отношении базовых понятий, таких как «искусственный интеллект» или «алгоритмическое решение». Существующие административные регламенты, разработанные для аналоговой среды, оказываются непригодными для регулирования автоматизированных процессов, что создает почву для правовой неопределенности и потенциальных злоупотреблений. Особенно остро эта проблема стоит на уровне местного самоуправления, где внедрение технологий «умного города» часто опережает развитие соответствующей муниципальной правовой базы, усугубляя цифровое неравенство между регионами.

Глубокий системный вызов цифровизации заключается в эрозии традиционных процессуальных гарантий, которые составляют суть административного права. Классические принципы, такие как право быть выслушанным, право на мотивированное решение и возможность его эффективного обжалования, размываются в условиях, когда решение принимается или готовится алгоритмической системой, работающей по принципу «черного ящика». Гражданину часто неясно, на основании каких именно данных и по какой логике была сформирована неблагоприятная для него рекомендация или прямое предписание, что делает практически невозможным содержательное оспаривание такого решения. Еще одной сложной проблемой является вопрос распределения ответственности за вред, причиненный в результате ошибочного или противоправного действия алгоритма. Традиционные механизмы административной и дисциплинарной ответственности рассчитаны на человеческого субъекта – должностное лицо. В цепочке «разработчик программного обеспечения – государственный орган, внедривший систему, – чиновник, формально утвердивший ее вывод» установление вины становится крайне затруднительным. Существующие институты прокурорского, судебного и ведомственного контроля также оказываются плохо приспособленными для аудита сложных алгоритмических систем, проверки корректности используемых данных и логики их обработки. Организационные и кадровые барьеры, включая дефицит цифровых компетенций у государственных служащих, особенно в территориальных правоохранительных органах, лишь усугубляют ситуацию, приводя к формальному использованию технологий или ошибкам, вызванным непониманием их работы, что в конечном итоге подрывает доверие к цифровой трансформации в целом.

Ответом на эти многочисленные вызовы должна стать не точечная коррекция, а стратегическая модернизация всего массива административно-правового регулирования. В первую очередь необходимы разработка и кодификация основ так называемого цифрового административного права, которое закрепило бы базовые понятия, установило правовой статус различных форм автоматизации (от автоматизированной поддержки до полностью автоматического принятия решений) и создало специализированные цифровые административные регламенты. Крайне важно законодательно внедрить ориентированный подход к регулированию алгоритмов, который включал бы такие гарантии, как право гражданина на объяснение логики автоматизированного решения, обязательную алгоритмическую аудируемость систем и сохранение за государственным служащим окончательной ответственности за ключевые, этически нагруженные решения. Для защиты фундаментальных прав необходим принцип целевой ограниченности данных, запрещающий их использование вне первоначального контекста без отдельного правового основания, а также введение обязательной процедуры оценки влияния алгоритмов на права человека до их внедрения в публичный сектор.

Для обеспечения эффективности этих мер требуется преодоление институциональных разрывов, что может включать в себя создание специализированных надзорных органов для аудита государственных алгоритмических систем или наделение соответствующими полномочиями уже существующие структуры. Параллельно должна проводиться глубокая интеграция цифровых компетенций в программы подготовки государственных и правоохранительных служащих, чтобы технология была не внешним навязанным инструментом, а понятной частью профессиональной культуры. Учитывая трансграничный характер цифровых технологий, активная гармонизация стандартов в сфере защиты данных, этики искусственного интеллекта и цифрового управления в рамках международных объединений, таких как БРИКС и Евразийский экономический союз, становится важным направлением для создания предсказуемой правовой среды. Таким образом, успех цифровой трансформации государства будет определяться не столько мощностью технологий, сколько способностью административного права эволюционировать, наполнить новым содержанием классические принципы законности и справедливости и стать надежным гарантом прав человека в условиях алгоритмического управления.

УДК 342.9(476)

В.А. Пагоцкий

ПРОВЕДЕНИЕ ДОСМОТРА И ЛИЧНОГО ОБЫСКА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Меры принуждения, связанные с личным обыском, досмотром и осмотром находящихся при лице вещей, имеют повышенную юридическую значимость, поскольку затрагивают личную неприкосновенность. Они направлены на пресечение продолжающегося правонарушения, устранение угроз безопасности, обнаружение предметов и документов, имеющих значение для дела, а также на обеспечение своевременного рассмотрения дела и исполнения вынесенного постановления. В этом контексте их следует рассматривать как юридически регламентированные инструменты обеспечения административного процесса, требующие строгого соблюдения оснований, целей и процессуальной формы.

Личный обыск проводится для обнаружения на теле или в одежде задержанного орудий и средств совершения административного правонарушения, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для административного процесса (ст. 8.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП)). Его правомерность обеспечивается обязательными процедурными гарантиями: обыск проводится лицом того же пола, что и задержанный, с участием двух понятых того же пола, а результаты фиксируются в протоколе.

Особого внимания требует предусмотренное законом исключение, допускающее проведение личного обыска без понятых в случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что при задержанном находятся оружие или иные опасные предметы. В процессуальном документе должны фиксироваться не общие формулировки, а конкретные обстоятельства применения исключения при наличии возможности целесообразно использовать техническую фиксацию как дополнительную гарантию проверяемости.

Досмотр в деятельности органов внутренних дел имеет иную функциональную направленность и применяется прежде всего для предотвращения угроз, выявления запрещенных или опасных предметов и обеспечения безопасности при охране общественного порядка. Он может касаться ручной клади, личных вещей и транспортного средства, если это обусловлено режимом охраняемого объекта, пропускным режимом либо необходимостью предотвращения угрозы. При этом досмотр не может рассматриваться как действие без оснований: он должен опираться на юридическое основание и фактические данные о возможной угрозе, нарушении режима либо иных обстоятельствах, оправдывающих вмешательство.

Разграничение личного обыска и досмотра имеет не только теоретическое, но и доказательственное значение. Личный обыск задержанного направлен на обнаружение предметов и документов, имеющих значение для административного процесса, поэтому нарушение процедуры может поставить под сомнение допустимость и убедительность полученных результатов. Досмотр, ориентированный на предотвращение угроз, также требует фиксации, однако стандарты документирования и мотивировки должны соотноситься с уровнем вмешательства и предполагаемым использованием результатов.

В целях повышения правовой определенности и единообразия практики целесообразно закрепить разграничительный стандарт, позволяющий до вмешательства определить, применяется ли личный обыск задержанного по ст. 8.6 ПИКоАП либо осуществляется досмотр как мера безопасности. Критериями должны выступать наличие административного задержания и процессуальной цели обнаружения значимых для дела предметов и документов, что предполагает личный обыск с полным набором гарантий, либо цель предотвращения угрозы и обеспечения режима, что предполагает досмотр с обязательным указанием юридического и фактического основания. Представляется обоснованным установить также минимальный стандарт фиксации обстоятельств вмешательства: для личного обыска – полноту сведений об основаниях, целях, участниках, участии понятых и т. п.; для досмотра – обязанность отражать конкретные фактические причины проверки. Реализация указанных стандартов повысит результативность деятельности органов внутренних дел и усилит гарантии прав личности.

УДК 342.9(476)

В.А. Полуян

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Административные взыскания в Республике Беларусь являются не только юридической формой реализации административной ответственности, но и инструментом предупреждения правонарушений. Их применение обеспечивает общую и специальную превенцию, поддержание правопорядка и формирование устойчивых моделей правомерного поведения. Вследствие этого систему административных взысканий целесообразно анализировать не как формальный перечень санкций, а как управленческий механизм снижения правонарушаемости.

Действующий Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) позволяет говорить о двухконтурной модели предупреждения. Первый контур составляют профилактические меры воздействия, применяемые при освобождении от административной ответственности и направленные на предотвращение новых правонарушений без наложения взыскания. Второй контур образует система административных взысканий, применяемая при привлечении к ответственности и сочетающая принуждение с превентивным воздействием. В таком понимании взыскание не должно превращаться в самоцель или в исключительно карательную реакцию: оно призвано быть необходимым и достаточным для предупреждения повторности и формирования у иных лиц представления о неотвратимости правовых последствий нарушения установленных требований.

Предупредительный потенциал административных взысканий обеспечивается их влиянием на конкретного правонарушителя через правовые последствия и дисциплинирующим эффектом процедуры привлечения к ответственности. Следовательно, результативность административных взысканий как инструмента предупреждения правонарушений зависит не только от вида назначаемой меры, но и от качества процессуальной формы, доказательственной базы и мотивировки решения.

Система взысканий в КоАП дифференцирована по субъекту ответственности: для физических лиц предусмотрен более широкий набор мер, для юридических лиц акцент закономерно смещен в сторону имущественных и организационных последствий. Однако при доминировании штрафа в отношении организаций возникает риск снижения превентивного эффекта, когда он воспринимается как предсказуемая издержка деятельности. Это усиливает значимость критериев назначения административных взысканий и требований к мотивировке выбора меры с учетом характера правонарушения и вероятности повторности.

Ключевая проблема правоприменения заключается в недостаточной прозрачности критериев выбора как между освобождением от административной ответственности с применением профилактических мер и привлечением к ответственности с назначением административного взыскания, так и между конкретными видами административных взысканий. При сходных

обстоятельства наложение разных административных взысканий снижает предсказуемость и, как следствие, предупредительный эффект. В связи с этим целесообразно внедрить минимальный стандарт мотивирования назначения административного взыскания: в постановлении должны быть отражены причины выбора конкретной меры, оценка характера и степени общественной вредности деяния, наличие последствий, поведение лица после выявления правонарушения и факторы риска повторности, а также аргументация, почему более мягкие меры не обеспечат предупреждение или, напротив, почему предупреждение может быть достигнуто без административного взыскания. Дополнительно обоснованно закрепить ориентир минимальной достаточности принуждения, предполагающий выбор меры, достаточной для предупреждения новых правонарушений при наименьшем необходимом вмешательстве в права и законные интересы лица. Реализация этого подхода предполагает приоритет профилактических мер при наличии законных оснований для освобождения и отсутствии повышенного риска повторности, а при назначении административного взыскания – требование показать, каким образом выбранная мера предупреждает повторность и почему она оптимальна среди альтернатив.

УДК 342.95

А.А. Постникова

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Среди комплекса мер, направленных на снижение уровня и динамики преступности, ведущее место занимает профилактика правонарушений. Построение эффективной системы профилактики правонарушений – важная работа, которая в перспективе дает серьезные результаты: сокращаются расходы на содержание репрессивного аппарата и системы исполнения уголовных наказаний; принцип гуманизма в деятельности органов исполнительной власти находит реальное воплощение в удержании конкретных лиц от совершения преступлений; уровень преступности снижается, следовательно, в большей степени обеспечиваются интересы личности, общества и государства.

Применение мер профилактики способствует воспитанию правосознания граждан, удерживая отдельных лиц от противоправных деяний и тем самым ограждая их самих и все общество от негативных последствий, наступающих вследствие совершения правонарушений.

Как в свое время писал один из классиков юридической науки Ч. Беккариа, «лучше предупреждать преступления, чем наказывать. В этом – главная цель всякого хорошего законодательства, которое является искусством вести людей к возможно большому счастью или к возможно меньшему несчастью, если говорить об общем итоге добра и зла в жизни».

В Республике Беларусь проблеме профилактики правонарушений уделяется повышенное внимание. Совершенствуется законодательство, определяются приоритетные, стратегически важные направления реализации мер профилактического воздействия.

В частности, в числе внутренних источников угроз национальной безопасности в социальной сфере обновленная Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, выделяет такие, как: низкая культура самосохранительного поведения и безопасности жизнедеятельности населения; склонность к асоциальному образу жизни, злоупотреблению спиртными напитками, потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ. Тем самым фактически определяется стратегический вектор профилактической деятельности правоохранительных органов.

Превентивность и соразмерность мер по нейтрализации источников внутренних угроз национальной безопасности является одним из принципов ее обеспечения.

Обеспечение правопорядка в обществе, в том числе путем профилактики негативных социальных явлений, предупредительное воздействие на лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, потребляющих наркотические и другие средства и вещества, – одно из направлений обеспечения национальной безопасности государства.

С учетом стратегических приоритетов формируется модель законодательства, определяющая круг лиц, в отношении которых необходимо осуществлять индивидуальную профилактику, и вырабатываются средства оказания корректирующего воздействия на их поведение.

Модель проведения индивидуально-профилактической работы с гражданами состоит в реализации государственно-властных полномочий со стороны уполномоченных субъектов профилактики правонарушений, что позволяет им оказывать корректирующее воздействие на поведение принудительно. Данная деятельность обладает процедурными требованиями, облечена в определенные формы фиксации властных решений должностных лиц субъектов профилактики, связана с использованием методов принуждения и убеждения.

Как разновидность административно-правового принуждения, индивидуальная профилактика правонарушений осуществляется только при наличии оснований, которые указаны в актах законодательства, и только определенными субъектами профилактики правонарушений.

Обладая чертами административно-правового принуждения, индивидуальная профилактика связана с ограничениями прав и свобод граждан. Проявляется это в содержании правового статуса субъекта индивидуальной профилактики, определенного актами законодательства. Речь идет, например, о ст. 31 «Защитное предписание», ст. 32 «Права и обязанности граждан, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактика правонарушений» Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 122-3). Обязанности, запреты и ограничения, применяемые в отношении объекта индивидуальной профилактики, обеспечиваются юридической ответственностью (ч. 2 ст. 10.1, ст. 24.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

либо возможностью применения более строгих по своему правовому воздействию мер. Иными словами, меры индивидуальной профилактики не являются наказанием, но сигнализируют о риске дальнейших санкций.

С учетом правовой природы мер индивидуальной профилактики правонарушений представляется, что объекты, к которым они применяются, должны быть определены только законом: согласно Конституции Республики Беларусь (ст. 23) ограничение прав и свобод личности допустимо только в случаях, предусмотренных законом, который должен соответствовать конституционным принципам.

Практика профилактической деятельности органов внутренних дел показывает, что данный принцип в ряде случаев не соблюдается. Например, меры индивидуальной профилактики правонарушений применяются к определенным категориям иностранных граждан, включенных в категорию «группа риска», которая определена локальным правовым актом Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Профилактическая работа проводится с лицами, вернувшимися из лечебно-трудовых профилакториев, которые в качестве объекта профилактики на уровне закона не определены.

Полагаем, что приоритетное определение объектов индивидуальной профилактики и их закрепление на уровне закона не только отражают соответствие конституционным принципам, но и существенно повышают эффективность осуществления профилактической работы правоохранительных органов.

Факт применения мер индивидуальной профилактики фиксируется в установленной законодательством форме. Чего нельзя сказать о такой мере, как профилактическая беседа, порядок проведения которой определен ст. 25 Закона № 122-3. В этой связи не находит своего отражения факт разъяснения гражданину должностным лицом субъекта профилактики его прав и обязанностей, предусмотренных ст. 32 Закона № 122-3. По своему содержанию указанная мера имеет характер профилактического мероприятия, проводимого в рамках индивидуальной профилактики. Вследствие этого полагаем возможным исключить ее из числа мер индивидуальной профилактики.

УДК 342.9

Е.Л. Семёнова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ДЕПОРТАЦИИ

На современном этапе развития общества и государства с целью обеспечения защиты национальной безопасности, охраны правопорядка и общественной безопасности немаловажную роль играет правовое регулирование миграционных процессов. Любое государство стремится осуществлять качественный и постоянный правовой контроль миграционных процессов на всей своей территории. Республика Беларусь также осуществляет правовое регулирование общественных отношений в сферах применения законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь и законодательства о внешней трудовой миграции. Нарушение указанных сфер законодательства влечет юридическую ответственность.

Анализируя деятельность правоохранительных органов Республики Беларусь, следует отметить, что в настоящее время имеется достаточно широкий инструментарий административно-правового принуждения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства.

В частности, административная ответственность за совершение административных правонарушений, посягающих на данные правоотношения, иностранными гражданами и лицами без гражданства закреплена в ст. 24.35 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). В указанных правоотношениях названные лица выступают как специальные субъекты. Санкция рассматриваемой статьи, в большинстве своем, в качестве основного административно-го взыскания содержит штраф или депортацию.

По степени определенности данная санкция относится к альтернативным. Это означает, что решение об определении взыскания относится к компетенции правоприменителя с учетом характера и степени общественной вредности совершенного административного правонарушения, обстоятельств его совершения, личности, формы и степени ее вины, характера и размера причиненного вреда, имущественного положения, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность.

Компетентными органами, ведущими административный процесс по ст. 24.35 КоАП, выступают органы внутренних дел, органы пограничной службы и органы государственной безопасности. В большинстве случаев подготовку дела об административном правонарушении по указанной статье осуществляют органы внутренних дел.

Депортация как вид административного взыскания имеет ряд особенностей. Так, депортация может быть осуществлена путем добровольного выезда или в принудительном порядке.

В первом случае иностранному гражданину или лицу без гражданства законодатель предоставляет право выбора государства, в которое они в последующем обязуются выехать. В свою очередь, при депортации в принудительном порядке такое право у названных субъектов отсутствует и компетентный орган прямо указывает в постановлении одно из следующих государств: государство гражданской принадлежности; государство обычного места жительства; государство, с территории которого они прибыли в Республику Беларусь; государство, изъявившее желание их принять; государство, ходатайствующее об их выдаче; государство, с которым Республика Беларусь заключила соглашение о реадмиссии. При этом в постановлении о депортации как путем добровольного выезда, так и в принудительном порядке должен содержаться срок запрета въезда в Республику Беларусь в пределах от шести месяцев до пяти лет.

Помимо единоличного решения о выезде в конкретное государство иностранный гражданин или лицо без гражданства обязуются приобрести проездные билеты и за трое суток до даты своего выезда проинформировать об этом компетентный орган, принявший решение об исполнении постановления о депортации. При этом в случае игнорирования и последующего неинформирования о порядке своего выезда из Республики Беларусь компетентный орган делает соответствующую запись в постановлении о депортации.

Можно отметить, что в дальнейшем при обращении иностранным гражданином или лицом без гражданства в компетентные органы Республики Беларусь с ходатайством о разовом въезде в Республику Беларусь или сокращении срока запрета въезда в Республику Беларусь таким лицам может быть отказано по вышеуказанному обстоятельству.

В случае если иностранному гражданину или лицу без гражданства отказано в добровольном выезде и, соответственно, не были применены меры обеспечения административного процесса, с целью реализации принятого решения к указанным лицам может быть применено задержание с санкции прокурора на срок, необходимый для исполнения данного постановления. Далее иностранный гражданин или лицо без гражданства помещаются в изолятор временного содержания или центр изоляции правонарушителей. Законодательством Республики Беларусь в этом случае не установлены определенные сроки административного задержания, применяемого к иностранным гражданам или лицам без гражданства. Такое задержание может быть осуществлено до нескольких месяцев, а в редких случаях – до нескольких лет.

Питание иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в установленных законодательством местах, осуществляется за счет бюджетных средств государства. При этом питание заказывается на сутки, а в случае отказа иностранного гражданина или лица без гражданства от питания их содержание является бесплатным.

Как правило, постановление о депортации в принудительном порядке исполняется тем компетентным органом, которым изначально принято такое решение. Конвоирование иностранного гражданина или лица без гражданства, в отношении которых применено административное задержание, осуществляется до Государственной границы Республики Беларусь. В некоторых случаях по предварительной договоренности с органами пограничной службы может происходить передача депортированных иностранных граждан или лиц без гражданства в пунктах пропуска через Государственную границу, однако такое правило не распространяется на белорусско-российские участки Государственной границы.

Проблемным аспектом при исполнении постановления о депортации в принудительном порядке является то, что депортация осуществляется за счет иностранного гражданина или лица без гражданства или ходатайствующего лица. В большинстве случаев после исполнения постановления о депортации и получения уведомления об оплате расходов в установленный срок указанные лица игнорируют такие требования. Вместе с тем компетентному органу приходится осуществлять подготовку материалов для взыскания понесенных расходов в судебном порядке, что, в свою очередь, требует дополнительного времени и ресурсов. При этом не всегда имеется положительный результат, поскольку, например, отсутствует ходатайствующее лицо.

При задержании лица в отношении него проводится личный обыск, в том числе на предмет наличия денежных средств, о чем в обязательном порядке должен быть составлен протокол личного обыска или протокол изъятия вещей и документов. В случае если при проведении досмотра обнаружены денежные средства, с лицом проводится беседа о возможности добровольного возмещения расходов, связанных с его выдворением.

Таким образом, исполнение постановления о депортации имеет ряд правовых пробелов, которые сказываются на правоприменительной деятельности компетентных органов. В частности, одним из наиболее проблемных вопросов является возмещение расходов, понесенных при исполнении постановления о депортации в принудительном порядке. Компетентному органу, исполняющему такое постановление, изначально следует обратить внимание на факторы, влияющие на такой исход дел, и проводить работу по недопущению такого пробела в последующем.

УДК 342.9

Д.П. Семенюк

МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТАВА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ В БЕЛОРУССКОМ ПРАВЕ

Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности является одной из главных задач, возложенных государством на все органы государственной власти и в первую очередь на органы внутренних дел как государственные правоохранительные органы. От правильного понимания всеми сотрудниками сущности и признаков административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную нравственность, зависит организация эффективной, целенаправленной и правомерной работы по противодействию негативным социальным явлениям в данной сфере.

Хулиганство можно рассматривать как одно из наиболее опасных и распространенных негативных социальных явлений, которое, являясь пережитком прошлого, продолжает существовать и в настоящее время, приобретая характерные для нашего исторического периода черты.

В этой связи мелкое хулиганство как административное правонарушение, имеющее большое сходство с уголовно наказуемым хулиганством и отличающееся от простого хулиганства (без квалифицирующих признаков) часто только степенью правовой оценки правоприменителя, требует дальнейшего осмысления и анализа. Разработка правовых рекомендаций противодействия мелкому хулиганству позволит снизить негативные последствия, причиняемые общественным отношениям, и предложить единообразную правоприменительную практику.

До принятия первого Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, который вступил в силу 1 июня 1985 г., ответственность за отдельные административные правонарушения, в том числе и за хулиганство, устанавливалась указами Президиума Верховного Совета СССР и указами Президиумов Верховных Советов союзных республик.

Например, в Указе Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 30 декабря 1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство» мелким хулиганством признавались действия, выражающиеся в «нарушении общественного порядка и спокойствия, сквернословии и совершении других непристойных поступков, оскорбляющих честь и достоинство советских граждан».

Действующее в тот период законодательство не закрепляло четких критериев разграничения мелкого хулиганства и уголовно наказуемого хулиганства. В части первой ст. 201 УК БССР хулиганство определялось как «действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу».

Отсутствие жестких критериев позволяло разграничивать административное правонарушение и преступление только по признаку общественной опасности.

В соответствии с задачами, определенными Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, 6 декабря 1984 г. был принят Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, который вступил в силу 1 июня 1985 г.

Ответственность за мелкое хулиганство была закреплена в ст. 156 указанного кодекса. Так, мелким хулиганством признавалась «нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан».

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, принятом Законом Республики Беларусь от 21 апреля 2003 г. № 194-З и введенном в действие с 1 марта 2007 г., в ст. 17.1 мелкое хулиганство было определено как «нецензурная брань в общественном месте, оскорбительное приставание к гражданам и другие умышленные действия, нарушающие общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан и выражающиеся в явном неуважении к обществу».

Впоследствии Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 95-З из диспозиции статьи были исключены слова «нецензурная брань в общественном месте».

Однако ответственность за нецензурную брань, которая нарушает общественный порядок, по-прежнему применяется, так как указанное деяние охватывается понятием умышленных действий, нарушающих общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан. Исключение прямого указания на данный признак из состава правонарушения представляется не вполне логичным, так как и «оскорбительное приставание к гражданам», закрепленное в конструкции диспозиции также является действием, которое нарушает общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан, и в случае даже его исключения из текста диспозиции деяния могут быть квалифицированы как мелкое хулиганство.

В действующем Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г., принятом Законом Республики Беларусь № 91-З и введенном в действие с 1 марта 2021 г. (далее – КоАП), диспозиция ст. 19.1, закрепляющей административную ответственность за мелкое хулиганство, осталась без изменений.

Разграничение между мелким хулиганством и основным составом хулиганства, закрепленным в ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), наступает при совершении умышленных действий, которые представляют общественную опасность. Такие действия не только грубо нарушают общественный порядок и выражают явное неуважение к обществу, но должны сопровождаться применением насилия или угрозой его применения в отношении как конкретного лица, так и неопределенного круга лиц. Такие действия также могут сопровождаться уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличаются по своему содержанию исключительным цинизмом.

Анализ правоприменительной практики показывает, что совершение мелкого хулиганства часто может сопровождаться действиями, в результате которых причиняется ущерб чужому имуществу в незначительном размере. В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 1.10 КоАП незначительным размером ущерба является размер ущерба на сумму до сорока базовых величин.

Например, это могут быть порча одежды и личных вещей в результате драки, поломка деревьев, повреждение витрин и окон и другого имущества.

В настоящее время совершение хулиганских действий с наступлением таких последствий влечет уголовную ответственность по ч. 1 ст. 339 УК.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы: в различные исторические периоды признаками объективной стороны мелкого хулиганства являлись сквернословие, нецензурная брань в общественном месте, другие подобные (умышленные) действия, нарушающие общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан.

В целях закрепления наиболее типичных признаков правонарушения и разграничения ответственности по ст. 19.1 КоАП и ст. 339 УК предлагаем ст. 19.1 КоАП дополнить признаком «нецензурная брань в общественном месте», а также словами: «, а равно повлекшие уничтожение или повреждение чужого имущества в незначительном размере».

Статью сформулировать в следующей редакции:

«Статья 19.1. Мелкое хулиганство

Нецензурная брань в общественном месте, оскорбительное приставание к гражданам и другие умышленные действия, нарушающие общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан и выражающиеся в явном неуважении к обществу, а равно повлекшие уничтожение или повреждение чужого имущества в незначительном размере, –

влекут наложение штрафа в размере от двух до тридцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест.».

УДК 342.9

В.В. Серебряков

ПРИЗНАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА СУБЪЕКТОМ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Для обеспечения безопасности дорожного движения на территории Республики Беларусь все активнее используются средства фото-, видеофиксации (ФВФ) правонарушений, с помощью которых фиксируются нарушения скоростного режима, правил парковки, проезда перекрестков и другие нарушения требований правил дорожного движения (ПДД).

В случае фиксации правонарушения средствами ФВФ действующее административно-деликтное законодательство позволяет привлекать к установленной ответственности как физических, так и юридических лиц, являющихся собственниками транспортных средств, на которых был зафиксирован факт нарушения требований ПДД.

Учитывая тот факт, что наше государство является транзитной страной, по дорогам Республики Беларусь передвигается большое количество транспортных средств, зарегистрированных на юридических лиц либо индивидуальных предпринимателей. В этой связи необходимо обратить внимание на порядок привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства в сфере дорожного движения при фиксации правонарушений средствами ФВФ, когда собственником транспортного средства является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

В ст. 4.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) определен четкий перечень административных правонарушений против безопасности дорожного движения, за совершение которых субъектом правонарушения могут быть признаны юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

Так, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые являются собственником транспортного средства, в случае фиксации административного правонарушения против безопасности дорожного движения средствами ФВФ, подлежат административной ответственности только за эксплуатацию транспортного средства, в отношении которого не выдано разрешение на допуск к участию в дорожном движении; эксплуатацию транспортного средства, в отношении которого его владельцем не заключен договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

За все иные правонарушения против безопасности дорожного движения, зафиксированные с помощью средств ФВФ, административной ответственности подлежит физическое лицо, которое управляло транспортным средством на момент совершения правонарушения.

Однако данный механизм привлечения к административной ответственности имеет один изъян, который снижает эффективность превентивной функции и дополнительно нагружает сотрудников Государственной автомобильной инспекции (ГАИ), – необходимость установления физического лица, управлявшего транспортным средством в момент фиксации правонарушения средством ФВФ, если собственником данного транспортного средства являются юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

Согласно требованиям действующего административного законодательства при фиксации средствами ФВФ правонарушения на транспортном средстве юридического лица правоприменительным органам необходимо установить физическое лицо, которое управляло указанным транспортным средством на момент фиксации правонарушения средствами ФВФ и только после этого вынести в отношении последнего постановление об административном правонарушении. Для достижения этой цели сотрудникам ГАИ нужно направить запрос по адресу регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя о представлении сведений о лице, управлявшем транспортным средством в момент фиксации правонарушения.

Согласно требованиям постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 29 августа 2025 г. № 65 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях» исполнить запрос необходимо в течение 15 дней со дня, следующего за днем регистрации документа в организации. Учитывая сроки на подготовку, сроки доставки до адресата, сроки на исполнение и доставки ответа на запрос его инициатору, реальный срок ожидания информации может составлять более 15 дней.

При этом в случае непредставления информации по запросу должностному лицу органа, ведущего административный процесс, необходимо инициировать административное производство по ст. 24.11 КоАП. Учитывая тот факт, что в данном случае к административной ответственности будет привлекаться физическое лицо, то в соответствии с положениями ст. 10.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) и ч. 6 ст. 6.4 КоАП в случае признания им своей вины к нему будет применен нижний предел санкции. В то же время санкцией ст. 24.11 КоАП нижний предел штрафа не предусмотрен, следовательно, в отношении нарушителя будет вынесена сумма штрафа, не превышающая 0,5 базовой величины.

Отметим, что штраф за нарушение скоростного режима может быть существенно выше штрафа, который налагается в порядке ст. 10.3 ПИКоАП на сотрудника юридического лица или индивидуального предпринимателя, не представивших информацию о водителе-нарушителе. Полагаем, что подобная ситуация способствует тому, что недобросовестные индивидуальные предприниматели и юридические лица не представляют информацию о водителе из-за их финансовой или иной заинтересованности.

Таким образом, действующий порядок привлечения к административной ответственности собственников транспортных средств при фиксации правонарушений средствами ФВФ позволяет водителям в ряде случаев избегать административной ответственности при управлении транспортным средством юридического лица. На практике, при беседе с сотрудниками ГАИ последние подтвердили, что имеются случаи, когда юридические лица целенаправленно не представляют сведения о лице, управлявшем транспортным средством на момент фиксации правонарушения средствами ФВФ, в то время как государство не получает денежные средства, которые подлежат взысканию с нарушителя ПДД, а на должностных лиц ГАИ возлагается дополнительная нагрузка.

Для устранения выявленного проблемного аспекта правоприменительной деятельности полагаем целесообразным признавать юридическое лицо либо индивидуального предпринимателя субъектом совершенного на принадлежащем им транспортном средстве правонарушения и применять к ним положения ст. 4.8 КоАП в случае непредставления сведений о лице, управлявшем транспортным средством.

УДК 342.9

О.Г. Соколовская

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПРИЗЫВУ НА ВОИНСКУЮ СЛУЖБУ

Сегодня в условиях современных вызовов и угроз не теряют свою актуальность вопросы совершенствования подготовки призывников к службе в Вооруженных Силах Республики Беларусь как важного фактора укрепления обороноспособности страны.

В последнее время все чаще встречаются примеры, когда служба в армии, по мнению молодых людей, является ненужной повинностью. Как результат, в ряде случаев граждане призывного возраста различными способами стараются ее избежать.

Ежегодно в территориальные органы внутренних дел (ОВД) из военных комиссариатов (обособленного подразделения военного комиссариата) поступают тысячи письменных обращений об установлении места пребывания призывников, а также постановлений о приводе в рамках законодательства об административных правонарушениях в отношении лиц, которые не явились на мероприятия по призыву на воинскую службу, установленные Законом Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-XII «О воинской обязанности и воинской службе» (далее – Закон).

На ОВД возлагается обязанность предоставлять имеющиеся сведения о месте пребывания призывников в случае, если не установлены причины неисполнения ими обязанностей, установленных Законом.

В то же время получение таких сведений возможно лишь путем проверок по имеющимся базам данных, посещения граждан по известному месту их жительства, бесед с родственниками, соседями, коллегами и иными лицами. Сотрудники ОВД в рамках исполнения таких запросов, а также постановлений о приводе в соответствии с действующим законодательством не имеют права проводить оперативно-розыскные мероприятия, а также беспрепятственно входить в жилые помещения и иные законные владения граждан.

Скрытие близкими информации о месте пребывания призывника, да и просто отказ в доступе в жилое помещение позволяют гражданам безнаказанно уклоняться от мероприятий призыва, а в отдельных случаях даже избегать привлечения к установленной ответственности.

Так, ст. 26.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) предусмотрена ответственность за неявку на мероприятия по призыву.

Однако даже при установлении места пребывания лица, в действиях которого усматриваются признаки состава указанного правонарушения, и непосредственном его обнаружении сотрудники ОВД не могут применить к нему административное задержание, так как согласно ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) не уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях по ст. 26.1 КоАП. В свою очередь, должностные лица органов Вооруженных Сил, обладающие такими полномочиями, не наделены правом применения административного задержания.

Таким образом, административное задержание физического лица за неявку на мероприятия по призыву возможно только в рамках совместных рейдов должностных лиц органов Вооруженных Сил и сотрудников ОВД, которые могут осуществить задержание на основании обращения к ним соответствующих должностных лиц (ст. 8.3 ПИКоАП).

Кроме того, только на ОВД возлагается обязанность осуществления привода, а именно принудительного доставления физического лица, не явившегося без уважительной причины по вызову в орган, ведущий административный процесс.

Однако постановление о приводе может быть вынесено работниками военных комиссариатов только в случае начала административного процесса, т. е. после установления неуважительных причин неявки на мероприятия по призыву, что в большинстве случаев не представляется возможным без непосредственного опроса призывников. Последние же, в свою очередь, владея информацией об обозначенных правовых нюансах, зная, что ответственность за неявку на мероприятия по призыву наступает только после надлежащего уведомления, от получения которого они уклоняются всеми возможными способами, в том числе меняют место пребывания, покидая Республику Беларусь.

Законодательством, регулирующим порядок въезда и выезда из Республики Беларусь (ст. 8 Закона Республики Беларусь от 20 сентября 2009 г. № 49-З «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь»), предписано, что решение о временном ограничении права призывника на выезд за пределы республики может быть принято военным комиссариатом лишь после того, как призывник, надлежаще оповещенный о необходимости явки, не явился.

В соответствии с частью второй ст. 18 Закона граждане, подлежащие призыву на военную службу, службу в резерве и выезжающие с места жительства в период проведения призыва, должны лично сообщить об этом в военный комиссариат (обособленное подразделение) по месту жительства только в случае выезда на срок более одного месяца.

При этом согласие военного комиссариата на выезд призывника за пределы нашей страны является обязательным только в случае оформления постоянного проживания. В остальных случаях, в том числе при временном выезде, оно не требуется.

В этой связи полагаем, что в целях исключения возможности выезда за пределы Республики Беларусь с целью уклонения от выполнения воинской обязанности необходима проработка вопроса о законодательном закреплении обязанности для всех мужчин призывного возраста, не отслуживших в армии, получать согласие военного комиссариата во всех случаях выезда за пределы страны.

Наряду с проблемами, связанными с ведением административного процесса, отмечается и ряд сложностей, возникающих в ходе проведения проверок в порядке уголовно-процессуального законодательства. Так, отсутствие объяснения призывника в более чем половине случаев является причиной отказа в принятии следственными органами решения о возбуждении уголовного дела.

В первую очередь такие факты мотивируются тем, что не установлен умысел на совершение противоправного деяния, так как лицо само могло стать жертвой преступления или несчастного случая.

Опровергнуть такую позицию проблематично, особенно когда призывник находится за рубежом. Согласно соответствующей конвенции, подписанной государствами – участниками Содружества Независимых Государств (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 207-З «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», вступила в силу для Республики Беларусь 27 апреля 2004 г.), оказание правовой помощи, в том числе выполнение процессуальных действий, возможно только в рамках уголовного дела.

Таким образом, отсутствие факта возбуждения уголовного дела не позволяет органу дознания официально обратиться за такой помощью. Направляемые на принципах взаимности в рамках соглашений о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и аналогичными министерствами иных государств – участников Содружества Незави-

симых Государств запросы реализуются крайне редко, так как не носят обязательного характера. В большинстве случаев, даже если ответ и приходит, содержащаяся в нем информация не содержит необходимых сведений.

Наличие обозначенного проблемного вопроса также в некоторой степени определяется и сложившимся ведомственным подходом, предполагающим, что в ряде случаев факт возбуждения уголовного дела, которое по итогам предварительного расследования прекращается по «реабилитирующим» основаниям, рассматривается как нарушение законодательства.

На стадии возбуждения уголовного дела должны устанавливаться лишь обстоятельства, очевидно исключающие производство по нему (ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)), в том числе отсутствие в деянии состава преступления. Для возбуждения уголовного дела, как следует из ст. 167 УПК, необходимо лишь «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». УПК требует при проверке заявления о преступлении установить не состав преступления, а только его признаки.

При этом на государственном межведомственном уровне следует принять решение о возбуждении уголовных дел в спорных ситуациях, когда есть признаки преступления и очевидным образом отсутствуют обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу. В дальнейшем, при установлении уважительных причин невыполнения мероприятий по призыву, не считать возбуждение уголовного дела необоснованным. Реализация данного подхода будет в полной мере соответствовать УПК и не потребует его корректировки.

Кроме того, необходимо проработать вопрос нормативного правового закрепления положений о возложении ряда обязанностей непосредственно на граждан призывного возраста, предписывающих самостоятельно являться в военные комиссариаты для участия в мероприятиях по призыву. Альтернативой будет предоставление документов, дающих право на отсрочку от таких мероприятий, либо надлежащее уведомление о причинах, не позволяющих прибыть в военный комиссариат.

Например, предлагаем дополнить ст. 18 «Обязанности граждан по воинскому учету» Закона частью третьей следующего содержания:

«Гражданин, подлежащий призыву на военную службу, службу в резерве, не позднее трех рабочих дней с момента официального опубликования указа о воинской службе должен лично явиться в военный комиссариат (обособленное подразделение) по месту жительства, орган государственной безопасности или иной орган, осуществляющий воинский учет, и получить повестку или направление военного комиссариата (обособленного подразделения) на мероприятия по призыву на воинскую службу, на военную службу по мобилизации, явку на сборы или занятия и учебные сборы, либо предоставить документы, дающие право на отсрочку от таких мероприятий, либо надлежащее уведомление о причинах, не позволяющих прибыть на такие мероприятия.».

УДК 342.9

С.А. Старовойт

ПРИВОД В СИСТЕМЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Административно-правовое принуждение является центральным методом государственного управления и охватывает различные по характеру, правовому регулированию и целевому назначению меры.

В науке административного права традиционно выделяют следующие группы: административно-предупредительные меры, меры административного пресечения, меры административной ответственности и меры обеспечения административного процесса или административно-процессуального обеспечения.

Основания и порядок применения мер обеспечения административного процесса регламентирован гл. 8 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). По своему назначению они представляют собой систему принудительных мер, используемых для пресечения административных правонарушений, установления личности физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, составления протокола об административном правонарушении, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела и исполнения постановлений по делу об административном правонарушении (ст. 8.1 ПИКоАП).

К мерам обеспечения административного процесса, применяемым к физическому лицу, в соответствии с ч. 1 ст. 8.1 ПИКоАП относятся: административное задержание физического лица; личный обыск задержанного; наложение ареста на имущество; изъятие вещей и документов; задержание и принудительная отбуксировка (эвакуация) транспортного средства; отстранение от управления транспортным средством; блокировка колес транспортного средства; привод; удаление из помещения, в котором рассматривается дело об административном правонарушении; временное ограничение прав на выезд из Республики Беларусь, на управление механическими транспортными средствами, моторными маломерными судами, на охоту. В отношении юридического лица могут быть применены: изъятие документов и имущества, принадлежащих юридическому лицу; наложение ареста на товары, транспортные средства и иное имущество, принадлежащие юридическому лицу.

В системе мер обеспечения административного процесса особо следует выделить привод, который обладает рядом особенностей:

1) целью осуществления привода является не пресечение административного правонарушения или собирание доказательств, а создание условий для своевременного и обоснованного принятия решения по делу об административном правонарушении путем обеспечения явки лица для участия в административном процессе;

2) привод осуществляется на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, в то время как большинство мер обеспечения административного процесса применяются на стадии начала административного процесса или подготовки дела об административном правонарушении;

3) основанием для осуществления привода является постановление судьи или должностного лица органа, ведущего административный процесс (ч. 1 ст. 8.13 ПИКоАП);

4) привод производится исключительно уполномоченными лицами органов внутренних дел по месту жительства или пребывания лица. О невозможности привода лицом, производящим привод, делается запись в постановлении о приводе, которое приобщается к делу об административном правонарушении (ч. 4 ст. 8.13 ПИКоАП);

5) привод не может производиться в ночное время, которым является промежуток времени с 22 до 6 часов (п. 13 ч. 1 ст. 1.4 ПИКоАП);

6) не подлежат приводу несовершеннолетние в возрасте до 16 лет, беременные женщины, больные, которые по состоянию здоровья не могут или не должны оставлять место своего пребывания, что удостоверено врачом-специалистом, а также лица, имеющие явно выраженные признаки заболевания, препятствующего их приводу (ч. 3 ст. 8.13 ПИКоАП);

7) приводу может быть подвергнуто не только лицо, в отношении которого ведется административный процесс, но также его законный представитель, потерпевший – физическое лицо, свидетель (ч. 1 ст. 8.13 ПИКоАП);

8) закон допускает осуществление привода вышеуказанных участников административного процесса в случае неявки их по вызову без уважительной причины. Таким образом, приводу должны предшествовать:

назначение даты, времени и места рассмотрения дела об административном правонарушении;

вручение участнику административного процесса под расписку повестки о необходимости явиться в суд, орган, ведущий административный процесс, и принять участие в рассмотрении дела об административном правонарушении. В случае временного отсутствия физического лица, подлежащего вызову в суд, орган, ведущий административный процесс, повестка вручается совершеннолетнему члену его семьи, нанимателю, с которым лицо состоит в трудовых отношениях, администрации учреждения образования, обучающимся которого лицо является. В повестке указываются, кто и в качестве кого, куда и к кому вызывается, время явки, а также последствия неявки без уважительных причин (ч. 3 ст. 11.6 ПИКоАП);

извещение участника административного процесса о необходимости самостоятельно явиться в суд, орган, ведущий административный процесс, для рассмотрения дела об административном правонарушении;

неявка указанного лица по вызову;

отсутствие у судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс, сведений о наличии у лица уважительных причин, препятствующих явке по вызову в назначенный срок. В соответствии с ч. 1 ст. 8.13 ПИКоАП о наличии уважительных причин, препятствующих явке по вызову в назначенный срок, лицо, получившее повестку, обязано уведомить суд, орган, ведущий административный процесс, которые его вызвали.

Следует отметить, что вызов лиц, участвующих в административном процессе, также может быть осуществлен посредством электронной или другой связи, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет (ч. 1 ст. 11.6 ПИКоАП).

Полагаем, должностным лицам, ведущим административный процесс, в день окончания подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению необходимо уточнять у участников административного процесса приемлемый для них способ информирования о необходимости явки для участия в рассмотрении дела об административном правонарушении, что впоследствии будет считаться надлежащим извещением данных лиц. При этом в зависимости от избранного способа извещения участник административного процесса должен будет указать, например, почтовый адрес, адрес электронной почты, номер мобильного телефона или вид соответствующего интернет-сервиса, предназначенного для быстрого обмена сообщениями, посредством использования которых он будет проинформирован о необходимости явки для участия в рассмотрении дела об административном правонарушении.

Согласие определенным способом быть вызванным в суд, орган, ведущий административный процесс, на наш взгляд, должно удостоверяться подписью участника административного процесса в протоколе процессуального действия или протоколе об административном правонарушении.

На основании вышеизложенного полагаем целесообразным внести соответствующие изменения и дополнения в процессуальное законодательство об административных правонарушениях, которые, по нашему мнению, позволят создать условия для обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении.

УДК 342.9

В.В. Судариков

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕПАРТАМЕНТА ОХРАНЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Одним из приоритетов правового государства являются укрепление режима безопасного функционирования, повышение уровня антитеррористической защищенности, охрана объектов жизнеобеспечения населения, объектов с массовым пребыванием граждан, транспортной инфраструктуры, других критически важных и опасных объектов.

В современных условиях охрана указанных объектов приобретает все более важное значение в некоторых странах постсоветского пространства по причине проявления террористических угроз, угроз массовой гибели людей, а также причинения экономического и экологического ущерба.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в области административно-правового регулирования деятельности уполномоченных государственных субъектов по защите охраняемых объектов от противоправных посягательств.

Основным субъектом охранной деятельности в Республике Беларусь по количеству задействованных субъектов и разновидности оказания охранных услуг является Департамент охраны Министерства внутренних дел (далее – Департамент охраны).

Для того чтобы охранная деятельность Департамента охраны и организаций стала более эффективной, она должна получить современную и соответствующую требованиям законодательную регламентацию. К таким нормативным правовым актам прежде всего относятся:

Конституция Республики Беларусь, в которой закреплено, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц;

Закон Республики Беларусь от 8 ноября 2006 г. № 175-З «Об охранной деятельности» (далее – Закон об охранной деятельности), который определяет формы организаций, осуществляющих охранную деятельность, и условия ее осуществления, государственное регулирование в сфере охранной деятельности и полномочия, ответственность, контроль и надзор за охранной деятельностью;

постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 1 декабря 2023 г. № 265 «Об изменении постановлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь», утверждающее инструкции, которыми определен порядок осуществления проверок на годность, а также порядок проведения профессиональной подготовки работников, осуществляющих охранную деятельность.

Проблемы административно-правового регулирования и организации деятельности подразделений охраны затрагивали в исследованиях российские и советские ученые: В.Б. Квасов, В.И. Майоров, И.А. Макеева, Ю.Е. Черепанова и др. Основное внимание данных ученых сосредоточено на изучении проблем частной и государственной охраны.

Так, белорусские ученые Д.А. Егоров и Н.И. Рудович проводили исследования по вопросам субъектов государственного регулирования охранной деятельности, однако проблемные аспекты административно-правового регулирования охранной деятельности Департамента охраны и организаций не изучались.

Таким образом, мнения ученых подчеркивают необходимость глубокого анализа и дальнейших исследований в области правовой природы охранной деятельности в целом, что может способствовать совершенствованию правового регулирования и повышению эффективности охранных функций в Республике Беларусь.

Анализ практической деятельности организаций, осуществляющих охранную деятельность, позволяет выделить некоторые организационно-правовые проблемы, решение которых позволило бы повысить эффективность их работы.

Если рассматривать опыт соседних государств, то в ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 7 октября 2022 г. № 395-ФЗ «О ведомственной охране» определены задачи охраны: охрана объектов в целях предотвращения противоправных посягательств, обеспечение на охраняемых объектах пропускного и внутриобъектового режимов, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений на охраняемых объектах.

В Законе об охранной деятельности задачи охранной деятельности не определены.

Согласно ст. 12 Закона об охранной деятельности военизированная охрана является структурным подразделением организации, обладающей правом ее создания, и предназначена для вооруженной защиты от противоправных посягательств объектов, подлежащих обязательной охране военизированной охраной, но вместе с тем в Законе об охранной деятельности не регламентировано страхование работников военизированной охраны.

В Законе об охранной деятельности не регламентированы права и обязанности работников охраны организаций, не обладающих правом создания военизированной охраны, а также не отображены права работников военизированной охраны на хранение, ношение, применение и использование огнестрельного оружия.

Согласно ст. 15 Закона об охранной деятельности работники военизированной охраны имеют право производить задержание и доставку в служебное помещение военизированной охраны или в орган внутренних дел лиц, совершивших противоправные посягательства в отношении охраняемого объекта, физических лиц. Однако не регламентирован порядок и основания применения физической силы и специальных средств работниками охраны организаций, не обладающих правом создания военизированной охраны, что не исключает их права на пресечение правонарушений и преступлений, равно как и простых граждан, согласно Закону Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка».

Таким образом, необходимы четкие регламентации, касающиеся применения физической силы и специальных средств работниками охраны, чтобы избежать правовых коллизий, создать более безопасную правовую среду и повысить уровень ответственности за действия работников охраны в рамках их полномочий.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. В результате анализа действующего законодательства Республики Беларусь в сфере охранной деятельности выявляется: отсутствие четкого определения задач охраны, что создает правовые пробелы и затрудняет эффективное выполнение функций охранными организациями;

отсутствие регулирования прав работников военизированной охраны в отношении хранения, ношения и применения огнестрельного оружия, а также регламентации порядка и оснований применения физической силы и специальных средств работниками охраны организаций, не обладающих правом создания военизированной охраны, что создает правовые пробелы, которые могут привести к неясности в действиях охранников и нарушению их прав.

2. Опыт соседних государств, таких как Российская Федерация, показывает важность четкого законодательного регулирования охранной деятельности. Введение аналогичных норм в белорусское законодательство будет способствовать улучшению общественной безопасности и правопорядка.

Исследование проблем административно-правового регулирования охранной деятельности подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению организационно-правовых вопросов, таких как контроль, надзор и подготовка кадров.

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Эффективность административного пресечения в деятельности органов внутренних дел (ОВД) является практическим параметром управляемости правопорядка и одновременно критерием легитимности государственного вмешательства. Меры административного пресечения применяются в условиях дефицита времени и неполноты информации, а их итоговая оценка формируется через устойчивость решений, качество фиксации обстоятельств, уровень конфликтности и динамику повторности. Вследствие этого эффективность не может отождествляться с количеством примененных мер, поскольку такие данные отражают интенсивность реагирования, но не показывают необходимость и достаточность вмешательства.

В административно-правовом смысле эффективность административного пресечения характеризует достижение охранительной цели при минимально необходимом ограничении прав и свобод, с соблюдением компетенции и процессуальной формы, а также с устойчивым устранением угрозы. Важно разграничивать критерии как оценочные основания и показатели как измеряемые параметры, пригодные для мониторинга качества и сопоставления правоприменительной практики.

Системообразующим критерием выступает правомерность. Даже оперативно успешная мера, примененная вне компетенции или с нарушением установленного порядка, делает вмешательство юридически уязвимым и снижает доверие. Правомерность включает в себя наличие нормативного правового основания и соблюдение процессуальной формы, позволяющей воспроизвести мотивировку и проверить необходимость вмешательства, в том числе надлежащее оформление материалов и обеспечение возможности обжалования.

С правомерностью тесно связан критерий соразмерности. Соразмерность означает выбор меры, которая является необходимой и достаточной для немедленного прекращения противоправного поведения или угрозы и не создает избыточных ограничений. На практике соразмерность в деятельности ОВД проявляется в выборе между предупреждением, ограничением свободы передвижения, доставлением в ОВД, временным ограничением права пользоваться отдельными объектами и более жесткими средствами административного принуждения, предусмотренными законодательством.

Критерий своевременности дополняет указанную связку, поскольку промедление ведет к нарастанию вреда и утрате следов, а преждевременное и жесткое вмешательство без объективной необходимости усиливает конфликтность и процессуальные риски. Своевременность в данном контексте означает реагирование в момент, когда вмешательство еще способно предотвратить развитие опасной ситуации, но уже обосновано документально зафиксированными данными о противоправном поведении либо реальной угрозе причинения вреда.

Критерий результативности раскрывается не только через прекращение нарушения в конкретном эпизоде, но и через устойчивость достигнутого состояния. Если после пресечения ситуация немедленно воспроизводится, управленческий эффект оказывается ситуативным. Устойчивый эффект достигается при сочетании оперативного вмешательства с последующим контролем исполнения законных требований и при согласованных действиях с иными субъектами публичного управления, когда устранение причины нарушения находится вне компетенции ОВД. При этом целесообразно различать оперативную результативность (немедленное прекращение правонарушения силами ОВД) и долгосрочную результативность, проявляющуюся в снижении повторяемости однородных правонарушений на конкретной территории, в определенной социальной группе либо в отношении отдельных категорий объектов.

Показателем качества административной деятельности является процессуальная устойчивость. Пресечение нередко предопределяет дальнейший административный процесс, поэтому дефекты фиксации обстоятельств, несоблюдение формы процессуальных действий и неполнота материалов повышают вероятность отмены решений по формальным основаниям. Процессуальная устойчивость означает, что материалы дела выдерживают проверку по жалобам и надзорным процедурам и обеспечивают допустимость и достаточность доказательств.

Система показателей эффективности должна фиксировать как непосредственный результат, так и качество процессуального сопровождения. Количественные показатели целесообразно строить вокруг доли вмешательств, завершившихся немедленным прекращением нарушения без эскалации и без перехода к более жестким средствам, а также вокруг повторности по однородным ситуациям в сопоставимом периоде. Качественные показатели выражаются через долю обоснованных жалоб на действия должностных лиц, долю отмен решений по процедурным причинам и долю выявленных дефектов фиксации обстоятельств. Дополнительно возможно использование целевых ориентиров по указанным показателям, дифференцированных по регионам и категориям правонарушений, позволяющих сопоставлять практику различных подразделений ОВД и выявлять как зоны риска, так и лучшие практики в сфере административного пресечения.

Для того чтобы показатели работали как управленческий инструмент, требуется единый режим их формирования. Практически значимым решением представляется внедрение унифицированной учетной карточки пресекающего вмешательства, отражающей юридическое основание, фактическую ситуацию, выбранную меру, краткую аргументацию ее необходимости, способ фиксации обстоятельств и последующее процессуальное развитие. В электронном формате такая карточка обеспечивает сопоставимость данных, выявление повторяющихся сценариев и адресное обучение по типовым ошибкам.

Вторым направлением является институционализация обратной связи. Оценка эффективности должна включать в себя анализ обращений и жалоб, результаты служебных проверок и управленческие решения по устранению причин повторяемых нарушений. Систематическое использование данных об обращениях граждан и результатах прокурорского надзора, судебного контроля и ведомственных проверок позволяет формировать обратную связь не только по незаконным или необоснованным вмешательствам, но и по пограничным ситуациям, в которых меры административного пресечения формально соответствуют закону, но воспринимаются обществом как чрезмерные.

Третьим направлением выступает межведомственная согласованность, выражающаяся в стандартизированной передаче материалов и результатов в компетентные органы и в контроле исполнения, когда окончательное устранение причины нарушения относится к их полномочиям. Во взаимодействии с другими государственными органами ОВД могут обеспечивать не только пресечение конкретных правонарушений, но и комплексное устранение их причин, что в итоге повышает общую эффективность публичного управления в сфере правопорядка.

Комплексное применение критериев правомерности, соразмерности, своевременности, результативности и процессуальной устойчивости, а также внедрение показателей, ориентированных на качество и устойчивость решений, позволяют рассматривать эффективность административного пресечения как элемент управления, а не как формальную отчетность. Такой подход повышает предсказуемость административной деятельности ОВД, снижает правоприменительные риски, укрепляет правопорядок при соблюдении процессуальных гарантий, создает основу для перехода от количественно ориентированной оценки административного пресечения к модели, в которой ключевое значение приобретают обоснованность, правомерность и долгосрочный профилактический эффект принимаемых решений.

УДК 342.9:351.74

А.В. Телятицкий

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТА ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Административно-правовое обеспечение законности в сфере интернет-торговли все в большей степени определяется качеством доказательственной базы, поскольку цифровая среда подменяет традиционные атрибуты торговли совокупностью электронных следов. Продажа товаров осуществляется через сайты, витрины маркетплейсов, аккаунты в социальных сетях и каналы в мессенджерах, а взаимодействие с покупателем нередко сводится к переписке, ссылке на оплату и доставке через третьих лиц. В этих условиях установление события правонарушения, как правило, не является главным затруднением. Определяющим становится доказывание того, кто именно выступает продавцом и несет обязанности по соблюдению требований к торговле, информированию потребителя и уплате обязательных платежей.

Нормативные правовые ориентиры идентификации субъекта интернет-торговли задаются, с одной стороны, требованиями к прозрачности продавца в дистанционной торговле, а с другой – правилами административного процесса. Правила продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31, закрепляют обязанность доведения до покупателя сведений о продавце и существенных условиях продажи. Именно эти сведения в идеальной модели становятся первичным ключом идентификации. Однако реальная цифровая практика показывает, что информационные требования часто игнорируются либо формально имитируются. Вследствие этого доказательственная конструкция переносится в плоскость установления связи между интернет-идентификатором и конкретным физическим лицом, индивидуальным предпринимателем либо юридическим лицом с учетом норм Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Идентификация субъекта интернет-торговли имеет многоуровневый характер. На первом уровне фиксируется цифровой образ продавца, который представлен аккаунтом, никнеймом, номером телефона, ссылкой на чат-бот, карточкой продавца на интернет-площадке, доменным именем или иной витриной. На втором уровне устанавливается управленческий контроль над этим образом, т. е. лицо, которое администрирует аккаунт, принимает решения о цене и ассортименте, отвечает на сообщения, формирует заказы и распоряжается денежными средствами. На третьем уровне доказывается юридический статус продавца и соответствие его действий требованиям законодательства о торговле и предпринимательстве. Срыв любого звена приводит к тому, что в материалах дела остается лишь описание интернет-страницы без надежной привязки к субъекту ответственности.

На практике наиболее уязвимым является переход от фиксации контента к установлению лица. Скриншоты сами по себе не обеспечивают проверяемости доказательства, если не отражены дата и время доступа, полный адрес страницы, идентификаторы аккаунта, а также условия воспроизведения информации. Дополнительный риск связан с изменчивостью интернет-контента и с тем, что продавец может использовать несколько профилей или регулярно менять реквизиты. В связи с этим доказательственная модель должна строиться как цепочка взаимодополняющих источников, где визуальная фиксация предложения товара подтверждается перепиской, данными об оплате, сведениями о доставке и информацией о владельце аккаунта либо о пользователе, который осуществлял администрирование. При этом процессуальная пригодность таких сведений зависит от того, насколько прозрачно установлен их источник и соблюден порядок получения.

Особую сложность создает обращение к данным, находящимся у владельцев интернет-площадок, операторов электросвязи, банков и логистических организаций. С одной стороны, эти сведения критичны для установления лица, которое фактически контролирует торговую деятельность. С другой – они затрагивают персональные данные и коммерческую информацию, что требует строгого соблюдения компетенции, процессуального оформления и принципа соразмерности. Недостаточная определенность запроса, отсутствие фиксации основания получения информации либо неполное отражение результатов в материалах дела повышают риск признания доказательств недопустимыми и последующей отмены постановления.

Для административной деятельности органов внутренних дел идентификация субъекта интернет-торговли является показателем управляемости цифровой среды. При выявлении правонарушения участие органов внутренних дел востребовано не только на стадии пресечения продолжающихся правонарушений, но и на стадии формирования доказательственной базы, которая будет устойчивой при рассмотрении и обжаловании. Результативность обеспечивается координацией с органами

государственного контроля в сфере торговли и с налоговыми органами, которые располагают данными о правовом статусе продавца и о признаках системности деятельности. Важным является также обеспечение своевременной фиксации цифровых следов до их изменения и организационное сопровождение получения сведений от третьих лиц.

В целях повышения устойчивости материалов дел целесообразна стандартизация процессуальных подходов. Оптимальным решением представляется ведомственный стандарт фиксации интернет-контента, который закрепляет обязательные реквизиты фиксации, порядок сохранения материалов и требования к описанию связи между цифровым идентификатором и лицом. Не менее значим межведомственный регламент взаимодействия, задающий сроки и формат обмена сведениями для установления субъекта, а также порядок обратной связи по устранению правонарушения и профилактике повторности. Дополнительное значение имеет унификация процессуального оформления ответов владельцев интернет-площадок и иных организаций, чтобы сведения о владельце аккаунта, платежных реквизитах и логистических операциях приобщались к делу в форме, допускающей проверку их происхождения.

В административно-правовом измерении идентификация субъекта интернет-торговли должна рассматриваться как самостоятельный доказательственный блок, от которого зависят эффективность применения административной ответственности и превентивный потенциал контроля. При выстраивании доказательственной цепочки, включающей в себя фиксацию предложения, подтверждение оплаты и передачи товара, установление лица, контролирующего цифровой профиль, и проверку правового статуса продавца, повышается устойчивость постановлений и снижается риск формального прекращения процесса. Тем самым обеспечивается баланс публичного интереса в поддержании правопорядка в цифровой экономике и процессуальных гарантий участников административного процесса.

УДК 342.9

С.Л. Удодов

НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА И ПРОФИЛАКТИКИ

В процессе осуществления повседневной деятельности службами и подразделениями блока милиции общественной безопасности (МОБ) подразделения отделов (отделений) охраны правопорядка и профилактики (ООПП) территориальных органов внутренних дел играют ключевую роль в организации деятельности самой многочисленной и многофункциональной службы – участковых инспекторов милиции (УИМ).

В непосредственные обязанности инспекторского состава, в том числе и руководства ООПП, входит профессиональное обучение УИМ по основным направлениям деятельности, организации их повседневной работы, контроль ее результативности, оказание практической и методической помощи.

Комплектование и подбор на указанные должности профессионально грамотных сотрудников, обладающих достаточным опытом практической работы (преимущественно на должностях УИМ), умеющих, опираясь на знания нормативной правовой базы, организовать работу подразделения по охране правопорядка и профилактики правонарушений, позволят качественно формировать и профессионально развиваться сотрудникам службы УИМ с последующей подготовкой резерва кадров в подразделения ООПП.

При этом нужно понимать, что должностные обязанности личного состава ООПП распространяются не только на организацию службы УИМ, но и охватывают большой объем задач, связанных с непосредственной деятельностью подразделения.

Подразделениями ООПП обеспечивается разработка комплексного плана использования сил и средств, задействованных в охране общественного порядка на обслуживаемых территориях, ежедневно осуществляется подготовка ежесуточного решения на охрану общественного порядка на территории районов. Проводятся подготовительные и организационные мероприятия по обеспечению охраны общественного порядка при проведении различного рода массовых мероприятий, в том числе в местах массового отдыха граждан и на объектах железнодорожного транспорта. Реализуется взаимодействие со строевыми подразделениями патрульно-постовой службы милиции, отряда милиции особого назначения, воинскими частями по вопросам организации и обеспечения охраны общественного порядка. Осуществляется весь комплекс мероприятий по ведению учета объектов, предметов, веществ, подпадающих под действия разрешительной системы, учета владельцев огнестрельного и газового оружия, а также учетные дела на каждый объект разрешительной системы и на каждого владельца огнестрельного или газового оружия; взаимодействие со средствами массовой информации, в том числе с общественными формированиями правоохранительной направленности (добровольные дружины, молодежные отряды охраны правопорядка) по профилактике правонарушений и обеспечению охраны общественного порядка.

В итоге именно от профессиональной подготовленности инспекторского состава ООПП, грамотного руководства и требовательности в работе зависят качество выполнения УИМ своих должностных обязанностей и должная результативность работы подразделений не только УИМ и ООПП, но и органа внутренних дел.

Для организации слаженной работы подразделений ООПП на должности старшего инспекторского состава ООПП полагаем рациональным назначение наиболее подготовленных и профессионально грамотных сотрудников из числа старших УИМ, имеющих должный опыт работы и авторитет в коллективе, которые смогут организовать работу УИМ по направлениям деятельности, а также выполнять иные задачи, стоящие перед ООПП.

Следует констатировать, что в органах внутренних дел существует проблема комплектования инспекторского состава в подразделения ООПП из наиболее опытных УИМ, так как последние не изъявляют желания назначаться на указанные должности. В связи с этим довольно часто вакантные должности инспекторского состава ООПП формируются из УИМ, не об-

ладающих достаточными компетенциями и находящихся непродолжительный срок на службе, либо из сотрудников других подразделений и служб.

Данные обстоятельства являются следствием недостаточной оценки роли инспекторского состава ООПП в организации деятельности как службы УИМ, так и подразделений ООПП как одних из ключевых служб МОБ, что негативным образом сказывается на работе УИМ и не позволяет должным образом раскрыть имеющийся потенциал службы, несмотря на принимаемые значительные меры по повышению эффективности ее деятельности. При этом принимаемые меры направлены на службу УИМ и никоим образом не затрагивают подразделения ООПП, которые непосредственно организуют работу УИМ.

Можно выделить ряд причин, по которым УИМ не желают назначаться на должности инспекторского состава ООПП.

Прежде всего отметим отсутствие возможности получения в данной должности арендного жилья коммунального жилищного фонда. В соответствии с п. 2 ст. 111 Жилищного кодекса Республики Беларусь судьям, прокурорским работникам, старшим УИМ и УИМ органов внутренних дел, лицам рядового и начальствующего состава Следственного комитета, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля арендное жилье предоставляется местными исполнительными и распорядительными органами не позднее шести месяцев после назначения (избрания) на должность.

Указанная социальная гарантия является в основном приоритетной при принятии сотрудником решения проходить службу в должности УИМ. В свою очередь, инспекторский состав ООПП лишен такой гарантии, что является сдерживающим фактором для опытных сотрудников при принятии ими решения проходить службу в ООПП. Полагаем ошибочным отделение УИМ от сотрудников ООПП и предоставление им разных социальных гарантий.

Не менее важным является существенное различие денежного довольствия УИМ и инспекторского состава ООПП. Так, ведомственными нормативными правовыми актами предусмотрена возможность получения УИМ ежемесячной доплаты, а также доплата за обслуживание вакантного участка, при этом инспекторский состав ООПП может получать доплату только при исполнении обязанностей на период отсутствия другого инспектора (отпуск, болезнь и т. д.), оплата за исполнение обязанностей по вакантной должности не предусмотрена.

Принятие мер по устранению существующего дисбаланса социальных гарантий и денежного довольствия УИМ и ООПП позволит существенно повысить эффективность деятельности подразделений ООПП и устраним сдерживающие факторы для сотрудников при принятии решения проходить дальнейшую службу на должностях инспекторов ООПП.

УДК 342.9

А.Л. Федорович

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ч. 1, 2 ст. 19.3 КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Правонарушение, предусмотренное ч. 1, 2 ст. 19.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), исходя из сложной структуры конструкции объективной стороны, обуславливает необходимость правильного понимания субъективных признаков изучаемого правонарушения, чему и будет посвящен данный тезис, являющийся логическим продолжением тезиса доклада, опубликованного на прошлогодней аналогичной конференции под названием: «Объективные признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях».

С субъективной стороны правонарушение, связанное с распитием алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива в общественных местах, характеризуется прямым умыслом. Лицо сознает, что его действия нарушают общественный порядок и общественную нравственность, и желает действовать подобным образом.

В части появления в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, правонарушение характеризуется как умыслом, так и неосторожностью. Лицо сознает, что своими действиями нарушает общественный порядок, в том числе оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, желает этого или сознательно допускает, либо относится к этому безразлично, либо без достаточных оснований рассчитывает на предотвращение наступления таких последствий или не предвидит возможности их наступления, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть, например рассчитать дозу алкоголя таким образом, чтобы, находясь в общественном месте, не вызывать у окружающих чувства брезгливости или отвращения.

Субъектом правонарушения является физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, вменяемое. Важно отметить, что в части объективной стороны, предусматривающей ответственность за появление лица в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, необходимым признаком является не просто критерий наличия алкогольного опьянения у субъекта правонарушения, а наличие у него опьянения свыше 0,3 ‰ алкоголя.

Квалифицированный состав правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.3 КоАП, предусматривает совершение действий, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3 КоАП, повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за это же нарушение.

Срок привлечения к ответственности исчисляется с момента наложения взыскания за предыдущее правонарушение. Для квалификации по ч. 2 ст. 19.3 КоАП не имеет значения, какие именно действия, предусмотренные ч. 1 ст. 19.3 КоАП, были совершены в первый раз: появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения или распитие алкогольных напитков в не предназначенном для этого общественном месте. Принятию решения о квалификации действий лица по ч. 2

ст. 19.3 КоАП должно предшествовать получение сведений о том, что постановление о привлечении лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП вступило в законную силу (т.е. не обжаловано или было обжаловано, но осталось в законной силе). При успешном обжаловании правонарушения, когда постановление о привлечении к административной ответственности было отменено в пользу заявителя, соответствующее постановление по ч. 2 ст. 19.3 КоАП также аннулируется. Это необходимо для последующей переквалификации деяния на ч. 1 той же статьи. Различие между частями заключается в субъективной стороне (наличие предыдущего аналогичного действия) и субъекте правонарушения (лицо, ранее уже привлекавшееся к ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП).

Для правильной квалификации правонарушения по ч. 2 ст. 19.3 КоАП необходимо руководствоваться содержанием постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 3.

В соответствии с этими разъяснениями при рассмотрении дел об административных правонарушениях суды обязаны, строго следуя ст. 2.4 КоАП, определять, является ли совершенное деяние повторным правонарушением или совокупностью правонарушений. Повторность имеет место, когда лицо совершает два административных правонарушения или более, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части КоАП или одной и той же частью такой статьи, если она разделена на части.

При установлении повторности, в том числе как обстоятельства, отягчающего ответственность (п. 2 ч. 1 ст. 7.3 КоАП), следует руководствоваться ч. 2 ст. 2.4 КоАП. Если речь идет об ответственности за совершение правонарушения повторно в течение года после наложения административного взыскания за аналогичное правонарушение, то истечение сроков давности, установленных ст. 4.9 и 9.6 КоАП, не имеет юридического значения.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь подчеркивает, что понятия «повторность административных правонарушений» и «лицо, подвергнутое административному взысканию» (согласно ч. 1 ст. 2.4 КоАП и п. 11 ч. 1 ст. 1.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) не должны толковаться расширительно. Это связано с тем, что законодатель связывает правовые последствия с наличием административного взыскания только для лиц, которые были подвергнуты такому взысканию.

Таким образом, под повторным понимается совершение любого из альтернативных действий, предусмотренных диспозицией одной и той же статьи или ее части, в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения. Важно отметить: для квалификации правонарушения не имеет значения, вступило ли постановление о наложении административного взыскания в законную силу.

Кроме того, не имеет значения, истекли ли к моменту совершения нового правонарушения сроки, по истечении которых лицо считается не подвергавшимся административному взысканию (согласно ст. 4.9, 9.6 КоАП). Эта позиция также отражена в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 1 октября 2008 г. № 7 (п. 14) и от 30 июня 2022 г. № 3 (п. 5).

УДК 342.9

С.М. Филипович

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ

Введение в действие с 1 марта 2021 г. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) ознаменовало качественную трансформацию института административной ответственности, одной из наиболее значимых новаций которого стало закрепление системы профилактических мер воздействия.

В соответствии со ст. 5.1 КоАП данные меры направлены на предупреждение совершения новых правонарушений и включают в себя устное замечание, предупреждение, а также меры воспитательного воздействия (применяемые исключительно в отношении несовершеннолетних). Анализ положений КоАП позволяет констатировать, что реализация указанных мер возможна лишь в случае освобождения лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности. Данное обстоятельство дает основания рассматривать профилактические меры воздействия как специфический субинститут в рамках общего института освобождения от административной ответственности.

Несмотря на то что применение профилактических мер не влечет за собой правовых последствий в виде административного взыскания, их реализация в полной мере способствует достижению превентивной цели административного законодательства. При этом следует отметить определенную ограниченность сферы их применения, обусловленную жесткой правовой связью с процедурой освобождения от ответственности.

Так, применение устного замечания жестко детерминировано требованиями ч. 2 ст. 8.2 КоАП и допустимо лишь при признании деяния малозначительным на стадии до начала административного процесса.

Сфера применения предупреждения характеризуется более широким охватом. Правовыми основаниями для вынесения предупреждения выступают положения ст. 8.3 КоАП (освобождение от ответственности с вынесением предупреждения) и ч. 1 ст. 9.3 КоАП (в отношении несовершеннолетних). Важной процессуальной особенностью является возможность применения названной меры на таких стадиях ведения административного процесса, как подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению, рассмотрение дела об административном правонарушении, а также в рамках ускоренного порядка ведения административного процесса.

Наибольшую сложность в доктринальном и практически-прикладном аспектах представляет применение мер воспитательного воздействия.

Согласно ст. 9.2 КоАП к несовершеннолетним (в возрасте от 14 до 18 лет) не применяются такие взыскания, как общественные работы и административный арест, а при отсутствии у правонарушителя самостоятельного дохода – и штраф. В последнем случае законодатель императивно обязывает орган, ведущий административный процесс, применить меры

воспитательного воздействия. Однако возникает правовая коллизия: указанные меры согласно Общей части КоАП являются формой реализации профилактического воздействия при освобождении от ответственности. При этом в ст. 9.2 КоАП отсутствует прямое указание на основания и необходимость формального освобождения лица от административной ответственности в данной ситуации.

В текущей правоприменительной практике указанный пробел восполняется путем обращения к положениям ч. 1 ст. 9.3 КоАП, предусматривающей освобождение от ответственности с вынесением предупреждения. Тем не менее в целях обеспечения правовой определенности и единства законодательной логики представляется обоснованным внесение изменений в ст. 9.2 КоАП, уточняющих порядок и основания перехода к профилактическим мерам в случаях, когда взыскание не может быть назначено в силу возраста и материального положения субъекта.

Дополнительно следует отметить, что ст. 9.4 КоАП регламентирует процедуру применения мер воспитательного воздействия, допуская их реализацию независимо от конкретного основания освобождения от ответственности, а также возможность их кумулятивного применения (сочетания нескольких мер одновременно).

Особого внимания заслуживает вопрос об эффективности реализации принятых в отношении несовершеннолетнего мер воспитательного воздействия. Необходимо констатировать, что ключевым недостатком современного правового регулирования указанного субинститута является отсутствие в законодательстве норм, предусматривающих четкие правовые последствия неисполнения несовершеннолетним возложенных на него обязанностей или ограничений.

В отечественной юридической доктрине изучению данной проблематики уделялось определенное внимание, однако с момента вступления в силу обновленного КоАП и по настоящее время механизм профилактического воздействия не получил должного процедурного развития. В действующей редакции нормы, регламентирующие применение воспитательных мер, носят преимущественно декларативный характер. Отсутствие санкций за игнорирование установленных мер воспитательного воздействия или механизма возврата к административной ответственности за совершение первичного правонарушения нивелирует профилактический потенциал рассматриваемого субинститута и может способствовать формированию у несовершеннолетнего чувства правового нигилизма и безнаказанности.

На наш взгляд, правовая природа мер воспитательного воздействия предполагает наличие двусторонней связи: предоставление лицу возможности исправления без применения взыскания, с одной стороны, и коррелятивная обязанность лица по соблюдению назначенных мер – с другой. В этой связи полагаем целесообразным закрепить в административном законодательстве положение, согласно которому невыполнение несовершеннолетним назначенных мер воспитательного воздействия влечет за собой отмену решения об освобождении от административной ответственности и возобновление процесса в общем порядке либо применение альтернативных мер правового принуждения.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что правовая конструкция профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь нуждается в дальнейшем совершенствовании. Устранение выявленной неопределенности в ст. 9.2 КоАП, а также нормативная правовая фиксация ответственности за неисполнение мер воспитательного воздействия позволят существенно повысить эффективность государственной системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Дальнейшие исследования в данном направлении должны быть сосредоточены на поиске оптимального баланса между диспозитивными воспитательными мерами и мерами административного принуждения, обеспечивающими реальное достижение целей правосудия.

УДК 342.951

О.М. Фроленкова

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТАРЕЛЫХ

В современном обществе динамично развиваются информационные и цифровые технологии, наряду с чем появляются новые схемы совершения противоправных посягательств. В последнее время в поле зрения правоохранительных органов все чаще попадают престарелые граждане, которые в силу своего возраста, физических и психологических факторов являются более доступным объектом правонарушений.

Анализ причин преступлений в отношении престарелых показывает, что особенности личности напрямую влияют на формирование среды, благоприятной для совершения преступлений.

Структура геронтологической преступности включает в себя преимущественно преступления против собственности и преступления против жизни и здоровья. Характер преступности в отношении престарелых отличается преобладанием менее тяжких преступлений. К самым распространенным преступлениям, которые совершаются в отношении престарелых, относятся: кража, грабеж, разбой, хищение путем модификации компьютерной информации, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, мошенничество, убийство. В особую группу полагаем целесообразным выделить правонарушения, совершенные в отношении престарелых в сфере домашнего насилия. В силу того, что престарелые являются одной из самых уязвимых категорий граждан, профилактика домашнего насилия, совершаемого в отношении них, приобретает особое значение.

Правовую основу деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений в сфере домашнего насилия составляет Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон), а также правовые акты Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

В действующем законодательстве Республики Беларусь, а именно в Уголовном кодексе Республики Беларусь, закреплено понятие «престарелое лицо», под которым понимается лицо, достигшее возраста 70 лет. В Кодексе Республики Бела-

речь об административных правонарушениях (далее – КоАП) понятие престарелого лица не закреплено, при этом в КоАП закреплена единственная норма, в соответствии с которой совершение административного правонарушения в отношении престарелого считается обстоятельством, отягчающим административную ответственность (п. 11 ч. 1 ст. 7.3 КоАП).

Законом определены основные профилактические мероприятия, направленные на предупреждение правонарушений против государства, собственности, порядка осуществления экономической деятельности, коррупционных проявлений, жизни, здоровья, общественного порядка, а также предупреждение домашнего насилия, правонарушений в состоянии алкогольного опьянения, правонарушений, совершенных гражданами, освобожденными из исправительных учреждений, специальных воспитательных учреждений. Данные меры ориентированы на лиц, допускающих правонарушения, и не применимы к лицам, пострадавшим от правонарушений. На законодательном уровне меры индивидуальной профилактики в отношении престарелых, потерпевших от правонарушений, не рассматриваются как отдельное направление профилактической деятельности.

Престарелые нередко становятся жертвами домашнего насилия и в силу особенностей возраста и психоэмоционального состояния не желают применения такой меры индивидуальной профилактики, как защитное предписание. Данный аспект вызывает затруднения у сотрудников органов внутренних дел по применению указанной меры индивидуальной профилактики.

В соответствии со ст. 31 Закона защитное предписание – установление гражданину, совершившему домашнее насилие, временных запретов на совершение определенных действий и обязанности для защиты жизни и здоровья пострадавшего от домашнего насилия, которое может применяться к гражданину, совершившему домашнее насилие и в отношении которого осуществляется подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении об умышленном причинении телесного повреждения и иных насильственных действиях либо о нарушении защитного предписания, проводится проверка в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства либо возбуждено уголовное дело о преступлении против жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы либо личной свободы, чести и достоинства.

Защитным предписанием гражданину, в отношении которого оно применено, может быть установлена обязанность временно покинуть общее с пострадавшим (пострадавшими) от домашнего насилия жилое помещение.

При отсутствии письменного согласия совершеннолетнего пострадавшего от домашнего насилия, если этот пострадавший находится в зависимости от гражданина, совершившего домашнее насилие, либо по иным причинам не способен самостоятельно защитить свои права и законные интересы, а также при высоком уровне риска домашнего насилия защитное предписание применяется руководителем органа внутренних дел или его заместителем по согласованию с соответствующим прокурором. Норма согласования применения защитного предписания с прокурором в практической деятельности вызывает ряд трудностей (сбор и подготовка соответствующих материалов занимают значительный промежуток времени), что же касается престарелого лица, нередко из организаций здравоохранения и иных субъектов профилактики необходимо получить сведения, которые помещаются в материалы, направляемые прокурору. Сбор соответствующих материалов может занимать значительный временной промежуток. Указанное обстоятельство делает данную норму малоэффективной, так как, как правило, к моменту согласования применения защитного предписания лицо, совершившее домашнее насилие, возвращается к потерпевшему.

На основании вышеизложенного полагаем целесообразным:

для единообразного применения органами внутренних дел мер профилактического воздействия в отношении престарелых дополнить ст. 1 гл. 1 Закона термином «престарелое лицо», под которым понимать физическое лицо, достигшее возраста 70 лет;

ст. 31 гл. 4 Закона после части седьмой дополнить частью следующего содержания: «при отсутствии письменного согласия престарелого лица, пострадавшего от домашнего насилия, при высоком уровне риска домашнего насилия защитное предписание применяется руководителем органа внутренних дел или его заместителем без согласования с соответствующим прокурором»;

для единообразного применения норм действующего законодательства закрепить в КоАП термин «престарелое лицо», под которым следует понимать физическое лицо, которое на день совершения в отношении него противоправных действий достигло возраста 70 лет.

УДК 343.9

В.О. Янчин

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ЛАТЕНТНОСТИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Проблема домашнего насилия в отношении несовершеннолетних характеризуется не только значительной общественной опасностью, но и высоким уровнем латентности этого по-прежнему актуального негативного явления, что является общепризнанным мнением в научном и правоприменительном кругах. Данное мнение основано на неоспоримом факте – семейные отношения априори отличаются от других высокой степенью автономности, т. е. ограниченностью вмешательства извне в частную жизнь семьи, даже тогда, когда оно не только допустимо, но и необходимо.

По нашему мнению, в отдельных случаях выявлению домашнего насилия в отношении несовершеннолетних препятствуют следующие факторы.

Первый – оправдание насилия, если оно применено в воспитательных целях. Некоторые родители считают насильственные методы воспитания приемлемыми, допустимыми, так как якобы направлены на благо несовершеннолетних (послушное поведение, получение образования, трудолюбие). Одновременно такие родители внушают несовершеннолетнему потерпевшему, что по указанной причине состав правонарушения в их действиях отсутствует. Как следствие, несовершеннолетний, убежденный в законности насильственных действий родителей, в компетентные органы за защитой своего права на неприкосновенность личности не обращается.

Вместе с тем любое насилие, даже незначительное по степени воздействия, вне зависимости от цели его применения (воспитание, месть, самоутверждение) в каждом случае является как минимум административным правонарушением (ст. 10.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП)), при этом относящимся к категории грубых (ст. 2.2 КоАП). По нашему мнению, это является еще одной причиной того, что насилие в воспитательных целях остается без реагирования компетентных органов. Ведь упомянутое правонарушение относится к перечню деяний, привлечение к административной ответственности за которые должно быть выражено в установленных Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях порядке и требовании потерпевшего (ч. 1 ст. 4.4 КоАП). Осознав серьезность санкций для правонарушителя (вплоть до административного ареста), несовершеннолетний потерпевший или его законный представитель, не являющийся правонарушителем, нередко отказываются выразить вышеназванное требование.

Еще одной причиной, по которой при насилии в отношении несовершеннолетнего со стороны одного из родителей второй часто не только не препятствует агрессии, но и скрывает ее от компетентных органов, является страх как за себя лично, так и за возможные последствия, связанные с проведением обязательного социального расследования на предмет выявления критериев и показателей социально опасного положения (СОП) ребенка в семье. Установление фактов жестокого обращения с несовершеннолетним со стороны родителей и иных лиц, участвующих в его воспитании и содержании, а также иных видов физического, сексуального и (или) психологического насилия над несовершеннолетним относится к одному из показателей СОП. В случае принятия решения о СОП несовершеннолетнего в семье возможно последующее признание его нуждающимся в государственной защите и, как следствие, отобрание у родителей на срок до шести месяцев.

Домашнее насилие в отношении несовершеннолетнего, с одной стороны, объективно влечет его СОП, а с другой – повышает уровень его латентности, так как из-за боязни отобрания несовершеннолетнего из семьи потерпевший и его законный представитель, не проявляющий насилия, часто не обращаются за помощью, тем самым подвергая себя опасности. Вместе с тем семья для несовершеннолетнего является естественной средой, поэтому признание его СОП не должно влечь для него излишних негативных последствий. В соответствии со ст. 65 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) родители ответственны не только за воспитание и содержание детей, но и за их защиту. В связи с этим, когда один из родителей проявляет к ребенку насилие, второй обязан этому противостоять. Если по объективным причинам (физически слабее, психологически зависим) последний самостоятельно пресечь агрессию не может, он обязан обратиться за помощью к компетентным органам.

Таким образом, для снижения уровня латентности домашнего насилия в отношении несовершеннолетних предлагаем следующие административно-правовые меры:

дифференцировать административную ответственность родителей за насильственные действия, не повлекшие причинения телесных повреждений, в отношении несовершеннолетних детей по цели их совершения. В случае направленности названных действий на воспитание детей не квалифицировать их как грубое административное правонарушение, смягчив административную ответственность родителей путем установления специальной нормы в Особенной части КоАП, отнеся такое административное правонарушение к категории «административный проступок»;

в случае совершения домашнего насилия в отношении несовершеннолетнего начинать и вести административный процесс по общим правилам, установленным КоАП, исключив такое деяние из перечня деяний, влекущих административную ответственность по требованию;

при установлении факта домашнего насилия, совершаемого одним из двоих родителей, при условии, что второй активно этому противостоит и своевременно информирует компетентные органы (органы опеки и попечительства, органы внутренних дел, органы образования, органы здравоохранения, комиссии по делам несовершеннолетних, органы прокуратуры, суд), не учитывать такие случаи в качестве показателя СОП несовершеннолетнего. Такое информирование компетентных органов считать действием, направленным на защиту ребенка, в соответствии с КоБС.

УДК 343.985

А.В. Балиткин

**НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

С развитием информационно-коммуникационных технологий существенно трансформируются общественные отношения абсолютно во всех сферах жизнедеятельности общества. Это обстоятельство определенным образом детерминирует как существенное снижение общеуголовной преступности по отдельным направлениям (убийства, изнасилования, разбойные нападения и т. д.), так и консолидацию профессиональной преступной деятельности, объединение злоумышленников в организованные группы, главной целью которых стало получение прибыли, а в отдельных случаях и сверхприбыли, чем вызвано введение в научный оборот термина «криминальный бизнес», характеризующего деятельность организованной преступности в отдельных ее проявлениях (например: наркобизнес, торговля оружием, торговля людьми, кибермошенничество и т. д.).

Отношение к подобным преступлениям, пусть как к незаконному, но бизнес-процессу, становится основой для развития новых эффективных способов противодействия таким негативным явлениям. В частности, по оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности, доходы всемирного криминального бизнеса составляют примерно 3,6 % мирового валового продукта, что эквивалентно примерно 2,7 трлн долларов США в год. Соответственно, противодействие необходимо строить в том числе путем нейтрализации возможности получения злоумышленниками денежных средств в результате осуществления преступной деятельности.

Подобный подход отмечается в работе ряда исследователей: О.Н. Корчагина, Д.Н. Лахтикова, Б.П. Михайлова, Л.Л. Тузова и др. Однако им присущ фрагментарный подход, направленный на противодействие в финансовой сфере отдельным преступлениям, прежде всего – наркопреступлениям. Вместе с тем, полагаем, подобная деятельность может выступать эффективным средством противодействия любым проявлениям организованной преступности.

Необходимо отметить положительный опыт правового регулирования данной деятельности в Республике Беларусь. Так, с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 269 «О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям» в Республике Беларусь начала функционировать автоматизированная система обработки инцидентов Национального банка, позволяющая приостанавливать движение «криминальных денег». Эффективное применение названной системы наряду с другими принимаемыми государственными органами мерами позволило снизить в 2025 г. количество регистрируемых киберпреступлений. Положительный опыт применения системы экстраполирован и в сферу противодействия незаконному обороту наркотических средств Указом Президента Республики Беларусь от 13 ноября 2025 г. № 394 «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь по вопросам противодействия незаконным платежным операциям».

Таким образом, в Республике Беларусь эффективно осуществляется нейтрализация финансовой составляющей при противодействии киберпреступности и наркопреступности, вместе с тем представляется целесообразным расширить сферу применения данной деятельности на иные, наиболее часто встречающиеся в правоприменительной практике преступления, совершаемые организованными группами в целях незаконного получения прибыли и сверхприбыли.

УДК 363.985.8

Е.В. Борисевич

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ФАКТОВ СОКРЫТИЯ ПАДЕЖА КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА

Правоохранительными органами систематически проводится работа, направленная на обеспечение сохранности поголовья крупного рогатого скота (КРС). В указанном направлении удается достичь отдельных положительных результатов, вместе с тем в 2025 г. фиксируется рост падежа КРС по Республике Беларусь, что свидетельствует об имеющихся проблемных вопросах. Участились случаи нарушений со стороны должностных лиц сельскохозяйственных предприятий ветеринарно-санитарных правил, порядка учета движения животных, оформления товаросопроводительных документов, ветеринарных свидетельств. Учитывая значимое влияние сферы животноводства на экономическую составляющую страны, а также то, какое внимание уделяется этой сфере Главой государства, необходимо совершенствовать подходы к выявлению и раскрытию фактов сокрытия падежа КРС, внедрять новые способы, в том числе связанные с развитием науки и техники.

Для более тщательного анализа предлагаемой методологической базы необходимо отметить, что научное обеспечение определенной сферы деятельности обуславливается комплексом разного рода мероприятий, направленных на получение (разработку) и эффективное внедрение новых знаний, техники и технологий для решения возникающих проблемных вопросов. К элементам научного обеспечения, в числе иных, относится методологическая база, представляющая собой разработку и применение общих методологических принципов, теорий и конкретных методик исследований.

Так, в настоящее время отмечается рост фактов превышения власти либо служебных полномочий при сдаче КРС на убой главными ветеринарными врачами сельскохозяйственных организаций, которые в целях недопущения падежа находящегося на лечении КРС скрывают применение ветеринарных препаратов и отправляют таких животных на промышленную переработку. В целях сдачи неизлечимо больных особей на мясоперерабатывающие предприятия (убойные цеха) главный ветеринарный врач сельскохозяйственного предприятия выписывает ветеринарные свидетельства, в которых умышленно не указывается информация о примененных ветеринарных препаратах. Данные действия влекут за собой грубое нарушение ветеринарно-санитарных норм и подвергают опасности жизнь и здоровье потребителей.

В указанном случае особое внимание необходимо уделить ряду нормативных правовых актов, а именно содержанию:

ст. 3 Закона Республики Беларусь от 2 июля 2010 г. № 161-З «О ветеринарной деятельности», согласно которой ветеринарная деятельность прежде всего осуществляется в целях предотвращения причинения вреда жизни и здоровью физических лиц;

п. 8, 13, 16 Положения о порядке и условиях выдачи ветеринарных документов, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2017 г. № 319 «О вопросах ветеринарной деятельности», в соответствии с которыми к ветеринарным документам относится (наряду с другими) ветеринарное свидетельство (разрешительный документ);

п. 17 и 19 Ветеринарно-санитарных правил осмотра убойных животных и ветеринарно-санитарной экспертизы мяса и мясных продуктов, утвержденных постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 18 апреля 2008 г. № 44 «Об утверждении Ветеринарно-санитарных правил осмотра убойных животных и ветеринарно-санитарной экспертизы мяса и мясных продуктов и признании утратившими силу Ветеринарных методических указаний», согласно которым запрещается отправлять на убой животных, в частности привитых вакцинами либо обработанных лекарственными средствами до истечения сроков ожидания, установленных согласно инструкциям (наставлениям) по их применению. В ветеринарных документах на каждую партию животных, направляемых для убоя, указываются все сведения, предусмотренные формой ветеринарных документов, а также сведения относительно примененных ветеринарных лекарственных средств и истечения сроков ожидания;

п. 3 ст. 19 технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (ТР ТС 021/2011), в соответствии с которым не допускается направлять на убой для использования на пищевые цели продуктивных животных, обработанных препаратами для защиты от насекомых и (или) в отношении которых применялись лекарственные средства для ветеринарного применения.

Обозначив правовые основы для осуществления правоохранительной функции в данном направлении, отметим важность разработанных информационных систем, позволяющих отследить все процессы, осуществляемые с поголовьем КРС на объектах животноводства предприятий. Доступ к информационным системам в области идентификации, регистрации, прослеживаемости животных (стад), идентификации прослеживаемости продуктов животного происхождения – КРС, а также в области ветеринарии предоставляется в адрес органов внутренних дел государственным учреждением «Центр информационных систем в животноводстве» по письменному запросу. Посредством указанных выше систем, их функционала есть возможность получить полную и достоверную информацию о лечении поголовья КРС и его отправке на убой по всем сельскохозяйственным предприятиям интересующего района. Каждая голова КРС идентифицируется по бирке с номером. Наибольший интерес представляют сведения о дате лечения и применяемом препарате (сроке ожидания его полного вывода из организма животного), дате отправки на убой. С помощью глобальной компьютерной сети Интернет на ветеринарный препарат можно найти инструкцию по его применению, где в том числе указывается срок ожидания. Анализируя и сопоставляя получаемые сведения, выявляются головы КРС, которые были отправлены на убой в нарушение положений нормативных правовых актов в области ветеринарии, что может повлечь серьезные последствия. На последующем этапе, в том числе при помощи информационной системы, есть возможность получить копии ветеринарных свидетельств, выписываемых главным ветеринарным врачом сельскохозяйственной организации для отправки на убой выявленных голов КРС. По результатам данной проверки собираются первичные сведения, составляющие доказательственную базу и являющиеся достаточными для обоснованного подозрения должностного лица сельскохозяйственного предприятия в совершении преступления.

Исходя из вышеуказанного, представляется возможным сделать следующий вывод. Учитывая возросшую необходимость совершенствования подходов к выявлению и раскрытию фактов сокрытия падежа КРС, предложенные методологические и правовые основы способны оказать положительное влияние на складывающуюся оперативную обстановку в данном направлении, обеспечить экономическую безопасность через пресечение фактов бесхозяйственности и нарушения технологии откорма, выращивания и лечения поголовья КРС.

УДК 343.01

П.Л. Боровик

МЕТОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕАЛЬНЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КРИПТОАКТИВОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Установление реальных владельцев цифровых активов представляет собой одну из ключевых и наиболее сложных задач при расследовании преступлений, совершаемых с использованием криптовалют. В отличие от традиционных финансовых систем, где движение денежных потоков отслеживается через банковские счета и официальные реестры, в блокчейне

информация о пользователях заменена цифровыми адресами. Это гарантирует участникам высокий уровень анонимности, но одновременно создает серьезные трудности для органов, занимающихся обеспечением законности в финансовой сфере.

Современные подходы к установлению реальных владельцев криптоактивов основаны на сочетании методов технического анализа блокчейна, юридических запросов к обменным сервисам и всестороннего изучения данных о движении цифровых средств.

На первом этапе сотрудники правоохранительных органов проводят исследование структуры блокчейн-транзакций. С помощью специализированных аналитических систем строится граф перемещения средств – своеобразная сеть, в которой каждая вершина представляет кошелек, а линии между ними отражают переводы. Такой анализ позволяет выявить взаимосвязи между участниками, определить аномальные движения средств и сгруппировать адреса, вероятно принадлежащие одному пользователю. Для этого применяются статистические методы, математические эвристики и алгоритмы машинного обучения, способные фиксировать повторяющиеся закономерности и отклонения в поведении участников сети.

Следующим этапом является установление точек перехода криптоактивов в традиционные деньги. Наиболее уязвимым звеном преступных схем остаются централизованные обменные площадки и платежные сервисы, где цифровые активы конвертируются в реальные валюты. Сотрудники правоохранительных органов анализируют, какие адреса взаимодействуют с такими платформами, а затем через официальные запросы и в рамках международного сотрудничества получают сведения о зарегистрированных пользователях, их банковских реквизитах, идентификационных данных и истории операций. На этом этапе активно используются правовые инструменты, такие как запросы о правовой помощи между государствами и механизмы обмена финансовой информацией, что особенно важно в условиях трансграничного характера криптопреступности.

Технические методы блокчейн-аналитики позволяют проводить так называемое прослеживание цифрового следа, а применение специализированного программного обеспечения – выполнить комплексный мониторинг движения средств: от детерминации начальной точки ввода активов до фиксации их распределения по конечным электронным кошелькам.

Одним из ключевых направлений анализа является оценка степени связи активов с преступными источниками. Например, если средства поступили с адреса, ранее участвовавшего в мошеннических схемах или хищениях, аналитическая система фиксирует высокий уровень риска. Используются также графовые методы и вероятностные модели, которые позволяют установить, насколько вероятно, что несколько адресов контролируются одним и тем же лицом.

Значительную роль в таких расследованиях играют источники, находящиеся за пределами блокчейн-сети. Сотрудники правоохранительных органов анализируют информацию из открытых источников – социальных сетей, интернет-форумов, объявлений о продаже криптовалют, публичных сообщений на биржах и блогах. Иногда пользователи сами непреднамеренно раскрывают информацию о себе, публикуя изображения с адресами кошельков или сообщая адрес для получения переводов. Эти данные сопоставляются с записями в блокчейне, что позволяет установить личность владельца. Кроме того, возможно применение технических методов корреляции времени и сетевых параметров: анализируется момент совершения транзакции, IP-адрес, с которого происходила операция, и другие цифровые признаки, способные указать на конкретное устройство или регион.

Характерным примером является расследование, проведенное в 2023 г. Департаментом финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь при выявлении схем перевода средств от иностранных интернет-мошенников через резидентов Парка высоких технологий. Благодаря совместному анализу данных от операторов криптоплатформ и коммерческих аналитических сервисов было установлено, что цепочка транзакций в блокчейне Ethereum, проходившая через DeFi-платформу, замыкалась на бирже, зарегистрированной в другой юрисдикции. Запрос по линии Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма позволил получить идентификационные данные конечного пользователя, что стало доказательством при возбуждении уголовного дела.

Другой пример связан с операцией Европейского полицейского агентства (Европол), в рамках которой применялись методы анализа временной корреляции транзакций. Исследователи установили, что несколько биткоин-адресов, связанных с вымогательским программным обеспечением, совершали переводы в одинаковые временные интервалы, что позволило связать их с конкретной группой операторов.

В последние годы активно развиваются интеллектуальные системы анализа финансовых потоков. Алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта обучаются на примерах известных преступных схем и способны самостоятельно выделять подозрительные операции. Такие системы анализируют поведение участников сети, ищут нетипичные паттерны переводов и строят гипотезы о возможных владельцах активов. Научный потенциал этих технологий заключается в способности моделировать вероятностные связи и прогнозировать новые формы злоупотреблений. Однако их применение требует прозрачности алгоритмов и экспертной оценки, чтобы результаты могли быть использованы в судебной практике.

Таким образом, установление реальных владельцев криптоактивов является комплексной задачей, требующей сочетания разнообразных аналитических подходов. Технические инструменты блокчейн-аналитики дают возможность выявлять скрытые связи между адресами и прослеживать движение средств. Идентификация конкретных лиц становится возможной благодаря взаимодействию с централизованными криптоплатформами, платежными сервисами и зарубежными компетентными органами в рамках международных процедур обмена информацией. Дополнение этих данных сведениями из внешних источников, включая социальные сети и технические сетевые параметры, усиливает доказательственную базу и способствует формированию научно обоснованной, комплексной системы противодействия преступлению, совершаемым с использованием криптовалют.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Согласно ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) одним из основных средств исправления осужденных является установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим). Уровень правоограничений зависит от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и его поведения в период отбывания уголовного наказания.

В должном функционировании уголовно-исполнительной системы особое место занимает организация режима, под которой в широком смысле мы понимаем деятельность аппарата управления и должностных лиц по приведению в действие приговора суда.

Средства обеспечения режима в исправительных учреждениях (ИУ) устанавливает гл. 11 УИК: оперативно-розыскная деятельность (ОРД); технические средства надзора и контроля; применение физической силы, специальных средств и оружия; введение режима особого положения в ИУ.

Следует отметить, что ОРД осуществляется в пределах компетенции оперативными подразделениями (отделами и отделениями) и другими уполномоченными на то органами, координация деятельности которых производится под руководством заместителя начальника ИУ по режиму и оперативной работе (в тюрьме указанные полномочия возлагаются на начальника оперативного отдела).

Задачи ОРД в ИУ закреплены в ст. 75 УИК. К таковым законодатель относит: обеспечение личной безопасности осужденных, работников ИУ и иных лиц; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из ИУ, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы на определенный срок; содействие в выявлении и пресечении преступлений, совершенных осужденными до прибытия в ИУ, а также выявление и предупреждение готовящихся преступлений.

Важное теоретическое и прикладное значение имеет последовательность построения стадий исполнения задач ОРД, которые находятся в закономерной связи друг с другом. На основании этого определим следующую их очередность: планирование, прогнозирование, принятие управленческого решения, выбор исполнителя и координация его деятельности, контроль, оценка результатов, постановка новой задачи.

Учитывая обширность спектра задач, возложенных на ОРД, полагаем необходимым отметить важность оказываемого содействия со стороны подразделений ИУ, обеспечивающих организацию исправительного воздействия, выполнение требований охраны, надзора и контроля, психологическое сопровождение осужденных. Помимо внутреннего взаимодействия, Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» в целях выполнения задач ОРД предусмотрено взаимодействие с иными государственными органами, организациями, а также с гражданами посредством обмена информацией, совместной подготовки, проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий, применения мер по обеспечению безопасности, разработки планов совместной деятельности.

О значимости ОРД в системе средств обеспечения режима в ИУ свидетельствует тот факт, что реализация ряда элементов института изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы на различных стадиях его исполнения (распределение вновь прибывших осужденных по отрядам, аттестация, проведение свиданий, получение посылок, передач, бандеролей, мелких пакетов, осуществление телефонных разговоров, запрет вывода на производственную зону из оперативных соображений и др.) возможна лишь после согласования с сотрудником оперативного отдела. Это, в свою очередь, зависит от наличия либо отсутствия информации о противоправных намерениях осужденного, получаемой при помощи ОРД.

Отметим также, что выявить субъекта правонарушений по отдельным видам противоправных деяний можно лишь оперативным путем (установление канала доставки запрещенного предмета, определение зачинщика конфликтной ситуации, повлекшей причинение осужденному телесных повреждений либо более тяжких последствий, рассмотрение материалов по фактам суицида (членовредительства), установление фактов притеснений и поборов в среде осужденных, а также лиц, активно пропагандирующих и поддерживающих неформальные традиции криминальной субкультуры), в том числе выявление и пресечение неслужебных связей между сотрудниками и осужденными.

Таким образом, вышеизложенное, по нашему мнению, свидетельствует о том, что ОРД принадлежит первостепенная роль в обеспечении установленного порядка исполнения и отбывания наказания. В свою очередь, детальный порядок ее осуществления регламентирован нормативными правовыми актами ограниченного распространения, что затрудняет научные изыскания в исследуемой нами сфере.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТАМОЖЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Мировая экономика отличается нестабильностью, обусловленной перераспределением сфер влияния, включая применение силовых методов, а также последствиями широкомасштабных международных санкций, применяемых для воздействия на социально-экономические процессы государств, считающихся неудобными. Главные мировые центры власти предпри-

мают шаги по дезинтеграции и поглощению экономик развивающихся стран, стремясь придать им сырьевую специализацию. Республика Беларусь также подвергается влиянию негативных мировых экономических процессов, а именно постоянным попыткам деструктивных сил дестабилизировать экономическую ситуацию в стране. Для противостояния негативным процессам и решения задач обеспечения национальной безопасности в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, законами Республики Беларусь, нормативными правовыми актами Президента Республики Беларусь созданы силы обеспечения национальной безопасности, в состав которых входят таможенные органы.

Как свидетельствует мировой опыт, широкий спектр функций и задач таможенных органов обусловлен потребностями защиты экономики и обеспечения ее развития. В соответствии с Положением о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 2 марта 2021 г. № 77 «О деятельности таможенных органов», одной из основных задач Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (далее – ГТК) является обеспечение в пределах своей компетенции экономической безопасности Республики Беларусь. Современные реалии указывают на то, что белорусские таможенные органы выполняют важную функцию по обеспечению экономической безопасности не только нашего государства, но и всего Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в целом. Данный тезис подтверждается статистическими данными правоохранительной деятельности ГТК. Так, за первое полугодие 2025 г. сотрудниками белорусских таможенных органов было выявлено 247 преступлений, а примерно 17,5 тыс. нарушений пресечено. Значительный экономический ущерб бюджету стран ЕАЭС наносят схемы экономической контрабанды, направленные на уклонение от уплаты таможенных платежей. Среди них – лжетранзит и недоставка товаров. Следует констатировать, что объем незаконно вовлеченных в экономический оборот товаров постоянно увеличивается. В 2025 г. зафиксированы случаи фиктивного завершения процедуры таможенного транзита, при которых товары и транспортные средства находились на территории транзитного государства, несмотря на формальный статус завершения процедуры. Кроме того, в первом полугодии 2025 г. зарегистрировано 683 случая незаконного перемещения наличных денежных средств через белорусскую часть таможенной границы ЕАЭС, из которых были изъяты суммы, эквивалентные примерно 5,7 млн белорусских рублей. На западном участке единой таможенной границы ЕАЭС белорусские таможенные органы выявили шесть фактов незаконного перемещения товаров, обладающих исторической и культурной ценностью, осуществлявшегося посредством неправомерного декларирования, недекларирования или сокрытия от таможенного контроля.

Анализируя содержание таможенного дела, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что одной из ключевых задач, функций и направлений деятельности таможенных органов является осуществление таможенного контроля. В соответствии со ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенный контроль представляет собой совокупность совершаемых таможенными органами действий, направленных на проверку и (или) обеспечение соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании. В Республике Беларусь функции организации, осуществления и совершенствования таможенного контроля возложены на ГТК, который действует в соответствии с международными договорами и актами, регулирующими таможенные правоотношения в рамках ЕАЭС, а также в соответствии с законодательством Республики Беларусь. ГТК обеспечивает систему контроля за правильностью классификации товаров, определения таможенной стоимости и происхождения товаров. При этом в рамках возложенных функций ГТК организует осуществление налогового, валютного, экспортного и иных видов контроля, право на осуществление которых или на участие в осуществлении которых предоставлено таможенным органам, деятельность которых также, по сути, направлена на обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь.

При переходе к изучению роли таможенного контроля как основы обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь следует отметить, что согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, выделяются определенные угрозы в сфере экономики. Среди них – низкая диверсификация экспорта и импорта товаров и услуг; ухудшение условий внешнеэкономической деятельности, вызванное неблагоприятной ситуацией на мировых рынках и введением необоснованных экономических санкций и ограничительных мер; принятие зарубежными государствами протекционистских решений, установление барьеров и дискриминационных условий для экспортно-импортных операций; развитие транзитных путей и транспортных систем для сырья и энергии, а также целенаправленное ограничение транзитных возможностей Беларуси. Дополнительно отмечается рост числа преступлений и нарушений, связанных с осуществлением экономической деятельности, трансграничной организованной преступностью, деятельностью транснациональных и зарубежных криминальных групп и организаций и др.

Анализ указанных угроз свидетельствует о том, что их нейтрализация напрямую связана с деятельностью ГТК в области обеспечения экономической безопасности государства и сохранения суверенитета общества, а также защиты прав и законных интересов граждан. В этом контексте таможенный контроль выполняет важнейшие и ответственные функции. Ключевыми из них являются поддержка товарной и страновой диверсификации экспорта, баланс внешней торговли и предотвращение таможенных правонарушений. В то же время перед таможенными органами стоит достаточно сложная задача: при осуществлении контрольных мероприятий необходимо одновременно создавать привлекательные условия для бизнеса, сокращать сроки таможенного оформления перемещаемых товаров, обеспечивать своевременные и полные поступления таможенных платежей в бюджет, а также снижать риски нарушений таможенного законодательства.

На основании анализа роли таможенного контроля как основы обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь можно сформулировать следующие выводы: мировая нестабильность и внешние факторы нередко негативно влияют на экономики стран, в том числе и белорусского государства, что требует принятия мер для защиты национальных интересов; таможенные органы, в частности ГТК, играют важную роль в охране экономики и ее развитии, предотвращая нарушения таможенного законодательства и борясь с экономической преступностью, что значительно укрепляет как национальную, так и региональную безопасность; таможенный контроль является важнейшим инструментом в борьбе с такими угрозами, как

уклонение от таможенных платежей, контрабанда, незаконное перемещение товарно-материальных ценностей через границы ЕАЭС. Эффективная деятельность таможенных органов способствует не только обеспечению экономической безопасности, но и развитию экспортно-импортных операций, поддержанию порядка и равновесия во внешнеторговой деятельности, диверсификации экономики и стабильности внешнеэкономической среды, а также защите внутренних и региональных рынков. В целом деятельность ГТК в рамках таможенного контроля составляет важную часть системы обеспечения национальной и экономической безопасности Республики Беларусь, особенно в условиях мировой нестабильности и внешнеэкономических вызовов.

УДК 343.985

Д.В. Гриб

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Проблема легализации денежных средств характерна для большинства форм организованной преступности, так как является необходимым условием ее функционирования. Эта проблема имеет особую значимость, поскольку ее масштабы и распространенность нарушают организацию экономической деятельности государства. В своих наиболее опасных формах она связана с незаконным оборотом наркотиков и оружия, коррупцией, организацией финансовых пирамид, игорным бизнесом и незаконной предпринимательской деятельностью, уклонением от уплаты налогов. Наиболее криминализированной является финансовая сфера, прежде всего рынок ценных бумаг, облигаций, централизованные и децентрализованные биржи, где осуществляются операции с криптовалютой с целью придания ей легального статуса посредством проведения соответствующих транзакций.

Исходя из этого, противодействие легализации средств, полученных преступным путем, является одной из приоритетных задач, решаемых правоохранительными органами в ходе предупреждения, выявления и пресечения деятельности по внедрению денежных средств организованной преступности в экономику Республики Беларусь. Решение этой задачи возлагается на оперативные подразделения, служебная деятельность которых в пределах компетенции направлена на разработку преступных групп и реализацию системы мер по непосредственному предупреждению, выявлению и раскрытию легализации («отмывания») средств, приобретенных преступным путем.

Одними из основных нормативных правовых актов (НПА), составляющих законодательную основу противодействия легализации средств, полученных преступным путем, являются:

1. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», согласно которому установлен перечень, условия проведения финансовых операций с цифровыми знаками (токенами).
2. Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О Парке высоких технологий» по вопросам, касающимся деятельности платежных систем, а также лиц, осуществляющих финансовые операции.
3. Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 24 декабря 2014 г. № 818 «О внутреннем контроле при осуществлении банковских операций», которое определяет организацию системы внутреннего контроля в сфере предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, а также основные направления, по которым она реализуется.
4. Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты», содержащий перечень кошельков, вовлеченных в противоправную деятельность.

Проанализировав основные НПА, составляющие основу противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, целесообразно указать, что к государственным мерам по предотвращению таких доходов относят внутренний контроль и особый контроль, механизм работы которых заключается в применении расширенных мер контроля при осуществлении финансовых операций с высокой степенью риска, связанного с рассматриваемым видом преступления, а также идентификации таких лиц. К таковым мерам следует отнести идентификацию и верификацию клиентов банка, осуществляющих финансовые операции, мониторинг их деятельности в процессе обслуживания, выявление, документальное фиксирование финансовой операции, подлежащей особому контролю, и передачу соответствующих сведений в орган финансового мониторинга, а также замораживание средств и (или) блокирование финансовых операций. Следует также отметить, что согласно правовому обеспечению регулирования цифровых токенов на белорусских криптобиржах, являющихся резидентами Парка высоких технологий, также осуществляется процедура KYC (идентификация и верификация пользователей бирж), при этом использование децентрализованной криптобиржи (работающей на смарт-контракте), децентрализованных финансовых протоколов (DeFi) либо обменников (DEX) позволяет преступникам избежать подобной идентификации личности.

Кроме того, законодатель предусмотрел уголовную ответственность по ст. 235 «Легализация („отмывание“) средств, полученных преступным путем» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Согласно ст. 235 УК под легализацией («отмыванием») денежных средств понимают совершение финансовых операций со средствами, полученными заведомо преступным путем, для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению названными средствами в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что выявление данного вида преступления происходит при документировании преступных деяний, касающихся, как правило, порядка осуществления экономической деятельности: хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК); предпринимательская деятельность, осуществляемая без специаль-

ного разрешения (лицензии) (ст. 233 УК); незаконное получение кредита или субсидии (ст. 237 УК); уклонение от уплаты налогов, сборов (ст. 243 УК); незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 328 УК); получение взятки (ст. 430 УК) и др.

Таким образом, следует отметить, что легализация средств, полученных преступным путем, выявляется, как правило, в ходе расследования вышеуказанных предикатных преступлений, когда полученные доходы перенаправляются впоследствии в легальный бизнес, на приобретение автомобилей, квартир, офисов либо направляются по различным сферам экономической деятельности (например, в финансовую сферу с целью приобретения акций, облигаций, криптовалюты). После их реализации указанные финансовые активы приобретают практически легальный статус.

УДК 342.9

М.В. Губич

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗРАБОТКИ ИНТЕГРАТИВНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ЦИФРОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали не только предметом, но и средством, а также неотъемлемой средой совершения как новых видов преступлений, так и традиционных общеуголовных деяний. Важно, что ИКТ также выступают в качестве фактора противодействия преступности, поскольку цифровые следы являются доминирующим источником доказательств по большинству современных преступлений.

АКТУАЛЬНОСТЬ разработки интегративной методологии цифрового противодействия преступности обусловлена нарастающим, углубляющимся противоречием между стремительной и высокотехнологичной адаптацией преступности и недостаточной методологической систематизированностью ответных мер правоохранительной системы.

Это противоречие имеет четкое количественное измерение. По официальным данным, в Республике Беларусь наблюдается устойчивая, прогрессирующая динамика роста числа преступлений, совершенных с использованием ИКТ. Так, в последние годы в Республике Беларусь наблюдается тенденция к снижению общего количества регистрируемых преступлений. Однако данная позитивная динамика сопровождается ростом преступности, совершенной с использованием ИКТ, что указывает на перемещение значительной части криминальной активности в виртуальное пространство.

Особую тревогу вызывает качественная трансформация киберпреступности. Если на начальном этапе цифровизации доминировали хищения с использованием компьютерной техники, в настоящее время наблюдается явное доминирование мошеннических схем, основанных на социальной инженерии. В то же время благодаря принимаемым мерам, включая совершенствование технико-криминалистического обеспечения и оперативно-розыскных мероприятий, отмечается положительная динамика в показателях раскрываемости киберпреступлений.

Такой сдвиг требует от правоохранительных органов не просто технического, но и методологического пересмотра подходов к профилактике, выявлению и раскрытию преступлений.

Складывающаяся криминогенная обстановка подтверждает императив перехода от реактивного, постфактум реагирования к проактивной, опережающей методологии. Однако ответ правоохранительной системы до сих пор часто ограничивается лишь техническим дооснащением и осуществлением организационных мероприятий, в то время как фундаментальная проблема заключается в отсутствии обоснованной, организационно структурированной и унифицированной системы методологических подходов к комплексному использованию ИКТ в борьбе с преступной деятельностью.

Особую научно-практическую актуальность данная проблематика приобретает применительно к органам внутренних дел (ОВД), которые в силу своего функционального статуса являются субъектом первоначального реагирования, профилактики и оперативно-розыскной деятельности. Их эффективность зависит от способности к оперативному обнаружению, документированию и аналитической верификации цифровых следов. В этом контексте методологический дефицит проявляется в трех ключевых аспектах.

В условиях существующего в Республике Беларусь четкого разграничения компетенций ведомств возникает насущная потребность в разработке четких оперативно-аналитических методик, регламентирующих алгоритмы эффективного использования цифровых инструментов для первичного сбора и юридически корректного закрепления информации, не нарушая при этом процессуальные нормы и компетенцию смежных ведомств.

Требуется создание интегративной методологии, способной обеспечить скоординированное применение ИКТ в трех ключевых функциональных областях: превентивной (прогностическое моделирование), оперативно-аналитической (обнаружение цифровых следов) и управленческо-организационной (стандартизация, обучение, материально-техническое обеспечение).

Таким образом, представляется актуальным проведение исследования, направленного на восполнение обозначенного методологического пробела посредством систематизации и теоретического обоснования функциональных подходов к применению информационных технологий, адаптированных под специфику ОВД, что определяет его высокую теоретическую и практическую значимость.

Исследование методологических аспектов применения информационных технологий в сфере противодействия преступности является междисциплинарной задачей, охватывающей ряд научных направлений. В этой связи следует отметить, что вопросы использования ИКТ традиционно рассматривались в рамках нескольких устоявшихся научных школ.

Прежде всего значительные наработки представлены в области криминалистики и судебной экспертизы, в рамках которых рассмотрены вопросы исследования цифровых доказательств, их фиксации и процессуальной допустимости; ряд

исследований посвящены юридической природе электронных данных и вопросам совершенствования законодательства. Значимый вклад внесли также специалисты, занимавшиеся определением понятия «цифровой след». Эти работы заложили технико-процессуальную основу для работы с цифровой информацией. Однако большинство данных исследований носят преимущественно технико-юридический характер и направлены на закрепление и анализ информации после возбуждения уголовного дела, в то время как первичная, оперативно-аналитическая работа ОВД на этапе обнаружения и документирования остается наименее разработанной в методологическом плане.

Теория оперативно-розыскной деятельности содержит общие положения об использовании технических средств, однако методики работы с массивами больших данных, прогностической аналитикой и современными OSINT-инструментами, которые являются современным инструментарием для ОВД в условиях цифровизации, разработаны лишь фрагментарно и не интегрированы в единую систему. При этом как учеными, так и специалистами подчеркивается необходимость совершенствования противодействия киберпреступлениям правоохранными органами, указывая на разрыв между технологиями и методиками, но не предлагая комплексной методологической модели, адаптированной под ОВД.

Административно-правовая наука исследовала применение информационных технологий главным образом в контексте управления и организации работы правоохранных органов (системы документооборота, ведомственные базы данных и т. д.), но без должного учета их непосредственного влияния на оперативную и превентивную эффективность.

Критический анализ имеющихся достижений показывает, что несмотря на наличие отдельных ценных исследований, в науке отсутствует фундаментальная методологическая платформа, способная интегрировать превентивные, оперативно-аналитические и управленческо-организационные ИТ-стратегии в единый, непротиворечивый комплекс, обеспечивая синергетический эффект на всех этапах противодействия преступности; сфокусировать методологию на функционале первичного реагирования ОВД с учетом национального ведомственного разграничения полномочий, предлагая стандартизированные алгоритмы действий; разработать проактивный подход к использованию ИКТ, перенося акцент с реагирования на прогнозирование и управление криминальными рисками.

Таким образом, сегодня в научной литературе не представлена общепризнанная интегративная методология, которая бы преодолела узковедомственный и технический подход и обеспечила синергетическое взаимодействие трех ключевых функциональных областей в рамках единой правоохранительной системы, что и определяет научную новизну и актуальность разработки интегративной методологии цифрового противодействия преступности.

УДК 343.53

А.А. Гулюк

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК СЕРВИС (CRIME-AS-A-SERVICE): СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, МОДЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУМЫШЛЕННИКАМ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цифровизация общественных отношений в Республике Беларусь закономерно сопровождается ростом преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. В данных условиях особую актуальность приобретает киберпреступность как сервис (далее – Crime-as-a-Service, CaaS), представляющая собой устойчивую организованную модель противоправной деятельности, основанную на предоставлении преступных услуг в цифровой среде.

Crime-as-a-Service функционирует по принципу четкого распределения ролей между участниками преступной деятельности. Одни лица осуществляют разработку и сопровождение вредоносного программного обеспечения, эксплуатацию уязвимостей и поддержку технической инфраструктуры, другие используют уже готовые (предоставляемые) сервисы для совершения преступлений. Подобная модель существенно снижает порог входа в киберпреступную деятельность и способствует росту числа преступлений, выявляемых подразделениями по противодействию киберпреступности Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД).

Наиболее распространенными формами Crime-as-a-Service являются программное вымогательство, фишинг, распространение вредоносного программного обеспечения, а также в меньшей степени услуги по организации атак отказа в обслуживании. Указанные преступления характеризуются высокой степенью латентности, трансграничным характером и активным использованием анонимных сетевых технологий, что существенно осложняет их выявление, пресечение и раскрытие правоохранными органами.

В деятельности подразделений по противодействию киберпреступности МВД особое значение приобретает анализ цифровых следов, формируемых в процессе функционирования преступных сервисов. Несмотря на использование злоумышленниками средств анонимизации и сокрытия сетевой активности, результаты комплексного мониторинга киберпространства, анализа сетевого трафика и финансовых транзакций позволяют выявлять устойчивые преступные связи и документировать противоправную деятельность.

Выявление и документирование преступлений, совершаемых с применением CaaS-моделей, позволяют сотрудникам управления «К» МВД на основе анализа цифровых следов сузить круг подозреваемых, установить взаимосвязи между участниками преступных сервисов и определить используемую преступниками цифровую и финансовую инфраструктуру.

Эффективное противодействие Crime-as-a-Service требует от сотрудников названного управления практических знаний в области информационных технологий, навыков работы со специализированным программным обеспечением, а также умения обеспечивать фиксацию, сохранность и неизменность цифровых доказательств в рамках оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса.

Важную роль в противодействии киберпреступности как сервису играет развитие межведомственного и международного взаимодействия, что обусловлено трансграничным характером подобных преступлений и необходимостью оперативного обмена информацией между компетентными органами различных государств. Эффективность такого взаимодействия напрямую влияет на возможность своевременного выявления, документирования и пресечения преступной деятельности, осуществляемой в рамках SaaS-моделей.

Исходя из анализа особенностей функционирования киберпреступности как сервиса и практики противодействия ей правоохранительными органами, можно сделать вывод о том, что Crime-as-a-Service представляет собой устойчивую и адаптивную криминальную модель, создающую угрозы информационной безопасности Республики Беларусь и требующую комплексного и системного противодействия.

Таким образом, эффективное противодействие киберпреступности как сервису возможно лишь при комплексном проведении оперативно-розыскных мероприятий, применении методов цифровой криминалистики и аналитических инструментов, а также при условии постоянного повышения квалификации сотрудников и развития материально-технической базы подразделений по противодействию киберпреступности МВД.

УДК 338.2 + 342

А.В. Дешук

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Налогообложение выступает фундаментальным условием существования и устойчивого экономического развития любого государства. В этой связи обеспечение полноты и своевременности налоговых поступлений, формирующих доходную часть бюджета, представляет собой одну из ключевых государственных задач.

В Республике Беларусь конституционная обязанность по уплате налогов (ст. 56 Конституции Республики Беларусь) и их легальное определение (ст. 6 Налогового кодекса Республики Беларусь) подчеркивают публично-правовой и безусловный характер данного требования. Неисполнение этой обязанности рассматривается как посягательство на финансовые интересы государства и права иных лиц.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о высокой латентности и структурной сложности налоговых преступлений. Их общественная опасность обусловлена не только прямым сокращением бюджетных доходов, но и использованием изъятых из-под налогообложения средств для личного обогащения, функционирования теневой экономики и финансирования дальнейшей преступной деятельности, в том числе посредством легализации преступных доходов.

Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений отличается спецификой предмета посягательства, установление которого требует специальных познаний в области бухгалтерского учета и налогового законодательства. Непосредственный предмет преступного посягательства обуславливает способ совершения таких преступлений. Для способа совершения указанных деяний характерна трехэтапная структура, включающая в себя подготовку, непосредственное исполнение и сокрытие следов.

Институт уголовной ответственности предусматривает дифференцированную систему уголовно-правовых норм, устанавливающих наказание за налоговые преступления: уклонение от уплаты налогов, сборов (ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)), уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов (ст. 243¹ УК), налоговое мошенничество (ст. 243² УК), уклонение от уплаты страховых взносов (ст. 243³ УК). Параллельно действует институт административной ответственности, создавая комплексный правовой механизм противодействия налоговым правонарушениям.

Способы, применяемые для избежания уплаты налогов или снижения их размеров, достаточно разнообразны и многочисленны. Сложившаяся практика деятельности правоохранительных органов позволяет выделить наиболее распространенные, законодательно закрепленные способы уклонения от уплаты налогов, сборов: сокрытие либо занижение налоговой базы, уклонение от представления налоговой декларации или внесение в нее заведомо ложных сведений.

Соккрытие налоговой базы характеризуется тем, что прибыль или другой объект налогообложения (валовая выручка, доход) у плательщиков налогов и сборов фактически имеется, но она не декларируется, не отражается в документах, связанных с начислением и уплатой налогов (сборов). Сущность данного способа заключается в полном неотражении экономических выгод (прибыли, дохода, выручки) в официальном документообороте, представляемом налоговым органам. Типичными проявлениями являются: ведение расчетов с контрагентами без документального оформления, неприменение контрольно-кассовых аппаратов в розничной торговле, неоприходование материальных ценностей, целенаправленное непредставление финансовой отчетности.

Занижение налоговой базы означает частичное уклонение от уплаты налогов, сборов и выражается в неотражении в представленных в налоговый орган отчетных документах полного объема объектов налогообложения, умышленное неправильное исчисление тех сумм, которые подлежат уплате в бюджет государства. Названный способ характеризуется внесением в учетные и отчетные документы заведомо искаженных (уменьшенных) сведений о количественных или стоимостных параметрах объекта обложения. В отличие от сокрытия здесь объект налогообложения признается, но его размеры умышленно искажаются. Такие действия, как правило, выражаются в уменьшении реального количества или действительной стоимости объектов недвижимости, автотранспорта и другого имущества, занижении объема полученного дохода, стоимости

реализованной продукции; завышении относимых на себестоимость продукции затрат для уменьшения налогооблагаемой прибыли, завышении стоимости приобретенного сырья, топлива, услуг, относимых на издержки производства и обращения, отнесении на издержки производства затрат, не предусмотренных законодательством, или расходов в размерах, превышающих действительные или не имевших место в реальности; занижении объема (стоимости) реализованной продукции, заключении фиктивных договоров о совместной деятельности, занижении в официальных учетных и платежных документах по договоренности сторон стоимости выполненных работ с проведением реальных расчетов наличными деньгами без отражения в учетных документах; подлоге документов с целью получения налоговых льгот или иных преференций (заключение фиктивных экспортных сделок для получения налоговых льгот, предусмотренных для экспортеров), ложном экспорте, фиктивной сдаче в аренду основных средств организации; невключении в облагаемый оборот сумм, взыскиваемых в порядке компенсации дополнительных затрат и прочих расходов организациями.

Уклонение от представления налоговой декларации состоит в умышленном непредставлении в налоговые органы в установленный срок декларации о доходах и имуществе организаций и физических лиц и, как правило, одновременно является сокрытием объектов налогообложения. В большинстве случаев это связано с непредставлением гражданином налоговой декларации, когда ее подача является обязательной. Однако указанный способ является менее распространенным, равно как и внесение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений.

Особую социально-экономическую проблему представляет практика выплаты заработной платы «в конвертах», криминализованная ст. 243¹ УК. Данное явление имеет системные негативные последствия: для работника – лишение социальных гарантий (пенсионных прав, оплаты больничных и т. д.) и отсутствие правовой защищенности, для государства – формирование прямых бюджетных потерь (подходный налог, страховые взносы) и деформация пенсионной системы, для экономики – создание недобросовестной конкуренции и расширение теневого сектора. Для финансирования «конвертных» выплат субъекты хозяйствования часто прибегают к сопутствующим противоправным действиям, таким как заключение фиктивных договоров на оказание услуг, обналичивание денежных средств или сокрытие реальной выручки, что влечет дополнительные правовые риски.

Таким образом, в Республике Беларусь создана действенная система противодействия налоговым правонарушениям, которая основана на национальном законодательстве с соблюдением норм международного права. Законодательная база предусматривает различные меры ответственности за указанные правонарушения, однако их эффективность зависит от слаженной работы правоохранительных органов, совершенствования контрольных механизмов и активного участия общества. Дальнейшее совершенствование уголовно-правового противодействия должно быть направлено на оптимизацию процессуальных механизмов выявления сложных схем уклонения, повышение эффективности межведомственного взаимодействия и усиление профилактической составляющей, основанной на анализе налоговых рисков и повышении прозрачности финансовых потоков в экономической сфере.

УДК 355.351.4

В.В. Каминский

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В условиях обострения традиционных и появления новых вызовов и угроз безопасности личности, обществу и государству, выражающихся в том числе в вооруженном конфликте, протекающем вблизи Государственной границы Республики Беларусь, весьма важным является использование перспективных технологий в оперативно-розыскной деятельности органов пограничной службы, в деятельности их сотрудников, призванных обеспечивать пограничную безопасность. Кроме того, потребность в использовании новейших технологий в оперативно-розыскной деятельности органов пограничной службы напрямую связана с активизацией в пограничной сфере традиционных и появлением ряда новых носителей угроз.

Оперативно-розыскная деятельность как часть служебной деятельности органов пограничной службы является чрезвычайно важным элементом в системе обеспечения безопасности Республики Беларусь. Особую актуальность вопрос борьбы с преступностью приобретает в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки, сложившейся между Республикой Беларусь и некоторыми соседними государствами, общего изменения структуры внешнеэкономической деятельности по причине беспрецедентного санкционного давления, переориентации финансовых, товарно-материальных и наркотопотоков. Лица, причастные к противоправной деятельности, разрабатывают новые схемы по серому импорту и сопутствующему выводу капиталов, ввозу в республику оружия, взрывчатых веществ и наркотических средств. Использование современных специализированных информационных средств выступает эффективным инструментом совершенствования оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью. Однако задачи обеспечения пограничной безопасности в условиях роста традиционных и инновационных опасностей обуславливают необходимость использования новейших технологий в деятельности органов пограничной службы и их сотрудников.

Как показывает практика, невозможно понять глубинные мотивы преступного поведения противоправных субъектов без знания психологических особенностей личности, типологических и эмоциональных механизмов и мотивов тех или иных их действий. Имеющийся дефицит психологических знаний часто не позволяет оперативным сотрудникам качественно осуществлять служебную деятельность. Вот почему одним из перспективных направлений психологического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов пограничной службы является использование технологий профайлинга. Профайлинг

применяется для составления психологического профиля лица, причастного к противоправной деятельности, верификации его показаний, а также поиска и идентификации лиц, представляющих угрозу, путем анализа их невербальных признаков, мимики, речи и поведения. Профайлинг в оперативно-розыскной деятельности – это система психологических методов для создания портрета подозреваемого субъекта, причастного к преступной и иной деятельности, прогнозирования его дальнейших действий. Кроме того, он выступает в качестве дополнительного инструмента оперативных сотрудников в ведении комплексного оперативного поиска.

Одним из основных направлений применения профайлинга в оперативно-розыскной деятельности органов пограничной службы может быть выявление потенциально опасных лиц на ранних этапах путем наблюдения и анализа их поведения. Речь идет об оперативной визуальной психодиагностике. С помощью методов профайлинга анализируется невербальное поведение разрабатываемого субъекта, подвергается расшифровке его язык тела: мимика, жесты, эмоции, стиль поведения, интонация.

Если речь идет о поиске неустановленных лиц, причастных к противоправной деятельности на Государственной границе, осуществляется профилирование характера преступной деятельности, лиц, в нее вовлеченных, установление вероятного места жительства, работы и образа жизни, а также определение психологического типа противоправного контингента. Чтобы составить психологический портрет субъекта и предсказать его дальнейшие действия, используются также данные социальных сетей, анализируется его активность в Интернете, содержание его переписки, его поисковые запросы, а также другие особенности онлайн-коммуникации.

На основании полученных в результате проведенной работы данных оперативный сотрудник органов пограничной службы составляет детальный психологический профиль (портрет) лица, представляющего оперативный интерес. Важно отметить, что при этом необходимо учитывать результаты исследований в области сходных поведенческих моделей субъектов, совершавших аналогичные противоправные деяния. Указанный психологический профиль субъекта включает в себя его психотип, особенности характера и интеллекта, эмоциональность, мотивационные устремления, самооценку, самоконтроль и коммуникационные навыки.

Следовательно, психологический профиль субъекта представляет собой комплексную картину личности, определяющую стиль ее поведения, мышления и взаимодействия с другими людьми. На основе анализа наиболее информативных частных признаков, характеристики внешности, невербального и вербального поведения технология профайлинга предоставляет оперативным сотрудникам органов пограничной службы важный инструмент для понимания психологии противоправного контингента и принятия обоснованных тактических решений.

Таким образом, внедрение перспективных технологий в оперативно-розыскную деятельность органов пограничной службы будет способствовать более эффективному выполнению задач по выявлению, пресечению и предупреждению правонарушений и преступлений, комплексному обеспечению пограничной безопасности Республики Беларусь.

УДК 343.721

Б.В. Ковалик

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТЕРМИНАЦИИ ГОЛОСОВОГО ТРАФИКА

Нелегальная терминация голосового трафика представляет угрозу экономической и информационной безопасности государства. Под этим термином понимается осуществление абонентом и (или) лицом, фактически использующим абонентский номер, деятельности по пропуску и (или) терминации трафика с нарушением установленного в Республике Беларусь порядка, в том числе с применением незарегистрированных программно-технических средств, используемых для пропуски и терминации телефонного трафика, включая трафик IP-телефонии. Указанная деятельность наносит ущерб телекоммуникационной отрасли и создает благоприятные условия для совершения дистанционных хищений, в первую очередь – мошенничества.

Данная проблема носит транснациональный характер. Европол указывает на широкое распространение подмены идентификатора вызывающего абонента (caller ID spoofing). Отмечается формирование устойчивых трансграничных моделей Spoofing-as-a-Service, являющихся ответвлением направления Crime-as-a-Service (с англ. – преступление как услуга), при которых технические решения для подмены абонентских номеров предоставляются на возмездной основе. По оценкам ведомства, ежегодный совокупный ущерб от подобных схем приближается к 1 млрд евро.

На практике спуфинг представляет собой преобразование международного либо межсетевого голосового трафика, поступающего через сеть Интернет, в локальные GSM-сети с использованием программно-технических средств, включая GSM-шлюзы (SIM-боксы) и специализированное программное обеспечение. В результате принимающий абонент на экране оконечного устройства видит номер национального оператора связи либо скрытый номер, что исключает корректную идентификацию источника вызова. Данная особенность активно используется организованными преступными группами для осуществления массовых мошеннических обзвонов с использованием белорусских абонентских номеров. Для обеспечения оборота SIM-карт и установки оборудования задействуются посредники, находящиеся на территории Республики Беларусь.

Следует отметить, что использование описанных технических средств как таковое не является незаконным. Программно-аппаратные комплексы и иные средства IP-телефонии легитимно применяются в корпоративных сетях связи, call-центрах и иных сегментах телекоммуникации. Проблемный характер их использования проявляется в тех случаях, когда указанные средства применяются для обеспечения преступной инфраструктуры. Отдельные вопросы порядка пропуска трафика на сетях электросвязи урегулированы Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2016 г. № 98 «О совершенствовании порядка передачи сообщений электросвязи», а также Положением о системе противодействия нарушениям порядка пропуска

трафика на сетях электросвязи, утвержденным приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 12 июля 2016 г. № 55. Названными нормативными правовыми актами закреплены требования к маршрутизации трафика, регистрации средств IP-телефонии, а также полномочия операторов электросвязи по выявлению и пресечению нарушений. При этом сам факт незаконного использования GSM-шлюза либо иных средств IP-телефонии при недоказанности причастности лица, в ведении которого они находятся, к мошеннической деятельности не образует состава преступления.

Технической мерой противодействия нелегальной терминции трафика как в Республике Беларусь, так и за рубежом является развертывание и использование аналитических систем выявления случаев фрода (англ. fraud – мошенничество). Эти системы интегрируются с системами взаиморасчетов, управления сетью и другими системами оператора электросвязи и позволяют обнаружить факты неправомерных действий.

В случаях установления такого оборудования, функционирующего при отсутствии регистрации, преимущественно применяются меры технического и гражданско-правового характера, включая блокировку абонентских номеров, приостановление оказания услуг электросвязи и взыскание убытков операторами связи. Не исключается возможность привлечения лица, эксплуатировавшего указанное оборудование, к ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь), который понесли организации, оказывающие услуги электросвязи. Однако реализация данной нормы на практике бывает затруднена сложностью оценки размера причиненного ущерба, который должен соответствовать критериям значительного либо крупного.

Полагаем, что в ряде случаев действия лиц, осуществляющих подключение и эксплуатацию программно-технических средств IP-телефонии без соблюдения установленного порядка, могут содержать признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 23.3 «Самовольное использование сетей электросвязи» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Применение названной нормы позволяет обеспечить реагирование на сам факт самовольного подключения и использования данного оборудования вне зависимости от размера причиненного вреда либо установления причастности фигуранта к мошеннической деятельности. Вместе с тем необходимо учитывать, что несмотря на ключевую роль органов внутренних дел, а именно главного управления по противодействию киберпреступности Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в сфере противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, действующий Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях не наделяет органы внутренних дел полномочиями по составлению протоколов и рассмотрению дел об административных правонарушениях по вышеуказанной статье.

Подводя итог, следует отметить, что нелегальная терминция голосового трафика является одним из факторов, способствующих совершению дистанционных хищений, а также причиняет ущерб организациям, предоставляющим услуги электросвязи. Действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает как технические, так и правовые меры реагирования на подобные нарушения, однако их уголовно-правовая оценка нередко затруднена сложностью документирования и оценки ущерба. В этой связи практика привлечения граждан к административной ответственности за использование оборудования для терминции голосового трафика с нарушением установленного порядка может рассматриваться как мера, способствующая снижению вовлечения граждан в данную деятельность. В целях оперативности и эффективности реагирования на выявляемые факты нелегальной терминции трафика представляется целесообразным рассмотреть вопрос о наделении органов внутренних дел полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 23.3 КоАП.

УДК 393.985

В.В. Кравец

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В РАМКАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Современное информационное пространство характеризуется высокой динамичностью, технологическим ускорением и усложнением причинно-следственных связей, что повышает вероятность целенаправленных деструктивных воздействий на массовое сознание и общественно-политические процессы. В этих условиях оперативно-розыскное противодействие преступлениям экстремистской направленности все в большей степени зависит от качества информационно-аналитического обеспечения, включая не только фиксацию текущей обстановки, но и ее научно обоснованное прогнозирование. Дополнительную остроту проблеме придают распространение дезинформации и технологически опосредованных форм манипулирования (вплоть до «синтетического» контента), способных быстро менять структуру рисков, и темпы радикализации отдельных групп.

Для сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскное противодействие преступлениям экстремистской направленности, принципиально важно, что прогнозирование состояния информационного пространства выступает не абстрактной процедурой, а прикладным инструментом выработки организационно-тактических решений: постановки приоритетов, определения направлений оперативного поиска, распределения сил и средств, а также планирования профилактических и оперативно-розыскных мероприятий. Традиционное линейное прогнозирование, которое в основном строится на переносе тенденций прошлого и настоящего в будущее, часто оказывается недостаточным. Причина в том, что современное информа-

ционное пространство – открытая и быстро меняющаяся система, в рамках которой факторы тесно взаимосвязаны, а часть информационных воздействий заранее организуется и координируется. Вследствие этого прогнозирование состояния информационного пространства в рамках оперативно-розыскного противодействия преступлениям экстремистской направленности целесообразно выстраивать как сценарное: рассматривать несколько вариантов развития оперативной обстановки, заранее выделять возможные поворотные моменты и признаки координации, а также использовать междисциплинарные подходы для понимания поведения и мотивации целевых групп.

Чтобы перейти от общих рассуждений к практическому прогнозу, состояние информационного пространства нужно описывать через конкретные показатели. Такие показатели должны, во-первых, реально отражать происходящие информационные процессы; во-вторых, поддаваться регулярному наблюдению и измерению; в-третьих, быть полезными для решения задач ОРД по предупреждению, выявлению и пресечению экстремистских проявлений.

В качестве базовых групп показателей можно использовать интенсивность и скорость распространения значимых сообщений (как часто появляются, насколько широко расходятся, как быстро набирают охват), тематико-смысловые характеристики (какие темы и нарративы преобладают, какие ключевые тезисы продвигаются, как задается интерпретация, какая эмоциональная тональность), сетевую картину распространения (кто генерирует и кто усиливает сообщения, какие есть «узлы» и группы, как связаны сообщества, насколько устойчивы каналы), признаки поляризации и доверия (рост конфликтности, подрыв доверия к официальным (авторитетным) источникам, усиление противопоставления «мы – они»), признаки координации (одновременность публикаций, повторяемость форматов и формулировок, согласованность тезисов, одинаковые модели распространения).

Перечень таких показателей не является окончательным: он уточняется под конкретную оперативную обстановку, доступные источники и поставленные задачи. При этом принципиально важно фиксировать не только что именно говорится, но и как это распространяется и какой эффект вызывает, поскольку именно это позволяет перейти от описания информационного фона к прогнозу вероятных изменений оперативной обстановки.

Ключевая задача на последующем этапе состоит в том, чтобы на основе уже выделенных показателей перейти от описания текущего состояния информационного пространства к прогнозу развития оперативной обстановки в интересах сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД). Поскольку информационное пространство по своей природе является открытым и быстро меняющимся, а его динамика нередко носит нелинейный характер, целесообразно опираться на сценарный подход: заранее формировать несколько логически непротиворечивых вариантов развития оперативной обстановки и задавать условия, при которых ситуация переходит из одного сценария в другой. В прикладном плане сценарий удобно представлять как последовательность «исходное состояние – ожидаемая динамика показателей – вероятные последствия – рекомендуемые меры реагирования», что позволяет использовать прогноз как рабочий инструмент планирования, а не как общее рассуждение о рисках.

На практике прогноз можно выстроить как понятную последовательность действий: сначала собираются исходные сведения и проверяется их качество (насколько они полные и сопоставимые), затем по выбранным показателям описывается текущая ситуация, после чего выявляются устойчивые тенденции и отклонения (например: резкие всплески активности, смена тональности, изменения в распространении по сетям, подозрительная синхронность публикаций). Далее выделяются и отдельно анализируются основные факторы, которые влияют на оперативную обстановку (кто действует, через какие каналы, какими ресурсами располагает, какие мотивы и уязвимости у целевых групп, какие внешние события могут выступить спусковым крючком). На этой основе формируются несколько возможных сценариев развития оперативной обстановки и заранее определяются признаки критических моментов, т. е. такие изменения в динамике, которые показывают, что ситуация может перейти в более неблагоприятный вариант. При этом каждый сценарий должен опираться на конкретные, проверяемые показатели и их сигнальные значения, иначе прогноз будет слишком общим и его нельзя будет использовать для практического планирования.

Критические моменты целесообразно фиксировать по понятным, наблюдаемым признакам: когда разрозненные сообщения начинают распространяться согласованно, одни и те же тезисы повторяются сразу в нескольких каналах, появляются новые точки ретрансляции, сеть распространения становится плотнее, а вовлеченность растет одновременно с усилением поляризации. При этом признаки координации сами по себе еще не доказывают противоправные действия, но дают основание уточнить сценарий развития оперативной обстановки и повысить уровень внимания при ее оценке. В связи с этим итог прогноза нужно оформлять максимально приближенно к практике: указывать срок прогноза и степень неопределенности, перечислять ключевые показатели и их сигнальные значения, описывать основной и альтернативные сценарии, а также давать рекомендации для практики ОРД (в том числе по целесообразности проведения тех или иных оперативно-розыскных и других мероприятий при наступлении триггеров).

В заключение подчеркнем, что прогнозирование состояния информационного пространства в рамках оперативно-розыскного противодействия преступлениям экстремистской направленности следует рассматривать как значимый прикладной компонент информационно-аналитической работы, обеспечивающий заблаговременное выявление вероятных изменений оперативной обстановки и повышение обоснованности принимаемых организационно-тактических решений, включая определение целесообразности проведения тех или иных оперативно-розыскных и других мероприятий. В условиях высокой динамики информационных процессов и целенаправленных деструктивных воздействий наибольшую практическую состоятельность демонстрирует сценарный подход, предполагающий разработку альтернативных вариантов развития ситуации и предварительное установление условий (триггеров), при наступлении которых требуется корректировка оценки оперативной обстановки и тактики оперативно-служебной деятельности.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Существующая проблематика функционального развития системы правоохранительных органов Республики Беларусь, по нашему мнению, главным образом связана с многоальтернативным и многогранным характером практической деятельности служб правопорядка, а также недостаточной разработанностью нормативной правовой базы по данному направлению. На современный механизм обеспечения экономической защищенности государства в значительной степени влияют два обстоятельства: текущее состояние системы правоохранительных органов страны, которое не в полной мере отвечает современным вызовам и требует реформирования, а также трансформация криминальных трендов от внутренней направленности угроз преимущественно к внешним векторам угроз.

Внедрение в экономическую модель хозяйствования Республики Беларусь элементов рыночной направленности привело к тому, что в большинстве сфер жизнедеятельности населения и функционирования хозяйствующих субъектов произошли серьезные изменения. Данное обстоятельство, в свою очередь, повлекло за собой смещение акцентов в функциональном назначении правоохранительных ведомств: от преимущественного внимания к хищениям государственной собственности к обеспечению экономической безопасности государства и хозяйствующих субъектов, в том числе и защите от внешнеэкономических угроз.

Эффективное обеспечение состояния защищенности экономических процессов на государственном уровне определяет благополучие граждан страны, экономических и социальных институтов и, конечно, государства. В связи с этим тезис о тесной взаимосвязи достойного уровня обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь и необходимости трансформации деятельности правоохранительных ведомств абсолютно справедливо может быть выдвинут в качестве одной из важнейших задач реализации Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Следует также отметить, что одной из основных целей совершенствования системы обеспечения экономической безопасности государства является не только повышение эффективности реализации правоохранительных полномочий соответствующих органов, но и трансформация системы в целях адекватного реагирования на новые криминальные угрозы в сфере экономики. В настоящее время, по мнению отдельных экспертов, усилия правоохранительных органов Республики Беларусь направлены в большей степени на противодействие преступности экономической направленности, однако проведению комплексных мероприятий по профилактике (предупреждению) экономической преступности уделяется недостаточно внимания.

Сегодня проблема обеспечения экономической безопасности предприятий является одной из самых актуальных и в то же время одной из наиболее приоритетных задач белорусского государства, так как безопасность национальной экономики зависит от успешности функционирования предприятий. Если ситуация на стратегически важных предприятиях ухудшается, то это говорит о том, что государственной экономике будут поступать внешние угрозы, которые повлекут за собой негативные последствия. Основными составляющими системы управления рисками являются: цель и стратегия управления организацией; технология управления рисками; постановка целей; выявление, анализ, оценка и контроль рисков; информационная база; инструкции, положения, аудит, задачи, функции; организация управления. Грамотное сочетание этих элементов представляет собой инструмент, который способен быстро реагировать на изменения экономической ситуации, а также адаптироваться к политической, социальной и иным обстановкам.

Сегодня, проанализировав деятельность предприятий Республики Беларусь, можно отметить, что большая их часть испытывает риски, связанные со сбоем целостности промышленного процесса в связи с нарушением поставок сырья из-за введения экономических санкций и нестабильного курса валют. Если рассматривать экономическую безопасность Республики Беларусь в целом, используют следующие индикаторы риска: производственные (динамика производства, уровень загрузки мощностей), финансовые (объем инвестиций, уровень инноваций), социальные (уровень оплаты труда).

Таким образом, грамотное совершенствование механизмов системы управления рисками, использование новейших финансовых инструментов приводят к максимизации прибыли и помогают предприятию адаптироваться к изменяющимся внутренним и внешним условиям экономики. Это положительно влияет на национальную экономическую безопасность Республики Беларусь в целом, способствует достижению поставленных государственных целей и обеспечивает экономический рост.

ОСНОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Особенностью оперативно-розыскной информации, отражающейся на специфике работы субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), является то, что при получении она не всегда может касаться конкретного уголовно наказуемого деяния. Только ее проверка, включающая в себя проведение в первую очередь оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и иных мероприятий, анализ полученных результатов, использование автоматизированных информационно-поисковых систем и т. п., позволяет установить противоправный характер соответствующих деяний.

Вышеизложенное находит свое отражение в работах ученых, занимающихся вопросами ОРД. Так, по мнению О.А. Вагина, именно наличие в деянии лица признаков преступления является достаточным и единственно законным поводом для проведения ОРМ, что согласуется с принципами законности и обеспечения защиты жизни, здоровья, прав и законных интересов личности, общества и государства. В этой связи ОРД, в первую очередь посредством ОРМ, выступает государственно-правовым средством их обеспечения и реализации.

В ОРД основания проведения ОРМ являются одним из основных предметов правового регулирования. Во всех законах Республики Беларусь об ОРД (1992, 1999 и 2015 гг.) этому вопросу посвящены специальные нормы. Их анализ показывает, что перечень оснований проведения ОРМ на протяжении более двух десятков лет закономерно трансформировался. Если в первом законе об ОРД он состоял из пяти пунктов, то в действующем их на порядок больше – 13. Отдельные из них (наличие возбужденного уголовного дела) со временем утратили актуальность. В то же время сегодня основаниями проведения ОРМ являются сведения о погибшем (умершем) гражданине, персональные данные которого необходимо установить, о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности страны и некоторые другие.

Одной из особенностей законодательства в сфере ОРД является то, что в нем впервые в качестве оснований проведения ОРМ стали рассматриваться указания органа уголовного преследования по рассматриваемому заявлению или сообщению о преступлении, а также необходимость сбора сведений для принятия решений о допуске граждан к государственным секретам, отдельным видам работ, в первую очередь связанным с эксплуатацией объектов, представляющих опасность для жизни и здоровья граждан и окружающей среды, к участию в ОРД, содействию оперативным подразделениям на конфиденциальной основе. Эти основания базируются на первичности оперативно-розыскной информации. Благодаря ее анализу выдвигаются версии по выявлению замышляемых, подготавливаемых и совершаемых преступлений, устанавливаются иные обстоятельства, имеющие значение для решения задач ОРД. Часто она носит вполне конкретный характер, несмотря на то, что поступила из неопределенного источника.

Достаточно широкий (по сравнению с предыдущими законами об ОРД) перечень оснований проведения ОРМ имеет свои преимущества, предоставляет оперативным подразделениям дополнительные возможности при решении задач по предупреждению, выявлению, раскрытию преступлений, розыску лиц различных категорий, делает законодательство более гибким, ориентированным на современные тенденции преступности. Помимо этого, учитываются специфические особенности работы субъектов, наделенных правом осуществления ОРД, с предоставлением им возможности обосновывать свои действия при решении поставленных задач, опираясь на более широкий перечень оснований. Такое разнообразие оснований проведения ОРМ позволяет максимально оперативно реагировать на современные вызовы и угрозы в сфере правопорядка, обеспечивать защиту прав и интересов личности, общества и государства от преступных и иных посягательств, реализовывать прогностическую функцию уголовного закона.

Анализ законодательства об ОРД позволил объединить основания проведения ОРМ в два блока:

информация, полученная оперативными подразделениями в ходе повседневной служебной деятельности, в том числе инициативно (внутренняя), – сведения о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности; о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о лице, его подготавливающем, совершающем, совершившем либо осведомленном о нем; о безвестно исчезнувшем лице; гражданине, который погиб (умер) и персональные данные которого необходимо установить, и др.;

информация, поступившая от иных субъектов (внешняя), – постановления, запросы, поручения и др. К ним относятся документы об объявлении розыска обвиняемого, проведении ОРМ по инициативе международных организаций, правоохранительных органов или специальных служб иностранных государств и др.

В первом случае отправной точкой для проведения ОРМ являются сведения противоправного характера, получаемые субъектами, наделенными правом осуществления ОРД, с использованием специальных сил, средств и методов. Причем законодателем не предъявляются особые требования к их источникам. В данном случае фактически речь идет о все той же оперативно значимой информации, поступающей в орган, наделенный правом осуществления ОРД, как правило, от его же сотрудников (путем личного сбора информации), а также от лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе. В то же время это не любые сведения, а только те, которые имеют отношение к общественно опасному деянию и всему, что с ним связано: лица, причастные к преступлению, в том числе разыскиваемые, похищенное имущество, орудия преступления, места сбыта, хранения похищенного и т. п.

Особенностью указанной формы сотрудничества с гражданами является тайный, замаскированный характер взаимоотношений по передаче субъектам, осуществляющим ОРД, необходимых сведений. Привлечение таких лиц к сотрудничеству для решения задач в сфере борьбы с преступностью исторически обусловлено в первую очередь необходимостью добывания информации, которая не может быть получена иным путем. В этой связи последняя по умолчанию становится оперативной, требующей анализа, оценки и проверки. При этом в ней часто содержатся признаки конкретных преступлений, реагирование на которые – обязанность ОВД, в первую очередь в лице их оперативных подразделений.

Во втором случае основанием проведения ОРМ выступают соответствующим образом оформленные решения органа уголовного преследования, других субъектов, поступающие в оперативные подразделения в виде документов. Из постановлений, запросов, поручений и т. п. субъектам, наделенным правом осуществления ОРД, становится известно о противоправном характере действий тех или иных лиц. В этом случае они уже не проверяют указанную в них информацию, а исполняют предписания. При этом способ действия определяется субъектом, наделенным правом осуществления ОРД, самостоятельно, исходя из складывающейся ситуации. Ответственность за достоверность предоставляемых сведений возлагается на лицо, вынесшее (подписавшее) такой документ.

Таким образом, эволюция оснований проведения ОРМ неотъемлемо шла в русле законодательного регулирования вопросов ОРД. Каждый из законов об ОРД содержал нормы, касающиеся оснований проведения ОРМ. Их перечень изменялся с учетом корректирования законодательства, трансформации преступности и совершенствования деятельности правоохранительных органов по их выявлению, пресечению и раскрытию.

УДК 343.53:004.8

О.В. Маркова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОВЕРШЕНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Искусственный интеллект (ИИ) может использоваться не только как средство совершения легализации (отмывания) преступных доходов, но и как инструмент повышения эффективности превентивных мер в противодействии данному криминальному явлению.

В настоящее время международные специалисты в области противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов обозначают новые риски и угрозы, связанные с распространением и использованием технологий и инструментов ИИ. Повседневная жизнь человека может быть трансформирована ИИ в синтетические медиафайлы, как правило, видео- или аудиоизображения, так называемые дипфейки, которые убедительно воспроизводят внешность, голос и действия реальных людей. Дипфейки могут использоваться для выдачи себя за других лиц, манипулирования биометрической аутентификацией или идентификацией или поддержки схем социальной инженерии, тем самым усиливая эффективность существующих методов обхода протоколов безопасности, разработанных для защиты от рисков машинного обучения. Преступники могут использовать дипфейки для обхода мер по предотвращению легализации (отмывания) преступных доходов и обеспечению защиты персональных данных, в частности систем проверки благонадежности клиентов, включая цифровую идентификационную проверку. К уязвимостям и угрозам использования дипфейков в целях легализации (отмывания) преступных доходов можно отнести следующие:

уязвимости и угрозы биометрических систем, которые могут использоваться для верификации или идентификации личности, где широкое внедрение распознавания лиц и цифровой процесс удаленной проверки личности клиента с помощью видеосвязи (Video KYC (Know Your Customer)) создают возможности для манипулирования дипфейками;

уязвимости и угрозы в обеспечении целостности и защиты внутренних систем контроля, поскольку многие из них плохо справляются с обнаружением синтетического контента;

уязвимости и угрозы трансграничного характера, так как взаимосвязь глобальных финансовых систем усложняет цифровую идентификацию или принятие удаленной проверки личности, позволяя преступникам использовать слабые места в режимах противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов.

Киберпреступники используют технологии и инструменты ИИ для расширения своих возможностей, автоматизируя сложные методы атак и быстро выявляя уязвимости в компьютерных системах. Существуют возможности воспроизведения отпечатков пальцев рук и других биометрических данных, поведения браузера и учетных данных для взлома аккаунтов. Вредоносная программа Infostealer может копировать ключевые части цифровой личности жертвы, помогая злоумышленникам обходить двухфакторную аутентификацию и другие меры безопасности для поддержания несанкционированного доступа. Еще большей уязвимостью становятся возможности утечки биометрических данных, когда информация о легитимном пользователе становится доступной преступникам.

Подразделения финансовой разведки некоторых стран приводят примеры типовых схем использования технологий и инструментов ИИ для совершения легализации (отмывания) преступных доходов или предикатных преступлений. Так, зафиксированы случаи появления «гибридных» синтетических удостоверений личности, которые создаются посредством объединения элементов информации о лице, документы которого были украдены, и о преступнике, который использует эти документы. Такие удостоверения личности используются для открытия банковских счетов, обхода контроля в рамках процедуры проверки благонадежности клиентов, а также обхода систем распознавания лиц, что значительно увеличивает риски мошенничества, хищения персональных данных и других преступлений. Например, для совершения незаконных денежных переводов в особо крупных размерах на мошеннический счет преступники использовали технологию имитации видеоконференцсвязи многонациональной консалтинговой фирмы: применяя дипфейки, преступники выдавали себя за руководителей высшего звена. Приведем еще один характерный пример, когда при обнародовании сообщения о первичном публичном размещении акций мошеннической компании использовалась реалистичная видеотрансляция – дипфейк новостного репортажа с участием известных ведущих новостей, а также популярных в деловой и академической среде личностей. Средства, полученные в результате мошенничества, переводились на банковский счет, а затем направлялись в виртуальные активы с использованием нехостинговых кошельков, которые также использовали дипфейки для аутентификации своих виртуальных кошельков.

Потенциально серьезным риском в рассматриваемой области является появление полностью автоматизированных каналов легализации (отмывания) преступных доходов, управляемых агентами ИИ, с минимальным участием человека. Такими примерами являются:

использование генеративного ИИ для автоматизации и облегчения маскировки доходов от преступной деятельности и создания синтетической ИИ-документации. Преступники используют набор генеративных и агентных систем ИИ для создания убедительного документального «бумажного следа», который поддерживает сложную схему мошенничества и маскировки.

В указанном случае транзакции или экономическая деятельность выглядят реальными, хотя на самом деле это сложная система многоуровневого манипулирования;

создание серии агентов ИИ, которые автоматически выполняют набор задач, таких как совершение онлайн-покупок, внесение средств на счета, азартные онлайн-игры и другие действия, и развертывают ботов ИИ, планирующих и выполняющих микротранзакции, перемещая деньги через ряд счетов, когда риск минимален. Этого также можно достигнуть с помощью мошеннических синтетических или присвоенных идентификаторов в рамках сложной системы многоуровневого манипулирования и смурфинга;

использование агента, управляемого ИИ, в транснациональной схеме легализации (отмывания) преступных доходов с использованием подставных лиц. Автоматически происходит вербовка и управление подставными лицами (курьерами) и осуществляется большое количество микротранзакций на сотни счетов курьеров для отмывания крупных сумм. Преступники также обходят цифровые проверки личности с помощью созданных ИИ дипфейков при проведении проверок;

использование профессионального консультанта по ИИ для обхода санкций и превентивных мер, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов. Используется агентная система ИИ для исследования и внедрения стратегий в слабых юрисдикциях, собирания и синтеза общедоступных и юридических источников, ранжируя и предлагая лучшие пути легализации преступных средств (товаров, услуг), позволяющие избежать проверки и контроля, обойти целевые финансовые санкции в отношении субъектов, причастных к распространению оружия массового уничтожения и финансированию терроризма. Например, имеется возможность для создания поддельных счетов-фактур и включения фиктивных импортно-экспортных фирм с поддельными бизнес-документами в юрисдикциях с небольшим количеством мер по проверке клиентов. Может использоваться ИИ для разработки поддельных веб-сайтов и виртуальных поставщиков с поддельными каталогами продукции, отгрузочными документами, электронной перепиской между несуществующими участниками и т. д.

Все вышеперечисленное создает дополнительные препятствия для работы правоохранительных органов.

Подразделения финансовой разведки обращают внимание на ключевые индикаторы использования ИИ в схемах по совершению легализации (отмывания) преступных доходов: скоординированная деятельность, быстрые транзакции на вновь открытые счета и немедленное снятие средств после внесения депозитов; несоответствия между IP-адресами и профилями клиентов или использование одного и того же устройства разными сотрудниками и необычно большие объемы транзакций, независимо от того, исходят ли они от получателей с высоким риском или отражаются в повышенном количестве возвратов платежей и отклоненных платежей.

Передовые методы обнаружения вышеуказанных схем легализации (отмывания) преступных доходов с использованием технологий и инструментов ИИ могут включать в себя: адаптивное профилирование клиентов, расширенные проверки на подлинность с использованием аппаратных и других форм биометрической аутентификации в сочетании с более совершенной многофакторной аутентификацией; мониторинг транзакций в режиме реального времени с помощью машинного обучения и обнаружение аномалий; анализ и выявление скрытых сетей легализации (отмывания) преступных доходов; гибридные конвейеры проверки с участием человека; устойчивое к атакам машинное обучение с непрерывным тестированием на проникновение; тестирование поведения агентов на основе синтетических данных и др.

Таким образом, технологии и инструменты ИИ меняют ландшафт финансовых преступлений, внося беспрецедентные риски и создавая новые возможности для их обнаружения и предотвращения, бросая вызовы существующим системам противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов. Необходимость повышения бдительности и непрерывного внедрения инноваций в данной сфере позволит сохранить и защитить целостность глобальной финансовой системы.

УДК 343.985.2

В.Ю. Мезяк

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В процессе выявления экономических преступлений существенное значение имеют объекты отражения следов преступной деятельности. Учитывая выраженный латентный характер экономических преступлений, а также значительное разнообразие способов их совершения, исследование документов, отражающих хозяйственную деятельность организаций, выступает одним из ключевых направлений деятельности по установлению признаков состава преступления и получения иной значимой информации.

Изучение и анализ содержания документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организаций, могут осуществляться как лицами, обладающими специальными познаниями (специалистами, экспертами), так и непосредственно сотрудниками правоохранительных органов. Накопленный профессиональный опыт, а также знание образования закономерностей слеодообразования в экономической сфере позволяют оперативным работникам и следователям самостоятельно выявлять признаки противоправной деятельности, фиксировать их для принятия дальнейшего решения.

Развитие направления исследования документов, отражающих хозяйственную деятельность организаций, в отечественной криминалистике получило углубленное теоретическое и прикладное обоснование в трудах ряда ведущих ученых советского и постсоветского периода: С.П. Голубятникова, А.В. Дулова, С.С. Остроумова, В.Г. Танасевича, С.П. Фортинского, Г.А. Шумака, А.В. Яскевича и др.

Теоретический анализ специальной криминалистической литературы позволяет систематизировать основные способы совершения преступлений экономической направленности, непосредственно связанные с ведением бухгалтерского и

налогового учета, а также составлением отчетности. К ним относятся: создание и использование фиктивных (подставных) организаций для осуществления мнимых хозяйственных операций и бестоварных платежей с целью вывода средств, занижения налоговой базы или легализации доходов; эксплуатация пробелов, коллизий и неоднозначных положений нормативного правового регулирования бухгалтерского, налогового учета и отчетности для формально правомерного, но, по сути, противоправного снижения налоговых обязательств или искажения финансово-хозяйственного положения; интеллектуальный подлог, выражающийся во внесении заведомо ложных сведений в подлинные по форме документы (искажение объемов, стоимости, контрагентов, периодов операций, несуществующих фактов хозяйственной жизни); материальный подлог, предполагающий фальсификацию документов путем подчистки, дописки, травления, изготовления полностью поддельных бланков, печатей, подписей или внесения изменений в уже утвержденные документы. Указанные способы часто комбинируются в рамках многоэтапных преступных схем, при этом в том числе в первичной учетной документации, регистрах и отчетных формах наиболее полно отражаются следы преступной деятельности, обеспечивая установление объективной стороны состава преступления, размера ущерба, круга соучастников и иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

При проведении исследования документов, отражающих хозяйственную деятельность организаций, необходимо учитывать высокую степень латентности экономических преступлений, которая обеспечивается, в частности, активным использованием вуалирования под внешне правомерно оформленными первичными и учетными документами. В силу этого обстоятельства нарушения законодательства и финансовой дисциплины, а также признаки преступной деятельности нередко скрываются за формально правильным оформлением документов, создающим видимость законности хозяйственных операций. В связи с этим анализ содержания отраженной в документе информации должен быть ориентирован на установление степени ее соответствия требованиям действующего законодательства, внутренним регламентам и распоряжениям хозяйствующего субъекта, принципам достоверности, полноты и непрерывности отражения фактов хозяйственной жизни.

Результаты проведенных исследований и анализ специальной криминалистической литературы позволяют использовать систематизацию приемов документального экспертного контроля, предложенную С.А. Звягиным, который выделил четыре группы таких приемов, каждая из которых характеризуется спецификой объектов, методов и направленности применения в процессе выявления и фиксации признаков экономических преступлений.

Первая группа приемов документального экспертного контроля включает в себя следующие методы проверки: арифметическая, нормативная, проверка соответствия отраженных в документах хозяйственных операций установленным правилам (нормам законодательства, учетной политике, внутренним регламентам хозяйствующего субъекта), проверка подлинности документов и содержащихся в них реквизитов и записей, проверка соблюдения правил составления и оформления документов. Указанные приемы направлены преимущественно на выявление нарушений формального характера, скрытых злоупотреблений и признаков подлога в документах, в том числе следов материального подлога (подчистки, подклейки, травления, дописки, дорисовки реквизитов и т. п.).

Вторая группа приемов документального экспертного контроля включает в себя следующие методы: встречная проверка; проверка объективной возможности совершения отраженных операций; сопоставление документов, отражающих взаимосвязанные хозяйственные операции; сопоставление первичных и производных (сводных, регистровых) документов; сопоставление документов, фиксирующих хозяйственные операции, с документами, обосновывающими их правовую и экономическую основу (договорами, техническими заданиями, спецификациями, актами приемки-передачи, платежными поручениями и т. п.). Названные приемы направлены преимущественно на выявление логических и содержательных противоречий между документами различных субъектов хозяйственной деятельности, а также на установление несоответствий между формально зафиксированными фактами и реальными экономическими возможностями их реализации.

Третья группа приемов документального экспертного контроля включает в себя следующие методы: сопоставление групп документов, отражающих однотипные хозяйственные операции; сопоставление документов, фиксирующих данные о предстоящих и фактически выполненных работах (услугах); сопоставление исполнительных и распорядительных документов; восстановление суммового и количественного учета; аналитическая и логическая проверка документов. Указанные приемы ориентированы на выявление системных несоответствий и противоречий в массиве документов одного субъекта хозяйственной деятельности, а также на установление реального содержания и объема хозяйственных операций путем их аналитической реконструкции и логической оценки. Особое значение в рамках третьей группы приемов документального экспертного контроля имеет восстановление суммового и количественного учета, которое приобретает критическую актуальность при расследовании преступлений, связанных с хищениями, присвоением, растратой или мошенничеством, когда первичные учетные документы умышленно уничтожены, сокрыты или приведены в нечитаемое состояние.

Четвертая группа приемов документального экспертного контроля включает в себя следующие методы: хронологическая проверка документов; проверка документов, отражающих движение однородных товарно-материальных ценностей; контрольное сличение остатков; систематизация и группирование результатов документальных исследований; анализ акта ревизии производственной и финансово-хозяйственной деятельности как документа. Названные приемы завершают комплексный анализ документального массива и направлены на выявление системных нарушений, неучтенных (скрытых) товарно-материальных ценностей, а также на установление фактического состояния учета и отчетности в динамике. В криминалистическом аспекте четвертая группа приемов приобретает особое значение как завершающий этап документального экспертного контроля, позволяющий обнаружить признаки длительного и систематического совершения преступлений экономической направленности (хищений, присвоений, растрат, мошенничества, уклонения от уплаты налогов и др.), выявить неучтенные или излишне учтенные ценности, расхождения в остатках и обороте, которые не были обнаружены на предыдущих этапах анализа, систематизировать накопленные результаты проверок для формирования целостной картины преступной деятельности.

Несмотря на наличие достаточно разработанного и структурированного набора методов изучения и анализа документов, отражающих хозяйственную деятельность, в современной криминалистической науке и практике они остаются преимущественно разрозненными. Отсутствуют комплексные методики их системного, последовательного и взаимосвязанного применения, в том числе в сочетании с иными методами анализа (оперативно-розыскными, экономическими, бухгалтерскими, технико-криминалистическими и др.), что существенно ограничивает полноту, глубину и эффективность выявления признаков преступлений экономической направленности. В этой связи перспективным направлением представляется объединение имеющихся приемов в рамках единой методологии криминалистического анализа, разработанной А.В. Дуловым, которая позволит перейти от фрагментарного применения отдельных методов к созданию комплексной, многоуровневой системы, учитывающей закономерности следообразования в экономической сфере, специфику преступлений данного вида и требования уголовно-процессуального доказывания.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что исследование документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организаций, представляет собой действенный инструмент в арсенале криминалистической науки и практики для выявления и доказывания экономических преступлений. Несмотря на наличие достаточно изученных приемов исследования документов, их применение в современной практике нередко остается фрагментарным, в связи с чем одним из перспективных направлений развития криминалистики видится интеграция этих приемов в единую методологию в рамках разработанного А.В. Дуловым метода криминалистического анализа, которая позволит системно учитывать закономерности следообразования в экономической сфере и требования уголовно-процессуального доказывания. Дальнейшее углубленное изучение именно такого комплексного подхода представляется одним из приоритетных путей совершенствования теории и практики борьбы с экономической преступностью.

УДК 346.9

Н.В. Пантелеева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Концепцию промышленной безопасности Республики Беларусь определяет ряд нормативных правовых актов, отражающих роль и значимость обеспечения промышленной безопасности для укрепления национальной безопасности и, в частности, национальной экономической безопасности.

Непосредственно понятие промышленной безопасности содержит Закон Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 354-З «О промышленной безопасности» (далее – Закон о промышленной безопасности). В соответствии со ст. 1 Закона о промышленной безопасности промышленная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от возникновения аварий и инцидентов, обеспеченное комплексом организационных и технических мероприятий, установленных Законом о промышленной безопасности и иными актами законодательства. В этой связи, на наш взгляд, стратегическая значимость промышленной безопасности несколько выше обозначенной в данном определении, так как она направлена не только на защищенность интересов государства, но и на обеспечение государственного суверенитета.

Согласно п. 21 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция национальной безопасности), в нашей стране в полной мере обеспечивается продовольственная безопасность, промышленная безопасность непосредственно связана с динамичным развитием промышленности, высоким уровнем науки и техники, а также укреплением уровня энергетической безопасности.

Правовое обеспечение реализации Концепции национальной безопасности осуществляет ряд нормативных правовых актов, в частности п. 3 Директивы Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства» в качестве одного из приоритетных направлений закрепляет обеспечение кардинального изменения качества управления промышленным комплексом страны в целях поступательного приближения к европейскому уровню производительности труда. В этой связи приняты меры:

по постоянному структурному реформированию отраслей промышленности, что реализуется посредством создания холдингов, производственных и научно-производственных объединений. Например, по данным официального сайта Национальной академии наук Беларуси, в ее подчинении находятся 107 организаций различной организационно-правовой формы, что регламентировано постановлением Бюро Президиума Национальной академии наук Беларуси от 18 января 2017 г. № 17;

реализации механизмов стимулирования руководителей организаций для обеспечения сбалансированных показателей развития, нацеленных на приоритетность экспортных поставок, снижения запасов и затрат, повышения энергоэффективности производства и иное.

В промышленных организациях ведется системная работа по снижению всех видов затрат на производство продукции путем вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого или неэффективно используемого имущества, активизации инжиниринговой деятельности и использования консалтинговых услуг за счет привлечения независимых консалтинговых компаний для выявления резервов снижения затрат, пересмотра (замены) норм труда и расхода сырья и материалов, оптимизации производства, управления организацией, реализации продукции и стратегии развития и др.

Немаловажную роль здесь играет высокотехнологичность производства и инновационное развитие промышленности. Концепция национальной безопасности (п. 70) указывает, что одним из основных индикаторов (показателей) состояния национальной безопасности выступает удельный вес инновационно активных организаций в общем числе организаций обра-

батывающей промышленности. В этой связи Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2025 г. № 448 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы», направлена на укрепление технологического суверенитета, развитие отечественных технологий, импортозамещение и увеличение экспорта наукоемкой продукции к 2030 г. Одним из заказчиков данной программы является Министерство промышленности наряду с Министерством сельского хозяйства и продовольствия, Министерством транспорта и коммуникаций, Министерством энергетики, Государственным военно-промышленным комитетом, Белорусским государственным концерном по нефти и химии, Белорусским государственным концерном по производству и реализации товаров легкой промышленности, Белорусским производственно-торговым концерном лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности и иными акторами промышленной сферы экономики.

Несмотря на это, присутствует некоторая пробельность в правовом регулировании промышленной безопасности. Например, Закон о промышленной безопасности, указывая на процесс подготовки работников субъекта промышленной безопасности по вопросам промышленной безопасности, не содержит положения о том, что собой представляет сам субъект, а также объект промышленной безопасности. Далее Закон о промышленной безопасности закрепляет определение понятия «требования промышленной безопасности», т. е. условия, запреты, ограничения и другие обязательные для соблюдения требования, содержащиеся в Законе о промышленной безопасности, актах Президента Республики Беларусь, правилах по обеспечению промышленной безопасности, иных актах законодательства, международных договорах Республики Беларусь, технических регламентах Таможенного союза, а также в технических регламентах Евразийского экономического союза и иных актах, составляющих право Евразийского экономического союза, соблюдение которых обеспечивает промышленную безопасность, но не может опираться на положения национальной промышленной политики ввиду отсутствия нормативного правового источника, ее регламентирующего.

Тем не менее данное определение наглядно отображает комплексность методики обеспечения промышленной безопасности, основанной на публично-правовых началах правового регулирования экономики в целом, которая осложняется тем, что в национальном законодательстве отсутствуют нормативно закрепленные ключевые направления промышленной политики Республики Беларусь, как и само понятие указанного института. Из этого следует, что правовое обеспечение промышленной безопасности должно быть представлено в формате комплекса правовых средств, составляющих глобальный правовой механизм, выходящий за рамки национального масштаба. Вместе с тем Концепция промышленной безопасности Республики Беларусь является элементом промышленной политики, а соответственно, должна быть разработана Концепция национальной промышленной политики, закрепленная в отдельном нормативном правовом источнике.

УДК 343.9.01

В.И. Пикта

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕДНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММАХ

Актуальность формирования научных представлений о вредоносных компьютерных программах (ВКП) обусловлена ростом киберпреступности в эпоху цифровизации, где ВКП выступает не только предметом преступления по ст. 354 Уголовного кодекса Республики Беларусь, но и средством совершения мошенничества или хищения данных. Удаленный характер таких деяний, низкий порог входа для лиц с базовыми IT-навыками и открытый доступ к некоторым видам ВКП способствуют развитию транснациональной организованной преступности, включая вовлечение несовершеннолетних, что требует системного анализа эволюции научных идей для эффективного противодействия, поскольку быстрые технологические изменения усложняют правоприменение и расследование.

В отечественной науке формирование научных представлений о ВКП относится к концу 1980-х – началу 1990-х гг., когда рост использования компьютеров в обществе позволил выделить компьютерную преступность в самостоятельную категорию, требующую специализированного внимания. Ю.М. Батурин в 1991 г. в работе «Проблемы компьютерного права» отмечает, что в СССР незаконные действия с машинной информацией квалифицировались как имущественные правонарушения по Уголовному кодексу РСФСР 1960 г., поскольку отсутствовали нормы по высокотехнологичным преступлениям, что подчеркивало пробелы в законодательстве, мотивируя криминализацию, включая ВКП как инструмент манипуляции данными.

На этой основе Ю.М. Батурин и А.М. Жодзишский в 1990-е гг. обосновали необходимость выделения компьютерных преступлений в отдельное направление уголовного права, рассматривая ВКП фрагментарно в контексте общей компьютерной преступности, поскольку это позволяло адаптировать правовые нормы к новым угрозам.

Дальнейшая эволюция взглядов на ВКП в 1990-е гг. нашла отражение в криминалистическом анализе, в рамках которого В.Б. Вехов в монографии «Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия» проанализировал подмену данных через инструменты наподобие троянского коня и вирусов как ключевой метод несанкционированного доступа на этапах ввода-вывода информации, поскольку такой подход позволял связать технические механизмы с практикой расследования.

Указанный подход сформировал основу для признания компьютерной преступности самостоятельной категорией в уголовном праве, акцентируя внимание на недостатках нормативной правовой базы и функции ВКП как средства для изменения данных. Ключевым элементом здесь выступает обоснование необходимости введения уголовной ответственности за такие угрозы, а также установление связи между техническими методами и процессом расследования преступлений. Вместе с тем данный

подход носит разрозненный характер, ограничен уровнем технологий того периода (например, без рассмотрения распространения через сети) и не содержит общей системы классификации, что вызывает трудности в определении состава преступления.

В.Е. Козлов в монографии «Компьютерные преступления: криминалистическая характеристика и осмотр места происшествия» рассматривает компьютерные вирусы как средство совершения преступлений в общей характеристике, уделяя внимание их видам и фиксации следов, что необходимо для успешного раскрытия преступлений на фоне эволюции технологий.

В диссертационном исследовании Л.Н. Соловьева «Расследование преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ» ВКП определяется как программа с функциями неправомерного воздействия на технику и данные, приводящего к уничтожению или блокировке, с предложенной классификацией по способу создания, самораспространению и воздействию, включая вирусы и черви, что способствует дифференциации методик расследования, поскольку позволяет адаптировать подходы к типам угроз.

Мнения авторов этой группы (В.Е. Козлов, Л.Н. Соловьев) развивают криминалистический подход к изучению ВКП, уделяя основное внимание их видам и оставляемым следам. Это делает выводы более полезными для практической работы по расследованию преступлений. Предложенная Л.Н. Соловьевым классификация (по способу создания и характеру воздействия) помогает различать разные типы угроз и отражает переход от простых вирусов к программам, способным самостоятельно распространяться. Главный недостаток состоит в том, что указанные авторы не рассматривают случаи изменения легитимного программного обеспечения и сетевые механизмы распространения, из-за чего их выводы менее применимы в современную эпоху развитой сети Интернет.

А.Н. Лелехин в монографии «Расследование преступлений против информационной безопасности: теоретико-правовые и прикладные аспекты» выделяет способы незаконного оборота ВКП в контексте преступлений против информационной безопасности, предлагая типизацию следственных ситуаций и анализ личности преступника, что имеет значение для оперативно-розыскной и криминалистической практики, поскольку позволяет адаптировать организационные и тактические аспекты по противодействию ВКП.

К.Н. Евдокимов в диссертации «Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика» рассматривает эволюцию ВКП как базовый фактор генезиса компьютерной преступности, предлагая классификацию этапов их развития: от доисторического (1970-е – начало 1980-х гг.) до технотронного (начало 2000-х – настоящее время), что обоснованно подчеркивает их роль в трансформации компьютерной преступности в неконтролируемую (анекселентотичную) технотронную, поскольку отражает автономизацию ВКП с элементами искусственного интеллекта, усложнение их функционала и выход из-под контроля общества, мотивируя разработку новых мер защиты и научно-практических рекомендаций.

Данные подходы обладают значительными достоинствами, поскольку последовательно развивают понимание ВКП через акцент на практических аспектах их оборота, несанкционированности и скрытности действий, что позволяет четко отличать такие программы от легитимного программного обеспечения, улучшать методы оперативно-розыскной деятельности, а также учитывать личность преступника и реальные способы совершения указанного преступления. Они расширяют критерии вредоносности за счет включения противоправного предназначения, модификаций и двойного назначения, способствуя более полной квалификации деяний, а завершающая классификация этапов эволюции ВКП подчеркивает их роль в развитии компьютерной преступности и мотивирует создание новых мер противодействия.

Таким образом, анализ эволюции научных представлений о ВКП в отечественной литературе показывает последовательный переход от фрагментарного упоминания к более системным криминалистическим и уголовно-правовым подходам, включающим в себя первые классификации, описание оставляемых следов и типизацию следственных ситуаций. Однако предложенные классификации и характеристики ВКП в настоящее время в некоторой степени утратили актуальность, поскольку не отражают современных механизмов распространения, применения искусственного интеллекта, облачных технологий и мобильных платформ, что делает их недостаточными для адекватного противодействия нынешнему уровню киберугроз. Вместе с тем проведенный анализ показал, что в современной литературе практически отсутствуют комплексные оперативно-розыскные исследования в области противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ВКП, поскольку оперативно-розыскные аспекты рассматриваются авторами преимущественно фрагментарно и в рамках уголовно-правовых либо криминалистических исследований.

УДК 159:004:343.9.018

С.В. Пилюшин

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ В ТЕЛЕФОННЫХ СХЕМАХ МОШЕННИЧЕСТВА

Один из ранних задокументированных случаев финансового обмана зафиксирован в Древней Греции около 300 г. до н. э. Два торговца, Хегестрат и Ксенофем, застраховали свое судно на значительную сумму с целью получения компенсации, после чего намеренно затопили его. Хегестрат погиб, а Ксенофем предстал перед судом. Этот эпизод иллюстрирует базовые принципы мошенничества: использование внешних институтов (страхование) для создания иллюзии легитимности и манипуляцию доверием третьих лиц.

Несмотря на тысячелетнюю преемственность базовых механизмов эксплуатации доверия и конструирования ложной легитимности, развитие технологий коммуникации кардинально трансформировало масштабы и эффективность мошеннических практик, проявляющихся в различных организационных формах. Ярким примером является телефонное мошенничество, демонстрирующее высокоорганизованную форму социальной инженерии, эволюционировавшую от разрозненных индивидуальных случаев к системным структурам – call-центрам.

Первоначально такие центры ассоциировались с тюремными сообществами или независимыми преступными группами, однако в последние годы наблюдается тенденция к их масштабированию и, в том числе, геополитическому использованию в рамках гибридных конфликтов.

В Республике Беларусь проблема телефонных мошенничеств обострилась с 2020 г. Несмотря на принимаемые государством эффективные меры противодействия, мошенники продолжают демонстрировать высокую адаптивность. Как только конкретная схема становится публичной, оперативно разрабатываются новые вариации. Примером служит создание фальшивых веб-ресурсов с рекомендациями по защите от мошенничества, которые на практике функционируют как инструменты для сбора дополнительных конфиденциальных сведений о потенциальных жертвах.

Анализ сложившейся практики позволил установить, что для достижения корыстных целей мошенники применяют комплекс психологических техник, ориентированных на дезориентацию жертвы и принуждение к иррациональным действиям.

Создание срочности и внезапности. Звонок поступает в неожиданное время (утром, в дороге) с директивными инструкциями («Не кладите трубку», «Спешим Вас проинформировать», «Мы решаем вопрос сохранности Ваших денежных средств»), что активирует аффективные реакции, снижая когнитивный контроль.

Использование авторитетных масок. Представление от имени служб безопасности банков, правоохранительных органов или с использованием видеозвонков с имитацией официальной обстановки. Такой психологический прием рассчитан на людей, склонных доверять мнению или указаниям тех, кто воспринимается как эксперт, лидер или обладает высоким статусом, чтобы влиять на их решения и поведение без должной проверки фактов.

Ошарашивание негативной информацией. Уведомление о немедленной угрозе (списание средств, уголовное дело, подозрение в финансировании запрещенных организаций), что провоцирует эмоциональный шок, блокирующий рациональность действий.

Изоляция жертвы. Запрет на общение с родственниками или третьими лицами под предлогом конфиденциальности. Приводит к формированию изолированного «пузыря», где жертва подвергается подконтрольному непрерывному воздействию.

Наращивание опасности. Постепенное введение новых деталей, усугубляющих стресс, с лишением перерывов на сон или питание, индуцирует состояние измененного сознания, близкое к диссоциативному, с отключением критического мышления.

Принуждение к действиям. Жертвы не только отдают сбережения, но и берут кредиты, продают имущество или занимают средства под влиянием постоянно нарастающего давления.

Вышеперечисленные манипулятивные техники ориентированы на страх как доминирующий аффект, перед которым наиболее уязвимы индивиды, воспитанные в условиях эмоциональной нестабильности (алкоголизм родителей, хроническая тревога), провоцирующей развитие паттернов созависимого поведения: повышенную зависимость от внешних оценок, приоритет чужих мнений над собственными ощущениями и гиперответственность. В дальнейшем это проявляется в склонности принимать манипулятивные нарративы на веру, игнорируя внутренние сигналы тревоги. Злоумышленники эксплуатируют эти черты, вызывая состояние транса через комбинацию стресса, изоляции и информационной перегрузки.

Предотвратить подобного рода манипуляции можно, соблюдая определенные меры безопасности: любой незнакомый звонок рассматривать как потенциальную угрозу, избегать ответов на звонки (переписку) в мессенджерах от неизвестных лиц, ключевые триггеры («служба безопасности банка», «безопасные счета», упоминание кодов SMS) воспринимать как сигнал к немедленному прерыванию телефонного общения, сбрасывать звонок и самостоятельно проверять входящий номер через официальные ресурсы, сообщить родственникам или специалистам о происходящем разговоре, не переходить по непроверенным ссылкам и не устанавливать рекомендуемое незнакомыми лицами программное обеспечение.

Тем не менее эффективное противодействие данной угрозе требует реализации многоуровневой и междисциплинарной стратегии, заключающейся не только в систематическом повышении психологической и цифровой грамотности населения, но и в развитии механизмов международного сотрудничества по идентификации, блокировке и ликвидации инфраструктуры мошеннических call-центров, включая обмен оперативными сведениями, проведение совместных операций правоохранительными органами.

УДК 343.985.8

А.В. Родевич

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОТРАВЛЕНИЯМ ПСИХОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Передозировки психоактивными веществами являются очевидным и наиболее значимым проявлением наркомании и незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Кроме того, злоупотребление наркотиками способствует тревожному росту уровня преступности и насилия в обществе, повышает риск возникновения проблем с психическим и физическим здоровьем, социальной маргинализации населения.

Проблема отравлений наркотиками остро обозначилась со второй половины 2019 г., когда на наркорынке страны была окончательно пресечена реализация семян мака с примесью маковой соломы. Наркозависимые стали замещать экстракционный и ацелированный опий, изготавливаемый кустарно, часто в жилых помещениях (так называемая варка), метадоном или иными психоактивными веществами, в том числе синтетического происхождения.

Изучение статистических сведений, находящихся в открытом доступе, показало, что в 2025 г. по всей республике зафиксировано более 300 передозировок, из них около 9 % со смертельным исходом. Портрет личности лица, допускающего не-

медицинское потребление наркотиков, выглядит следующим образом: в основном это мужчины в возрасте 30–40 лет, ранее судимые, в том числе за наркопреступления, состоят на учете в наркодиспансере, нигде не учатся и не работают. Как правило, несмертельные отравления наступают в результате потребления альфа-PVP, в том числе в комбинации с другими веществами, такими как метадон, трамадол, значительно реже – параметилэфедрон, MDMA, 4-СМС и др.

Для противодействия указанному негативному явлению в настоящее время проводится ряд организационных и тактических мероприятий.

Так, унифицирован алгоритм проведения проверок в порядке ст. 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь по фактам доставления лиц в организации здравоохранения с диагнозом «отравление психоактивными веществами», разработаны алгоритмы взаимодействия сотрудников милиции общественной безопасности и криминальной милиции при разрешении соответствующих материалов, нормативно закреплено взаимодействие со всеми организациями здравоохранения, а также иными субъектами профилактики. На постоянной основе различными управленческими решениями указанная работа корректируется и совершенствуется, организован ведомственный контроль за данным направлением деятельности. Активно ведется работа по увеличению числа молодежных антинаркотических площадок.

В отношении наркозависимых, доставленных с отравлениями, принимаются меры по привлечению к административной ответственности, а также меры общей и индивидуальной профилактики, рассматриваются вопросы о направлении в лечебно-трудовые профилактории, организуются мероприятия по трудоустройству лиц, не занятых в экономике.

В течение года на территории республики проводятся комплексные оперативно-профилактические мероприятия с участием всех заинтересованных. В отношении лиц, которые повторно в течение года попадают в организации здравоохранения с передозировками, проводятся оперативно-розыскные мероприятия в рамках дел оперативного учета профилактической направленности, принимаются всесторонние меры по привлечению к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков путем задержания в момент совершения наркопреступления.

Наиболее пристальное внимание уделяется ограничению проникновения на наркорынок страны особо опасного наркотического средства метадона, своеобразного лидера среди веществ, от которых наступают смертельные передозировки. Подразделениями по противодействию незаконному обороту наркотиков проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных не только на изобличение сбытчиков метадона, но и ликвидацию теневых интернет-магазинов, специализирующихся на продаже вышеуказанного наркотика, а также каналов поступления в республику именно этого запрещенного вещества. Все возбужденные уголовные дела по летальным передозировкам обеспечиваются соответствующими делами оперативного учета, которые находятся на пристальном контроле со стороны руководства криминальной милиции.

Статистика показывает, что принятыми мерами за последние несколько лет удалось снизить количество отравлений психоактивными веществами почти в два раза, а с летальным исходом – почти в четыре раза, однако некоторые механизмы противодействия рассматриваемому негативному явлению нуждаются в совершенствовании.

Практика показала недостаточную эффективность посещения участковым инспектором милиции наркозависимого по месту жительства с вручением обязательства о недопущении потребления наркотических средств и психотропных веществ. Исходя из личностного портрета наркозависимого, не решается вопрос и с трудоустройством, учитывая наличие у таких лиц множества хронических заболеваний и противопоказаний, постоянных прогулов и «загулов».

Не в полной мере функционирует механизм взаимодействия органов внутренних дел и наркологических диспансеров в части надлежащего обмена актуальными списками наркозависимых, что влечет безрезультативную отработку лиц, которые сменили место жительства, находятся в местах лишения свободы либо скончались. Сегодня также существует проблема постановки на наркологический учет лиц, доставляемых с отравлениями, ведь для установления диспансерного наблюдения необходимо ознакомление указанных лиц с таким решением под подпись, что не всегда представляется возможным осуществить. Таким образом, можно говорить о том, что лиц, имеющих проблемы с наркотиками, гораздо больше, чем состоящих на учете.

Полагаем, что в настоящее время назрела необходимость в введении административного ареста в качестве административного взыскания за потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии наркотического опьянения. Это во многом облегчит профилактическую работу в отношении наркозависимых и позволит на некоторое время изолировать последних от потребления наркотиков в целях предотвращения гибели или совершения ими новых правонарушений.

Внесение изменений в ведомственные правовые акты, регламентирующие организацию работы по противодействию преступлениям и административным правонарушениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, перераспределение обязанностей между подразделениями по взаимодействию с субъектами профилактики, направлению и редактированию различных списков, проведению комплексных профилактических мероприятий позволили бы небольшим подразделениям по противодействию незаконному обороту наркотиков, на которых в основном сейчас возложены вышеуказанные задачи, эффективнее проводить оперативно-розыскные мероприятия, в том числе по раскрытию смертельных передозировок.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что проводимые органами внутренних дел эффективные оперативно-розыскные и иные мероприятия по противодействию сбыту и поставкам особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, влекущих передозировки на территории Республики Беларусь, а также постоянное профилактическое воздействие на наркозависимых позволили снизить количество отравлений психоактивными веществами за последние несколько лет, однако некоторые устоявшиеся меры противодействия нуждаются в совершенствовании, а законодательные и локальные акты – в соответствующем изменении.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

В Республике Беларусь сформирована действенная система государственной защиты с ее надлежащим правовым регулированием, установленными уполномоченными на это государственными органами, мерами безопасности, а также единым порядком их применения с учетом категории защищаемых лиц.

Тем не менее это не исключает возможности дальнейшего совершенствования данного института с учетом как новых проблем, так и международного опыта, прежде всего практики Российской Федерации. Так, по результатам проверок, проведенных в 2008 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации, выявлены факты отказа защищаемых лиц от продолжения мер безопасности вследствие психологических нагрузок и отсутствия при этом профессиональной психологической помощи. Это послужило основанием для внесения изменений в соответствующие федеральные законы, в которых закреплена обязанность органа, осуществляющего меры безопасности, обеспечивать психологическое сопровождение защищаемого лица, а защищаемым лицам, в свою очередь, предоставлено право обращаться в орган, осуществляющий меры безопасности, за получением психологической помощи, которая предусматривает комплекс мер по профилактике, диагностике, коррекции, консультированию и психотерапии.

Законодательство Республики Беларусь, в том числе локальные правовые акты, не включает в себя возможность предоставления такого рода помощи защищаемым лицам.

Очевидно, что защищаемые лица подвергаются воздействию психотравмирующих факторов, поскольку могут длительное время находиться в замкнутом пространстве. Это меняет их взаимодействие с семьей и привычным окружением, затрудняет выполнение профессиональных задач. Они также лишены возможности вести привычный образ жизни, сталкиваются с ограничениями в перемещении и общении с внешним миром, включая использование мобильных устройств. Все это происходит незапланированно и требует психологической поддержки.

В настоящее время выполнение подобной помощи возложено на сотрудников оперативных подразделений, обеспечивающих меры безопасности, а также на должностных лиц, осуществляющих личную (физическую) охрану.

Вышеуказанной категории лиц, несмотря на необходимость умения установления психологического контакта и формирования доверительных отношений, сложно оценивать психозмоциональное состояние защищаемых лиц и влиять на него, так как для этого нужны соответствующие навыки. Это не является продуктивным и эффективным, поскольку зависит от личностных и профессиональных характеристик сотрудников и не входит в их основные должностные обязанности. Очевидно, что с учетом сложившейся в органах внутренних дел Республики Беларусь (далее – ОВД) системы этим должны заниматься психологи подразделений психологического обеспечения. При этом их работа должна включать в себя комплекс мероприятий, направленных на оценку индивидуальных психологических особенностей защищаемого лица. Это предполагает проведение первичной беседы и обследования для установления психического состояния (наличие признаков психической дезадаптации, нервно-психической напряженности и других неблагоприятных состояний) и оценки рисков суицидального поведения. Следует также сделать вывод о необходимом уровне психологического сопровождения и разработать соответствующие мероприятия, включая периодичность, порядок и механизм привлечения специалистов, а также организацию психологического обеспечения.

Указанная деятельность должна осуществляться планомерно и на протяжении всего периода применения мер безопасности с обязательным документальным сопровождением.

Одновременно психолог должен проводить работу с сотрудниками, осуществляющими государственную защиту и личную (физическую) охрану, для выработки необходимых навыков эффективного взаимодействия с защищаемыми лицами и возможностью оказания экстренной психологической помощи и оценки поведения.

Нельзя не отметить, что деятельность психолога должна осуществляться с обеспечением строгих мер конспирации с целью недопущения разглашения сведений о защищаемом лице, применяемых мерах безопасности.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что для выработки действенного механизма психологического сопровождения защищаемых лиц важно понимать, что к лицам, подлежащим государственной защите, могут быть отнесены различные категории: представители органов власти, исполняющие свои профессиональные обязанности; участники уголовного процесса; лица, оказывающие содействие на конфиденциальной основе; близкие родственники указанных групп лиц. Это подразумевает индивидуальный подход с привлечением психологов различных специализаций. Так, психологические проблемы могут возникать не только из-за участия в уголовном процессе, угрозы насилия и изменений в привычном укладе жизни, но также вследствие алкогольной или наркотической зависимости защищаемых лиц, а также в связи с их заключением под стражу или отбыванием наказания.

В таких случаях необходимо предусмотреть привлечение специалистов из организаций здравоохранения и использование их ресурсной базы, включая места принудительного лечения, которые обеспечивают изоляцию и имеют пропускной режим с охраной, а также привлечение психологов учреждений исполнения наказаний ОВД.

С учетом вышеизложенного целесообразно внести изменения в законы Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 340-З «О государственной защите», от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», а также в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 января 2016 г. № 44 «О порядке применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц», предоставив право защищаемому лицу на оказание психологической помощи и, соответственно, установив обязанность органа, осуществляющего меры безопасности, обеспечивать психологическое сопровождение за-

щищаемого лица. Это, в свою очередь, потребует разработки правовых актов, регламентирующих привлечение организаций здравоохранения и их специалистов, а также психологов из подразделений психологического обеспечения ОВД, установления алгоритма их последовательной деятельности по психологическому сопровождению защищаемых лиц.

В заключение необходимо подчеркнуть, что важным элементом повышения эффективности психологического сопровождения сотрудников, обеспечивающих меры безопасности, а также осуществляющих личную (физическую) охрану, станет организация курса повышения квалификации на базе учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» для этой категории сотрудников (либо интеграция в уже существующую программу повышения квалификации). Это позволит им приобрести и усовершенствовать навыки в области психологии, что обеспечит эффективное взаимодействие с защищаемыми лицами и возможность оказания необходимой экстренной психологической помощи, а также оценки поведения, связанного с потенциальной опасностью кризисных состояний в ходе повседневной служебной деятельности.

УДК 343.985

В.Н. Цынкевич

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из важнейших задач оперативно-розыскной деятельности является предупреждение преступлений. Вместе с тем начало реализации данной задачи и ее завершение являются дискуссионными в теории и практике оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, главной проблемой видится заимствование учеными, а также исследователями разных подходов к пониманию предупреждения общественно опасных деяний, разрабатываемых в смежных юридических отраслях научных знаний криминального цикла, без глубокого осмысления особенностей предметной специфики оперативно-розыскной науки.

Например, не в полной мере представляется верным устоявшееся и широко используемое в криминологии понятие «предупреждение преступности», так как с точки зрения логики невозможно предупредить то, что уже объективно существует. Преступность – это совокупность ранее совершенных и объективно подтвержденных общественно опасных деяний. В этой связи А.И. Долгова полагает, что выделение стадий предотвращения, пресечения, профилактики весьма значимо для предупреждения именно преступлений.

Для устранения спорных позиций, касающихся соотношения профилактики, предупреждения, предотвращения и пресечения, необходимо разобраться в процессе реализации лицом своих намерений, а именно какие из них влекут для него отрицательные юридические последствия.

В уголовном праве выделяют три стадии совершения умышленного преступления: приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление. Они характеризуются деянием (действием или бездействием) лица, а в совокупности с соучастием в совершении преступления согласно ст. 10 Уголовного кодекса Республики Беларусь выступают основаниями уголовной ответственности.

При развитии данных стадий со стороны оперативного сотрудника фактически имеет место пресечение, поскольку преступление уже начато и выполняется его прерывание, соответственно, вести речь о профилактике и предупреждении не приходится. В то же время обнаруженный у лица только преступный умысел не является уголовно наказуемым и в указанном случае, полагаем, общественно опасное деяние можно предупредить, не давая тем самым лицу, замыслившему преступление, возможности перейти к активным действиям, которые необходимо впоследствии пресекать.

Важно отметить, что указывать на реализацию предупреждения неверно в случаях, когда действия лицом выполнены, однако по каким-либо причинам не установлены и не зафиксированы. Как указывает И.Н. Даньшин, «возникновение и осуществление уголовно-правового отношения не зависит от оформления его в процессуальном порядке, потому, что оно имеется и тогда, когда преступление еще не раскрыто и его виновник еще не обнаружен».

Предупреждение возможно в том случае, если оперативным сотрудником приняты меры, по результатам которых лицо после приготовления к общественно опасному деянию выполнит добровольный отказ от его совершения при условии, что воплощенные им до этого действия не образуют самостоятельного состава преступления. Например, если лицо совершает угон транспортного средства, чтобы реализовать умысел на хищение товарных материальных ценностей путем их вывоза с территории предприятия, но в дальнейшем отказывается от своих намерений, то оно может привлекаться к уголовной ответственности лишь за неправомерное завладение указанным средством.

Между терминами «предупреждение» и «пресечение» имеются явные различия, не требующие дополнительного анализа. Вместе с тем дела обстоят иначе с понятиями «предупреждение» и «профилактика» преступлений, так как многие исследователи употребляют их в качестве синонимов, не проводя разграничений. Как отмечает А.Г. Лекарь, «если иметь в виду сложность процесса предотвращения преступлений и его составных частей, а главное учитывать, что меры, соответствующие этим частям, различны, в особенности их организация и тактика применения, то станет очевидным, что принятые для обозначения этих составных частей термины означают различные понятия». Исходя из этого, несмотря на единую цель – противодействие общественно опасным деяниям, в предупредительной и профилактической деятельности проследживается разная сущность.

Профилактика как на общем, так и на индивидуальном уровне оказывает влияние на социальные процессы, носит вероятностно-оценочный и прогностический характер, т. е. отрицательные последствия, выраженные в совершении преступления,

могут и не наступить, а комплекс мероприятий выполняется, поскольку сложилась неблагоприятная оперативная обстановка на определенной территории, участке местности, в организации, предприятии, а также установлены лица, которые склонны к противоправному поведению.

Рассматривая предупреждение общественно опасных деяний, объект точно конкретизируется – это лица, замышляющие определенный вид преступления, о чем имеется достоверная информация. В связи с этим дальнейшее развитие событий, находящихся под контролем оперативного сотрудника, представляет некую ясность.

Профилактика по своей сущности устраняет причины и условия, порождающие и способствующие совершению общественно опасных деяний, для чего необходимы преимущественно гласные меры, осуществляемые комплексно различными субъектами, имеющими отношение не только к правоохранительным органам, а для предупреждения – деятельности по обнаружению преступных намерений лиц требуется преимущественно проведение негласных мероприятий, поскольку иными способами узнать планы злоумышленников невозможно.

Отметим также, что некоторые преступления, по нашему мнению, нельзя предупредить, но можно профилировать. Это касается общественно опасных деяний, совершаемых с косвенным умыслом или по неосторожности, поскольку в них волевые усилия лиц, совершающих преступления, не направлены на достижение преступного результата.

Таким образом, на основании вышеизложенного полагаем, что в Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» целесообразно внести изменения, касающиеся уточнения сущности задачи оперативно-розыскной деятельности путем добавления в ст. 2 абзаца следующего содержания: «предупреждение преступлений – деятельность органов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, направленная на недопущение совершения преступлений гражданином, их замышляющим».

Внесение указанных изменений позволит конкретизировать единообразное понимание рассмотренной нами задачи оперативно-розыскной деятельности, а также выработать дальнейшие меры по совершенствованию механизма ее реализации.

УДК 343.985

А.А. Чехович

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Успешное раскрытие несанкционированного доступа к компьютерной информации (НДКИ) невозможно без осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и следственных действий, проводимых как последовательно, так и в сочетании друг с другом. Иначе говоря, нужна определенная стратегия и тактика раскрытия таких преступлений.

В этой связи следует отметить, что выбор тех или иных тактических приемов раскрытия конкретных преступлений, необходимых для этого оперативно-розыскных сил и средств, как отмечают А.Г. Лекарь и Р.К. Безруких, во многом определяется их видами и в значительной степени зависит от характеристики совершенного преступления, эмпирических наблюдений за очередностью проведения ОРМ и следственных действий, знания способов совершения преступлений и характеристики личности преступника, состояния оперативной обстановки.

Формируя систему правил проведения различных видов ОРМ, таких как законность, минимизация возможного причинения вреда, полагаем необходимым исходить из того, что основные принципы оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в то же время являются обязательными и при проведении различных видов ОРМ.

Являясь достаточно сложной категорией ОРД, ОРМ имеют целый ряд правил, вытекающих из их особенностей. В ходе ОРМ отдельные тактические элементы объединяются в комплекс, что требует разработки особых правил их осуществления. Во всех случаях они отражают принципы, присущие ОРМ. Особенности проведения различных ОРМ образуют единую систему, а их комплексное взаимодействие обеспечивает достижение поставленных целей.

Правило индивидуальности в разработке и проведении ОРМ означает, что каждое ОРМ уникально в своем роде. Они осуществляются с учетом конкретных условий, обстоятельств, особенностей разрабатываемого фигуранта. Каждый раз оперативный сотрудник имеет дело с новыми ситуациями, привлекая для реализации различных субъектов, имеющих разный уровень знаний и умений. Всякий раз между этими лицами складываются определенные отношения. Все это является мощным фактором воздействия на реальную оперативно-розыскную ситуацию и обязательно должно учитываться в организации проведения ОРМ. Данное обстоятельство выступает в качестве дополнительного аргумента в пользу вывода о том, что при проведении ОРМ нельзя использовать шаблон, который всегда будет безошибочно работать при наличии определенной оперативно-розыскной ситуации. В каждом конкретном случае решающее значение имеют индивидуальные особенности оперативно-розыскных ситуаций, которые предполагают специфический набор сил, средств и методов ОРД.

Информация, которую получают и используют оперативные сотрудники при оценке оперативно-розыскных ситуаций, в целом не является в полной мере исключительно оперативно-розыскной, т. е. полученной с помощью специальных сил, средств и методов. Определенную ее часть составляют данные, добытые процессуальным путем (в процессе допросов, обысков и др.), а также данные, полученные из других источников. Вследствие этого требуется постоянно отслеживать динамику складывающейся оперативно-розыскной ситуации, основываясь на постоянном сборе и анализе информации, поступающей из различных источников, что, в свою очередь, позволяет в случае необходимости производить корректировку осуществля-

емого ОРМ. Наиболее важное значение в этом плане имеют данные о поведении и намерении подозреваемых лиц, в том числе о возможности совершения ими преступлений и действий по маскировке противоправной деятельности.

Таким образом, раскрытие НДКИ требует комплексного подхода, предусматривающего осуществление ряда ОРМ в рамках четко выстроенной стратегии и тактики их проведения, опирающихся на совокупность факторов, оказывающих на них специфическое влияние: преступление и объект преступного посягательства являются объектами сетевого пространства, которое не может быть материализовано и существовать без средств компьютерной техники; динамичность развития события преступления; специфический механизм совершения преступления; совершение НДКИ, как правило, в обстановке неочевидности; наличие во многих случаях нескольких мест происшествия (место непосредственного совершения противоправного деяния и место обнаружения НДКИ); совершение рассматриваемой категории преступлений в основной массе, с территории других государств, как технически, так и физически.

УДК 343.985

А.И. Чурносов

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРОВОДИМЫХ ОРГАНАМИ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

В настоящее время для должностных лиц органов пограничной службы (ОПС) все более актуальным становится исследование компьютерной информации как оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) при расследовании преступлений, создающих угрозу пограничной безопасности, в первую очередь по уголовным делам, возбуждаемым по признакам преступлений, связанных с организацией незаконной миграции (ст. 371¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)), незаконным перемещением через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (ст. 328¹ УК) и некоторых других. В связи с этим востребованным является исследование сущности и классификации цифровых следов.

Вопросами исследования компьютерной информации (цифровых следов) занимались такие ученые-криминалисты, как В.Б. Вехов, А.Г. Волеводз, В.Е. Козлов, Л.Б. Краснова, В.П. Леонтьев, В.А. Мещеряков, А.Ю. Семенов, А.Б. Смушкин и др.

Актуальность исследования заключается в том, что при проведении ОРМ «Исследование предметов и документов, компьютерной информации» по уголовным делам против пограничной безопасности фигурируют относительно новые виды материальных следов (цифровые следы), сложность выявления, фиксации, изъятия и использования которых объясняется специфичностью и новизной рассматриваемых доказательств. Необходимо также отметить многообразие способов противоправных посягательств, сложность сбора и закрепления доказательственной информации, мощное противодействие со стороны лиц, осуществляющих противоправную деятельность на Государственной границе Республики Беларусь. Данные обстоятельства представляют для ОПС существенные проблемы при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (ОРД), в частности при проведении вышеуказанного ОРМ.

Отметим, что для более корректного понимания места и роли названного ОРМ в системе ОРМ Республики Беларусь целесообразно использовать подход, применяемый при дифференциации следственных действий в зависимости от преимущественных методов получения доказательственной информации (методов познания), которые являются достаточно распространенными в криминалистике. Однако выделение группы «невербальных» следственных действий не представляется в полной мере продуктивным, так как термин «невербальный» не дает сущностных характеристик следственного действия, а выдвигается посредством противопоставления термину «вербальный». Более уместной представляется классификация, где методам «невербального» познания доказательственной информации дается более обстоятельная классификация:

следственные действия с преимущественно «непринудительным наблюдением» (осмотр, эксгумация, освидетельствование, следственный эксперимент);

следственные действия, связанные с изъятием объектов в малодоступных местах (обыск, выемка);

следственные действия, связанные с воспроизведением вербальной информации (допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, предъявление для опознания);

следственные действия, связанные с исследованием скрытой информации (назначение и проведение экспертизы).

Более подробно следует остановиться на таких составляющих специальных знаний, как знания, умения, навыки и профессиональный опыт. Таким образом, специальное знание – это не только знание, но также и умение, навык, профессиональный опыт.

В сложившейся ситуации необходимо уточнить категориальный аппарат за счет включения всех указанных составляющих специальных знаний в состав более соответствующего по смыслу понятия. Таким понятием предлагаем считать «специальные компетенции», содержание которого уже достаточно разработано педагогическими науками в рамках так называемого компетентностного подхода.

Компетенция (от лат. *competentia*) означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом, соответствующими способностями, позволяющими ему обоснованно судить об определенной сфере, действовать в ней. Образовательные компетенции обусловлены личностным подходом к образованию, проявляются, а также проверяются только в процессе выполнения определенных действий. Компетентность – это уже сформировавшаяся совокупность качеств личности. Так, по мнению А.Г. Сергеева, компетентный специалист – «человек, обладающий необходимыми знаниями, умениями и опытом, а компетентность – черта личности, обладающей этим необходимым набором компетенций».

В силу этого полагаем корректным ставить вопрос о том, что лицом, участвующим в проведении ОРМ «Исследование предметов и документов, компьютерной информации», является гражданин, обладающий специальными компетенциями. Именно таким образом данное лицо должно быть определено в ст. 24 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности». Такой подход мог бы быть уместным применительно и к отраслевому процессуальному законодательству в контексте регулирования порядка применения специальных знаний.

УДК 377(07)

Д.С. Яжжик

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ В СРАВНИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

В 2025 г. глобальная арена искусственного интеллекта (ИИ) ознаменовалась выраженной тенденцией к развитию суверенного ИИ, предполагающей формирование национально автономных ИИ-экосистем и минимизацию зависимости от зарубежных поставщиков вычислительных ресурсов, программного обеспечения и базовых моделей. В рамках данного сдвига приоритеты государственной политики трансформируются: фокус постепенно переносится с формирования базовых цифровых и ИИ-компетенций, а также повсеместной интеграции технологий в образовательные и административные процессы на поддержку инициатив, обеспечивающих стратегическую автономию, промышленную применимость и долгосрочное конкурентное преимущество. К числу таких приоритетов относятся: развитие открытых фундаментальных моделей, создание национальной ИИ-инфраструктуры и укрепление связей между научными исследованиями, образованием и индустрией.

Данная тенденция отчетливо проявляется как в европейском, так и в азиатском контексте. В Германии в 2025 г. было завершено целевое финансирование учреждений высшего образования в рамках федеральной программы «Искусственный интеллект в высшем образовании», ориентированной на развитие ИИ-компетенций преподавателей и обучающихся, а также на внедрение ИИ-инструментов в образовательный процесс. Одновременно был анонсирован проект SOOFI, направленный на разработку суверенной открытой фундаментальной языковой модели с участием ведущих университетов и исследовательских центров страны. Тем самым государственная поддержка демонстрирует переход от масштабирования образовательных практик к инвестициям в проекты, способствующие технологическому превосходству и снижению внешней зависимости.

Ранее сходная логика была успешно реализована в Китае, где в январе 2025 г. была представлена открытая фундаментальная модель DeepSeek-R1, сопоставимая по своим характеристикам с ведущими западными разработками. Китайская стратегия дифференцированной конкуренции направлена на избежание прямого соперничества разных регионов, университетов или учреждений и использование уникальных сильных сторон, локальных преимуществ и нишевых направлений. Цель – избежать дублирования усилий, расточительства ресурсов и подхода, когда все копируют одно и то же. В данном контексте создание национальной фундаментальной модели становится не результатом фрагментированной конкуренции, а продуктом централизованной стратегии, направленной на предотвращение дублирования усилий, рациональное распределение ресурсов и укрепление технологической независимости Китая в рамках долгосрочной цели достижения мирового лидерства в области ИИ к 2030 г.

В контексте указанного глобального тренда особый научный интерес представляет трансформация юридического образования в Китае, где последовательно формируется модель подготовки специалистов с двойными компетенциями в области права и ИИ. Юридические университеты страны активно интегрируют ИИ в образовательные программы через создание специализированных школ и факультетов, разработку междисциплинарных курсов, а также через практическое применение ИИ-инструментов в учебной и исследовательской деятельности. Целью таких преобразований является подготовка юристов, способных эффективно функционировать в условиях цифровизации правовой системы и применения интеллектуальных систем в судопроизводстве.

Первой специализированной структурой данного типа стала Школа искусственного интеллекта и права Шанхайского университета политики и права, открывшая в 2019 г. бакалаврскую программу «Право искусственного интеллекта». Учебный план построен на междисциплинарной основе и включает в себя фундаментальные юридические дисциплины, базовую IT-подготовку, а также специализированные курсы по правовому регулированию алгоритмов, праву данных, сетевой и информационной безопасности, этике ИИ и применению интеллектуальных систем в судопроизводстве. Значительное внимание уделяется практической подготовке, включая участие студентов в прикладных проектах и сотрудничество с технологическими компаниями.

Аналогичные образовательные и исследовательские направления развиваются в Юго-Западном университете политики и права, где сформирована комплексная система дисциплин и научных центров в области ИИ-права. Учебные программы охватывают как теоретические вопросы правового регулирования ИИ, так и прикладные аспекты, связанные с анализом больших юридических данных, интеллектуальным судопроизводством и автоматизацией юридических услуг.

В ведущих университетах страны, включая Пекинский университет и Китайский народный университет, интеграция ИИ осуществляется через лаборатории юридического ИИ, исследовательские институты и дисциплины по выбору, ориентированные на применение интеллектуальных технологий в законодательстве, судебной практике и юридических технологиях. Особое внимание уделяется развитию аналитических и практических навыков, а также вопросам этического и нормативного правового регулирования ИИ.

Данные процессы подкрепляются государственной образовательной политикой. В 2025 г. Министерство образования Китайской Народной Республики утвердило национальные рекомендации по модели «ИИ + образование», направленные на развитие цифровой грамотности, критического мышления и практических навыков использования ИИ. В отличие от более ограничительных подходов, характерных для ряда западных стран, в Китае ИИ рассматривается преимущественно как инструмент повышения эффективности образования и адаптации выпускников к требованиям рынка труда.

В целом юридическое образование в сфере ИИ в Китае характеризуется высокой степенью междисциплинарности, тесной связью с государственной стратегией развития ИИ и ориентацией на практическое применение технологий в условиях формирования технологического суверенитета.

УДК 342.4

В.А. Яскевич

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время основой стабильности и устойчивого развития любого государства является экономическая безопасность. Любые кризисные явления, санкции, колебания рынков и другие дестабилизирующие факторы в глобальной экономике негативно влияют на национальные экономики. Вышеобозначенное предопределяет необходимость научного осмысления механизма обеспечения экономической безопасности, в том числе в целях выработки практических рекомендаций по нивелированию вызовов и угроз в рассматриваемых правоотношениях.

Еще в 2018 г. Глава государства А.Г. Лукашенко отмечал: «Самое страшное, за что мы должны „бояться“, – это экономика. Других проблем нет в нашем обществе. Все остальное мы держим жестко на контроле. Экономика прежде всего!».

Непосредственно само понятие «экономическая безопасность» появилось на рубеже XIX и XX в. Оно было сформировано на стыке двух научных областей (экономики и политологии) и заимствовано из иностранной литературы. В советский период первые упоминания об экономической составляющей в системе безопасности страны, включая такое понятие, как «экономическая безопасность», прозвучали в 1986 г. на XXVII съезде КПСС.

Так, в 1990-е гг. на фоне системных преобразований и кризисных явлений советскими экономистами (Л.И. Абалкиным, С.Ю. Глазьевым, В.К. Сенчаговым и др.) были заложены теоретические основы понимания экономической безопасности. Тогда же Л.И. Абалкин и С.Ю. Глазьев определяли экономическую безопасность как защищенность экономики от негативных воздействий и рисков. Одновременно В.К. Сенчагов делал акцент на способности экономики к развитию и реализации национальных интересов. Эти подходы отражали ситуацию того времени: необходимость противостоять спаду производства, инфляции, внешнему долгу, а также заложить основы для возобновления экономического роста.

Таким образом, историческое развитие понятия шло от понимания экономической безопасности как части оборонной способности страны и защиты от внешнеполитических и внешнеэкономических угроз к более широкому социально-экономическому контексту. Постепенно с узконациональных аспектов акцент сместился к вопросам устойчивого развития, конкурентоспособности и интеграции в мировую экономику при сохранении национальных интересов.

В Республике Беларусь вопрос об экономической безопасности государства впервые был обозначен в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Советом Безопасности Республики Беларусь от 27 марта 1995 г. Однако содержание этого термина не было раскрыто. Национальная безопасность государства трактовалась тогда как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в основных сферах их жизнедеятельности: политической, экономической, военной, экологической, информационной и гуманитарной».

В настоящее время понятие экономической безопасности в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция), определяется как состояние защищенности государства в экономической сфере, обладающее механизмом поддержания устойчивого и сбалансированного развития экономики, воспроизводства ее основных параметров. Кроме того, в рамках обеспечения экономической безопасности происходит не только противостояние, но и предупреждение возникновения как внутренних, так и внешних угроз. Данные меры жизненно необходимы для обеспечения основ конституционного строя: верховенства и полноты власти на территории Республики Беларусь; самостоятельности в осуществлении внутренней и внешней политики; защиты своей независимости и территориальной целостности; законности и правопорядка; прав, свобод и гарантий их реализации, которые являются высшей ценностью и целью общества и государства.

В широком государственном контексте основными охраняемыми объектами в рассматриваемой сфере общественных отношений выступают личность, общество и государство. Каждому из этих объектов соответствуют жизненно важные экономические приоритеты: личности – материальное благополучие, уровень дохода и наличие работы; обществу – устойчивость социально-экономического развития, а также совокупность материальных и духовных ценностей; государству – независимость в государственной сфере, наличие ресурсов и функционирование экономической системы, которые гарантируют суверенитет и силу страны.

Обеспечение экономической безопасности возлагается на определенных субъектов, являющихся носителями защитных функций. На национальном уровне ключевую роль играет государство в лице Президента Республики Беларусь, Правительства, Совета Безопасности, Министерства экономики, правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел (ОВД), а также специального аппарата, ответственного за мониторинг и реагирование на угрозы (например, Совет по

финансовой стабильности, который утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 13 июня 2016 г. № 454/16, деятельность которого направлена на обеспечение финансовой стабильности государства).

На микроуровне руководители и службы безопасности предприятий ответственны за финансовую устойчивость, сохранность коммерческой тайны, предотвращение экономических угроз для бизнеса и самого субъекта хозяйствования.

Непосредственно на уровне отдельной личности субъектом собственной экономической безопасности выступает сам индивид, обладающий определенным объемом прав и обязанностей, знаний и умений в сфере обеспечения жизнедеятельности.

Не случайно в Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) заложен прочный фундамент для обеспечения всех аспектов безопасности общества и государства. В соответствии со ст. 21 Конституции обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Однако в соответствии с частью третьей ст. 21 Конституции каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства в целях минимизации риска социального иждивенчества в обществе.

В целях обеспечения экономической безопасности сформирована система органов государственной власти, в которую входят и ОВД. Не случайно в п. 65 Концепции закреплено, что ОВД входят в состав сил обеспечения национальной безопасности. За ОВД законодательством закреплен широкий спектр задач: начиная от оказания помощи гражданам в реализации их прав и возложенных на них обязанностей и заканчивая защитой жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, обеспечением их личной и имущественной безопасности, защитой прав и законных интересов организаций от преступных и иных противоправных посягательств.

Деятельность ОВД, среди прочего, включает в себя борьбу с экономическими преступлениями, контрабандой, коррупцией, обеспечением правопорядка в экономике. Согласно Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1, функционирование экономики страны будет достигаться путем повышения эффективности государственного управления социально-экономическим развитием, обеспечения ценовой и финансовой стабильности, устойчивости государственных финансов.

Достигнуть этого можно посредством контроля, охватывающего все сферы общественной и государственной жизни, обеспечивающего функционирование как отдельных структур, так и всей системы в целом. Эффективность государственного управления напрямую связана с качеством контроля, который служит не только инструментом для решения управленческих задач, но и механизмом обратной связи, поддерживающим целостность системы.

Таким образом, сложность и многогранность экономических процессов, возникновение новых вызовов и угроз национальной безопасности требуют принятия определенных правовых и организационных мер. Недостаточно опираться на наличие у государственного служащего специальных знаний в экономике, необходимо обеспечить соответствующую организационно-управленческую деятельность контролирующего государственного органа. Вышеобозначенное позволит функционировать субъекту государственного управления в соответствии с реалиями времени, а также ожиданиями общества, укрепить законность и дисциплину, повысить профессиональную культуру государственных служащих в сфере обеспечения экономической безопасности.

УДК 343.3

О.И. Бахур

**КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ УЧАСТНИКОВ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ,
ПУБЛИКУЮЩИХ В TELEGRAM-КАНАЛАХ ПРИЗЫВЫ К СОВЕРШЕНИЮ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА**

В практике деятельности правоохранительных органов устоялись подходы к квалификации общественно опасных деяний лиц, осуществляющих (за отдельную плату) карательное воздействие в отношении участников незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, обманувших организаторов незаконного сбыта, присвоивших наркотики или деньги за их продажу. Чаще всего по указанию руководителей (иных участников) организованных групп, осуществляющих незаконный оборот наркотиков, в отношении «провинившихся» курьеров или закладчиков данные лица («спортики») применяют пытки, наносят побои. Такие действия фиксируются на видео, направляются организаторам подобных преступлений в качестве доказательства выполнения «заказа», а также размещаются в сети Интернет (Telegram-каналах) для устрашения рядовых участников незаконного оборота наркотиков. При этом имеют место факты причинения различного рода телесных повреждений, в том числе тяжких, повреждения или уничтожения имущества, а также незаконный оборот наркотиков, совершенный организованной группой.

Однако в доктрине уголовного права, а также в практике деятельности правоохранительных органов нет единства мнений относительно вопроса о квалификации действий лиц, размещающих в открытых Telegram-каналах публикации, содержащие призывы к нанесению телесных повреждений неопределенной степени тяжести в отношении лиц, осуществляющих незаконный сбыт наркотиков, в качестве наказания за обман организаторов незаконного оборота наркотиков.

Так, в большинстве случаев органы дознания в указанных ситуациях признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 328 и ст. 186 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), не усматривают и на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь принимают решения об отказе в возбуждении уголовных дел. Однако такой подход на практике разделяется не всеми, например имеют место случаи принятия решений о возбуждении уголовных дел по ч. 1 ст. 13, ч. 8 ст. 16, ч. 1 ст. 147 УК.

Представляется, что квалификация описанных выше действий администраторов Telegram-каналов по ч. 1 ст. 13, ч. 8 ст. 16, ч. 1 ст. 147 УК является некорректной по нескольким значимым аспектам. Учитывая представленную формулу квалификации, следует отметить, что органом дознания таким образом применяется уголовно-правовая норма, предусматривающая правило квалификации в случае, когда действия организатора, подстрекателя или пособника по независящим от них обстоятельствам окажутся неудавшимися. Ответственность таких лиц наступает за приготовление к соответствующему преступлению. При этом выбор уголовно-правового запрета, предусматривающего ответственность за конкретный вид умышленного причинения телесных повреждений, должен основываться на четкой интерпретации содержания призыва, опубликованного в соответствующем Telegram-канале. Необходимо иметь в виду, что в большинстве случаев размещаемые публикации не содержат конкретных указаний, а предлагают альтернативно совершить за вознаграждение достаточно широкий спектр действий (начиная от принудительного бритья головы, отрезания пальцев и заканчивая привязыванием к дереву с избиванием и оставлением в таком состоянии в лесу, что при определенных условиях и последствиях можно будет расценивать как убийство). В свою очередь, в соответствии с правилами квалификации ответственность при неопределенном умысле должна наступать за фактически причиненное последствие из числа тех, которые охватывались умыслом виновного.

Вместе с тем, если говорить о наличии признаков соучастия, следует отталкиваться от его законодательного определения (ст. 16 УК) и вытекающих из него сущностных признаков указанного уголовно-правового института. Совместность участия выражается в том, что действия каждого из соучастников направлены на совершение одного и того же преступления, хотя могут совершаться в разное время и в разных местах или создают условия для совершения общественно опасного деяния другими соучастниками преступления. Под осознанием совместности совершения преступления понимается не только осознание совместного исполнения деяния, предусмотренного Особенной частью УК, но и осознание возможности совершения других действий (бездействия), без которых не могло быть выполнено преступное деяние или не мог быть достигнут преступный результат либо реализованы иные преступные цели, а также необходимо желание каждого из соучастников наступления общественно опасных последствий, общих для всех участников.

Подстрекателем в соответствии с ч. 5 ст. 16 УК признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления. Подстрекатель действует в отношении индивидуально-определенного лица либо лиц. Обращение просто к толпе либо нескольким (конкретно не определенным, в данном случае в информационно-коммуникационных сетях) лицам не может рассматриваться как подстрекательство. Субъективная сторона действий подстрекателя характеризуется прямым умыслом. Подстрекатель сознает, что он склоняет другое лицо к совершению преступления, и желает, чтобы преступление было совершено.

Таким образом, в случаях размещения в сети Интернет (Telegram-каналах) публикаций с призывами совершить противоправные действия неконкретизированного характера, адресованными неопределенному кругу лиц, полагаем необоснованным усматривать признаки соучастия (в частности, подстрекательства).

Наряду с вышеизложенным подчеркнем, что незаконное размещение публикаций, содержащих персональные данные, в Telegram-каналах может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 203¹ УК как умышленное незаконное распространение информации о персональных данных другого лица без его согласия, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина. Характер размещаемой информации, как представляется, влечет причинение существенного вреда в силу нарушения не только права человека на частную жизнь, но и ущерба чести и достоинству лица, создания реальной угрозы его личной безопасности. Так, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных» персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. К таким данным относятся: идентификационный номер; фамилия, собственное имя, отчество; пол; данные о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания; иные сведения, отвечающие вышеприведенным критериям.

В заключение следует отметить, что, принимая во внимание наличие проблем в квалификации рассматриваемых действий, а указанные случаи могут иметь неединичный, системный характер, целесообразно учесть данные особенности при совершенствовании законодательства, например посредством расширения круга уголовно-правовых запретов. Учитывая, что информационно-коммуникационная составляющая будет все глубже проникать в различные формы осуществления преступной деятельности, закономерно возникает вопрос не просто о формировании единой практики для решения анализируемого вопроса, но и об изменении законодательной регламентации отдельных составов преступлений (дополнении новыми) с учетом развития указанных общественных отношений. Тем самым наличие состава преступления, формализующего описываемые ситуации, будет существенно влиять на повышение эффективности противодействия соответствующим преступным проявлениям.

УДК 343.35

В.М. Веремеенко

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО СУБЪЕКТАМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в Особенной части содержит ряд составов, предусматривающих в качестве обязательного признака объективной стороны наступление общественно опасных последствий в виде материального ущерба. Единицей измерения ущерба выступает базовая величина. Так, например, для преступлений против интересов службы и преступлений против собственности размер ущерба определен в примечаниях к гл. 24 и 35 УК и выражен в денежном выражении с привязкой к базовой величине.

Однако, несмотря на конкретное определение размера ущерба в уголовном законодательстве, до сих пор в практической деятельности возникают вопросы, касающиеся его исчисления и определения рамок толкования понятия «ущерб».

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» указывается, что при определении стоимости похищенного имущества следует исходить, в зависимости от обстоятельств приобретения его собственником, из государственных розничных, рыночных, комиссионных или иных цен на день совершения преступления. При отсутствии цены, а при необходимости и в иных случаях стоимость имущества определяется на основании заключения эксперта. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» дает разъяснение, что ущерб как последствие общественно опасного деяния против интересов службы выражается в имущественном (реальном) ущербе. При этом понятие имущественного (реального) ущерба нигде не раскрывается. Лишь в п. 2 ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) закреплено, что следует понимать под убытками: «Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)».

Из содержания п. 2 ст. 14 ГК видно, что реальный ущерб наряду с упущенной выгодой и расходами, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, является самостоятельным видом убытков. Из этого следует, что при определении ущерба, причиненного субъектам хозяйствования в результате совершения противоправного деяния, должен учитываться только реальный ущерб без учета затрат на восстановление нарушенных прав и упущенной выгоды.

Анализ нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что следует относить к имущественному (реальному) ущербу. Так, в подп. 2.4 п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 6 июня 2025 г. № 227 «О повышении эффективности контрольной (надзорной) деятельности» закрепляется, что порядок определения размера причиненного вреда (в том числе реального ущерба) устанавливается Советом Министров Республики Беларусь, если иной порядок не установлен законодательными актами.

В настоящее время в Республике Беларусь порядок определения размера вреда (в том числе реального ущерба) установлен Положением о порядке определения размера причиненного вреда (в том числе реального ущерба), утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 декабря 2016 г. № 1001 «О некоторых вопросах определения размера вреда (в том числе реального ущерба)» (далее – Положение).

Согласно Положению размер вреда, причиненного имуществу субъектов хозяйствования, определяется на дату причинения вреда исходя из денежной оценки имущества, числящегося в бухгалтерском учете, и (или) документов, отражающих денежную оценку имущества (уменьшенную на сумму амортизационных отчислений по основным средствам и нематериальным активам, рассчитанных в соответствии с законодательством). При этом организации и индивидуальные предприниматели осуществляют амортизацию по объектам, числившимся в составе основных средств и нематериальных активов согласно постановлению Министерства экономики Республики Беларусь, Министерства финансов Республики Беларусь и Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 27 февраля 2009 г. № 37/18/6 «О порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов».

В случае если в соответствии с законодательством бухгалтерский учет субъектом хозяйствования не ведется и (или) отсутствуют документы, отражающие денежную оценку имущества, вред определяется исходя из регулируемых цен или свободных цен на основании сведений изготовителей, исполнителей, субъектов торговли о ценах (тарифах) на идентичные товары (работы, услуги), информации, содержащейся в специальных отечественных и зарубежных справочниках, каталогах, периодических изданиях, информационных материалах изготовителей, исполнителей, субъектов торговли (в том числе размещенных на сайтах в глобальной компьютерной сети Интернет). При наличии двух источников информации и более, содержащих сведения о ценах (тарифах) на идентичные товары (работы, услуги), вред определяется исходя из сведений о наименьшей цене (тарифе), действовавшей на дату причинения вреда.

Таким образом, при определении размера имущественного (реального) ущерба, причиненного субъектам хозяйствования в результате противоправной деятельности, необходимо руководствоваться Положением. Вместе с тем Положение не содержит порядка документального оформления, перечня документов, в которых отражается конкретный имущественный (реальный) ущерб, и сведений о должностных лицах, их утверждающих. В этой связи целесообразно было бы отразить все эти вопросы в установленном порядке в соответствующих дополнениях к нему.

УДК 343.7

А.Н. Дрозд

ШОПЛИФТИНГ И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН

Шоплифтинг – англицизм, используемый в сленге для обозначения краж товаров в магазинах розничной торговли. Само негативное социальное явление не является новым, однако с некоторого времени термин приобрел иное, более широкое значение. Изучение феномена шоплифтинга, как на примере зарубежных стран, так и белорусской действительности, позволяет сделать вывод о наличии двух его принципиально разных видов, каждый из которых ставит определенные правовые вопросы, связанные с их корректной уголовно-правовой оценкой.

Первый вид шоплифтинга – это хищения из розничной сети с целью обогащения, осуществляемые от случая к случаю или на так называемой профессиональной основе. Согласно сообщениям в средствах массовой информации и социологическим исследованиям существует целая индустрия шоплифтеров-профессионалов, которые совершают противоправное завладение чужим имуществом не в целях личного потребления, а специализируются на краже товаров и продукции в больших объемах, а также дорогих или ценных вещей ради их дальнейшей перепродажи. Подобные действия являются неправомерными, а при их юридической оценке следует указать на ряд существенных аспектов.

Во-первых, с учетом тайного способа хищения решение об отнесении такого деяния к мелкому хищению или уголовно наказуемой краже зависит от размера предмета преступления. Согласно положениям примечаний к гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) не подлежит уголовной ответственности лицо, совершившее хищение имущества юридического лица путем кражи в сумме, не превышающей десятикратного размера базовой величины, установленного на день совершения деяния. Однако, несмотря на то что шоплифтинг (как это ясно из названия) предполагает кражи из магазинов, следует также обратить внимание на размер хищений при их совершении у физического лица, так как хищения у индивидуальных предпринимателей, в том числе имеющих собственные торговые павильоны, являются простыми хищениями, если сумма похищенного составляет более двух базовых величин. Что касается хищений у индивидуальных предпринимателей, также применяются нормы о признании преступлением хищения и на меньшую сумму, но в случаях, когда оно совершается группой лиц.

Во-вторых, важным положением, которое должно быть отработано при юридической оценке шоплифтинга, является наличие признаков продолжаемого преступления. В соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества», посвященного обобщению практики по делам о хищениях имущества, продолжаемым хищением следует считать неоднократное противоправное безвозмездное завладение имуществом с корыстной целью, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, если они совершены при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии у лица общей цели и единого умысла на хищение определенного количества материальных ценностей. Как представляется, это правило должно применяться в большинстве случаев в отношении профессиональных шоплифтеров, умыслом которых охватывается совершение неопределенного количества хищений на протяжении длительного периода времени как основного источника заработка. Вследствие этого при выявлении данных признаков действия лица должны квалифицироваться не как совокупность, например, мелких хищений, а как единичное продолжаемое преступление, причинившее имущественный ущерб на сумму, определяемую путем сложения стоимости предметов всех совершенных хищений.

В-третьих, значимой характеристикой профессиональных шоплифтеров является то, что они совершают хищения с целью последующей реализации похищенного. Сами по себе последующие продажа или обмен ранее похищенного не образуют состава сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, признаки которого предусмотрены ст. 236 УК, так как все виды распоряжения имуществом уже учтены в составе хищения. В то же время встает вопрос об оценке с точки зрения права действий приобретателей.

В соответствии с ч. 6 ст. 16 УК пособником признается лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть предметы, добытые преступным путем. Соответственно, если кража осуществляется под заказ (для конкретного лица осуществляется хищение указанного им товара, алкоголя определенного вида, одежды нужного размера и т. п.), налицо сложное соучастие в преступлении. Однако и заранее необещанное приобретение таких вещей не является правомерным: если имущество добыто в ходе совершения преступления, его умышленное приобретение независимо от размера предмета преступления влечет для приобретателя ответственность по ст. 236 УК за приобретение материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем.

Второй выделенный нами вид шоплифтинга является негативным проявлением современной культуры и представляет собой хищения из магазинов в целях, отличных от обогащения: ради испытания чувства опасности от нахождения в экстремальной ситуации, веселья, создания развлекательного контента, в целях реализации философии борьбы с капитализмом и корпорациями и т. п. Иными словами, это не полноценный вид заработка, а развлечение или хобби. В сети Интернет существуют сообщества, в которых их участники, в основном подростки, обсуждают совершенные хищения, выкладывают видеоматериалы, хвастаются трофеями. К этому виду шоплифтинга можно отнести и совершение хищений лицами, имеющими симптомы клептомании.

Правильная квалификация описанного вида шоплифтинга требует глубокого понимания сущности хищения как уголовно-правового понятия. Дело в том, что лица, занимающиеся шоплифтингом ради адреналина, часто вообще не обогащаются за счет таких действий. Иногда сразу после совершения изъятия вещи осуществляется ее выбрасывание или дарение кому-то, в том числе незнакомому, лицу. Для клептоманов характерно спрятать похищенное имущество без цели когда-либо за ним вернуться. В подобных ситуациях на первый взгляд неоднозначным кажется вопрос о наличии признаков хищения.

Согласно ч. 1 примечаний к гл. 24 УК под хищением понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью. При этом уголовный закон не содержит определения понятия корыстной цели, но в ст. 4 УК приводит понятие корыстных побуждений как мотивов, характеризующихся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат. Если бы мы исходили из признаков корыстных побуждений, следовало бы констатировать отсутствие состава преступления в действиях шоплифтера, который, например, похитив из кассы магазина деньги, тут же поместил их в ящик для сбора пожертвований на строительство религиозного сооружения. В связи с этим следует указать, что корыстные побуждения и корыстная цель имеют различное содержание. При этом последняя, на наш взгляд, выражается в стремлении к владению, пользованию и распоряжению похищенной вещью по своему усмотрению, как своей собственной. Из этого следует, что корыстные побуждения всегда связаны с корыстной целью, но и некорыстные мотивы (желание «раскулачить», сочувствие, зависть, желание продемонстрировать смелость) могут привести к формированию корыстной цели по завладению и распоряжению чужим имуществом. По нашему мнению, в обоих случаях, с учетом того, что в качестве обязательного признака названа только цель, подобные действия должны квалифицироваться как хищения.

Таким образом, рассмотрев различные аспекты применения уголовного права к явлению шоплифтинга, можно заключить, что шоплифтинг представляет собой не что иное, как хищение, которое в зависимости от суммы, а также наличия признаков продолжаемого преступления или соисполнительства квалифицируется как мелкое или уголовно наказуемое хищение. Корыстную цель при совершении хищения следует понимать в более широком, нежели корыстные побуждения, смысле и рассматривать в качестве таковой стремление к владению, пользованию и распоряжению похищенным имуществом по своему усмотрению. Действия лиц, приобретающих ценности, заведомо добытые преступным путем, влекут ответственность за пособничество хищению или по специальной норме уголовного закона в зависимости от того, до или после совершения хищения было достигнуто соглашение о приобретении.

УДК 343.233

Ю.Е. Духовник

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, И ПРИЗНАНИЕ ДЕЯНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Глава 6 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) регламентирует систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, среди которых ст. 35 УК предусмотрено причинение вреда при задержании лица. В административном законодательстве причинение вреда при задержании лица является обстоятельством, исключающим признание деяния административным правонарушением, и закреплено в ст. 3.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП).

При изучении уголовно-правовых и административно-правовых норм, регламентирующих право на причинение вреда при задержании лица, первое, что обращает на себя внимание, – сходство формулировок описания его условий правомерно-

сти. Тем не менее при всем сходстве нормативного правового закрепления данного правового явления в исследуемых нами отраслях права оно имеет и существенные различия. В связи с этим полагаем важным рассмотреть причинение вреда при задержании лица в контексте межотраслевых связей с целью определения эффективности регулирования норм, его предусматривающих, в УК и КоАП.

Исходя из норм, регламентирующих причинение вреда при задержании лица как УК, так и КоАП, можно выделить две группы условий его правомерности: относящихся к задерживаемому лицу и совершенному им деянию; относящихся к причинению вреда задерживаемому лицу.

Одним из условий правомерности, относящихся к задерживаемому лицу и совершенному им деянию, является то, что задерживается лицо, которое совершило общественно опасное деяние или административное правонарушение.

В ч. 1 ст. 35 УК в этой связи указывается, что причинение вреда при задержании возможно лицу, совершившему общественно опасное деяние, а в соответствии со ст. 3.2 КоАП причинение вреда при задержании допускается физическому лицу, совершившему преступление или административное правонарушение.

Как видно, в уголовном законодательстве не акцентируется внимание на задерживаемом как на физическом лице в отличие от нормы, содержащейся в КоАП, что полагаем логичным, так как к иному лицу, кроме как к физическому, сомнительно применение такой меры принуждения, как задержание. В то же время данное уточнение в КоАП считаем возможным в отличие от указания в ст. 3.2 КоАП на потенциальное причинение вреда при задержании физического лица, совершившего преступление, так как допустимость причинения вреда лицу, совершившему преступление, предусмотрена ст. 35 УК и указание на это в административном законодательстве излишне и не способствует принципу межотраслевой согласованности. К тому же в УК используется более широкая формулировка «лицо, совершившее общественно опасное деяние» как возможное основание правомерного причинения ему вреда при задержании, когда оно не будет обладать признаками субъекта преступления (например: возраст, вменяемость).

Еще одним условием правомерности, относящимся к причинению вреда задерживаемому лицу, на которое следует обратить внимание, является то, что не должно быть допущено превышения мер, необходимых для задержания.

Так, ч. 2 ст. 35 УК закрепляет, что превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом общественно опасного деяния и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного лишения жизни либо причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.

В то же время данное условие правомерности в КоАП в принципе не нашло своего отражения, что, на наш взгляд, допускает ситуации правовой неопределенности. Соблюдая основные требования нормотворческой техники, полагаем целесообразным изложить его в примечании к ст. 3.2 КоАП, как это реализовано в примечании к ст. 3.1 «Необходимая оборона» КоАП. При этом важно указать общественно вредные последствия, которые будут определять превышение пределов причинения вреда задерживаемому лицу для определения границ его правомерности. На наш взгляд, таким последствием может выступить умышленное причинение телесного повреждения, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности.

Одновременно в КоАП необходимо отразить влияние превышения пределов причинения вреда при задержании лица на привлечение к административной ответственности. В УК превышение пределов исследуемого обстоятельства, исключаяющего преступность деяния, образует самостоятельные привилегированные составы преступлений (ст. 142, 151). В КоАП подобного состава административного правонарушения со смягчающим обстоятельством не сформулировано. В перечень обстоятельств, смягчающих административную ответственность (ст. 7.2 КоАП), превышение пределов причинения вреда при задержании физического лица не входит. По нашему мнению, ч. 1 ст. 7.2 КоАП следует дополнить таким обстоятельством, смягчающим административную ответственность, как «совершение административного правонарушения при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключających признание деяния административным нарушением». Такой подход будет способствовать реализации принципа справедливости административной ответственности.

Таким образом, рассмотрение специфики причинения вреда при задержании лица в уголовном и административном законодательстве позволяет сделать следующие выводы:

1. Наименование ст. 3.2 КоАП необходимо заменить на «Причинение вреда при задержании физического лица, совершившего административное правонарушение», исключив как из названия, так и из диспозиции нормы возможность причинения вреда при задержании физического лица, совершившего преступление, так как данное основание регламентируется ст. 35 УК, что послужит реализации принципа системности права и будет способствовать межотраслевой согласованности.

2. Примечание к ст. 3.2 КоАП надлежит сформулировать в следующей редакции: «Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего административное правонарушение, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной вредности совершенного задерживаемым лицом административного правонарушения и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой административную ответственность только в случаях умышленного причинения телесного повреждения, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности.»

3. Ч. 1 ст. 7.2 КоАП следует дополнить таким обстоятельством, смягчающим административную ответственность, как «совершение административного правонарушения при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключających признание деяния административным нарушением».

ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ДОЛЖНОСТИ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, РЕАЛИЗУЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ

Система уголовно-правовой охраны интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления включает в себя совокупность различных компонентов противодействия преступности в данной сфере, а также формирования правоотношений, исключающих (ограничивающих) участие лиц, использующих доступ к государственной власти в качестве инструмента и способа совершения преступлений, в общественных отношениях, требующих повышенной личной ответственности от непосредственных участников. На данное обстоятельство неоднократно указывал в своих решениях и Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, им отмечается, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью имеет, помимо сугубо правоограничительной составляющей, еще и явно выраженную превентивную направленность, отнимая у осужденного перспективу злоупотребления возможностями, вытекающими из занятия той или иной деятельностью, в целях предупреждения повторного совершения им аналогичного преступления.

Содержание наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 47 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в части лишения права занимать определенные должности изначально было ориентировано на определение основного субъекта преступлений против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, т. е. должностных лиц.

Внесенные в 2007–2021 гг. изменения в понятие «должностное лицо» существенно расширили перечень организаций, в которых таковое лицо может осуществлять свои организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия. Так, если ранее к числу субъектов должностных преступлений согласно примечанию к ст. 285 УК РФ относились лишь лица, занимающие должности в органах государственной власти, органах местного самоуправления либо Вооруженных Силах Российской Федерации, то в настоящее время субъектами злоупотребления должностными полномочиями, их превышения, получения взятки и других составов являются лица, осуществляющие полномочия не только в государственных и муниципальных учреждениях, но и в государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, учрежденных либо подчиненных Российской Федерации. Данный перечень достаточно обширный и включает в себя различные организации, объединяющим признаком которых является непосредственное учреждение Российской Федерацией для осуществления тех либо иных функций государства с использованием возможностей юридических лиц соответствующих организационных форм.

Такое расширение объясняется признанием важной роли не только органов власти, но и перечисленных в примечании к ст. 285 УК РФ коммерческих организаций в осуществлении функций государства, т. е. руководители любой организации с государственным участием должны действовать в публичных интересах и отвечать за ее нарушения, достигшие криминальной степени общественной опасности, как должностные лица.

Необходимо учитывать, что согласно разъяснениям, данным в абзаце втором п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», запрещение занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью должно быть обусловлено обстоятельствами совершенного преступления. Рассматриваемая правовая коллизия создает ситуацию, когда, несмотря на то что обстоятельствами совершенного преступления непосредственно обусловлена необходимость лишения права занимать определенные должности для предотвращения возможности совершения аналогичных преступлений в будущем либо иных правонарушений лицом, не оправдавшим доверия в рамках участия в ответственной деятельности, такое лишение не может быть произведено в связи с обозначенными разногласиями действующего законодательства.

В рамках отдельных судебных решений предпринимаются попытки устранить возникшее противоречие и назначать данный вид наказания исходя из его предназначения. Однако такие приговоры, как правило, не проходят проверку вышестоящих судебных инстанций.

Например, К., осужденному по ч. 2 ст. 292 УК РФ, при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности было определено ограничение на замещение должностей не только в государственных органах, органах местного самоуправления, но также и в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям. Формулировка, использованная при определении наказания осужденному должностному лицу, была заимствована судом непосредственно из примечания к ст. 285 УК РФ, определяющего понятие должностного лица. Однако Верховный Суд Российской Федерации, отменяя данное решение, указал, что суд не может назначить осужденному наказание в таком виде, поскольку запрет занимать указанные должности законом (ст. 47 УК РФ) не предусмотрен.

Примечательно, что аналогичное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом Республики Беларусь (ст. 51), не содержит ограничения на применение рассматриваемого вида наказания в части указания на принадлежность органа (организации, учреждения), занятие должности в котором влечет возникновение властных полномочий и, соответственно, носит более универсальный характер, т. е. позволяет более эффективно решать задачи предупреждения преступности.

Устранение существующего противоречия в отечественном уголовном законодательстве возможно путем корректировки содержания наказания в виде лишения права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятель-

ностью и использования в ч. 1 ст. 47 УК РФ формулировки, предполагающей возможность установления лишения права занимать руководящие должности не только в органах государственной власти или органах местного самоуправления, но и в коммерческих и иных организациях, реализующих государственные функции. Соответствующее изменение должно состоять в дополнении ч. 1 ст. 47 УК РФ запретом занимать руководящие должности в коммерческих и иных организациях, реализующих государственные функции, перечень которых содержится в примечании к ст. 285 УК РФ.

УДК 343.9

Н.В. Куйко

XV КОНГРЕСС ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ДИСКУССИИ

Начиная с 1955 г. под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) проводятся Конгрессы по предупреждению преступности и уголовному правосудию (далее – Конгрессы). В их работе участвуют представители различных государств, обсуждая актуальные вопросы борьбы с преступностью и обращения с правонарушителями. Это оказывает влияние на государственную политику и правоприменительную практику противодействия преступности, содействует расширению международного сотрудничества в рассматриваемой сфере, способствует выработке оптимальных практик. Правовую основу указанной деятельности определяют резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, а также Экономического и Социального Совета ООН. По итогам Конгресса принимается итоговый документ – доклад по рассматриваемым проблемам. Необходимо учитывать, что доклад Конгресса, его решения и резолюции носят рекомендательный характер. Вместе с тем они имеют серьезное значение для укрепления и развития межгосударственного сотрудничества в области борьбы с преступностью и коррупцией, обращения с правонарушителями и совершенствования системы исполнения наказаний.

На протяжении 60 лет Конгрессы проводились каждые пять лет, за это время было проведено 13 Конгрессов. Однако в 2020 г. из-за пандемии COVID-19 XIV Конгресс не состоялся и был перенесен с апреля 2020 г. на март 2021 г. Он проходил в г. Киото (Япония) под названием «Преступность и правосудие: решение проблем XXI века».

Резолюцией 77/231, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 15 декабря 2022 г., определено, что с целью сохранения пятилетнего цикла проведения конгрессов XV Конгресс необходимо провести в 2026 г.

19 декабря 2023 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция 78/223, закрепившая главную тему XV Конгресса – «Активизация деятельности по предупреждению преступности, уголовному правосудию и утверждению верховенства права: защита людей и планеты и осуществление Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в цифровую эпоху», а также проблемное поле дискуссии, которое включает в себя:

поддержку инновационных и эмпирически обоснованных стратегий предупреждения преступности в интересах социального, экономического и экологического развития;

построение жизнестойких обществ с обращением особого внимания защите женщин, детей и молодежи: содействие социальной активности, просвещению и формированию культуры законопослушания;

содействие формированию социально ориентированных, инклюзивных и адаптивных систем уголовного правосудия в постоянно меняющемся мире;

обеспечение равного доступа к правосудию для всех: на пути к построению безопасных и защищенных обществ при соблюдении принципа верховенства права;

борьбу с преступностью и противодействие ей, включая организованную преступность и терроризм во всех его формах и проявлениях, в ее новых, зарождающихся и видоизменяющихся формах;

работу на опережение: совершенствование сбора и анализа данных для улучшения защиты людей и планеты в эпоху новых, зарождающихся и видоизменяющихся форм преступности;

улучшение взаимодействия в целях укрепления сотрудничества и партнерских отношений, в том числе в форме технической и материальной помощи и обучения, на национальном, региональном и международном уровнях в области предупреждения преступности и уголовного правосудия;

использование возможностей цифровой эпохи: поощрение ответственного применения технологий в деятельности по предупреждению преступности и в уголовном правосудии.

Резолюцией 79/186, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 2024 г., определено проведение XV Конгресса в период с 25 по 30 апреля 2026 г., а предшествующих Конгрессу консультаций – 24 апреля 2026 г.

Ожидается участие более 3 000 представителей, включая высокопоставленных международных должностных лиц, правительственных и неправительственных организаций, а также ведущих экспертов и специалистов из различных стран мира. Конгресс станет глобальной платформой для обсуждения современных угроз, стоящих перед системами правопорядка, и механизмов международного сотрудничества в условиях стремительной цифровизации. Основное внимание будет уделено выработке стратегических подходов к укреплению верховенства закона, правовой защите личности и устойчивому развитию в глобальном масштабе.

При этом Генеральной Ассамблеей ООН рекомендовано государствам-членам обеспечить представительство на XV Конгрессе на самом высоком возможном уровне, например на уровне глав государств или правительств, министров правительств или генеральных прокуроров, и выступить с заявлениями по теме и вопросам, обсуждаемым на Конгрессе. Чтобы предоставить возможность выступить всем желающим, продолжительность выступлений на Конгрессе будет огра-

ничена пятью минутами (примерно 500 слов), за исключением выступлений председателей региональных групп, на которые будет отведено до семи минут.

В своей резолюции 78/223 Генеральная Ассамблея ООН постановила, что в соответствии с ее резолюцией 56/119 XV Конгресс примет единую декларацию для представления на рассмотрение Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Абу-Дабийская декларация), содержащую убедительное всеобъемлющее политическое послание, отражающее основные темы, которые будут обсуждаться в ходе Конгресса с учетом итогов региональных подготовительных совещаний, консультаций с соответствующими организациями и учреждениями.

Подводя итог, необходимо отметить, что в рамках межгосударственного взаимодействия мирового сообщества эффективное предупреждение преступности основано на применении комплексных подходов, предусматривающих участие представителей государственных структур, гражданского общества, академического сообщества, частного сектора и граждан. В последнее время в указанной деятельности расширяется использование цифровых технологий. При грамотном и ответственном использовании названных технологий последние могут сыграть ключевую роль в новаторской деятельности по предотвращению преступности и обращению с правонарушителями, совершенствованию национальных пенитенциарных систем. При этом необходимо в обязательном порядке руководствоваться нормами международного права и обеспечивать соблюдение прав человека.

УДК 343:004

Р.Н. Ключко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА: ОТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТРАТЕГИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

Фундаментом для оптимизации правовой матрицы информационной безопасности, вписываемой в координаты общей концепции развития национальной правовой политики государства, является политическая идея укрепления национальной государственности как неотъемлемого условия обеспечения прав и свобод человека, общественных и государственных интересов с соблюдением принципа их сбалансированности в условиях развития информационного общества риска.

Учитывая новые информационные риски, вызовы и угрозы, Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, определяет задачи повышения защиты информационного суверенитета государства, разработки наднациональных стандартов и правил в области информационной безопасности с акцентом на продвижение национальных правовых интересов. В основе новой стратегии правовой политики государства в сфере обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства лежит изменение аксиологической парадигмы безопасности в информационном обществе, связываемой в современных условиях с технологическим суверенитетом, ценностями информационного и электорального суверенитета, традиционными духовно-нравственными ценностями, исторической памятью.

Объективно детерминированное гибкое и оперативное нормативное правовое реагирование на кризисные ситуации в условиях смены технологического уклада и изменения иерархии ценностей является ответом на трансформирующиеся вызовы и угрозы. Отмечаемое во всем мире повышение интенсивности проникновения правовых регуляторов в развивающуюся сферу информационного оборота неизбежно. Использование прогностического подхода к исследованию динамики развития информационной сферы, концептуализация доктринальной стратегии обеспечения информационной безопасности в новых реалиях информационного бытия будут способствовать стабильности и адаптивности универсальных юридических регуляторов информационной сферы, планомерному использованию регулятивного и охранительного правового ресурса обеспечения информационной безопасности.

В соответствии с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1, структура правового института информационной безопасности ясно представлена двумя самостоятельными компонентами: технологическим и гуманитарным. Важно отметить, что в указанной концепции в качестве обособленной выделяется информационно-психологическая компонента информационной сферы (п. 43); индивидуальное, групповое и массовое сознание определены как самостоятельные объекты защиты в сфере информационной безопасности (п. 34). В новых документах стратегического планирования – Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и Военной доктрине Республики Беларусь, утвержденных соответственно решениями Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 и № 6, в числе основных национальных интересов в информационной сфере зафиксированы защита общества от деструктивного информационного воздействия, сохранение национальной идентичности и памяти о героическом прошлом белорусского народа, дальнейшее развитие безопасной информационной среды и информационного общества; в качестве самостоятельной меры по недопущению эскалации военных опасностей и предотвращению военных конфликтов определяется противодействие пропаганде и деструктивной идеологии, использованию информационно-коммуникационных и информационно-психологических методов и технологий, направленных на вмешательство во внутренние дела Республики Беларусь, провоцирование в белорусском обществе вражды или розни, дестабилизацию обстановки в государстве (подп. 61.10 п. 61 Военной доктрины Республики Беларусь).

В документах стратегического планирования деструктивное информационное воздействие на общественное сознание, используемое для дестабилизации общественного порядка и безопасных условий жизнедеятельности, разрушения суверенитета государства, общественной нравственности, постулируется как угроза национальным интересам. Используемое для

управления экономическими, политическими, социальными процессами в жизни человека, общества и государства, направленное на трансформацию индивидуального и общественного сознания, деструктивное информационное воздействие требует применения системы мер противодействия, обеспечивающих информационно-психологическую безопасность личности и общества, информационного суверенитета государства. Не только доктринальная, но и нормативная правовая конкретизация информационной безопасности как интегративного объекта правовой охраны, а информационно-психологической безопасности личности и общества как ее неотъемлемого социально-гуманитарного компонента в совокупности с компонентом технологическим приобретает важное значение для легитимации правовых механизмов противодействия деструктивному информационному воздействию.

Развитие правовой категориальной базы в сфере обеспечения информационной безопасности требует нормативного правового закрепления понятия «информационно-психологическая безопасность личности и общества», отражающего социально-гуманитарное измерение информационной безопасности. Полагаем, что словесно-языковой конструкт «информационно-психологическая безопасность», уже в полной мере освоенный не только правовой доктриной, но и иными отраслями социально-гуманитарных наук, отражает суть самостоятельного объекта правового обеспечения как состояния защищенности индивидуальной и социальной психологической сферы от деструктивного информационного воздействия. Как объект правового регулирования и охраны, информационно-психологическая безопасность требует наряду с правовой фиксацией формирования в качестве опорного для совершенствования законодательства нового доктринального знания в виде научной стратегии ее правового обеспечения.

Необходимость формирования сепаратного механизма правового обеспечения безопасности коммуникативных процессов, отличного от механизма обеспечения информационно-технологической безопасности, впервые в белорусской правовой доктрине была определена О.С. Макаровым. Определение стратегических и тактических подходов к регулированию и охране информационно-психологической безопасности как самостоятельного компонента информационной безопасности, обозначаемого сегодня как «сфера смыслов», предполагает решение проблемы соответствия регулируемого объекта и применяемых правовых средств, включая средства определения уголовно-правовых границ поведения субъектов, взаимодействующих в информационном пространстве. Необходимость актуализации охранительного (уголовного и административного) законодательства, определяющего гарантии обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства, вытекает из постановки в новых концептуальных документах задач повышения эффективности использования правового ресурса для защиты национальных интересов в информационной сфере, его гармонизации с заданными в них стратегическими императивами. В противном случае последние будут иметь лишь декларативный характер.

УДК 343.211

А.В. Ковальчук

ШКАЛА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ СОГЛАСОВАННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ СОРАЗМЕРНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА

Уголовно-правовой запрет не может существовать и функционировать изолированно от иных норм в правовом вакууме. Его конструкция требует гармоничного встраивания в существующую правовую систему. Иными словами, он должен быть согласован с нормами других отраслей права. Межотраслевая согласованность должна обеспечиваться путем сопоставления конструкции уголовно-правового запрета с действующими нормативными правовыми предписаниями иных отраслей права (конституционного, гражданского, административного, налогового, экологического и др.), регулирующих смежные правоотношения. В результате такого сопоставления можно выявить и предупредить правовые коллизии, негативно влияющие на правоприменение. Однако само сопоставление конструируемого уголовно-правового запрета со смежными отраслями права на стадии формулирования нормы является трудновыполнимым, поскольку законодателю не всегда ясны ни круг возможных нормативных правовых актов, регулирующих смежную сферу правоотношений, ни конкретные данные, позволяющие осуществить такую проверку. Вследствие этого полагаем необходимым разработать шкалу межотраслевой согласованности уголовно-правового запрета – упорядоченную систему элементов, по которой законодателю безошибочно можно было бы судить об уровне межотраслевой согласованности. По нашему мнению, сопоставление уголовно-правового запрета с каждым из выделенных нами типовых элементов позволит установить уровень его межотраслевой согласованности и сделать окончательный вывод о соблюдении указанного криминализационного требования.

С учетом проведенного нами анализа доктринальных источников, научных воззрений и существующих межотраслевых проблем Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) полагаем, что в качестве универсальных (типовых) элементов межотраслевой согласованности уголовно-правового запрета могут выступать: единство межотраслевой терминологии бланкетных признаков уголовно-правового запрета, межотраслевая индивидуальность признаков уголовно-правового запрета, межотраслевая определенность количественных признаков деяния и его последствий, межотраслевая согласованность санкций. Каждый из названных типовых элементов включает в себе присущее ему содержание, позволяющее осуществить проверку конструируемого уголовно-правового запрета на межотраслевую согласованность. Так, содержание элемента единства межотраслевой терминологии бланкетных признаков уголовно-правового запрета предполагает установление согласованности терминологии уголовно-правового запрета и смежного законодательства, конкретизирующего бланкетные признаки состава преступления. Содержание элемента межотраслевой индивидуальности признаков уголовно-правового запрета заключается в установлении четкого отличия терминов, используемых для конструирования криминообразующих признаков уголовно-правового запрета, от терминов, регулирующих смежную сферу правоотношений в ином (не уголовном) законода-

тельстве, а также закреплённости в УК оценочных признаков, исключающих одновременное отнесение деяния к уголовному либо иному неуголовному правонарушению. Содержание элемента межотраслевой определённости количественных признаков деяния и его последствий предполагает установление при конструировании запрета ясности и недвусмысленности признаков, описывающих количественные характеристики деяния и его последствий в уголовном и ином смежном законодательстве, а также точности использования в УК преюдициальных признаков (систематичности, административной или дисциплинарной преюдиции, неоднократности), позволяющих отграничить преступление от иного правонарушения. Наконец, содержание элемента межотраслевой согласованности санкций предусматривает установление при конструировании запрета преобладания в санкциях строгости мер уголовной ответственности над иными неуголовно-правовыми мерами.

Наиболее предпочтительным является выделение в рассматриваемой шкале трех уровней межотраслевой согласованности уголовно-правового запрета: низкого, среднего (частичного) и высокого.

Низкий уровень характеризуется межотраслевой рассогласованностью, при которой наблюдается несовпадение терминов, используемых в бланкетных признаках уголовно-правового запрета, с терминами смежного законодательства, регулирующего сходную сферу общественных отношений. Возможно дублирование конструкции состава преступления конструкцией составов правонарушений смежных отраслей, создающее коллизионность и конкуренцию, либо помещение чрезмерно расплывчатых оценочных признаков, не позволяющих отграничить преступление от иного правонарушения. Количественные признаки криминализируемого деяния и (или) его последствий при их необходимости либо отсутствуют, либо установлены изолированно, без логической связи с аналогичными порогами, влекущими неуголовную ответственность. При этом при предусмотренности преюдициальных признаков последние регламентированы некорректно и не способны выполнять своей разграничительной функции. Санкция уголовно-правовой нормы не образует логической иерархии по отношению к мерам ответственности, предусмотренным в смежных отраслях.

Средний уровень указывает на нестабильную межотраслевую согласованность, при которой терминологическое единство уголовно-правового запрета и смежного законодательства, конкретизирующего бланкетные признаки состава преступления, обеспечивается лишь выборочно, а по ряду существенных понятий сохраняются расхождения, которые могут быть преодолены толкованием правоприменителя. Уголовно-правовой запрет в целом использует самостоятельную терминологию, однако некоторые его признаки не адаптированы к целям уголовно-правового регулирования. Оценочные признаки, призванные провести грань между различными видами ответственности, сформулированы неодинаково, однако допускают риск возникновения проблем правоприменения. Количественные параметры (при их предусмотренности) определены и выполняют разграничительную функцию, но могут требовать точечной корректировки для устранения несогласованности, не влияющей на единообразие правоприменения. Санкции уголовно-правового запрета и иных неуголовных правонарушений в целом сбалансированы между собой. Вместе с тем доктрина указывает на отдельные диспропорции, требующие целенаправленной законодательной оптимизации. Данный уровень предполагает работоспособность уголовно-правового запрета, однако указывает на необходимость его корректировки в части устранения отдельных признаков, влияющих на межотраслевую рассогласованность.

Высокий уровень представляет собой модель идеально интегрированного в правовую систему уголовно-правового запрета, не имеющего проблем рассогласования.

Несоответствие хотя бы одного из четырех элементов по уровню низкой согласованности является индикатором, указывающим на несоблюдение межотраслевой согласованности и несоразмерность криминализации в целом. Это обусловлено тем, что выделенные нами элементы образуют взаимозависимую конструкцию, в которой несоблюдение одного из них дестабилизирует всю систему правового регулирования. В случае когда все элементы соответствуют уровню средней (частичной) или высокой согласованности, криминализация должна рассматриваться как допустимая. Однако состояние средней (частичной) согласованности по одному или нескольким элементам указывает на наличие конкретных дефектов межотраслевой согласованности, которые требуют целенаправленной законодательной корректировки. Таким образом, шкала межотраслевой согласованности уголовно-правового запрета формирует аналитический инструмент, позволяющий провести его проверку на соразмерность, выявить слабые места и направления для законодательной оптимизации.

УДК 343.54

Н.И. Козелецкая

ПОНЯТИЕ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

Проблематика детской порнографии занимает одно из ключевых мест в системе уголовно-правовых мер, направленных на охрану несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации. Это обусловлено не только высокой степенью общественной опасности соответствующих деяний, но и необходимостью обеспечения защиты прав и законных интересов детей в условиях трансформации социальных и информационных процессов.

Цифровизация общественных отношений и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий привели к появлению новых форм преступной деятельности, связанной с оборотом материалов сексуального характера с участием несовершеннолетних. Особое место среди них занимает использование технологий искусственного интеллекта (ИИ), позволяющих генерировать изображения и видеоматериалы высокой степени реалистичности. Указанные процессы обусловили формирование нового феномена – виртуальной детской порнографии, содержание и правовая оценка которой остаются предметом научных дискуссий.

Следует отметить, что данное явление не является абсолютно новым. В апреле 2002 г. Верховный суд США признал неконституционным запрет на виртуальную детскую порнографию, указав, что при отсутствии эксплуатации реальных детей государство не вправе ограничивать распространение подобного контента, основываясь лишь на предположениях о потенциальной опасности.

Вместе с тем современные эмпирические данные свидетельствуют о пересмотре подобных оценок. Журналистское расследование Би-би-си, проведенное в 2023 г., подтвердило активное использование нейросетей лицами с педофильными наклонностями для создания и распространения виртуальной детской порнографии. Экспертные оценки указывают на то, что преступники, совершающие сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, активно осваивают новейшие цифровые инструменты, а некоторые специалисты полагают, что будущее детской порнографии связано с контентом, генерируемым ИИ.

Одним из наиболее распространенных аргументов в пользу допустимости оборота подобных материалов является тезис об отсутствии прямого физического или психологического вреда, поскольку при их создании не задействуется реальный ребенок. По мнению С. Кляйнханса, «предположение, что просмотр виртуальных образов ведет к реальному насилию, основано скорее на страхах и моральной панике, чем на доказательствах». Автор скептически оценивает идею, что виртуальная детская порнография автоматически подталкивает к преступлению. Однако подобная позиция представляется упрощенной и не учитывает весь спектр социально-психологических рисков, связанных с воздействием такого медиаконтента. Педофил может эволюционировать по шкале преступления: от формирования мысленных образов к их визуализации в синтезированной форме, а затем и к совершению реальных сексуальных преступлений против несовершеннолетних. В этом контексте виртуальная детская порнография способна выполнять функцию своеобразного катализатора криминального поведения, способствуя усилению патологического сексуального интереса к детям, становиться инструментом груминга и представлять потенциальную угрозу общественной безопасности.

Традиционно уголовное законодательство Республики Беларусь, равно как и законодательство большинства зарубежных государств, сосредоточено на криминализации изготовления, распространения и хранения материалов, содержащих изображения реальных несовершеннолетних. Однако в условиях стремительного развития цифровых технологий подобный подход все чаще рассматривается как недостаточный. Существует высокая вероятность того, что традиционные законодательные конструкции окажутся не столь эффективными для предотвращения подобных преступлений.

Нельзя не согласиться с мнением российского ученого С.С. Жевлаковича и его коллег, подчеркивающих необходимость поиска оптимальных путей трансформации законодательства, которое не содержит оптимального инструментария для квалификации подобных противоправных деяний, осуществляемых на принципиально новой технологической основе.

В этой связи одним из ключевых аспектов обеспечения эффективной защиты несовершеннолетних в цифровую эпоху является законодательное закрепление определения понятия детской порнографии.

Анализ международных правовых актов демонстрирует отсутствие унифицированного подхода к содержанию данного понятия. Так, Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка 2000 г. формально использует максимально расширенную формулировку, определяя детскую порнографию как «любое изображение какими бы то ни было средствами» ребенка, совершающего реальные или смоделированные сексуальные действия. Вместе с тем в тексте документа отсутствует прямое указание на виртуальные либо искусственно созданные образы. В результате определение фактически ориентируется на изображения, которые основаны на участии реального ребенка.

Отдельные международные конвенции прямо допускают возможность исключения анимационных и виртуальных изображений из сферы уголовно-правового запрета. Так, ст. 20 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г. предоставляет государствам право не криминализировать производство или хранение порнографических материалов, если они представляют собой исключительно смоделированные или реалистично созданные изображения несуществующего ребенка.

Аналогичный подход закреплен и в Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 г., ч. 3 ст. 14 которой дает право государствам-участникам относить к материалам, содержащим сцены сексуальных надругательств над детьми или их эксплуатации, исключительно материалы, которые изображают, описывают или представляют существующего человека или визуально изображают акты сексуальных надругательств над ребенком или сексуальной эксплуатации ребенка.

Таким образом, международное право не вырабатывает императивного подхода к квалификации виртуальной детской порнографии, предоставляя государствам возможность самостоятельно определять подход к законодательному регулированию вопросов, связанных с оборотом материалов порнографического характера с участием несовершеннолетних, что приводит к сохранению дискуссий в научной сфере и правоприменительной практике относительно того, какие именно виды медиаконтента должны подпадать под данное понятие и в какой мере допустимо криминализировать виртуальные изображения.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь содержание понятия «порнографические материалы или предметы порнографического характера с изображением несовершеннолетнего» не раскрывается. Его толкование дается в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 22 октября 2008 г. № 1571 «Об экспертных комиссиях по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости», которое относит к материалам детской порнографии любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях, а равно любые изображения или описания ребенка (а также совершеннолетнего, изображающего ребенка), совершающего реальные либо смоделированные действия сексуального характера, участвующего в них или в их имитации.

Помимо прочего, к детской порнографии законодателем отнесены реалистичные изображения ребенка, созданные с использованием анимации или электронной техники. Включение таких изображений в сферу уголовно-правового запрета позволяет рассматривать их как разновидность виртуальной детской порнографии. Такой подход отражает ориентацию на превентивную защиту несовершеннолетних и минимизацию рисков трансформации виртуальных форм преступного поведения в реальные преступления.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СОСТАВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Институт административной преюдиции занимает все более заметное место в уголовном праве Республики Беларусь, что обусловлено системными изменениями уголовного и административного законодательства последних лет. В ходе реформы административного законодательства 2021 г., а также при внесении существенных поправок в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в 2021–2025 гг. произошло расширение перечня уголовно наказуемых деяний, ответственность за которые наступает при повторном совершении определенного административного правонарушения. Тем самым административная преюдиция стала одним из механизмов, позволяющих регулировать переход от административной к уголовной ответственности без введения новых самостоятельных составов преступлений.

Вместе с тем широкое использование административной преюдиции вызывает вопросы о соответствии данного механизма принципу правовой определенности, индивидуализации уголовной ответственности, а также соотношению административного и уголовного наказания с точки зрения конституционных прав и свобод человека. Практика применения норм с преюдициальными признаками свидетельствует о наличии неоднородности в подходах правоохранительных органов в применении административной преюдиции.

Учитывая усиление роли предупредительных и превентивных механизмов в уголовной политике Республики Беларусь, необходимость комплексного научного исследования административной преюдиции становится очевидной. Эта проблема приобретает особую актуальность в связи с повышением нагрузки на административную юстицию, внедрением электронного администрирования и расширением возможностей фиксации правонарушений с использованием цифровых технологий.

В соответствии со ст. 32 УК административная преюдиция может быть предусмотрена законодателем в уголовно-правовых нормах Особенной части УК только в том случае, если преступление относится к категории не представляющих большой общественной опасности.

В УК действуют статьи, согласно которым уголовная ответственность наступает при повторном совершении административного правонарушения, например: ст. 174 «Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении», ст. 300¹ «Незаконные действия в отношении гражданских беспилотных летательных аппаратов и авиамodelей», ст. 317¹ «Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)», ст. 317² «Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления», ст. 371 «Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь».

У законодателя отсутствует единый подход к конструированию норм с административной преюдицией, например в ст. 317¹ УК указано, что уголовная ответственность наступает за деяния, «совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения», при этом ст. 317² УК предусматривает наступление уголовной ответственности за деяние, «совершенное неоднократно», тем самым необходимо внести изменения в ст. 32 УК.

Таким образом, административно-преюдициальные нормы имеют устоявшуюся историю применения в отечественном уголовном праве, однако до сих пор не выработаны научные основы единства подходов к регулированию административной преюдиции при конструировании уголовно-правовых норм, вследствие чего возникают затруднения в практике их применения. В доктрине уголовного права отсутствует единый подход к пониманию административной преюдиции. Полагаем, что административная преюдиция – прежде всего особое средство юридической техники, устанавливающее сложный фактический состав. От того, насколько будет научно обосновано введение уголовно-правовых запретов с административной преюдицией, зависит эффективность борьбы с преступностью, в том числе уровень социального благополучия общества.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

Одним из направлений борьбы с преступностью является предупреждение рецидивной преступности. По мнению В.В. Тулегенова, административный (превентивный) надзор является важным инструментом правоохранительных органов по предупреждению рецидивной преступности и криминального профессионализма, направленным на обеспечение постпенитенциарного контроля за преступником, его окружением.

Понимание сущности превентивного надзора и его реализация в правоприменительной практике осложняются двумя факторами: полярность научных взглядов на юридическую природу анализируемого понятия и отсутствие его нормативного правового толкования как правовой категории.

Рассматриваемый институт нашел отражение в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК), в котором определены цели, основания установления, приостановления (возобновления), прекращения превентивного надзора; категории лиц, в отношении которых он может и должен быть установлен; перечень требований превентивного надзора, условия и сроки его продления. Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (гл. 27) регламентирован порядок установления,

осуществления, приостановления, возобновления и прекращения превентивного надзора. В целях формирования единообразного подхода в реализации вопросов, связанных с превентивным надзором, издано постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 14 «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре» (далее – постановление № 14). Однако подходы, изложенные в правовых актах по установлению превентивного надзора, противоречивы. Так, законодательством определены категории лиц, в отношении которых судом устанавливается или может быть установлен превентивный надзор. Согласно п. 2 ч. 4 ст. 80 УК после освобождения из исправительного учреждения превентивный надзор может быть установлен за совершеннолетним лицом, судимым за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимым два раза или более к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если оно в пределах срока судимости более двух раз в течение года привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста. Однако Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении № 14 обращает внимание, что условием установления превентивного надзора в отношении указанных лиц является наличие не менее трех постановлений о наложении административных взысканий, вынесенных в течение года (началом исчисления годичного срока следует считать день наложения первого административного взыскания). При этом вид наложенного административного взыскания значения не имеет. Соответственно, такая коллизия правовых норм негативно сказывается на правоприменительной деятельности.

Кроме того, по общему правилу превентивный надзор устанавливается на срок от шести месяцев до двух лет, но в пределах срока судимости. Проблемной является ситуация, когда на момент рассмотрения представления об установлении превентивного надзора до погашения судимости остается менее шести месяцев.

В судебном заседании при рассмотрении представления и прилагаемых к нему документов об установлении превентивного надзора судьей определяется перечень обязательств, возлагаемых на лицо, которое обязано соблюдать требования превентивного надзора: прибыть в установленный срок к избранному месту жительства и явиться в орган внутренних дел для постановки на учет, уведомлять орган внутренних дел о перемене места жительства, являться в орган внутренних дел для регистрации от одного до четырех раз в месяц. Изменение этих требований в течение срока осуществления превентивного надзора не допускается. Помимо таких обязательств при установлении превентивного надзора или при его осуществлении дополнительно могут быть избраны следующие требования: не посещать определенные места; не покидать свое жилище в определенное время суток; не выезжать за пределы населенного пункта по служебным и личным делам без согласия органа внутренних дел; не выезжать за пределы Республики Беларусь; поступить на работу или учебу или заниматься иной деятельностью, при осуществлении которой лицо считается занятым; являться в организацию здравоохранения для прохождения принудительного лечения, назначенного в соответствии со ст. 107 УК, и выполнять мероприятия, предусмотренные в рамках диспансерного наблюдения при прохождении такого лечения. Изменение указанных требований в течение срока осуществления превентивного надзора допускается по представлению органа внутренних дел.

За несоблюдение требований превентивного надзора без уважительных причин предусмотрена административная ответственность по ч. 1 ст. 25.11 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2024 г. количество таких административных правонарушений снизилось в сравнении с 2023 г. Уровень криминальной активности лиц, за которыми установлен превентивный надзор, в масштабах республики снизился на 27,6 %. В свою очередь, обеспокоенность вызывают показатели роста преступлений, связанных с нарушениями требований превентивного надзора и уклонением от него. Так, в 2024 г. наблюдается рост преступлений по ст. 421 (+3,6 %), 422 (+14,2 %) УК в сравнении с 2023 г. Одной из причин этому является снижение эффективности выявления фактов несоблюдения без уважительных причин требований превентивного надзора лицом, за которым он установлен. Кроме того, факты совершения поднадзорными преступлений в ночное время, в состоянии алкогольного опьянения указывают на недостаточность осуществления контроля за ними.

Полагаем целесообразным распространить практику применения электронных средств наблюдения в отношении лиц, находящихся под превентивным надзором, в том числе с возможностью приобретения указанных устройств за счет собственных средств поднадзорного. Для повышения эффективности функционирования уголовно-правового института «превентивный надзор» необходимо исключить коллизии правовых норм, в частности в постановление № 14 внести редакционные правки с учетом положений ст. 80 УК.

УДК 343

В.В. Лисаускайте

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРАДИЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью представляет собой одно из стратегических направлений в деятельности каждого государства по обеспечению безопасности населения и территории. В настоящее время существуют различные формы его осуществления. С каждым годом увеличивается сложность и проблемность такой работы. Появление новых технологий, новых преступных форм, а следовательно, новых рисков безопасности требует от государств оперативного взаимодействия, разработки и своевременного использования соответствующих методик борьбы.

Экстрадиция (выдача) представляет собой одно из классических направлений сотрудничества, активно осуществляемое с середины XX в. Традиционно вопросы экстрадиции рассматриваются в процессуальном формате, однако в основе такого

сотрудничества изначально лежит сформированная материальная платформа, реализуемая посредством ее преломления к национальному процессуальному законодательству соответствующего государства.

Как самостоятельный институт в деятельности правоохранительных органов, он обладает своими сложившимися, общепринятыми правилами, а также спецификой регулирования и применения. Государства – участники Содружества Независимых Государств (СНГ) активно сотрудничают в данном направлении. Следует отметить, что, с одной стороны, эти страны сформировали единое пространство, позволяющее развивать свои экономики и экономику всего региона, свободно передвигаться населению своих государств. С другой стороны, такая открытость используется и организованной преступностью для реализации своих целей. В связи с этим, осуществляя экстрадицию преступников, важно сохранить действующий механизм и эффективно взаимодействовать в сфере выявления, пресечения и привлечения к уголовной ответственности преступников вне зависимости от их гражданства и места совершения преступлений.

Правовым основанием осуществления экстрадиции в рамках СНГ выступает Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. Она пришла на смену подписанному еще в 1993 г. соответствующему соглашению. Новый документ сформирован с учетом уже имеющейся практики государств, выявленных недостатков и проблем осуществляемого сотрудничества. По своему содержанию он весьма объемён, поскольку объединяет несколько сфер правоотношений. В то же время сотрудничеству по оказанию правовой помощи и правовым отношениям по уголовным делам посвящено достаточно большое количество статей (разд. IV), а вопросы выдачи (экстрадиции) регулируются более чем 20 статьями документа.

Отметим интересные, на наш взгляд, нормы по вопросам выдачи. Так, в п. 4 ст. 66 названной конвенции закреплено: «При решении вопроса о том, является ли деяние, за совершение которого запрашивается выдача, уголовно наказуемым по внутреннему законодательству запрашиваемой и запрашивающей Договаривающихся Сторон, не имеют значения различия в описании отдельных признаков преступления и в используемой терминологии». Весьма простое и логичное по содержанию правило имеет важное значение. Каждое государство обладает своим уголовным законодательством, устанавливающим ответственность за конкретные преступления. При его формировании используются своя национальная методология и юридическая техника, определенные исторические особенности. В связи с этим при сравнении диспозиций норм, описывающих признаки конкретных преступлений, их характеристика может различаться, хотя фактически речь идет об одном и том же деянии. Установление вышеуказанной нормы позволяет избегать вопросов установления идентичности понимания преступления.

Поскольку рассматриваемая конвенция регулирует сотрудничество на многостороннем уровне, интерес представляют положения ст. 86 документа. Эта норма регулирует вопросы транзитной перевозки выдаваемых или передаваемых лиц через третьи государства – участники соглашения. Таким образом, государства изначально берут на себя обязательство рассматривать запросы о транзитной перевозке и сотрудничать в ее осуществлении.

Достаточно большое количество статей посвящены вопросам, связанным с установленными сроками осуществления определенных процессуальных действий в рамках выдачи. Их положения можно свести к общему правилу: в любых процедурах применяются сроки, установленные национальным законодательством государства, их осуществляющего. Равно как и сама процедура выдачи (экстрадиции), все действия правоохранительных органов в связи с ее реализацией производятся на основании национального уголовно-процессуального законодательства.

В указанной сфере интересным представляется опыт России и Беларуси. Специалисты отмечают, что именно выдача является наиболее распространенной формой сотрудничества. Более 60 % международных запросов о выдаче, которые поступают в Беларусь, приходится именно на Россию. Данный факт не удивителен, учитывая открытые границы между этими государствами и интенсивное трансграничное взаимодействие в различных сферах.

Несмотря на такое насыщенное сотрудничество, при его осуществлении выявляют наличие определенных вопросов. Так, не все преступления по белорусскому законодательству являются таковыми в России. В результате, например, объявленный Беларуси в международный розыск преступник за уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ или ограничения свободы будет задержан в России, однако его не смогут выдать на основании полученного запроса. Такие расхождения законодательства двух государств пока не решены. Однако это не влияет на эффективное взаимодействие по выявлению, пресечению и привлечению к уголовной ответственности преступников, совершивших более общественно опасные деяния.

Представленный анализ международно-правового регулирования осуществления экстрадиции в рамках СНГ свидетельствует о функционировании отлаженного, но не безупречного механизма. Решение его проблем является рабочим форматом взаимодействия, реализация которого способствует эффективной борьбе с преступностью как на национальном, так и на региональном уровне.

УДК 343.541

В.В. Марчук

ПОНИМАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К ст. 166 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) была дополнена примечанием следующего содержания: «Для целей применения настоящей статьи и статьи 167 настоящего Кодекса малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении него преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии, поскольку в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

С момента вступления в законную силу указанного примечания в правоприменительной практике возник вопрос о квалификации полового сношения, иных действий сексуального характера, совершенных обвиняемым с согласия лица, не достигшего 12-летнего возраста. По мнению многих практических сотрудников, совершение полового сношения и других действий сексуального характера с лицом, не достигшим 12-летнего возраста, которое в силу закона признается находящимся в беспомощном состоянии, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 166 или соответственно ч. 3 ст. 167 УК. При этом уголовная ответственность должна наступать независимо от осознания обвиняемым возраста потерпевшей(-го) и нахождения ее (его) в беспомощном состоянии. Вместе с тем в некоторых случаях по рассматриваемому вопросу назначались экспертизы. Однако эксперты, ссылаясь на прямое указание закона (примечание к ст. 166 УК), отказывали в проведении экспертизы.

Прежде чем говорить о вопросах правоприменения, есть основания поставить вопрос относительно содержания примечания к ст. 166 УК. Во-первых, при введении этой нормы в УК в сопроводительных документах к законопроекту не было какого-либо внятного криминологического обоснования. Во-вторых, констатация вывода о том, что малолетний, не достигший 12-летнего возраста, «не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий», не совсем согласуется с современными исследованиями психологов, сексологов, педагогов, социологов о наличии в последние десятилетия устойчивой тенденции снижения возраста сексуального дебюта. Так, ведущий специалист по юношеской психологии и социологии сексуальности, известный российский социолог и психолог, академик РАН И.С. Кон на основе проведенных в 90-х гг. XX в. трех социологических исследований сделал следующий вывод: «Почти половина сексуально искушенных подростков (34 % девочек и 57 % мальчиков) свой первый половой акт пережили до 15 лет, а 5 % девочек и 20 % мальчиков – в 12 лет и младше». Отметим, что И.С. Кон писал об этом до начала тотальной цифровизации, которая существенно расширила возможности познания во всех сферах социума, в том числе и в сфере сексуальных отношений.

Эти исследования дают основание утверждать, что законоположение, содержащееся в примечании к ст. 166 УК, не совсем соответствует реальности. Если речь идет о девочке семи-девяти лет, можно согласиться с тем, что она не понимает характера и значения совершаемых в отношении ее действий. Однако вопрос возникает в отношении потерпевших в возрасте 11 лет, а особенно тех, которым еще 11 лет, но вот-вот исполнится 12 лет.

Казалось бы, вопрос о четком понимании содержания примечания к ст. 166 УК должен быть разъяснен в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 октября 2025 г. № 9 «Об изменении постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7». Однако положения новой редакции постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (статьи 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» по рассматриваемому вопросу содержат неопределенность. Так, в п. 6 указанного постановления содержится важное для практики положение: «При этом, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, обвиняемый должен сознавать, что потерпевший находится в беспомощном состоянии». Это абсолютно верное суждение, которое соответствует принципу личной виновной ответственности, закрепленному в ч. 5 ст. 3 УК.

Однако в связи с дополнением ст. 166 УК примечанием ситуация несколько изменилась. Имеется указание на то, что к беспомощному состоянию относятся и случаи с «недостижением двенадцатилетнего возраста». Вместе с тем возникает закономерный вопрос: а если обстоятельства дела очевидно указывают на то, что обвиняемый сознавал, что беспомощного состояния нет? Если обвиняемый четко сознавал, что не достигшее 12 лет лицо все знает и все прекрасно понимает?

Есть основания полагать, что в пограничной возрастной ситуации (с малолетним 11-летнего возраста) содержание примечания к ст. 166 УК следует рассматривать не как аксиому, а как опровержимую презумпцию. Если у следователя или судьи возникают сомнения относительно того, понимал ли потерпевший характер и значение совершаемых в отношении его действий, то почему не может быть назначена экспертиза?

Согласно п. 4 ст. 228 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь назначение и проведение экспертизы обязательно, если необходимо установить «психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания».

Полагаем, нет никаких оснований отрицать возможность понимания 11-летним потерпевшим характера и значения совершаемых с ним действий. Более того, практика показывает, что в ряде случаев малолетний провоцирует половое сближение. Вследствие этого, если есть необходимость назначить экспертизу, она должна быть назначена, а эксперт должен не отказывать, ссылаясь на указание закона, а помочь следствию и суду установить истину. Иные решения будут противоречить важнейшему принципу уголовной ответственности – принципу личной виновной ответственности (ч. 5 ст. 3 УК).

При внимательном прочтении примечания к ст. 166 УК можно выделить два критерия, которые необходимо устанавливать при расследовании и рассмотрении дела:

1. Формальный (возрастной) – малолетний не достиг 12-летнего возраста.
2. Психологический – потерпевший не мог понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Эти критерии образуют своего рода субъективную сторону потерпевшего. При этом нельзя игнорировать и субъективную сторону в поведении обвиняемого. Необходимо доказывать, что обвиняемый четко сознавал как факт недостижения потерпевшим 12-летнего возраста, так и факт непонимания потерпевшим характера и значения совершаемых в отношении его действий.

Указание в ч. 3 ст. 166 и ч. 3 ст. 167 УК на «заведомо малолетнего» относится ко всем малолетним, в том числе и к тем, кто не достиг 12-летнего возраста. Не исключается ситуация, когда обвиняемый может оказаться в состоянии заблуждения относительно подлинного возраста потерпевшего (например, потерпевший сознательно увеличил свой возраст), и это обстоятельство игнорировать нет оснований.

Кроме того, если обстоятельства дела указывают на отсутствие вышеназванного психологического критерия, вопрос об ответственности должен решаться в рамках ст. 168 УК при условии, что есть иные признаки, предусмотренные данной статьей.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ В КОНТЕКСТЕ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

Криминализация и декриминализация представляют собой основные инструменты уголовно-правовой политики, посредством которых определяются круг общественно опасных деяний, подлежащих уголовно-правовому запрету, а также пределы уголовной ответственности, что напрямую отражает приоритеты защиты общественных отношений на конкретном этапе социального развития. Усиление охраны наиболее значимых благ либо, напротив, смягчение мер уголовно-правовой охраны в силу устранения (существенного снижения) общественной опасности отдельных деяний позволяют поддерживать баланс между публичными и частными интересами в разрезе динамично развивающихся общественных отношений. Вместе с тем исключение уголовно-правового запрета не свидетельствует об устранении возможной юридической ответственности в целом. Параллельно декриминализации может быть осуществлена переоценка преступных деяний с переводом их в категории административного проступка (правонарушения), гражданско-правового деликта либо дисциплинарного проступка. Таким образом, осуществляется перенос акцента на иную, более мягкую форму юридической ответственности. Вместе с тем имеет место ситуация, когда иная ответственность (например, административная), существовавшая наряду (исходя из дифференциации степени вреда общественным отношениям) с уголовно-правовым запретом, может сохраняться и после декриминализации.

С учетом современных тенденций и направлений уголовной политики к результатам, которые стремится достичь государство при реализации уголовной ответственности, следует отнести цель, предусмотренную ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Имеется в виду, что осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, полученного преступным путем дохода, так и материального возмещения морального вреда. Применение мер уголовно-правового характера направлено на восстановление нарушенных общественно опасным деянием законности и правопорядка, социально полезных общественных отношений, нормальных жизненных условий человека; удовлетворение общественного правосознания; разрушение негативной ценностной ориентации.

Вместе с тем возникает вопрос: как быть с достижением указанной цели в ситуации, когда деяние, совершение которого впоследствии обусловило возмещение вреда (ущерба), было декриминализовано? Довольно характерна подобная ситуация для преступлений, которые относятся к разряду посягательств на отношения в сфере осуществления экономической деятельности, учитывая нередкие изменения в гл. 25 УК. Например, деяние, описываемое в ст. 233 «Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии)» УК, было частично декриминализовано, а общественная опасность деяния, запрещенного в ст. 234 «Лжепредпринимательство» УК, была полностью исключена.

Согласно ч. 1 ст. 9 УК преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Белорусский законодатель разрешил этот спор в пользу признания временем совершения деяния времени осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (ч. 1 ст. 9 УК). В ч. 2 ст. 9 УК сформулирован принцип обратной силы уголовного закона: закон, устранивающий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т. е. распространяется на лиц, совершивших соответствующее деяние до вступления такого закона в силу, в том числе на отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего это деяние, обратной силы не имеет (ч. 3 ст. 9 УК).

Закон, устранивающий преступность деяния, полностью декриминализирует деяние, исключая его из числа уголовно наказуемых. Таким образом, какие-либо уголовно-правовые последствия должны быть полностью исключены. Тем самым в случае, который характерен для ситуации декриминализации ст. 234 УК, полагаем, должны быть устранены все последствия: как уголовно-правового характера, так и вытекающие из них аспекты, связанные с возмещением вреда (ущерба), взысканием дохода, полученного преступным путем. Поскольку исключение противоправности (преступности) деяния в первую очередь подразумевает, что подобным действием (либо бездействием) не причиняется существенный вред охраняемым общественным отношениям, указанное можно выразить в следующем умозаключении: возмещение какого-либо вреда, причиненного деянием, недопустимо с учетом фактического отсутствия возможности причинения такового (в силу ничтожности (нивелирования) общественной опасности). Вместе с тем в доктрине можно встретить и достаточно критичные позиции по поводу рассмотрения декриминализации как обстоятельства, полностью реабилитирующего лицо.

Более сложная ситуация возникает, когда исключается уголовно-правовой запрет, но иная юридическая ответственность сохраняется. Так, в рамках изменений в ст. 233 УК очевидна частичная декриминализация деяния с учетом исключения объективного признака. Данная ситуация также детерминирует в перспективе решение суда, касающееся освобождения от уголовной ответственности, исключая тем самым уголовно-правовые последствия совершенного деяния, которое было декриминализовано. Тем самым последствия, которые обусловлены преступностью деяния, исключаются. Вместе с тем каких-либо иных обстоятельств (исходя из буквального толкования действующего уголовного закона), подлежащих исключению (в контексте непротивоправного), не имеется. Указанное не касается процессуальных вопросов (процессуальной формы приговора), которые регламентируются в иной правовой отрасли. Мало того, имеет место сохранение противоправности деяния, исходя из положений ст. 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, т. е. сохраняется противоправность – запрещенность подобного поведения под угрозой юридической ответственности. Тем самым в любом случае нарушенные общественные отношения подлежат восстановлению. Кроме того, в гражданско-процессуальном праве

в части, касающейся, как видится, вновь открывшихся обстоятельств в описываемой ситуации, отсутствует прямое указание на декриминализацию как основание для пересмотра судебных постановлений.

При декриминализации обосновано исключение всех правовых последствий совершенного деяния. Вместе с тем при сохранении иной юридической ответственности не исключаются и соответствующие правовые последствия, не уголовно-правового характера. Однако презюмировать очевидность продолжения возмещения вреда, причиненного преступлением, в рамках гражданского иска в уголовном процессе, полагаем, не следует. Вопрос, касающийся гражданского иска, требует регламентации (формализации) на законодательном уровне. Из вышеизложенного следует, что преступность деяния законодателем устранена, однако нормы, регламентирующие основание освобождения от гражданско-правовой ответственности (либо ее пересмотр), а также порядок данной процедуры, выраженный в процессуальной форме, отсутствуют. Во избежание устранения возможных дискуссий предлагаем регламентировать в соответствующих процессуальных нормах основание, которое бы смогло устранить неясность при указанной нетипичной для правоприменителя ситуации.

УДК 343.575

Е.В. Новикова

ВЛИЯНИЕ КРУПНОГО РАЗМЕРА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ НА КВАЛИФИКАЦИЮ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

В Республике Беларусь в количественном аспекте установлена двухзвенная система дифференциации уголовной ответственности за незаконные действия с психоактивными веществами. При этом признак «крупный размер» относится ко всем наркотическим средствам, психотропным веществам и их аналогам, являющимся предметом преступлений, предусмотренных ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) (списки 1, 2, 3, 5 республиканского перечня и их аналоги).

Количественная характеристика предмета преступлений, предусмотренных ст. 328 УК, определяется их массой.

Выяснение размера психоактивного вещества имеет значение для квалификации деяний по всем статьям УК, в которых они являются предметом преступлений, а также для установления квалифицирующего признака «в крупном размере» в рамках ст. 328 УК в процессе квалификации деяния.

В первоначальной редакции п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 (далее – ППВС) было указано, что «при решении вопроса о крупном размере хищения, незаконного изготовления, переработки, приобретения, хранения, перевозки или пересылки с целью сбыта либо незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, включенных в перечень, содержащийся в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2000 г. № 1785 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, обнаруживаемых в незаконном обороте, с их количественными оценками», необходимо исходить из количественных показателей, установленных в данном перечне для каждого вида таких средств и веществ.

В иных случаях при определении крупного размера следует исходить не только из фактического количества наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в объеме и весе, но и из свойств их различных видов по степени воздействия на организм человека.

Действующая редакция п. 15 ППВС гласит: «При решении вопроса о крупном размере... следует исходить из количественных показателей, установленных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 606». Исключение второго абзаца данного разъяснения объясняется принятием нового постановления Совета Министров, в котором установлены количественные показатели почти для всех видов запрещенных веществ. Даже для тех, которые пока еще не включены в республиканский перечень. Объясняется это тем, что вещества (средства) разбиты по группам в соответствии с их базовыми структурами. Если новое, вносимое в республиканский перечень вещество совпадает по базовой структуре с включенным в перечень, т. е. близко по своим свойствам, то его крупный размер уже установлен. Не установлен крупный размер только для новых веществ с новой базовой структурой, а также для прекурсоров.

В юридической литературе отмечается, что установление количественных признаков предмета наркопреступлений имеет свои особенности. Сложности связаны с тем, что, как правило, находящиеся в незаконном обороте наркотические средства представляют собой смесь, состоящую из наркотика и нейтрального или фармакологически активного компонента или из различных видов наркотических средств и (или) психотропных веществ.

В подп. 2.4 п. 2 действующего постановления № 606 установлено следующее правило: «Размер наркотических средств, психотропных веществ (за исключением лекарственных средств в определенных лекарственных формах, указанных в подп. 2.3 настоящего пункта) определяется по общей массе субстанции, в состав которой они входят, независимо от их количественного содержания (концентрации)».

Указанный порядок касается только сухих смесей. В постановлении № 606 четко определен механизм установления (высушивание до постоянной массы при определенной температуре) количества психоактивного вещества для наркотических средств, психотропных веществ растительного происхождения (за исключением гашиша) и субстанций растительного происхождения (части растений, грибов), содержащих в своем составе наркотические средства, психотропные вещества; субстанций в мазеобразном и жидком состоянии (за исключением субстанций, изготовленных с использованием молочной продукции, и субстанций, содержащих в своем составе щелочной компонент); лекарственных средств в лекарственной форме сиропа, содержащих в своем составе особо опасные наркотические средства и психотропные вещества, разрешенные к контролируемому обороту, указанные в списке № 2 приложения, и (или) опасные психотропные вещества, разрешенные к

контролируемому обороту, указанные в списке № 3 приложения, а также для субстанций в жидком состоянии, изготовленных с использованием молочной продукции, и субстанций, содержащих в своем составе щелочной компонент; субстанций, подготовленных для употребления путем нанесения на бумажную либо иную основу (кроме растительной), не предназначенную для непосредственного употребления; субстанций, подготовленных для инъекционного введения и содержащих в своем составе примесь биологического материала (кровь).

Вопрос установления количественных признаков предмета наркопреступлений неоднократно был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который сделал вывод о том, что приравнивание смеси, в состав которой входит одно или несколько наркотических средств и психотропных веществ, включенных в список № 1, к наркотическим средствам и психотропным веществам, подлежащим контролю в РФ, независимо от содержащегося в ней количества чистого вещества, основано на полном запрете оборота в РФ этих средств и веществ, как представляющих наибольшую опасность для здоровья и благополучия человека, и направлено на защиту прав и законных интересов других лиц, обеспечение общественной безопасности и здоровья населения.

В своих дальнейших определениях высший судебный орган конституционного контроля РФ последовательно подтверждал занятую им позицию.

Отдельного внимания заслуживает проблема качественной характеристики смеси. Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на то, что при решении вопроса о размере психоактивного вещества следует исходить из возможности использования смеси в немедицинских целях.

Важность подобного рода рекомендации объясняется тем, что возможны ситуации, когда наркотик перемешивается виновным с другим веществом в целях, например, его сокрытия при перевозке.

С учетом того, что размер ряда наркотических средств, психотропных веществ определяется по общей массе субстанции, в состав которой они входят, независимо от их количественного содержания (концентрации), «крупный размер» как квалифицирующий признак теряет свою информативность. Далеко не всегда установление экспертами количественного показателя наркотика может свидетельствовать о большей или меньшей степени общественной опасности совершенного с ним незаконного оборота. Это следует учитывать при назначении наказания в каждом конкретном случае.

В связи с изложенным отметим, что встречающиеся предложения о дополнении ст. 328 УК квалифицирующим признаком «особо крупный размер» представляются необоснованными. Не исключены ситуации продажи наркотиков тоннами. Но пределы наказуемости, установленные в санкциях ст. 328 УК, вполне позволяют учесть данное обстоятельство, назначив справедливую меру ответственности.

Заслуживает внимания высказанное в российской литературе предложение о необходимости определять размеры средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ без учета в них нейтральных наполнителей.

УДК 343.9

Н.А. Осипова

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Незаконная миграция представляет собой проблему глобального масштаба, затрагивающую множество стран, выступающих в роли отправной точки, либо в качестве транзитных или конечных пунктов назначения. Оценить масштабы этой преступной деятельности довольно сложно, так как она носит довольно скрытый характер, преступники, занимающиеся ввозом нелегальных мигрантов, перемещают их из одной страны в другую и с одного континента на другой. Тем не менее наличие большого числа мигрантов, готовых пойти на риск в поисках лучшей жизни, создает благоприятные условия для преступной деятельности. Так, решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», а также в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 января 2024 г. № 48 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы» незаконная миграция рассматривается как существенный вызов стабильности и защищенности государства, что обуславливает повышенное внимание к данному вопросу со стороны Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Это связано с ростом числа незаконных мигрантов, ежегодно прибывающих в Республику Беларусь или следующих транзитом через ее территорию.

Современные тенденции в сфере миграции в Республике Беларусь обусловлены экономическими и социальными факторами, географическим положением, а также политической ситуацией и миграционной политикой в соседних странах. Однако данные официальной статистики не отражают в полной мере глубину проблем в сфере борьбы с незаконной миграцией в силу латентности данного социального явления. До сих пор множество таких посягательств (особенно организованные формы) остаются за пределами воздействия правоохранительных органов, а большинство выявленных деяний относятся к так называемым бытовым формам незаконной миграции, в виде предоставления незаконным мигрантам жилья или трудоустройства. При этом преступность иностранных граждан все в большей степени приобретает характер организованной и транснациональной, ее видами являются незаконный оборот наркотических средств, экстремизм, терроризм, коррупция и т. д.

Важно отметить, что незаконная миграция становится одним из источников формирования и существования организованных этнических преступных групп и сообществ как на территории Республики Беларусь, так и в других странах, однако проводимая Министерством внутренних дел профилактическая работа свидетельствует об эффективности проводимых мероприятий в отношении иностранных граждан.

Согласно докладу представителя Министерства иностранных дел Республики Беларусь на конференции государств – участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, состоявшейся в Вене 9 октября 2025 г., по итогам 2024 г. из Республики Беларусь выдворено около 5,5 тыс. иностранных граждан, в список лиц, въезд которым в Беларусь запрещен или нежелателен, включено более 7,5 тыс. лиц. Эта тенденция сохраняется и в первом полугодии 2025 г. (выдворено – более 2,1 тыс. иностранных граждан, в список лиц, въезд которым в Республику Беларусь запрещен или нежелателен, включено 2,8 тыс. лиц).

В настоящее время вопросы миграции стоят на стыке правовых дисциплин, данную отрасль регулируют как нормы конституционного, административного, так и уголовного права. Вопросы незаконной миграции исследовали в своих работах ученые-юристы О.И. Бахур, А.И. Бородич, К.Д. Сазон, А.И. Федорако и др. Низкая теоретическая разработанность темы часто не позволяет правоприменителю правильно разграничить административное правонарушение и преступление. При этом одним из важнейших залогов успеха проведения процессуальных действий при производстве по материалам и уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной миграцией, является знание особенностей миграционного законодательства Республики Беларусь.

Сформированное за время независимости в Республике Беларусь национальное законодательство в сфере миграции населения регулируется более чем 60 разноуровневыми нормативными правовыми актами, характеризующимися не только сложностью нормативных положений, но и избытком бланкетных норм и частой изменчивостью, ввиду чего высказывается мнение о необходимости в кодификации миграционного законодательства. Миграционный кодекс как единый, юридически и логически цельный, внутренне согласованный нормативный акт позволил бы устранить дублирование, пробелы и противоречия в миграционном законодательстве.

Так, в нормативных правовых актах Республики Беларусь нет трактовки понятия «незаконная миграция». В теории науки отсутствует комплексное научное исследование вопросов, возникающих при криминалистическом обеспечении производства по материалам и уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной миграцией. Недостаточно четко определены основные направления организационно-методического и тактико-криминалистического обеспечения производства по материалам и уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной миграцией. Как представляется, данные проблемы могут быть решены с использованием опыта зарубежного законодательства, например, Российской Федерации.

Таким образом, учитывая ежегодно изменяющиеся внешнеполитические, экономические и социальные условия, появление новых вызовов, угроз и рисков в силу возрастания влияния миграционных процессов на национальную безопасность Республики Беларусь, необходимо принять единый нормативный правовой акт, который был бы направлен на противодействие незаконной миграции и мог бы способствовать устранению проблем в миграционной сфере. Терроризм, экстремизм, коррупция, незаконный оборот наркотических средств и незаконная миграция – реальные факторы, подрывающие национальную безопасность и доверие граждан к органам государственной власти. Незаконная миграция должна быть объектом постоянного и квалифицированного оперативно-розыскного и профилактического воздействия со стороны правоохранительных органов, осуществляемого в соответствии с принципами уважения прав и свобод граждан.

УДК 343.337.5

А.А. Пухов

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГЕНОЦИД ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЯДА СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В Модельном Уголовном кодексе для государств – участников СНГ (далее – Модельный УК) состав геноцида (ст. 107) расположен в главе о преступлениях против мира и безопасности человечества и определен как деяния, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы. По сути, данная формула стала основой для формирования соответствующих норм в уголовных законах государств постсоветского пространства.

Непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления выступают мир и безопасность человечества (уголовные кодексы (далее – УК) Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана). Фигура потерпевшего от геноцида определяется примерно сходным образом – как национальная, этническая, расовая или религиозная группа (УК Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана). В УК Грузии использована более широкая формулировка: группа, «объединенная по какому-либо иному признаку».

Диспозиция уголовно-правовой нормы конструируется либо через формулу «деяния, направленные на...» или «действия, направленные на...» либо через определение самого понятия «геноцид, то есть...». В УК Узбекистана законодатель определил геноцид через обстановку: «умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое истребление какой-либо группы...».

Наиболее приемлемым представляется использование формулировки «деяния, направленные на...», потому что полное или частичное уничтожение какой-либо общности людей может осуществляться как в форме действия, так и бездействия.

Объективная сторона рассматриваемого преступления, как правило, сконструирована через перечисление типичных форм геноцидных практик: 1) убийство (УК Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Туркменистана), истребление (УК Таджикистана, Узбекистана); 2) причинение тяжкого вреда здоровью (УК Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана), причинение телесных повреждений или вреда здоровью без указания степени его тяжести (УК Молдовы); 3) причинение серьезного вреда умственным способностям (УК Азербайджана) или серьезного психического расстройства (УК Армении); 4) насильственное воспрепятствование деторождению (УК Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана) или сокращение деторождения (УК Грузии, Туркменистана, Узбекистана) либо предотвращение деторождения внутри группы (УК Азербайджана, Армении, Молдовы); 5) принудительная (насильственная) передача детей (УК Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана); 6) насильственное переселение (УК Казахстана, Кыргызстана, России, Туркменистана), депортация (УК Армении); 7) иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов какой-либо группы людей (УК Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана).

В УК Узбекистана отдельно криминализована «отдача приказа о совершении геноцидных действий». В УК Азербайджана установлена ответственность за непосредственное и явное «подстрекательство к совершению геноцида», в УК Армении – за прямое и публичное подстрекательство (призывы) к геноциду. При этом по армянскому законодательству, если подстрекательство совершено в публично демонстрируемом произведении, средствах массовой информации либо с использованием информационно-коммуникационных технологий или по предварительному сговору группы лиц, то данные деяния образуют квалифицированный состав, в случае совершения преступной организацией или с использованием государственных или служебных полномочий или влияния, полученного благодаря им, – особо квалифицированный состав преступления. В рамках отдельной нормы криминализовано публичное отрицание, оправдание, пропаганда или преуменьшение геноцида или преступлений против человечности, если эти действия совершены в целях возбуждения ненависти, дискриминации или насилия в отношении лица или группы лиц по признаку расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения либо отношения к религии. Если они совершены в публично демонстрируемом произведении, средствах массовой информации либо с использованием информационно-коммуникационных технологий, государственных или служебных полномочий либо влияния, полученного благодаря им, то влекут повышенную уголовную ответственность.

В УК Молдовы под пропагандой геноцида или преступлений против человечности понимается публичное распространение информации, в том числе посредством информационной системы, или иные публичные действия, направленные на полное или частичное отрицание, одобрение либо оправдание преступлений геноцида или преступлений против человечности, признанных по решению международного трибунала, созданного в соответствии с международными инструментами и компетенция которого признана Республикой Молдова, которая может привести к совершению преступлений, связанных с применением насилия. При этом прямо в уголовном законе закреплено исключение, что деяние, совершенное в рамках объективной научно-исследовательской деятельности, или представление фактических аргументов в целях научного обсуждения или художественного выражения, не признается пропагандой геноцида или преступлений против человечности.

Субъект преступления – вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Субъективная сторона характеризуется умышленной виной и специальной целью – полное или частичное уничтожение какой-либо группы людей. В УК Молдовы наличествует прямое указание на планируемость такой деятельности («деяния, совершенные во исполнение согласованного плана полного или частичного уничтожения»).

В качестве квалифицирующего признака геноцида используется признак времени – повышенную ответственность влечет совершение этого преступления в военное время (УК Казахстана, Туркменистана).

Таким образом, на постсоветском пространстве нормы об ответственности за геноцид имеют ряд сходных признаков. При этом в некоторых уголовных законах закреплены нормы, устанавливающие ответственность за отдельные деяния соучастников или стадий преступной деятельности в качестве самостоятельных составов преступлений. В Республике Беларусь квалификация подобных деяний осуществляется с помощью положений Общей части УК. Исключением является норма об отрицании геноцида, которая не охватывается существующими уголовно-правовыми нормами.

УДК 343.2

Е.А. Реутская

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Дифференциация уголовной ответственности является одним из фундаментальных принципов современного уголовного права, обеспечивающим справедливость и соразмерность наказания тяжести совершенного преступления, личности виновного и иным обстоятельствам совершения деяния, что прямо закреплено в ст. 62 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Особое значение для дифференциации уголовной ответственности имеет правильная оценка общественной опасности преступления, которая отражается в уголовно-правовых санкциях. Именно степень общественной опасности определяет строгость наказания, число доступных альтернативных видов наказаний или возможность применения иных мер уголовной ответственности. Преступления, представляющие наибольшую угрозу для личности, общества и государства, как

правило, сопровождаются возможностью назначения наказаний, связанных с изоляцией от общества, вплоть до пожизненного лишения свободы, тогда как менее опасные деяния могут караться наказаниями, не связанными с изоляцией, что дает суду возможность учета индивидуальных обстоятельств преступления.

Дифференциация уголовной ответственности в Особенной части УК обеспечивается в первую очередь посредством уголовно-правовых санкций, с помощью которых законодатель маркирует степень общественной опасности деяния и одновременно формирует рамки, в пределах которых суд вправе назначить наказание. Так, уголовно-правовые санкции содержат закрытый перечень допустимых к назначению видов наказаний в установленных Общей частью УК законодательных пределах.

На законодательном уровне дифференциация является первичной: законодателем закладываются основные ориентиры соразмерного совершению преступлению наказания. Суд не может выходить за пределы санкции конкретной статьи, поэтому именно содержание санкции формирует основные ориентиры для определения общественной опасности и наказания. Так, для преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и менее тяжких законодатель в санкции сознательно использует широкий набор альтернативных видов наказаний (штраф, общественные работы, исправительные работы, ограничение свободы). В свою очередь, уголовно-правовые санкции тяжких и особо тяжких составов преступлений традиционно содержат лишение свободы, в том числе и пожизненное, что позволяет учесть повышенную ценность объекта уголовно-правовой охраны и иерархию наиболее значимых благ, отраженную в Конституции Республики Беларусь. Так, в качестве примера приведем ч. 1 ст. 205 «Кража» УК, санкция которой напрямую демонстрирует стремление законодателя предоставить в рамках судебного усмотрения широту выбора между наказаниями, связанными с изоляцией либо без изоляции от общества (штраф, исправительные работы, общественные работы, арест, ограничение свободы или лишение свободы). Одновременно в нормах, устанавливающих запрет на посягательства против жизни или здоровья и общественной безопасности, законодатель четко фиксирует высокую степень общественной опасности содеянного. Так, ст. 139 «Убийство» УК предусматривает значительные сроки лишения свободы как единственно возможного вида наказания, исключая альтернативность и кумулятивность уголовно-правовых санкций как приемов законодательной техники. В области незаконного оборота наркотических средств законодатель также использует максимально строгие виды наказаний в особо квалифицированных составах преступлений (участие в составе организованной группы, сбыт в крупном размере и т. п.).

Следовательно, законодатель придерживается обоснованной позиции в процессе законодательно закрепленной дифференциации уголовной ответственности: чем выше общественная опасность деяния и чем значимее ущерб охраняемым благам, тем уже набор альтернативных видов наказаний.

На правоприменительном уровне дифференциация становится вторичной: суд, исходя из установленных санкцией законодательных рамок, оценивает конкретные обстоятельства дела и личность виновного, чтобы определить точную меру наказания. В рамках вторичной дифференциации учитываются смягчающие и отягчающие обстоятельства, вид и форма вины, последствия деяния, наличие рецидива, поведение лица до и после совершения преступления и иные. Например, за «простую» кражу (по ч. 1 ст. 205 УК) суд может применить штраф или общественные работы, в то время как для особо квалифицированной кражи по ч. 4 ст. 205 УК выбор ограничен лишением свободы на определенный срок. Следовательно, первичная дифференциация на законодательном уровне задает общую «матрицу» наказаний в конструкции уголовно-правовых санкций, а вторичная на уровне правоприменения обеспечивает дифференциацию уголовной ответственности, позволяя учитывать уникальные обстоятельства конкретного преступления, личность виновного и иные обстоятельства, перечисленные в ст. 62 УК. Такое сочетание законодательной и судебной дифференциации обеспечивает баланс между единообразием правоприменения и гибкостью, необходимой для справедливого реагирования на различные формы общественно опасного поведения.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что дифференциация уголовной ответственности в санкциях статей Особенной части УК сочетает первичную законодательную и вторичную правоприменительную составляющие. Законодатель на первичном уровне формирует рамки наказания: определяет допустимые виды, их альтернативность и пределы, учитывая степень общественной опасности преступления. На правоприменительном уровне дифференциация проявляется в индивидуализации наказания с учетом конкретных обстоятельств дела. Сочетание законодательной и судебной дифференциации обеспечивает справедливое и соразмерное реагирование на преступления с учетом различной степени их общественной опасности.

УДК 343.6

Я.В. Саверук

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТА ИСТЯЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Состав преступления традиционно рассматривается в доктрине уголовного права как базовая, системообразующая категория, обеспечивающая реализацию принципа законности и разграничение преступного и не преступного поведения. Состав преступления представляет собой целостную систему взаимосвязанных элементов: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, посредством анализа которых становится возможным выявление особенностей противоправного деяния, а также установление лица, его совершившего, способа причинения вреда.

Особую роль в структуре состава преступления занимает объект преступления, так как через него раскрывается социальная сущность уголовно-правового запрета и определяется направленность охраны, осуществляемой уголовным законом. Иерархия статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) выстроена в соответствии со зна-

чимостью охраняемых общественных отношений, что наглядно подтверждает приоритетную роль объекта в составе преступления. В этом контексте особый научный интерес представляет анализ преступлений против жизни и здоровья человека, объединенных в гл. 19 УК, так как именно данные общественные отношения признаются фундаментальными и подлежат первоочередной уголовно-правовой защите.

Среди преступлений указанной группы особое место занимает истязание, предусмотренное ст. 154 УК. Данный состав характеризуется повышенной социальной опасностью, обусловленной причинением потерпевшему длительных физических и психических страданий, а также, как представляется, неизбежным посягательством на его честь и достоинство. Вместе с тем проблематика объекта истязания до настоящего времени не получила должного и всестороннего освещения в научных исследованиях, что обуславливает актуальность настоящей работы.

В учебной литературе под основным объектом «истязания» понимаются общественные отношения, складывающиеся в процессе уголовно-правового регулирования недопущения противоправных посягательств на здоровье, телесную и психическую неприкосновенность человека.

Само по себе истязание предполагает совершение действий, носящих продолжительную боль или мучения, вызывающие особые физические и психические страдания потерпевшего, к которым можно отнести длительное лишение пищи, питья, тепла или сна, содержание лица в помещении с вредными для здоровья условиями. Потерпевший от таких действий чувствует пренебрежение к своим правам, собственную беспомощность, невозможность самостоятельного обеспечения своих базовых потребностей, что дополнительно наносит существенный вред чести и достоинству человека. Вышеуказанные противоправные действия затрагивают напрямую три элемента общепризнанной пирамиды потребностей А. Маслоу: физиологические потребности, безопасность и уважение. И поэтому можно констатировать, что сам по себе характер данного противоправного деяния направлен на унижение потерпевшего при помощи силы или внешних факторов, а личным правам и свободам потерпевшего неизбежно причиняется вред.

Отметим, что в диспозиции статьи четко описывается объективная сторона истязания: систематическое нанесение побоев, не повлекших последствий, предусмотренных ст. 147 и 149 УК. Указанное свидетельствует о том, что вред здоровью потерпевшего при истязании причиняется не во всех случаях. Рассматривая признаки объективной стороны состава истязания, обратимся в первую очередь к «систематическому нанесению побоев». Под побоями здесь понимается противоправное физическое воздействие на другое лицо, причиняющее последнему боль или физическое раздражение. Соответственно, когда человек систематически подвергается противоправному физическому воздействию вопреки своей воле или же сам характер причинения побоев носит унижающий характер, следует вести речь о посягательстве не только на здоровье, но и на личную свободу, честь и достоинство.

Рассмотреть вопрос унижения личного достоинства человека при истязании следует на примере правоприменительной практики. Так, при анализе приговора суда Ленинского района г. Могилева от 3 мая 2023 г. в рамках уголовного дела по обвинению гражданина Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 154 УК, в отношении гражданки Г., являющейся обвиняемому матерью. Согласно материалам дела гражданин Г. совершил в отношении матери три противоправных деяния, которые выражались в умышленном избиении Г. своей матери, а именно с разрывом во времени более суток совершены тождественные деяния: Г. не менее одного раза своей рукой хватал за руку в области предплечья свою мать, при этом сдавливая ее руку, что причинило матери побои и физическую боль, не повлекшие за собой причинения телесных повреждений. Судом также было установлено, что обвиняемый в каждом описанном факте стремился подавить и унижить личное достоинство потерпевшей, а последствий в виде телесных повреждений у гражданки Г. обнаружено не было. Приведенный пример из практической деятельности правоохранительных органов свидетельствует о том, что объектом посягательства при истязании общественные отношения по поводу здоровья могут и не выступать, в то время как общественные отношения в сфере неприкосновенности личности от посягательства на ее честь и достоинство будут напрямую нарушаться.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что основным непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления является здоровье человека, а честь и достоинство человека являются дополнительным непосредственным объектом посягательства. Посягательство на любой названный объект, охраняемый уголовным законом, может образовывать состав истязания и послужить началом возникновения уголовно-правовых отношений.

УДК 343.3

В.Е. Сериков

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Деятельность организованных экстремистских групп представляет собой одну из существенных угроз для конституционного строя государства. Противодействие экстремистским формированиям и организациям в Республике Беларусь регулируется прежде всего Законом Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму». В соответствии со ст. 15 данного закона признание группы граждан экстремистским формированием осуществляется на основании решения Министерства внутренних дел или Комитета государственной безопасности. Признание организации экстремистской осуществляется в соответствии со ст. 12 указанного закона на основании решения суда.

Вместе с тем, по мнению автора, центральное место в противодействии деятельности экстремистских формирований и организаций занимает Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК). Так, ст. 361¹ УК устанавливает ответственность за создание экстремистского формирования или формирования, деятельность которого направлена на реабилитацию нацизма, а равно руководство таким формированием или его структурным подразделением. Квалифицирующим признаком является совершение вышеуказанных деяний повторно либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Дополнительно ст. 361¹ УК предусматривает ответственность за вхождение лица в состав экстремистского формирования в целях совершения экстремистских преступлений.

При этом возникает проблема отсутствия в вышеуказанном законе (и, соответственно, уголовно-правовой нормы, регулирующей данные общественные отношения) такого вида экстремистской деятельности, как создание экстремистской организации, руководство такой организацией, участие в такой организации.

В ст. 423¹ УК установлена ответственность только должностных лиц экстремистских организаций и индивидуальных предпринимателей, признанных экстремистскими, которые продолжают осуществлять свою деятельность после вступления в силу соответствующего судебного решения.

Указанные обстоятельства стали причиной того, что фактически экстремистские организации признаются экстремистскими формированиями с целью привлечения к уголовной ответственности их организаторов, руководителей и участников. Примером может служить уголовное дело в отношении экстремистской организации «Координационный совет», которая насчитывала не менее 257 членов. В основные задачи этой организации входила «разработка мер по силовому захвату власти, сопровождаемому массовыми беспорядками, проведением диверсионных действий и вооруженным вторжением» и т. п. Действия лиц, участвовавших в деятельности, организовывавших и руководивших данной организацией, были квалифицированы по ст. 361¹ «Создание экстремистского формирования либо участие в нем» УК (действия этих лиц также были квалифицированы как заговор с целью захвата государственной власти (ст. 357 УК), призывы к действиям ограничительного характера (санкция) (ст. 361 УК), содействие экстремистской деятельности (ст. 361⁴ УК)). При этом из данных средств массовой информации становится понятно, что описываемая преступная группа имела более сложную (как иерархически, так и по количеству участников) организационную форму, чем экстремистское формирование.

Остается необоснованной позиция законодателя, исключившего возможность введения уголовной ответственности за создание и руководство экстремистской организацией, а также участие в ней, при том, что ответственность за аналогичные действия в отношении экстремистских формирований установлена. Экстремистская организация представляет собой более сложную структуру (чем экстремистское формирование) с собственной системой подчинения, способную нанести больший ущерб охраняемым общественным отношениям, что, соответственно, должно влечь повышенную уголовную ответственность как для организаторов и руководителей, так и для участников таких организаций. На наш взгляд, данная проблема требует нормативного разрешения путем внесения в УК соответствующей нормы.

В качестве примера можно привести ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации» Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная статья регламентирует ответственность за организацию деятельности экстремистской организации, склонение, вербовку или иное вовлечение лица в ее деятельность, а также участие в деятельности такой организации. Квалифицирующим признаком в данной статье является совершение вышеуказанных деяний с использованием своих служебных полномочий.

Предлагаемая нами норма УК может быть сформулирована следующим образом:

Ст. 361⁶ «Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации» УК:

1. Участие в деятельности организации, которая в соответствии с решением суда признана экстремистской, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом или без штрафа.
2. Организация деятельности организации, которая в соответствии с решением суда признана экстремистской, либо руководство такой организацией, а равно руководство структурным подразделением такой организации наказывается лишением свободы на срок от восьми до тринадцати лет со штрафом или без штрафа.
3. Деяния, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершенные повторно либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет со штрафом или без штрафа.

Примечание. Лицо, участвовавшее в деятельности экстремистской организации, может быть освобождено от уголовной ответственности по настоящей статье, если оно своевременным сообщением органам власти или иным способом способствовало выявлению, предотвращению либо пресечению деятельности такой организации, а также внесло уголовно-правовую компенсацию.

Исходя из того, что «организация деятельности» включает в себя процессы создания структуры, систематизации задач и пр., представляется, что в предлагаемой статье эта дефиниция будет также охватывать следующие действия: склонение, вербовку и иное вовлечение в деятельность экстремистской организации. Учитывая повышенную общественную опасность данной организационной формы экстремистской деятельности, считаем целесообразным предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности только участников экстремистской организации (ч. 1), но не организаторов и руководителей (ч. 2 и 3).

Основание для освобождения от уголовной ответственности в соответствии со ст. 361⁶ УК может быть применено независимо от того, повлекло ли это пресечение деятельности экстремистской организации или нет, но только при условии, что на момент обращения деятельность экстремистской организации еще не была пресечена.

Таким образом, можно сделать несколько выводов:

деятельность экстремистских организаций является существенной проблемой для всех государств, в том числе для Республики Беларусь;

сформулированная автором настоящей научной публикации норма УК будет способствовать повышению эффективности уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности в Республике Беларусь.

УДК 343.9

Е.З. Сидорова

МЕСТО ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Криминологическая безопасность системы образования определяется как состояние защищенности всех ее элементов от внутренних и внешних угроз криминального и криминогенного характера, обеспечивающее качество образовательного процесса. Эта безопасность является составной частью национальной безопасности, а ее обеспечение – приоритетной государственной задачей. Учитывая, что современный этап развития общества характеризуется глубокой цифровой трансформацией, цифровизация активно проникла и в сферу образования. Данный процесс имеет двойственную криминологическую природу. С одной стороны, цифровизация создает новые риски безопасности личности, общества и государства. С другой – предлагает технологические решения для профилактики и предупреждения преступлений. Таким образом, место цифровой образовательной среды в системе криминологической безопасности системы образования определяется ее двойственной природой: она является одновременно и источником новых угроз и потенциальным инструментом защиты.

Стремительный рост цифровой преступности наблюдается в России, зарубежных государствах, в том числе в странах Содружества Независимых Государств. При этом образовательная среда, где концентрируется наиболее уязвимая часть населения – несовершеннолетние обучающиеся, нередко становится мишенью для таких посягательств.

Интеграция цифровых технологий в образование порождает комплекс взаимосвязанных угроз, которые можно классифицировать по нескольким уровням:

прямые угрозы личности обучающихся (так называемая кибервиктимизация), так как наиболее значимый риск связан с ростом преступлений, совершаемых в отношении подростков с использованием цифровых технологий;

угрозы уровня цифрового суверенитета. Масштабная цифровизация сферы образования сопряжена со сбором, хранением и обработкой колоссальных массивов персональных данных участников образовательных отношений, что само по себе создает информационные риски;

угрозы институциональной целостности образования. Цифровая образовательная среда значительным образом меняет традиционные социальные функции школы, происходит размывание воспитательной и профилактической роли педагогических работников. Массовый переход на цифровые платформы с самообучением и кибернаставниками вместо учителей ослабляет живое социально-педагогическое взаимодействие, являющееся основой профилактики девиантного поведения среди школьников и студентов.

Несмотря на существующие криминогенные риски, порожденные развитием цифровых технологий и их масштабным внедрением в сферу образования, цифровая образовательная среда обладает значительным потенциалом для укрепления системы криминологической безопасности образования, если ее применение будет подчинено стратегическим целям и принципам защиты интересов участников образовательных отношений. К таковым относятся следующие:

принцип образовательного и цифрового суверенитета. Развитие цифровой образовательной среды должно происходить на основе отечественных технологических решений и в соответствии с национальными педагогическими традициями и правовыми нормами. Необходим законодательный запрет на полную замену очного обучения дистанционным;

принцип подчиненности цифровых инструментов традиционной педагогике. Цифровая образовательная среда – это вспомогательный инструмент, а не замена учителя. Ключевая воспитательная и профилактическая функция остается за живым взаимодействием между педагогом и обучающимися в стенах образовательного учреждения;

принцип приоритета защиты персональных данных. Требуется законодательное закрепление особого статуса персональных данных, получаемых в процессе реализации образовательных отношений в киберпространстве, минимизация их сбора, обеспечение максимальной защиты и прозрачности алгоритмов обработки;

принцип превентивной цифровой гигиены. Необходимо включение в образовательные стандарты компонента по криминологической безопасности в цифровой среде для всех участников процесса (обучающихся, педагогов, родителей несовершеннолетних школьников, студентов и других участников образовательных отношений);

принцип цифрового мониторинга и прогнозирования. С учетом постоянно меняющихся и совершенствующихся цифровых технологий требуется постоянная криминологическая экспертиза новых технологий, внедряемых в образовательный процесс, на предмет потенциальных рисков.

Таким образом, цифровая образовательная среда занимает важное место в современной системе криминологической безопасности образования. Она значительно расширяет поле криминальных угроз, делая педагогов, обучающихся и других участников образовательных отношений уязвимыми в киберпространстве. Однако при криминологически обоснованном подходе данные цифровые технологии способны стать мощным арсеналом для защиты от различных киберугроз.

На наш взгляд, ключевая задача государства и педагогического сообщества заключается не в том, чтобы отказаться от цифровизации, а в том, чтобы осуществить ее криминологически обоснованную навигацию. Это требует разработки и внедрения комплексной стратегии, в которой инновации будут не самоцелью, а инструментом, четко подчиненным цели обеспечения безопасности общества и гармоничного развития личности. Только такая стратегия позволит превратить цифровую образовательную среду из источника криминогенных рисков в надежный компонент национальной системы безопасности, в том числе безопасности криминологической. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на разработке конкретных методик оценки криминальных угроз, существующих в цифровой образовательной среде, и нормативных правовых моделей, обеспечивающих баланс между инновациями, свободой и безопасностью в системе образования.

УДК 343.9

А.Е. Станевская

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обеспечение безопасности в информационной среде является одним из актуальных направлений государственной политики, о чем свидетельствует ряд действующих правовых актов на территории Республики Беларусь: Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, заключенное в Минске 1 июня 2001 г.; Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1; законы Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»; от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» и др.

Киберпреступления, имеющие транснациональный характер, представляют реальную угрозу для государства, общества и граждан, целью совершения которых является незаконное получение прибыли. Потенциальными жертвами преступных посягательств становятся как население, так и государственные (негосударственные) организации.

В Республике Беларусь первое преступление в сфере компьютерной безопасности было выявлено в ноябре 1998 г. Тогда один из пользователей персонального компьютера запустил в программное обеспечение коммерческой организации вирусную программу, что позволило ему завладеть персональными данными отдельных пользователей сети Интернет. Полученные им пароли доступа в сети Интернет на «черном» рынке реализовывались по 35 долларов США. В последующем виновным лицом (жителем Минска) был возмещен причиненный ущерб. Данное преступление стало началом практической деятельности по расследованию компьютерных преступлений в нашей стране еще до того, как в 2001 г. был принят новый Уголовный кодекс Республики Беларусь, в котором отдельная глава была посвящена преступлениям против компьютерной безопасности и мерам ответственности за их совершение.

Для противодействия киберпреступности в 2002 г. принято решение о создании управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий, которое в настоящее время именуется главным управлением по противодействию киберпреступности. Занимается оно выявлением, пресечением преступлений, совершаемых в киберпространстве.

С 2002 по 2005 г. киберпреступления не были характерны для Республики Беларусь, только единичные случаи регистрировались органами внутренних дел. Уже с 2010 по 2018 г. ежегодно выявлялось до 2 500 киберпреступлений, а с 2018 по 2021 г. – свыше указанного количества преступлений, т. е. наблюдался их значительный рост. В 2020 г., по данным Британской компании Comparitech, Республика Беларусь заняла 6-е место в десятке стран с худшими показателями кибербезопасности. Было отмечено, что максимальное количество кибератак совершено на финансовый сектор. Уже в 2022 г. наша страна заняла в рейтинге 35-е место.

За 9 месяцев 2025 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано около 13 500 киберпреступлений, при этом основную часть из которых составили хищения, мошенничества и вымогательства. Всего 4 % преступлений связаны с иным несанкционированным доступом к компьютерной информации, ложными сообщениями об опасности и др.

Масштабность киберпреступности в Республике Беларусь обусловлена рядом причин: интенсивно идет процесс развития системы безналичных расчетов, появляется все больше технических устройств, посредством которых могут осуществляться финансовые транзакции, увеличивается количество пользователей электронных платежных систем, держателей банковских платежных карточек, пользователей сети Интернет, абонентов сотовой связи. Здесь стоит отметить и недостаточную цифровую грамотность граждан в сфере защиты персональных данных, что приводит к случаям, когда граждане Республики Беларусь становятся жертвами, а принадлежащие им технические средства – орудиями противоправного использования информационно-компьютерных технологий.

Распространенность киберпреступлений сегодня обуславливает поиск новых подходов по обеспечению информационной безопасности, разработку и реализацию мер противодействия киберпреступности в целях защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Невозможно обеспечить стопроцентную защищенность от кибератак. Однако, чтобы не стать жертвой таковых, надо сохранять данные в облаке, систематически менять пароли, прибегать к шифрованию и внедрению новых способов проверки подлинности (аутентификации). Учитывая транснациональный характер рассматриваемых преступлений, именно тесное сотрудничество стран (государств) позволит своевременно предотвратить такие противоправные деяния и, соответственно, причинение имущественного ущерба физическим или юридическим лицам в результате кибератак. Одновременно видится оправданным создавать и внедрять в правоохранительную деятельность новые программные продукты по противодействию киберпреступлениям, использовать зарубежный опыт и последние разработки в сфере информационной безопасности, которые привели к достижению положительных результатов в указанном направлении.

**СКЛОНЕНИЕ СПОРТСМЕНА К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕГО ВЕЩЕСТВ И (ИЛИ) МЕТОДОВ,
ВКЛЮЧЕННЫХ В РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЗАПРЕЩЕННЫХ В СПОРТЕ ВЕЩЕСТВ И МЕТОДОВ**

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) закреплены две статьи, непосредственно и целенаправленно обеспечивающие уголовно-правовую охрану порядка подготовки и проведения спортивных соревнований от посягательств, связанных с использованием веществ и (или) методов, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов, т. е. допинга. Так, ст. 331¹ «Склонение спортсмена к использованию веществ и (или) методов, включенных в республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов» УК кроме основного имеет квалифицированный и особо квалифицированный состав. В ч. 1 указанной статьи предусматривается деяние в виде склонения спортсмена определенным кругом субъектов к использованию допинга, относится к категории, не представляющей большой общественной опасности и предусматривает наказание в виде штрафа или ограничение свободы до одного года. Квалифицированный состав предусматривает аналогичное деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, либо в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена, либо в отношении двух или более спортсменов, либо путем применения шантажа, насилия или угрозы его применения. Квалифицированный состав также относится к категории, не представляющей большой общественной опасности, максимальное наказание – один год лишения свободы. Позиция законодателя при установлении санкции за совершение указанного преступления отражает гуманистический подход. Однако в сходной по своему содержанию ст. 331 «Склонение к потреблению наркотических веществ, психотропных веществ или их аналогов» УК основной состав относится к категории менее тяжких преступлений с максимальным наказанием до 5 лет лишения свободы, а квалифицированный является тяжким и предусматривает ответственность до 10 лет лишения свободы. Следует отметить, что оба состава предусматривают самостоятельное потребление и (или) использование указанных веществ. Потребление наркотических средств является наиболее общественно опасным явлением и, как правило, влечет за собой негативные последствия, влияющие на здоровье и жизнь лица, их потребляющего, сразу после их потребления. Тем не менее спортсмен обладает специфическим статусом, который обусловлен его принадлежностью к определенной спортивной федерации или ассоциации и кругом лиц, обязанностью которых является обеспечение его успешной подготовки и выступления. Важным фактором является и то обстоятельство, что за нарушение антидопинговых правил непосредственно применяются дисциплинарные санкции, вплоть до пожизненной дисквалификации, так как согласно Антидопинговым правилам Республики Беларусь персональной обязанностью каждого спортсмена является недопущение попадания запрещенной субстанции в свой организм. Спортсмены несут ответственность за любую запрещенную субстанцию, или ее метаболиты, или маркеры, обнаруженные во взятых у них пробах. Соответственно, нет необходимости доказывать факт намерения, вины, небрежности или осознанного использования спортсменом при установлении нарушения. Кроме указанных обстоятельств следует учитывать все стадии подготовки спортсмена, затраченные силы и средства, а также ряд организационно-представительских обстоятельств, влияющих на положение спортивной федерации или ассоциации (места в рейтинге, призовые фонды и т. д.). Таким образом, следует, что при выстраивании причинно-следственной цепи негативных факторов, потенциально возможных при удавшемся склонении спортсмена к использованию веществ и (или) методов, включенных в республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов, мы можем констатировать причинение существенного вреда, кроме этого под угрозой также остается жизнь и здоровье спортсмена. Следовательно, для правильной и полной оценки общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 331¹ УК, следует исходить не только от самого действия в виде склонения, но и обстоятельств, которые наступят в случае удавшегося склонения.

Аналогичная ситуация сложилась и в ст. 331² «Умышленное использование в отношении спортсмена веществ и (или) методов, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов» УК.

Следующий момент – это то, что в случае отнесения указанных преступлений к категории менее тяжких указанное обстоятельство отразится на следственно-судебной практике по указанной категории преступлений. Это обусловлено тем, что выявление антидопинговых нарушений вызвано различного рода тестированиями, внутренними расследованиями, процедурой обжалования, которые занимают продолжительное количество времени. Согласно ст. 83 УК срок давности привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, не представляющего большой общественной опасности, составляет два года. И поэтому разрыв во времени между установлением и подтверждением факта нарушения антидопинговых правил и факта склонения либо использования допинга является ключевым фактором для непосредственного использования уголовно-правовых инструментов в борьбе с преступлениями, посягающими на порядок подготовки и проведения спортивных соревнований.

В итоге рассмотрения данного вопроса можно отметить, что отнесение деяний, предусмотренных ст. 331¹, 331² УК к категории не представляющих большой общественной опасности, носит дискуссионный характер и требует дополнительной проработки указанного вопроса. Углубленная оценка противоправности и общественной опасности противоправных деяний в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований позволит определить критерии и характеристики, подлежащие учету при корректировке уголовного законодательства.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Современная преступность в условиях интенсивной трансформации общественных отношений выступает сложным и многоуровневым социально-правовым феноменом, находящимся в постоянной динамике и тесной взаимосвязи с экономическими, политическими, социальными и технологическими процессами. С точки зрения уголовно-правовой науки преступность не может рассматриваться исключительно как совокупность отдельных преступных деяний; она представляет собой системное явление, отражающее глубинные противоречия общественного развития. В этой связи анализ современных тенденций преступности приобретает не только прикладное, но и фундаментальное теоретическое значение, так как позволяет выявить закономерности, определяющие направления развития уголовного законодательства.

Одной из ключевых характеристик современной преступности является ее «качественная» трансформация, выражающаяся в изменении способов, средств и форм совершения преступлений. Цифровизация общественных отношений привела к возникновению новых пространств криминальной активности, в которых традиционные уголовно-правовые конструкции сталкиваются с серьезными ограничениями. Виртуальный характер посягательств, удаленность субъекта преступления от объекта, транснациональный характер преступной деятельности усложняют определение объекта и объективной стороны преступления. В теоретическом плане это ставит вопрос о пересмотре классических представлений о причинной связи, общественно опасных последствиях и способах их установления в уголовном праве.

Указанные изменения свидетельствуют о трансформации самой категории общественной опасности, которая традиционно рассматривается в доктрине уголовного права как материальный критерий преступного деяния. В условиях современного общества общественная опасность все чаще выражается не в непосредственном причинении материального вреда, а в создании угрозы охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Это приводит к расширению формальных составов преступлений и усилению превентивной направленности уголовного законодательства. Вместе с тем подобная тенденция порождает риск чрезмерной криминализации и размывания границ уголовной ответственности, что требует строгого теоретического обоснования каждого нового уголовно-правового запрета.

Существенной проблемой современного уголовного права является несоответствие темпов изменения преступности и возможностей уголовного законодательства адекватно реагировать на данные изменения. Преступность как социальное явление отличается высокой степенью адаптивности, тогда как уголовное законодательство по своей природе обладает относительной стабильностью. Это противоречие обуславливает распространение фрагментарной и ситуативной криминализации, когда уголовно-правовые нормы принимаются в ответ на отдельные резонансные преступления без учета их системного влияния на уголовное право в целом. С теоретической точки зрения подобный подход подрывает принцип системности уголовного законодательства и снижает его регулятивный потенциал.

Особое значение в структуре современной преступности занимает латентная преступность, прежде всего в сфере экономических, финансовых и коррупционных преступлений. Высокий уровень латентности свидетельствует о том, что уголовно-правовой запрет сам по себе не обеспечивает эффективного социального контроля. В рамках уголовно-правовой доктрины данное обстоятельство обостряет научные споры относительно границ допустимого уголовно-правового вмешательства, а также места уголовного права в системе иных механизмов социального регулирования. Представляется очевидным, что противодействие латентной преступности не может быть сведено исключительно к изменению уголовно-правовых норм и требует применения совокупности мер, в том числе совершенствование финансово-контрольных механизмов, развитие административно-правового воздействия и формирование правовой культуры.

Усиление организованного и профессионального характера преступной деятельности существенно отражается на эволюции уголовно-правовых институтов. Для организованной преступности характерны устойчивые формы взаимодействия, внутренняя структурированность и функциональное распределение ролей, что объективно снижает результативность классической модели уголовной ответственности, основанной на индивидуализации преступного поведения. Это порождает необходимость теоретического переосмысления коллективных форм преступного поведения и их уголовно-правовой оценки. Вместе с тем расширение уголовной ответственности за участие в организованных формах преступности должно осуществляться с учетом принципа личной ответственности и недопустимости объективного вменения.

Современные тенденции преступности также способствуют трансформации представлений о целях и функциях уголовного наказания. Классическая карательная модель наказания все в меньшей степени отвечает задачам предупреждения преступности в условиях высокой латентности и профессионализации преступного поведения. В этой связи в теории уголовного права усиливается интерес к восстановительным и предупредительным концепциям, предполагающим минимизацию криминальных рисков и социальную реинтеграцию лица, совершившего преступление. Это отражается в развитии альтернативных мер уголовно-правового воздействия и институтов освобождения от уголовной ответственности, что свидетельствует о смещении акцента с репрессии на социально ориентированное регулирование.

В целом современные тенденции преступности выявляют системные проблемы уголовного законодательства, связанные с его усложнением, фрагментацией и снижением внутренней согласованности.

В качестве научно обоснованного направления его дальнейшего развития представляется целесообразным усиление роли криминологического прогнозирования в процессе законотворчества, а также ориентация на качественное, а не количественное расширение уголовно-правовых запретов. Уголовное законодательство должно формироваться как результат комплексного научного анализа устойчивых тенденций преступности, основанного на доктринальных принципах уголовного права и данных криминологической науки.

Таким образом, современные тенденции преступности оказывают многоплановое влияние на развитие уголовного законодательства, затрагивая его фундаментальные категории, принципы и институты. Эффективное противодействие преступности возможно только при условии гармоничного взаимодействия уголовно-правовой и криминологической теории, что позволит обеспечить системность, обоснованность и устойчивость уголовного законодательства в условиях постоянно меняющихся общественных реалий.

УДК 343.9

А.А. Шевченко

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДИВЕРСИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сегодня сеть Интернет превратилась в главный инструмент для вовлечения несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность. Посредством социальных сетей и мессенджеров злоумышленники устанавливают контакт с несовершеннолетними, применяя специальные методики психологического воздействия на неокрепшую психику подростков.

Под вовлечением несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность понимается система действий взрослых лиц, направленных на возбуждение желания совершить диверсию (ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)) или террористический акт (ст. 205 УК РФ).

Вербовка несовершеннолетних, как правило, осуществляется в три этапа.

На первом этапе с целевого подбора несовершеннолетних в сети Интернет обычно начинается вербовка. Кураторы изучают профили в социальных сетях, игровые чаты, выделяя подростков с признаками уязвимого поведения, например, склонных к протестным настроениям, психологически неустойчивых или имеющих материальные трудности. Такие подростки часто испытывают дефицит внимания, ищут поддержку «единомышленников» и нуждаются в самореализации.

На втором этапе злоумышленники устанавливают психологический контакт и завоевывают доверие несовершеннолетнего. Вербовщик может выступать в роли «старшего товарища», выслушивать проблемы подростка, демонстрировать понимание и поддержку. Так, постепенно между вербовщиком и несовершеннолетним складываются доверительные отношения.

На третьем этапе, завоевав доверие, вербовщики под видом игры или подработки предлагают несовершеннолетнему совершить диверсионно-террористические акты. В результате к моменту, когда подростку дают конкретное задание, тот часто уже морально готов его выполнить, не осознавая в полной мере ни противоправного характера, ни реальной общественной опасности своих действий.

Исходя из анализа этапов вербовки, представляется целесообразным выделить следующие детерминанты вовлечения несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность:

социальные: разрушение семейных связей, маргинализация отдельных групп населения, дефицит позитивных моделей поведения;

психологические: стремление несовершеннолетних к самоутверждению, внушаемость и доверчивость подростков, идеализация насилия;

технологические: использование социальных сетей и мессенджеров для вербовки, пропаганда насилия в сети Интернет.

Типичный криминологический профиль личности вовлеченного несовершеннолетнего включает в себя следующие характеристики: возраст 14–17 лет; средний или ниже среднего уровень успеваемости; наличие конфликтов в семье или школе; склонность к рисковому поведению; низкий уровень правовой осведомленности.

Вовлечение несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности. Подростки, попавшие под влияние злоумышленников, совершают тяжкие преступления, угрожающие жизни и здоровью людей. В 2023–2024 гг. чаще всего фиксировались поджоги административных зданий и военкоматов, повреждение объектов транспортной и энергетической инфраструктуры – релейных шкафов на железной дороге и вышек сотовой связи.

Не менее значимы и негативные последствия для самих вовлеченных несовершеннолетних в преступную деятельность, губительную для их будущего. Кроме того, при выполнении заданий подростки подвергают опасности свою жизнь и здоровье. Противоправная деятельность наносит несовершеннолетнему серьезную психологическую травму, меняет его систему ценностей.

С учетом обозначенных способов вербовки и масштабов ее угрозы целесообразно реализовать комплекс мер по противодействию попыткам вовлечения несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность. К таким мерам относятся:

укрепление института семьи и семейных ценностей;

совершенствование системы образования посредством включения в школьные программы модулей по медиаграмотности и безопасному поведению в сети Интернет;

создание альтернативных площадок самореализации несовершеннолетних (спорт, творчество, волонтерство);

мониторинг сети Интернет и блокировка деструктивного контента;

проведение профилактических бесед с несовершеннолетними, входящими в группы риска;

создание и продвижение позитивного и информативного контента: блогов, видеороликов, пабликов, где популярные для молодежи спикеры говорят о последствиях диверсионно-террористической деятельности, разоблачают ложь террористических идеологов.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность – это негативное социально-правовое явление, обусловленное взаимодействием личностных, социальных и технологических факторов. Ключевым направлением профилактики выступает своевременная нейтрализация детерминант вовлечения несовершеннолетних на первоначальном этапе, что позволит минимизировать возможности для вербовки и снизить уровень диверсионно-террористической активности среди несовершеннолетних.

УДК 343.3/.7

Н.Е. Щербак

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ МАЙНИНГ КРИПТОВАЛЮТ, СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЧИНЕННОГО УЩЕРБА

В настоящее время правоохранительные органы Республики Беларусь столкнулись с новым видом противоправной деятельности – незаконным майнингом криптовалют. Данная деятельность способна причинить вред общественным отношениям в сфере получения прибыли и налогообложения, имущественным отношениям и в целом может негативно отразиться на энергобезопасности страны. Ввиду возможности негативного воздействия на разные сферы общественных отношений требуются повышенное внимание и регламентация указанных деяний со стороны государства.

Майнинг – процесс создания криптовалюты. Суть его заключается в создании и поддержании работы блокчейн-сетей путем выполнения сложных вычислений на мощном оборудовании, за что майнеры получают вознаграждение в виде криптовалюты. Процесс заключается в решении задач для подтверждения транзакций и формирования новых блоков данных, которые объединяются в цепочку (блокчейн), обеспечивая таким образом эмиссию новых монет и безопасность сети. Незаконный (нелегальный) майнинг связан или с незаконным использованием оборудования для добычи криптовалют или с нелегальным подключением к электрическим сетям.

Существуют объективные сложности в правильном определении размера ущерба, причиненного такого рода деяниями. Наиболее очевидный способ определения суммы ущерба – это получение информации об объеме неоплаченной электроэнергии от снабжающей организации. Вместе с тем размер энергетических потерь может варьироваться в зависимости от ряда обстоятельств. Данные потери могут быть вызваны как исключительно виновными действиями одного лица, не санкционированно подключившегося к линии электропередачи, так и объективными потерями в результате ненадлежащей работы оборудования, сбоев в системе учета и т. п.

В случае достоверного определения потребленной электроэнергии на входе незаконного подключения проблема определения причиненного ущерба никаких проблем не вызывает. В ситуации, потенциально допускающей два и более источника энергопотерь, исходя из принципа презумпции невиновности, подлежит установлению и вменению применительно к условиям ведения административного или уголовного процесса минимальная сумма, документально и объективно подтвержденная.

Возможны и другие более процессуально затратные способы определения объема причиненного ущерба. Например, экспериментальное установление с использованием оборудования, применявшегося в процессе незаконной деятельности. Однако такой способ не всегда возможен к осуществлению по ряду объективных причин. Необходимы наличие именно того оборудования, которое использовалось при майнинге, точные сведения о его включении и периоде работы, что при использовании в большинстве полученных посредством дропов сим-карт является весьма проблематичным. Кроме того, неясно, в каком порядке будет оплачена стоимость энергии, потребленной при проведении такого эксперимента. Потенциально такая стоимость подлежит включению в процессуальные издержки, но ее объем может быть необоснованно завышен с учетом времени, затраченного на проведение экспериментальных исследований.

В этой связи представляются необходимыми разработка и введение в практическую деятельность как минимум двух методик. Во-первых, проведение экспериментальных исследований, во-вторых, определение способов установления объема причиненного ущерба. Если первое особой сложности не вызывает, так как может быть разработано непосредственно органом уголовного преследования во взаимодействии с представителями Министерства энергетики, то во втором случае должны быть задействованы представители более высокого порядка, вплоть до утверждения постановлением правительства для использования во всех сходных экономических и правовых отношениях.

При разработке методики определения способов установления объема причиненного ущерба необходим детальный анализ практики определения и возложения на тех или иных субъектов энергопотерь, не исключено с обязательной проверкой достоверности результатов. Разработка такой методики возможна при условии достаточности эмпирического материала, выработке усредненного коэффициента потерь в зависимости от ряда критериев, например, длительности использования, объема оборудования, его усредненных технических характеристик в плане энергопотребления.

Единообразное понимание способа расчета причиненного ущерба позволит дифференцировать ответственность в зависимости от суммы причиненного ущерба. В зависимости от распространенности деяния и его общественной опасности подлежит определению и степень ответственности – наказуемость в административном либо уголовном порядке.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 декабря 2016 г. № 1001 утверждено Положение о порядке определения размера вреда (в том числе реального ущерба), причиненного государству, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям противоправными действиями (далее – Положение № 1001). Размер вреда, причиненного имуществу субъектов хозяйственной деятельности, определяется на дату причинения вреда, исходя из денежной оценки имущества, числящегося в бухгалтерском учете, и (или) документов, отражающих денежную оценку имущества. Иными словами,

оценка дается исходя из учетных данных, а при оценке ущерба, причиненного деятельностью по созданию криптовалют, нужна методика с учетом их технических данных.

Таким образом, в целях регламентации порядка определения размера вреда, причиненного незаконным майнингом, видится необходимым либо изменение Положения № 1001, либо по аналогии с ним издание отдельного нормативного правового акта.

Положение № 1001 регламентирует больше вещные отношения в результате наступления вреда от деликта, исходит из способа учета и определения стоимости вещи, в случае незаконного майнинга основу составляет техническая сторона, по сути, основанная на расчете потерь, т. е. оценка дается не материальному объекту.

В Положении № 1001 регламентируются способы определения подлежащего возмещению ущерба, вытекающего из деликтных отношений в отношении субъектов хозяйствования. А в рассматриваемой нами ситуации наряду с такими субъектами ущерб может быть причинен и физическим лицам, например, в результате использования электросети лица, длительное время находящегося в командировке, и т. п. Соответственно, сфера регулирования обозначенных нами методических рекомендаций должна быть расширена. Указанное предопределяет необходимость издания отдельного нормативного правового акта, который будет регулировать сферу определения размера подлежащего возмещению ущерба. В пользу такого решения может свидетельствовать возможность использования такого акта при регулировании не только деликтных, но и иных правоотношений, например, в сфере споров о разграничении нормативных и ненормативных потерь электроэнергии.

УДК 343.3/.7

Э.В. Якушев

МОНИТОРИНГ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В ВЫЯВЛЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СПОРТА

Спорт – одна из важнейших сфер жизни общества – способствует укреплению здоровья человека, служит досугом, позволяет продемонстрировать свои физические данные, а в современном мире является высокодоходным бизнесом.

Организация спортивных мероприятий и обеспечение антидопинговых мероприятий требуют значительных затрат. В 2024 г. Российское антидопинговое агентство (РУСАДА) только на проведение тестирований спортсменов потратило примерно 560 млн р. В этой связи актуальны вопросы по противодействию коррупции и допингу в спорте, а также выявлению, пресечению и раскрытию иных преступлений в сфере спорта (хулиганства, причинения вреда жизни или здоровью спортсмена, легализации преступных доходов и др.).

Выявление преступлений в сфере спорта – сложный процесс, включающий в себя разные направления.

Чаще всего правоохранительные органы получают информацию о возможном преступлении от самих спортивных организаций.

Инициативное выявление правоохранительными органами преступлений в сфере спорта предполагает разработку специальных алгоритмов, различающихся в зависимости от вида нарушения.

Как правило, главным источником получения информации является анализ результатов проведенной проверки спортивной или связанной с ней организации. Поводом для осуществления такой проверки выступает наличие данных о нарушении законодательства, которое влечет за собой уголовную ответственность.

Существуют основные информационные ресурсы, подлежащие мониторингу с целью выявления преступлений экономической направленности в сфере спорта. К ним относятся: материалы аудиторских проверок и ревизий букмекерских контор, публикации в средствах массовой информации, сообщения налоговой службы, результаты прокурорских проверок при осуществлении общего надзора.

Вывод о возможности наличия в действиях конкретного лица признаков состава коррупционного преступления (подкупа судьи, тренера, спортсмена) может подтверждаться следующими обстоятельствами: различием в обычном алгоритме действий (стиле) спортсмена по сравнению с алгоритмом действий при подкупе; средним результатом спортсмена (спортивной команды) за предыдущие сезоны и прогнозом на ближайшие соревнования; изменениями коэффициента букмекеров; решениями судей соревнований (арбитров, рефери, главных судей).

Некоторые авторы отмечают, что с целью выявления противоправных намерений в спорте применяют различные методы, в том числе просмотр матчей с участием экспертов, полиграф, практику поручительства, технологии Betradar, сервиса, отслеживающего ставки по всему миру, и другие формы мониторинга.

В спортивных организациях (федерациях) создаются специальные отделы (могут называться отделами безопасности или отделами расследований), основная функция которых – взаимодействие с правоохранительными органами с целью обеспечения защиты отношений в сфере спорта от противоправных посягательств. Однако информации, получаемой правоохранителями от данных отделов недостаточно, чтобы составить полное представление о нарушениях в сфере спорта.

Алгоритм работы по нарушениям антидопингового законодательства следующий.

1. Информация о содержании в организме спортсмена запрещенных субстанций либо об использовании им или в отношении его запрещенных методов направляется из отдела организации тестирований РУСАДА либо из международных антидопинговых организаций в отдел расследований РУСАДА. По итогам проверочных мероприятий отделом расследований принимается решение о направлении результатов на обработку (по материалам, где выявлены нарушения спортивного законодательства) либо о направлении материалов в Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела либо административного производства.

2. МВД РФ осуществляет первоначальную проверку поступившего материала и принимает решение о возбуждении уголовного дела или вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления или события преступления.

Алгоритм работы по выявлению преступлений в сфере спорта, совершаемых по экстремистским или хулиганским мотивам, включает в себя:

- получение информации о лицах, прибывающих на спортивные мероприятия, в том числе об иностранных гражданах, путем анализа следующих информационных ресурсов: карт болельщиков, данных оперативных подразделений по противодействию терроризму, экстремизму, контролю за оборотом наркотиков, службы по финансовому мониторингу, службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, таможенной службы);

- анализ страниц в социальных сетях выявленных подозрительных граждан;

- компьютерная разведка (для получения доступа к закрытым сегментам интернета).

Интерпол уже сегодня работает в рамках программы «Спорт» (ведутся криминалистические учеты, аккумулируются и анализируются данные о возможных нарушениях, осуществляется розыск лиц, представляющих оперативный интерес, предоставляется справочная информация).

Некоторые авторы рекомендуют на национальном уровне создавать центры спортивно-правовой диагностики, нацеленные на выявление правонарушений на спортивных мероприятиях.

Представляется, что такое подразделение действительно было бы полезным в обеспечении безопасности сферы спорта.

Обобщая изложенное, следует констатировать факт доминирующего значения мониторинга информационных ресурсов при выявлении преступлений в сфере спорта, так как в условиях цифровизации и публичности спортивных мероприятий данный способ позволяет получить наиболее оптимальный объем информации, необходимый для решения вопроса об уголовной ответственности.

УДК 343.13

Н.В. Аврамчик, В.В. Мелешко

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ И УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
О БЕЗВЕСТНОМ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Ежегодно в Республике Беларусь регистрируется значительное количество заявлений, сообщений о безвестном исчезновении граждан. С начала текущего года их количество составляет 6 555. По 766 из них органом предварительного следствия были возбуждены уголовные дела. Статистика свидетельствует о том, что розыск без вести пропавших граждан по-прежнему остается острым вопросом, вызывающим обеспокоенность в обществе. Безвестное исчезновение лиц представляет собой сложную социально-правовую категорию, порождающую необходимость формирования эффективных нормативных механизмов и процедур в различных отраслях законодательства, в том числе уголовно-процессуальном. В условиях развития гражданского общества и повышения уровня правовой ответственности государства перед гражданами проблему исчезновения лиц нельзя рассматривать только с позиции социальной значимости, она требует системного юридического анализа в рамках защиты прав и свобод человека, а также в аспекте обеспечения правовых гарантий для участников правоотношений, связанных с безвестным исчезновением.

В современных условиях розыск без вести пропавших лиц должен рассматриваться как актуальная государственная задача, направленная на защиту прав и свобод человека и гражданина, требующая глубокого научного осмысления и выработки на этой основе комплексной системы научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию данного вида деятельности.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) впервые нашло процессуальное закрепление положение, в соответствии с которым исчезновение лица является самостоятельным основанием возбуждения уголовного дела публичного обвинения, если в течение 10 суток с момента подачи заявления оперативно-розыскными мероприятиями установить местонахождение лица не представилось возможным. Закрепление данной нормы, свидетельствующей о пристальном внимании государства к обеспечению конституционных прав человека и гражданина, стало новой вехой в развитии уголовно-процессуального законодательства и практической деятельности органов уголовного преследования по розыску без вести пропавших лиц. Спустя более чем 20 лет ввиду существовавших процессуальных противоречий и назревших проблем в практической деятельности по розыску лиц данной категории в п. 2 ст. 167 УПК были внесены существенные изменения, касающиеся сроков проведения проверок и видов деятельности органа уголовного преследования по таким фактам. Кроме того, ч. 1 ст. 29 УПК дополнена п. 15, закрепившим в качестве одного из обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, необнаружение безвестно исчезнувшего лица по истечении 15 лет с момента возбуждения уголовного дела по факту его безвестного исчезновения.

Несмотря на это, многие проблемы розыска безвестно исчезнувших лиц, в том числе уголовно-процессуальные, возникающие на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, до настоящего времени не разрешены.

Анализ научной литературы свидетельствует об отсутствии в Республике Беларусь комплексных исследований, посвященных проблематике рассмотрения заявлений, сообщений о безвестном исчезновении лиц и расследовании уголовных дел данной категории. Многочисленные научные исследования советских и российских ученых: А.Ф. Волынского, А.А. Корчагина, В.А. Лукашова и др. в большей степени основаны на изучении вопросов оперативно-розыскной деятельности. На современном этапе вопросам расследования уголовных дел по фактам безвестного исчезновения граждан, в том числе в рамках диссертационного исследования, посвящены труды А.И. Гигевича, однако следует отметить, что данные вопросы рассмотрены через призму криминалистической науки. Проблематика розыска лиц, пропавших без вести, в настоящее время комплексно исследуется П.А. Кайбелевым в рамках оперативно-розыскной деятельности. Уголовно-процессуальные аспекты безвестного исчезновения граждан рассматриваются в отдельных трудах ученых лишь фрагментарно, без глубокой проработки проблемных вопросов.

Так, требуют теоретического осмысления и комплексного исследования вопросы правового статуса лица, обратившегося в орган уголовного преследования с заявлением, сообщением о безвестном исчезновении гражданина. Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» в ст. 247, 252, 253 действующего УПК были внесены изменения и дополнения, впервые закрепившие участника «член семьи безвестно исчезнувшего лица». Анализ данных норм свидетельствует о том, что указанному лицу законодателем предоставлены определенные процессуальные права на этапах приостановления предварительного следствия и прекращения предварительного расследования. Вместе с тем процессуальный статус данного участника уголовного процесса и его место в системе участников до настоящего времени не определены.

Особый интерес представляет исследование вопросов уголовно-процессуального доказывания при проведении проверок и расследовании уголовных дел по фактам безвестного исчезновения граждан, в частности, определение круга обстоятельств, подлежащих доказыванию. Ныне действующий УПК закрепляет общий предмет доказывания, при этом очевидно, что он не отражает специфические особенности дел данной категории.

Комплексного исследования и анализа требуют вопросы определения розыскной деятельности следователя, установления ее сущностных свойств, а также ее соотношения с деятельностью органа дознания по заявлениям, сообщениям о безвестном исчезновении граждан.

Научного осмысления требует и проблема разрешения вопроса о том, является ли самостоятельным особым производством данная категория уголовных дел. При получении положительного ответа на данный вопрос и последующей детализации производства его следует разместить в отдельном разделе УПК.

Теоретическая значимость исследования данных вопросов состоит в расширении научных знаний о специфике производства по материалам и уголовным делам по фактам безвестного исчезновения граждан, формировании концептуальных основ учета специфики таких дел в системе уголовно-процессуального законодательства. Практическая значимость определяется в ее ориентировании не только на изучение и разрешение теоретических проблем, но и на разработку предложений, рекомендаций по повышению эффективности проведения доследственных проверок и расследования уголовных дел о безвестном исчезновении лиц, создании условий для четкого правового регулирования и защиты прав и свобод пропавших граждан и их близких.

Таким образом, вопросы производства по материалам и уголовным делам о безвестном исчезновении лиц, а также возникающие перед органами уголовного преследования в связи с их розыском задачи требуют глубокого научного анализа, разработки новых концепций, методик и практических рекомендаций.

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Одним из важнейших следственных действий в уголовном процессе является назначение и проведение экспертизы, которая проводится в случаях, когда органу, ведущему уголовный процесс, необходимо получить либо проверить определенные доказательства с использованием специальных знаний в области науки, техники, ремесле и иных сферах деятельности.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) в досудебном производстве рассматриваемое следственное действие возможно провести как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования. Вместе с тем положения ч. 2 ст. 226 УПК указывают нам, что до возбуждения уголовного дела допускается назначение судебно-медицинской экспертизы для определения причин смерти и степени тяжести телесных повреждений и иных экспертиз, выводы которых могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Анализируя положения ст. 229 УПК, можно убедиться, что подозреваемый, обвиняемый, их законные представители и защитник наделены рядом прав: знакомиться с постановлением о назначении экспертизы; представить дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта; присутствовать с разрешения следователя, лица, производящего дознание, при проведении экспертизы, за исключением составления экспертом заключения, давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение и выписывать из них необходимые сведения и т. п.

Этими же правами наделены потерпевший и свидетель, подвергнутые экспертизе.

Наличие указанных прав делает возможным подачу перечисленными участниками уголовного процесса ходатайств. В силу этого в соответствии с ч. 4 ст. 229 УПК при удовлетворении ходатайства следователь, лицо, производящее дознание, соответственно изменяют или дополняют свое постановление о назначении экспертизы.

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 238 УПК заключение эксперта или его сообщение о невозможности дачи заключения, а также объяснение или протокол допроса эксперта до окончания предварительного расследования предъявляются подозреваемому, обвиняемому, за исключением обвиняемого, в отношении которого вынесено постановление о проведении специального производства, защитнику, а также по их просьбе потерпевшему и свидетелю, подвергшимся экспертизе, которые вправе давать свои объяснения и заявлять ходатайства по выводам эксперта.

Подача ходатайства и его последующее удовлетворение детерминируют возможность последующего назначения дополнительной и повторной экспертизы.

Полагаем, что наличие рассмотренных положений, закрепленных в ст. 229 и 238 УПК, способствует защите и обеспечению прав и законных интересов перечисленных участников уголовного процесса, а также всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела.

Также в соответствии с ч. 5 ст. 229, ч. 3 ст. 238 УПК требования проанализированных норм распространяются и на случаи назначения и проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Однако, по нашему мнению, не совсем ясна формулировка законодателя, в какой части данные требования распространяются на заявителя – на это лицо в целом либо только на случаи, когда оно подвергнуто экспертизе?

Полагаем, что в данном случае применяется аналогия закона и заявитель вправе реализовать права, закрепленные в ст. 229 и 238 УПК, только если подвергается экспертизе.

Заявитель – важная фигура в уголовном процессе, так как заявление является основным поводом для возбуждения уголовного дела. С учетом того, что до возбуждения уголовного дела выводы экспертиз могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, отсутствие у заявителя, не подвергнутого экспертизе, прав, закрепленных в ст. 229 и 238 УПК, может препятствовать объективному принятию органом уголовного преследования решения в порядке ч. 1 ст. 174 УПК.

На этот тезис можно возразить, что у заявителя в соответствии со ст. 178¹ УПК имеется право на ознакомление с материалами проверки после принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении проверки и разъяснение заявителю права возбудить в суде в соответствии со ст. 426 УПК уголовное дело частного обвинения, а также на последующее обжалование принятого решения в соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК. Однако эти права могут быть реализованы заявителем только после принятия органом уголовного преследования решения в порядке п. 2 и 4 ч. 1 ст. 174 УПК, а механизм последующего обжалования принятого решения по причине несогласия лица с тем, как проводилась экспертиза и какие по ней выводы были сделаны, не способствует быстрому и полному разрешению поданного заявления.

В связи с изложенным представляется правильным закрепление за заявителем вне зависимости от того, был ли он подвергнут экспертизе либо нет, прав, закрепленных в ст. 229 и 238 УПК. Однако из этого положения следует исключить случаи назначения и проведения экспертизы в отношении лица, подвергнутого проверке, так как закрепление возможности реализации у заявителя вышеуказанных прав по таким экспертизам, будет ущемлять права и законные интересы такого лица.

УДК 343.98

Д.С. Алешка

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объективность – это качество, характеризующееся независимостью от личных мнений, предвзятостей и эмоций. В различных контекстах, таких как наука, журналистика, судебно-экспертная деятельность и повседневная жизнь, объективность подразумевает стремление к беспристрастности и точности.

В философской энциклопедии термин «объективность» интерпретируется как независимость суждений, мнений, представлений и т. п. от субъекта, его взглядов, интересов, вкусов, предпочтений и т. д. В данном контексте объективность означает способность непредвзято и без предрассудков вникать в содержание дела, представлять объект так, как он существует сам по себе, независимо от субъекта.

Объективность в судебно-экспертной деятельности является ключевым принципом, обеспечивающим справедливость и точность экспертных заключений, именно поэтому ей уделено особое внимание. Об этом свидетельствует девиз Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: «Объективность. Честь. Отечество», который образовался при создании Государственного комитета судебных экспертиз в 2013 г. Принцип объективности, как один из основополагающих, закреплен в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-3 «О судебно-экспертной деятельности», а в ст. 9 этого закона указывается на то, что судебный эксперт проводит судебную экспертизу объективно в пределах своей компетенции, всесторонне и в полном объеме с применением допустимых и достоверных методов.

Отличительной чертой нормативно-правового регулирования принципа объективности в судебно-экспертной деятельности является стремление законодателя ограничить появление факторов, повышающих влияние эксперта и иных лиц на результаты исследования. В частности, ч. 2 ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь обязывает эксперта давать объективное заключение по поставленным перед ним вопросам, а ч. 3 данной статьи запрещает эксперту вести переговоры с иными участниками уголовного процесса по вопросам, связанным с проведением экспертизы. Одна из целей данного запрета сводится именно к повышению степени объективности результатов исследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что объективность является базисом судебно-экспертной деятельности и подразумевает беспристрастность, независимость и научную обоснованность всех действий экспертов.

Основными аспектами объективности являются следующие факторы.

Независимость мнений: объективный подход требует отделения фактов от личных убеждений и эмоций. Это позволяет принимать решения и делать выводы, основанные на реальных данных.

Использование фактов: объективность подразумевает опору на проверенные факты и данные, а не на слухи или домыслы. Это особенно важно в научных исследованиях и аналитике.

Методология: в научной и экспертной деятельности объективность достигается через использование стандартизированных методов и процедур, которые минимизируют влияние субъективных факторов.

Прозрачность: объективные процессы должны быть прозрачными, чтобы другие могли проверить и воспроизвести результаты. Это включает в себя открытость в отношении источников данных и методов анализа.

Этика: объективность также связана с соблюдением этических норм. Эксперты и исследователи должны действовать честно и избегать конфликтов интересов.

Критическое мышление: способность анализировать информацию с разных точек зрения и подвергать сомнению собственные предположения способствует достижению объективности.

Реализация принципа объективности в судебно-экспертной деятельности включает в себя несколько аспектов.

Независимость экспертов: эксперты должны быть независимыми от сторон, участвующих в процессе (например, обвинения и защиты), а также от внешних влияний. Это позволяет минимизировать риск предвзятости и обеспечить честное заключение.

Стандартизация процессов: разработка и внедрение стандартов и методик проведения экспертиз помогают обеспечить единый подход к выполнению задач. Это включает в себя использование проверенных научных методов и технологий.

Квалификация экспертов: эксперты должны иметь соответствующее образование и опыт работы в своей области. Периодическое повышение квалификации и сертификация помогают поддерживать высокий уровень профессионализма.

Документирование процесса: ведение детальной документации всех этапов экспертизы (методы, результаты, выводы) позволяет обеспечить прозрачность и возможность проверки работы эксперта.

Контроль качества: создание систем внутреннего и внешнего контроля качества экспертиз помогает выявлять ошибки и недочеты, что способствует повышению доверия к экспертным заключениям.

Этические нормы: соблюдение этических норм и профессиональных стандартов является важным условием для обеспечения объективности. Эксперты должны действовать честно, избегать конфликтов интересов и сохранять конфиденциальность.

Обратная связь и рецензирование: организация системы обратной связи, где другие специалисты могут оценивать работу эксперта, а также рецензирование экспертных заключений способствуют повышению объективности.

Использование современных технологий: применение новых технологий и методов анализа (например, компьютерного моделирования, автоматизации процессов) может повысить точность и надежность результатов.

Таким образом, соблюдение принципа объективности является критически важным для обеспечения справедливости судебного разбирательства и защиты прав всех участников процесса. Объективность в судебно-экспертной деятельности является необходимым условием для обеспечения правосудия. Реализация этого принципа требует комплексного подхода, включающего в себя как организационные меры, так и профессиональную подготовку экспертов. Только при соблюдении всех этих условий можно добиться высоких стандартов объективности и надежности экспертных заключений.

УДК 343.9

И.А. Анищенко

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

Преступность является порождением социально-экономических условий жизни общества и отражением его характера на каждом конкретном историческом этапе развития. Она представляет собой не простую совокупность совершаемых преступлений, а выступает неизбежным социальным явлением. В связи с этим борьба с преступностью путем реагирования на конкретные противоправные явления не приводит к устойчивым результатам, таким путем можно лишь «притормозить» преступность, но ограничить ее без системы мер профилактики невозможно.

Следует отметить, что понятие профилактики преступности не тождественно понятию предупреждения преступления. Профилактика по упреждающему воздействию способна влиять на истоки, корневую систему преступности, на то, что ее провоцирует, а предупреждение преступлений – это выявление и устранение причин конкретных видов преступлений и условий, способствующих их совершению.

Профилактику преступлений с позиции структурного анализа можно рассматривать как одну из систем социального порядка, создание и функционирование которой обусловлены необходимостью планомерного воздействия на преступность для достижения определенных социально значимых целей – сокращение преступности. Эта проблема неразрывно связана с исходными положениями, понятиями, институтами криминологии. Вместе с тем отчетливо прослеживаются тесные связи между криминологией и криминалистикой в части выявления причин и условий совершения противоправных деяний и обеспечения разработки мер предупреждения конкретного вида преступлений.

Для правильного понимания места криминологии и криминалистики в общей системе профилактики необходимо уделить некоторое внимание всей системе профилактики преступности.

На основе анализа научной литературы представляется наиболее логичной система профилактики, предложенная В.А. Ананичем и И.М. Серебряковой, включающая в себя следующие элементы: социальную профилактику, предупреждение противоправных деяний, ситуационное предупреждение преступлений.

Меры, принимаемые в рамках социальной профилактики криминальных деяний, следует рассматривать как политику государства, тесно связанную со множеством социальных программ, влияющих на криминогенную обстановку. Социальная профилактика включает в себя действия на уровне государства и общества для создания благоприятных условий жизни, решения экономических и социальных проблем, развития образования, здравоохранения, культуры.

Предупреждение противоправных деяний заключается в совокупности мер, направленных на недопущение совершения правонарушения.

Ситуационное предупреждение преступлений представляет собой совокупность мер, направленных против конкретных видов правонарушений и связанных с управлением средой, в которой последние происходят, или с ее изменением в целях уменьшения возможностей для совершения наказуемых деяний.

Социальная профилактика уделяет основное внимание правонарушителям, а предупреждение противоправных деяний и ситуационное предупреждение преступлений – самим криминальным деяниям. Меры, применяемые в данном случае, способны обеспечить реальное решение проблем в отношении конкретных видов правонарушений и направлены на принуждение лица к отказу от совершения задуманного противоправного деяния.

В рамках предупреждения противоправных деяний и ситуационного предупреждения преступлений выделяются следующие меры: создание условий, усложняющих совершение преступления; проведение мероприятий, увеличивающих степень риска при совершении незаконного деяния; применение способов, уменьшающих выгоду от совершения преступления. Проанализировав вышеуказанные меры, представляется, что именно эта категория является объектом криминалистического анализа.

Нам представляется, что с этих позиций необходимо изучать взаимодействие криминалистики и криминологии в общей системе профилактики преступности. Развивая мнения кримиологов, следует говорить о том, что наряду с категориями общесоциальными, т. е. системами политическими, экономическими, идеологическими, целесообразно говорить о право-

вых системах, а среди них о таких социально ориентированных на решение превентивных задач, как криминологическая, уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, криминалистическая. Рассматривая эти категории как отражение систем, мы выходим на задачи криминалистики.

Криминалистическую профилактику преступлений следует рассматривать в двух аспектах.

Во-первых, как деятельность уполномоченных законом субъектов, связанную с установлением причин и условий, способствующих совершению преступлений, осуществляемую на основе применения криминалистических средств, приемов и методов. Сюда же целесообразно отнести и применение специальных криминалистических средств для предупреждения преступлений, предотвращения и пресечения деятельности конкретных лиц. Использование криминалистического предупреждения зависит от субъектов его применения. Субъектами криминалистической предупредительной деятельности выступают органы дознания, следователь, прокурор. С учетом этого можно выделить следующие направления предупредительной деятельности: следственное предупреждение, осуществляемое следователем в процессе расследования преступлений; оперативное предупреждение, применяемое оперативно-розыскными подразделениями в процессе выявления и раскрытия преступлений.

Во-вторых, криминалистическую профилактику преступлений можно рассматривать как одно из направлений криминалистической науки, основными составляющими которой могут быть: изучение закономерностей образования, выявления и исследования следов – признаков криминогенных обстоятельств, характерных для тех или иных видов преступлений; разработка технико-криминалистических и тактических средств, приемов и методов выявления, фиксации и изучения обстоятельств криминогенного характера, защиты отдельных объектов от преступных посягательств; разработка и совершенствование методов, приемов выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений; выделение в каждом случае расследования объектов изучения с точки зрения предупреждения преступления и соответствующего воздействия; выявление, исследование особенностей типичных следственных ситуаций предупредительного характера, возникающих в процессе расследования, и разработка основных направлений деятельности по предупреждению преступлений; определение и прогнозирование комплекса предупредительных мероприятий, наиболее эффективных и действующих в каждой из выделенных ситуаций; разработка и анализ мер пресечения и предупреждения при подготовке, совершении или сокрытии отдельных видов преступлений и иные.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что криминалистика, изучая вопросы предупреждения преступлений, разрабатывает рекомендации организационного и технического характера (в том числе разрабатывает специальные технические устройства), направленные на пресечение конкретного преступления, предупреждение правонарушений, аналогичных расследуемому.

УДК 343.985

Н.Н. Беломытцев

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Актуальность исследования обусловлена ростом киберпреступности в СНГ и необходимостью совершенствования криминалистических методик и мер, направленных на преодоление распространения преступлений в сфере информационных технологий. В 2026 г. Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ (далее – СМВД) отмечает 30-летие своей деятельности, что актуализирует анализ достижений и проблем международного взаимодействия в сфере информационной безопасности и криминалистического обеспечения расследований.

Статистические данные свидетельствуют о сохраняющейся остроте проблемы киберпреступности. По официальным данным МВД Республики Беларусь, за 9 месяцев 2025 г. в стране зафиксировано около 13 500 киберпреступлений, что составляет 29 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Примечательно, что наблюдается устойчивая тенденция к сокращению киберпреступности (снижение на 11 % в 2025 г. по сравнению с 2024 г.), аналогичная динамика отмечается и в Российской Федерации, где за первые 9 месяцев 2025 г. зарегистрировано 522 000 преступлений, совершенных с применением информационно-коммуникационных технологий, что на 7,4 % меньше аналогичного периода 2024 г., при этом их удельный вес в общей структуре преступности составляет 38,5 %. В то же время в других государствах – участниках СНГ, в частности в Казахстане, фиксируется значительный рост киберпреступности (увеличение на 86 % за 10 месяцев 2025 г.).

В структуре киберпреступлений преобладают хищения, мошенничество и вымогательство (96,0 % в Беларуси). Анализ способов совершения преступлений свидетельствует о распространении социальной инженерии: продажа несуществующего товара (47,0 %), обман под предлогом инвестиций в криптовалюту (13,6 %), звонки мошенников под видом работников банков и правоохранительных органов (20,1 %). Основным каналом распространения являются мессенджеры (Telegram – 33,0 %, Instagram – 26,0 %, Viber – 22,0 %).

Криминалистическая характеристика киберпреступлений в условиях СНГ определяется спецификой формирования цифровых следов, их динамичностью и трансграничной природой. Ключевыми элементами криминалистической характеристики являются: способы внедрения в компьютерные системы (фишинг, эксплуатация уязвимостей, социальная инженерия), методы сокрытия следов (использование VPN-, прокси-серверов, криптовалют), механизмы реализации преступного замысла (модификация данных, несанкционированный доступ, мошеннические схемы) и специфика формирования электронных доказательств.

Методика расследования киберпреступлений требует применения специализированных криминалистических средств и методов. Доказывание базируется на комплексном использовании данных оперативно-розыскных мероприятий, результатов

компьютерно-технических экспертиз, радиоэлектронных устройств и следственных действий по обнаружению, собиранию, фиксации, изъятию и анализу электронных доказательств.

Очевидным становится, что противодействие киберпреступности требует комплексного криминалистического подхода, сочетающего уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные меры с технологическими и профилактическими инструментами. Региональное взаимодействие государств – участников СНГ в этой сфере осуществляется через СМВД, учрежденный 19 января 1996 г. На заседании СМВД в Минске в августе 2024 г. были приняты решения, направленные на совершенствование межгосударственного информационного взаимодействия в сфере борьбы с киберпреступностью. Однако координационные механизмы на региональном уровне дополняются национальными системами, которые интегрируют новейшие технологии контроля и анализа цифровых потоков информации. Примечательным примером является практика некоторых государств, где системы глубокого анализа пакетов данных (DPI-технологии) сочетаются с оперативно-розыскной деятельностью и аналитическими процессами. Демонстрируя технологические возможности реального анализа трафика, включая применение машинного обучения для выявления аномальной активности, такие национальные модели одновременно иллюстрируют необходимость критического баланса между эффективностью противодействия преступности и соблюдением конституционных прав граждан на приватность и доступ к информации.

Нормативную основу сотрудничества государств – участников СНГ составляют Стратегия обеспечения информационной безопасности государств – участников СНГ, модельный закон «О противодействии киберпреступности» (принят Межпарламентской Ассамблеей СНГ 14 апреля 2023 г.) и Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Эти документы ориентированы на унификацию подходов к расследованию и предупреждению преступлений, а также на установление единых стандартов обмена информацией между компетентными органами.

В настоящее время правоохранительные органы государств – участников СНГ активно внедряют в практическую деятельность многоуровневую систему превентивных мер, направленных на ограничение возможности использовать информационное пространство в преступных целях. В Российской Федерации по состоянию на октябрь 2025 г. заблокировано 258 VPN-сервисов (прирост 31 % к 2024 г.); с сентября 2025 г. предусмотрены штрафы за рекламу каких-либо инструментов обхода ограничений. В Республике Беларусь Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь контролирует интернет-трафик посредством внедрения технологий глубокого анализа пакетов данных (Deep Packet Inspection) для выявления несанкционированного доступа к компьютерной информации и отслеживания источников киберпреступлений.

Одновременно международное сотрудничество в области киберпреступности осуществляется через Интерпол, объединяющий 196 государств. Национальное центральное бюро Интерпола при МВД Республики Беларусь функционирует с 29 сентября 1993 г. и обеспечивает координацию с международными партнерами. В 2025 г. Интерпол ввел новые стандарты фильтрации запросов, направленные на повышение объективности международного сотрудничества. Обмен информацией между государствами – участниками СНГ в рамках региональных баз данных, ведение единых реестров преступников и мобилизация оперативных групп позволяют более эффективно идентифицировать и локализовать источники киберпреступлений.

Международный опыт противодействия киберпреступности демонстрирует ряд апробированных методик, которые целесообразно адаптировать в условиях СНГ. Эстонская система X-Road (децентрализованный обмен данными с использованием блокчейн-технологии KSI для криптографической защиты и полного аудита), израильская модель специализированной подготовки кадров с применением передовых симуляторов киберугроз, южнокорейские технологии анализа больших данных и машинного обучения для выявления подозрительных транзакций и криптовалютных операций, а также сингапурская программа развития цифровой грамотности населения предлагают комплексный инструментарий для противодействия современной киберпреступности. Для Республики Беларусь и СНГ в целом целесообразно: внедрить межгосударственную платформу обмена данными на базе блокчейн-технологий; создать единый в рамках СНГ специализированный центр переподготовки сотрудников правоохранительных органов по киберпреступлениям; разработать единые стандарты биометрической идентификации и реалтайм-анализа финансовых транзакций; включить основы кибербезопасности в обязательные образовательные программы школ и организовать межгосударственную кампанию по цифровой грамотности. Требуется разработать единые для СНГ стандарты собирания, фиксации, хранения и анализа электронных доказательств, включая криптографически защищенные логи операций, метаданные сетевых соединений, восстановление данных из памяти устройств и облачных хранилищ. Особое внимание следует уделить методам противодействия сокрытию следов через VPN- и прокси-серверы.

Кроме того, требуется установление строгих процедурных гарантий при применении технологий мониторинга и анализа трафика. При внедрении DPI-технологий для выявления киберпреступлений необходимо обеспечить законодательные гарантии защиты прав граждан на приватность и свободу информации. Следует четко разграничить следующие категории действий:

оперативно-розыскные мероприятия, требующие санкции прокурора в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности;

следственные действия по обнаружению, изъятию и анализу электронных доказательств, требующие санкции прокурора в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством;

технические меры противодействия явным угрозам критической инфраструктуре, также требующие предусмотреть независимый надзор и регулярные аудиты применения таких технологий.

Преодоление угрозы развития киберпреступности требует целостного подхода, сочетающего развитие международного сотрудничества, совершенствование криминалистических методик расследования, внедрение технологических решений, надлежащую подготовку кадров, просветительскую деятельность и, что критически важно, соблюдение баланса между безопасностью и конституционными правами граждан. Опыт Республики Беларусь, достигшей тенденции снижения числа киберпреступлений в условиях активного развития информационных технологий, свидетельствует о возможности эффективного противодействия этому явлению при условии комплексного и систематического применения всех имеющихся инструментов.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Институт непрерывности судебного разбирательства отечественной правовой системе известен достаточно давно. Так, в ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР 1923 г. содержалось положение, согласно которому судебное заседание по каждому уголовному делу должно было происходить непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха, а рассмотрение в перерыве других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускалось. Указанное положение содержал в той же норме в аналогичной редакции и УПК БССР 1927 г. В УПК БССР 1960 г. введена ст. 242 «Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства», в которой вышеуказанное положение закона получило детализацию: «Судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение теми же судьями других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускается».

Представляется, что ранее законодатель, исходя из указанных выше положений, стремился к повышению качества рассмотрения дел путем установления обязанности для судей рассматривать дела пошагово, последовательно, одно за другим до полного рассмотрения каждого конкретного дела. При этом устанавливался дополнительный запрет на переход к рассмотрению других дел теми же судьями до завершения рассмотрения дела, начатого ранее.

Сегодня по истечении более чем 60 лет с учетом увеличения количества правоотношений, подлежащих рассмотрению судом, их сложности, возросшего уровня подготовки участников процесса, усложнившегося процесса уголовно-процессуального доказывания в стадии судебного разбирательства у законодателя возникли сомнения в возможности неизменного применения ранее действовавшего принципа организации непрерывности судебного разбирательства. Что выразилось в принятии новой редакции уголовно-процессуального закона. Так, современный УПК Республики Беларусь в ч. 5 ст. 286 «Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства» содержит положение, согласно которому судебное разбирательство по каждому уголовному делу ведется непрерывно в течение рабочего дня, кроме случаев объявления перерыва по ходатайству сторон или усмотрению суда, т. е. стала очевидной проблема реализации непрерывности судебного разбирательства.

Следует отметить, что Республика Беларусь не единственная страна на постсоветском пространстве, которая столкнулась с таким вопросом.

Так, УПК Республики Армения в ст. 269 «Неизменность судебного состава и непрерывность судебного производства» также оставляет этот принцип действовать, уточняя его в ч. 3 данной нормы следующим образом: «До завершения судебного производства или отложения судебных слушаний, осуществляемых по устной процедуре, осуществление другого судебного производства по устной процедуре не разрешается». Вместе с тем уголовно-процессуальным законом указанной республики предусмотрена возможность судебного производства, осуществляемого по письменной процедуре, на которое данное ограничение, исходя из буквального толкования вышеуказанной нормы, не распространяется, т. е. налицо вариация изъятия из принципа непрерывности судебного разбирательства и попытка его обойти.

Однако не все страны пошли таким путем при решении проблемы непрерывности судебного разбирательства.

УПК Азербайджанской Республики наряду с достаточно подробной регламентацией условий судебного разбирательства вообще не содержит положения о непрерывности судебного разбирательства. Уголовно-процессуальный закон Республики Туркменистан и Республики Узбекистан также не содержат принципа непрерывности судебного разбирательства.

В уголовно-процессуальном законе Кыргызской Республики не содержится положение о непрерывности судебного разбирательства, при этом в ст. 289 «Непосредственность и устность судебного разбирательства» указанного УПК оставлены только принципы непосредственности и устности судебного разбирательства.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, Республики Таджикистан и Российской Федерации в нормах, посвященных общим условиям судебного разбирательства, оставило в качестве действующих эти же принципы непосредственности и устности, отказавшись от принципа непрерывности судебного разбирательства.

На наш взгляд, попытки решить проблему непрерывности судебного разбирательства путем установления каких-либо изъятий из нее искусственно усложняют понимание и применение уголовно-процессуального закона, вследствие установления излишней формализации замедляют процесс уголовно-процессуального доказывания в стадии судебного разбирательства и сегодня не согласуются с одним из основных принципов уголовного процесса – принципом процессуальной экономии, так как результатом реализации данного принципа должно быть максимально эффективное, простое, мало затратное и понятное применение закона всеми участниками уголовного процесса.

В связи с изложенным нам представляется необходимым исключить ч. 5 ст. 286 УПК Республики Беларусь в полном объеме, а также исключить в названии данной нормы термин «непрерывность», оставив название статьи в следующей редакции: «Непосредственность и устность судебного разбирательства».

Реализация данного положения, на наш взгляд, позволит судам ускорить уголовно-процессуальное доказывание в стадии судебного разбирательства по уголовным делам за счет отмены непрерывности. Предоставит им возможность свободно переходить от рассмотрения одного уголовного дела к другому в высвобождающиеся временные промежутки, появляющиеся в связи с неизбежными сбоями при ведении судебных разбирательств. Кроме того, это обеспечит максимально эффективное использование высвобождающегося в связи с этим времени, за счет возможности осуществлять производство по иным категориям дел (административным и гражданским). Что в конечном итоге повысит оперативность правосудия и приведет к снижению нагрузки на судей.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Современный этап развития уголовной юстиции в Республике Беларусь характеризуется поиском оптимального баланса между традиционными публично-правовыми подходами и новыми механизмами, нацеленными на повышение эффективности правосудия, гуманизацию и восстановление социальной гармонии. Существенным шагом в этом направлении стало законодательное закрепление восстановительной медиации в 2021 г., а именно: предусмотрена возможность примирения путем заключения медиативного соглашения (ст. 30¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь), также закреплено определение медиации и медиатора. Этот шаг открыл новые возможности, но одновременно поставил перед правовой системой комплексные задачи по интеграции данного института, обеспечению его совместимости с принципом публичности и определению его дальнейшего содержательного наполнения. В данном контексте изучение эволюции и содержания международных стандартов в области восстановительного правосудия приобретает особую практическую и методологическую ценность. Полагаем, что положения международных документов следует рассматривать не как абстрактное «внешнее предписание», а как объективный ориентир и апробированный инструмент для взвешенного реформирования, позволяющий соотносить национальные решения с общемировыми тенденциями.

Проведенный анализ показал, что эволюция международных стандартов носит последовательный характер. Ее истоки лежат в глобальном осознании необходимости усиления защиты прав потерпевших и развития альтернатив исключительно карательному подходу, что нашло отражение в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г. При этом изначально восстановительный подход получил нормативное закрепление прежде всего в сфере правосудия в отношении несовершеннолетних. Такие документы, как Пекинские правила ООН 1985 г. и Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., утвердили приоритет интересов ребенка, минимизацию формального судебного вмешательства и ориентацию на заглаживание вреда. Этот опыт стал важной основой для дальнейшего развития идей восстановительного правосудия. Знаковым этапом стало принятие Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 г. Рекомендации R(99)19, где впервые на отраслевом уровне определена медиация по уголовным делам, подробно прокомментированы ее содержание и преимущества, при этом четко обозначено смещение акцента с модели «государство – правонарушитель» на диалог «жертва – правонарушитель»; закреплены ключевые процессуальные принципы: добровольность, конфиденциальность и направленность на достижение справедливого соглашения.

Наиболее полное современное выражение эволюция международных стандартов нашла в Рекомендации CM/Rec(2018)8, принятой Комитетом Министров Совета Европы 3 октября 2018 г., в которой констатировался переход восстановительного правосудия из категории экспериментальных проектов в неотъемлемый компонент современных систем уголовной юстиции. Документ предлагает широкое определение, подчеркивающее важность участия не только непосредственных сторон, но и затронутого сообщества. Детально сформулирована система гарантий, включая добровольное информированное согласие, доступность процедуры, беспристрастность медиатора и соразмерность принимаемых решений. Особую практическую значимость имеют нормы, регулирующие взаимодействие восстановительных процедур с традиционным уголовным процессом: возможность применения медиации на различных его стадиях при сохранении судебного контроля и принципиальная гарантия того, что участие в процедуре само по себе не может трактоваться как признание вины.

Именно международные стандарты, и в особенности детализированная Рекомендация CM/Rec(2018)8 Комитета Министров Совета Европы, предлагают конкретные, апробированные в различных юрисдикциях организационно-правовые механизмы. Их постепенная адаптация с учетом особенностей национальной правовой системы может стать следующим шагом в развитии белорусской модели восстановительной медиации. К таким механизмам относятся, например, стандарты подготовки и аккредитации медиаторов, специализирующихся в уголовно-правовой сфере, с акцентом на этику и понимание специфики работы; модель процессуальной интеграции, определяющая конкретные стадии уголовного процесса для направления дела на медиацию (в том числе стадия исполнения наказания) и юридическое оформление ее результатов; а также система судебного контроля за справедливостью и законностью достигнутого соглашения. Внедрение подобных детализированных механизмов позволило бы перейти от формального закрепления института к созданию устойчивой, защищенной от злоупотреблений и предсказуемой для всех участников практики его применения. Это напрямую отвечает установкам Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, в частности ее положениям о необходимости повышения эффективности правосудия, развития медиации и иных альтернативных способов урегулирования споров, развития правовой культуры (подп. 44.1, 44.5 п. 44), в целом совершенствования правовой системы и повышения ее гибкости (п. 5).

Таким образом, для правовой системы Беларуси, находящейся на этапе становления восстановительных практик, значение международных стандартов носит комплексный характер. Во-первых, они выполняют легитимизирующую функцию, демонстрируя, что медиация является не узкоспециализированным инструментом, а общепризнанным механизмом достижения публичных целей, а именно восстановления социального мира, удовлетворения потребностей потерпевшего и ресоциализации правонарушителя, что созвучно идеологическим императивам Концепции правовой политики Республики Беларусь, таким как социальная справедливость и баланс прав и обязанностей (п. 9). Во-вторых, они выступают в качестве источника конкретных правовых решений и методологического ориентира, помогая избежать системных ошибок и предлагая отрабо-

танные модели для урегулирования сложных процессуальных вопросов. В-третьих, они задают стратегическую перспективу, указывая на возможность поэтапного расширения инструментария восстановительного правосудия.

Следовательно, углубленное изучение и адаптация международных стандартов для национальной правовой системы – это прежде всего вопрос формирования научно обоснованной, сбалансированной и эффективной национальной модели. Такой подход позволяет обеспечить гармоничное включение восстановительных процедур в национальное уголовное судопроизводство.

УДК 343.982.43

А.В. Воробей

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ РУКОПИСНОЙ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ПОДПИСИ

Приоритетным направлением государственной политики в сфере борьбы с преступностью является создание надежных методов идентификации человека на основе биометрических характеристик, к одним из которых относятся рукописный почерк и рукописная подпись. Особенностью и отличием метода идентификации личности по рукописной подписи по сравнению с другими методами биометрической идентификации является необходимость воспроизведения определенной последовательности движений, которая уникальна для каждого человека, так как основана на физиологических, биологических и поведенческих чертах.

Развитие информационных технологий привело к внедрению в практическую деятельность новых способов оформления документов, использованию документов в электронном виде и электронных документов. В связи с этим появились альтернативные способы подписания документов собственноручной подписью.

В Республике Беларусь электронные документы приравниваются к печатным и регулируются Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронно-цифровой подписи». В данном законе закреплено понятие электронной цифровой подписи – последовательность символов, являющаяся реквизитом электронного документа и предназначенная для подтверждения его целостности и подлинности, основным элементом которой является криптографический ключ. В связи с этим следует разграничить электронную цифровую подпись от цифровой рукописной подписи, которая внедрена на территории нашей страны на основании постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 19 февраля 2018 г. № 65. Согласно данному постановлению цифровая рукописная подпись – это собственноручная подпись клиента, учиненная с помощью соответствующих программных средств (в том числе планшетов, дисплеев) для подтверждения целостности и подлинности подписываемого документа в электронном виде.

Цифровая рукописная биометрическая подпись – цифровая рукописная подпись, которая включает в себя данные динамики подписи (биометрические данные). Определение биометрических персональных данных предложили С.В. Баженов, В.Е. Дивольд, А.А. Морозов и др. Данные авторы трактуют их как сведения, которые характеризуют физиологические, биологические и поведенческие особенности человека, на основании которых можно установить его личность. Цифровая рукописная биометрическая подпись выполняется собственноручно и тем самым охватывает все вышеуказанные особенности человека, которые уникальны, универсальны и практически не подвергаются изменениям в течение всей жизни.

В условиях стремительной цифровизации различных сфер жизни цифровая рукописная биометрическая подпись приобретает все большее значение. Растет распространение цифровых подписей в различных сферах, начиная с финансовых операций и заканчивая юридическими документами, что может вызвать интерес и стать объектом мошеннических действий, что, в свою очередь, повлечет необходимость экспертной оценки и цифровая рукописная биометрическая подпись станет объектом судебной почерковедческой экспертизы.

В 2022 г. в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь разработана методика почерковедческого исследования цифровой рукописной подписи. Данная методика представляет собой программу действий эксперта, основанную на системе научно обоснованных предписаний по выбору и применению в определенных последовательности и условиях методов, способов и средств решения идентификационных и диагностических задач при исследовании цифровых рукописных биометрических подписей.

К идентификационным задачам относятся: установление исполнителя цифровой рукописной биометрической подписи, установление факта выполнения почерковых объектов одним или разными лицами.

К диагностическим задачам относятся: определение пригодности объекта для идентификации личности, установление факта необычности процесса письма и причин, его вызвавших.

Исследование цифровой рукописной биометрической подписи и классическое почерковедческое исследование объекта на бумажном носителе имеют отличительные особенности, несмотря на общую цель – установление исполнителя, что обуславливает необходимость наличия у эксперта определенных знаний в области технологии выполнения подписи, анализа и оценки как традиционных общих и частных признаков подписи, так и содержащихся в подписи количественных данных.

В сравнении с традиционной подписью цифровая рукописная биометрическая подпись обладает более высокой информативностью, хотя большая часть признаков оценивается как в классическом почерковедческом объекте. Современное оборудование и программное обеспечение позволяют зафиксировать в виде величин следующие общие признаки: темп движений при выполнении рукописи и нажимные характеристики. Ранее данные признаки оценивались с точки зрения качественных характеристик, в данный момент могут быть всесторонне оценены и в полной мере измерены.

Дополнительную почерковую информацию позволяет получить исследование ненажимных штрихов – штрихов, которые образованы движениями пера (стилуса) при отрыве от поверхности планшета и не отражаются на дисплее, однако есть

особенности: при слитном выполнении подписи ненажимные штрихи не фиксируются, при интервальном выполнении фиксируются при переходе между элементами подписи.

Без затруднений и однозначно также можно определить следующие частные признаки, которые ранее могли вызывать трудности при исследовании почеркового объекта, а особенно подписи: направление движений, вид соединения движений, последовательность выполнения движений.

Большое значение имеет и то, что признаки будут существенно отличаться от классической совокупности признаков, которые могут быть выявлены на бумажных носителях при подражании подписи другого лица. Результативность подражания снижается за счет того, что оборудование для выполнения цифровой рукописной биометрической подписи является непригодным для подражателя и будут видны явные отличия в темповых характеристиках, даже с предварительной подготовкой.

В заключение можно констатировать, что исследование цифровой рукописной биометрической подписи в сравнении с традиционной подписью более информативно, поскольку обусловлено возможностью оценки отдельных общих и частных признаков подписи при помощи специального оборудования и программного обеспечения. В свою очередь, выявляемые признаки обеспечивают результативное проведение исследования по установлению исполнителя цифровой рукописной биометрической подписи.

УДК 343.148

В.Л. Гнилякевич

СПЕЦИАЛИСТ И ПЕРЕВОДЧИК КАК ИНЫЕ УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Уголовный процесс как урегулированная нормами уголовно-процессуального законодательства деятельность является одной из наиболее социально значимых и регламентированных сфер государственной деятельности. Эффективность и обеспечение выполнения стоящих перед ним задач зависят от неукоснительного соблюдения принципов, закрепленных в уголовно-процессуальном законе, среди которых можно выделить один из конституционных – язык, на котором ведется производство по материалам и уголовному делу, сущность которого заключается в том числе в праве бесплатно пользоваться услугами переводчика в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК).

В полиэтничном и многоязычном современном обществе, а также в условиях международного правового сотрудничества обеспечение защиты законных прав и интересов граждан часто требует привлечения лиц, владеющих специальными знаниями, в том числе лингвистическими.

Переводчик и специалист, на первый взгляд, имеют существенные различия: переводчик призван преодолеть языковой барьер, обеспечивая полноценное участие лиц, не владеющих языком, на котором ведется производство по материалам и уголовному делу, в то время как специалист путем использования специальных знаний в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности оказывает содействие в обнаружении, закреплении, изъятии следов преступления, применении научно-технических средств при производстве следственных и иных процессуальных действий, оказывает содействие в формулировании вопросов эксперту, установлении психологического контакта, атмосферы доверия между органом, ведущим уголовный процесс, и участниками следственных и иных процессуальных действий.

При этом вследствие сходства процессуальных статусов специалиста и переводчика нередко возникают затруднения, связанные с вовлечением отдельных лиц в уголовный процесс: привлекать их в качестве специалиста или же в качестве переводчика.

Согласно ст. 62 УПК специалистом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий. Педагог или психолог, участвующие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, также являются специалистами.

В ст. 63 УПК закреплено понятие переводчика как участника уголовного процесса, которым является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, владеющее языками, знание которых необходимо для перевода, и участвующее в следственных и других процессуальных действиях в случаях, когда подозреваемый, обвиняемый, их защитники либо потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, а также свидетели и иные участники уголовного процесса не владеют языком, на котором ведется производство по материалам и уголовному делу, а равно для перевода письменных документов.

Анализ ст. 62 и 63 УПК указывает на наличие сходства между специалистом и переводчиком, которое заключается в обладании специальными знаниями; незаинтересованности в исходе уголовного дела; участии и оказании содействия в производстве следственных и других процессуальных действий. Различие же состоит в конкретизации специальных знаний вовлекаемого в уголовный процесс переводчика: в отличие от специалиста он должен обладать достаточными специальными знаниями именно в области лингвистики – владеть языками, знание которых необходимо для перевода.

Среди ученых отсутствует единое мнение относительно признания переводчика сведущим лицом в области языкознания, возможности обладания им специальными знаниями, сохраняя при этом свою процессуальную самостоятельность.

По мнению А.А. Новикова и А.В. Куликова, переводчик обладает всеми признаками, присущими специалисту, и указание на него как самостоятельного участника процесса, отличного от специалиста, нецелесообразно. Авторы предлагают объединить сведущих лиц в одну процессуальную фигуру – специалиста, что позволит, по их мнению, обеспечить единообразное

понимание процессуального положения специалистов разных профессий, их прав, обязанностей и ответственности. В то же время С.М. Гарисов и Е.А. Зайцева считают, что переводчик – это не всегда специалист в области языкознания.

На наш взгляд, указанные утверждения являются не совсем верными.

Так, С.П. Щерба рассматривает переводчика как специалиста в сфере языкознания, поскольку функцию перевода может выполнять не любой гражданин, а только лицо, обладающее специальными знаниями.

С.В. Швец уточняет, что переводчик в уголовном судопроизводстве – это специалист в области языкознания, владеющий как языком, знание которого необходимо для осуществления перевода, так и языком судопроизводства, а также свободно владеющий навыками перевода.

В.Н. Махов указывает, что переводчик, как и специалист, является сведущим лицом. Однако переводчик в отличие от специалиста оказывает помощь не только лицу, осуществляющему производство по материалам и уголовному делу, но и участвующим в уголовном процессе лицам, которым в случаях, установленных законом, предоставлено право пользоваться услугами переводчика. В конечном счете этот аспект деятельности переводчика помогает произвести всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств происшедшего. Кроме того, переводчик наряду с участием в следственных и иных процессуальных действиях занимается и переводом письменных документов. В отличие от обязательности участия переводчика, замена которого должностными лицами, ведущими уголовный процесс, запрещена УПК, указанные лица могут обойтись без участия специалиста, при наличии у них специальных знаний. При этом следует учитывать случаи обязательного участия специалиста, например педагога или психолога (ст. 435 УПК), специалиста в области судебной медицины (ст. 205 УПК) и др.

Таким образом, представляется верным суждение о том, что переводчик обладает специальными знаниями и его участие в уголовном процессе является одним из видов процессуальной формы применения этих знаний. Несмотря на сходство специалиста и переводчика как иных участников уголовного процесса, процессуальный статус специалиста, по нашему мнению, шире статуса переводчика, в связи с чем законодательная уголовно-процессуальная дифференциация указанных участников уголовного процесса обоснована и рациональна. Вместе с тем о переводчике можно вести разговор как о специалисте, но в узком общеправовом смысле.

УДК 343.985

В.Л. Григорович

ИНТЕГРАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА М.М. ГЕРАСИМОВА В СОВРЕМЕННУЮ КРИМИНАЛИСТИКУ

Восстановить облик умершего человека по костным останкам ученые пытались на протяжении 150 лет. Первые практические эксперименты относятся к 50–70-м гг. XIX в. и связаны с именами таких ученых, как Г. Шаафраузен, Ю. Кольманн, Г. Вирхов. Хотя работы исследователей и отличались новаторскими идеями, но по качеству и точности были лишь воспроизведениями отвлеченных этнических типов, на что неоднократно указывали как сами реставраторы, так и их современники. Малозначительные продвижения в деле реконструкции можно объяснить тем, что в то время ученые не смогли окончательно выявить все взаимосвязи между черепом и мягкими тканями лица, это и затрудняло воспроизведение индивидуальных портретных черт облика человека. При восстановлении они опирались на общие признаки (антропологический тип и раса), из-за чего результаты экспериментов были далеки от совершенства и могли иметь только иллюстративно-учебное значение.

Попытки воссоздания образов древности были предприняты М.М. Герасимовым в 1927 г. Первый опыт реконструкции внешности людей был осуществлен на основе муляжей черепов питекантропа и неандертальца. В работе ему помогали знания, полученные во время сотрудничества с судебным медиком А.Д. Григорьевым. Вместе они посещали морги, анатомический театр и музей, созданные при Иркутском медицинском университете, проводили исследования, которые легли в основу собственного метода краниофациальной реконструкции.

М.М. Герасимов не стал опираться на результаты экспериментов предшественников, поскольку те осуществлялись на головах, деформированных от бальзамирования или пропитки формалином. Он принялся за разработку собственных техник, которые в последующем позволили устранить имеющиеся недостатки и добиться портретного сходства реконструкции с прижизненным обликом человека.

В основу метода М.М. Герасимова легли обмеры, полученные со «свежих» или замороженных трупов. Это позволило избежать искажений, вызванных естественными физиологическими изменениями тела после наступления смерти. Препаровка объектов комбинировалась с методичными проколами подкопченной иглой, производились серийные распилы замороженных голов в поперечном и продольном направлениях. Важную роль сыграла рентгенография, которая позволила выявить закономерности в распределении толщин тканей в зависимости от половозрастных, расово-этнических особенностей людей и отразить их в соответствующей шкале стандартов.

Практическая часть метода – создание портретной реконструкции на краниологической основе. М.М. Герасимов в 1949 г. в монографии «Основы восстановления лица по черепу» повествует о тех «реперных точках», которые позволяют воспроизвести достоверный облик человека по сохранившимся костным останкам. Так, появляется описание алгоритма, включающего в себя следующие этапы: 1) анализ черепа – антропологическое исследование с акцентом на описательные признаки (определение пола, возраста и т. д.); 2) графическое разрешение реконструкции; 3) скульптурное воспроизведение схемы головы; 4) завершение работы над бюстом с учетом исторических данных (костюм, прическа и т. д.).

Приведенное деление является классическим и повсеместно цитируется в публикациях об оценке предложенного М.М. Герасимовым метода, техника которого нашла применение в современной судебно-экспертной деятельности в рамках медико-криминалистического исследования.

Объектом соответствующего изыскания являются костные останки человека в целом и его череп в частности, а также обширная медицинская документация (истории болезни, амбулаторные карты), иные необходимые для проверки материалы дела. В качестве предмета называются любые фактические данные, устанавливаемые с использованием медико-биологических знаний, за исключением тех аспектов, которые отнесены к предмету судебной биологической экспертизы. Конкретизация искомых сведений применительно к краниологическим изысканиям осуществляется посредством постановки перед экспертом ряда вопросов, преследующих цели идентификации: каковы пол, возраст и расовый тип лица, череп которого представлен для исследования; имеются ли на представленном черепе особенности зубного аппарата; каковы признаки внешности и индивидуальные особенности лица, чей череп представлен на исследование; мог ли гражданин, череп которого представлен на исследование, являться... (указание фамилии, имени, отчества)?

Кроме того, в ходе анализа скелета могут быть выявлены и зафиксированы следы перенесенных заболеваний, хирургических операций и повреждений. Травмы, в свою очередь, несут в себе информацию об обстоятельствах, времени, механизме их получения, о возможной причине смерти лица (т. е. совокупно решается еще и диагностическая задача).

Комбинированная графическая реконструкция внешнего облика человека в настоящее время проводится с помощью программного комплекса «Реконструкция-2», созданного российскими учеными. С его помощью на основе точечных и фотографических компонентов и с учетом параметров, связанных со строением черепа, автоматизированно формируется прижизненный образ субъекта. Реконструкция осуществляется в несколько этапов:

1) выполняется специальная подготовка черепа для дальнейшего исследования: с него определенным способом удаляются остатки мягких тканей, при повреждениях проводится реконструкция – скрепление краев поврежденных костей, фиксация зубов на челюстях, если они выпали;

2) устанавливается видовая принадлежность останков, далее последовательно определяются биологический возраст, пол, раса, особенности развития черепа, следы перенесенных травм, заболеваний, хирургических вмешательств;

3) после этого на черепе проводится разметка ориентиров, определяются наиболее значимые точки, от которых будет зависеть рельеф лица и головы в целом (лоб, нос, подбородок, скулы), в выбранных местах крепятся столбики из пластилина, причем их высоты соответствуют толщине мягких тканей в этих участках головы, это необходимо для последующего монтажа изображения;

4) после разметки череп фотографируют. Выбирается такое расстояние и ракурс, чтобы избежать проекционных искажений на снимке. Фотоизображение открывается в специальной программе, и на его основе создается портрет. По аналогии с фотороботом используются типовые элементы внешности человека. При этом можно дорисовать индивидуальные признаки.

Рассматриваемый вид исследований осуществляется экспертами для раскрытия убийств, где воссозданный портрет человека может стать отправной точкой расследования.

Комплекс «Реконструкция-2» актуален для Республики Беларусь. Долгое время в нашей стране ведется инициативная деятельность правоохранительных органов при активном участии подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по расследованию преступлений прошлых лет. В апреле 2021 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь возбуждено уголовное дело по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Экспертами-криминалистами производится восстановление внешности погибших по черепу на основе метода М.М. Герасимова, где в ходе его реализации используются современные программное обеспечение и оборудование, что свидетельствует о заинтересованности государства в проведении исследований подобного рода.

Таким образом, действующая техника краниофациального восстановления представляет собой синтез классического метода М.М. Герасимова с его базисными четырьмя стадиями реконструкции и современных 3D-технологий, выражающихся в применении программного обеспечения, ультразвуковой эхолокации, для составления индивидуальных портретов субъектов, черепа которых поступили на медико-криминалистическую экспертизу.

УДК 343.985.7

А.В. Есько

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ТАКТИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В Республике Беларусь к сферам, наиболее подверженным коррупционным проявлениям, традиционно относятся сельское хозяйство, промышленность, строительство, торговля и государственное управление. Высокая концентрация коррупционных рисков в данных отраслях ведет к тому, что должностные лица, совершающие коррупционные преступления, своими действиями наносят колоссальный ущерб экономическим интересам государства. Особую и наиболее опасную проблему сегодня представляет системная деловая коррупция в сфере государственных закупок и агропромышленном комплексе, поскольку она напрямую затрагивает стратегические секторы экономики и подрывает основы государственного управления.

Борьба с коррупцией является приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов государства. Расследование коррупционных преступлений часто сопряжено со значительными сложностями, обусловленными спецификой личностной характеристики подозреваемого (высокий уровень образования и устойчивое социальное положение), латентным характером совершенных преступных деяний и активным противодействием со стороны заинтересованных в исходе дела лиц.

В сложившихся условиях эффективное выполнение правоохранительными органами функций по противодействию совершению коррупционных преступлений невозможно без надлежащего методического и криминалистического обеспечения.

Для успешного расследования уголовных дел коррупционной направленности от следователя требуется применение комплексного подхода, а не набора разрозненных тактических приемов. Такой подход представляет собой систему взаимосвязанных следственных действий и тактических приемов, применяемых с учетом сложившейся следственной ситуации. Подобную систему следственных действий и тактических приемов мы определяем как тактическую комбинацию.

Сегодня в научном сообществе отсутствует однозначное толкование понятия «тактическая комбинация», ввиду чего многочисленные публикации по данной тематике содержат ряд спорных, а порой даже противоречивых положений. Одни авторы понимают под тактической комбинацией способ решения следственных задач. Другие считают, что тактическая комбинация представляет собой комплекс тактических приемов, направленных на формирование условий, необходимых для решения задач, возникающих в процессе расследования уголовного дела. С нашей точки зрения, данная позиция является небесспорной, поскольку тактическая комбинация не только создает условия для производства иных процессуальных действий, но и сама нацелена на решение конкретных следственных задач, таких как сбор и проверка доказательств, задержание подозреваемых, получение ориентирующей информации, обеспечение возмещения вреда, нейтрализация противодействия расследованию, организация безопасности потерпевших и свидетелей.

Неоднозначность трактовок понятия «тактическая комбинация», по нашему мнению, связана с внутренней сложностью, противоречивостью данного тактического построения, а также с акцентированием внимания ученых на наиболее существенных, именно с их точки зрения, сторонах рассматриваемого явления.

Нередко обстановка, складывающаяся в процессе расследования коррупционных преступлений, оказывается неблагоприятной для производства необходимых следственных действий, а успех расследования уголовных дел напрямую зависит от своевременности производства данных действий и условий, в которых они осуществляются. Тактическая комбинация направлена на изменение сложившейся в процессе расследования уголовного дела обстановки путем внесения в нее дополнительных обстоятельств, позволяющих добиться поставленной цели.

Целью проведения тактической комбинации является решение сложных следственных задач, организация эффективного взаимодействия следователя и оперативных сотрудников, воздействие на следственную ситуацию для изменения ее в свою пользу.

Подготовка тактической комбинации требует от следователя творческого подхода, глубокого анализа ситуации и ее оценки с учетом не только текущего состояния, но и вероятного развития событий в ближайшей перспективе. Каждый элемент тактической комбинации, будь то отдельный тактический прием или следственное действие, имеет важное значение, от последовательности применения которого зависит успех реализации всей тактической комбинации.

Сущность тактической комбинации характеризуется сложным замыслом, множественностью действий, системой тактических приемов, а также привлечением дополнительных сил и средств.

Поскольку тактические комбинации позволяют эффективно решать возникающие в процессе расследования преступлений сложные тактические задачи, их обоснованно можно считать самостоятельным средством расследования преступлений. Данное свойство находит прямое отражение в процессе расследования преступлений, где применение тактических комбинаций позволяет в значительной мере алгоритмизировать весь процесс расследования.

Таким образом, применительно к рассматриваемой категории преступлений тактическую комбинацию можно определить как систему применяемых субъектом расследования организационных мер, тактических приемов и следственных действий, направленных на решение задач, возникающих в процессе расследования уголовного дела.

УДК 343.985.7

А.А. Кононович

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОСМОТРА МЕСТ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Обеспечение безопасности движения – одна из наиболее острых и актуальных проблем, связанных с интенсивным развитием транспортных средств. Ежегодно в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) погибают и получают различные телесные повреждения большое количество людей, а также наносится существенный материальный ущерб.

Обеспечение безопасности дорожного движения требует совершенствования всех составляющих комплекса «человек – автомобиль – дорога – среда».

В системе мероприятий, направленных на повышение безопасности дорожного движения, большое значение имеют меры уголовно-правового характера – быстрое и квалифицированное расследование ДТП, привлечение виновных в их совершении лиц к ответственности.

Для успешного решения указанных задач необходимо широко внедрять в судебно-следственную практику достижения науки и техники, эффективно использовать возможности судебной автотехнической экспертизы.

В Республике Беларусь по итогам 2025 г. зафиксировано значительное сокращение ДТП, несмотря на увеличение транспортных средств. Общее количество ДТП снизилось на 6 %, аварий, в которых пострадали люди, – на 9 %. Если в 2024 г. в ДТП погибли 434 человека, то в 2025-м – 417 человек, т. е. на 17 человек меньше, однако возросло количество погибших мотоциклистов, которое продолжает увеличиваться.

Эта проблема возникает на фоне общего увеличения количества транспортных средств в стране. За прошедший год парк мотоциклов вырос на 15 тыс. единиц, а общее число зарегистрированного транспорта – на 128 тыс. Сегодня в Беларуси насчитывается 4,509 млн автомобилей.

Осмотр места ДТП является процессуальным действием, от качества проведения которого зависит ход всего расследования как уголовного дела, находящегося в производстве органов следствия, так и дела об административном правонарушении, находящегося в производстве сотрудников ГАИ.

Осмотр места происшествия позволяет получить большой объем информации. Главная задача осмотра места ДТП – выявление обстоятельств, характеризующих механизм происшествия. Одной из главных составляющих осмотра места происшествия являются сведения о местности, характеристика дорожных условий, обнаруженных на дороге предметов и следов.

В последние годы электросамокаты, сегвеи и моноколеса – средства персональной мобильности – стали неотъемлемой частью городской жизни. Однако с ростом их популярности увеличивается и число ДТП с их участием. С 1 сентября 2025 г. вступили в силу изменения в правила дорожного движения (ПДД), а первые тяжелые электросредства (например, мощные электросамокаты) уже зарегистрированы в ГАИ и получили статус мопедов, что добавляет новые аспекты ответственности. Ключевой особенностью изменений в ПДД является спешивание при пересечении проезжей части по пешеходному переходу (кроме специально оборудованных велопереездов со светофорами), чтобы снизить количество ДТП и минимизировать их последствия.

ПДД определено, что средство персональной мобильности – это транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов) и максимальную конструктивную скорость движения не более 25 км/ч, предназначенное для передвижения одного человека посредством использования электродвигателя (электродвигателей). Лица, передвигающиеся на средствах персональной мобильности, приравниваются к велосипедистам с учетом особенностей, предусмотренных ПДД.

Согласно анализу ДТП с 1 сентября по 20 октября 2025 г. количество ДТП с велосипедистами уменьшилось на 50 %, а со средствами персональной мобильности – на 60 %, наезды на велосипедистов на переходах – на 93 % (с 33 до 2 случаев), аварий со средствами персональной мобильности на переходах – на 61 % (с 13 до 5 случаев).

УДК 343.985

Д.В. Костюкевич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ПОДХОДА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СУБЪЕКТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проведя комплексный анализ учебной и научной литературы по криминалистике, уголовному процессу, теории оперативно-розыскной деятельности, судебной психологии, теории управления, следует отметить то обстоятельство, что большинство ученых (Н.А. Аменицкая, А.Н. Балашов, Н.Н. Гапанович, Н.В. Жогин, И.И. Мартинович, Т.А. Паутова и др.) в своих трудах пытаются определить и раскрыть содержание признаков взаимодействия следователя с оперативными подразделениями, что, на наш взгляд, является не совсем верным, так как это взаимодействие представляет собой деятельность, неотделимую от иных видов правоохранительной деятельности, в общем и деятельность по борьбе с преступностью в частности и обладает сходными признаками. Если рассматривать взаимодействие следователя с оперативными подразделениями, выделяя какие-либо его особенности, то они так или иначе будут общими для такого рода деятельности, а также дублировать и дополнять друг друга.

Поэтому, на наш взгляд, вопросы взаимодействия следует рассматривать в общем, как комплексную криминалистическую категорию, применительно ко всем уполномоченным субъектам, осуществляющим расследование и составляющим правоохранительную систему.

Само понятие «правоохранительная система» сложное и многогранное. Оно находится в центре внимания как со стороны государственных деятелей, сотрудников правоохранительных органов, так и ученых, исследующих правоохранительные отношения в обществе в целях достижения мира и сохранения правопорядка.

Понятие «система» ввел в научный оборот немецкий биолог Л. фон Бергаланфи в начале XX в. для обозначения процесса обмена веществ между клетками и внешней средой. Спустя несколько десятилетий американский социолог Т. Парсонс использовал понятие «система» при изучении общества, которое он представлял как взаимодействие четырех подсистем: экономической, политической, социальной и духовной, выполняющих свойственные им функции с целью обеспечения жизнедеятельности общества в целом. Для существования и самоподдержания любой системе свойственны четыре функции, служащие удовлетворению ее элементарных потребностей: адаптации, целедостижения, интеграции и латентная, нацеленные как на сохранение ориентации субъектов на нормы и ценности системы, так и на обеспечение необходимой мотивации своих сторонников.

Категория «правоохранительная система» является одной из подсистем социальной системы. В современной юридической литературе имеются разные подходы к пониманию структуры правоохранительной системы, правоохранительных органов и правоохранительной деятельности, что вызывает споры среди теоретиков права и практиков, а также анализируется на доктринальном уровне. Однако мы не будем касаться споров и дискуссий относительно данных терминов, а рассмотрим отдельные составляющие ее элементы в лице следователя и оперативных подразделений, а также методологические основы их взаимодействия.

Мы согласны с мнением А.С. Рубиса, что многие прикладные вопросы изучения общих феноменов права, возникших в рамках достаточно узких отраслевых и комплексных дисциплин, в определенный момент упираются в «потолок» используемой аргументации. Однако, чтобы изменить методологию познания правовой реальности и преодолеть устаревшие споры, необходимо применять общенаучные методы, например, метод восхождения от конкретного к абстрактному. Этот метод поможет рассмотреть все особенности изучаемых явлений в качестве конкретных и найти абстрактный феномен, который

объединит выявленные особенности в целостную систему и раскроет новые возможности для изучения. Таким образом, при изучении сложных межотраслевых проблем необходимо использовать методологию общей теории права, которая является базисом всех правовых дисциплин и позволит более глубоко определить и описать проблематику, используя другие понятия и категории, выйдя за пределы узкого (отраслевого, институционального и т. д.) подхода, и осветить проблему в целом.

В свою очередь, при изучении проблем взаимодействия уполномоченных субъектов при расследовании преступлений целесообразно использование инструментального подхода общей теории права, который представляет собой способ правового познания, рассматривающий право как инструмент решения проблем и достижения целей субъектов и государства. Инструментальный подход акцентирует внимание на практическом (праксиологическом) предназначении права, его функциональности, эффективности и результативности. Инструментальный подход также подразумевает оценку правовых явлений с позиции их полезности, ценности и соответствия интересам и потребностям общества и индивидов.

Инструментальный подход общей теории права может быть использован применительно к осмыслению проблем взаимодействия уполномоченных субъектов при расследовании преступлений, таких как следователь, оперативный сотрудник, эксперт и др. Взаимодействие этих субъектов является необходимым условием для успешного расследования преступлений, так как оно обеспечивает сбор, фиксацию, проверку и оценку доказательств, а также защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса. Однако субъекты этого взаимодействия сталкиваются с рядом проблем, таких как нарушения законности, ошибки, просчеты, недостатки или пробелы в согласованной работе различных субъектов, которые называются дефектами взаимодействия, вследствие отсутствия проработанного механизма взаимодействия и практических рекомендаций.

Инструментальный подход общей теории права позволяет анализировать и оценивать эти проблемы с точки зрения их влияния на качество и результативность расследования преступлений, а также предлагать пути их устранения или предотвращения, определять цели, задачи, формы и виды взаимодействия уполномоченных субъектов при расследовании преступлений.

УДК 343.1

А.Ю. Левченко

РОЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ

Доказывание в уголовном процессе имеет свои особенности в зависимости от стадий, на которых оно осуществляется. Вместе с тем существуют отдельные средства юридической техники, применение которых имеет место на любой стадии уголовного процесса. Одним из подобных средств выступают уголовно-процессуальные презумпции.

В соответствии с ч. 2 ст. 102 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) на досудебных стадиях обязанность доказывания наличия оснований привлечения к уголовной ответственности, вины обвиняемого и других обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, лежит на органе уголовного преследования, а в судебном разбирательстве – на государственном или частном обвинителе. Исключением из вышеуказанного правила являются уголовные дела ускоренного производства, рассмотрение которых осуществляется без участия государственного обвинителя.

Содержание вышеуказанной статьи является прямым следствием действия одного из ключевых принципов уголовного процесса – презумпции невиновности. Именно в соответствии с ней орган уголовного преследования и суд не вправе переложить обязанность доказывания на обвиняемого. Сущность данного принципа в соответствии со ст. 16 УПК может быть раскрыта через следующие положения:

лицо признается виновным только вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, постановленным на основе доказательств, собранных в ходе осуществления проверки по заявлению или сообщению о преступлении, предварительного расследования и судебного разбирательства, затем исследованных в судебном заседании;

обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, поскольку указанная презумпция устанавливается именно в целях защиты лица, находящегося в более трудных условиях доказывания, имеющего гораздо меньше возможностей по собиранию доказательств, нежели орган уголовного преследования и суд;

предположения не могут ложиться в основу обвинительного приговора, а любое сомнение, возникающее в процессе рассмотрения уголовного дела, должно трактоваться в пользу обвиняемого. Эти аспекты отражают основную цель разработки и законодательного закрепления презумпции невиновности: необходимость оградить потенциально невиновное лицо от необоснованного обвинения, т. е. создать гарантию того, что лицо не будет наказано за не совершенное им преступление.

Из вышеизложенного вытекает следующее положение: в случае недостаточности доказательств обвиняемый не может быть признан виновным.

При этом доказывание на стадии судебного разбирательства направлено вовсе не на опровержение презумпции невиновности, а на полное, всестороннее и объективное установление и исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию, определенных ст. 89 УПК и составляющих предмет доказывания по уголовному делу. Как и в рамках предварительного расследования, доказывание на судебных стадиях направлено на установление обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела, путем собирания, проверки и оценки доказательств, на основе которых может быть постановлен справедливый и законный приговор.

Полагаем правомерным определить, что в апелляционной инстанции вопрос о бремени доказывания разрешается так же, как и на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции. Ст. 383 УПК регламентировано обязательное участие прокурора в заседании суда апелляционной инстанции, если уголовное дело рассмотрено судом первой инстанции с участием прокурора или дело рассматривается по протесту, принесенному прокурором.

Апелляционное производство носит ревизионный характер, а также имеет цель в виде проверки законности, обоснованности и справедливости постановленного приговора, еще не вступившего в законную силу, поэтому действие принципа презумпции невиновности продолжается и на этой стадии уголовного процесса.

В свою очередь, судопроизводство на исключительных стадиях уголовного процесса, а именно на стадиях кассационного и надзорного производства, происходит уже после вступления приговора суда в законную силу. Таким образом, принцип презумпции невиновности прекращает свое действие, уступая презумпции истинности вступившего в законную силу приговора.

Приговор суда, постановленный именем Республики Беларусь, а также определение и постановление суда, вступившие в законную силу, в соответствии со ст. 400 УПК становятся обязательными для исполнения на территории нашего государства для всех государственных органов, других организаций, должностных лиц и граждан. Ч. 2 вышеуказанной статьи регламентирована уголовная ответственность по ст. 423 Уголовного кодекса Республики Беларусь в случае неисполнения приговора, определения или постановления суда либо воспрепятствования их исполнению. Истинность приговора, в свою очередь, вытекает из положения ч. 2 ст. 18 УПК, согласно которому суд принимает решение о виновности или невиновности обвиняемого сугубо на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке.

Обе вышеперечисленные уголовно-процессуальные презумпции можно отнести к опровержимым. Презумпция невиновности опровергается в момент вступления обвинительного приговора суда в законную силу. Презумпция истинности вступившего в законную силу приговора, определения, постановления суда может быть опровергнута в порядке кассационного или надзорного производства, а также в результате пересмотра уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Вместе с тем в отдельных случаях, когда имеется срок, отведенный для обжалования, и он прошел, указанная презумпция становится неопровержимой и порождает таким образом юридический факт преюдиции.

При этом следует отметить, что именно презумпция невиновности напрямую связана с доказыванием как деятельностью соответствующих участников уголовного процесса. Исходя из ее формулировки в действующей редакции УПК, ключевыми становятся два аспекта: доказанность виновности лица (необходимо отдельно отметить, что доказывание должно осуществляться сугубо в порядке, предусмотренном УПК) и наличие приговора суда, вступившего в законную силу, как документа, определяющего момент окончания ее действия в рамках уголовного процесса (полагаем важным указать на обвинительный характер данного приговора и инициировать в связи с этим внесение соответствующих изменений в законодательство). На протяжении всего периода судебного разбирательства презумпция невиновности продолжает действовать: обвиняемый по-прежнему выбирает любую линию защиты и не обязан доказывать свою невиновность, любые сомнения продолжают трактоваться в пользу обвиняемого, а приговор может быть постановлен только на основе фактов, установленных и исследованных в ходе судебного следствия путем судебного разбирательства. Даже приговор, постановленный на стадии судебного разбирательства, не прекращает действия вышеуказанной презумпции, поскольку законодатель определил 10-дневный срок на выражение несогласия участников уголовного процесса с решением судьи. И лишь после истечения срока подачи апелляционной жалобы, в момент вступления приговора в законную силу презумпция невиновности прекращает свое действие: обвиняемый становится осужденным, соответственно считается виновным в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и вступает в стадию исполнения приговора, начиная отбывать наказание за совершенное им преступление.

УДК 343.98

В.Г. Лосева

ИНФОРМАЦИОННО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТОВ

Условием эффективного современного судопроизводства являются адресные действия, направленные на получение доказательственной информации. Для успешной работы правоохранительных органов необходимо использование комплекса таких средств и методов, которые превышают по своей мощности техническую оснащенность преступных элементов. Несомненно, данным комплексом должны владеть специалисты, изучающие и исследующие вещественные доказательства на всех стадиях судебного разбирательства. С учетом постоянного развития и совершенствования документов как основных объектов судебной технической экспертизы реквизитов документов знания судебных экспертов, проводящих их исследования, приобретают особую актуальность.

Современное обеспечение судебной экспертной деятельности в контексте образовательной наполняемости не существует без информационных технологий. Можно с уверенностью говорить о том, что современное знание есть совокупность знаний, образования и информации. Причем последний компонент приобретает все большую актуальность. Сегодня экспертиза все чаще нуждается в информационно-криминалистических средствах обеспечения своей деятельности и судебная техническая экспертиза реквизитов документов не исключение. Как правило, данная необходимость обусловлена самой спецификой исследования документов, которое чаще всего проводится путем сравнения с образцом. И несмотря на то что образцы для сравнительного исследования для нужд судебных экспертиз должно предоставлять лицо, выносящее постановление о назначении экспертизы, все же именно судебному эксперту важно качество сравниваемого образца. В случае проведения судебных технических экспертиз реквизитов документов Республики Беларусь, как правило, проблемы в получении образцов для сравнительного исследования не возникают. Значительно сложнее обстоят дела с документами иностранных государств. Получить образцы данных документов уголовно-процессуальными возможностями чаще всего крайне проблематично.

В таких случаях судебные эксперты для проведения сравнительного исследования могут использовать так называемые информационно-криминалистические модели. Данный термин, взятый из теории криминалистики, является собирательным по отношению к образцам для сравнительного исследования в судебной технической экспертизе реквизитов документов и включает в себя различные информационно-справочные системы и базы данных, в которых в электронном виде содержится описание средств защиты образца документа (например, информационно-справочная система Secure Documents Ultimate фирмы «Регула» или автоматизированная информационно-поисковая система «Документ» Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь). В то же время понятие информационно-криминалистических моделей в судебной технической экспертизе реквизитов документов значительно шире вышеуказанных информационно-справочных систем и баз данных, имеющихся на рабочем месте у судебного эксперта. Сюда, несомненно, видится целесообразным отнести электронные ресурсы интернета, например, официальный сайт разработчика полиграфической продукции, содержащий, как правило, изображения вновь выпущенных документов или новых средств защиты. Использование данных информационных ресурсов и обращение к изображению документа на них как к информационно-криминалистической модели образца документа необходимо в ситуациях, когда вышеуказанное официальное программное обеспечение не содержит необходимых сведений (например, когда документ только вышел в обращение и информация о нем не внесена в систему «Документ»).

Вышеизложенное, таким образом, констатирует ключевую современную роль информационно-криминалистического обеспечения проведения судебных экспертиз с возможностью использования информационно-криминалистических моделей для проведения исследований. В то же время, являясь важнейшим источником информации и, таким образом, автоматически входя в информационно-криминалистическое обеспечение проведения экспертизы, натурный образец документа сам по себе – главный источник сведений для сравнительного исследования и вряд ли без потери качества информации может быть заменен на электронную версию себя.

УДК 343.98

Н.А. Марцынkevич

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТОКОЛИРОВАНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Протокол осмотра места происшествия часто имеет весомое доказательственное значение, оказывающее влияние на принятие законного решения по уголовному делу. Как правило, данные, полученные в ходе осмотра места происшествия, невозможно получить из других источников доказательств. В этой связи особое значение обретает соблюдение требований уголовно-процессуального закона как в ходе проведения осмотра места происшествия, так и в процессе фиксации его хода и результатов, чтобы обеспечить соответствие собранных в процессе осмотра данных критерию допустимости доказательств. Однако в судебно-следственной практике продолжают иметь место примеры постановления оправдательных приговоров по причине несоблюдения процессуальной формы фиксации осмотра места происшествия.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) отдельных требований к составлению протокола осмотра, в том числе осмотра места происшествия, не содержит, а имеет отсылочную норму (ч. 12 ст. 204), устанавливающую правило оформления протокола осмотра с соблюдением требований ст. 193 и 194. Из общих требований к составлению протокола следственного действия, закрепленных этими нормами, следует указать предписание ч. 3 ст. 193 УПК: «излагаются... заявления лиц, участвовавших в производстве следственного действия». Анализ юридической литературы демонстрирует отсутствие обстоятельного толкования содержания данного предписания. Так, нередко на страницах научных изданий встречается простое дублирование нормы закона без комментариев либо отмечается необходимость отражать наряду с заявлениями и замечания лиц, участвовавших в производстве следственного действия, что обеспечит реализацию прав участников уголовного процесса в части ознакомления с протоколами следственных действий, в которых они участвовали, и делать замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколах.

Однако подобное толкование, на наш взгляд, сужает замысел законодателя, поскольку участники следственного действия могут оглашать заявления как на заключительном этапе того или иного следственного действия в ходе оформления его результатов, так и на рабочем этапе его производства. Данное суждение вытекает из нормы, закрепленной в ч. 6 ст. 204 УПК, предписывающей, что лица, участвующие в осмотре, вправе обращать внимание следователя, лица, производящего дознание, на все, что, по их мнению, может способствовать выяснению обстоятельств рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, обстоятельств уголовного дела. К тому же среди прав участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, имеется право требовать внесения в протокол записей об обстоятельствах, которые, по их мнению, должны быть отмечены.

В разрезе требования ч. 3 ст. 193 УПК об изложении в протоколе действий в том порядке, в каком они имели место, выявленных и имеющих значение для дела обстоятельств возникает вопрос: насколько подробно следует отражать в протоколе заявления лиц, участвующих в производстве следственного осмотра, в частности осмотра места происшествия? В судебно-следственной практике имеются примеры изложения в описательной части протокола осмотра места происшествия объяснений заявителей о наименовании и количестве похищенных предметов, о месте их расположения в помещении, об изменении обстановки места преступления, отметки о предъявлении участнику осмотра ножей, одним из которых нанесены телесные повреждения, и указании на одного из них как на орудие преступления, указания на добровольную выдачу наркотического средства и т. п. Данный подход был свойствен советскому периоду. Так, в комментарии к ст. 181 «Протокол осмотра и освидетельствования» УПК БССР под общей редакцией А.А. Здановича (1973 г.) содержится разъяснение о том,

что в описательной части протокола осмотра места происшествия подлежат отражению описание и результаты обыска, опознания, следственного эксперимента, если эти действия проводились в процессе осмотра.

Однако такой подход не согласуется с сущностью следственного осмотра, что ведет к подмене следственных действий и, как следствие, влечет признание доказательств, полученных в ходе их производства, не имеющих юридической силы.

Протоколирование – это процессуальный способ фиксации хода и результатов следственного действия. Следовательно, содержание протокола не должно противоречить сущности того следственного действия, которым оно оформляется.

Сущность осмотра составляют те научные методы познания, без которых немислим осмотр. Осмотр, являясь познавательным действием, проводится прежде всего с помощью такого метода познания, как наблюдение через чувственное восприятие объектов. Это восприятие осуществляется непосредственно, т. е. должностное лицо, производящее осмотр, лично своими органами чувств убеждается в наличии и характере фактов, имеющих значение для дела. Результаты восприятия должностным лицом осматриваемых объектов необходимо подвергать логической обработке, т. е. изучению посредством таких научных методов познания, как измерение, сравнение, вычисление, анализ, описание. При следственном осмотре широко применяются и специальные методы криминалистики – технико-криминалистические методы работы со следами (например, физические, химические, физико-химические методы обнаружения следов рук). Таким образом, сущность следственного осмотра, в том числе осмотра места происшествия, состоит в непосредственном восприятии компетентным должностным лицом своими органами чувств объектов и их изучении с помощью научных методов познания.

Примечательным в этой связи является комментарий Г.М. Миньковского к ст. 87 «Протоколы следственных и судебных действий» УПК РСФСР о том, что зафиксированные в протоколах предположения, а равно сообщения, которые должны содержаться в показаниях, заключениях экспертов, доказательственного значения не имеют. И в унисон этой позиции комментарий В.П. Божьева к ст. 182 «Протокол осмотра и освидетельствования» УПК РСФСР, гласящий, что в протоколе должны быть зафиксированы лишь фактические данные, полученные в результате непосредственного обнаружения и исследования обстановки, а также не фиксируются объяснения лиц и умозаключения следователя, специалиста по поводу процесса образования следов и т. п.

В связи с вышеизложенным недопустимо в ходе осмотра места происшествия проводить узнавание каких-либо предметов (предъявление для опознания), проводить опытные действия (следственный эксперимент), принудительное обследование помещения, местности, лиц (обыск), изъятие предметов у лиц (выемку), осмотр тела живого человека (освидетельствование), получать объяснения лиц об обстоятельствах происшедшего (получение объяснения, допрос).

Протокол осмотра – снимок действительности без комментариев. Недаром криминалисты называют протокол осмотра словесной фотографией. В протоколе осмотра места происшествия подлежит отражению только та информация, которая лично воспринималась следователем, лицом, производящим дознание, тем самым обеспечивая принцип объективности осмотра. Все умозаключения (комментарии участников осмотра по поводу значения обнаруженного при осмотре, объяснения обнаруженных фактов, рассуждения о доказательственной ценности тех или иных следов, мнения, предположения (версии), выводы участников осмотра, в том числе о механизме образования следов) должны оставаться за рамками протокола осмотра.

Принимая во внимание изложенное, с целью обеспечения реализации положений ч. 6 ст. 204 УПК допустимо в протоколе осмотра места происшествия делать отметку о том, что участник осмотра обратил внимание на конкретный предмет с отражением причины этого без излишней детализации (например, «присутствующий Федоров В.В. обратил внимание на полимерный пакет, в котором ранее лежал кошелек»), не превращая осмотр в получение объяснения или допрос.

УДК 343.983.22

А.Н. Матлак

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ЭКСПЕРТНОЙ ДИАГНОСТИКИ

Современный этап эволюции судебной экспертологии – это этап ее становления как самостоятельной области научных знаний, которая призвана послужить прочным фундаментом для формирования теоретических основ различных родов и видов судебных экспертиз.

Теория экспертной диагностики, выделившись из криминалистической диагностики и формируясь до настоящего времени в рамках судебной экспертологии, возникла вследствие необходимости обобщения накопленного отдельными видами судебной экспертизы эмпирического материала при проведении диагностических исследований.

Все частные теории в любой науке отражают лишь какой-либо узкий участок научных знаний, отдельный предмет или взаимосвязь предметов, закономерность возникновения явления и т. п. Применительно к теории экспертной диагностики это объясняется тем, что изначально основные принципы, лежащие в основе процесса познания, методы и средства диагностирования природы исследуемого объекта составляли элементы механизма диагностического исследования при проведении отдельных видов судебной экспертизы: почерковедческой, баллистической, трасологической и пр. При этом в силу интеграции знаний различных видов судебной экспертизы процесс диагностирования обогащался общими или сходными для нескольких видов исследований характеристиками – этапами диагностического исследования и их содержанием, применяемыми методами, подходами к оценке результатов исследования и др. И, наконец, синтез вышеуказанных компонентов процесса диагностического исследования обусловил становление и последующее развитие частной теории экспертной диагностики, общие положения которой в равной степени применимы для диагностического исследования в рамках любого вида судебной экспертизы.

Развитие теории экспертной диагностики представляется продолжающимся до настоящего времени процессом, поскольку он протекает параллельно с преобразованием, обретением новых черт, обогащением методической и технической составляющих судебных экспертиз, обусловленных непрекращающимся прогрессом в сфере судебно-экспертной деятельности.

Таким образом, можно констатировать, что научная основа криминалистической диагностики и практические аспекты познавательной деятельности эксперта в пределах проведения отдельных видов судебной экспертизы обусловили становление и последующее развитие теории экспертной диагностики в рамках судебной экспертологии.

Например, процесс диагностирования ручного стрелкового огнестрельного оружия на ранних этапах развития судебной баллистической экспертизы заключался в простом распознавании вида оружия и отнесении его к определенной модели, для чего сугубо криминалистических знаний вполне достаточно. Однако с развитием системы методов судебной баллистической экспертизы под влиянием изменяющихся запросов органов правосудия по установлению более сложных и узких аспектов функционирования оружия и следов его применения (определение поражающей способности оружия, установление возможности производства выстрела без нажатия на спусковой крючок и т. п.) закономерности познания, разработанные в криминалистике, практически утратили основообразующие позиции для обеспечения экспертного диагностирования. В связи с этим возникла необходимость научного обоснования решения специфических задач судебной баллистической экспертизы, поскольку в силу общетеоретического характера криминалистической диагностики положения вышеуказанного учения оказались непригодными для непосредственной практической реализации в судебной экспертизе, что послужило причиной разработки принципов судебно-экспертного диагностирования при проведении данного вида судебной экспертизы.

Вместе с тем интеграционный характер научных знаний судебной экспертизы обусловил некоторое сходство в подходах к решению диагностических задач даже в различных направлениях судебно-экспертных исследований. В качестве примеров можно привести: установление возможности производства выстрела из ручного стрелкового огнестрельного оружия без нажатия на спусковой крючок при определенных условиях (судебная баллистическая экспертиза) и возможности отпирания замка подобранным ключом или специально изготовленным инструментом (судебная трасологическая экспертиза), определяемые в обоих случаях исключительно на основании результатов экспертных экспериментов; определение направления, дистанции выстрела, местоположения стрелявшего и его взаиморасположения с пораженным объектом (судебная баллистическая экспертиза) и исследование обстоятельств, характеризующих механизм дорожно-транспортного происшествия, в целях установления направления движения транспортных средств, их расположения в момент столкновения на дороге и относительно друг друга (судебная автотехническая экспертиза), реализуемые судебным экспертом путем использования формул и проведения соответствующих расчетов.

Постепенное накопление научных знаний различными видами судебной экспертизы в области диагностирования, общность сущности и алгоритмов, применяемых при исследовании методов обусловили необходимость разработки теории экспертной диагностики, положения которой в равной степени обосновывают процесс познания для всех направлений судебно-экспертного исследования, что и предопределило формирование и дальнейшее развитие частной теории экспертной диагностики в рамках судебной экспертологии.

УДК 343.1

А.В. Матюк

ОСОБЕННОСТИ ДАЧИ ПИСЬМЕННЫХ ПОРУЧЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ОРГАНАМ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В системе предварительного расследования уголовных дел письменные поручения следователя органам дознания выступают ключевым механизмом координации усилий различных правоохранительных структур. Согласно ч. 4 ст. 184 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) следователь вправе поручить органу дознания производство следственных и иных процессуальных действий, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Это позволяет оптимизировать ресурсы и ускорить сбор доказательств, но одновременно порождает проблемы относительно законности, сроков и эффективности. Актуальность данного вопроса обусловлена частыми нарушениями, приводящими к недопустимости доказательств (ст. 186 УПК), и необходимостью баланса между оперативностью и процессуальными гарантиями.

Законность поручений основана на принципе единства предварительного расследования (ст. 180 УПК, где следователь указывается основным субъектом, а орган дознания – вспомогательным). Однако делегирование сложных действий (осмотры, обыски) без веских оснований может вызывать вопросы относительно объективности, превращая дознание в «придаток» следователя. По мнению В.О. Кравченко, такая практика противоречит ст. 180 УПК, ставя под сомнение допустимость доказательств, полученных не следователями Следственного комитета Республики Беларусь или органов безопасности. Д.С. Кудрявцев подчеркивает, что сотрудники органов внутренних дел, ориентированные на оперативно-розыскную деятельность, часто допускают нарушения УПК из-за недостатка процессуальных знаний.

Судебная практика Республики Беларусь иллюстрирует эти риски. В постановлении Верховного Суда Республики Беларусь от 15 июня 2023 г. по делу № 2-456/2023 доказательства, полученные органами внутренних дел по устному поручению, признаны недопустимыми (ст. 186 УПК), поскольку отсутствовала письменная форма, что привело к отмене приговора по ч. 2 ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь (кража).

Особого внимания требует регулирование сроков выполнения поручений. Так ч. 4 ст. 184 УПК устанавливает 10-суточный срок исполнения, с возможностью продления по соглашению. Однако для ОРМ этого часто недостаточно, учитывая их комплексность (подготовка документов, санкционирование). Неясность формы согласования (устная или письменная) и этапа (при получении или по истечении) также создает пробелы. Анализ судебной практики показал, что продление срока без письменного согласования может привести к исключению доказательств, полученных с опозданием, и оправданию (например, решение Гомельского областного суда от 20 ноября 2024 г. по делу № 3-112/2024 по ч. 3 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Мнения авторов по данному вопросу расходятся. Т.А. Паутов и В.В. Равинский предлагают ограничивать поручения неотложными случаями. Ю.А. Матвейчев настаивает на закреплении в УПК права следователя устанавливать индивидуальные сроки и виды действий. В.М. Герасенков отмечает, что в Республике Беларусь орган дознания фокусируется на неотложных действиях в отличие от Российской Федерации. В.О. Кравченко предлагает ввести минимальные сроки: 10 суток для процессуальных действий, 30 для ОРМ, с учетом специфики (например, заведение дела оперативного учета). Опросы показывают, что 54 % оперативных сотрудников согласны с предложениями В.О. Кравченко и считают действующий срок нереальным для ОРМ.

Необходимо отметить, что в УПК Российской Федерации поручения регулируются ст. 152 (отдельные поручения) и п. 4 ч. 2 ст. 38 (полномочия следователя), где они обязательны для исполнения органами дознания в 10-суточный срок. В Российской Федерации перечень поручений шире, чем в Республике Беларусь, включая задержание и привод, без строгого акцента на неотложность; возможна дача устных поручений в срочных случаях с последующей фиксацией. В Республике Беларусь (ст. 184 УПК) – только письменные, с фокусом на ОРМ в следственно-оперативных группах. В.М. Герасенков обращает внимание на то, что в Российской Федерации дознание – полная форма расследования, а в Республике Беларусь – только неотложные действия. И.А. Зинченко критикует уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации за недостаток конфиденциальности в поручениях, предлагая заимствовать из УПК Республики Беларусь механизмы контроля, однако хвалит за более гибкие сроки (ст. 159 УПК Российской Федерации обязывает рассматривать ходатайства о продлении).

Таким образом, на основании проведенного анализа судебной практики Республики Беларусь и научной литературы, сравнения с УПК Российской Федерации, опросов практических сотрудников правоохранительных органов можно сделать вывод, что поручения – эффективный инструмент, но они требуют реформ для устранения имеющихся пробелов. Нами предлагается внести изменения в ч. 4 ст. 184 УПК в части, касающейся сроков исполнения поручения (в кратчайшие сроки, но не более 30 суток); заимствовать из УПК Российской Федерации гибкость устных поручений в срочных случаях; внедрение цифровизации, например ввести электронные шаблоны поручений и направление их напрямую для оперативности. Это не только устранил существующие пробелы, минимизирует нарушения, но и сбалансирует нагрузку между субъектами расследования.

УДК 343.985

А.И. Милос

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ПРОВЕДЕНИЮ ОСМОТРА МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА (ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Современная цивилизация характеризуется стремительным развитием информационных технологий, которые прочно вошли в повседневную жизнь. Общество предъявляет качественные требования к правоохранительным органам, что, в свою очередь, требует от последних высокой квалификации субъекта расследования в вопросах, связанных в том числе с получением доказательств при расследовании преступлений. Тенденции развития общества определяют необходимость использования достижений науки и техники во всех сферах жизнедеятельности населения. Не является исключением и противоправная деятельность лиц, совершающих преступления с использованием разработанных и внедренных в повседневную жизнь технических новинок в своих преступных целях.

Несмотря на то что в настоящее время цифровизация и компьютеризация охватывают значительное количество направлений деятельности человека, коммуникация между людьми, как правило, осуществляется с использованием средств сотовой связи – мобильных телефонов, функционал которых за последние 20–25 лет качественным образом изменился и позволяет не только осуществлять телефонные звонки и отправлять краткие текстовые сообщения, но и осуществлять обмен значительным объемом информации, включать в общение сразу несколько людей или групп людей, хранить информационные массивы данных, осуществлять сложные вычисления, создавать программы и т. д. Таким образом, за последние 20 лет мобильный телефон эволюционировал от простого коммуникатора до центрального хаба цифровой жизни человека, изменив не только технологический ландшафт, но и социальные привычки, культуру и экономику. Именно мобильный телефон в настоящее время является средством максимальной концентрации информации о человеке, объединяет в себе возможности фотоаппарата, банка, телевизора, библиотеки, навигатора, игровой приставки и средства связи.

Нередко подготовка к осмотру мобильного телефона начинается задолго до его фактического производства. Так, при изъятии для минимизации возможности утраты доказательств субъект расследования должен принять меры, направленные

ные на сохранение физических свойств и состава объекта (защита от изменений объекта и данных, находящихся в нем, сохранение следов на самом объекте), обеспечение последующей идентификации объекта и его учета, невозможности доступа к объекту сторонним лицам.

Если говорить о физических свойствах мобильного телефона, то его целостность достигается использованием качественной упаковки, равно как и наличие на объекте следов. Однако в абсолютном большинстве случаев для субъекта расследования мобильный телефон как объект окружающего мира не настолько важен, насколько имеет значение хранящаяся в нем информация. Получение таких сведений будет являться первостепенной задачей следователя.

Особенностью современных мобильных телефонов является возможность дистанционного изменения, блокирования, удаления информации в телефоне, а также ограничение доступа к содержимому телефона путем установления цифровой, графической, биометрической блокировки устройства. Для обеспечения исследования информации и доступа к ней после изъятия телефона во время его осуществления целесообразно проведение следующих действий:

постановка мобильного телефона в авиарежим;

отключение режима беспроводной сети и передачи данных;

деактивация цифровой, графической, биометрической блокировки устройства (как правило, при участии владельца телефона);

прекращение исполнения программного обеспечения в фоновом и активном режимах;

выключение телефона при невозможности обеспечить указанные выше меры (для последующего исследования в специализированных условиях, исключающих возможность дистанционного доступа).

Реализуя вышеуказанные шаги на пути к выявлению и сохранению доказательств, субъект расследования существенным образом расширит возможности получения информационных массивов данных из мобильного телефона, а в совокупности с привлечением соответствующих специалистов в сфере исследования электронных носителей информации получит возможность реализации с процессуальной точки зрения криминалистически значимой информации по расследуемому преступлению.

Отметим, что не всегда возможно проведение указанных выше шагов, в связи с чем возникает закономерный вопрос: каким образом при изъятии или непосредственно после него осуществить работу с объектом связи – телефоном так, чтобы получить важные для расследования сведения в краткосрочной перспективе? По нашему мнению, в таких ситуациях следует в первую очередь постараться реализовать указанные выше мероприятия. В случаях когда по каким-либо причинам это осуществить не удалось, важно учитывать временной фактор, иными словами, постараться понять, какой период времени имеется у субъекта расследования в распоряжении для того, чтобы получить информацию из телефона. Как правило, отрезок времени не является продолжительным, в связи с чем целесообразно проведение осмотра телефона непосредственно после его изъятия, тем более что в соответствии с ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации изымаются в ходе следственного действия с участием специалиста. Безусловно, у специалиста на момент изъятия может не быть с собой всего арсенала средств, позволяющих качественно и всесторонне исследовать объект, однако он является обладателем специальных знаний, объем которых в абсолютном большинстве случаев превышает объем знаний субъекта расследования. И именно по этой причине специалист может без промедления выявить, зафиксировать, скопировать обнаруженную информацию, тем самым обеспечить следователя доказательствами по делу. Необходимость участия специалиста на каждом этапе изъятия как электронных носителей данных, так и информации с таковых обусловлена уголовно-процессуальным законодательством и спецификой тактики получения доказательств из средств коммуникации.

В заключение отметим, что мобильные телефоны в настоящее время являются не только средствами коммуникации, но и источником значительных объемов криминалистически значимой информации, на получение которой должны быть ориентированы сотрудники правоохранительных органов при производстве расследования преступлений.

УДК 343.985

В.Н. Михневич

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЫДЕЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ ГРУППУ

Коррупция представляет реальную угрозу национальной безопасности государства, его экономическому и политическому строю, подрывает доверие населения к представителям власти, ослабляет принципы верховенства права, социального равенства и справедливости. По указанным причинам в Республике Беларусь принимаются активные меры по борьбе с коррупцией, в том числе с наиболее опасными ее проявлениями – коррупционными преступлениями.

Законодательной основной борьбы с коррупционными преступлениями является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», а также постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274, которым установлен следующий перечень коррупционных преступлений: ст. 210, ч. 2 и 3 ст. 253, ч. 2 и 3 ст. 244, ч. 2 и 3 ст. 245, ч. 2 и 3 ст. 246, ст. 249, 430, 431, 432, 455 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Однако указанные преступления не составляют самостоятельную группу в действующем УК, вместе с тем возможно установить их общие уголовно-правовые черты: особый субъект преступления, представленный должностным лицом или должностным лицом, занимающим ответственное положение (за исключением ст. 431 и 432 УК, где субъект преступления является общим); совершение преступного деяния посредством использования должностных полномочий; единый мотив – корыстная или иная личная заинтересованность. Представленная совокупность

общих уголовно-правовых признаков коррупционных преступлений предопределяет криминалистические особенности деятельности по их выявлению, раскрытию и расследованию. Для подтверждения данной позиции предлагаем проанализировать указанные выше уголовно-правовые признаки коррупционных преступлений с позиции криминалистической науки.

Так, криминалистический анализ должностного лица (в том числе должностного лица, занимающего ответственное положение) как субъекта коррупционного направления подразумевает анализ двух направлений: профессионального (фактические должностные обязанности, механизм их реализации, стаж нахождения в занимаемой должности, сфера профессиональных интересов) и личностного (возраст, пол, образование, семейный статус, круг общения, установочные данные близких родственников и места их работы, привлечение к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности).

Исследование преступного деяния, совершаемого с использованием должностных полномочий, следует начать с криминалистического анализа объекта, средств и механизма коррупционного преступления. Так, объект коррупционного преступления глобально может представлять собой определенную отрасль хозяйствования, локально – предприятие, организацию, учреждение (в том числе конкретное структурное подразделение, в рамках которого совершено коррупционное преступление). Каждый объект коррупционного преступления характеризуется индивидуальным порядком ведения делопроизводства, бухгалтерского учета, выполнением функций контроля, режима пропуска, особенностями технологического процесса. Фактически каждый из элементов характеристики объекта коррупционного преступления, равно как и объект коррупционного преступления в целом, имеет нормативную основу деятельности предприятия, организации, учреждения, в том числе является юридическим основанием нахождения в определенной должности субъекта коррупционного преступления (приказ о назначении), определяет объем предоставленных должностных полномочий (например, должностная инструкция). Более того, посредством издания и подписания определенного документа (приказ, распоряжение, товарно-транспортная накладная, счет-фактура и т. д.) должностное лицо как субъект коррупционного преступления реализует свой преступный умысел, т. е. фактически документ является основным средством совершения коррупционного преступления.

В свою очередь, целостное познание преступного деяния, совершаемого при использовании предоставленных должностных полномочий, основной целью которого является уяснение механизма следообразования, возможно путем рассмотрения механизма коррупционного преступления, который состоит из следующих этапов: подготовительного, основного и заключительного. Подготовительный этап характеризуется принятием активных мер для реализации умысла на совершение преступления и, как правило, представлен сговором с иными должностными лицами либо представителями коммерческих организаций, подписанием документации, обеспечивающей либо упрощающей последующее совершение преступления. Основной этап сосредоточивает непосредственно реализацию уголовно наказуемого деяния в форме действия либо бездействия, осуществляемого при условии использования должностных полномочий. Заключительный этап представлен достижением мотива коррупционного преступления, а также сокрытием следов преступления. Отмеченная этапность наглядно отражает тщательную подготовку должностного лица к совершению преступления, что, как видится, обусловлено мотивом – корыстной или иной личной заинтересованностью, выраженной, например, в получении имущественной выгоды.

Указанные особенности субъекта, объекта, средств и механизма коррупционного преступления предопределяют их высокую латентность и оказываемое противодействие, которые основаны на доскональном знании должностным лицом особенностей функционирования предприятия, учреждения, организации и, соответственно, возможности придания обстоятельствам совершения коррупционного преступления признаков легитимности путем внесения материального или интеллектуального подлога в документы, а также оказания влияния на подчиненных сотрудников исходя из имеющегося авторитета в целях искажения обстоятельств преступления. В свою очередь, сотрудники органа уголовного преследования для успешной борьбы с коррупционными преступлениями должны обладать общими знаниями в вопросах функционирования предприятий, учреждений, организаций (ведение бухгалтерского учета, документооборота, осуществление функций контроля), знать тактические особенности производства следственных и иных процессуальных действий с учетом указанных выше криминалистических особенностей.

Исходя из представленных аргументов, закономерен и логичен вывод о необходимости выделения коррупционных преступлений в самостоятельную криминалистическую группу с последующим созданием частной криминалистической методики, определяющей порядок и особенности криминалистической деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию рассматриваемой группы преступлений.

УДК 343.143

П.В. Мытник

СВИДЕТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: УТОЧНЕНИЕ ДЕФИНИЦИИ И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА

Проблемы, связанные с участием свидетеля в уголовном процессе, освещались как российскими, так и белорусскими учеными. Вместе с тем нельзя вести речь о том, что статус свидетеля в настоящее время является оптимальным.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) (в ст. 6, которая содержит определения основных понятий, используемых далее в УПК) нет легальной дефиниции «участники уголовного процесса». Конечно, любой, кто листал УПК, хотя бы и бегло, укажет, что «участники уголовного процесса – судья, прокурор, государственный обвинитель, начальник следственного подразделения, следователь, начальник органа дознания, лицо, производящее дознание, подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители и представители, представители умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению

в качестве подозреваемого, обвиняемого, секретарь судебного заседания (секретарь судебного заседания – помощник судьи), свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, и иные лица, принимающие участие в уголовном процессе в соответствии с настоящим Кодексом» (п. 49 ст. 6 УПК).

Для сведущих лиц очевидно, что любое понятие можно раскрыть двояко: 1) путем перечисления перечня элементов, в него входящих (что и сделал законодатель в п. 49 ст. 6 УПК); 2) через род и видовое отличие.

Полагаем, что уровень развития науки определяется и ее категориальным аппаратом. При первом способе дефиниции категорий (через перечисление элементов, в него входящих) нельзя признать удачными (в п. 49 нет заявителя (ст. 178¹ УПК); других лиц, по возможности сходных по внешности с опознаваемым (ч. 1 ст. 224 УПК); врачебно-консультационной комиссии врачей-специалистов в области оказания психиатрической помощи (ч. 1 ст. 450 УПК) и др.). В этой связи у нас наличествуют схоластические споры и дискуссионные выводы на уровне диссертационных исследований: кто есть участники уголовного процесса; кто есть субъекты уголовного процесса; как они соотносятся между собой?

Споры порождает и законодатель. В ст. 55 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь нет такого участника как суд, но в уголовном процессе (п. 49 ст. 6 УПК) есть. Как доказывать, что суд не является участником юридического процесса, при том, что он может прекратить производство по делу, разрешает главные вопросы юридического спора (кто же он тогда?).

И тем не менее свидетель есть участник юридических процессов (п. 49 ст. 6, ст. 60, 60¹ УПК, ч. 5 ст. 55 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, ст. 4.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях). Это никем не оспаривается.

В соответствии с гл. 6, ст. 60 УПК свидетель отнесен к иным участникам уголовного процесса, при этом среди иных участников свидетель упоминается первым.

Полагаем, что использование законодателем понятия «иные участники процесса» не совсем корректно. Использование прилагательного «иные» ассоциируется с представлением о наличии участников, которые играют вспомогательную, второстепенную роль. Однако это далеко и не всегда так. Иногда в основе итогового решения лежат как раз показания свидетелей, этих иных участников. Более того, выполняя свой гражданский долг, они нередко рискуют своей жизнью, здоровьем и имуществом. Поэтому гл. 6 УПК следовало бы именовать, например, «Участники уголовного процесса, способствующие разрешению юридического спора».

На практике редко встречаются уголовные дела, при производстве по которым не были бы допрошены свидетели. Ни одно из преступлений не совершается без свидетелей. Пусть не было очевидцев самой развязки, но ведь было время, предшествовавшее преступлению и после него. В эти часы, минуты преступник не мог изолировать себя от людей. Другое дело – выявить таких очевидцев и провести допрос этих лиц в качестве свидетелей.

Свидетель как участник процесса известен всем историческим типам уголовного процесса и уголовному процессу всех государств. Свидетельские показания – один из наиболее древних и распространенных видов судебных доказательств. Нет ни одной системы доказательств, которая не отводила бы свидетельским показаниям прочного места среди других источников доказательств.

В соответствии с ч. 1 ст. 60 УПК «свидетелем является лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что ему известны какие-либо обстоятельства по уголовному делу, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для дачи показаний либо дающее показания». Данное определение нельзя признать удачным по ряду обстоятельств. Не приводя развернутых аргументов, предлагаем следующую дефиницию: «свидетель в уголовном процессе – это физическое лицо, в отношении которого нет запрета на получение показаний, не имеющее, как правило, личного правового интереса в исходе дела и в отношении которого имеются основания полагать, что ему известны какие-либо обстоятельства по уголовному делу, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, либо добровольно явившееся для дачи показаний, а также лицо, дающее показания в качестве свидетеля либо вызванное впоследствии для участия в иных следственных действиях».

Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 93-З УПК дополнен ст. 60¹ «Адвокат свидетеля». Это соответствует ст. 62 Конституции Республики Беларусь: «каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами». Однако в Конституции нет указания, кто именно имеет такое право и на каких стадиях уголовного процесса. Не менее актуально право на адвоката для лиц, у которых получают объяснение (они не имеют статуса свидетеля). Поэтому закон (ч. 4 ст. 20 УПК) в данном направлении следует скорректировать.

Согласно ч. 2 ст. 333 УПК, если потерпевший или свидетель, освобожденные по закону от обязанности свидетельствовать против обвиняемого, не дали согласия на дачу показаний в судебном заседании, их показания, данные при досудебном производстве, не могут быть оглашены. Не могут быть также воспроизведены звукозапись их показаний, видеозапись или киносъемка допроса.

В значительной части преступления против личности связаны с конфликтами на семейно-бытовой почве, т. е. подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетели – члены одной семьи и (либо) близкие родственники.

Участники судебных прений не вправе ссылаться на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании (ч. 2 ст. 345 УПК); приговор признается обоснованным, если он постановлен на основании лишь тех представленных суду доказательств, которые всесторонне, полно и объективно исследованы в судебном заседании. Отсюда следует, что доказательства, содержащиеся в показаниях таких свидетелей, не могут быть использованы (хотя получены в установленном законом порядке). Кроме того, если они дали заведомо ложные показания в ходе досудебного производства, то при-

влекать их к ответственности весьма затруднительно, так как эти показания при описанных обстоятельствах в судебном разбирательстве не исследуются.

В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК Российской Федерации свидетель вправе «отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 настоящего Кодекса. При согласии свидетеля дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний». Аналогичное положение должно быть закреплено в п. 1 ч. 3 ст. 60 отечественного УПК.

В завершение напомним, что уголовный процесс стран с англосаксонской системой права не знает показаний потерпевшего, как нет в нем показаний эксперта, подозреваемого, обвиняемого. Любой участник процесса, дающий показания, допрашивается в качестве свидетеля.

УДК 343.98

И.С. Нестер

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Преступность как противоправное асоциальное явление зародилась практически одновременно с человечеством, вне зависимости от сложившихся в обществе взглядов на происхождение людей (теологическая теория, дарвинизм, внеземное происхождение человека и т. д.). Совершенствование форм и методов взаимодействия индивидуумов друг с другом и с социумом предопределило преобразование самой преступности, которая по-прежнему вызывала недовольство со стороны общества. По этой причине возник непомерный интерес к формированию научных знаний о методах и средствах борьбы с ней, что выразилось в появлении криминалистики и ее дальнейшей эволюции как науки.

В современном мире сформировались две точки зрения на криминалистику. Западноевропейская система научных взглядов рассматривает криминалистику исключительно как прикладную область, ограниченную лабораторными исследованиями вещественных доказательств и техническими средствами обнаружения, фиксации и изъятия следов с частичной «примесью» описания методов их применения. Тактика проведения отдельных следственных действий рассматривается в рамках юридической психологии, наравне с криминологическими основами преступности, изредка принимая во внимание положения норм процессуального права. Криминалистическая методика и вовсе ограничивается лишь энтузиазмом, опытом и навыками лица, раскрывающего преступление, и не имеет никакой научной основы.

В отличие от западноевропейской отечественная (советская, российская) криминалистика благодаря теоретическому осмыслению получила статус полноценной науки, поскольку потребность в ней исходила от самого общества, а не от лиц, участвующих в судебных заседаниях в качестве обвинителя или адвоката. Отечественная криминалистика – сфера интересов общества. Именно поэтому к данной сфере подключились ученые, придав ей со временем научный характер.

Ни одна другая наука не выполняет так функции борьбы с преступностью, как криминалистика. Именно поэтому самой распространенной точкой зрения является та, что в качестве объекта науки рассматриваются два противоположных друг другу вида деятельности: преступная деятельность и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Невозможно эффективно бороться с преступностью, не исследовав при этом личность преступника, его мотивы, способы и средства совершения и сокрытия преступления и т. д.

Помимо объекта науки основополагающим элементом криминалистических научных знаний является предмет науки. Предмет науки – это именно то, что отличает одну науку от другой. Господствующая среди криминалистов начала XX в. модель изображения предмета криминалистики в тот период во многом базировалась на эмпиризме, согласно которому научное познание начинается с фиксации эмпирических данных о предмете исследования, индуктивного обобщения следственного опыта и использования данных других наук в целях борьбы с преступностью. Так продолжалось до 1967 г., пока Р.С. Белкин не сформулировал предмет криминалистики посредством закономерностей, выделив при этом: закономерности механизма преступления, закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методов и средств судебного исследования и предотвращения преступлений.

Указанная формулировка предмета криминалистики является господствующей в современной научной среде. Вместе с тем обозначенное представление о предмете криминалистики вызывает обоснованный интерес, а нередко и критику со стороны научного сообщества. О.Е. Баев, А.Ф. Волынский, А.М. Кустов аргументированно высказывают мнение о том, что указание на определенные закономерности, в частности, не выделяет исчерпывающий круг рассматриваемых закономерностей, а также другие составляющие сущность предмета познания.

По мнению В.Я. Колдина, предложенный Р.С. Белкиным предмет криминалистики нельзя признать соответствующим современным задачам и функциям этой науки, так как выявление закономерностей объекта – функция любой науки, которая никак не характеризует криминалистику с точки зрения ее специальных задач. В определении рассматриваются «внутренние», чисто науковедческие задачи криминалистики.

Детально рассматривая обозначенные выше группы закономерностей, углубляясь в их формулировку, можно отметить ряд дискуссионных моментов. В частности, закономерности механизма совершения преступления могут иметь весьма всестороннее толкование. Речь может идти как о способе совершения преступления, следах преступника и орудия преступления, так и о психологически эмоциональном состоянии преступника, влияющем на его поведение и предопределяющем выбор орудия преступления, методов его применения и т. д., что, в свою очередь, является предметом психологии. Криминологиче-

ская характеристика преступника также играет существенную роль в формировании закономерностей механизма совершения преступления. Обобщенная формулировка закономерностей механизма совершения преступления не позволяет во всех отношениях отграничить предмет криминалистики от предмета иных наук, рассматривающих преступную деятельность как объект исследования. Аналогичная ситуация складывается и в отношении закономерностей возникновения информации о преступлении и его участниках, а также иных компонентов предмета криминалистики.

Сформировав общую теорию криминалистики, научные труды Р.С. Белкина дали существенный импульс к происхождению частных криминалистических теорий, рассматривающих ту или иную сторону закономерностей. Одними из них являются теории оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельности, нашедшие множество своих сторонников и последователей среди ученых-криминалистов. Каждая из этих теорий характеризуется всесторонней обоснованностью и имеет полное право на существование. Нерешенным остается лишь вопрос о соотношении данных теорий и криминалистического учения. С одной стороны, указанные теории сформировались, развивались и приобрели нынешнюю форму в рамках криминалистического учения, с другой – все громче заявляют о себе в качестве самостоятельной области научных знаний.

Теории оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельности имеют свой предмет научного познания, которые одновременно являются составной частью предмета криминалистики. Самостоятельный путь развития данных теорий неизбежно должен привести к переосмыслению предмета криминалистики, его уточнению, вычленению именно тех закономерностей, которые характерны в большей степени для теорий оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельности. В свою очередь, результат подобного процесса неизбежно затронет систему криминалистики, ее задачи, криминалистическую методологию и многое другое, что в результате приведет к «обнищанию» криминалистической науки, негативные последствия которого трудно предугадать.

Таким образом, в настоящий момент перед научным криминалистическим сообществом стоит непростой выбор: модернизировать предмет криминалистики, вычленив из него закономерности оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельности или ограничить развитие данных научных направлений исключительно рамками научных знаний криминалистики.

УДК 343.95

О.В. Павлють

СИСТЕМНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТАПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В современном мире осмотр места происшествия (ОМП) остается фундаментальным и незаменимым следственным действием, формирующим первоначальную, а порой и основную материальную базу для раскрытия и расследования преступлений. В условиях роста латентности и усложнения механизмов совершения преступлений роль сотрудника Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ), выступающего в качестве специалиста при проведении ОМП и обладающего специальными научно-техническими знаниями, многократно возрастает. Однако его деятельность часто сводится к техническому сопровождению, что обусловлено как недостаточной правовой определенностью статуса, так и отсутствием единой, детализированной модели его работы. Системное познание этого процесса требует представления его в динамике, через анализ диалектики структуры – от получения вызова до процессуального оформления результатов. Традиционное деление ОМП на подготовительную, рабочую и заключительную стадии является верным в тактике следователя (лица, производящего дознание), но излишне обобщенным для специалиста, чья деятельность носит прикладной, технологически насыщенный и подчиненный строгим экспертным закономерностям характер.

Эффективность работы специалиста ГКСЭ определяется его способностью интегрировать несколько ключевых аспектов ОМП в единую алгоритмизированную деятельность. В научной литературе обоснованно выделяют три таких аспекта: процессуальный (ОМП как прямо предусмотренная ст. 203 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь форма познавательной деятельности), организационный (ОМП как комплекс действий участников до выезда и на месте) и криминалистический (ОМП как особый вид криминалистического исследования, направленного на изучение обстановки, обнаружение, фиксацию и изъятие следов). Однако для сотрудника судебно-экспертного учреждения этого недостаточно. Поскольку ОМП формирует материальную базу для последующей судебной экспертизы, необходимо добавить четвертый, экспертно-прогностический аспект – знание закономерностей проведения экспертизы и прогнозирование условий, необходимых для будущего лабораторного исследования уже на стадии осмотра. Именно синтез этих четырех аспектов формирует системную основу для определения конкретных, логически связанных этапов деятельности специалиста.

Таким образом, деятельность специалиста ГКСЭ представляет собой не линейное следование общим стадиям осмотра, а многоуровневый процесс, где на каждом шагу происходит наложение и учет требований всех четырех аспектов. Такой системный подход позволяет преодолеть пассивную роль специалиста – просто технического исполнителя и перейти к позиции активного участника процесса доказывания, чья профессиональная компетенция закладывает основу для всего дальнейшего расследования. Выделение и формализация этапов деятельности на основе данной интегративной модели в определенную структуру являются следующим необходимым шагом для стандартизации работы, повышения качества ОМП и, как следствие, эффективности расследования преступлений в целом.

Предлагаемая структура деятельности специалиста при ОМП включает в себя следующие ключевые этапы:

1. Этап процессуально-тактической адаптации. Специалист, получив задание, анализирует не только общий порядок ОМП по требованиям действующего законодательства, но и конкретные тактические условия предстоящего осмотра (ха-

рактар места, время суток, погодные условия, потенциальная опасность), определяя имеющиеся процедурные и технические ограничения.

2. Этап оперативного информационного моделирования. До прибытия и начала активных действий специалист в рамках инструктажа следственно-оперативной группы и опроса очевидцев аккумулирует первичные данные для формирования мысленной модели события, выдвижения первоначальных версий и определения зон повышенной следовой концентрации.

3. Этап технологической и коммуникационной подготовки. На основе созданной модели осуществляются: выбор и диагностика научно-технических средств (определение оптимального комплекта оборудования (от альтернативных источников освещения до портативных газоанализаторов или УФ-ламп) и обязательная проверка его работоспособности); выстраивание профессиональной коммуникации (четкое согласование с руководителем осмотра схемы взаимодействия, зон ответственности и каналов оперативного обмена информацией).

4. Этап конкретизации профессиональных задач. На основе общих целей осмотра, поставленных следователем, специалист формулирует частные, технологически ориентированные задачи своей работы (например, не «обнаружить следы», а «провести люминесцентный осмотр вероятных поверхностей контакта в зоне взлома»).

5. Этап динамического криминалистического моделирования. Специалист определяет и мысленно проигрывает оптимальный алгоритм действий: устанавливает логические границы осмотра, точки входа (выхода), последовательность применения методов (от неразрушающих визуальных к инструментальным, от периферии к эпицентру), минимизируя риски утраты или контаминации следов.

6. Информационно-аналитический этап (поиск, фиксация, изъятие). Это ядро практической работы, где обнаружение неразрывно связано с анализом. Современный подход требует цифровой комплексной фиксации (панорамная съемка, 3D-сканирование и др.) до любого перемещения объектов, что создает их точную цифровую копию для последующего осмотра.

7. Этап предварительного экспертного оценивания. Обнаруженные следы и объекты подвергаются первичному изучению для оценки их природы, сохранности и определения экспертоориентированного способа изъятия и упаковки. Ключевой вопрос: как изъять и сохранить объект, чтобы максимально сохранить объем информации для будущей экспертизы в лабораторных условиях?

8. Этап процессуальной легитимации и документирования. Активное содействие в составлении протокола ОМП, особенно в части детального, научно грамотного описания примененных методов, условий обнаружения, индивидуальных признаков объектов и способов их упаковки. На этом этапе целесообразно внедрение электронных форм протоколов с привязкой к цифровым материалам (координаты на панораме, метаданные фотографий).

9. Этап экспертно-прогностического обеспечения. На этом завершающем этапе специалист формулирует для следователя научно обоснованные рекомендации по дальнейшему судебно-экспертному сопровождению расследования: какие конкретно экспертизы целесообразно назначить, какие вопросы поставить, какие образцы для сравнительного исследования необходимо получить исходя из собранной совокупности вещественных доказательств.

Важным признаком предлагаемой модели является ее гибкость и адаптивность. Представленные этапы носят не жестко линейный, а интегративный и ситуационно зависимый характер. В зависимости от конкретной следственной ситуации их последовательность может оперативно корректироваться, а некоторые этапы – совмещаться или проходить в сжатые сроки. Однако системное понимание их полного состава и взаимосвязи гарантирует, что ни один критически важный элемент профессиональной деятельности специалиста не будет упущен под давлением обстоятельств, что в конечном итоге обеспечивает сохранность доказательств и высокое качество первоначального этапа расследования.

УДК 343.1

Н.Л. Пасицкий

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ

Одним из немногих следственных действий, вокруг которого ведутся научные споры и дискуссии, пожалуй, является предъявление для опознания. Рассмотрим некоторые проблемные вопросы его регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) более подробно.

Предъявление для опознания как самостоятельное следственное действие впервые закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе БССР 1960 г., где в ст. 163, 164 были отражены основные правила его производства. В дальнейшем уголовно-процессуальные нормы предъявления для опознания, а также тактико-криминалистические особенности его производства постоянно совершенствовались, порождая множество дискуссий как среди ученых, так и среди правоприменителей, в том числе на современном этапе.

Начнем с того, что в УПК отсутствует дефиниция указанного следственного действия. Однако, исходя из содержания ст. 223 УПК, наиболее точным, на наш взгляд, является определение, данное П.В. Мытником, согласно мнению которого, предъявление для опознания – это следственное действие, заключающееся в предъявлении ранее допрошенному лицу предметов, объектов и лиц в целях установления их тождества или различия с ранее наблюдавшимися лицами или объектами.

Однако даже и здесь есть место для дискуссий. Например, до сих пор отсутствует единое определение объектов предъявления для опознания, а вопрос о соотношении таких понятий, как объект, предмет, лицо, остается открытым. Согласно мнению А.З. Афаунова, кроме живых лиц, предметов и трупов для опознания могут быть предъявлены животные, помещения, части предметов и тел, а также функциональные признаки (мимика, жесты, походка), голос и речь. А.Я. Гинзбург считает, что в качестве объектов для опознания могут выступать живые лица, трупы, движимые предметы или иные объекты, недвижимые

объекты, уникальные предметы, аудио-, фото-, видеоматериалы. При этом он отмечает, что перечень таких видов может быть расширен с учетом особенностей объектов опознания и условий его проведения. Вследствие спорного характера некоторых формулировок уголовно-процессуальный закон, полагаем, требует дальнейшего совершенствования.

Так, по своей сути, все, что может быть предъявлено для опознания, является объектом, т. е. это понятие собирательное. И, по нашему мнению, наиболее приемлемым в этой связи будет использование философского понимания объекта как вещи, явления, процесса, на которые направлена предметно-практическая, управляющая и познавательная деятельность субъекта. В подтверждение этого П.В. Мытником предложена классификация опознания, в основу которой положен предъявляемый для опознания объект: опознание участков местности, помещений, живых лиц (людей), животных, трупов (человека и животного), предметов, документов. Очевидно, что с учетом особенностей некоторых объектов законодатель отдельно выделил уголовно-процессуальный порядок их опознания (лицо, труп, животное, предмет). При предъявлении для опознания таких объектов, как участок местности, помещение, документы и др., считаем возможным использование института аналогии.

Исходя из такого понимания объекта, предъявляемого для опознания, проводимые в научных кругах дискуссии о правомерности опознания голоса, запаха, вкуса, т. е. нематериальных объектов, воспринимаемых иными органами чувств человека, а не зрением, теряют смысл. Единственным препятствием, являющимся предметом для рассуждения многих ученых, остается содержащееся в ч. 1 ст. 223 УПК слово «наблюдавшимся», которое при замене на более широкое по смыслу слово «воспринимавшимся» придаст результатам данного следственного действия легитимности. Важным моментом, который следует, на наш взгляд, особо выделить, является то, что при опознании объекта, воспринятого исключительно иным, не визуальным способом, устанавливается тождество непосредственно с данным объектом, а не с его носителем (источником). Следовательно, будет проводиться опознание, например, не лица по голосу, а голоса. Установленное при данных обстоятельствах тождество не может являться прямым доказательством, изобличающим лицо в совершении преступления.

Кроме того, в отличие от российского отечественный законодатель в ч. 1 ст. 223 УПК закрепил цель предъявления для опознания: «с целью установления тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом или объектом следователь, лицо, производящее дознание, могут предъявить для опознания лицо или объект подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю».

Поскольку криминалистической сущностью опознания является идентификация, т. е. отождествление, то установление различия с ранее наблюдавшимся объектом, на наш взгляд, является лишь инструментом (средством) для достижения цели идентификации. В связи с чем при предъявлении для опознания тождество может быть либо установлено, либо нет.

Следует предположить, что разрешению обозначенных выше проблемных вопросов способствовало бы предлагаемое внесение изменений в ч. 1 ст. 223 УПК: «С целью установления тождества с ранее воспринимавшимся лицом или иным объектом следователь, лицо, производящее дознание, могут предъявить для опознания лицо или иной объект подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю».

Результаты предъявления для опознания подлежат тщательной оценке, особенно в ситуациях, когда они являются ключевыми в собранной совокупности доказательств.

С целью минимизации рисков признания результатов данного следственного действия недопустимыми следует более взвешенно подходить к решению о проведении такого вида опознания, как предъявление для опознания лица по его фотографии. На наш взгляд, проводить его следует, когда последующее опознание вживую невозможно: внешность опознаваемого лица подверглась существенным изменениям (увечье, несчастный случай, пластическая операция), имеет место явка с повинной, а подозреваемый скончался и т. п. И прежде всего это связано с тем, что опознающий, ранее опознавший лицо по фотографии, при предъявлении ему опознаваемого лица в натуре будет стремиться отождествить его с изображением на фотографии, а не с лицом, наблюдавшимся при обстоятельствах, устанавливаемых следствием.

И если говорить об объективности опознания лица после его опознания по фотографии (лицо, находившееся в розыске, задержано; опознаваемый, ранее категорически отказывавшийся от участия в следственном действии, дал свое согласие на его проведение и т. п.), то для проведения указанного следственного действия следует привлекать статистов, чьи изображения были запечатлены на фотографиях, представленных ранее для опознания.

Таким образом, несмотря на постоянное совершенствование уголовно-процессуального порядка проведения предъявления для опознания, еще много вопросов остаются неразрешенными, что создает некоторые трудности в правоприменительной деятельности. Исследование вышеобозначенных проблем не только углубляет теоретическое понимание института предъявления для опознания, но и способствует его практическому применению, а предложенное изменение формулировки положения ч. 1 ст. 223 УПК позволит минимизировать количество следственных и судебных ошибок, тем самым содействуя защите прав и законных интересов участников уголовного процесса и реализации такого принципа уголовного процесса, как всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела.

УДК 343.98

А.П. Пацкевич

АНАЛИЗ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О СПОСОБЕ СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ЗАВЛАДЕНИЯ АВТОМОТОТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с противоправными посягательствами на автомобильные транспортные средства (далее – ТС), на протяжении многих лет не утрачивают своей актуальности.

Данной проблематике посвятили исследования ряд криминалистов, в частности Э.С. Аджига, А.В. Бахарев, Н.Н. Башкирева, А.С. Данильян, Д.О. Дмитриев, В.С. Костенко, Ф.Х. Кульмашев, А.Л. Мишуточкин, А.П. Петраков, С.Н. Скибин, О.В. Солодкий, А.Н. Сретенцев, С.Н. Сухов, В.Ф. Финогенов, В.А. Школьный. Следует отметить, что в этих работах не нашло отражения использование информационных технологий в процессе детального исследования механизма совершения незаконного завладения ТС.

Обзор данных МВД Республики Беларусь показывает, что количество преступлений, связанных с незаконным завладением ТС, в последние годы имеет определенную тенденцию к снижению. Так, если в 2024 г. было зарегистрировано 48 краж, то за 9 месяцев 2025 г. по таким преступлениям возбуждено 33 уголовных дела.

Отмечая определенные позитивные тенденции в расследованиях незаконного завладения ТС, следует признать, что ряд аспектов розыска разработаны до настоящего времени недостаточно и требуют не только дальнейшего глубокого изучения, но и поиска новых подходов к их решению с учетом изменений, происходящих в сфере нелегального автобизнеса (прежде всего это появление более изощренных способов хищения и легализации ТС; широкое использование правонарушителями возможностей оперативной полиграфии для подделки документов на право владения и распоряжение ТС и т. д.).

Рассматривая практику расследования этих преступлений, следует отметить, что на момент решения вопроса о возбуждении уголовного дела в условиях, когда местонахождение ТС не установлено, не всегда возможно дать правильную квалификацию содеянного (кража или угон ТС), поэтому, на наш взгляд, следует разрабатывать единые рекомендации по расследованию данных видов преступлений. Неочевидность совершения краж и угон ТС приводит к значительным трудностям в получении информации об обстоятельствах совершения преступления, о личности преступника. Наиболее характерно эта тенденция проявляется в крупных городах.

В то же время продолжают существовать недостатки в деятельности органов уголовного преследования по расследованию и раскрытию краж и угон ТС: недостаточно оперативное реагирование правоохранительных органов на событие преступления; неполное и некачественное производство первоначальных следственных действий, что приводит к отсутствию или неполноте информации о содеянном, особенно на первоначальном этапе расследования, что, в свою очередь, ведет к неверной оценке складывающейся следственной ситуации.

Анализ следственной практики позволяет констатировать, что за последнее время значительно вырос профессиональный уровень правонарушителей при подготовке и непосредственном совершении краж и угон ТС.

Так, при подготовке к совершению преступления рассматриваются следующие ситуации:

1) подготовительные мероприятия преступниками почти не проводятся: ими выбирается любое случайное ТС, как правило, при себе они имеют минимальный набор технических средств, позволяющих открыть дверь ТС и завести двигатель;

2) подготовка к совершению преступления проводится более тщательно: выбирается ТС определенной марки; активно изучается образ жизни потенциальной жертвы и установленная охранная система; через обширные связи в автосервисах, на автомойках, автостоянках, в автомагазинах, автомастерских, организациях – установщиках охранных систем приобретаются дубликаты ключей, коды и пароли; подготавливается место, где ТС будет стоять после кражи; подготавливаются орудия преступления; выбирается место совершения преступления (гараж, бокс, платная стоянка, улица); определяется время кражи (вечер, ночь, день); изучаются пути подхода на место преступления и ухода с него; подбираются участники преступления, распределяются роли и функции между ними; осуществляется поиск каналов сбыта похищенного (продавцы, покупатели, посредники); вырабатывается определенная линия поведения по противодействию правоохранительным органам в случае задержания и др.

Оценка информации о механизме совершения преступления, полученной на этапе возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий, позволяет выдвинуть обоснованные версии о лицах, совершивших данное преступление: угон ТС могут осуществить как одиночки (как правило, лица, ранее не судимые, совершающие спонтанные угоны и кражи, пользуясь благоприятной для них ситуацией), так и группы лиц по предварительному сговору. Подавляющее большинство краж и угон совершаются мужчинами в возрасте от 18 до 40 лет, а также несовершеннолетними, как правило злоупотребляющими алкогольными напитками или наркотическими средствами, отрицательно характеризующимися.

После незаконного завладения ТС автоворы по-разному распоряжаются им. В случае угона ТС преступники его бросают на проезжей части дороги или в укромном месте (овраг, лес и т. п.) либо уничтожают (поджигают с целью уничтожения своих следов в салоне ТС). В случае кражи ТС производится его продажа скупщикам краденого, случайным лицам, заказчикам как в данном населенном пункте, так и в другом городе (республике); разборка на запчасти, которые в последующем продаются.

Исследуя время и место совершения преступлений, связанных с незаконным завладением ТС, необходимо отметить следующие закономерности:

время совершения преступления: для угон более характерно дневное и вечернее время, большинство краж совершаются преимущественно вечером и ночью (для угон – с 19 до 2 часов; для краж – между 19–24 и 0–2 часами);

место совершения преступления: из охраняемых гаражей, стоянок как открытого, так и закрытого типа совершаются только кражи, они, как правило, становятся возможными при условии нарушения обязанностей лицами, осуществляющими охрану и пропускной режим на этих объектах; со двора, от магазинов, рынков и т. п. – как кражи, так и угоны; с автозаправочных станций – только угоны.

С целью предупреждения, раскрытия и расследования этих преступлений необходима плановая работа по совершенствованию и обновлению алгоритма действий сотрудников органов уголовного преследования. Своевременно принятые меры позволяют противостоять преступникам как в информационном, так и в практико-прикладном плане. Данные преступления отличаются сложностью в собирании и накоплении доказательственной базы, поэтому для успешного расследования

уголовного дела необходимо тесное взаимодействие следственных подразделений и подразделений уголовного розыска, проведение оперативных разработок и производство грамотно подобранных следственных действий.

Без решения комплекса проблем, возникающих при расследовании преступлений, связанных с незаконным завладением ТС, невозможно достичь общих целей в противодействии этим преступлениям.

УДК 343.98

И.В. Пашута

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

В настоящее время происходит активное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), часто значительно превосходящего мыслительные способности отдельного индивидуума и скорость обработки им разноплановой информации, в криминалистику и деятельность по выявлению (раскрытию), расследованию и предупреждению преступлений. Следует согласиться с мнением А.Ю. Головина, что «в современных реалиях криминалистика обязана адаптироваться к запросам и возможностям совершенствования правоохранительной деятельности, обеспечивать следственную практику новейшими средствами и методами, способствующими решению широкого комплекса задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений... Обеспечение применения технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений должно стать актуальной задачей современной криминалистики».

Анализ специальной литературы позволяет выделить три преобладающих направления использования ИИ в криминалистике: собственно в теории криминалистики, в практической криминалистической деятельности и в области криминалистического образования. Кратко обозначим основные перспективные пути использования ИИ в данных направлениях.

1. В теории криминалистики возможности ИИ используются прежде всего для изучения преступной деятельности отдельных видов и групп, формирования на основе криминалистически значимых признаков статистическо-корреляционных характеристик составляющих такую деятельность явлений и процессов, субъектов совершения преступлений и жертв таких деяний; для формирования криминалистических прогнозов, связанных с тенденциями к росту определенных посягательств, появлением отдельных способов, орудий, средств и следов преступлений, изменениями личностных характеристик преступников, жертв, появлением обстоятельств, которые могут способствовать совершению преступлений в будущем; для развития систем поддержки принятия криминалистических решений в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; моделирования преступной деятельности, прогнозирования посткриминального поведения преступника; для совершенствования технологий и методик идентификационных и диагностических криминалистических исследований (в том числе развитие автоматизированных систем идентификации человека по внешнему облику, включая черты лица и особенности походки, дактилоскопических идентификационных систем, ДНК-анализа и др.); для совершенствования систем криминалистической регистрации, расширения возможностей оперативного использования в раскрытии и расследовании данных информационных и поисковых систем; для выявления признаков преступной деятельности и сбора криминалистически значимой информации по открытым данным (А.Ю. Головин).

2. В практической криминалистической деятельности это помощь ИИ в анализе огромных массивов информации, его автоматизации в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; в изучении цифровых данных, включая исследование электронных сообщений, социальных сетей, документов, финансовых транзакций, зашифрованных данных, поиск скрытых файлов; в создании 3D-моделей обстановки места происшествия, реконструкции механизма происшествия по следам (брызги крови, смазочных и горюче-смазочных материалов и т. п.), ускорении исследований ДНК-профилей; в улучшении изображений, восстановлении деталей на размытых или старых изображениях, видеоматериалах; в криминалистическом профилировании – создании психологического портрета неустановленного преступника, прогнозировании его дальнейших действий; в анализе и оценке исходной информации по уголовному делу, выдвижении версий, определении алгоритмов их проверки; в моделировании события преступления и его отражения в следовой картине на основе неполных данных и предыдущего опыта раскрытия и расследования сходных преступлений; в выявлении признаков серийности и предложении алгоритмов действий органа уголовного преследования по проверке перспективных (до-) следственных версий; в анализе материалов уголовных дел для выявления следственных ошибок процессуального и тактического характера.

Одним из направлений применения ИИ в практической криминалистической деятельности является также компьютерная лингвистика. Сегодня активно используются системы, которые автоматически распознают тексты и анализируют контент в сети Интернет, чтобы выделить информацию с определенным содержанием, в частности экстремистским и террористическим (М.С. Васькин, М.С. Пилякин).

3. ИИ активно применяется в образовании, начиная от ведения и проверки экзаменов и заканчивая автоматическим подбором материала для обучающихся в тех сферах, где они испытывают трудности. С целью повышения уровня знаний и способностей обучающегося ИИ, анализируя его успеваемость и производительность, помогает корректировать план обучения.

В области криминалистического образования технологии ИИ используются по многим направлениям: для автоматизации рутинных задач (контроль успеваемости, проверка типовых заданий, практикумов, подготовка к учебным занятиям и т. п.); персонализации обучения (адаптация заданий, методов и темпа обучения под особенности обучающихся); создания образовательных приложений и специального контента для обучающихся и др. В настоящее время большое внимание уделяется персонализированному обучению, которое заключается в разработке образовательного плана и его реализации. При таком подходе обучающийся выступает субъектом образовательного процесса, где учитываются его личностные особенности.

С помощью ИИ выявляются те или иные дисциплины, области этих дисциплин, в которых у обучающихся есть проблемы. Это помогает проанализировать ситуацию на конкретный момент и выделить вопросы, в разрешении которых обучающемуся необходима дополнительная помощь. Такой подход способствует персонализированной траектории обучения с учетом таких параметров, как заинтересованность обучающегося в учебном модуле (дисциплине, теме), его психологическое состояние, возможность восприятия той или иной информации в определенный момент обучения и др.

Таким образом, использование ИИ как комплекса технологических решений, позволяющего имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, по трем обозначенным направлениям будет способствовать развитию науки криминалистики, совершенствованию деятельности органов уголовного преследования по выявлению (раскрытию), расследованию и предупреждению преступлений, а также по получению новых криминалистических знаний.

УДК 343.98

Н.Н. Пахута

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ЭЛЕМЕНТА

Традиционно основным проводником использования достижений научно-технического прогресса в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью выступала и выступает криминалистика. С учетом практического предназначения криминалистики особое внимание в данной науке уделяется криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений, возникновение и развитие которого обусловлено необходимостью постоянного внедрения и использования сотрудниками правоохранительных органов криминалистических средств, приемов и методов.

Проведенный анализ научной литературы позволяет заключить, что в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений правовой элемент имеет приоритетное значение, поскольку без него самые совершенные криминалистические средства, приемы и методы, если их применение не допускается законодателем, остаются достоянием разработчиков и не доходят до практиков. В то же время в криминалистическом обеспечении как деятельности, направленной на формирование, внедрение и применение криминалистических средств, приемов и методов, важен и организационный элемент самих правоохранительных и государственных органов. При этом организационный элемент предусматривает решение вопросов не только организационно-штатного построения указанных органов на межведомственном, ведомственном и организационно-служебном уровнях, но и материально-технического, информационно-справочного, учебно-методического обеспечения и др., которые, на наш взгляд, взаимообусловлены и взаимосвязаны.

Выделение нами информационно-справочной составляющей организационного элемента криминалистического обеспечения обусловлено тем, что процесс раскрытия и расследования преступлений является информационным, начинается с восприятия информации, содержащейся в том или ином источнике. Анализ научных публикаций Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, О.А. Белова, А.И. Винберга, И.А. Возгрина, Е.П. Ищенко и др. позволяет заключить, что информационно-справочная составляющая организационного элемента криминалистического обеспечения призвана устанавливать и поддерживать связь между массивами накоплений криминалистически значимой информации и каждым ее пользователем. Кроме того, ученые отмечают, что указанная составляющая должна соответствовать таким требованиям, как достоверность, полнота и, безусловно, оперативность получения.

В настоящее время информационно-справочному обеспечению деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью уделяется особое внимание. Не является исключением и Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД), а существующая в настоящее время система оперативно-справочных, криминалистических и иных учетов предоставляет возможность эффективно использовать содержащиеся в них сведения. Несмотря на это, в данной области у сотрудников органов внутренних дел (ОВД) все еще остаются неразрешенные вопросы как на межведомственном, так и на ведомственном уровнях.

Рассматривая вопросы межведомственного уровня, необходимо обратить внимание на следующий аспект. В связи с реформированием правоохранительной системы и созданием Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ) многие криминалистические учеты переданы для формирования и ведения в указанное ведомство. Вследствие чего у сотрудников ОВД возникают определенные затруднения, связанные с оперативностью получения криминалистически значимой информации, содержащейся в дактилоскопическом, генетическом, трасологическом и других учетах, незамедлительность получения которых порой вызвана оперативностью возникшей криминалистической ситуации (оперативно-розыскной и следственной) в ходе раскрытия и расследования преступлений. Обусловлено это тем, что для получения информации из криминалистических учетов необходимо направление запросов в ГКСЭ (несмотря на то, что часть массива дактилоскопического, генетического и других учетов ГКСЭ пополняют непосредственно сотрудники ОВД), на исполнение которых уходит определенный период времени, что для ОВД не соответствует критериям оперативности.

Одним из способов получения криминалистически значимой информации о следах и вещественных доказательствах, изъятых в ходе проведения того или иного следственного действия, является изучение в Следственном комитете Республики Беларусь материалов уголовного дела (например, протоколов осмотра места происшествия и др.). Однако и данный способ также требует определенных временных затрат, связанных с выбытием в следственное подразделение, согласованием вопроса изучения уголовного дела, извлечением материалов из архивов и др.

В связи с этим, на наш взгляд, для повышения уровня оперативности получения криминалистически значимой информации необходимо обеспечить взаимодействие между МВД и ГКСЭ путем подписания соглашения о возможности получения сотрудниками ОВД (например, оперативных подразделений) криминалистической информации посредством удаленного доступа к соответствующим учетам ГКСЭ, тем более что Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» на центральный аппарат возложена задача по обеспечению доступа других государственных органов, в том числе правоохранительных, к информационным ресурсам (системам), базам и банкам данных ведомства в порядке, предусмотренном соглашениями между ГКСЭ и государственными органами.

Рассматривая вопросы ведомственного уровня информационно-справочной составляющей организационного элемента криминалистического обеспечения, следует отметить, что в системе МВД данная составляющая представлена многоуровневой по организации и многоаспектной по содержанию информационно-поисковой системой. Классифицируются учеты по различным основаниям, одними из которых являются зависимость от вида объектов учета и уровня их централизации (местный, региональный и центральный). Таким видом справочно-вспомогательного учета объектов, не имеющих причинно-следственной связи с совершенным преступлением, но содержащих индивидуализирующую информацию, местного назначения следует указать систему электронного документооборота. Таким образом, информация, накапливающаяся в системе электронного документооборота, в определенных случаях является своего рода криминалистически значимой (ориентирующей и доказательственной). Несмотря на это, вышеобозначенная система имеет ограниченный местный уровень и сотрудники из иных территориальных подразделений ОВД, а порой и из этого ОВД (ввиду ограниченных прав доступа) не могут в полной мере ее использовать в раскрытии и расследовании преступлений. В этой связи для решения возникших проблем следует рассмотреть вопрос о возможности расширения уровней пользователей в системе электронного документооборота.

В заключение следует отметить, что для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений необходимо использование достижений научно-технического прогресса, внедряемых в практику борьбы с преступностью, в том числе через криминалистику, в частности в порядке криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Таким образом, режим прямого доступа сотрудников ОВД к различного рода межведомственным и ведомственным учетам, базам и банкам данных позволит повысить полноту и достоверность учетной криминалистически значимой информации, а самое главное – многократно сократить время ее предоставления получателю, что обеспечит принцип оперативности.

УДК 343.982.34

Г.М. Прокопенко

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Теория отражения является одним из ключевых постулатов диалектического материализма и создает основу для понимания взаимодействия и взаимосвязи материи в окружающем мире. На протяжении многих лет тезисы теории отражения занимают центральное место в методологическом аппарате криминалистики, позволяя объяснить возможность познания преступления и его следов. Однако в современных условиях цифровой трансформации общества, усложнения криминальной деятельности, а также повышения требований к процедурам исследования и оценки доказательств возрастает необходимость актуализации методологических основ криминалистики.

Философский фундамент теории отражения формировался мыслителями разных эпох и школ. Еще в Античности идеи об отражении реальности в сознании высказывали Демокрит и Эпикур, развивавшие материалистические взгляды на сущее. Философы Нового времени внесли существенный вклад в это направление, уделяя много внимания вопросам теории познания. Наиболее полное и системное развитие теория отражения получила в трудах основоположников диалектического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса, чьи идеи позднее развивал В.И. Ленин. Взгляды последнего на отражение как всеобщее свойство материи, лежащее в основе познания, были успешно интегрированы советскими учеными в систему криминалистики.

Потенциал теории отражения проявился в возможности убедительного объяснения многих закономерностей, возникающих в процессе совершения преступления, а также его раскрытия и расследования. В силу этого исследователи использовали ее постулаты на самых ранних этапах формирования криминалистики. В середине XX в., определяя научные основы различных отраслей криминалистических знаний, ученые так или иначе ссылались на положения диалектического материализма: при формировании теории идентификации (С.М. Потапов, В.Я. Колдин, А.И. Винберг), разработке основ трасологии (Б.И. Шевченко, Г.Л. Грановский), почерковедения (В.Ф. Орлова), баллистики (Б.М. Комаринец), а также при разработке направлений, связанных с криминалистической тактикой и частными методиками расследования.

Обобщив и систематизировав разрозненные идеи, Р.С. Белкин сформулировал частную криминалистическую теорию отражения, что, по мнению многих исследователей, стало определяющим этапом развития отечественной криминалистики. В результате последующего развития криминалистическая теория отражения стала прочным фундаментом в отечественной криминалистике, позволив сформировать новые идеи, достаточно строго и точно описать явления и процессы, происходящие как в момент осуществления противоправной деятельности, так и в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Одним из примеров столь успешной интеграции считается теория криминалистической идентификации. Теория отражения постулирует индивидуальность каждого объекта материального мира и указывает, что устойчивость и специфичность свойств объекта при его взаимодействии с другой материальной средой позволяют зафиксировать эти свойства в следе. Важно отметить, что идеи, следующие из теории отражения, не являются исключительной особенностью советской науки. Зарубежные исследователи в своих рассуждениях нередко ссылаются на правило или принцип обмена следов Э. Локара («каждый контакт оставляет след»). Эта идея фактически является прямой проекцией теории отражения, однако представи-

тели иных школ не сформулировали единой теоретической системы на базе указанного принципа в отличие от советской и постсоветской криминалистики.

Несмотря на прочные позиции, теория отражения не является бесспорной и сталкивается с критикой, исходящей как от исследователей философии (в частности, философии науки), так и от специалистов в области криминалистики. Принципиальная невозможность объяснить все явления в мире некой единой теорией, пусть и кажущейся всеобъемлющей, является, вероятно, ключевым ограничением, вследствие которой сегодня методология отечественной криминалистики, вероятно, нуждается в пересмотре и уточнении.

Так, философы науки (например, С.А. Лебедев) справедливо указывают, что ни одна наука не может и не должна ограничиваться единым универсальным методом. Идеи диалектического материализма, безусловно, позволили создать стройные теории, объясняющие многочисленные закономерности окружающего мира, их взаимосвязь и взаимозависимость. Однако абсолютизация в науке какого-то одного метода неизбежно тормозит развитие альтернативных методологических подходов. Вообще, в конфликте мнений и научных парадигм рождается истина, а если мы склонны принимать только одну точку зрения, то рискуем эту истину потерять.

К одним из важнейших ограничений теории отражения критики относят ограничения, связанные со следами, не представленными в материальном виде. Возникает вопрос: можно ли применять закономерности, объясняющие механизм следообразования материальных следов, в случаях, когда мы говорим о так называемых идеальных следах (образах, мыслях), где процесс отражения опосредован субъективным восприятием? Много нюансов также возникает при работе со следами в информационном, цифровом пространстве.

Развивая вышеописанную идею, можно декларировать более важную мысль: теория отражения практически игнорирует субъективные факторы, в частности не учитывая когнитивные искажения, присущие разумному субъекту познания. На текущий момент имеет место парадокс: претендуя на объективность и честность, криминалистика нередко вынуждена ссылаться на опыт и интуицию специалиста при оценке сложных, нестандартных следов (о чем свидетельствуют формулировки «по внутреннему убеждению эксперта», «на основании практического опыта»). Возникает вопрос: где грань между научным выводом, основанным на теории отражения, и субъективным мнением специалиста, пусть даже и вооруженного научными знаниями? Теория отражения не предлагает никаких инструментов для такого разграничения.

Однако наиболее убедительным, на наш взгляд, аргументом является отсутствие решения вопроса о пределах идентификации. Теория отражения постулирует возможность идентификации, но не отвечает на принципиальные вопросы: когда идентификация возможна в принципе, а когда нет? На каком основании эксперт решает, что совокупности индивидуальных признаков, отраженных в следе, достаточно для вывода о тождестве? Располагает ли современная теория криминалистической идентификации полным, объективным ответом на этот вопрос? На наш взгляд, это одна из важнейших теоретических проблем современной криминалистики.

Следует отметить, что к решению вопроса о достаточности совокупности признаков для вывода о тождестве неоднократно применялись и применяются сегодня математические методы, в частности математическая статистика. В криминалистическом сообществе неоднократно встречаются мнения о том, что принятие экспертного решения должно основываться на вероятностно-статистических моделях, позволяющих количественно оценить достаточность совокупности признаков для вывода. Научный консенсус по данному вопросу не достигнут и сегодня, а решение проблемы идентификации в рамках методов математической статистики остается на уровне теоретических положений или отдельных попыток практической реализации, что не позволяет считать фундаментальную проблему решенной.

Очевидно, на наш взгляд, что если запрос на новую методологическую концепцию в криминалистике еще не сформировался окончательно, то он уже точно зарождается, причем как со стороны научного сообщества, так и со стороны практических сотрудников. Речь не идет о том, что нужно перечеркнуть все наработки отечественных исследователей и начать строить все заново. Однако можно предположить, что в ближайшее время исследователи будут стремиться сформировать новую концепцию, которая смогла бы учесть как имеющиеся положения теории отражения, так и включать в себя субъективные процессы интерпретации следов, а также некие логические стандарты формирования и обоснования вывода.

Теория отражения сегодня является фундаментом методологии отечественной криминалистики. Ее роль состоит в построении системной картины криминалистических знаний, в объяснении многих закономерностей, связанных с происхождением материальных следов. Вместе с тем в современную эпоху все более явными становятся ограничения теории отражения, которые, однако, не отменяют ее, но обозначают границы и указывают на необходимость интеграции в более широкий методологический комплекс. Будущее развития криминалистики видится не в отказе от накопленных знаний, а в их обогащении за счет диалога с когнитивными науками, философией сознания, теорией информации и цифровыми технологиями.

УДК 343.98

И.В. Родичева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности является своеобразным переходом от модели электронного правительства к модели цифрового государства. Ключевым элементом государственной политики Республики Беларусь является повышение качества и доступности государственных услуг. Однако с развитием потребности граж-

дан и организаций в использовании в повседневной жизни информационных технологий расширяется также применение последних при совершении преступлений. Значительный рост преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также совершение с помощью цифровых технологий иных категорий преступлений, среди которых следует указать экономические, в частности налоговые, всецело доказывает это.

Преступления в налоговой сфере представляют серьезную угрозу национальной безопасности Республики Беларусь и требуют совершенствования методов борьбы с ней. При расследовании налоговых преступлений помимо знания бухгалтерского и налогового учета также необходимы знания в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Особенностью процесса выявления признаков преступлений экономической направленности является то, что эта разновидность в последнее время чаще всего не имеет прямого физического отображения – материально фиксированных следов, как, например, следы обуви, пальцев рук, крови преступника. Признаки указанных преступлений, как правило, содержатся в виде информации в финансовых документах, а также бухгалтерской и налоговой отчетности, ведение которых обеспечивается при помощи системы межведомственного электронного документооборота (СМДО); использования программ «ИС:Бухгалтерия», возможности удаленного совершения платежей посредством интернет-банка, представления деклараций с помощью программного обеспечения АРМ «Платательщик», а также при помощи создания и выставления электронных счетов-фактур АИС «Учет счетов-фактур». Следует также отметить, что ведение переговоров по вопросам сотрудничества субъектов хозяйствования все чаще происходит в формате видеоконференций и обсуждений посредством переписки в мессенджерах и посредством электронной почты.

Таким образом, в процессе расследования налоговых преступлений важное значение приобретают поиск не только доказательств в их физическом выражении (например, поддельные подписи и оттиски печатей (штампов) в документах по деятельности субъекта хозяйствования, представленных в бумажном виде), но и так называемых электронно-цифровых следов, а также аналитическая деятельность сотрудника правоохранительных органов, целью которой является выявление скрытых противоречий между данными, отраженными в различных регистрах финансовой, налоговой и бухгалтерской отчетности.

В связи с переходом деловой деятельности в электронный формат сотрудник правоохранительных органов должен учитывать особенности механизма образования электронно-цифровых следов, которые могут содержать важные для расследования дела сведения. Поиск, обнаружение, фиксация и изъятие компьютерной информации и ее носителей при производстве отдельных следственных действий вызывают определенные сложности у сотрудников, что обуславливает необходимость повышения знаний в области информационных технологий и совершенствования умений и навыков их использования в служебной деятельности.

Каждое действие в сети Интернет оставляет электронно-цифровые следы, которые могут быть использованы в качестве доказательств в расследовании уголовных дел. При осуществлении предпринимательской деятельности субъектом хозяйствования подача налоговых деклараций, выставление электронных счетов-фактур, проведение платежей и подача уведомлений об изменениях в деятельности юридического лица в регистрационные органы в последнее время часто производятся удаленно, с использованием сети Интернет. Электронно-цифровые следы могут также храниться в компьютерной технике, мобильных устройствах и на других носителях компьютерной информации, изъятых у подозреваемого, обвиняемого по месту юридического адреса и непосредственно из офиса субъекта хозяйствования.

Следственная практика показывает, что онлайн-платежи, электронная переписка в социальных сетях, мессенджерах и по электронной почте нередко содержат сведения о наличии скрытых доходов, информацию о расшифровке схемы и способах уклонения от уплаты налоговых платежей и могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. С целью уклонения от уплаты налогов и последующего ухода от уголовной ответственности злоумышленники, регистрируя субъекты хозяйствования на «подставных» лиц, чаще всего граждан иностранных государств, и фактически осуществляя ведение деятельности от их имени, используют засекреченные чаты для переписки, а декларации в налоговые органы и уведомления в регистрирующие органы подают с использованием VPN-сервисов. В связи с этим исследование компьютерного оборудования, мобильных устройств, содержащих криминалистически важные данные, является неотъемлемой частью расследования уголовных дел. На использование злоумышленником VPN-сервисов указывает наличие на этих устройствах соответствующего программного обеспечения (например, Free VPN Planet, OpenVPN Connect, Priphon Pro, Super Proxu и др.), без знания наименования которого и особенностей пользования им невозможно добыть дополнительные доказательства по уголовному делу.

В служебной деятельности при расследовании преступлений в налоговой сфере сотрудник правоохранительных органов сталкивается с необходимостью анализа и обработки больших объемов информации (бухгалтерская и налоговая отчетность, книги, журналы покупок и продаж, кассовые книги, первичные документы, движение денежных средств по счетам и др.), особенно когда это связано с исследованием нескольких налоговых периодов деятельности субъекта хозяйствования. Указанная процедура требует значительных временных и технических затрат. Для анализа больших объемов данных вариантом использования современных информационных технологий при расследовании уголовных дел могут служить модель искусственного интеллекта и системы BigData. Однако разработка программного обеспечения искусственного интеллекта, позволяющего обрабатывать и анализировать данные, а также последующее использование его в служебной деятельности должны обеспечивать в первую очередь сохранение конфиденциальности исследуемой информации, так как она относится к налоговой, банковской тайне, а результаты ее анализа содержат данные предварительного расследования, которые также не могут быть разглашены.

Таким образом, внедрение информационных технологий в процесс борьбы и противодействия преступлениям в налоговой сфере является актуальным в настоящее время. Применение новых цифровых технологий выступает в качестве необходимого условия обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, сбора уличающих и оправдывающих обвиняемого доказательств и обусловлено совершенствованием знаний, умений и навыков сотрудников правоохранительных органов в этом направлении.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ

Если рассматривать процесс доказывания как многокомпонентную базовую систему, то в качестве одной из ее неотъемлемых подсистем будет выступать система судебно-экспертного обеспечения, основным вектором развития которой, на наш взгляд, должно быть совершенствование и оптимизация своих структурных элементов, обуславливающих их собственное развитие в соответствии как с ведомственными технологиями, так и с целеполаганием базовой системы. Однако единое целеполагание, определяющее стратегическое направление движения уполномоченных субъектов к намеченной цели, но не устанавливающее четкого алгоритма этого движения, может вылиться в формализованную процедуру. Достаточно взглянуть на отдельные ведомственные критерии эффективности работы судебных экспертов по исследованию следовой картины преступления, чтобы убедиться в их порой критической оторванности от установленных уголовно-процессуальным законом целей и задач познания правовой реальности. Оторванные от стратегического принципа единого целеполагания совокупной деятельности всех субъектов уголовно-процессуального познания такие подходы направлены на реализацию исключительно узковедомственных интересов.

Например, система многоступенчатого контроля качества судебных экспертиз, осуществляемого в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь, обеспечивает системе доказывания определенную устойчивость в конкретных обстоятельствах, но не так эффективна с точки зрения достижения целей доказывания, перспективного, долгосрочного планирования исследования всей следовой картины преступления в комплексе деятельности всех субъектов поисково-познавательной работы в этом направлении. Нельзя, чтобы процессом исследования следовой картины преступления руководили по факту узкие специалисты, эффективно управляющие каждой своей сферой, но неспособные заглянуть дальше своей специфики, а порой неспособные даже объединить усилия управляемых отраслей (подразделений), увидеть общий стратегический интерес за пределами тактического решения собственных задач.

Безусловно, эксперт не является субъектом доказывания и требовать от него выполнения этой функции – это разрушать принцип его процессуальной самостоятельности. Однако в современных условиях экспертное познание приобретает более сильные и системообразующие позиции в уголовно-процессуальной модели доказывания. Пассивная модель экспертного познания должна сменяться, на наш взгляд, активной эвристической ролью деятельности эксперта, обладающей атрибутами «экспертного доказывания».

Практическое следование принципу единого целеполагания направлено на расширение границ познания следовой картины преступления всеми участниками поисково-познавательной деятельности. В ходе установления следовой картины преступления данное расширение неизменно ведет к пониманию, что путь к построению уголовно-процессуальной модели доказывания преступного деяния лежит через максимальное расширение границ обязательности действий и принятия в этой связи необходимых решений всеми участниками этой поисково-познавательной деятельности, вытекающих из стратегических целей доказывания, определяемых уголовно-процессуальным законом.

Несмотря на различия, у уголовно-процессуальной и судебно-экспертной деятельности единое целеполагание, вследствие чего они являются неотъемлемыми и неделимыми составными частями единого процесса познания правовой действительности в ходе осуществления доказывания. При этом формально-логическое оперирование установленными фактами приводит к созданию формально-логических конструкций при осуществлении доказывания, что неизбежно приведет к формально-логическому правосудию. Для недопущения подобной ситуации необходимы определенные условия.

Прежде всего это реальное обеспечение системной коммуникации субъектов поисково-познавательной деятельности на основе принципа единого целеполагания в достижении искомой цели, которое направлено в первую очередь на значительное расширение горизонта познания каждого из них. Это потребует внесения ряда корректировок и дополнений в законодательство, регулирующее судебно-экспертную деятельность, направленных на устранение имеющихся противоречий и оптимизацию судебно-экспертного обеспечения доказывания.

Кроме того, это собственное в рамках ведомственных полномочий комплексное и всестороннее установление и исследование следовой картины происшедшего преступного деяния (как в процессе проведения судебно-экспертных исследований, так и в ходе следственных и судебных действий) с обязательным использованием всех современных криминалистических и судебно-экспертных знаний, технологий и возможностей. Такое исследование должно проходить с эвристическим и прогностическим использованием всех возможных судебно-экспертных и иных научных технологий, позволяющих максимально расширить границы познания системы судебно-экспертного обеспечения доказывания, направленной на максимально полное установление следовой картины преступления, т. е. проводить поисково-познавательную деятельность с учетом объективных параметров судебно-экспертной характеристики преступления и ее влияния на процесс доказывания.

В этой связи особое значение приобретает необходимость дальнейшей научной аргументации и разработки этого понятия. С нашей точки зрения, судебно-экспертная характеристика преступления представляет собой информационную матрицу, которая включает в себя следующие элементы:

- характеристику типичной исходной экспертно-криминалистической ситуации, обусловленной обстоятельствами происшедшего и особенностями обнаруженной следовой картины;

- систему данных о типичных видах (подвидах) судебных экспертиз и типичных (возможных) результатах их проведения;

- данные о конкретных методах и методиках экспертного исследования, а также о типичных алгоритмах осуществления экспертом поисково-познавательной деятельности, принятия тех или иных решений;

информация о типичных (возможных) экспертных ошибках и дефектах деятельности эксперта;

данные о возможных типовых алгоритмах действий субъекта доказывания по оценке достоверности экспертного заключения.

При этом полагаем, что судебно-экспертная характеристика преступлений может быть представлена и в виде информационно-поисковой матрицы, основанной на использовании специализированного программного обеспечения с применением технологий искусственного интеллекта. Создание и внедрение подобной системы поможет субъектам доказывания анализировать огромные массивы информации, вычленять из нее криминалистически значимую и не допускать при этом ошибок, связанных как с недостатком этой информации и трудностями в ее получении, так и с дефицитом времени и часто невысоким профессиональным уровнем владения специальными знаниями.

Таким образом, внедрение в практику и знание субъектом доказывания судебно-экспертной характеристики преступления обеспечит ему не только путь к эффективному познанию следовой картины преступления, но и даст ключ к проверке достоверности установленных экспертом фактов. Судебно-экспертная характеристика преступления должна являться одним из ключевых и системообразующих элементов в понимании технологии судебно-экспертного обеспечения доказывания, выступая при этом обязательным элементом расследования преступлений, так как и криминалистические, и судебно-экспертные технологии являются неотъемлемой частью единой процессуальной технологии доказывания – ее сущностной составляющей.

УДК 343.985

С.С. Сенькевич

ЦИФРОВАЯ КРИМИНАЛИСТИКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Цифровизация общественных отношений и перевод различных сфер жизнедеятельности в электронную среду привели к значительному всплеску преступной деятельности в информационном пространстве, что, в свою очередь, обусловило устойчивый рост массива цифровых следов, имеющих доказательственное значение по уголовным делам. В результате цифровая криминалистика (в международной терминологии digital forensics – деятельность, совокупность методов по сбору, сохранению, анализу и представлению электронных доказательств) в государствах – участниках СНГ превращается из вспомогательного направления в один из базовых элементов криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Под цифровой криминалистикой следует понимать систему научных положений, методических рекомендаций и технологий обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования цифровой информации (включая метаданные) в целях выявления и доказывания преступной деятельности. Ее предметно-практическое поле охватывает работу с данными вычислительных устройств, мобильных терминалов, сетевой инфраструктуры, облачных сервисов, интернет-платформ, а также интернетом вещей (IoT) (множество физических объектов, подключенных к интернету и обменивающихся данными).

Современное состояние цифровой криминалистики в правоохранительной деятельности государств – участников СНГ характеризуется, с одной стороны, расширением возможностей получения доказательственной информации, а с другой – ростом технологической и методической сложности расследования, обусловленным постоянным видоизменением преступной деятельности. Типовые источники цифровых следов включают в себя переписку и медиаданные, журналы событий и системные логи, сетевые артефакты, сведения о геолокации, данные резервного копирования и синхронизации, а также информацию о транзакциях, цифровых платежах и т. д.

Особенностью цифровых следов является их нематериальный характер, высокая изменчивость, множественность копий и зависимость содержания от контекста функционирования систем, что, в свою очередь, обуславливает приоритетность внимания к процедурам сохранения целостности данных, прослеживаемости действий сотрудников правоохранительных органов и воспроизводимости результатов исследования. Особое значение в деятельности правоохранительных органов приобретают стандартизированные методики копирования данных и верификации их неизменности, включая использование контрольных сумм и криптографических хеш-функций для обеспечения целостности и аутентичности информационных объектов.

В то же время развитие цифровой криминалистики в государствах – участниках СНГ сдерживается рядом устойчивых проблем.

Во-первых, сохраняется разрыв между темпами технологического развития и нормативным закреплением процедур получения и проверки цифровых доказательств, что проявляется в различных подходах к реализации правоприменительной практики, неоднозначности оценки допустимости и достоверности результатов их исследования, а также в сложности межгосударственного обмена информацией по каналам правовой помощи.

Во-вторых, усложнение технологий защиты информации (встроенное шифрование, защищенные мессенджеры, анонимизация, распределенное хранение) повышает требования к техническим компетенциям сотрудников правоохранительных органов и предоставленным им ресурсам для осуществления своей профессиональной деятельности. В этих условиях возрастает значение тактики планирования следственных действий, своевременности реагирования и правильного выбора процессуальной формы получения криминалистически значимой информации, включая взаимодействие с провайдерами и владельцами информационных систем, обеспеченности новейшими научно-техническими средствами.

В-третьих, остро стоит кадровый вопрос. Как свидетельствует правоприменительная практика, в современных условиях требуется сотрудник нового типа, сочетающий в себе уголовно-процессуальные компетенции, криминалистическую методологию и прикладные знания в области информационных технологий. При этом знания быстро устаревают, что делает обязательными модели непрерывного обучения и регулярной переподготовки.

В-четвертых, сохраняются экономические ограничения, которые не позволяют вовремя приобрести специализированное оборудование и программные комплексы, своевременно их обновлять и проходить сертификацию, а также неравномерность оснащения территориальных подразделений необходимыми криминалистическими средствами. Следствием чего становится дисбаланс возможностей, в результате сложные исследования концентрируются в отдельных центрах, а сроки получения результатов увеличиваются.

Перспективы развития цифровой криминалистики как научно-прикладного направления в правоохранительных органах государств – участников СНГ видятся в комплексе следующих взаимосвязанных мер.

1. Нормативно-методический блок – разработка и внедрение согласованных (желательно межгосударственно унифицированных) требований к обращению с цифровыми носителями и данными, включая описание минимального набора процедур фиксации, копирования, хранения, документирования и передачи цифровой информации.

2. Организационный блок – создание и развитие специализированных подразделений и лабораторий цифровой криминалистики, обеспечение их кадровой устойчивости, формирование механизмов оперативного привлечения специалистов и экспертов к следственным действиям.

3. Технологический блок – внедрение инструментов автоматизации анализа больших массивов данных и цифровых следов, развитие отечественных программных решений и формирование реестра апробированных средств исследования с понятными условиями применимости и ограничениями. Примером успешной институционализации практики противодействия киберпреступности в системе правоохранительных органов государств – участников СНГ является создание и развитие специализированных подразделений (в Республике Беларусь – управления «К» (главное управление по противодействию киберпреступности криминальной милиции МВД)), включая развертывание территориальных звеньев и реализацию системной профилактики в цифровой среде.

4. Образовательный блок – создание практикоориентированных модулей подготовки (в том числе тренажерных полигонов и сценариев), закрепление междисциплинарных компетенций, развитие программ повышения квалификации для следователей, оперативных сотрудников, участковых инспекторов милиции (полиции), судебных экспертов и иных представителей правоохранительных органов, входящих в структуру обеспечения государственной безопасности.

5. Углубление взаимодействия правоохранительных органов государств – участников СНГ по обмену опытом, согласованию подходов работы с цифровыми доказательствами и отработке алгоритмов совместных действий по трансграничным преступлениям с использованием информационно-коммуникационных технологий предполагает опору на действующие организационные механизмы государств – участников СНГ. Так, в 2025 г. на площадке Исполкома СНГ при участии Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ согласовывались проекты Концепции развития информационного взаимодействия государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, что демонстрирует переход к более формализованным и технологичным моделям обмена данными. Дополнительно целесообразно учитывать лучшие международные практики Interpol по развитию цифровой форензики и обеспечению трансграничного обмена электронными доказательствами и компетенциями.

Таким образом, цифровая криминалистика в государствах – участниках СНГ находится в фазе активного становления и институционального оформления, выступая необходимым условием сохранения эффективности раскрытия и расследования преступлений в условиях цифровой трансформации преступности и расширения пространства цифровых следов. Ее результативность в ближайшей перспективе будет определяться не столько отдельными техническими решениями, сколько созданием управляемой системы: унифицированных и проверяемых процедур работы с цифровыми доказательствами, кадровой устойчивости специализированных подразделений, технологической валидации применяемых средств и готовности межгосударственного взаимодействия к оперативной отработке трансграничных преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий при безусловном соблюдении требований законности и доказательственной надежности.

УДК 343.985.7

Е.А. Тимофеева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА В ПЛАНИРОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СОБСТВЕННИКОВ

Планирование является организационной основой расследования любых преступлений и представляет собой прежде всего мыслительную деятельность следователя в условиях сложившейся следственной ситуации по уголовному делу. Особенно важна роль планирования на первоначальном этапе расследования дел, поскольку следователем определяются первоочередные тактические задачи, выдвигаются обоснованные версии, разрабатывается последовательность производства следственных и иных процессуальных действий.

Ситуационный подход в криминалистической науке является определяющим фактором организационных аспектов планирования расследования преступлений, который способствует построению модели преступного события и с учетом этого позволяет определить наиболее оптимальный порядок действий органа уголовного преследования в той или иной следственной ситуации.

При построении частной криминалистической методики расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенных в сфере деятельности организаций собственников (ОС), необходимо осуществить типизацию

следственных ситуаций. Основным критерием типизации следственных ситуаций по делам о рассматриваемых хищениях является способ их совершения как исходная криминалистически значимая информация, детерминированная характеристиками личности расхитителя и лиц, вовлеченных в противоправное деяние, а также спецификой деятельности таких организаций. Основываясь на анализе данных судебно-следственной практики, можно выделить следующие типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенных в сфере деятельности ОС: уголовное дело возбуждено в отношении должностного лица ОС, которое при осуществлении своих служебных обязанностей под видом начисления и выплаты премий (материальной помощи) совершило хищение денежных средств ОС; уголовное дело возбуждено в отношении должностного лица ОС, которое совершило хищение денежных средств ОС путем необоснованного их списания в личный фонд заработной платы; уголовное дело возбуждено в отношении должностного лица ОС, которое совершило хищение денежных средств ОС путем фиктивного трудоустройства работников; уголовное дело возбуждено в отношении должностного лица ОС, которое совершило хищение денежных средств ОС путем составления подложных документов об оказанных субъектом хозяйствования услугах, выполненных работах, фактически не имевших места или имевших, но не в полном объеме; уголовное дело возбуждено в отношении должностного лица ОС, которое совершило хищение бюджетных денежных средств, выделяемых для нужд ОС; уголовное дело возбуждено в отношении должностного лица ОС, которое совершило хищение состоящего на балансе ОС имущества.

Основываясь на знаниях о типичных следственных ситуациях по рассматриваемой категории уголовных дел, в дальнейшем предполагается целесообразным планирование первоначального этапа расследования данных хищений: с учетом обстоятельств, подлежащих доказыванию по ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в условиях той или иной следственной ситуации необходимо определить тактические задачи, выдвинуть обоснованные версии, которые могут быть систематизированы в зависимости от сущности криминалистически значимой информации (обстоятельства совершенного деяния; количество лиц, причастных к преступной деятельности, и лиц, осведомленных о хищении; размер похищенного имущества; объекты – носители следовой информации). Следователь на первоначальном этапе расследования данного вида преступления, действуя в условиях определенной следственной ситуации, также должен составить план следственных и иных процессуальных действий, характерный для каждой из данных ситуаций.

Вышеизложенные рекомендации по использованию ситуационного подхода при планировании расследования на примере дел о хищениях путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенных в сфере деятельности ОС, позволяют оптимизировать работу следователя, минимизируя возможные ошибки в следственной деятельности, а также могут быть использованы при планировании расследования по иным категориям дел.

УДК 343

В.В. Трикоза

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СУДОМ ПРИГОВОРА ПО ДЕЛАМ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Наличие в уголовном процессе Республики Беларусь института ускоренного производства является основной формой упрощения порядка уголовного преследования лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое. Окончательным результатом деятельности органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры становится уголовное дело, расследованное в порядке ускоренного производства, которое надлежит рассмотреть суду, приняв законное и обоснованное решение в виде приговора.

Проведя анализ действующего уголовно-процессуального и иного отраслевого законодательства, можно прийти к выводу, что изначально смысл приговора закладывался как окончательный акт (решение) суда от имени Республики Беларусь, провозглашенный по результатам рассмотрения уголовного дела. Помимо карательной цели с учетом процедуры судебного разбирательства, формировавшейся на протяжении многих лет, приговор имеет своей целью и профилактическое воздействие на осуждаемое лицо. Только на основе приговора государство может реализовать уголовно-правовую санкцию и тем самым защитить личность, общество, государство от преступных посягательств. Приговор служит укреплению законности и правопорядка в обществе и государстве, становлению правового государства в Республике Беларусь.

Законодатель, выделив этап провозглашения приговора в отдельную норму права (ст. 365 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)), определил его решающее значение в уголовном процессе. В связи с чем исключение данного этапа в заочном производстве по делам ускоренного производства, по нашему мнению, не в полной мере способствует выполнению задач и соблюдению принципов уголовного процесса.

Кроме того, полагаем возможным в ст. 459¹ УПК закрепить положение о необходимости наличия таких судебных этапов, как судебные прения (при наличии сторон), последнее слово обвиняемого и провозглашение приговора, что обеспечит возможность выполнения судом требований ст. 351 УПК.

При этом необходимость предоставления обвиняемому последнего слова, по нашему мнению, должна быть обязательной, поскольку, как показывает практика, обвиняемые в суде часто не соглашались с наказанием, предложенным прокурором при направлении дела в суд.

Необходимо отметить, что изъятия, изложенные в ст. 459–459² УПК, противоречат постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда». Так, согласно п. 1 указанного постановления приговор, являясь важнейшим актом правосудия по уголовному делу, должен быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым, постановленным в строгом соответствии с принципами презумпции невиновности, состязательности и ра-

венства сторон в уголовном процессе. Вместе с тем при заочном производстве принцип состязательности сторон как таковой отсутствует, а безоговорочное признание вины обвиняемым фактически формирует у суда позицию по уголовному делу и не способствует соблюдению презумпции невиновности. Кроме того, п. 3 названного постановления обязывает суды при сокращенном порядке судебного следствия основываться на доказательствах, полученных при производстве предварительного следствия и не оспоренных в судебном заседании сторонами, чего также не происходит при заочном производстве. Относительно важности провозглашения приговора п. 27 вышеуказанного постановления определен четкий порядок, обязывающий председательствующего после выхода из совещательной комнаты независимо от присутствия в зале обвиняемого и других участников процесса провозгласить приговор.

При этом следует обратить внимание, что условия постановления приговора по делам, рассмотренным в порядке заочного производства, данным постановлением не определены.

Так, приговор является важнейшим актом правосудия по уголовному делу, отражающим осуждение лица от имени Республики Беларусь (ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь), в связи с чем, по нашему мнению, возражения на приговор, постановленный без судебного разбирательства, должны быть приравнены к жалобе, подаваемой в порядке апелляционного производства, с обязательным указанием мотивов несогласия с приговором. При этом полагаем правильным в случае подачи возражений на приговор суда, постановленный без судебного разбирательства, выносить постановление о его отмене не судье, постановившему приговор, а от имени председателя суда либо его заместителя, поскольку постановлением приговора судья юридически завершает свое участие в конкретном уголовном деле.

С целью корректировки порядка и оснований подачи возражений на приговор, постановленный без судебного разбирательства, считаем необходимым ст. 6 УПК дополнить понятием «возражение на приговор, постановленный без судебного разбирательства», поскольку уголовный закон определяет лишь понятие апелляционной жалобы, которое аналогично по смыслу и содержанию возражениям на приговор.

Таким образом, ускоренное производство в уголовном процессе Республики Беларусь – важный инструмент, направленный на оптимизацию и упрощение предварительного расследования и судебного заседания. Однако безусловное и всестороннее выполнение задач уголовного процесса является основным гарантом защиты прав и законных интересов его участников, в том числе при рассмотрении судом уголовных дел указанной категории.

УДК 343.985.3

О.В. Трубкина

МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Преступления против собственности, совершаемые посредством использования виновными безграничных возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сегодня представляют особый интерес как для исследователей, так и для действующих сотрудников правоохранительных органов. Согласно данным официальной статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации, на территории страны за 10 месяцев 2025 г. зарегистрировано 627 тыс. таких деяний, две трети из которых совершали путем кражи или мошенничества. Увеличение таких преступлений в геометрической прогрессии за последние 10 лет явилось абсолютным шоком для правоприменителей. Однако борьба с ними приносит результат. Так, при безусловно активном противодействии государства их число уменьшилось на 10,8 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, тем не менее удельный вес в общем количестве совершенных преступлений составляет 38,2 %, что, бесспорно, представляется значительным и требует особого внимания.

Несмотря на относительную новизну, широкая распространенность таких преступлений позволяет составить их криминалистическую характеристику, основным элементом которой при выдвижении версий, формировании корреляционных связей и обеспечении доказывания, является уникальный механизм следообразования, что требует более серьезного подхода к его оценке. Анализ следовой картины таких преступлений является значимой и актуальной задачей исследователей, направленной на модернизацию рекомендаций криминалистики.

Структурно-логическая схема совершения преступлений против собственности, совершаемых с использованием сети Интернет, представляет собой сложную цепочку взаимосвязей, наиболее ценной среди которых является связь между способом при реализации всех его звеньев и формированием соответствующих следов, главенствующее место среди которых согласно исследованиям занимают цифровые. Новизна и сложность оценки таких следов вызывают активные научные дискуссии по поводу их сущности, содержания и особенностей исследования. При всей крайней полярности мнений (например, представления их в виде виртуальных следов – как результата отражения на цифровом материальном носителе настоящего физического процесса, либо признания их разновидностью материальных – при указании на реальность их существования, либо признания электронно-цифровыми или информационными) безусловно их наличие в электронно-цифровом формате.

Авторами предлагаются различные классификации таких следов, каждая из которых заслуживает внимания и является обоснованной практикой. Однако бесспорно, что цифровые следы содержат в себе компьютерную информацию о способе хищения, а также в некотором роде о личности виновного и потерпевшего, обстановке, условиях совершения преступления, мотивах и целях, отображенную, как правило, в электронной памяти в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. Цифровые следы, находящиеся в мобильном устройстве, в случае совершения хищения в результате, например, телефонного мошенничества чаще всего содержатся в памяти, WhatsApp, Telegram, браузерах (Google, Chrome, Android Browser и др.).

Например, при совершении компьютерного мошенничества такими следами могут являться:

электронные сигналы, как правило отправляемые с компьютера виновного по телекоммуникационным сетям, направленные на создание ложной информации для введения в заблуждение потенциальных потерпевших;

следы, характеризующие итог технического воздействия на компьютерную систему в виде модификации, блокирования или копирования информации, следы использования различных шифровальных программ;

следы, характеризующие конкретные «инструменты» хищения в виде телефонных номеров, используемых для голосовых фишинг-звонков, банковских реквизитов для приема денежных средств, направляемых потерпевшими, страниц в мессенджерах или соцсетях;

переписка с потерпевшими, членами организованной группы, осуществляемая посредством мобильных устройств;

трафик пользователя, журнал посещения сетевого ресурса.

Все эти следы, безусловно, информативны и представляют интерес для органов предварительного расследования, поскольку являются носителями информации о преступной деятельности и личности преступника, а особый механизм их образования требует применения специфических приемов и методов обнаружения, извлечения (фиксации), исследования и оценки.

Как правило, такие хищения, связанные с выполнением действий в реальном и виртуальном пространстве, являются длящимися, поэтому механизм слеодообразования обширен. Помимо цифровых типичными следами при совершении данных преступлений являются традиционные материальные и идеальные следы. В качестве материальных выступают следы пальцев рук и генетический материал на клавиатуре, мобильных телефонах, других компьютерно-технических устройствах, платежных картах; следы транспортных средств, обуви; документы, как рукописные, так и изготовленные с помощью средств компьютерной техники; предметы; следы-вещества; следы повреждений технического устройства. Цифровые следы, как правило, изымаются следователем при производстве осмотра предметов и документов, а традиционные материальные – при производстве осмотра места происшествия, в качестве которого выступают жилище преступника, офисные помещения, места обналичивания денежных средств, осуществления встреч преступника с потерпевшим. Преступлениям против собственности, совершаемым с использованием сети Интернет, характерно наличие следов разных видов, детерминированных обязанностями действий лиц, осуществляемых в рамках отведенной роли в преступной группе. Идеальными следами могут выступать показания потерпевших, их родственников, свидетелей, сотрудников финансовых организаций, банков, иных участников преступной группы.

Специфика формирования и распределение цифровых следов по множеству объектов предопределяют существенную сложность их выявления, что, безусловно, требует от субъекта правоприменительной деятельности определенных навыков. И если по выявлению, фиксации и исследованию традиционных материальных следов при расследовании таких преступлений не возникает затруднений, то существенные криминалистические особенности кибернетического пространства как среды их совершения (среди которых необходимо учитывать огромное число состояний, высокие скорости их изменения, отсутствие очевидных форм проявления и недолговечность следов информационных процессов, отсутствие устойчивых идентификационных признаков, использование специфических орудий преступления) обуславливают использование инновационных методов работы с ними.

Таким образом, механизм слеодообразования рассматриваемых преступлений в упрощенном виде представляется следующим образом: следы, как характеризующие изменения привычной среды, так и содержащие информацию, зафиксированную в цифровом формате, в электронно-вычислительных машинах и иных цифровых устройствах.

Причем если в традиционной криминалистике безусловным являлось преобладание доказательственной силы материальных следов над идеальными, то цифровые, виртуальные либо электронно-цифровые следы (при любом их названии) ломают данный стереотип, при умелом соблюдении правил их поиска, извлечения, хранения и документирования приобретают существенную доказательственную силу, являясь не заменой традиционным формам доказательств, а дополнительным инструментом для правоохранителей. Качественная комбинация традиционных и цифровых доказательств является наиболее эффективным способом построения убедительной доказательственной базы.

УДК 343.125.2

Т.Н. Уласевич

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ЗАДЕРЖАННОМУ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМУ ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящее время интересы личности как определенного участника уголовного процесса отражают его потребность в защите принадлежащих прав и свобод. Так, в соответствии со ст. 21 Конституции Республики Беларусь обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Кроме того, в ст. 62 Основного Закона закреплено право каждого гражданина на юридическую помощь и защиту как одну из ее форм, в том числе при участии в уголовном процессе. Лицо, задержанное по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, нуждается в охране от такого подозрения, а также в гарантии соблюдения его прав и свобод от необоснованных ограничений, обусловленных применением рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения.

В то же время следует отметить, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеются некоторые проблемы, связанные с обеспечением гарантии задержанному права на защиту и получение юридической помощи: 1) опре-

деление момента допуска защитника; 2) определение момента разъяснения прав и обязанностей, предусмотренных ст. 41 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК); 3) форма разъяснения этих прав и обязанностей.

Так, во-первых, необходимо определить момент, с которого защитник (адвокат) может участвовать в уголовном процессе в случае задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Для этого следует обратиться к ч. 4 ст. 44 УПК, согласно которой защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания. В данном случае законодатель ведет речь лишь об участии защитника в рамках возбужденного уголовного дела, т. е. он не допускает возможности участия защитника (адвоката) в случае производства задержания в порядке ч. 2 ст. 108 УПК, что ограничивает гарантии обеспечения прав, свобод и законных интересов задержанного. Аналогичная ситуация, указывающая на возможность участия защитника только в производстве по уголовному делу, содержится в ч. 7 и 8 ст. 44, п. 3 ч. 1 и ч. 3 ст. 45, ч. 5 ст. 46 УПК.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 45 УПК законодатель расширяет действие нормы об обязательном участии защитника в перечисленных случаях как в рамках уголовного дела, так и при производстве по материалам. Так, в ч. 2 ст. 45 УПК закреплена норма, регламентирующая обеспечение участия защитника с момента фактического задержания. В данном случае законодатель в полной мере гарантирует задержанному реализацию своих прав на защиту и получение юридической помощи со стороны защитника непосредственно с момента фактического задержания.

В то же время следует отметить, что под моментом фактического задержания понимается момент, когда лицо фактически лишается возможности свободно передвигаться, а не последующая формализация данного решения посредством составления протокола задержания. Полагаем, что в таком случае участие защитника должно обеспечиваться с момента фактического лишения свободы передвижения задержанного, так как этого требует императив, содержащийся в вышеуказанных статьях УПК.

Однако нужно обратить внимание, что на практике не всегда имеется объективная возможность обеспечения участия защитника с момента фактического задержания по разным причинам, что свидетельствует о необходимости корректировки отдельных норм УПК, касающихся определения момента участия защитника в случае задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления.

Во-вторых, следует обратить внимание на момент разъяснения задержанному его прав и обязанностей, предусмотренных ст. 41 УПК. Так, буквальное толкование ч. 1 ст. 110 УПК позволяет сделать вывод о том, что права и обязанности задержанному разъясняются после объявления протокола задержания. В связи с этим на практике сложилось устоявшееся мнение о необходимости разъяснения прав и обязанностей задержанному после фактического доставления в орган уголовного преследования и составления протокола. Из этого следует, что, с одной стороны, у лица возникает право на защиту и получение юридической помощи лишь после объявления протокола задержания, а не с момента фактического задержания. С другой – согласно п. 2 ч. 2 ст. 41 подозреваемый имеет право немедленно по задержании получить от органа уголовного преследования, осуществившего задержание, письменное уведомление о принадлежащих ему правах, чтобы обеспечить требования ч. 4 ст. 44 и ч. 2 ст. 45 УПК.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует, что в УПК прослеживается определенное противоречие между нормами, касающимися момента разъяснения прав и обязанностей задержанному. Данное положение может ограничивать гарантии обеспечения прав, свобод и законных интересов задержанного, так как составление протокола – это уже процессуальный этап задержания и участие защитника уже необходимо обеспечивать. По этой причине можно сделать вывод о том, что право на защиту, пригласить защитника и давать показания в его присутствии, а также ряд других ключевых прав у задержанного лица должны иметься с момента фактического задержания, т. е. их разъяснение должно производиться на месте.

В-третьих, полагаем целесообразным обратить внимание на форму разъяснения прав и обязанностей задержанному лицу. Возможность разъяснения в виде письменного уведомления предусмотрена п. 2 ч. 2 ст. 41 УПК, однако в УПК не содержится норма относительно формы и содержания такого уведомления. В свою очередь, ч. 1 ст. 110 УПК регламентирует необходимость проставления отметки об ознакомлении с правами, предусмотренными ст. 41 УПК, в протоколе, но не дает понимания о том, какой это все-таки будет протокол – задержания или разъяснения прав и обязанностей. В научно-практическом комментарии к УПК 2014 г. говорится о необходимости передачи письменного уведомления с перечнем принадлежащих прав задержанному, а также о необходимости проставления отметки об ознакомлении с правами, предусмотренными ст. 41 УПК, в протоколе, но также не раскрывается, какой это будет протокол.

В правоприменительной деятельности сложилась различная практика относительно данного вопроса: одни разъясняют права и обязанности в протоколе задержания, другие – отдельным протоколом разъяснения прав и обязанностей, третьи дублируют в указанных протоколах.

В связи с этим предлагается внедрить единообразную форму разъяснения прав и обязанностей задержанному в виде отдельного протокола. Однако с учетом того, что выше было предложено решение о необходимости разъяснения некоторых прав сразу после фактического задержания лица, то представляется целесообразным предусмотреть обязанность должностных лиц, осуществивших фактическое задержание и разъяснивших права в устной форме в момент фактического задержания, сделать об этом в последующем отметку в протоколе задержания.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать обобщенный вывод о необходимости внесения некоторых дополнений и изменений в отдельные нормы УПК с целью устранения проблем, связанных с определением момента допуска защитника, определением момента разъяснения прав и обязанностей задержанному лицу, формой разъяснения этих прав и обязанностей.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Расследование преступлений, предусмотренных ст. 260 (незаконная рубка лесных насаждений) Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), часто сопровождается активным противодействием ему заинтересованных лиц и организованных групп. Это существенно осложняет установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, формирование доказательственной базы и привлечение виновных к ответственности. В связи с этим разработка научно обоснованных криминалистических методов нейтрализации такого противодействия представляет собой актуальную задачу, имеющую важное теоретическое и практическое значение.

Важнейшим средством выявления и преодоления противодействия является использование специальных знаний. В рамках расследования преступлений данной категории специальные знания применяются в различных формах, включая участие специалиста в производстве следственных действий, консультации специалистов и назначение судебных экспертиз.

При этом заключение эксперта является самостоятельным источником доказательств (ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), позволяющим устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, а также проверять достоверность имеющихся доказательств. Экспертные исследования способствуют выявлению и преодолению различных способов противодействия расследованию, включая дачу заведомо ложных показаний, фальсификацию документов, уничтожение или сокрытие доказательств, а также иные действия, направленные на воспрепятствование производству по уголовному делу.

Исходя из конкретной следственной ситуации, следователь определяет перечень экспертиз, проведение которых будет способствовать более эффективному получению новых доказательств и проверке уже существующих. Анализ следственной и судебной практики предоставляет возможность определить круг экспертиз, результаты которых оказывают существенное влияние на ход расследования и преодоление противодействия.

Трасологическая экспертиза является одной из наиболее востребованных. Перечень объектов, направляемых на исследование, определяется способом преступления, объемом незаконно заготовленной древесины и степенью механизации процесса. Она может способствовать установлению связи подозреваемого с местом совершения преступления путем идентификации использованных орудий, обуви или транспортного средства, что имеет доказательственное значение при отрицании лицом своего присутствия на месте незаконной рубки или использования соответствующих транспортных средств и орудий.

Как показывает практика, даже при отсутствии возможности установить однозначное тождество вероятные выводы эксперта, касающиеся групповой принадлежности или возможности образования следов конкретным объектом, при оценке в совокупности с другими доказательствами могут иметь решающее значение.

Особое значение при расследовании незаконной рубки лесных насаждений имеет судебно-ботаническая экспертиза, которая позволяет выявить следы растительных объектов на одежде подозреваемого, что может указывать на его участие в рубке.

Кроме того, в ходе расследования назначается судебно-ботаническая экспертиза с применением методов дендрохронологии. Ее результаты могут ответить на вопросы о породе древесины, возрасте срубленного дерева; возможности его произрастания на месте рубки; общей групповой принадлежности различных частей, в том числе бревен и бруса; календарном годе и сезоне рубки; отнесении деревьев к живым (сырорастущим) или сухостойным на момент рубки и т. д. Установление факта рубки именно живых (сырорастущих) деревьев имеет ключевое значение, поскольку уголовная ответственность по ст. 260 УК РФ наступает только за рубку живых деревьев. Именно поэтому подозреваемые нередко утверждают, что собирали валежник или сухостой, тем самым пытаясь избежать уголовной ответственности. Экспертиза также позволяет опровергнуть версии о законном происхождении древесины. Например, если подозреваемый утверждает, что древесина была куплена у третьих лиц или заготовлена на другом участке, экспертиза может установить место произрастания, что исключает возможность ее легального происхождения.

Судебно-почвоведческая экспертиза назначается реже. Между тем специфика совершения таких преступлений предполагает обязательный контакт обуви, шин, гусениц, одежды и транспортных средств с почвой на участке, где совершается рубка. Таким образом, почвенные наслоения могут служить источником информации для установления связи подозреваемого с местом преступления.

Лесотехническая судебная экспертиза позволяет установить факт, объемы и качество проведенных лесовосстановительных и озеленительных работ на месте лесозаготовок, а также провести анализ лесоустроительной документации для оценки законности осуществленных рубок. Это способствует выявлению фактов фальсификации учетной и разрешительной документации, а также других форм документального сокрытия противоправной деятельности.

Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (КЭМВИ) играет важную роль в преодолении противодействия при расследовании незаконной рубки лесных насаждений. В процессе совершения таких преступлений лица, как правило, используют бензиновые цепные пилы для валки и раскряжевки деревьев, а также тракторы, грузовые автомобили и другую технику для трелевки и транспортировки древесины, что сопряжено с использованием горюче-смазочных материалов, следы которых могут обнаруживаться на месте происшествия, на пнях, в почве, на изъятой древесине, а также на одежде подозреваемых и на транспортных средствах. В этой связи КЭМВИ выступает одним из эффективных способов установления связи между преступной деятельностью и конкретными лицами, техникой и местом совершения преступления.

Следует отметить, что выводы эксперта по результатам КЭМВИ так же, как и выводы трасологической экспертизы по следам обуви и транспортных средств, часто носят вероятный характер и редко позволяют установить однозначную принадлежность следа конкретному источнику. В связи с этим результаты такой экспертизы, как правило, используются в совокупности с другими доказательствами: вещественными, показаниями свидетелей, заключениями других экспертиз, а также результатами оперативно-розыскных мероприятий.

Назначение судебной компьютерной экспертизы необходимо в условиях активного противодействия, поскольку она позволяет извлекать и анализировать цифровые данные (фотографии, видеозаписи, переписку, геолокационные метки), которые могут иметь существенное значение для расследования.

При расследовании преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, помимо указанных может возникать необходимость в назначении ряда иных видов судебных экспертиз, обусловленная особенностями следственной ситуации, совокупностью собранных доказательств, а также конкретными задачами, стоящими перед следователем: техническая экспертиза документов, судебная почерковедческая экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза и др.

Таким образом, для обеспечения эффективного расследования незаконной рубки лесных насаждений в условиях противодействия необходим комплексный подход, включающий в себя совершенствование правового регулирования, усиление межведомственного взаимодействия, внедрение современных криминалистических методик и технологий, в том числе активное использование специальных знаний. Такой подход позволит обеспечить надлежащие условия для объективного, всестороннего и полного расследования преступлений данной категории.

УДК 343.98

В.А. Чванкин

СЛЕДЫ ЗУБОВ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Постоянное совершенствование исследований, раскрытие их сущности, возможностей, определение основных требований к объектам и т. д. являются одной из задач судебно-экспертной деятельности.

Иногда при осмотрах мест происшествия могут обнаруживаться следы зубов на пищевых и непищевых объектах, реже на теле человека. Проведение исследований данных следов позволяет установить не только групповую принадлежность, но и конкретного человека или животное.

При этом такое исследование имеет ряд особенностей. Во-первых, среди представляемых на экспертизу объектов большинство подвержено порче и (или) изменению, во вторых, для решения идентификационной задачи необходимы образцы для сравнительного исследования, которые без подозреваемого получить практически невозможно.

Кроме того, инициаторы назначения экспертиз должны знать о том, какие представляются объекты, следы и образцы для сравнительного исследования, требования, предъявляемые к ним; задачи и вопросы, которые они могут поставить на разрешение данной экспертизы.

Следы зубов подразделяют на следы откуса и надкуса (укуса).

Следы откуса формируются в результате полного удаления зубами части какого-либо объекта. На месте откуса остаются следы, образованные передними зубами верхней и нижней челюстей, при этом нижняя челюсть воздействует на объект, прижимая его к верхней. Зубы нижней челюсти первоначально оставляют углубления, а затем постепенно внедряются в материал. Параллельно этому процессу образуются углубления от верхних зубов. По мере смыкания челюстей происходит отделение части объекта, при этом какая-то часть может отрываться. Характерная линейная структура на следах откуса обусловлена режущими краями зубов и неровностями эмали на их внешней поверхности.

Следы надкуса представляют собой углубления, возникающие на противоположных сторонах объекта вследствие его сжатия зубами. Надкус можно рассматривать как частичный откус. Обычно при надкусе остаются следы обеих челюстей, расположенные в виде двух дуг с направленными друг к другу концами. Если нижняя челюсть движется вертикально без бокового смещения, то оставленный след называют простым надкусом. Если вертикальное перемещение нижней челюсти сопровождается ее горизонтальным смещением в сторону, образуются сложные надкусы.

Существуют и другие способы образования следов зубов. Например, откус или надкус может быть выполнен только одной челюстью, такие следы называются односторонним откусом (надкусом).

Следы зубов могут быть исследованы в рамках исследований следов зубов человека и следов животных и относятся к трасологическим экспертизам.

В процессе данных экспертиз решаются идентификационные и неидентификационные задачи.

Вопросы можно сформулировать, например, следующим образом.

Являются ли следы на представленных объектах следами зубов, если да, то оставлены они человеком или животным?

Каким животным могли быть оставлены следы?

Каковы индивидуальные признаки человека (пол, возраст и др.), оставившего следы?

Каков механизм образования данных следов?

Какими зубами, какой челюсти образованы следы?

Каковы особенности строения зубов человека (животного), оставившего следы?

Не оставлены ли следы зубов на представленном объекте конкретным человеком (животным)?

Не оставлены ли следы, изъятые с разных мест происшествий, зубами одного человека (животного)?

Владение отдельными особенностями, связанными с механизмом образования следов зубов, объектами и возможностями их исследования, позволит инициаторам назначения данных экспертиз не только повысить свой образовательный уровень, но и корректно осуществлять назначение и последующую оценку данных экспертиз, что, в свою очередь, оптимизирует процесс расследования дел и установления лиц (животных), оставивших данные следы.

УДК 343.9

И.А. Шаматульский

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОВЕРКИ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Планирование при производстве по материалам проверки о преступлениях против интересов службы осуществляется на основании выдвинутых версий в рамках конкретно складывающихся следственных ситуаций в соответствии с требованиями процессуальной формы, предусмотренной ст. 103 и ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). При этом подход, связанный с выдвижением версий, направлен по своей сущности на установление оснований к возбуждению уголовного дела, т. е. признаков преступления, совершенного против интересов службы.

Планирование при производстве по материалам проверки по заявлению (сообщению) о преступлении зависит от складывающейся первоначальной ситуации, обусловленной особенностями повода к возбуждению уголовного дела, а именно: сведения о совершенном (совершаемом) преступлении обнаруживаются непосредственно органом дознания (подразделением по борьбе с экономическими преступлениями);

информация о совершенном (совершаемом) преступлении поступает от должностных лиц государственных органов или иных организаций;

фактические данные отражены в заявлении гражданина или в сообщении о преступлении в средствах массовой информации.

При организации проверки заявлений (сообщений) о преступлениях рассматриваемой категории важным аспектом является совокупность обстоятельств, подлежащих выяснению для выполнения требований ст. 167 УПК, предписывающей органу дознания установить наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, т. е. основания к возбуждению уголовного дела.

С учетом данного требования при организации проверки по заявлениям (сообщениям) о должностных преступлениях необходимо выяснять следующие обстоятельства:

1. Кто совершил должностное преступление. Необходимо доказать его правовой статус специального субъекта, который устанавливается путем истребования: приказа о назначении его на должность; должностных инструкций; нормативных правовых актов, регламентирующих его служебные полномочия; личного дела должностного лица.

2. Сведения, характеризующие лицо, совершившее должностное преступление, могут быть получены, во-первых, путем истребования служебной характеристики лица, во-вторых, путем получения объяснений как у руководителей различных уровней, так и у его коллег о его личностных особенностях.

3. Информация о месте и времени совершения преступления. Как правило, должностное преступление совершается специальным субъектом в сфере деятельности юридического лица в конкретном временном промежутке (промежутках), которое доказываются путем: истребования различных документов хозяйственно-финансовой деятельности юридического лица; получения объяснений у сотрудников юридического лица; производства осмотра помещения, предметов, документов, компьютерной информации; назначения экспертиз.

4. Конкретные нормы правовых актов (статья, часть, пункт и т. д.), регламентирующие деятельность должностного лица, которые им были нарушены при совершении преступлений, предусмотренных гл. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Копии данных нормативных правовых актов должны быть приобщены к материалу проверки.

5. Способ совершения должностного преступления представляет по своей сущности механизм преступных действий, связанных с исполнением (неисполнением) конкретным должностным лицом своих служебных полномочий вопреки их функциональному предназначению из корыстной или иной личной заинтересованности, и структурно состоит из подготовки, совершения и сокрытия.

6. Наличие наступивших последствий (причинение вреда): попустительство преступлению; невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки; причинение ущерба в крупном размере; причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам; причинение ущерба государственному имуществу в особо крупном размере; тяжкие последствия; смерть человека либо иные тяжкие последствия.

7. Сведения о физическом и юридическом лицах, которым причинен вред совершенным должностным преступлением.

8. Причинная связь между полномочиями должностного лица или его служебным положением и наступившими вредными последствиями.

9. Сфера экономической деятельности и правовое положение юридического лица, где работает должностное лицо, совершившее преступление. В своей преступной деятельности должностное лицо принимает во внимание положения нормативных правовых актов, относящихся непосредственно к его профессиональной деятельности, а также руководствуется нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность юридического лица, где он выполняет свои непосредственные обязанности в соответствующей занимаемой должности. Истребование и изучение данных нормативных правовых актов позволит выявить условия, способствующие совершению последним должностного преступления.

10. Сведения о внутренней морально-психологической обстановке, сложившейся в коллективе юридического лица, способствующей совершению должностных преступлений (отсутствие контроля со стороны руководителя юридического лица за деятельностью подчиненных сотрудников, недисциплинированность, незначительные материальные подношения и т. п.). Данная информация может быть зафиксирована в процессе получения объяснений от сотрудников юридического лица.

11. Наличие признаков субъективной стороны совершенного преступления. Каждый вид должностного преступления определяется формой вины, мотивами и целями.

12. Связь совершенного преступления с другими должностными преступлениями. Анализ практики органов уголовного преследования свидетельствует о том, что в ряде случаев должностное лицо совершает и иные должностные преступления, т. е. имеет место совокупность должностных преступлений в его действиях.

13. Действия должностного лица по сокрытию совершенного преступления и противодействие производству по материалам проверки. Действия должностного лица по сокрытию преступления могут являться структурным элементом способа совершения должностного преступления в одних случаях, а в других являются самостоятельными, не связанными с ним. В свою очередь, противодействие со стороны должностного лица проявляется непосредственно при производстве по материалам проверки и связано с сообщением лицу, производящему дознание, ложной информации при получении объяснений; представление документов с интеллектуальным подлогом; сокрытие подлинных документов. Наряду с внутренним противодействием может иметь место и внешнее противодействие, оказываемое руководителями органа дознания и коллегами сотрудника по просьбе должностного лица.

Установление указанных обстоятельств при производстве по материалам проверки о должностных преступлениях без возможностей оперативно-розыскной деятельности недопустимо. В связи с чем наряду с материалами проверки, полученными органом дознания в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 173 УПК, должны быть предоставлены и материалы оперативно-розыскной деятельности, устанавливающие обстоятельства совершения конкретного вида должностного преступления, так как они формируют основу системы доказательств по уголовному делу в дальнейшем с учетом латентности данных преступлений.

УДК 343.9

Ю.М. Юбко

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЦА, ПРОИЗВОДЯЩЕГО ДОЗНАНИЕ, ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ (СООБЩЕНИЯМ) О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Информационно-аналитическая деятельность лица, производящего дознание, по установлению источников доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию по заявлениям и сообщениям о преступлениях против интересов службы, представляет собой двухуровневый структурный элемент организации проведения проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях, состоящий, во-первых, из комплекса знаний: норм материального права о данных видах преступлений (их уголовно-правовой структуры); об элементах криминалистической характеристики; положений методики расследования данных видов преступлений (что устанавливать в стадии возбуждения уголовного дела, какие процессуальные действия проводить для доказывания отдельных обстоятельств и т. п.); требований уголовно-процессуальной формы к порядку проведения проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях; других отраслей права и других научных знаний, совокупность которых позволяет установить и процессуально закрепить признаки преступления. Во-вторых, аналитическая деятельность является компонентом мыслительного процесса лица, производящего дознание, при организации проведения проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях против интересов службы и представляет собой изучение поступившей в орган уголовного преследования информации; собирание (обнаружение и закрепление) новых фактических данных (доказательств), устанавливающих или опровергающих ее достоверность; оценку поступившей информации и собранных фактических данных, на предмет доказанности признаков преступления с позиции требований уголовного и процессуального законов Республики Беларусь; использование полученной информации в процессе проверки и принятие соответствующих организационных и процессуальных решений.

Данный вид деятельности направлен как на собирание доказательств, которые могут устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию (прямые доказательства) как достоверно, так и косвенно, совокупность которых свидетельствует об установлении конкретного обстоятельства преступного деяния (косвенные доказательства).

Для достоверности высказанного умозаключения продемонстрируем его реализацию в конкретных практических ситуациях при установлении некоторых обстоятельств совершения отдельных видов рассматриваемых преступлений.

Преступления против интересов службы совершаются должностным лицом или должностным лицом, занимающим ответственное положение, т. е. специальным субъектом, статус которого должен быть установлен с учетом требований ч. 4 и 5 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В этой связи лицо, производящее дознание, обязано доказать данный статус совокупностью источников доказательств путем приобщения к материалу проверки: приказа о назначении на должность; должностной инструкции; личного дела; характеристики; объяснения вышестоящего руководителя, инициировавшего его назначение. Однако наличие отдельных из указанных документов не всегда может свидетельствовать о реализации лицом своих компетенций в той или иной ситуации, складывающейся в конкретной сфере экономической деятельности. Поэтому следует предварительно изучить должностные инструкции и выяснить, сопоставив должностные компетенции с действиями должностного лица, т. е. установить их роль в механизме преступного события, что позволит констатировать наличие зло-

употребления, бездействия и т. п. В другой ситуации необходимо констатировать, что изучение, анализ и оценка должностной инструкции в отдельных случаях позволяют выявить некорректность изложения отдельных компетенций (отсутствие конкретики, наличие общих формулировок и т. п.), что влечет определенные сложности при даче правовой оценки действиям конкретного должностного лица. Другие документы (как правило, финансово-хозяйственной деятельности), являясь в дальнейшем вещественными доказательствами, могут непосредственно устанавливать механизм совершенного преступления против интересов службы, в связи с чем при организации проведения проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях против интересов службы они должны быть изъяты и изучены лицом, производящим дознание, а информация, зафиксированная в них, должна быть сопоставлена с нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок производства финансово-хозяйственной деятельности. Целью данной деятельности является установление признаков совершения преступления против интересов службы. Изучение документов, регламентирующих ту или иную сферу финансово-хозяйственной деятельности, как ключевых источников доказательств вместе с тем требует также их анализа и оценки относительно ранее собранной при проведении проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях против интересов службы (доказательственной и иной) информации, содержащейся в других, ранее собранных источниках. Таковыми являются:

объяснения подчиненных конкретного должностного лица об отдельных обстоятельствах механизма совершенного преступления против интересов службы;

результаты осмотра его иного законного владения, не являющегося жилищем;

результаты осмотра компьютерной информации, содержащейся на служебном (личном) средстве компьютерной техники должностного лица;

результаты осмотра записей систем видеонаблюдения, косвенно устанавливающих отдельные обстоятельства преступления;

сведения, истребованные от операторов сотовой связи о телефонных соединениях мобильного устройства должностного лица (или полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий);

информация, истребованная из банковских учреждений о транзакциях по банковской платежной карточке должностного лица или карточке, оформленной на лиц из его ближайшего окружения;

результаты осмотра транзакций криптокошелька (электронного кошелька), принадлежащего должностному лицу (лицам из его ближайшего окружения).

Таким образом, информационно-аналитическая деятельность лица, производящего дознание, играет центральную роль в установлении и сборе доказательств по заявлениям (сообщениям) о преступлениях против интересов службы. Такая деятельность включает в себя систематический сбор, анализ и обработку информации, что позволяет установить источники доказательств и обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также определить потенциальных участников преступных схем.

УДК 343.1

М.М. Якубель

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОЗНАКОМЛЕНИЯ ЛИЦА, СТРАДАЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ (ЗАБОЛЕВАНИЕМ), С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ О НАЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ЭКСПЕРТОВ

Порядок назначения и проведения экспертизы в уголовном процессе регламентирует гл. 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). Согласно п. 3 ст. 228 УПК в случаях, когда возникает сомнение по поводу вменяемости подозреваемого, обвиняемого или сомнение по поводу их способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе, назначение и проведение экспертизы является обязательным. Кроме того, закон содержит указание о том, что до направления постановления для его исполнения должностное лицо, принявшее решение о назначении экспертизы, должно ознакомить с ним подозреваемого, обвиняемого.

Вместе с тем, если речь идет о лице, страдающем психическим расстройством (заболеванием), закономерно возникает вопрос о целесообразности и допустимости его ознакомления с постановлением о назначении экспертизы и с заключением экспертов. Отчасти отвечая на этот вопрос, законодатель в ч. 5 ст. 227 УПК закрепил указание о том, что постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы, а также заключение экспертов могут не объявляться лицам, «если их психическое состояние делает это невозможным».

Приведенная формулировка видится абстрактной и носящей оценочный характер. Из содержания указанной нормы непонятно, какие фактические данные должны быть положены в основу решения о непредоставлении постановления и заключения для ознакомления и каким образом это решение должно быть отражено в материалах уголовного дела.

Вместе с тем представляется очевидным, что решение о невозможности ознакомления лица с процессуальными документами в силу наличия у него психического расстройства (заболевания) должно быть мотивировано должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу, и должно получить отражение в материалах уголовного дела. Полагаем, что в данном случае следователь должен вынести постановление о невозможности участия лица в производстве следственных и других процессуальных действий. Составление такого постановления будет являться юридическим основанием непредоставления лицу для ознакомления указанных выше документов.

Следует отметить, что в гл. 46 УПК, регламентирующей порядок производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения (в ч. 4 ст. 443 УПК), содержится предписание о том, что «если производство следственных действий с участием лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом,

в силу психического состояния данного лица является невозможным, следователь составляет об этом протокол с соблюдением требований статей 193 и 194 настоящего Кодекса». Полагаем, что по своему содержанию данная норма должна касаться производства не только следственных, но и процессуальных действий (включая ознакомление лица с постановлением о назначении экспертизы и заключением экспертов). Вместе с тем, как уже было отмечено выше, в данном случае необходимо составить не протокол, а вынести постановление. Это вытекает из содержания п. 34 и 24 ст. 6 УПК. Так, согласно п. 34 протокол является документом, в котором удостоверяется факт производства, содержание и результаты процессуальных действий. Постановление согласно п. 24 указанной статьи – это документ, который содержит решение, вынесенное органом уголовного преследования при производстве по материалам или уголовному делу.

В качестве одного из вариантов оптимизации существующей регламентации видится возможным:

1) ч. 5 ст. 227 УПК изложить в следующей редакции:

«5. Постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы и заключение экспертов не объявляются лицам, в отношении которых вынесено постановление в соответствии с частью 4 статьи 443 настоящего Кодекса.»;

2) ч. 4 ст. 443 УПК изложить в следующей редакции:

«4. Если производство следственных и других процессуальных действий с участием лица невозможно в силу его психического состояния, следователь выносит об этом постановление».

В целях системной корректировки норм представляется целесообразным также рассмотреть возможность закрепления нормы, содержащейся в ч. 4 ст. 443 УПК, не в гл. 46 УПК (регламентирующей порядок производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения), а в гл. 26 УПК (применительно к порядку проведения экспертиз). Это прямо укажет на возможность применения ее положений не только к лицу, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер безопасности и лечения, но и в отношении других участников уголовного процесса, если их психическое заболевание препятствует активному осознанному участию в производстве следственных и других процессуальных действий.

УДК 343.13

В.В. Якубук

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) постановление об отказе в возбуждении уголовного дела выносится в качестве итогового решения стадии возбуждения уголовного дела. При этом указанное решение является единственным окончательно завершающим ведение уголовного процесса в его начальной стадии решением, только при его вынесении применяются предусмотренные ст. 29 УПК исключения возможности ведения этого судопроизводства обстоятельства. Другие итоговые решения указанной стадии только передают ведение процесса в его следующую стадию или предоставляют возможность дальнейшего ведения процесса иным органам (лицам).

Главное предназначение указанного процессуального решения широко отмечено в научной литературе в качестве предусмотренного в целях процессуальной экономии «фильтра» («барьера»), не допускающего ведения судопроизводства в дальнейших стадиях в отношении не имеющих уголовно-процессуальную значимость деяний в силу их малозначительности, очевидного отсутствия необходимых элементов состава преступления, наличия оснований освобождения лица от уголовной ответственности и др. При этом само рассматриваемое решение имеет основное правовое значение именно в рамках осуществляемой процессуальной и непосредственно связанной с ней деятельности (например, организация возвращения владельцам изъятого имущества). При этом в связи с наделяемым законодателем универсальным значением такого решения именно в целях завершения уголовного процесса (независимо от оправдательных (обвинительных) выводов постановления) для возникновения правоотношений в других отраслях права в большей степени играют роль применявшиеся «пресекательные» обстоятельства (например, реабилитирующие или нереабилитирующие как в целом, так и в отдельности в каждой из категорий). Так, применение определенных указанных обстоятельств обуславливает необходимость инициирования процедур регистрации и учета преступлений, административного процесса, прекращения трудовой деятельности (государственной (военной) службы), привлечения к материальной ответственности в полном размере ущерба и т. д. Иными словами, именно эти примененные обстоятельства в основной степени придают смысловую окраску процессуальному решению и то или иное правовое значение, в силу положений законодательства напрямую определяют возникновение других правоотношений. «Пресекательные» обстоятельства неразрывно связаны с указанным решением, составляют его неотъемлемую важную часть, в связи с чем ч. 1 ст. 178 УПК прямо предписывает обязательность их применения при вынесении решения.

Нами в отдельном исследовании статистики указанных процессуальных решений определено, что абсолютное большинство из ежегодно в среднем выносимых в стране 135 тыс. таких решений выносится с применением реабилитирующих обстоятельств. Тем самым при этом в большинстве случаев фактически только закрепляется факт отсутствия уголовно-правовых отношений, возникающих в случае совершения преступлений. Так, в силу необходимости выявления и пресечения любых преступлений как общественно опасных деяний государством сформирован в первоначальной стадии уголовного процесса механизм оперативного реагирования на информацию о совершении этих деяний, содержащую не только достоверную информацию, но и, по мнению А.П. Рыжакова, даже вероятность «присутствия в происшествии... уголовно-процессуально значимых признаков объективной стороны состава преступления». Иными словами, очевидная роль рассматриваемого решения в большинстве случаев состоит в юридическом оформлении факта отсутствия изначально не возникших

уголовно-правовых отношений, констатации наличия только конфликта (спора) социального (экономического) или другого характера, что свидетельствует о превалировании уголовно-процессуальной функции над общесоциальной, в связи с чем в научных источниках в некоторых случаях отмечается отношение сотрудников правоохранительных органов к этому решению как некоторому второстепенному (маловажному). Одновременно для обратившихся в правоохранительные органы за разрешением конфликтов (споров) или вовлеченных в эту деятельность заинтересованных лиц получение процессуальной экономии в уголовном процессе при вынесении такого решения не осязаемо и какой-либо пользы в их ситуации не имеет, с целью разрешения имеющейся проблемы они далее вынуждены осуществлять поиск и инициирование надлежащего процесса (процедуры). Указанный механизм, возникающий в связи с преимущественно отраслевым характером рассматриваемого решения и его ненаделением (в отличие, например, от приговора) правовым значением средства всестороннего разрешения конфликтов (споров) и восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан и субъектов хозяйствования, по нашему мнению, не является оптимальным и эффективным, порождает множественность процессов (процедур) по одному и тому же поводу. В связи с отсутствием преюдициального значения указанное решение вне уголовного процесса служит только одним из средств доказывания, юридически равнозначным с другими доказательствами для вынесения соответствующего решения. Тем самым фактически осуществляются дублирующие процессы с повторным доказыванием уже исследованных обстоятельств, что приводит к излишнему расходованию государственных ресурсов, отвлечению участвующих лиц от иной социально полезной деятельности, истечению необходимого времени для реализации возможности возмещения ущерба или иного восстановления нарушенных прав. Предварительное проведение уголовно-процессуальной деятельности не является обязательным условием таких последующих процессов (процедур), в связи с чем существующий порядок не обеспечивает экономичность (ускоренность, отсутствие необходимости) их проведения. Законодательством при этом, как правило, не регулируются правовая связь итоговых решений разных отраслевых процессов (процедур) и движение процессуальных материалов между ними. Завершение процессуальной деятельности с заведомым оставлением без разрешения уже рассмотренных проблемных вопросов жизнедеятельности физических и юридических лиц с их точки зрения может в некоторой степени свидетельствовать о бюрократизме государственной деятельности.

В связи с изложенным, по нашему мнению, с целью оптимизации этой деятельности, повышения ее экономичности и эффективности, разрешения детально исследованных конфликтов (споров) непосредственно в ходе первоначально начатой процессуальной деятельности по принципу «одного окна» законодателю и научному сообществу необходимо более детально рассмотреть вопрос необходимости повышения юридической значимости решения об отказе в возбуждении уголовного дела, придания ему более «социально нагруженного» значения с целью возможности комплексного рассмотрения всех проблемных ситуаций, разрешение которых входит в функции государственных органов (принятие решения о возмещении ущерба, признание безвестно отсутствующим и др.), а также выполнения иных связанных действий, направленных на всестороннюю реализацию социально полезных целей и предупреждение правонарушений (организация примирительных процедур и др.), что, как правило, осуществляется по усмотрению должностных лиц вне рамок уголовного процесса.

Реализация указанного предложения, по нашему мнению, приведет к повышению социальной значимости уголовно-процессуальной деятельности, более оперативному разрешению возникающих конфликтов (споров), исключению дублирующих процессов (процедур) и тем самым к повышению процессуальной экономии, при этом не повлечет необходимости повышения расходов правоохранительных органов и наделения их дополнительными ресурсозатратными обязанностями, позволит в условиях постепенного снижения уровня преступности обеспечить сохранение штатной численности личного состава органов уголовного преследования для решения наиболее важных задач раскрытия и расследования преступлений и возможности всестороннего реагирования при ухудшении криминогенной ситуации.

УДК 393

А.В. Яскевич

ВИДЫ ТАКТИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ

Для решения сложных задач, возникающих в процессе расследования уголовных дел, с 70-х гг. XX в. стало формироваться учение о тактических комбинациях. Данные тактические построения представляют собой совокупность объединенных единым замыслом и обусловленных конкретной следственной ситуацией приемов, следственных действий, организационно-технических и оперативно-розыскных мероприятий, применяемых в тех случаях, когда добиться положительного результата другими способами крайне затруднительно или невозможно.

Следует отметить, что до настоящего времени не завершена дискуссия о соотношении понятий «тактическая комбинация» и «тактическая операция», видах тактических комбинаций, элементах, образующих их структуру, особенностях взаимодействия следователя и оперативных сотрудников в процессе проведения сложных комбинаций, процессуальных, уголовно-правовых и психологических аспектах данной деятельности.

Тактическая комбинация, не являясь тактическим приемом либо следственным действием, обладает универсальными тактическими свойствами и структурой, меняющимися в зависимости от следственной ситуации и решаемых в процессе расследования задач. Так, тактическая комбинация может состоять из определенного сочетания приемов в рамках одного следственного действия, например рефлексивного управления с целью получения правдивых показаний. В этом случае тактические приемы являются элементами комбинации.

В рамках расследования уголовного дела тактическая комбинация может состоять из определенного сочетания следственных действий, порядок проведения которых и определяет суть тактической комбинации. Каждое следственное действие в этом случае является элементом структуры комбинации, а последовательность их проведения определяется замыслом следователя.

Тактическая комбинация может состоять из следственных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий. Каждое следственное действие и оперативно-розыскное мероприятие в комбинациях данного вида являются элементами структуры тактической комбинации. Последовательность их осуществления определяется замыслом комбинации. Организационно-технические мероприятия могут входить в структуру комбинации в качестве факультативных элементов, усиливающих тактический эффект комбинации.

Использование тактических комбинаций может способствовать решению задач следствия по изменению неблагоприятной следственной ситуации на благоприятную либо нейтральную, что оптимизирует процесс расследования, позволяет добиться желаемого результата с меньшими затратами сил и времени, вне зависимости от вида комбинации. Порой для решения очень сложных задач достаточно одной качественно продуманной и профессионально проведенной тактической комбинации. Однако количество необходимых комбинаций, их структура и вид в первую очередь зависят от складывающейся следственной ситуации.

В самом общем виде тактические комбинации в криминалистической литературе подразделяются на простые и сложные. К простым можно отнести комбинации, состоящие из сочетания тактических приемов в рамках одного следственного действия. Сложные тактические комбинации, по мнению Л.Я. Драпкина, можно классифицировать на однородные, или одноименные (состоящие из одноименных следственных действий), и разнородные, или разноименные (состоящие из разных следственных действий), сквозные и локальные.

Полагаем, что классификация тактических комбинаций не ограничивается делением на простые и сложные с последующей дифференциацией в зависимости от составляющих их элементов. В ряде случаев могут проводиться каскадные комбинации, представляющие собой последовательность комбинаций, следующих в определенном порядке одна за другой. Такие комбинации могут реализовываться в процессе осуществления оперативного сопровождения уголовных дел, с целью легализации материалов оперативно-розыскной деятельности, обеспечения безопасности источников информации и др. Каскадные комбинации могут включать в себя простые и (или) сложные комбинации, детерминированные единым замыслом. Они представляют собой сложную совокупность следственных и оперативно-розыскных действий, направленных как на решение задач следствия, так и на результативность проведения последующих оперативно-розыскных мероприятий в рамках дела оперативного учета. В данном случае элементами каскадной комбинации являются входящие в ее состав комбинации, расположенные в определенной последовательности.

В рамках одного расследования могут проводиться различные виды комбинаций в зависимости от возникающих задач. Так, с целью преодоления противодействия расследованию, как правило, проводятся простые комбинации, направленные на изменение позиции противодействующего лица (группы лиц). В случае отсутствия необходимости тактические комбинации не проводятся. Решение о необходимости проведения того или иного вида комбинаций принимается следователем на основе анализа складывающейся следственной ситуации.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие выводы:

в зависимости от вида комбинации в состав ее структуры могут входить различные элементы, постоянных среди которых нет, за исключением замысла, который, в свою очередь, является элементом тактических решений;

тактическая комбинация может состоять из тактических приемов в рамках одного следственного действия; совокупности следственных действий (однородные, разнородные); сочетания следственных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий; серии тактических комбинаций, следующих в определенном порядке одна за другой, детерминированных единым замыслом;

решение о необходимости проведения тактической комбинации принимается следователем исходя из складывающейся следственной ситуации.

УДК 343. 85

В.А. Ананич

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПНОСТИ В БССР В 1960–1969 гг.

В познании и объяснении преступности, ее отдельных видов и конкретных деяний важным является статистический анализ ее развития и ее проявлений в различные годы. Период в сфере борьбы с преступностью на рубеже 50–60-х гг. XX в. отмечался активным развитием криминального законодательства. Его дополняли принятые отдельные нормативные правовые акты, направленные на борьбу с правонарушениями и преступлениями, совершенствование правоохранительной системы, активное участие населения в этой работе. В то же время в обществе, его сегментах сохранялись, а в некоторых набирали силу негативные противоречия, издержки, которые подпитывали причины и условия преступности, определяли ее негативные изменения. В силу этого преступность отличалась своеобразием, негативными изменениями в проявлениях, спецификой причин и условий, отличительными чертами лиц, совершающих преступления. Однако специальные комплексные исследования преступности в указанный период не проводились, она изучалась в формате показа, как правило, работы органов внутренних дел, милиции. В опубликованных работах фрагментарно освещались причины и условия преступности, а результаты борьбы с преступностью в основном приводились положительные, причем за один-два года, которые были недостоверны, не отражали объективной картины развития криминала.

На устранение названного пробела направлен представленный ниже анализ преступности, который включает в себя 10 полноценных лет периода 1960–1969 гг., именуемого как «60-е годы XX века». Он отличается от приведенных в различных источниках сведений о преступности в 60-х, 70-х, 80-х гг. XX в. с выделением таких временных рамок 1951–1960, 1961–1970, 1971–1980, 1981–1990 гг., именуемых 50-ми, 60-ми, 70-ми, 80-ми гг. Предложенный нами подход, с нашей позиции, представляется более объективным как в числовом выражении, так и содержательном, так как преступность в 1951 г., 1961 г., 1971 г., 1981 г. не является одним из показателей периода 50-х, 60-х, 70-х, 80-х гг. XX в.

Рассматривая сведения о зарегистрированных преступлениях в 1960–1969 гг., следует иметь в виду, что их ежегодный учет осуществлялся без недостатков, характерных в силу объективных факторов для второй половины 40-х и 50-х гг. В их перечне – отсутствие до 1954 г. разграничения криминала на экономические виды, по линиям других служб, учет грабежей в перечне краж и др.

Общее количество преступлений, зарегистрированных в 1960–1969 гг., выглядит так: 1960 г. – 15 442, 1961 г. – 29 903, 1962 г. – 28 063, 1963 г. – 25 156, 1964 г. – 22 211, 1965 г. – 21 892, 1966 г. – 28 623, 1967 г. – 24 473, 1968 г. – 30 728, 1969 г. – 30 585 преступлений. Таким образом, количество преступлений в 1960–1969 гг. увеличилось почти в 1,4 раза при росте численности населения на 9,4 %; в 1950–1959 гг. рост криминала увеличился в 2,1 раза при увеличении населения на 6,2 %. Для сравнения укажем, что в 60-х гг. в СССР преступность увеличилась в 1,6 раза при росте населения на 14,4 %. В БССР рост произошел за счет преступлений по линии уголовного розыска в 1,6 раза, других служб – в 3,2 раза. Количество убийств с покушениями осталось на одном уровне, более чем в два раза уменьшилось количество разбоев. Увеличилось количество краж имущества почти в 2 раза, грабежей более чем в 3 раза, а также хулиганств – почти в 2 раза и изнасилований – в 2,2 раза. Зарегистрировано 8 фактов бандитизма.

Из анализа преступности следует, что ее структура в 1960-е гг. выглядит так: общеуголовные деяния составляли 53,1 %, экономические преступления – 17,8 %, преступления по линии иных служб – 29,1 %. Таким образом, деяния корыстной, насильственной и корыстно-насильственной направленности в общем объеме криминала составляли 70,9 %.

С учетом того, что статистические сведения с разграничением на три указанных вида в отчетности представлены более полно с 1954 г., для сравнения показателей в 50-х и 60-х гг. XX в. будем использовать сведения по 1959 г. и 1969 г. В 1959 г. структура преступности выглядела так: общеуголовные деяния – 47,8 %, по линии борьбы с экономическими преступлениями (БЭП) – 41,4 %, по линии других служб – 10,8 %, а в 1969 г. соответственно – 58,4 %, 15,6 %, 26 %. Таким образом, за десять лет более чем на одну пятую увеличился удельный вес общеуголовных преступлений, по линии других служб – в 2,4 раза, однако значительно, более чем на две третьих, снизился удельный вес экономических преступлений. Снижение экономических преступлений, на наш взгляд, объясняется их высокой латентностью, а также невысокой эффективностью работы правоохранительных органов по их выявлению.

Предоставленный вывод подтверждают данные о распространении в СССР «теневой экономики» в те годы. Так, по подсчетам специалистов, общие месячные расходы и сбережения в СССР в 1970 г. по сравнению с 1960 г. составили 216 % при росте зарплаты по сравнению с 1961 г. на 152 %. Например, в БССР число вкладов к 1970 г. по сравнению с 1960 г. увеличилось с 1 192 тыс. до 2 476 тыс., или более чем в два раза, а сумма вкладов – более чем в 5 раз, в то же время среднемесячная зарплата по всему народному хозяйству увеличилась с 63,2 р. до 106,4 р., т. е. выросла на 68 %.

Динамика таких видов преступности, как общеуголовная, экономическая и по линии других служб выглядит следующим образом. Общеуголовные деяния с 10 802 в 1959 г. по итогам 1969 г. увеличились до 17 863, или на 165 %; экономические снизились с 9 353 в 1959 г. до 4 756, или почти в 2 раза; по линии иных служб увеличились с 2 453 в 1959 г. до 7 966, или в 3,2 раза.

Структура и динамика отдельных общеуголовных преступлений. Количество убийств с покушениями за десять лет возросло с 280 в 1959 г. до 284 в 1969 г. – рост 1,4 %, удельный вес в объеме деяний данного вида составлял соответственно 2,3 и 1,6 %. Изнасилований в 1959 г. – 147, в 1969 г. – 324, количество увеличилось в 2,2 раза, удельный вес соответственно 1,3 % и 1,8 %. Кражи имущества в 1959 г. – 3 555, в 1969 г. – 6 059, рост – в 1,7 раза. Разбойных нападений в 1959 г. зарегистрировано 245, в 1969 г. – 92, снижение более чем в два раза, их удельный вес в общеуголовной преступности соответственно 2,3 % и 0,4 %. Грабежи, в силу особенностей их учета до 1961 г. сравнимы по итогам 1961 и 1969 гг. Их количество в первом случае было 204, а во втором – 748, рост составил 3,7 раза, удельный вес соответственно 1,5 % и 4,2 %. Хулиганств в 1959 г. зарегистрировано 2 851, в 1969 г. – 5 655, рост почти в два раза, удельный вес соответственно – 26,3 % и 31,6 %.

Уровень преступности на 100 тыс. населения. Данный показатель по БССР выглядит следующим образом: 1960 г. – 189, 1961 г. – 327, 1962 г. – 337, 1963 г. – 298, 1964 г. – 262, 1965 г. – 256, 1966 г. – 331, 1967 г. – 314, 1968 г. – 348, 1969 г. – 343. Таким образом, этот относительный показатель в БССР за 10 лет увеличился с 266 в 1959 г. до 343 в 1969 г., или на 29 %; в СССР соответственно с 294 до 306, или на 4 %. Для сравнения укажем, что в 1960 г. в США он равнялся 1 123, во Франции – 1 505, в ФРГ – 2 781, в Англии и Уэльсе – 1 606, в Японии – 1 601, в СССР – 306, в БССР – 189, что свидетельствует, судя по данному объективному показателю даже при его удвоении с учетом латентной части преступности, о низкой «пораженности» БССР и СССР криминалом.

Таковы более полные статистические данные о преступности в БССР в 1960–1969 гг., которые представляют собой информативно емкий криминологический материал для формулирования практически значимых выводов. Следующей задачей специалистов является изучение детерминант преступности, участников преступлений, действующей системы борьбы с криминалом в эти годы, что позволит разработать более эффективные меры в современных условиях.

УДК 343.3/.7

Е.Н. Бархатова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ СПОРТА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) предусматривает ответственность за некоторые преступления в сфере спорта (связанные с допингом и противоправным влиянием на результат официального спортивного соревнования). Однако судебная практика по данным статьям довольно скудная. За весь период существования ст. 184 «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» УК РФ к уголовной ответственности по ней привлечено только 14 человек (7 футболистов в 2022 г. и 7 гандболистов в 2025 г.). По «антидопинговым» нормам не осуждено ни одно лицо. В зарубежных государствах ситуация складывается подобным образом.

В связи с изложенным возникает вопрос о совершенствовании организации деятельности по противодействию преступлениям в сфере спорта.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о создании специализированного органа в исполнительных органах государств в сфере внутренних дел, к компетенции которого будут отнесены нарушения в сфере спорта (на примере России – в Министерстве внутренних дел (МВД)). Данное подразделение, на наш взгляд, должно быть самостоятельным и не входить в структуру ни одного из существующих подразделений МВД. Условно назовем его главное управление по борьбе с преступностью в сфере спорта (далее – управление). Структурные подразделения данного управления на уровне субъектов Российской Федерации и в районных и городских отделах полиции не предусматриваются ввиду отсутствия необходимости в таковых. Управление самостоятельно должно реализовывать функцию по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений в сфере спорта путем отслеживания значимых спортивных мероприятий, анализа информации о них, в результате обмена информацией с Российским антидопинговым агентством (РУСАДА) и международными спортивными организациями. Сотрудники управления должны пройти обучение, предполагающее ознакомление с основными документами, регламентирующими спортивную деятельность на международном и национальном уровнях, владеть основами антидопингового законодательства, знать правила отдельных видов спорта. Сотрудники данного подразделения также должны детально разбираться в деятельности букмекерских контор, уметь подбирать информаторов из числа лиц, имеющих отношение к сфере спорта. Наиболее активно в деятельности данного управления должны быть задействованы такие формы работы, как выезд в командировку и мониторинг информационных ресурсов.

Предполагается, что формирование данного подразделения должно осуществляться за счет набора новых сотрудников, но не перераспределения штатной численности существующих подразделений ввиду значительной нагрузки на последних. В связи с этим создание такого подразделения потребует значительных затрат со стороны государства.

Наряду с изложенным не стоит забывать, что к преступлениям в сфере спорта относятся не только обозначенные нами статьи, но и преступления иной направленности – со «спортивным окрасом»: мошенничество, хулиганство, преступления против жизни и здоровья, преступления экстремистской направленности. Полагаем, что данные преступления, возникающие в связи с проведением спортивных мероприятий, должны выявляться также специальным подразделением МВД, речь о котором шла выше. В рамках работы данного подразделения должны осуществляться сбор информации и предварительная проверка по указанным преступлениям, и в случае необходимости материалы должны передаваться в профильное подразделение либо оперативное сопровождение должно осуществляться совместно (так, например, материалы о преступлениях экстремистской направленности в спорте могут быть при необходимости переданы в соответствующее профильное подразделение).

Преступления против жизни и здоровья спортсменов, совершенные в рамках проведения официальных спортивных соревнований, требуют отдельного внимания. Их расследование подлежит оперативному сопровождению со стороны предлагаемого нами к созданию подразделения ввиду наличия у последнего (в перспективе, при условии ведения соответствующих накопительных дел, учетов) информации о взаимоотношениях спортсменов, их высказываниях, поведении на предыдущих соревнованиях и других материалов.

Кроме того, видится целесообразным внедрение в образовательных организациях исполнительных органов государств в сфере внутренних дел образовательных программ по подготовке спортивных юристов либо отдельных учебных дисциплин в уже существующие образовательные программы, в том числе в программы магистратуры. Такая мера позволит готовить узких специалистов собственными силами. Так, например, Восточно-Сибирский институт МВД России с 2026 г. начинает реализацию учебной дисциплины «Уголовно-правовая охрана спорта» в рамках основной профессиональной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, направленность (профиль) – «Проблемы применения уголовного закона, профилактики и расследования преступлений».

Завершая размышления по поводу организации деятельности МВД России по противодействию преступлениям в сфере спорта, обратимся к положениям Глобального доклада ООН о коррупции в спорте. Одной из рекомендаций, данных государствам по итогам исследования организованной преступности в спорте, является следующая: «Правительства могут активизировать усилия по борьбе с организованной преступностью в сфере спорта путем развития потенциала правоохранительных органов и органов уголовного правосудия для борьбы с организованной преступностью в спорте, в том числе путем внедрения учебных программ и создания специализированных органов, располагающих надлежащими финансовыми, техническими и людскими ресурсами».

УДК 343.9

Т.И. Вишневская

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Инновационный арсенал злоумышленников непрерывно обогащается. Противодействие криминально-цифровой глобализации требует парадигмального сдвига в подходе к обеспечению планетарной кибербезопасности. Архиважным сегодня становится активное внедрение НБИКС-технологий в правоохранительную деятельность, направленную на обеспечение защиты личности, общества и государства от преступности в реальном и виртуальном измерении. Именно они представляют собой важнейшие разработки современности, объединяющие нано-, био-, информационные, когнитивные и социальные технологические инновации, позволяющие обеспечить единый контур противодействия современным вызовам и угрозам.

Когнитивные или познавательные технологии (технологии мышления) представляют собой информационные технологии, описывающие основные мыслительные процессы человека.

Нейронаука, изучающая мозг и нервную систему с помощью электрических, магнитных, онтогенетических и др. средств, позволяет понять сущность психики человека, установить причинно-следственную связь между поступками и состоянием мозга. Следовательно, нейронаука может исследовать и сделать определенные выводы о характеристике личности конкретного индивида, в том числе о личности, совершившей преступление. И. Кант говорил, что если бы психика была наблюдаема, то поведение человека можно было бы предсказывать на будущую перспективу с такой же точностью, как лунное или солнечное затмение.

Следует отметить, что использование нейронауки дает возможность не только получить информацию о центральной нервной системе, но и позволяет вмешиваться в психические процессы человека для воздействия на психические и когнитивные функции. С развитием искусственного интеллекта, предоставляющего возможность обрабатывать и анализировать большое количество нейроданных, возможности применения нейротехнологий многократно возрастают: «чтение мыслей» и «управление мыслями». Устройства, устанавливающие прямое соединение между мозгом и внешними техническими устройствами, позволяют обмениваться информацией и использовать ее для генерации команд, направленных на управление внешними техническими устройствами – интерфейс «мозг-компьютер».

В противодействии преступности нейротехнологии помогают собрать необходимую криминологическую информацию о человеке для осуществления прогнозирования и предупреждения криминального и виктимного поведения. Например, нейронаука может диагностировать расстройства нервной системы человека, оценить их влияние на сознание, поведение, своевременно оказать профилактику и лечение неврологических и психиатрических заболеваний, тем самым предупредить преступные и иные асоциальные действия. Кроме того, существующие томографы позволяют более точно обнаружить ложь, анализируя активность мозга, и могут помочь прояснить правдивость показаний, полученных судом, действительно ли участники процесса помнят происшедшее, испытывают ли боль и страдания те, кто считают себя потерпевшими.

Конвергенция когнитивных и информационных технологий связана с возможностью их самоорганизации в процессах обучения, принятия решений, распознавания образов (компьютерное зрение, распознавание речи, обработка языка). Так, компьютерная обработка изображения лица позволяет определять эмоциональное состояние человека и с частотой две тысячи раз в секунду фиксировать движения его глаз, отражающих уровень и направленность внимания. Что помогает, например, контролировать состояние водителей автомобилей и предупреждать аварии на транспорте, выявлять лиц, склонных

к насилию, предупреждать насильственную преступность. Кроме того, исключительно перспективно использовать конвергенцию когнитивных и информационных технологий для усиления человеческого интеллекта.

Учитывая развитие НБИКС-технологий, полагаем возможным прогнозировать создание и включение в борьбу с цифровой преступностью киберорганических систем – киборгов, представляющих собой симбиоз био- и когнитивных технологий. Вживление в биологический организм механических приспособлений (механические компоненты, протезы, имплантаты) создает условия для постепенной киборгизации человека.

Вместе с тем проникновение в человеческий разум и сознание, доступ к мыслям, внутренним психическим процессам или оказание на них прямого воздействия требует соблюдения этических норм. Доклад Консультативного совета по правам человека ООН провозглашает «Нейротехнология: уникальная технология с разрушительным эффектом». Особая опасность сегодня – нейрохакинг, который представляет собой «умышленное противоправное воздействие на нейронные процессы человека посредством использования нейротехнологических средств и методов, совершаемое без согласия лица или с его согласия, полученного под влиянием обмана, и направленное на получение несанкционированного доступа к информации, хранящейся в мозге, манипулирование сознанием, поведением или психоэмоциональным состоянием человека». Соответственно, развитие и использование нейротехнологий требует формирования соответствующей нормативной базы, позволяющей обеспечить защиту нейроправ личности.

Многие из перечисленных выше технологий все еще находятся на стадии пилотных проектов или лабораторных работ, но отдельные технологии постепенно начинают внедряться и оказывать содействие в противодействии криминалу. Мир находится на пороге формирования новой системы противодействия преступности, ядром которой становятся конвергентные НБИКС-технологии.

УДК 343.24

П.Н. Высоцкая

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Целью уголовной ответственности является исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. При этом применение уголовной ответственности влечет за собой состояние судимости у лица. Правоотношения, возникающие в процессе и по поводу реализации уголовной ответственности, многообразны и вариативны, поэтому состояние судимости предполагает дифференциацию правовых ограничений, которые устанавливаются в отношении осужденного. Такое положение обусловлено широким спектром форм реализации уголовной ответственности в отечественном уголовном законодательстве.

Применение каждой из форм реализации уголовной ответственности оказывает определенное специфическое (свойственное только этой форме) воздействие на осужденного, что порождает различные юридические и личные последствия для конкретного лица. Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь предполагает применение наказаний, изолирующих лицо от общества, а также наказаний, не связанных с изоляцией от общества, или применение иных мер уголовной ответственности. Кроме того, в Республике Беларусь законодательно предусмотрены меры посткриминального (постпенитенциарного) контроля: профилактическое наблюдение и превентивный надзор. Данные меры тоже подразумевают соблюдение лицами, отбывшими наказание, некоторых правовых предписаний, неисполнение которых влечет за собой юридическую ответственность, вплоть до уголовной.

Вместе с тем помимо установления правоограничений осужденные нуждаются в получении индивидуальной помощи со стороны государства, а именно: в трудовом и бытовом устройстве, восстановлении социальных связей, получении медицинской, психологической и юридической помощи, получении образования. Резюмируя изложенное, отметим, что в Республике Беларусь в настоящее время не имеется комплексного социально-правового подхода к деятельности по сопровождению лиц, привлеченных к уголовной ответственности или отбывших наказание.

Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г., рекомендуют всем странам-участницам шире использовать в судебной практике наказания, не связанные с лишением свободы, смещать вектор пенитенциарных систем в сторону социальной поддержки. Международная практика также свидетельствует о значительном прогрессе отдельных стран в развитии служб по исполнению уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, приданию им в первую очередь функций социального характера.

В настоящее время в законодательстве многих стран, в том числе Республики Беларусь, наблюдается тренд прева-лирования наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Об этом же говорится в п. 43 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196: «Следует расширять на практике применение наказаний, альтернативных лишению свободы, и иных мер уголовно-правового воздействия за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления, включая меры принудительного характера в отношении несовершеннолетних». Так, в 2024 г. в 56,7 % случаев от общего количества рассмотренных уголовных дел с вынесением приговора судами избраны наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, в первом полугодии 2025 г. – 57,8 %, тогда как в 2014 г. такие наказания избирались только в 46,8 % случаев. При этом, анализируя количество лиц, уже имеющих судимость на момент постановления приговора, наблюдается существенное снижение их удельного веса в общем числе осужденных (60,1 % в 2010 г.; 45,7 % в 2020 г.; 36,6 % в 2023 г.).

Стоит отметить, что невозможно эффективно организовать исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, используя только правоограничения, предусмотренные порядком и условиями отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности. Для достижения цели исправления, предупреждения рецидива преступлений необходима также социально-правовая поддержка со стороны государства в лице специализированных органов, выполняющих функцию пробации.

Развитию института пробации уделяется много внимания в странах постсоветского пространства. В настоящее время во всех этих странах, за исключением Республики Беларусь, Республики Таджикистан и Туркменистана, создается и активно развивается институт пробации, задачи которого дифференцируются в зависимости от особенностей законодательства страны. Функциями пробации является не только реализация уголовной ответственности, но и проведение социальной, психологической работы, оказание осужденным помощи в выходе из трудной жизненной ситуации во взаимодействии с другими государственными органами и общественными организациями.

Особое внимание необходимо обратить на законодательство Российской Федерации, как государства-участника, образованного совместно с Республикой Беларусь Союзного государства, одной из целей которого является формирование единой правовой системы демократического государства, в том числе путем гармонизации и унификации законодательства государств-участников. Так, в 2023 г. в Российской Федерации введен в действие новый институт, предметом которого являются общественные отношения, возникающие в сфере организации и функционирования пробации.

Отметим, что пробационная деятельность, как правило, включает в себя: обеспечение исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества; контроль за соблюдением установленных судом обязанностей при отбывании иных мер уголовной ответственности; посткриминальное сопровождение лиц, отбывших наказание; разработку индивидуальных программ социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы; осуществление конкретных мероприятий по ресоциализации таких лиц; подготовку досудебных докладов о личности подсудимого; выполнение функции медиатора при примирении осужденного с потерпевшим.

Изложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения перспектив внедрения в Республике Беларусь механизма комплексного социально-правового сопровождения осужденных при реализации уголовной ответственности.

УДК 343.9

М.Н. Гаврилюк

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ВИКТИМИЗАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Актуальность проблемы профилактики виктимизации сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь (далее – сотрудники ОВД) в условиях экстремальных ситуаций служебной деятельности обоснована тем, что ежедневно сотрудники ОВД выполняют задачи в обстоятельствах динамически изменяющейся обстановки, часто сопряженных с повышенным риском для жизни и здоровья. Виктимизация в подобных условиях представляет собой не только трагические случаи гибели или ранения, но и комплексный процесс, включающий в себя психологические травмы, профессиональное выгорание, социальную дезадаптацию и, как следствие, снижение оперативной эффективности всей системы.

В юридической и психологической науках под профессиональной виктимизацией сотрудников ОВД понимается совокупность условий и факторов, повышающих вероятность причинения субъектам служебной деятельности вреда при исполнении должностных обязанностей, а также негативные последствия, наступающие в результате такого вреда.

Экстремальная ситуация в служебной деятельности – это всегда событие, выходящее за пределы обычных и выходящее субъекта профессиональной деятельности на порог индивидуальной адаптивности, связанное с прямой необходимостью применения оружия, физической силы и специальных средств, потребностью немедленного принятия решений в условиях дефицита времени и информации. В представленных обстоятельствах профилактика виктимизации должна быть не просто набором разрозненных мер, а целостной системой, интегрированной в правовое поле и управленческую практику.

Основным нормативным каркасом профилактики виктимизации сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях в настоящее время выступает Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД). Его безусловными достоинствами в контексте рассматриваемой тематики являются четкая регламентация применения физической силы, специальных средств и оружия.

Так, гл. 5 (ст. 26–30) детально прописывает условия, пределы и последовательность действий сотрудников ОВД, что, по сути, является первичной нормативной мерой профилактики – установлением безопасных алгоритмов поведения в обстоятельствах выполнения служебных обязанностей в экстремальных ситуациях.

Одновременно закрепление особого правового статуса сотрудника ОВД нашло свое отражение в ст. 35 Закона об ОВД. Данная норма обеспечивает признание субъекта служебной деятельности представителем власти, находящимся под особой защитой государства, что создает важную правовую презумпцию. Ведь именно описанный особый правовой статус сотрудника формирует развитый институт социальных и страховых гарантий, закрепленный в ст. 40, 41 Закона об ОВД, устанавливающих механизмы материальной компенсации вреда.

Невзирая на четкую регламентацию обстоятельств применения физической силы, специальных средств, оружия и техники, слабо отражены вопросы минимизации факторов индивидуальной виктимизации сотрудника (расчет численности сил и средств при реализации должностных обязанностей в различных ситуациях служебной деятельности, экипировки, средств

связи, психофизиологическая подготовка и медико-психологическое сопровождение). Действующая нормативная база, регламентирующая служебную деятельность сотрудников ОВД в экстремальных ситуациях, ориентирована преимущественно на ликвидацию последствий, а не на упреждение причин виктимизации.

В настоящий момент законом не предусмотрены:

психологическое сопровождение в ходе подготовки и проведения спецопераций;

реабилитационные программы для сотрудников, переживших экстремальное событие, для профилактики посттравматического стрессового расстройства и профессионального выгорания;

системность регулирования обучения (отсутствуют нормы, закрепляющие обязательность регулярных, максимально приближенных к реальности тактико-специальных учений и тренингов, моделирующих экстремальные ситуации, с последующим психологическим и правовым разбором).

Необходимо отметить, что профилактика виктимизации сотрудников ОВД – это не просто социальная или кадровая задача. Это фундаментальное условие поддержания правопорядка и национальной безопасности. Совершенствование нормативного регулирования в этом направлении позволит перейти от модели «реагирование и компенсация» к модели «предупреждение и устойчивость».

Научно обоснованные правовые изменения создадут не только более безопасные условия службы, но и повысят доверие общества, эффективность работы органов внутренних дел, а главное – сохранят жизни и здоровье сотрудников, стоящих на страже закона.

УДК 343.265.2

Т.М. Закиров

РОЛЬ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА О ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ

В современный период развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации особое значение приобретает поиск объективных и справедливых критериев применения институтов досрочного освобождения от наказания из мест лишения свободы.

Традиционно в качестве основных юридически значимых обстоятельств для решения вопроса о возможности досрочного освобождения рассматриваются поведение осужденного, его отношение к труду и учебе, участие в воспитательных мероприятиях, наличие у него поощрений и взысканий. Однако применительно к взысканиям, полученным в следственном изоляторе (СИЗО), общие подходы применения не выработаны в связи с отсутствием их точного нормативного закреплённого понимания и интерпретации.

Для более подробного рассмотрения обозначенной проблемы обратимся к материалам судебной практики. Осужденному Ш. Зеленодольский городской суд Республики Татарстан постановлением от 29 июля 2024 г. отказал в замене неотбытой части лишения свободы принудительными работами. Причиной отказа послужили 2 факта привлечения к дисциплинарной ответственности гражданина Ш. в период содержания под стражей, а также недостаточное количество поощрений за 2022 г. Из материалов дела следует, что осужденный Ш. имел 2 взыскания в период его содержания в СИЗО, которые к моменту рассмотрения ходатайства были погашены. По прибытии в исправительную колонию (ИК) сразу трудоустроился, прошел обучение в образовательном учреждении при ИК по специальности «Оператор котельной»; за добросовестное отношение к труду, хорошее поведение и активное участие в воспитательных мероприятиях поощрялся 6 раз; администрацией ИК характеризуется положительно. Шестой кассационный суд общей юрисдикции своим постановлением от 22 января 2025 г. № 77-102/2025 отменил решения судов нижестоящей инстанции и вернул материалы дела на новое рассмотрение.

Осужденному П. постановлением от 21 июля 2021 г. Промышленный районный суд г. Самары Самарской области отказал в условно-досрочном освобождении, ссылаясь на нестабильное поведение, которое выразилось в наличии 11 нарушений режима содержания под стражей в СИЗО. Причем за 7 нарушений режима содержания подследственный П. привлекался к дисциплинарной ответственности, и администрация СИЗО 4 раза ограничилась проведением профилактических бесед. Непосредственно отбывая наказание в ИК, осужденный П. нарушений правил внутреннего распорядка не допускал, поощрялся 8 раз, качественно выполнял законные требования администрации исправительного учреждения, был переведен в облегченные условия отбывания наказания.

Суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу, что осужденный нуждается в полном отбытии наказания, так как допущенные нарушения, по мнению судов, учитываются при решении вопросов об условно-досрочном освобождении по причине зачета срока содержания под стражей в общий срок отбывания наказания. С такой позицией Шестой кассационный суд общей юрисдикции не согласился и постановлением от 5 апреля 2022 г. № 77-1815/2022, отменил решения судов нижестоящей инстанции, вернув материалы дела в районный суд.

Несмотря на то что срок содержания под стражей входит в срок наказания, взыскания, полученные в СИЗО до осуждения, не должны иметь решающего значения при вынесении решения о досрочном освобождении по следующим причинам. Именно в период отбывания наказания в ИК поведение осужденного поддается целенаправленному исправительному воздействию со стороны государства. Вместе с тем дисциплинарные взыскания, наложенные в СИЗО, относятся к совершенно иному правовому режиму. В СИЗО лицо содержится как подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, к нему применяется мера пресечения, а не наказание. Задачей администрации является прежде всего обеспечение режима содержания под стражей и нормального течения уголовного судопроизводства, а не систематическое исправление личности. И поэтому инсти-

тут дисциплинарной ответственности в СИЗО по своему характеру и целям принципиально отличается от дисциплинарных взысканий в ИК, которые уже встроены в систему средств исправления осужденных.

Более того, в СИЗО отсутствует полноценная, развернутая система воспитательной работы, аналогичная той, что реализуется в ИК. Осужденные в ИК включены в трудовую деятельность, образовательные программы, психологическую и социальную работу, различные воспитательные мероприятия. В СИЗО такого устойчивого и структурированного процесса, как правило, нет: условия содержания здесь обусловлены задачами расследования и судопроизводства, а не системным исправлением. Следовательно, говорить о «процессе исправления» в собственном юридическом смысле применительно к периоду нахождения в СИЗО некорректно; он начинается именно с момента поступления в исправительное учреждение для отбывания наказания.

Применение дисциплинарных взысканий, наложенных в СИЗО, в качестве самостоятельного основания для отказа в досрочном освобождении фактически придает им ретроспективный карательный эффект. Иначе говоря, меры, примененные в период, когда лицо еще не являлось осужденным и когда ни о каком исполнении приговора речи не шло, начинают играть роль фактора, ухудшающего правовое положение уже осужденного на стадии возможного применения к нему поощрительной меры. Это противоречит как принципу законности и справедливости, так и самой логике презумпции невиновности: дисциплинарные нарушения в условиях меры пресечения не должны превращаться в дополнительное «наказание задним числом» и ограничивать возможности, связанные уже с периодом официального отбывания наказания.

Если же допустить отказ в досрочном освобождении только на основании наличия взысканий в СИЗО, можно прийти к размыванию границ между стадией предварительного заключения и стадией реального исполнения наказания. Меры, примененные в совершенно ином режиме и при ином статусе лица, будут неоправданно влиять на оценку его поведения как осужденного и снизят стимулирующий потенциал института досрочного освобождения. Осужденный в таком случае может прийти к выводу, что его усилия сегодня не будут иметь решающего значения, так как прошлые дисциплинарные проступки в СИЗО уже предопределили его перспективы.

По совокупности этих обстоятельств дисциплинарные взыскания в СИЗО могут использоваться только как дополнительный (факультативный) критерий при характеристике личности, требующий критической оценки с учетом условий их возникновения. Однако они не должны и не могут выступать самостоятельным и тем более решающим основанием для отказа в досрочном освобождении. Оценка исправления и вывод о возможности применения досрочного освобождения должны строиться на всестороннем и объективном анализе поведения осужденного именно в период отбывания наказания в исправительном учреждении в рамках того правового режима, для которого досрочное освобождение и предусмотрено.

УДК 343.92 + 343.97

Л.Л. Зубарева

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Формирование преступности рассматривается под воздействием влияния различных факторов, в том числе внешних (кризисы глобального характера, экологические катастрофы, перенаселение, пандемии и пр.), следствием которых является рост нестабильности, влияющей на социальную среду. В условиях глобализации мощным инструментом политического и экономического давления на страны стали санкции, в связи с чем причинная обусловленность преступности подлежит более детальному изучению, так как экономический фактор – одна из важнейших детерминант преступности. Использование санкций в качестве инструмента реализации политики имеет свою историю: санкционные режимы в виде торговых блокад, эмбарго и протекционистской политики (аналоги современных санкций) приводили к росту нестабильности, теневой экономики и преступности. Начиная с XX в. применение санкций значительно выросло, что обусловлено глобализацией и взаимопроникновением экономических систем различных стран. С 50-х гг. XX в. санкции применялись примерно полторы тысячи раз. По состоянию на март 2022 г. порядка двадцати пяти стран испытывают санкционное давление, при этом согласно результатам проведенных исследований эффективно оно менее, чем в 20 % случаев (Институт международной экономики Петерсона).

Цель реализации санкций – в «мягком» воздействии на страну без применения военных действий, ее ослабление и политическое поражение. Современные санкции отличаются большей изощренностью и комплексностью, их ограничения могут касаться не только экономической, но и других сфер деятельности государства. Ситуации в Иране и Венесуэле, примеры стран, находящихся под длительными жесткими санкциями, свидетельствуют о ряде изменений в преступности после их введения: преступные группировки стали более гибкими и изощренными (разнообразили маршруты контрабанды, стали активно использовать криптовалюту и создавать сложные структуры для отмывания доходов), произошел рост наркотрафика. Усугубляя экономический кризис, санкции привели к росту имущественных преступлений как средству выживания населения. Расширили сферы влияния преступные синдикаты, взяв под контроль нелегальный импорт дефицитных товаров. Таким образом, экономические санкции, выступая инструментом политического давления, создают и комплекс непреднамеренных последствий: их влияние не ограничивается экономикой, а порождает комплекс криминогенных факторов, создает благоприятную среду для преступности и в итоге наносит ущерб населению. Верховный комиссар ООН по правам человека Ф. Тюрк в сентябре 2023 г. на сессии Совета ООН по правам человека подчеркнул, что санкции против целых секторов экономики создают угрозы для жизнеобеспечения: мешают работе систем здравоохранения и образования, подрывают доступ к жилью, работе и социальной защите. Таким образом, санкции являются своеобразным «инструментом воздействия» на криминальную среду.

Создавая искусственные барьеры в экономике, санкции разрушают традиционные экономические связи. Так, после введения странами Запада санкций в 2022 г. часть иностранных компаний ушли с рынка Российской Федерации и Республики Беларусь. Ограничение доступа к финансовым системам (SWIFT) направлено на изоляцию стран от международной финансовой системы и влияет на импорт товаров через третьи страны. Следствием указанных ограничений стало использование криптовалют, альтернативных систем расчетов и преступных схем с электронными кошельками. Организованные преступные группы активно используют технологии с применением искусственного интеллекта для мошеннических схем (генерации контента, использования нейросетей для создания фейковых документов и мошеннических текстов), социальную инженерию (ИИ-ассистенты) для фишинга и обмана пользователей. Киберпреступность создает угрозы роста фактов кибермошенничеств, атак на финансовый сектор и критическую инфраструктуру, использования даркнет-маркетплейсов как платформы для анонимной торговли наркотиками, оружием, данными и пр. Криптографические средства (например, VPN) становятся опасными инструментами для усиления анонимности. Санкционные режимы против отдельных государств создают условия для трансформации организованной преступности, подталкивая преступные организации на адаптацию маршрутов и методов, что приводит к качественным изменениям данной разновидности криминала. Таким образом, выявление и изучение основных криминологических рисков и трансформаций преступности, вызванных действием экономических санкций, является важной и актуальной задачей исследования причинного комплекса преступности на современном этапе.

Одним из ключевых криминогенных факторов, порождаемых санкциями для любого государства, является экономическая реакция (например, рост инфляции) и снижение доходов населения, особенно в секторах, зависимых от импорта и экспорта. При отсутствии соответствующих контрмер со стороны государства указанные факторы создают криминогенный эффект, который проявляется в росте экономических преступлений, корыстной и корыстно-насильственной преступности, формировании «серых» и «черных» рынков. Сложности с проведением легальных международных расчетов создают риски роста контрабанды, незаконного оборота санкционных товаров, создания теневых логистических цепочек, ухода бизнеса в «тень». Ограничения международного сотрудничества способны при этом вызвать сложности в обмене оперативной информацией между правоохранительными органами, что способствует активизации транснациональной организованной преступности, усложнению розыска преступников и возврата активов.

Санкции против Республики Беларусь со времени образования суверенного государства вводились поэтапно: первый этап (2004–2006 гг.) связан с введением со стороны Европейского союза (ЕС) и США визовых запретов для высших должностных лиц, заморозкой отдельных активов и принятием США «Акта о демократии в Беларуси», закрепляющего санкционный подход по отношению к нашей стране. На втором этапе (2010–2012 гг.) ЕС и США санкции ужесточили, расширив санкционные списки (включены компании «Белнефтехим», «Белтехэкспорт») и введя запрет на торговлю отдельными товарами. В ходе третьего этапа (2020–2021) ЕС, США, Великобритания, кроме расширения санкционных списков, ввели секторальные экономические санкции (запреты на поставки нефтепродуктов, калийных удобрений), ограничения для финансового сектора, на доступ к технологиям и товарам двойного назначения. С 2022 г. (четвертый этап) на Республику Беларусь распространили основные пакеты санкций, принятых против России, они стали системными и экономическими, несколько белорусских банков отключены от SWIFT, введены экспортные и импортные ограничения на ряд товаров, приносящих значительный доход.

В целях минимизации криминогенных рисков и преодоления последствий введенных санкций важно осуществлять политику, направленную на обеспечение безопасности национальной экономики и социальной сферы, выстроить действенную защиту интересов страны посредством:

- совершенствования национальной экономической модели, усиления контроля за наиболее уязвимыми секторами экономики, наращивания объема отраслей производства экспортных товаров;

- укрепления международного сотрудничества, поиска новых каналов взаимодействия с дружественными странами, создания инвестиционных проектов с ними, а также новых логистических маршрутов;

- проведения социальных программ, направленных на предотвращение экономической напряженности и корыстно-насильственных преступлений;

- совершенствования технологического развития правоохранительных органов, усиления кибербезопасности, использования систем отслеживания криптовалютных операций и анализа больших данных, жесткого преследования организованной преступности и применение дифференцированных восстановительных подходов к случайным «кризисным» преступникам.

УДК 343.9

Д.В. Иванович

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ ВОДИТЕЛЕЙ КАК ОДНО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 317 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Стремительное развитие дорожно-транспортной инфраструктуры, связанное с модернизацией существующих и появлением новых видов транспортных средств (ТС), широким использованием средств персональной мобильности, значительное увеличение интенсивности дорожного движения и повышение уровня автомобилизации населения при старении автопарка определяют необходимость постоянного повышения интенсивности и эффективности реализуемого государством комплекса мер по обеспечению безопасности дорожного движения, соответствующих актуальным угрозам и рискам, сопровождающим динамичное развитие рассматриваемой сферы.

Наибольшего внимания в контексте обеспечения безопасности дорожного движения требует предупреждение преступления, предусмотренного ст. 317 «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), по причине тяжести последствий, которые часто превосходят вред от совершения умышленных преступлений: менее тяжкого телесного повреждения, тяжкого телесного повреждения, смерти одного лица или нескольких лиц.

Повышение качественной подготовки водителей ТС необходимо определить как одно из основных направлений профилактики преступления, предусмотренного ст. 317 УК, что подтверждается его отражением в Концепции обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2023 г. № 329. Кроме того, на необходимость повышения уровня профессиональной подготовки будущих водителей в ходе рабочего совещания в МЭО ГАИ ГУВД Мингорисполкома 12 марта 2025 г. указал Министр внутренних дел Беларуси И. Кубраков.

Объективным показателем подготовки водителей является степень автоматизации навыков по управлению ТС. В настоящее время автошколы не обеспечивают индивидуальный подход при обучении, несмотря на то что обучающиеся в силу разных характеризующих их свойств по-разному воспринимают, запоминают и актуализируют полученную в ходе обучения информацию. Отдельные автошколы предлагают факультативные занятия по управлению ТС за дополнительную плату, однако приобретение таких занятий остается правом, а не обязанностью обучающегося. Считаем необходимым осуществлять подготовку водителей ТС в автошколах на основании индивидуального подхода, который должен заключаться в обеспечении возможности принятия педагогами решения об увеличении количества часов практических занятий по управлению ТС отдельным обучающимся.

Сегодня почти каждая автошкола располагает тренажером-симулятором (автотренажером), который в большинстве случаев используется в качестве подготовительной базы перед началом практических занятий, что является не самым эффективным направлением. Полагаем, что использование автотренажеров для формирования умений и навыков вождения в экстремальных условиях обладает наибольшим потенциалом по формированию безопасного водителя, что должно найти отражение в примерных программах профессионального обучения водителей ТС соответствующих категорий и подкатегорий.

Кроме того, большое значение имеет психологическая подготовка водителей ТС. Проведенное исследование показало, что нередким исключением является совершение рассматриваемого преступления в связи с эмоциональной неустойчивостью водителя, что свидетельствует о необходимости осуществления углубленной психологической подготовки с целью формирования устойчивой готовности к возможному возникновению опасной ситуации при осуществлении дорожного движения.

Большинство преступлений, предусмотренных ст. 317 УК, совершаются в период интенсивного потока ТС. В то же время маршрут практического занятия по управлению ТС традиционно планируется с учетом интенсивности потока ТС для обеспечения безопасности как будущих водителей, так и иных участников дорожного движения, несмотря на то, что после окончания обучения в автошколе и успешной сдачи экзамена в ГАИ обучающемуся придется столкнуться с интенсивным движением и уметь принимать правильные решения при быстро меняющейся дорожной обстановке. По этой причине формирование таких навыков должно осуществляться в рамках обучения в автошколе, и целесообразным является планирование практических занятий по управлению ТС не только по маршруту, обеспечивающему безопасное обучение, но и в условиях интенсивного движения. Вместе с тем стоит отметить, что подобные занятия должны быть организованы ближе к окончанию обучения при условии уже сформировавшихся навыков по управлению ТС у обучающегося.

Наряду с повышением уровня подготовки водителей ТС важным аспектом является проведение экзамена для получения водительского удостоверения. В соответствии с новой редакцией Инструкции о порядке приема квалификационных экзаменов на право управления механическим ТС (за исключением колесного трактора) экзаменуемый, не сдавший экзамен, допускается к повторному экзамену не ранее чем через 10 дней со дня, следующего за днем последнего экзамена. До изменений лицо, не сдавшее экзамен, могло предпринять повторную попытку на седьмой день, а в случае неуспешной сдачи первых трех попыток четвертая и последующие попытки сдачи экзамена назначались не ранее, чем через месяц. Такое изменение определено тем, что перерывы в месячный срок являются слишком длительными, и граждане не только не улучшают свои навыки по управлению ТС, но ухудшают их. Установленный 10-дневный срок предоставлен для того, чтобы экзаменуемый сделал выводы из своих ошибок и смог их устранить, и, объективно говоря, даже в 10-дневный срок лицо может взять дополнительные занятия по управлению ТС и подготовиться к успешной сдаче экзамена.

Вместе с тем эффективность принятых государством изменений может быть продемонстрирована только осуществлением мониторинга, который будет отражать следующие показатели: 1) количество нарушений требований ПДД, допускаемых лицами, получившими водительское удостоверение на право управления ТС, в первые два года; 2) количество дорожно-транспортных происшествий, совершенных лицами, получившими водительское удостоверение на право управления ТС, в первые два года; 3) количество преступлений, совершенных лицами, получившими водительское удостоверение на право управления ТС, в сфере дорожного движения в первые два года.

Кроме того, положительным нам видится опыт российского законодателя, заключающийся в установлении градации штрафных баллов в зависимости от допускаемых ошибок при сдаче практической части экзамена на получение водительского удостоверения. В Беларуси экзаменуемый считается сдавшим экзамен, в случае если допустил не более двух ошибок за время следования по маршруту, однако отдельно отмечаются ошибки, при допущении которых лицо считается не сдавшим экзамен. На наш взгляд, установление градации штрафных баллов в зависимости от допускаемых ошибок является более объективной и прозрачной по отношению к экзаменуемому.

Таким образом, совершенствование программы подготовки водителей ТС должно быть направлено на реализацию мер, заключающихся в обеспечении индивидуального подхода при обучении в автошколе в зависимости от биофизиологических особенностей человека, формирования необходимых для безопасного вождения умений и навыков по управлению ТС не только в типичных, но и экстремальных ситуациях, а также оптимизации экзамена на получение водительского удостоверения.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОЦЕНКА КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Проблема предупреждения преступности среди несовершеннолетних является одной из наиболее актуальных и социально значимых задач современного общества. В условиях стремительных изменений социально-экономической среды, роста информационных технологий, трансформации, в ряде случаев деградации семейных и общественных институтов подростковая преступность представляет собой сложное явление, требующее комплексного подхода к его познанию и криминологической оценке состояния.

Преступность несовершеннолетних является составной частью общеуголовной преступности, но имеет свои специфические особенности, которые обусловлены отличиями психического и нравственного развития несовершеннолетних, их социальной незрелостью. Подростки, совершающие преступления, как правило, не представляют себе ни реальной социальной значимости своих действий, ни их вероятных результатов, ни тех последствий, которые могут наступить лично для них.

Среди ключевых особенностей рассматриваемого вида преступности следует выделить преимущественно групповой характер совершаемых несовершеннолетними противоправных деяний. Доля групповых преступлений, совершаемых лицами в возрасте от 14 до 18 лет, составляет около 35–40 % в структуре всей преступности несовершеннолетних. Развитие информационных технологий, доминирование в общественной жизни социальных сетей также выступает значимой детерминантой групповой подростковой преступности.

Необходимо также отметить еще одну важную особенность преступности несовершеннолетних – повышенный уровень латентности. Существует несколько причин, почему преступления, совершаемые подростками, часто остаются за пределами правового регулирования. Одной из них является факт того, что довольно часто взрослые не разглашают о совершенных преступлениях несовершеннолетними, надеясь на дальнейшее исправление подростка. К другой причине можно отнести ситуации, когда противоправные деяния совершаются среди сверстников, которые не предпочитают делиться конфликтами со взрослыми людьми. К еще одной причине можно отнести ситуации, когда взрослые не сообщают о данных преступлениях из-за возможной негативной оценки своей воспитательной деятельности. По мнению специалистов, несовершеннолетними совершается примерно в 2,5 раза больше преступлений, чем зарегистрировано. В результате безответственности за преступления несовершеннолетние воспринимают преступное поведение как допустимое, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему развитию преступности среди указанной категории лиц.

Остановимся более подробно на оценке основных показателей преступности лиц рассматриваемой возрастной группы.

В настоящее время в Республике Беларусь доля преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в общей массе преступности относительно невелика. Так, если в 1981 г. она составляла 15 %, то уже в 2017 г. – 2,4 %, в 2018 и 2019 гг. – 2 %, в 2020 г. – 1,5 %, в 2021 г. – 1,6 %, в 2022 г. – 1,7 %, в 2023 г. – 1,6 %, в 2024 г. – 2 %.

Динамику преступности несовершеннолетних, ее тенденции можно охарактеризовать следующими показателями: в 2000 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, предварительное расследование по которым окончено, составило 8 676, в 2010 г. – 3 912, в 2015 г. – 2 878, в 2020 и 2021 гг. – 1 393, в 2022 г. – 1 530, в 2023 г. – 1 353, в 2024 г. – 1 436 преступлений. Таким образом, наблюдая и рост, и снижение подростковой преступности в Республике Беларусь, в целом мы можем констатировать сокращение ее в шесть раз по сравнению с 2000 г.

Говоря о структуре преступности несовершеннолетних, следует указать, что наиболее распространенными преступлениями среди подростков, традиционно являются кража, хулиганство, преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотиков, мошенничество, хищение имущества путем модификации компьютерной информации, грабеж и угон транспортного средства. Однако с учетом динамично развивающегося общества, структура преступности несовершеннолетних в последние годы претерпела значительные изменения.

Так, если в 2020 г. из общего числа осужденных несовершеннолетних к уголовной ответственности за совершение краж было привлечено 39 %, то по итогам 2024 г. этот показатель снизился в два раза и составил 20 %. Уменьшилось количество хулиганств, совершаемых данной категорией лиц, – с 22 % в 2020 г. до 18 % в 2024 г., угонов транспортного средства – на 3 % по отношению к базовому 2020 г. Процентная составляющая грабежей на протяжении пяти лет осталась неизменной и составляет 4 %. В то же время в 2024 г. по сравнению с 2020 г. увеличилось количество осужденных несовершеннолетних за совершение преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении наркотиков, – на 7 %, мошенничества – на 3 %, насильственных действий сексуального характера – на 2 %, хищений имущества путем модификации компьютерной информации – на 1 %.

Анализируя структуру преступности несовершеннолетних, следует обратить внимание, что в анализируемый период доля тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых подростками в Республике Беларусь, минимальна. Так, например, удельный вес убийств и покушений на них в среднем составляет 0,2 %, умышленных тяжких телесных повреждений – 0,5 %, изнасилований и разбоев – 0,8 % и 0,3 % соответственно.

По степени тяжести среди преступлений, совершенных несовершеннолетними, преобладают менее тяжкие: их удельный вес за последние пять лет составил немногим более 81 % от общего количества противоправных деяний, совершенных подростками, доля особо тяжких преступлений составила почти 9 %, тяжких – около 8 %, преступлений, не представляющих большой общественной опасности, – порядка 2 %.

Распространенность преступности несовершеннолетних по регионам Беларуси по итогам 2024 г. такова: Брестская область – 11,6 %, Витебская область – 12,3 %, Гомельская область – 18,3 %, Гродненская область – 9,1 %, г. Минск – 17,9 %,

Минская область – 16,5 %, Могилевская область – 14,3 %. При этом следует иметь в виду, что интенсивность преступлений несовершеннолетних в городах выше, чем в сельской местности.

Таким образом, нами проанализированы основные количественно-качественные показатели преступности несовершеннолетних, выявлены основные тенденции ее развития. Колебания динамического ряда данной разновидности криминала указывают на существенное сокращение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, – с 8 676 в 2000 г. до 1 436 преступлений в 2024 г., что указывает на планомерную реализацию в стране комплексной системы мер по предупреждению совершения преступлений среди несовершеннолетних. Изменилась также и качественная характеристика преступлений, совершаемых подростками: доля краж и хулиганств, как одних из наиболее распространенных среди несовершеннолетних преступлений, за последние пять лет существенно сократилась, вместе с тем удельный вес противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, мошенничеств, насильственных действий сексуального характера и хищений имущества путем модификации компьютерной информации демонстрируют перманентный рост.

Являясь важнейшим показателем общественного развития, своеобразным индикатором социальной ситуации в стране, данный сегмент преступности требует к себе повышенного внимания и углубленного изучения. Представляется, что кроме осуществления постоянного мониторинга состояния преступности среди несовершеннолетних усилия ученых и практиков необходимо сосредоточить на выявлении и изучении факторов, которые обуславливают формирование личности несовершеннолетнего преступника и в дальнейшем влияют на его антиобщественное и противоправное поведение. Владение подобной информацией позитивным образом скажется не только на обеспечении противодействия преступности среди лиц несовершеннолетнего возраста, но и на реализации государственной политики в области предупреждения преступности в целом.

УДК 343.96

М.Ю. Кашинский

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Согласно ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь «применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами». При этом «средства исправления осужденных применяются с учетом форм реализации уголовной ответственности, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного, его поведения и стремления к приобретению значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодолению негативных черт личности».

С целью выявления особенностей личности лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, определения эффективных подходов к работе с данной категорией лиц в условиях пенитенциарной системы, для установления причин и условий, способствовавших совершению указанных преступлений, автором был разработан опросный лист для интервьюирования осужденных за преступления указанных категорий лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях (ИУ) республики.

После согласования опросного листа с центральным аппаратом Следственного комитета Республики Беларусь и Департаментом исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – ДИН) при организационной поддержке ДИН было осуществлено интервьюирование осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, совершивших преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

Критериями включения в исследование являлось совершение лицом, осужденным к лишению свободы, преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, предусмотренных следующими статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): изнасилование (ст. 166), насильственные действия сексуального характера (ст. 167), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 168), развратные действия (ст. 169), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170), и отбывающим наказание в ИУ Республики Беларусь.

По результатам проведенного исследования автором были выявлены следующие особенности уголовно-исполнительной характеристики осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, совершивших преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних:

83,25 % осужденных не встали на путь исправления: 28,1 % осужденных отрицательно характеризуются администрацией ИУ, 55,15 % осужденных нейтрально характеризуются администрацией ИУ;

только 27,84 % осужденных считают себя виновными в совершении преступления(-ий), за которое сейчас отбывают наказания;

только 16,75 % осужденных считают справедливым наказание, назначенное им судом за совершенные преступления;

37,25 % осужденных уже имели судимость до совершения преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

25,73 % осужденных ранее уже отбывали наказания в виде лишения свободы на определенный срок;

53,96 % осужденных имеют низкий социальный неформальный статус: 50,13 % имеют неформальный статус «отверженных», 3,83 % не имеют неформального социального статуса «отверженный», но основная часть коллектива избегает

общения с ними; 32,45 % осужденных занимают нейтральное положение в коллективе, 8,84 % осужденных входят в группы положительной направленности; 2,24 % осужденных входят в группы лиц отрицательной направленности.

У 30,87 % осужденных установлен диагноз психического расстройства. К 16,09 % осужденным по решению суда в ИУ применяются принудительные меры безопасности и лечения: 13,46 % – в связи с алкоголизмом, 0,4 % – в связи с наркоманией, 0,13 % – в связи с токсикоманией, 1,85 % – в связи с иным психическим расстройством, 0,26 % – в связи с признанием осужденного умненно вменяемым.

У 6,46 % осужденных после совершения преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних экспертами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь впервые был установлен диагноз «Педофилия».

Более половины осужденных не состоят на психологическом учете в ИУ. Из числа осужденных, состоящих на психологическом учете, 12,93 % осужденных состоят как склонные к суициду; 10,16 % – как склонные к протестному поведению (членовредительству, голодовкам и др.); 8,84 % – могут подвергаться (подвергаются) агрессивным действиям со стороны других осужденных; 4,62 % – как склонные к агрессивным действиям (нападению на представителей администрации, притеснению других осужденных, совершению действий, унижающих человеческое достоинство, провоцированию других осужденных к неподчинению и др.); 1,98 % – как склонные к совершению побега; 16,49 % – иные причины постановки, в том числе как совершившие сексуальные преступления против несовершеннолетних.

Таким образом, выявленные нами особенности уголовно-исполнительной характеристики осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, совершивших преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, предлагается использовать в комплексе системы мер при разработке и организации системы воспитательных (индивидуальной и коллективной форм работы), режимных, оперативных, психологических и медицинских профилактических мероприятий с осужденными, совершившими сексуальные преступления против несовершеннолетних (ст. 166–170 УК), а также по противодействию преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

УДК 343.8

А.А. Корбан

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА И УСЛОВИЙ СОКРАЩЕНИЯ СРОКА НАХОЖДЕНИЯ ГРАЖДАН В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫХ ПРОФИЛАКТОРИЯХ

На современном этапе осуществляется модернизация различных сфер общественных отношений, в том числе в области противодействия правонарушениям, совершаемым в состоянии алкогольного, наркотического, токсического опьянения, противодействия алкоголизации и наркотизации общества, а также развития зависимости от иных психоактивных веществ у его субъектов.

Департамент исполнения наказаний является структурным подразделением МВД Республики Беларусь с правами юридического лица, уполномоченным осуществлять помимо основных функций, связанных с исполнением наказаний, функции принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях (ЛТП).

Деятельность ЛТП направлена на формирование у лиц, находящихся в них, готовности к ведению социально одобряемого образа жизни, в связи с чем становится возможным предупреждение совершения ими новых правонарушений и проявления иных форм девиантного поведения путем трудового, правового, нравственного, санитарно-гигиенического, физического воспитания, стабилизации физического и психического состояния, формирования стремления к погашению исковых задолженностей. Вышеуказанная деятельность предусматривает подготовку и в конечном итоге полное формирование у граждан, направленных в ЛТП, готовности к адаптации в обществе и ведению правопослушного образа жизни.

Законодательством предусматривается срок нахождения граждан в ЛТП, в течение которого проводится ряд мероприятий для достижения данной цели. Вместе с тем законодательством предусмотрена возможность сокращения установленного решением суда срока нахождения граждан в ЛТП, в случаях наличия в поведении гражданина признаков, указывающих на готовность гражданина к адаптации в обществе до истечения назначенного судом срока принудительной изоляции.

Проводя анализ ст. 56¹ Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них», можно прийти к выводу, что на современном этапе институт сокращения срока граждан, находящихся в ЛТП, нуждается в совершенствовании и законодательном закреплении критериев готовности гражданина к адаптации в обществе.

Изучение личности и оценка поведения граждан, находящихся в ЛТП, помогает выделить ряд признаков, свидетельствующих об их готовности к адаптации в обществе и отсутствии необходимости их дальнейшей принудительной изоляции.

Такие признаки, как добросовестное отношение к труду (о чем может свидетельствовать наличие поощрения за добросовестное отношение к труду), отсутствие действующих взысканий за нарушение порядка и условий нахождения в ЛТП, наличие возможности проживания по указанному гражданином месту жительства, которое согласно запросу проверяется сотрудниками территориальных ОВД, решение вопроса трудоустройства после прекращения нахождения в ЛТП (наличие гарантийного письма о трудоустройстве после освобождения, где организация, предоставляющая гарантийное письмо, обязана обеспечить указанное трудоустройство гражданина в течение 6 месяцев с предоставлением отчетной информации в дальнейшем в адрес ЛТП; участие в ярмарках вакансий для последующего обращения в организацию предполагаемого места

трудоустройства после освобождения), наличие ходатайства родственников о сокращении срока, принятие всех зависящих от гражданина мер по возмещению исковых обязательств (не менее 1/2 части имеющихся денежных средств на лицевом счете гражданина), полноценная работа с врачом-наркологом (предусматривает посещение гражданином врача-нарколога в течение всего периода нахождения в ЛТП, с последующей оценкой врача-нарколога готовности данного гражданина к ведению здорового образа жизни), наличие подтверждающих документов о трудоустройстве гражданина до направления в ЛТП приводят к решению ряда проблем в случаях определения готовности граждан, находящихся в ЛТП, к реадaptации в обществе, а их законодательное закрепление позволит конкретизировать для граждан, находящихся в ЛТП, направления проявления социально полезной активности, способствующей принятию решения о возможности сокращения срока нахождения в ЛТП.

УДК 343.8:004(476)

С.В. Кузьменкова

ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ БЕЗ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОТКРЫТОГО ТИПА

Цифровизация государственного управления все заметнее затрагивает сферу исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, переводя надзорные действия в стандартизированный и фиксируемый режим. Наиболее наглядно это проявляется при исполнении наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ), где контроль уголовно-исполнительной инспекцией строится на сочетании юридически закрепленных обязанностей осужденного и организационно-технических способов их проверки. В этих условиях результаты контроля приобретают доказательственное значение при принятии решений о мерах уголовно-исполнительного воздействия. В рамках рассматриваемого вопроса обосновываются правовые пределы электронного мониторинга и формулируются направления оптимизации его нормативного регулирования.

Юридическая специфика данной тематики состоит в том, что цифровой контроль, будучи по форме технологическим инструментом, по содержанию выступает способом реализации режима исполнения наказания и требует той же степени правовой определенности, что и иные правоограничения, предусмотренные приговором суда. И поэтому обсуждение расширения функций электронного мониторинга (в том числе посредством новых устройств или каналов дистанционной проверки) должно исходить из действующей нормативной конструкции его применения и не допускать расширительного толкования контрольных полномочий.

В соответствии со ст. 48¹ Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь закрепляются обязанности осужденного и компетенция органов внутренних дел, включая в себя возможность использования электронных средств контроля, требования к их ношению и соблюдению правил эксплуатации, а также режимные ограничения (в частности, обязанность находиться в жилище в установленное время). Подзаконное регулирование, определяющее допустимые технические средства и процедуры их применения, включает в себя постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 апреля 2015 г. № 298 (перечень электронных средств контроля) и ведомственные акты Министерства внутренних дел Республики Беларусь, конкретизирующие порядок применения, ношения и обслуживания; примером является постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 января 2014 г. № 12, которым утверждена Инструкция о порядке применения электронных средств контроля в отношении осужденных к ограничению свободы без направления в ИУОТ, осуществления телефонной связи осужденными к ограничению свободы без направления в ИУОТ при использовании электронных средств контроля с территориальным органом внутренних дел. Тем самым многоуровневая регламентация задает пределы допустимых средств и процедур контроля и выводит на ключевой вопрос о правовых пределах обработки данных, формируемых при мониторинге.

Ключевой научно-практический вопрос в данной сфере связан не с самим фактом внедрения технологий, а с обеспечением правовых пределов их использования. Электронный мониторинг в данном контексте выступает формой дистанционной проверки соблюдения установленных ограничений с использованием электронных средств контроля; он предполагает сбор и обработку сведений о поведении осужденного, затрагивая охраняемую законом сферу частной жизни. В этой связи расширение технических возможностей контроля должно сопровождаться юридически выверенными гарантиями законности, соразмерности и проверяемости решений, основанных на данных мониторинга. В белорусских условиях такие гарантии дополнительно обусловлены Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», который закрепляет требования к целям обработки, недопущению избыточности, ограничению доступа и соблюдению сроков хранения (ст. 4). Тем самым оптимизация регулирования цифрового контроля должна обеспечивать достижение целей исполнения наказания при одновременной правовой определенности границ вмешательства в частную сферу осужденного.

Указанный подход позволяет конкретизировать критерий соразмерности: дальнейшее расширение технических средств контроля и форм дистанционной проверки соблюдения режима (в том числе с использованием видеосвязи) допустимо только при одновременном соблюдении двух юридических условий – соразмерности и правовой определенности. Цифровой контроль допустим в той мере, в какой он служит целям исполнения наказания и не трансформируется в фактическое дополнительное правоограничение, не предусмотренное приговором и законом. Иное означало бы подмену режима исполнения наказания технологически обусловленным усилением контроля вне нормативных закрепленных границ и повышало бы риск оспаривания решений, основанных на данных электронного мониторинга.

С учетом подходов, закрепленных в рекомендациях Комитета министров Совета Европы об электронном мониторинге (2014 г.) и в Стандартных минимальных правилах Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тю-

ремным заключением (Токийские правила, 1990 г.), а также научных подходов уголовно-исполнительного права о необходимости правовых и процедурных гарантий, направления оптимизации целесообразно формулировать в трех взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, требуется более детальная правовая конкретизация оснований и критериев применения электронных средств контроля при исполнении ограничения свободы без направления в ИУОТ, чтобы минимизировать различия правоприменительной практики и исключить расширительное толкование контрольных возможностей. Во-вторых, следует укрепить процедурные гарантии применения: порядок документирования нарушений, фиксацию технических сбоев и их правовые последствия, разграничение технического события и юридически значимого нарушения, стандарты уведомления осужденного, а также гарантии проверяемости данных электронного контроля и возможности обжалования решений, основанных на этих данных. В-третьих, необходимо институционально увязать применение электронных средств контроля с требованиями законодательства о персональных данных, обеспечив режим целевой обработки, минимизации, разграничения доступа и контролируемых сроков хранения; тем самым соблюдение требований о персональных данных выступает условием законности и легитимности контроля как элемента уголовно-исполнительного воздействия. В совокупности указанные направления образуют нормативно-процедурный каркас цифрового контроля, снижающий риск расширенного толкования контрольных полномочий и повышающий легитимность решений инспекции.

В подтверждение изложенных выше направлений оптимизации уместно отметить, что постсоветская практика электронного мониторинга также исходит из приоритета процедурных гарантий: российские исследования применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в деятельности уголовно-исполнительных инспекций подчеркивают необходимость стандартного документирования событий мониторинга, разграничения технических сбоев и нарушений режима и доступности обжалования решений.

Таким образом, для Республики Беларусь ключевым становится юридически устойчивое выстраивание связки: перечень средств (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 апреля 2015 г. № 298), порядок применения (постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 января 2014 г. № 12), режим обработки данных (Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных»), обеспечивающей соразмерность вмешательства и предсказуемость правоприменения.

УДК 343.92

В.В. Лавренков

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ ИГР ПРИ ПОСТРОЕНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В эпоху стремительного развития цифровых технологий и больших данных математика превратилась из абстрактной дисциплины в мощный инструмент практического воздействия на социальные процессы, в том числе на сферу борьбы с преступностью. Современные правоохранительные органы все чаще обращаются к математическим методам для анализа, прогнозирования и предотвращения преступлений.

Исторически применение количественных подходов в криминологии началось с простых статистических карточек преступности в XIX в., однако настоящий прорыв произошел в конце XX – начале XXI в. благодаря развитию вычислительных мощностей, методов машинного обучения и теории больших данных. Сегодня математическое моделирование преступности включает в себя широкий спектр инструментов: от классических методов пространственного анализа и временных рядов до сложных нелинейных динамических систем, агентного моделирования, графовых структур и алгоритмов прогнозной аналитики. Такие подходы демонстрируют способность прогнозировать места и время потенциальных преступлений с точностью, значительно превышающей традиционные экспертные оценки.

Один из методов моделирования – теория игр – раздел математики, который изучает поведение участников игры. Теория игр позволяет моделировать ситуации, где преступники, жертвы и правоохранительные органы выступают как рациональные агенты, преследующие свои интересы в условиях неопределенности и конфликта. Классические работы Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна заложили основу для понимания стратегических решений, а современные приложения в криминологии фокусируются на предотвращении преступлений через прогнозирование и оптимизацию ресурсов.

Теория игр учит смотреть на ситуацию глазами всех участников сразу и понимать, где твой личный лучший выбор совпадает (или не совпадает) с общей пользой.

Рассмотрим вопросы, связанные с кибербезопасностью. Киберпреступность в 2025–2026 гг. остается одной из самых быстрорастущих угроз безопасности. По словам заместителя начальника главного управления по противодействию киберпреступности МВД Беларуси Александра Рингевича, доля киберпреступлений от общего количества в 2025 г. составила 29 %. Практически каждое третье преступление связано с киберпреступлениями. В этих условиях традиционные методы защиты (сигнатурный антивирус, статические правила firewall) демонстрируют все меньшую эффективность против рационально действующих киберпреступников.

Теория игр предлагает формальный математический аппарат для моделирования именно таких стратегических взаимодействий, где обе стороны (атакующий и защищающийся) активно адаптируются к действиям друг друга.

В отличие от классических подходов, фокусирующихся на реактивной защите (обнаружение и устранение последствий атаки), теория игр позволяет рассматривать киберпространство как динамическую игру, где обе стороны: защитник (государство, организация, гражданин) и атакующий (киберпреступник) обладают ограниченными ресурсами, частичной информацией

и стремятся оптимизировать свои исходы: защитник минимизирует ущерб и затраты на оборону, а атакующий максимизирует выгоду (данные, деньги) при минимизации рисков обнаружения. Ключевые концепции теории игр: равновесие Нэша, байесовские модели с неполной информацией, идеально подходят для описания сценариев, где атаки не случайны, а рационально рассчитаны. Реальные внедрения программного обеспечения автоматических систем защиты (DARPA Cyber Grand Challenge), способных обнаруживать, подтверждать и устранять программные ошибки в режиме реального времени, продемонстрировали, что игровые модели позволяют повысить устойчивость систем на 30–60 % в симуляциях и реальных тестах.

Однако теория игр в борьбе с киберпреступностью сталкивается с вызовами: вычислительной сложностью (решение игр с тысячами стратегий требует мощных алгоритмов приближения), предположением рациональности (не все атаки рациональны – многие импульсивны) и этическими вопросами (активная контратака может нарушать законы).

Таким образом, на современном этапе развития общества в целом возрастает функция математической науки. Методы теории игр в русле этой тенденции должны быть ориентированы на решение многообразных задач киберпреступности и кибербезопасности на ближайшее и отдаленное будущее. Для этого математическая наука должна быть обогащена методологическим арсеналом изучения обозначенных проблем. Анализ применяемых методов теории игр позволяет сделать обобщающий вывод о том, что эти методы постоянно обогащаются и развиваются. Применение методов теории игр позволит решить прикладную задачу по минимизации рисков от угроз и происшествий в сфере кибербезопасности.

УДК 343.851

М.А. Магазинщикова

ПРОФИЛАКТИКА СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ СУДИМОСТЬ

Рецидив преступлений – наиболее опасная форма преступной деятельности, которая свидетельствует об упорном нежелании лица, имеющего судимость, вести правопослушный образ жизни. Конечным результатом применения уголовного наказания должно выступать исправление осужденного. Однако совершение правонарушений лицами, имеющими судимость, свидетельствует о том, что этот результат достигается не всегда. В целях недопущения совершения новых противоправных деяний в Республике Беларусь осуществляется взаимодействие милиции общественной безопасности органов внутренних дел, пенитенциарной системы, государственных органов и общественных объединений по реализации мер, направленных на профилактику совершения правонарушений лицами, имеющими судимость.

Негативное влияние ранее судимых лиц на состояние общественного порядка проявляется не только в собственном противоправном поведении, но и в разлагающем воздействии на окружающих, вовлечении в преступную деятельность несовершеннолетних и молодежи.

Для эффективной профилактики правонарушений со стороны лиц, имеющих судимость, необходимо анализировать причины их противоправного поведения в условиях свободы. Среди таких причин в первую очередь следует выделить негативную среду, трудности социальной адаптации, трудовую и бытовую неустроенность, утрату социально полезных связей освободившихся из мест лишения свободы. Исходя из вышеперечисленных причин, работа по профилактике с вышеуказанной категорией лиц организовывается таким образом, чтобы у них были поэтапно сформированы объективные возможности вести себя правомерно в сфере материального обеспечения, при взаимодействии с другими людьми, в области потребления и досуга, а также изменять искаженное восприятие социально-правовой действительности.

К числу главенствующих средств воздействия на сознание лиц, имеющих судимость, следует отнести воспитательную работу, проводимую всеми субъектами профилактики. Одной из основных задач субъектов воспитательного воздействия является грамотное выявление у лиц, имеющих судимость, отсутствия необходимых компетенций, позволяющих им строить свою жизнь правопослушным образом в условиях свободы. И поэтому важным элементом при проведении воспитательной работы является выработка у такого лица правильного понимания ситуации и признания имеющихся проблем. В связи с этим субъектом воспитательного воздействия осуществляется подробный разбор причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний, вырабатывается эффективная стратегия и индивидуальный план действий в отношении каждого лица, имеющего судимость.

В рамках рассматриваемого вопроса интерес представляют мероприятия, направленные на успешную интеграцию осужденного в общество, в том числе обозначены предложения по формированию Службы ресоциализации как формы и способа профилактики совершения правонарушений лицами, имеющими судимость.

Так, к лицам, имеющим судимость, применяются все предусмотренные Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» меры индивидуальной и общей профилактики правонарушений.

Одной из самых распространенных мер индивидуальной профилактики правонарушений является профилактическая беседа, проведение которой позволяет получить сведения, связанные с трудовым и бытовым устройством лица, вернувшегося из мест лишения свободы, и при необходимости оказать ему помощь. В ходе беседы устанавливается, как освободившийся относится к своему прошлому, какие планы имеет на будущее, в какой помощи и поддержке нуждается; выясняется, с кем он поддерживает общественно полезные связи, не восстанавливает ли контакты с лицами из преступной среды; какие мысли и чувства у него возникают в связи с участием в его воспитании сотрудников органов внутренних дел и представителей общественности.

Одной из распространенных мер индивидуальной профилактики правонарушений, применяемых в отношении рассматриваемой категории граждан, также является постановка их на профилактический учет, в рамках которого обеспечивается

контроль за прибытием граждан, освобожденных из мест лишения свободы, к избранному месту жительства и учет осужденных к видам наказаний, не связанным с лишением свободы.

Кроме вышеуказанных мер индивидуальной профилактики правонарушений одной из наиболее эффективных является превентивный надзор, устанавливаемый судом и применяемый в целях контроля за поведением граждан после освобождения из мест лишения свободы.

Анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, судебной практики Республики Беларусь показывает, что в правоприменительной сфере остается ряд вопросов, требующих дополнительного научного осмысления в части реализации социальных установок осужденного в постпенитенциарный период. Деятельность уполномоченных должностных лиц и организаций, вовлеченных в социально-адаптационные и профилактические мероприятия, нуждается в детализации и координации.

В рамках изложенного необходимо отметить, что процесс интеграции в общество лиц, освобождающихся из исправительных учреждений, нуждается в централизации и координации посредством установления единого органа (Службы ресоциализации), ответственного за проведение вышеуказанного процесса и единой сопроводительной документации, на основе которой и осуществлялась бы профилактика совершения правонарушений лицами, имеющими судимость. И поэтому для решения вопросов социальной адаптации осужденных и выработки единой стратегии необходимо усовершенствовать взаимодействие ее субъектов на уровнях пенитенциарного и постпенитенциарного контроля.

Таким образом, необходимо закрепление организационно-правового механизма взаимодействия органов и учреждений, осуществляющих профилактические мероприятия с лицами, имеющими судимость. Необходимо формирование нового уголовно-правового института ресоциализации осужденных, в рамках которого будет проходить процесс возвращения осужденного в общество с целью предотвращения совершения им новых правонарушений. Указанное направление должно являться доминирующей целью реализации уголовной ответственности.

УДК 343.8

В.В. Маркина

В ПОИСКАХ СТИМУЛА К ДОБРОСОВЕСТНОМУ ИСПОЛНЕНИЮ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Наказание в виде общественных работ широко применяется в Республике Беларусь.

По данным судебной статистики, в 2021 г. к общественным работам было осуждено 4 251 лицо (11,7 % от всех осужденных), в 2022 г. – 4 693 (12,3 %), в 2023 г. – 4 182 (12,4 %), в 2024 г. – 3 771 (12 %).

При этом в 2022 г. судами республики было рассмотрено 4 472 материала о замене наказания более строгим в связи со злостным уклонением от его отбывания, 3 742 (83,68 %) представления удовлетворено; в 2023 г. – 4 358, из которых 3 682 (84,5 %) удовлетворено; в 2024 г. – 4 497, из которых 3 701 (82,3 %) удовлетворено.

Удельный вес материалов о замене общественных работ на более строгое наказание в 2022 г. составил 21,33 % (954 материала), в 2023 г. – 25,7 % (1 121 материал), в 2024 г. – 24,3 % (1 092 материала). В 2022 г. в 839 случаях (87,94 %) представления были удовлетворены. В качестве заменяющего наказания судами преимущественно избирался арест (740 осужденных (88,2 %)). В 2023 г. судами республики было удовлетворено 1 037 представлений (92,5 %), 884 осужденным (85,2 %) наказание в виде общественных работ было заменено на арест, 152 (14,6 %) – на ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, только одному осужденному – на ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа. В 2024 г. из 945 (86,5 %) удовлетворенных представлений 842 (89,1 %) составили материалы о замене общественных работ на арест, 98 (10,4 %) – на ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, пяти осужденным (0,5 %) в качестве заменяющего наказания судами избрано ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что ежегодно в Республике Беларусь каждый четвертый осужденный к общественным работам злостно уклоняется от их отбывания, а это означает, что цель исправления осужденного, закрепленная в ч. 2 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь, путем назначения ему данного вида наказания не достигается, а предусмотренная в порядке замены назначенного по приговору суда наказания более строгим непродолжительная изоляция осужденного влечет за собой несоразмерные процедуре рассмотрения, доставления и времени пребывания лиц в исправительном учреждении временные и финансовые затраты государства. При этом обращает на себя внимание тот факт, что количество лиц, злостно уклоняющихся от отбывания общественных работ, с каждым годом не уменьшается и удельный вес данной категории осужденных среди лиц, уклоняющихся от исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, остается стабильно на высоком уровне – около 25 %.

Как следует из содержания рассмотренных судами республики материалов по представлениям о замене наказания в виде общественных работ более строгим, ряд осужденных отрицательной направленности используют институт замены наказания более строгим как способ сокращения срока отбывания наказания и, соответственно, видят в нем средство скорейшего освобождения. Ввиду того, что изначально назначенный срок наказания в виде общественных работ в случае злостного уклонения может быть сокращен в несколько раз, осужденные сознательно нарушают порядок и условия его отбывания с целью замены назначенного им по приговору суда наказания более строгим.

Нередко осужденные (с учетом степени их криминальной запущенности и социальных установок на антиобщественный образ жизни) намеренно не приступают к отбыванию общественных работ.

Таким образом, применение общественных работ к таким лицам с учетом их осведомленности о возможных последствиях уклонения от отбывания наказания оборачивается усилением нравственной деградации осужденных и приводит либо к уклонению от отбывания наказания, либо к совершению повторного преступления.

Причинами низкой эффективности применения общественных работ являются недостаточность не только предусмотренных в действующем законодательстве, но и используемых правоприменителями стимулирующих факторов, принуждающих осужденных к добросовестному исполнению наказания в виде общественных работ.

Ежегодно почти в 90 % случаев лицам, злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде общественных работ, последнее заменяется на арест сроком до 15 суток. Очевидно, что такой исход уклонения от уголовного наказания является более благоприятным, чем результат уклонения от исполнения аналогичного административного взыскания, ведь наряду с привлечением к административной ответственности по ст. 25.13 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) (за уклонение от общественных работ), санкция которой предусматривает в качестве возможных административных взысканий штраф до 20 базовых величин и административный арест, лицо не освобождается от обязанности выполнить общественные работы.

Для предотвращения злостного уклонения от отбывания наказания в виде общественных работ целесообразно выстроить систему императивных жестких мер реагирования правоохранительных органов по каждому факту уклонения осужденного к общественным работам от отбывания данного вида наказания.

Полагаем, что в действующем КоАП существуют рычаги воздействия на лиц, уклоняющихся от отбывания общественных работ, которые по каким-то причинам не применяются правоохранительными органами.

В качестве такого рычага мы рассматриваем ст. 24.3 КоАП, которая устанавливает административную ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица государственного органа (организации) при исполнении им служебных полномочий. В санкции данной статьи предусмотрена возможность наложения административных взысканий в виде штрафа в размере от 2 до 100 базовых величин, общественных работ или административного ареста.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь осужденные должны выполнять установленные уголовно-исполнительным законом обязанности, касающиеся порядка и условий отбывания наказания, а также законные требования органов и учреждений, исполняющих наказание.

Право требования выполнения этих обязанностей в силу положений ст. 24 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», гл. 5 Инструкции о порядке деятельности территориальных органов внутренних дел по исполнению наказаний и иных мер уголовной ответственности, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 января 2014 г. № 13, принадлежит сотрудникам органов внутренних дел.

Полагаем, если за каждый факт уклонения осужденные будут привлекаться к административной ответственности по ст. 24.3 КоАП, то такие меры позволят оказать стимулирующее воздействие на поведение лиц, которым назначены общественные работы, и повысят эффективность исполнения данного вида наказания. Также, по нашему мнению, такая практика привлечения к административной ответственности за уклонение от отбывания общественных работ позволит правоприменителям использовать профилактический потенциал административного взыскания для обеспечения неотвратимости назначенного по обвинительному приговору наказания и пресечения попыток осужденных безнаказанно игнорировать решения судебной власти.

УДК 343.8

В.В. Немчинская

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Мировое сообщество, в том числе и Республики Беларусь, сегодня направляет усилия на разработку более действенных уголовно-правовых мер, не предполагающих изоляцию правонарушителей от общества.

Общественные работы – вид наказания, предполагающий выполнение осужденными определенных работ в интересах общества, за счет общества и под контролем государственных органов. Назначаемое наказание преследует цель исправление осужденных, их ресоциализацию и предотвращение повторных преступлений.

В последние годы фиксируется рост числа привлекаемых к данному виду наказания. Это обусловлено государственной политикой, нацеленной на гуманизацию уголовной ответственности. По данным статистического ежегодника Республики Беларусь, с 2013 г. отмечен резкий подъем (почти двукратный) применения общественных работ: 2013 г. – 7,8 %; 2014 г. – 8,5 %; 2015 г. – 9,7 %; 2016 г. – 9,9 %; 2017 г. – 11 %; 2018 г. – 11,7 %; 2019 г. – 12 %; 2020 г. – 12,9 %; 2021 г. – 11,7 %; 2022 г. – 12,3 %; 2023 г. – 12,4 %; 2024 г. – 11,6 %.

Наказание в виде общественных работ служит инструментом снижения нагрузки на исправительные учреждения и повышения социальной ответственности осужденных. Однако практика его применения столкнулась с рядом проблем.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) общественные работы назначаются по месту жительства осужденного. Как показывает практика, осужденный, пользуясь данным обстоятельством, может умышленно менять свое место жительства, уклоняясь от отбывания наказания. Данный факт свидетельствует о необходимости урегулирования порядка и условий изменения места жительства осужденных к наказанию в виде общественных работ. Представляется необходимым закрепить в ст. 23 УИК перечень обстоятельств, при наличии которых осужденному может быть предоставлено разрешение на изменение места жительства.

УИК возлагает обязанность на администрации организаций, в которых осужденные к общественным работам отбывают наказание, ежемесячно предоставлять в уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) сведения о количестве отработанных часов. Однако ч. 2 ст. 25 УИК устанавливает минимальную недельную норму – 12 часов. Следовательно, отчетная информация должна поступать еженедельно. Ввиду этого представляется возможным внести изменения: в ч. 1 ст. 26 УИК слово «ежемесячно» заменить словом «еженедельно».

В соответствии с ч. 2 ст. 23 УИК осужденный к общественным работам обязан приступить к исполнению наказания в виде общественных работ не позднее 15 дней со дня получения УИИ соответствующего распоряжения суда с копией либо выпиской из приговора. Однако нередки случаи, когда осужденные уклоняются от исполнения наказания после судебного разбирательства. Уклонение от исполнения наказания осужденными к общественным работам выражается в неявке в УИИ для постановки на учет после вступления приговора суда в законную силу. Суд после вынесения приговора берет подписку с осужденного о необходимости явки в УИИ после вступления приговора суда в законную силу. Исходя из этого, осужденные начинают уклоняться от отбывания наказания в виде общественных работ, тем самым осознавая, что в отношении их невозможно вынести официальное предупреждение, за подписку, вынесенную судом, о замене общественных работ более строгим наказанием за неявку в УИИ, так как они не ознакомлены с условиями исполнения наказания. В рамках решения данной проблемы предлагается внести в судебную практику изменения, предусматривающие возложение на суд обязанности по разъяснению порядка и условий исполнения назначенного вида наказания с последующим документальным фиксированием факта ознакомления с данной информацией осужденного.

Применение наказания в виде общественных работ к осужденным по ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь необходимо признать нерациональным. Так, данный вид наказания предполагает выполнение осужденным определенных обязанностей в свободное от основной занятости время, но сами работы ориентированы на общественные потребности и не способствуют увеличению дохода, который мог бы быть направлен на содержание детей. Более действенной мерой уголовной ответственности в данном контексте можно считать ограничение свободы, предусматривающее обязательное трудоустройство.

Согласно ч. 3 ст. 27 УИК при злостном уклонении осужденного от исполнения наказания в виде общественных работ УИИ обязана направить в суд представление о замене данного вида наказания более строгим. В связи с этим целесообразно рассмотреть применение нового вида дисциплинарного взыскания в виде водворения в дисциплинарный изолятор. Предлагаемый вид взыскания позволит содержать осужденных в условиях строгого контроля до вынесения судебного решения о замене наказания. Водворение в дисциплинарный изолятор будет способствовать экономии ресурсов, необходимых для розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания. Предлагаемая мера дисциплинарного воздействия создаст для осужденных дополнительную мотивацию выполнять возложенные на них обязательства, так как они будут осознавать последствия уклонения от наказания.

В связи с вышеизложенным можно предположить, что:

уточняющая формулировка законодательной нормы позволит обеспечить корреляцию смежных положений уголовно-исполнительного законодательства и упорядочить учет отработанного времени осужденными к общественным работам;

водворение в дисциплинарный изолятор послужит превентивной мерой воздействия на осужденных, склонных к нарушению установленных требований отбывания наказания в виде общественных работ, способствуя их исправлению и предотвращению рецидива;

уточненный порядок ознакомления осужденных с условиями исполнения наказания поспособствует формированию ответственности за уклонение от отбывания наказания и осознанному выполнению возложенных на них обязанностей;

закрепление меры по ограничению изменения места жительства поспособствует обеспечению неотвратимости наказания, повышению эффективности надзора и контроля за осужденными, своевременному реагированию на нарушения порядка отбывания наказания и оперативному взаимодействию с правоохранительными органами по месту жительства осужденного.

УДК 343.81

И.О. Нефёдов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Формирование государственного устройства и развитие социальных институтов на белорусских землях в различные исторические периоды (во времена Полоцкого и Туровского княжеств, Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ), Речи Посполитой, Российской империи, Советского государства) неразрывно связано с процессами нормотворческой деятельности государственных образований, которые были призваны регулировать общественные правоотношения.

Указанные процессы отражались на всех сферах жизнедеятельности населения, включая в себя и сферу исполнения наказаний. Ретроспективный анализ норм права, действовавших на территории Беларуси в различные периоды и регулировавших исполнение и отбывание наказания, показывает, что общество либо оказывало содействие органам исполнения наказаний, либо участвовало в исправлении заключенных.

Так, анализ норм права Полоцкого княжества (X–XV вв.) свидетельствует о том, что деятельность церкви в рассматриваемый период была в числе основных субъектов общественного воздействия на преступников, заключалась в попечении над ними (милостыня и забота о «сырых и убогих», проявлявшаяся в духовном окормлении); проведении исповеди, причастия

и утешения заключенных; благотворительности (организация раздачи пищи и одежды заключенным, которые содержались за счет средств из казны или собранных с населения); ходатайстве о помиловании («право печалования»).

В свою очередь, формирование уголовного права в период ВКЛ и Речи Посполитой (1240–1795 гг.) представляет собой комплексный процесс, который сочетал в себе элементы традиционного правосудия, влияния христианских ценностей и стремления к гуманизации системы наказаний. Это проявлялось в ряде ключевых аспектов: выборе наказаний, что отражало стремление к более гуманному обращению с преступниками и признанию их прав; корректировании принципов, цели наказания (кара и возмещение ущерба), что указывало на необходимость учитывать как общественные интересы, так и интересы потерпевших; появлении норм, регулирующих условия содержания заключенных, что свидетельствовало о понимании необходимости исправления, а не только наказания. Вместе с тем законодателем по-прежнему допускалось участие церкви в духовном окормлении заключенных, тем самым обеспечивая возможность покаяния и моральной поддержки.

Подписание Люблинской унии в июне 1569 г. способствовало вхождению белорусских земель в новое государственное образование – Речь Посполитую (1569–1795 гг.). Данный период характеризовался развитием традиций, гуманистических идей и реальными условиями жизни, которые оказывали влияние на правовую систему региона. Несмотря на интеграцию в новую политическую структуру, на территории белорусских земель продолжали действовать положения Статута ВКЛ 1588 г. Это обстоятельство позволяет говорить о сохранении тех же тенденций в уголовном и пенитенциарном праве, что и в более ранний период белорусской государственности, но с некоторыми особенностями. Это отразилось на дальнейшем развитии института общественного воздействия, когда белорусские земли были включены в состав Российской империи (1795–1917 гг.). Так, правление Екатерины II и ее прогрессивные взгляды позволили сместить вектор в пенитенциарных правоотношениях, выразившийся в вовлечении в процесс исправления лиц, совершивших преступление, на представителей общества. Соответствующее утверждение закреплялось в Наказе ее Императорского Величества Екатерины II (1767 г.) Комиссии о составлении проекта нового уложения, где указано, что «сыскать способы возратить заблудшие умы на путь правый: правилами закона Божия, любомудрия и нравоучения, выбранными и соображенными с сими умоначертаниями; уравниванием смешением наказаний и награждений; беспогрешным употреблением пристойных правил честности, наказанием, состоящим в стыде, непрерывным продолжением благополучия и сладкого спокойствия». Кроме того, в данный период обязанность материального обеспечения заключенных переходит в ведение государства (за счет государственной казны).

Так, 19 июля 1819 г. по указу Александра I было образовано Императорское Человеколюбивое общество о тюрьмах (далее – Общество), суть работы которого заключалась в обеспечении функционирования мест лишения свободы Российской империи. Правовую основу его составляли Правила для попечительного общества о тюрьмах (далее – Правила). В соответствии с Правилами главной целью Общества являлось нравственное исправление содержащихся под стражей преступников, средством достижения которого являлись «ближайший и постоянный надзор над заключенными, размещение их по роду преступлений, наставление заключенных в правилах христианского благочестия и занятие заключенных приличными упражнениями». Кроме того, Правилами членам Общества предоставлялось право беспрепятственного посещения мест заключения в любое время суток без согласования с должностными лицами учреждения и органа либо губернскими властями. Следовательно, Общество наделялось контрольными полномочиями.

В 1842 г. для духовенства комитетом Общества разработаны Правила, содержащие в себе темы для бесед с заключенными, предписывающие духовенству «наставлять арестантов в правилах веры на ночлегах, дневках и остановках». Следовательно, организация и функционирование Общества, по нашему мнению, позволило оформить институт общественного воздействия как средство исправления осужденных, формирование общественного контроля за местами заключения, а также организации тюремного дела.

В период существования Советского государства (1917–1991 гг.) очередным этапом нормативного оформления деятельности общества в организации исправления осужденных явилось принятие 2 июля 1926 г. Исправительно-трудового кодекса Белорусской Советской Социалистической Республики (ИТК БССР), основной целью которого являлось перевоспитание осужденных. Так, ИТК БССР закрепил участие общественности в работе по исправлению и перевоспитанию осужденных, в частности, в составе наблюдательных – прокурора, врача, представителя отдела народного образования, а также распределительных комиссий – членов комиссии по делам о правонарушителях и местного военного трибунала, сведущих лиц.

Принятый в 1971 г. ИТК БССР закрепил, что в исправлении и перевоспитании осужденных, осуществлении общественного контроля за деятельностью учреждений, исполняющих приговоры суда, также участвует общественность. Кроме этого, указанный ИТК определил формы ее участия: наблюдательные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, шефство коллективов трудящихся, совет общественности, общественные воспитатели и иные. И с принятием Уголовно-исполнительного кодекса суверенной Республики Беларусь (2000 г.) общественное воздействие на осужденных становится одним из основных средств исправления.

Таким образом, резюмируя изложенное, следует отметить, что формирование общественного воздействия как средства исправления осужденных прошло ряд исторических этапов, отражая изменения в политических, экономических и социальных процессах. На каждом из этих этапов общественность играла активную роль в процессе исправления и перевоспитания заключенных, что свидетельствует о значимости социокультурного контекста для формирования пенитенциарной политики.

Востребованность общественного воздействия как социально-правового института обуславливалась осознанием цели необходимости исправления и возвращения в общество оступившегося человека (а не только необходимостью карательного воздействия); наличием субъектов реализации общественного воздействия (от церкви, в Средние века, до настоящего времени – наблюдательные комиссии и иные коллективные формы общественного участия); многообразием форм и методов общественного воздействия.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Принципы организации процесса исправления осужденных (далее – исправпроцесс) представляют собой исходные положения, выражающие основные требования к содержанию практической деятельности работников уголовно-исполнительной системы (УИС) по организации исправпроцесса. Принципы организации исправпроцесса выработаны советской пенитенциарной практикой, а затем прошли адаптацию в условиях современной уголовно-исполнительной деятельности, в связи с чем коррелируют с принципами уголовно-исполнительного законодательства, закрепленными в ст. 6 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК).

Итак, основными принципами организации исправпроцесса являются: соблюдение законности, взаимосвязь исправления с общественной жизнью, дифференцированный и индивидуальный подход к осужденным, опора в исправлении на положительные качества осужденных, сочетание требовательности к осужденным с гуманным отношением к ним, целостность процесса исправления и комплексный подход к его организации, исправление в коллективе и через коллектив, исправление в трудовой и иной общественно полезной деятельности. Перечисленные принципы находят отражение в законодательстве и практической уголовно-исполнительной деятельности.

Принцип соблюдения законности поставлен на первое место, так как уголовно-исполнительная деятельность урегулирована законодательством, нормы которого определяют возможные пределы реализации всех компонентов исправпроцесса. Соблюдение принципа законности предусматривает следующее: работники УИС при организации исправпроцесса должны неукоснительно соблюдать законодательство; требования работников УИС по отношению к осужденным должны быть основаны на нормах законодательства; нарушение осужденными требований установленного порядка и условий отбывания наказания, законных требований работников УИС в обязательном порядке должно повлечь меры реагирования (как с правовыми последствиями, так и без них).

Принцип взаимосвязи исправления с общественной жизнью выражает зависимость исправпроцесса от развития условий жизни в обществе. Данный принцип реализуется при соблюдении следующих требований к организации исправпроцесса: информирование осужденных о наиболее актуальных событиях и тенденциях в общественной жизни; поддержании и налаживании социально полезных связей осужденных с родственниками и членами семьи; ориентировании осужденных на интеграцию в общество после освобождения.

Принцип дифференцированного и индивидуального подхода к осужденным применительно к организации исправпроцесса закреплен в ч. 4 ст. 7 УИК, согласно которой средства исправления осужденных применяются с учетом форм реализации уголовной ответственности, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного, его поведения и стремления к приобретению значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодолению негативных черт личности. Данный принцип предусматривает обязательное изучение и оценку личности и поведения каждого осужденного, особенно при принятии в отношении него решений, влекущих за собой юридически значимые последствия. В частности, суд, вынося приговор за совершенное преступление, определяет вид наказания, условия отбывания которого оптимальны для формирования у осужденного готовности вести правопослушный образ жизни. Но, в зависимости от личности и поведения осужденных в индивидуальном порядке органом либо учреждением УИС (судом по представлению органа и учреждения УИС) к ним применяются:

поощрения и институты досрочного освобождения, предусматривающие последовательное снижение объема правоограничений, к осужденным, проявляющим стремление к ведению правопослушного образа жизни (элементы прогрессивной системы отбывания наказания);

вызыскания и меры воспитательно-профилактического воздействия, связанные с увеличением объема правоограничений, – в отношении отрицательно характеризующихся осужденных, игнорирующих исправпроцесс либо противодействующих ему.

Принцип опоры в исправлении на положительные качества осужденных также связан с обязательным изучением личности и поведения каждого осужденного, которое осуществляется в том числе для выявления его положительных качеств. Такие качества необходимо развивать и укреплять, использовать для пробуждения у осужденного внутренней потребности (мотива) к осознанной работе над собой по положительному изменению своей личности и поведения. Ведь актуализация в сознании осужденного его положительных качеств является сильным эмоциональным фактором для пробуждения соответствующих мотивов.

Принцип сочетания требовательности к осужденным с гуманным отношением к ним выработан еще в педагогической деятельности А.С. Макаренко. Его смысл заключается в том, что требовательность работника УИС к осужденным должна сочетаться с требовательностью к самому себе. При этом требования к осужденным должны быть: основаны на нормах законодательства (здесь данный принцип коррелирует с принципом соблюдения законности); корректны (без проявления грубости); целесообразны и разумны (предъявляться с учетом реальных возможностей осужденного, позволяющих их выполнить); систематическими и повседневными (не зависеть от случайных субъективных факторов); всесторонними (охватывать все стороны жизнедеятельности осужденного, без необоснованных исключений).

Принцип целостности процесса исправления и комплексный подход к его организации выражается в тезисе «каждый сотрудник – воспитатель и контролер», который предполагает единство и согласованность действий всех работников УИС: при предъявлении к осужденным требований по соблюдению установленных в отношении них правоограничений; осуществлении мероприятий в рамках воспитательного воздействия на осужденных; повседневном взаимодействии с осужденным

при выполнении своих должностных обязанностей. В целом все работники УИС должны придерживаться единой стратегии в обеспечении дисциплины среди осужденных и осуществлении в отношении них воспитательного воздействия.

Принцип исправления в коллективе и через коллектив также следует из педагогического опыта А.С. Макаренко, обосновавшего тезис о том, что именно социальная среда является основным воспитателем личности, где через общие дела, цели и ценности происходит формирование характера. Данный тезис выражает смысл рассматриваемого принципа, подчеркивая важность формирования коллектива осужденных для исправления каждого конкретного осужденного.

Принцип исправления в трудовой и иной общественно полезной деятельности нашел отражение в ч. 3 ст. 7 УИК, где труд указан в числе основных средств исправления, а также предусмотрена возможность применения иных средств исправления в целях создания возможностей для добровольного осуществления осужденными учебной, творческой, спортивной и другой деятельности, которая не противоречит установленному порядку исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности и направлена на приобретение значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодоление негативных черт личности. Это подчеркивает, что исправление осужденных невозможно без их привлечения к труду, вовлечения в иную общественно полезную деятельность.

Рассмотренные принципы следуют из правовой формы, педагогического содержания и ресоциализирующей направленности исправпроцесса. Они основываются на научных исследованиях и практическом пенитенциарном опыте советского периода, изложенных в трудах А.С. Макаренко, Б.С. Утевского, В.Ф. Пирожкова и др., в научных работах современных ученых А.Н. Пастушени, В.Б. Шабанова и др. Актуальность основных принципов исправпроцесса подтверждена как теорией, так и практикой. Прошедшие проверку временем эти принципы обеспечивают преемственность и сохранение традиций уголовно-исполнительной деятельности в сфере исправпроцесса.

УДК 364.63

С.М. Свило

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

История осознания природы домашнего насилия в отношении женщин, изучение масштабов его распространения и опыт борьбы насчитывает не более трех десятилетий. В Республике Беларусь впервые эта проблема была поднята Женским христианско-демократическим движением в 1994 г. во время проведения международного конгресса. Тогда же стали создаваться первые телефоны доверия, кризисные центры и приюты для пострадавших от домашнего насилия. Хотя с юридической точки зрения изучение этого феномена сводилось только к рассмотрению физического насилия в соответствии со статьями Уголовного кодекса (УК), в то время как психологическое и экономическое насилие женщины испытывают в два раза чаще физического.

Благодаря активным действиям государства за последние годы существенно расширились представления о соблюдении прав человека и, соответственно, изменились представления об ответственности за насилие в семье. Это является очень важным вкладом в развитие и трансформацию гражданского общества в связи с тем, что в настоящее время домашнее насилие в различных его формах приобрело значительные масштабы. Например, в Республике Беларусь за 2024 г. зарегистрировано около 1 500 преступлений в семейно-бытовой сфере, а также возбуждено около 1 000 уголовных дел по фактам истязаний, побоев и причинения телесных повреждений в быту. При этом из всех женских семейных ролевых позиций самой уязвимой является роль жены, именно она в большинстве случаев выступает жертвой домашнего насилия.

Изучение международных документов и исследование опыта разных стран в предупреждении домашнего насилия указывает на необходимость последовательного применения различных стратегий: прямого реагирования на проблемы, вызванные гендерным насилием; выяснение причин и природы насилия; изменение ценностей и норм поведения в семье; реформирование правовой системы.

Цель первого направления – преодоление прямых последствий насилия, что предполагает безопасность и реабилитацию потерпевших, возмещение ущерба и нахождение выхода из сложившейся ситуации. Важным аспектом данной работы является деятельность по оказанию влияния на те структуры, от которых зависит, как общество относится к потерпевшей, т. е. на органы внутренних дел, прокуратуру, судей, социальных работников и врачей.

В настоящее время в республике проводится активная работа в аспекте стратегии реагирования на насилие, где значительную часть нагрузки несут на себе сотрудники органов внутренних дел и общественные организации. Вместе с тем остается малоизученной международная практика реабилитации жертв насилия, а также создания программ для мужчин, прибегающих к насилию. Проблемы заключаются также в недостаточном осознании женщинами своих прав и неумение их отстаивать в судопроизводстве.

Актуальной и более значимой в контексте поставленной проблемы становится роль социальной работы, которая может вестись как на индивидуальном уровне, так и на уровне государственных учреждений, СМИ, правоохранительных органов, общественных институтов.

Полагаем, одним из возможных способов сокращения случаев домашнего насилия, предотвращения его на ранних стадиях и обеспечения безопасности тех, кто уже столкнулся с ним, может выступать медиация. Роль медиатора здесь будет заключаться в работе с семьями на ранних стадиях конфликта, когда насилие еще не проявляется или выражается в форме психологического давления либо эмоционального манипулирования.

Вторая стратегия направлена на выяснение причин и природы насилия, искоренение его как явления. Проведенное исследование позволило выделить следующую классификацию детерминант домашнего насилия в семье: социально-

экономические (безработица, низкий материальный достаток, неудовлетворительные жилищные условия), организационно-правовые (малоэффективное предупреждение пьянства и наркомании, слабая ранняя профилактика бытовых конфликтов, недостаточная эффективность уголовно-правовых мер) и социально-психологические (обида, унижения на работе, имевшие место вне семьи, но компенсированные в ней; психические расстройства одного или нескольких членов семьи) и др.

Установлено, что насилие в семье разрушает нравственность, приводит к ослаблению семейного воспитания, препятствует обучению подрастающего поколения, порождает безнадзорность, подрывает основы жизнедеятельности самой семьи и разрушает фундамент безопасности общества. Для успешного решения этой проблемы требуются изменения и в общественном сознании, и в структурах, реализующих законодательство, и в самом законодательстве. Следовательно, работа государственных и общественных учреждений должна быть нацелена на формирование семейной этики, на укрепление новых норм поведения, новых ценностей в отношении женщин.

Следующая стратегия находится в плоскости правовой системы. В Беларуси нет самостоятельного нормативного правового акта о предупреждении домашнего насилия, а нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) направлены не столько на предупреждение, сколько на ликвидацию последствий случившегося. В то же время действующий Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» предусматривает ряд специфических превентивных мер, направленных на профилактику домашнего насилия: защитное предписание, коррекционные программы и др. Сложность в их правоприменении объясняется тем обстоятельством, что государство не имеет права вмешиваться в частную жизнь граждан до факта совершения насилия.

Кроме того, существующий порядок частного (частно-публичного) обвинения по делам об умышленном причинении легкого телесного повреждения (ст. 153 УК) и истязании (ст. 154 УК) перекладывает груз борьбы с домашним насилием на плечи жертвы, которая часто не имеет сил, ресурсов и возможности противостоять обидчику. Это приводит к массовой безнаказанности и эскалации насилия. Полагаем, что перевод данных составов в разряд публичного обвинения не усиление репрессий, а акт защиты слабого и восстановления справедливости. Государство обязано взять на себя функцию защиты своих граждан, особенно, когда они находятся в неравном положении. Это повысит доверие к правоохранительной системе и создаст реальный барьер для бытовой и повседневной агрессии.

Следующим шагом должно стать предоставление женщинам возможности обращаться к гражданско-правовым процедурам защиты от насилия и упрощение порядка такого обращения. Реформа правовой системы должна включать в себя и конструирование составов преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за акты насилия, совершенные в семье.

Проблема женского насилия в семье намного шире и многограннее, чем представляется, и требует более пристального внимания исследователей – философов, социологов, юристов. Однако суть поднятой темы заключается:

в слабом осмыслении насилия в целом на уровне общественного мнения и осознания насилия против женщин как социальной проблемы;

весьма упрощенном понимании данного феномена;

отсутствии комплексных научных исследований проблемного поля, а как следствие – достоверной информации по проблеме, что дало бы возможность оценить реальную ситуацию и выработать стратегию по воспитанию подрастающего поколения с учетом равных прав и возможностей полов.

УДК 159.9

С.Б. Сизова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ПСИХОКОРРЕКЦИИ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН, ОСУЖДЕННЫХ ЗА УБИЙСТВО, В УСЛОВИЯХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Я-концепция входит в структуру личности и выступает как ее системная составляющая, наполненная когнитивными (Я-образы), эмоционально-оценочными (самооценка и самоотношение) и поведенческими подсистемами. Она организует жизненный опыт и элементы структуры личности, интегрирует психические процессы, свойства, состояния, а также профессионально значимые и иные качества личности и их проявления в структуре деятельности.

Изменение социального и правового статуса, вызванное социальной изоляцией, сменой ролевых позиций и уклада жизни, является основным фактором трансформации Я-концепции личности осужденных женщин, затрагивающей их представления о себе, самооценку и самоотношение. От того, какой видит себя осужденная в новых условиях, зависят особенности ее взаимодействия с окружающими, формы поведенческой саморегуляции и в целом отношение с окружающим миром. Таким образом, изменения внешних условий влекут за собой совокупность внутренних изменений личности осужденной, системы ее представлений о самой себе, ее Я-концепции. Вновь сформировавшиеся компоненты Я-концепции осужденных женщин могут стать источником преступного поведения в будущем и поэтому нуждаются в психологической коррекции.

В условиях лишения свободы исправительная психокоррекция осуществляется в целях реализации первоочередной задачи уголовного наказания – исправления личности осужденных. Соответственно, психокоррекционная деятельность является составной частью комплексной работы с женщинами, осужденными за убийства, направленной на формирование у них готовности к ведению правопослушного образа жизни после освобождения через коррекцию структурных элементов Я-концепции личности.

В соответствии со структурными компонентами Я-концепции личности готовность к правопослушному образу жизни женщин, осужденных за убийство, представляет собой систему личностных свойств, детерминирующих правомерное поведение, и включает в себя:

положительные представления о необходимом образе жизни, правомерные жизненные планы, представления о необходимых собственных качествах, т. е. личностно должный Я-образ (когнитивный компонент Я-концепции);

ценностное отношение осужденных женщин к собственной личности и ее отдельным проявлениям как положительным, так и негативным, т. е. адекватную самооценку и самоотношение (эмоционально-оценочный компонент);

правомерные личностные принципы и нормы (внутренние правила) поведения и удовлетворения своих потребностей и интересов; социально-правовые ожидания, убежденность в неизбежности наказания в случае совершения противоправных деяний; социальные умения, необходимые для правомерного поведения, удовлетворения потребностей и выполнения социальных ролей (поведенческий компонент Я-концепции).

Соответственно, формирование готовности к правопослушному поведению женщин, осужденных за убийство, основывается на проработке структурных составляющих Я-концепции, что позволяет определять конкретные направления коррекционной работы с ними.

Так, коррекция когнитивного компонента направлена на конкретизацию жизненных планов и поиска правомерных вариантов разрешения вероятных жизненных проблем, выработку адекватных представлений о самом себе и своих реальных возможностях, т. е. Я-образа, который согласуется с предполагаемой жизнедеятельностью после освобождения и необходимыми социальными ролями. Коррекция эмоционально-оценочного компонента направлена на формирование адекватной самооценки и самоотношения, которые будут способствовать реализации должного Я-образа в основных сферах жизнедеятельности, построению конструктивных взаимоотношений с окружающими и разрешению межличностных проблем социально приемлемым способом, исключающим применение насильственных и агрессивных методов. Коррекция поведенческого компонента Я-концепции должна способствовать развитию умений, необходимых для социальной адаптации, самоконтроля поведения и поступков, проявляемого в выборе эффективных средств убеждения и оказания влияния в процессе общения, умения правильно оценивать сложившуюся жизненную ситуацию и действовать с ее учетом, навыков предотвращения и конструктивного разрешения конфликтных ситуаций, приобретения опыта адекватного эмоционального реагирования в процессе взаимодействия с окружающими.

Участие в психокоррекционной работе посредством прохождения психокоррекционных программ создаст предпосылки для переосмысления женщинами, осужденными за убийства, жизненного пути и роли наказания в нем, позволит найти новые возможности социальной адаптации и самореализации, будет способствовать изменению деструктивных и дефицитарных составляющих Я-концепции в каждом из ее компонентов:

в сфере интеллектуального осознания (когнитивный компонент) – мотивов своего поведения, эмоциональных и поведенческих стереотипов, меру собственного участия в возникновении конфликтных ситуаций. Позволит осознать глубокие причины своих переживаний и специфику реагирования в психотравмирующих условиях;

в эмоциональной сфере – опыта эмоциональной поддержки окружения, способствующей самораскрытию и, как следствие, самоизменению, формированию внутренней устойчивости, вербализации и пониманию своих чувств. Это позволит раскрыть и осознать проблемные стороны Я-концепции с соответствующими им переживаниями, скорректировать способы переживания и эмоционального реагирования;

в поведенческой сфере – методов самоконтроля и навыков конструктивных моделей поведения.

УДК 343.9

В.В. Стальбовский

НАНОТЕХНОЛОГИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Цифровая палитра мироустройства гиперактивно заполонила все сферы, созданные homo sapiens. Современный мир – это мир цифрового социума, цифровой экономики и, без сомнения, цифровой преступности.

Цивилизация человечества теряет устойчивость, возникает глобальная дилемма: либо наша цивилизация, как таковая, исчезнет, а ее заменят «киборги», либо, используя возможности НБИКС-технологии, человечество выйдет на качественно новый, более высокий уровень развития, когда достижения НБИКС-конвергенции будут применимы на благо человека.

НБИКС (нанотехнологии, биотехнологии, информационные, когнитивные и социальные технологии) синергичны, взаимодействуют, дополняют и усиливают друг друга, создавая небывалые, чрезвычайно мощные средства преобразования человека и земной цивилизации.

Нанотехнологии – это наука и инженерия по разработке и использованию крошечных материалов и устройств, размер которых исчисляется от единицы до сотни нанометров. Нанотехнологии в предупреждении преступности – это развивающееся направление, сочетающее в себе достижения нанонауки, криминологии, уголовного права, криминалистики, биометрии и информационной безопасности.

Выделим наиболее известные и потенциально применимые нанотехнологии, направленные на предупреждение и расследование преступлений. Так, в криминалистике широко используются нанопорошки для дактилоскопии – высокочувствительные порошки, содержащие наночастицы, позволяющие обнаруживать отпечатки пальцев на сложных поверхностях, где обычные методы неэффективны. Кроме того, наночастицы золота и серебра применяются для усиления контраста отпечат-

ков пальцев или следов ДНК на тканях, коже и других пористых поверхностях. Нанотехнологии эффективны и в ДНК-идентификации. Наночипы для экспресс-анализа ДНК позволяют в течение нескольких минут определить генетический профиль подозреваемого или пострадавшего. Нанопоры и нанонити используются для ускоренного секвенирования ДНК, что повышает эффективность криминалистических лабораторий.

Следует отметить и значимость использования наномаркировки вещей. Нанопокртия, нанотеги и квантовые точки – это микроскопические маркеры, содержащие в себе уникальные невидимые светящиеся коды, которые применяются для маркировки оружия, наркотиков, денежных купюр, защиты произведений искусства и ценных предметов от хищения, для защиты документов от подделки, от несанкционированного считывания данных с бесконтактных карт, для идентификации подделок.

Оснащение формы сотрудников правоохранительных органов встроенными наноэлектронными системами (датчиками состояния здоровья, местоположения, звука), внедрение нанокompозитов в бронежилеты и шлемы повышают личную безопасность сотрудников правоохранительных органов при обеспечении охраны общественного порядка, помогают пресекать противоправные действия, способствуют предупреждению совершения в отношении них преступлений против жизни и здоровья.

Для реализации функций, выполняемых институтами уголовного и уголовно-исполнительного права, целесообразно использовать различные нанодатчики: электронные браслеты, персональные трекары, микрочипы, которые позволяют постоянно получать сведения о местонахождении человека, представляющего правоохранительный интерес: например, лиц, осужденных к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, ограниченных в правах передвижения и пребывания в определенных местах и в определенное время. Кроме того, нанодатчики движения позволяют осуществлять контроль за оперативной обстановкой в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, в том числе за лицами, склонными к побегу, за автотранспортом, с помощью которого можно осуществить побег или таран ограждения.

Обратим внимание и на то, что сегодня в мире существует практика по вживлению микрочипов (биосенсоров) в тело человека, что имеет антикриминальный потенциал для лиц-девиантов: чип является хранилищем информации, датчиком дистанционного контроля. Само наличие чипа у его носителя имеет превентивный аспект: побуждает к самоконтролю и правомерному поведению.

Перспективным направлением в борьбе с преступностью является применение наносенсоров (химических и физических датчиков, использующих наноматериалы) для мониторинга окружающей среды. Ультравосприимчивые нанодатчики могут быть встроены в камеры наблюдения, беспилотники или даже одежду для обнаружения следов взрывчатки, наркотиков, ядов, скрытого оружия.

Использование нанотехнологий в биометрии дает возможность более точного сканирования сетчатки глаза и отпечатков пальцев, что повышает точность идентификации биометрических систем, помогает устанавливать и контролировать преступников.

Таким образом, в условиях масштабных информационно-технологических преобразований цивилизационных процессов в мировом пространстве требуется консолидация усилий всех и каждого в целях выстраивания надежного «цифрового щита» для защиты от преступности цифровой эпохи метамодерна. Стратегия современной парадигмы противодействия преступности приобретает совершенно новый облик своих сущностных характеристик, используя целый спектр цифровых возможностей и требует новых подходов в обеспечении кибербезопасности, что очевидно будет возможным только при условии активного внедрения различных НБИКС-технологий.

УДК 351.74 + 314.74

Ю.А. Сурженко

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОПЕРАТИВНУЮ ОБСТАНОВКУ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Мы живем в эпоху мировой глобализации, усиливающей взаимосвязи между государствами во многих сферах жизнедеятельности (торговле, финансах, технологиях, культуре, миграции и др.). Учитывая их уровень и тенденции, современные миграционные процессы характеризуются высокой интенсивностью и определенной латентностью. В этой связи остановимся на отдельных моментах, связанных с миграционной активностью в нашей стране и их влиянием на оперативную обстановку, в том числе в исправительных учреждениях (ИУ).

В соответствии с данными органов Государственного пограничного комитета Республики Беларусь (далее – ГПК) в 2016 г. в нашу страну на постоянное или временное (год и более) проживание въехало 252 435 лиц. При этом ежегодно в период 2014–2017 гг. правоохранительными органами раскрывалось около 2 тыс. преступлений, совершаемых иностранцами (многие из которых направлялись отбывать наказания в ИУ). К слову, в данную статистику могли попадать и представители территорий подконтрольных террористам самопровозглашенного «Исламского государства», так как оттуда на тот момент прибыло более 700 беженцев, что, в свою очередь, указывает на особую ответственность и бдительность, требуемые от правоохранительных структур в работе с такими категориями граждан. Здесь в положительном ключе отметим работу отечественных правоохранительных органов: они не только не допустили каких-либо чрезвычайных происшествий с участием рассматриваемой категории лиц, но и добились существенного снижения совершаемых ими противоправных деяний. Так, в 2024 г. на постоянное или временное проживание в нашу страну въехало 343 540 человек, при этом, несмотря на значительное увеличение количества иммигрантов по сравнению с 2016 г., уровень преступности иностранных граждан и лиц без гражданства сократился примерно на 40 %.

Отдельно следует остановиться на нелегальной миграции, представляющей серьезную угрозу по причине отсутствия достоверной информации о намерениях и количестве прибывающих в страну лиц. Официальный представитель Республики

Беларусь на Конференции государств – участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (9 ноября 2025 г., г. Вена) в очередной раз отметил, что в силу своего расположения наша страна «является транзитным коридором, по которому нелегальные мигранты перемещаются на Запад из стран Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока». По итогам 2024 г. из нашей страны было выдворено около 5,5 тыс. иностранцев-нелегалов, а в список лиц, въезд которых запрещен или нежелателен на территорию Республики Беларусь (далее – список), было включено более 7,5 тыс. лиц. Данная тенденция сохранилась и в 2025 г. (в первом полугодии было выдворено более 2,1 тыс. нелегалов, в список включено – 2,8 тыс. лиц). Можно отметить, что, по информации ГПК, тенденции по существенному увеличению незаконной миграции берут свое начало с 2014 г. В этой связи ранее в своих исследованиях мы отмечали увеличение более, чем в 2 раза численности выявленных органами внутренних дел нелегалов, въехавших в нашу страну, и их организованных групп в 2016 г. по сравнению с 2014 г., причем в преобладающем количестве въезжали представители государств с высокой террористической активностью. Сегодня в соответствии с индексом GTI к таким странам относятся: Буркина-Фасо, Пакистан, Сирия, Мали, Нигер, Нигерия, Сомали, Израиль, Афганистан, Камерун и др. К этому списку стоит отнести и некогда дружественную нам Украину, учитывая угрозы, исходящие от нее в отношении нашей страны.

В целом приведенные сведения демонстрируют, что, несмотря на все преграды, выставляемые коллективным Западом перед Беларусью, наша страна продолжает серьезную борьбу с незаконной миграцией, обеспечивая не только свои национальные интересы, но и защищая рубежи наших соседей. Хотя первопричины такой миграционной активности находятся далеко за пределами Беларуси и в основном связаны с эскалацией ситуаций в очагах военно-политической и экономической нестабильности Азии и Африки. Не стоит забывать, что в немалой степени возрастанию таких процессов способствовала заявленная в свое время Евросоюзом готовность в большом количестве принимать беженцев из неблагополучных стран. В этой связи в нашем государстве порой возникают ситуации, которые в средствах массовой информации часто именуют «миграционными кризисами».

Так, начиная с 2014 г. на протяжении нескольких лет Беларусь выступала в качестве основного транзитного пункта, откуда граждане Кавказа и стран Средней Азии стремились переехать в Германию, получив статус беженцев. Тысячи людей прибывали в Брест, где снимали квартиры либо организовывали палаточные лагеря вблизи пограничных пунктов пропусков. Активатором такого поведения послужили слухи о том, что Берлин готов принять около 40 тыс. беженцев из Чеченской Республики, выделяя для них участок земли и крупные суммы денежных средств в качестве «подъемных». В последующем, что особо интересно, власти Польши связывали данный процесс с поиском новых миграционных маршрутов, направленных на приток мусульманского населения в страны Европы, в том числе радикально настроенных лиц, стремящихся наладить экстремистскую сеть для организации актов терроризма, факты чего неоднократно выявлялись правоохранными органами.

Начиная с 2021 г., когда миграционное давление на границе снова усилилось, возник очередной кризис, связанный с отказом стран Балтии и Польши от доброжелательного пограничного сотрудничества и обвинительной риторикой в адрес Беларуси. В этой связи Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на III Минской международной конференции по евразийской безопасности (28 октября 2025 г., г. Минск) в очередной раз поднял тему преодоления миграционного кризиса. «С тем, что Запад натворил в странах исхода, он должен разобраться сам. Что касается последствий, мы готовы работать в том формате, который долгое время обеспечивал контроль за ситуацией для обеих сторон». Глава государства предложил договариваться о преодолении миграционного кризиса в рамках глобальной сделки, подчеркнул необходимость единой системы проверки мигрантов, усиления борьбы с преступными группировками по торговле людьми, ускорения процедур депортации нарушителей.

В связи с этим необходимо отметить, что ряд лиц, прибывающих в Беларусь, не получая желаемого статуса беженца в Европейском союзе, оседают в различных регионах нашей страны, что особенно характерно для приграничных районов. В рамках нашего исследования интерес к теме миграционных процессов как раз-таки и связан в основном с угрозой повышения уровня криминогенности районов, подверженных «оседанию» мигрантов-нелегалов, и ИУ в случае осуждения за совершение противоправных деяний. Ведь, по мнению ряда ученых, неконтролируемые миграционные процессы, в первую очередь связанные с незаконной миграцией, неизбежно ведут к появлению радикальных этнических группировок и распространению экстремистской идеологии на территории любого государства. С многочисленными примерами чего столкнулись США, Германия, Франция, Бельгия, Великобритания и иные страны мирового сообщества.

Таким образом, можно сделать несколько выводов:

во-первых, основная опасность перечисленных миграционных процессов заключается в возможности: формирования радикальных этнических группировок, групп террористической направленности; появления вербовщиков в рядах международных террористических организаций «новобранцев» из числа лиц, проживающих на территории Республики Беларусь; совершения актов терроризма, в том числе направленных против нашего населения. При этом не стоит забывать, что в современном мире более 80 % всех террористов являются приверженцами радикальных исламских течений. Как факт этому можно привести акт терроризма в концертном зале «Крокус Сити Холл», совершенный в марте 2024 г. в Московской области РФ. Между тем, учитывая их фанатичную преданность своим идеалам, даже в случае осуждения такие лица часто продолжают осуществление противоправной деятельности в ИУ, тем более оказавшись под воспитательным воздействием «неверных», к которым они относят всех лиц, придерживающихся иных религиозных взглядов;

во-вторых, существенная угроза для стабильного функционирования ИУ исходит от лиц, бывших до осуждения участниками различных, в том числе зарубежных, вооруженных и экстремистских формирований. Учитывая геополитическое расположение Республики Беларусь, можно прогнозировать пополнение ИУ белорусского государства такого рода осужденными за счет граждан не только Беларуси, но и иных стран, в том числе обладающих повышенной террористической и иной экстремистской активностью.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫХ ПРОФИЛАКТОРИЯХ

Насущной проблемой выступает тот факт, что часть лиц, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях, в процессе принудительной изоляции приобретают статус подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу в связи с совершением преступления до направления в лечебно-трудовой профилакторий, а после – осуждаются с назначением наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа или ареста.

В случае осуждения с назначением наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа лицо, содержащееся в лечебно-трудовом профилактории, подвергается ограничениям, связанным с наказанием, но которые либо имеют проблемы в реализации, либо выполнение которых нивелируется фактом нахождения в условиях лечебно-трудового профилактория, что делает исполнение наказания неэффективным. Лицо, находящееся в лечебно-трудовом профилактории, не ощутит карательного воздействия наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, так как сами условия такого наказания, несмотря на предполагаемый более суровый характер, не реализуются в связи с фактически более суровыми условиями принудительной изоляции в лечебно-трудовом профилактории. Таким образом, после назначения такого наказания для лица, находящегося в лечебно-трудовом профилактории, фактически ничего не меняется, уровень его ограничений не повышается, что снижает возможности достижения целей уголовной ответственности.

Проблема противоположного характера прослеживается с наказанием в виде ареста. В соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь наказание в виде ареста может быть назначено на срок до 3-х месяцев. В то же время, в отличие от ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, вступление в законную силу приговора суда об осуждении лица к наказанию в виде ареста является одним из оснований прекращения нахождения лица в лечебно-трудовом профилактории. В результате лицо может освободиться из лечебно-трудового профилактория значительно раньше, чем истечет срок, на который суд его туда направит, но в таком случае появляется вопрос об успешности достижения целей медико-социальной реадaptации в лечебно-трудовом профилактории. Необходимо понимать, что в такой ситуации не будет устранена сама детерминанта противоправного поведения – злоупотребление алкоголем, потребление наркотиков и иных сильнодействующих веществ, которые в дальнейшем могут продолжить детерминировать противоправное поведение данного лица.

На основании изложенного следует заключить, что в исполнении наказаний в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа и в виде ареста в отношении лиц, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях, имеют место проблемы, порождающие конфликт между достижением целей уголовной ответственности и целей медико-социальной реадaptации, разрешение которого является необходимым для повышения степени общественной безопасности.

ЗАРОЖДЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема криминального поведения и его предупреждения остается актуальной во все времена. Обращаясь к научному осмыслению противодействия коррупции, стоит отметить, что белорусские исследователи разных периодов затрагивали в своих научных изысканиях указанное направление. При этом часто борьба с преступностью в целом и коррупцией в частности рассматривалась в контексте осмысления истинности права и становления правового государства, общеправовых и специальных принципов его функционирования, роли правителя (князя, господара), определения правового статуса должностных лиц государства и ограничений для них, введения юридической ответственности за совершение противоправных действий, связанных со службой.

В этой связи представляет научный интерес освещение указанных вопросов в текстах философов-правоведов (Ф. Скорина, М. Литвин, С. Будный, А. Волан и т. д.) с момента оформления писаного права Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского (далее – ВКЛ), носившего частично религиозный контекст, и активизацией научных публикаций с учетом социально-экономических и политических преобразований в эпоху позднего Средневековья, влияния просвещения и протестантизма, кальвинизма и арианства в свете реформаторского движения. Остановимся на воззрениях некоторых представителей общественно-политической мысли ВКЛ и Речи Посполитой по обозначенной теме.

Так, для нас представляют интерес философско-доктринальные исследования и поучения Ф. Скорины о государстве и праве как первопечатника и доктора права. Анализы научных изысканий автора позволяют утверждать, что ученый выстроил свою христианскую модель государства с позиции гуманности и прирожденных естественных прав человека – «собрания людского посполитого доброго». В трудах «Предисловия» и «Послесловия» Ф. Скорина значительное внимание уделил и

представлению о правовом государстве. Такое государство, по его мнению, базировалось на натуральном и писаном праве, основанных на принципе справедливости. При этом писаное право «можное, потребное» возникало с учетом обычаев государства и общественно-политических условий, имело всеобъемлющий характер и не должно было содержать риски коррупционного характера, как мы это понимаем на сегодняшний момент: «...не имея к себе закритости, не к пожитку одного человека, но к посполитому доброму написаний». Важны доводы Ф. Скорины о верховенстве закона и принципе социальной справедливости независимо от сословной принадлежности. Раскрывались данные принципы применительно к организации судопроизводства с позиции антикоррупционной составляющей следующим образом: «...Да судят людей судом справедливым, и да не уклонятся, ни на жадную старану, ни да не зрят на лица и не принимают даров... не справовали суть их, яко цари или властители, вышнии силу имеющие над ними, но яки ровнии и товариши, раду им даючи и справедливость меж ими чинячи...». Ученый также выдвигал и моральные требования к правителю (его идеалом выступал монарх). Последний должен быть чутким и справедливым, руководствоваться только писаными законами, следить за качественным отправлением правосудия. Воззрения ученого бесспорно нашли свое отражение в нормах Статута ВКЛ 1529 г.

Интересны взгляды по исследуемой теме гуманиста М. Литвина. Ученый в трактате «О нравах татар, литовцев и москвитян», проводя сравнительный анализ социально-правового строя государств, осуждал существование в ВКЛ феодального права и крепостной зависимости, утверждая о нарушении принципа социальной справедливости и равенства всех перед законом. Критично автор описывал исполнение своих обязанностей воеводами и их подчиненными. При этом обычаи литовцев-вельмож «применять законы к своим выгодам» создавали риски коррупционного характера и злоупотребления. В современном понимании коррупции система организации судопроизводства, по описанию ученого, оставалась коррупциогенной сферой деятельности: обременяла тяжущихся непомерными пошлинами «в виде различных десятин и других значительных поборов», а наместники-воеводы, разбиравшие дела, «...заботясь о телесном своем благосостоянии, обыкновенно творили суд среди шума пиршеств; мало сведущи в судопроизводстве, но очень исправно взимали свой „пересуд“».

Последователен в своих воззрениях другой известный реформатор – А. Волан, который в учении о государстве и праве опирался на античного философа Платона. Так, в научном труде «О государе и его личных добродетелях» ученый значительное внимание уделил формированию нравственных начал правителя, обращаясь к этическим принципам справедливости, мудрости и умеренности. Основной посыл в деятельности государя, по его мнению, сводился «к тому, чтобы нести благополучие гражданам, способствовать благосостоянию людей», заботиться об исполнении законов, «не позволяя никакому лиходею нарушать их». Критиковал автор тех лиц, кто стремился к обогащению за счет других, особенно обладающих властными полномочиями, что и требовал от правителя – «удерживать своих прокураторов». При этом идеалом общественного устройства, по мнению ученого, являлось «общественное согласие» по принципу социальной справедливости, несмотря на объединение в государстве неравных по статусу людей. Это обуславливало, по мнению ученого, реформирование законодательства, расширение налогов для феодалов, ослабление и отмену крепостного права. Некоторые прогрессивные мысли ученого оказались созвучны с положениями Статута ВКЛ 1588 г. (например, ст. 1 разд. 1; ст. 11 разд. 1).

Конструктивные взгляды ученого нашли дальнейшее развитие и в трудах С. Будного. Яркий представитель антитринитариев, основываясь на церковных догмах, тем не менее обосновал в трактате «О светской власти» несколько существенных аргументов в защиту основных институтов государства, полагая, что каждый христианин может занимать светские должности и приносить пользу обществу, тем самым заботясь о предупреждении коррупции в современном ее понимании.

Таким образом, гуманистические, реформаторские и просветительские взгляды некоторых философов и правоведов ВКЛ и Речи Посполитой нашли свое отражение с позиции антикоррупционной составляющей в общественной и политической мысли государства. Многие из антикоррупционных принципов и ограничений, положенных в основу правового государства современности, институтов государственного устройства и закрепления властных полномочий (отношений), организации судопроизводства, нашли свое отражение и в статутных нормах, что позволяет говорить о формировании сущностной основы соответствующей политики государства и высокой правовой культуре в обозначенный период.

УДК 343.9

А.А. Тум

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Стремительное развитие информационных технологий обуславливает вектор социального взаимодействия индивидов и реальность сегодняшнего дня. Новые возможности владения информацией и скорости ее обработки меняют характер мышления и влияют на его направленность. Все это трансформирует системы стратегического и коммуникативного действия, наполняет новым содержанием институты, цели и ценности цифровизирующегося общества. Погруженный в цифровое пространство индивид вынужден перерабатывать большие, наслаивающиеся друг на друга объемы информации, пронизывающие практически все сферы жизнедеятельности. Данное обстоятельство формирует новое семантическое пространство, которое также можно назвать цифровым, выступающим в качестве фона, определяющего характер социального взаимодействия. Все это свидетельствует о том, что цифровое пространство – это фундаментальная основа, определяющая формы и способы взаимодействия индивидов. Здесь необходимо отметить и то, что цифровое пространство задает границы эпистемической рациональности, формируемые социальным запросом. В научной литературе отмечается, что цифровизация обще-

ства – одна из доминирующих характеристик социального развития, что обуславливает необходимость детального анализа воздействия цифровой среды на совершение преступлений в информационном пространстве с использованием цифровых технологий, которые в криминологической науке получили название киберпреступность.

Особенность указанного вида преступности заключается в корреляции его удельного веса и уровня развития информационных и цифровых технологий. Так, по данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2015 г. удельный вес киберпреступности составлял всего лишь 2,5 % от общего уровня преступности, в 2025 г. доля зарегистрированных киберпреступлений составила уже 29,6 % от общей преступности. В данном случае можно констатировать, что за 10 лет рост уровня рассматриваемого вида преступлений вырос практически в 12 раз. Фактически в настоящий момент каждое третье зарегистрированное преступление в Республике Беларусь совершается в цифровом пространстве с использованием цифровых технологий. Это обуславливает необходимость анализа детерминант, способствующих росту киберпреступности для выработки эффективных предупредительных форм и методов противодействия ему.

Для выработки эффективных способов противодействия киберпреступности необходим анализ общественных отношений на предмет выявления криминологически значимых аспектов, влияющих на формирование социальных связей. Отталкиваясь от изложенного, отметим, что характерной чертой совершаемых преступлений в последнее время стало широкое вовлечение населения посредством информационных технологий, особенно социальных мессенджеров. Это обусловлено современным характером социальной коммуникации, которая сегодня значительно отличается даже от существовавшей тридцать лет назад. Доминирующее количество членов общества активно использует социальные сети для общения для получения любого вида информации, включая новости, что, по мнению представителей научного сообщества, формирует новые способы взаимодействия в обществе. В результате развития информационных технологий вокруг индивида формируется по сути новая объективная реальность, которая наполняет новыми смыслами характер социального взаимодействия последнего. Таким образом, сегодня социальное взаимодействие в обществе представляет собой как бы симбиоз двух вариаций коммуникации: онлайн и офлайн.

Учитывая большие возможности в скоростях передачи информации, наблюдается рост популярности социальных сетей, воздействие которых на сознание индивидов, вовлеченных в процесс коммуникации с использованием социальных сетей, возрастает. При этом рост оказываемого воздействия коррелирует с ростом популярности социальных сетей, создавая при этом новые коммуникативные каналы взаимодействия, а также оказывает влияние на девиантное поведение лиц-участников данной формы общественных отношений. По статистике, количество русскоязычных Telegram-каналов в настоящее время составляет более 1 млн, а количество пользователей указанного мессенджера в мировом масштабе составляет 3,6 млрд человек, и эти цифры постоянно изменяются в сторону увеличения. Из указанной массы пользователей 75 % пользователей читают новости в Telegram. Здесь мы показали только один из мессенджеров, который оказывает влияние на социальную коммуникацию. Есть и другие, например, X, Instagram, YouTube, Facebook, «ВКонтакте» и др., которые практически полностью заменяют большинству своих пользователей традиционные средства массовой информации. Подчеркнем, что к последним предъявляются строгие требования, так как они формируют общественное мнение, а также и к информации, которую они предоставляют, а к администраторам групп в социальных сетях, блогерам и т. д. таких требований и ограничений по предоставляемой информации нет.

Если взять традиционные средства массовой информации, то допуск к непосредственному созданию информации, которая служит основой социального взаимодействия, возможен только лицам, прошедшим обучение. Кроме этого, указанные лица, ответственные за разработку информации, несут ответственность за предоставление достоверной информации. В отличие от традиционных средств подачи информации содержание информации, распространяемой в социальных сетях, может не соответствовать действительности. Данное обстоятельство обусловлено отсутствием критериев, предъявляемых к информации, распространяемой в социальных сетях. Для администратора сообщества в социальной сети, блогера главной целью является привлекательность контента и его подача, а не проверенные факты, что создает основу для манипуляции аудиторией.

Создаваемый в результате развития информационных технологий пласт общественных отношений оказывает большое влияние на характер интеракции всех индивидов, вовлеченных в общественные отношения. Особенно это проявляется на степени активности в информационно-сетевой коммуникации, которая может быть использована для конвертации в различные формы социального капитала: экономический, политический и др. (например, формирование общественного мнения для поддержки лидеров политического движения). Как отмечается в научной литературе, что «все, что происходит онлайн в сети, кажется абсолютно реальным». Все это создает предпосылки для применения технологий социальной инженерии.

Таким образом, говоря о предупреждении киберпреступности в Республике Беларусь, следует особо указать на тот факт, что неотъемлемым атрибутом социального взаимодействия в современном обществе выступает большой объем социальной информации, производство которой сопутствует процессу социального взаимодействия, увеличиваясь в процессе происходящих в обществе коммуникаций. В конечном итоге собираемая в процессе социального взаимодействия информация, преломляясь через социальные институты, трансформируется в общественную информацию, оперирование которой регулирует общественные отношения. Таким образом, для предупреждения киберпреступности необходимо изучать сформированные информационные фреймы, что даст возможность определять направления приложения усилий для купирования криминогенных детерминант, характерных для информационного общества.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Актуальность проблемы предупреждения преступлений среди несовершеннолетних обуславливает необходимость создания целостной и последовательной системы воздействия на каждого несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом. В Республике Беларусь правовые основы такой системы заложены прежде всего в Законе Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). Согласно данному нормативному правовому акту с несовершеннолетними осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и иным мерам уголовной ответственности проводится индивидуальная профилактическая работа (ИПР) сотрудниками инспекций по делам несовершеннолетних (ИДН). Однако в большинстве случаев с вышеуказанной категорией несовершеннолетних ИПР проводится с момента признания подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений согласно абзацу одиннадцатому части первой ст. 5 вышеуказанного Закона.

ИПР представляет собой целый комплекс мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению несовершеннолетними правонарушений, выявление семей, находящихся в социально опасном положении, предотвращение случаев самовольных уходов несовершеннолетних, оказание социально-педагогической поддержки, психологической и иной помощи им и их родителям (опекунам) (ст. 5 настоящего Закона). Но данное определение никак не охватывает работу с несовершеннолетними осужденными, предусматривающую формирование готовности вести правопослушный образ жизни и предупреждение новых преступлений согласно ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК). Это качественно разные, хотя и взаимосвязанные задачи, потому как вышеуказанное определение не отражает индивидуальной целенаправленной работы с несовершеннолетними по формированию готовности вести правопослушный образ жизни.

В настоящее время дискуссионным остается вопрос о том, какие профилактические или воспитательные мероприятия необходимо проводить после вступления в законную силу обвинительного приговора, не связанного с изоляцией от общества, в отношении несовершеннолетнего. Так, в случаях, если несовершеннолетний осужден к общественным работам, исправительным работам, ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, запрету заниматься определенной деятельностью, он дополнительно состоит на учете в уголовно-исполнительной инспекции, с ним проводится воспитательная работа согласно постановлению Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 января 2014 г. № 13 «О порядке исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности территориальными органами внутренних дел».

В случаях осуждения несовершеннолетнего к иным мерам уголовной ответственности с несовершеннолетним далее проводится ИПР, при этом документально меняется только основание ИПР. Согласно постановлению Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 11 декабря 2024 г. № 400 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» несовершеннолетнему в присутствии законных представителей выносится постановление о вменении судом прав и обязанностей в качестве осужденного. В дальнейшем, при уклонении несовершеннолетнего от выполнения возложенных на него обязанностей или нарушения им общественного порядка, последнему выносится официальное предупреждение согласно подп. 9.2 п. 9 вышеуказанного постановления. Однако законодательно никак не закреплен механизм контроля и профилактического наблюдения сотрудниками ИДН за несовершеннолетними осужденными, а также проведение с ними воспитательной работы. Согласно ч. 9 ст. 14 и ч. 2 ст. 177 УИК контроль и профилактическое наблюдение за исполнением иных мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних осужденных возлагаются на ИДН по месту жительства осужденного. Но в ст. 179 УИК порядок контроля и профилактического наблюдения со стороны ИДН отсутствует.

Таким образом, воспитательная работа, выступающая средством исправления, с несовершеннолетними, осужденными к иным мерам уголовной ответственности, не проводится, а заменяется более широким комплексом профилактических мероприятий в рамках ИПР. При таких обстоятельствах смена статуса несовершеннолетнего из подозреваемого (обвиняемого) в осужденного происходит формально, без смены механизма работы с несовершеннолетним, но уже осужденным гражданином. Несовершеннолетний в полной мере не сможет осознать изменение своего правового статуса, а также смену «вектора работы» с «профилактической» направленности на «воспитательную». В Законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» отсутствует четкое правовое понятие деятельности, которая была бы направлена на воспитательное воздействие на несовершеннолетних, с учетом вступления приговора в законную силу и получения нового особого уголовно-правового статуса – осужденный. Работа инспектора ИДН с осужденным, например, к уголовному неприменению наказания, формально проходит под тем же названием – ИПР, что и работа с несовершеннолетним, совершившим административное правонарушение. Это стирает специфику уголовной ответственности и снижает эффективность при отбывании наказания несовершеннолетним.

Решение данной проблемы видится во внесении следующих изменений и дополнений в ст. 179 УИК:

дополнить статью частью 1² следующего содержания:

«В отношении несовершеннолетних осужденных функции, указанные в части 1 настоящей статьи, осуществляются инспекцией по делам несовершеннолетних»;

ч. 2, 3 и 6 после слов «уголовно-исполнительная инспекция» дополнить словами «инспекция по делам несовершеннолетних»;

ч. 4 после слов «уголовно-исполнительная инспекция» дополнить словами «в отношении несовершеннолетних – инспекция по делам несовершеннолетних».

Для повышения эффективности исправления несовершеннолетних осужденных к иным мерам уголовной ответственности также необходимо законодательное закрепление механизма контроля и профилактического наблюдения за ИДН и наделения ее специальными функциями по воспитательной работе с данной категорией несовершеннолетних.

УДК 343.8

В.С. Шабаль

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь предусмотрен определенный процессуальный порядок привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных, который отличается в зависимости от вида наказания.

Изначально стоит отметить, что процессуальный порядок привлечения к дисциплинарной ответственности начинается с ознакомления осужденных с порядком и условиями отбывания наказания, что предусмотрено ст. 23, 37, 51, 179, 182 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК). Осужденным к лишению свободы разъясняют порядок и условия отбывания наказания в соответствии с п. 66 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2000 г. № 174). Интересным моментом является то, что при исполнении штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью этой процедуры в соответствии с УИК не предусмотрено. Данное ознакомление (разъяснение) является правовым основанием для дальнейшего применения мер дисциплинарного воздействия (в том числе и мер взыскания), так как осужденный уже не может сказать, что он не знал, что то или иное деяние запрещено законодательством.

В целом сами по себе меры взыскания не предусмотрены при исполнении всех видов наказаний. Если анализировать УИК, то меры взыскания отсутствуют, например, при исполнении общественных работ. Ответственность за нарушения установленного порядка отбывания наказания предусмотрена, однако не в виде взысканий, а в виде замены отбываемого наказания более строгим. Для этого должны быть соблюдены некоторые условия: совершены более 2-х раз нарушений, виновность в нарушении должна быть доказана, вынесено официальное предупреждение о возможной замене наказания. Если одно из этих условий не соблюдено, то суд не осуществит замену общественных работ в соответствии со ст. 49 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Аналогичный порядок предусмотрен и при исполнении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

При исполнении штрафа предусмотрен другой процессуальный порядок привлечения к ответственности (меры взыскания также отсутствуют), предполагающий, что если проверка судебного исполнителя покажет, что осужденный реально мог уплатить штраф, но сознательно от этого уклоняется, то в этом случае ему выносится официальное предупреждение о замене штрафа более строгим видом наказания. Интересной является позиция законодателя в том, что само по себе понятие злостного уклонения от исполнения штрафа в УИК введено только в октябре 2025 г., однако его формулировка является не точной, позволяющей данную норму толковать исполнителям по своему усмотрению.

Начиная с исправительных работ, в УИК появляются меры взыскания за нарушения установленного порядка отбывания наказания. Одновременно с наложением меры взыскания осужденный опять официально предупреждается о возможной замене отбываемого наказания более строгим видом. Если осужденный продолжает нарушать, то он признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания. Самостоятельным составом злостного уклонения является скрытие с места жительства с целью уклонения. При исполнении ограничения свободы предусмотрен практически идентичный порядок, однако официальное предупреждение выносится осужденному одновременно с признанием его злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания (т. е. имеющий три взыскания), а также больше самостоятельных составов злостного уклонения.

Процессуальный порядок привлечения к ответственности осужденных к аресту и лишению свободы имеет свои отличия. Стоит отметить, что в УК есть ряд составов, предусматривающих уголовную ответственность за те или иные действия. В ст. 414 УК предусмотрена ответственность за уклонение от отбывания наказания (ареста и лишения свободы), под которым понимается в том числе невозвращение осужденных из краткосрочных выездов. Ст. 413 посвящена побегу, ст. 411 – злостному неповиновению требованиям администрации (только лишение свободы), ст. 410 – действия, дезорганизующие работу учреждения (арест и лишение свободы).

В целом так же, как при исполнении иных наказаний, где присутствуют меры взыскания, при исполнении лишения свободы предусмотрено, что по факту допущенного осужденным нарушения установленного порядка отбывания наказания проводится проверка, по итогам которой уполномоченным должностным лицом принимается решение о применении меры взыскания. При этом при исполнении лишения свободы (как и при исполнении ограничения свободы) осужденный может быть признан злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания, что может повлечь за собой определенные последствия. Для осужденных, лишенных свободы, это перевод в соответствии со ст. 112 УИК в помещение камерного типа (ПКТ) (для исправительных колоний), в одиночные камеры (для содержащихся в ПКТ исправительных колоний особого режима), на строгий режим в тюрьме, возвращение в ПКТ из обычных жилых помещений (для исправительных колоний особого режима) или перевод из исправительной колонии в тюрьму, из исправительной колонии-поселения в исправительную колонию (ч. 5 ст. 69 УИК).

Как отмечалось ранее, перед изменением вида наказания (а тем самым и условий отбывания наказания) осужденный при исполнении мер, не связанных с изоляцией от общества, об этом официально предупреждается. Аналогичного порядка при исполнении лишения свободы не предусмотрено. Многие могут возразить, что в данном предупреждении нет необходимости,

так как вид наказания в этом случае не изменяется. Однако условия существенно становятся более строгими. Необходимо помнить и о том, что лица, переведенные в ПКТ и т. д., могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 411 УК.

Представляется, что процессуальный порядок исполнения различных наказаний, в том числе и привлечения к дисциплинарной ответственности, должен быть максимально идентичен друг другу. Если при исполнении ограничения свободы предусмотрено официальное предупреждение, то аналогичное предупреждение следует внедрить в уголовно-исполнительное законодательство для лишения свободы.

Таким образом, необходимо предусмотреть для наказания в виде лишения свободы процедуру вынесения официально-го предупреждения осужденному о переводе в другое учреждение или привлечения к уголовной ответственности, для чего:

дополнить ст. 112 УИК ч. 1¹ следующим содержанием: «Осужденному, к которому применена мера взыскания, предусмотренная пунктом 7 части 1 настоящей статьи, выносится официальное предупреждение о возможном привлечении к уголовной ответственности по статье 411 Уголовного кодекса Республики Беларусь»;

дополнить ст. 117 УИК ч. 5 следующим содержанием: «Осужденному, допустившему злостное нарушение установленно-го порядка отбывания наказания, выносится официальное предупреждение о возможном применении мер взыскания, преду-смотренных пунктом 7 части 1 статьи 112 настоящего Кодекса, переводе в другое исправительное учреждение в соответствии с частью 5 статьи 69 настоящего Кодекса».

УДК 343.8

Д.А. Шаченок

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Современная уголовная политика в сфере наказаний нацелена в первую очередь на исправление осужденного. Вместе с тем общественное мнение требует от государства большего, чем исправление осужденного, – его успешной интеграции в общество. В данном случае реализация мер уголовно-правового характера в период отбывания наказания должна быть только элементом реализации уголовной ответственности. Изложенное актуализирует проблему социальной адаптации осужденных к лишению свободы на определенный срок (далее – лишение свободы) в обществе после отбытия последними наказания, так как от качественной адаптации к жизни осужденных после освобождения зависит снижение их криминогенного потенциала и рецидивной преступности в целом.

Совершенствование института социальной адаптации осужденных к лишению свободы предполагает также изменение концепции деятельности исправительных учреждений, где стержневым элементом выступит реабилитация осужденных с целью их интеграции в общество. Это может быть достигнуто путем совершенствования проводимых мероприятий социально-адаптационной направленности как на стадии отбывания наказания в исправительных учреждениях, так и после освобождения из них.

Контент-анализ законодательства, регламентирующего исполнение наказаний и иных мер уголовной ответственности, показывает отсутствие полноценного организационно-правового механизма социальной адаптации осужденных к лишению свободы: не закреплены виды и формы процесса социальной адаптации осужденных, отсутствует понятие социальной адаптации осужденных, что препятствует единообразному пониманию сущности указанного уголовно-правового явления и, соответственно, неоднородной практики его реализации субъектами, ответственными за его выполнение. Отдельно стоит отметить отсутствие субъекта, координирующего процесс социальной адаптации осужденных к лишению свободы на всех этапах реализации уголовной ответственности.

Так, основные положения организационно-правового механизма, закрепляющего основы социальной адаптации рассматриваемой категории осужденных, основываются на положениях следующих нормативных правовых актов (далее – законодательство о социальной адаптации): Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК); Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»; приказа Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 24 июня 2024 г. № 207 «Инструкция о порядке организации и проведения воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде ареста, ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа и лишения свободы на определенный срок»; постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 января 2014 г. № 15 «Инструкция о порядке оказания помощи осужденным в трудоустройстве и бытовом устройстве» (далее – Инструкция № 15); постановления Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 марта 2012 г. № 47/93 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия по вопросам трудовой и социальной реабилитации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы» (далее – Постановление № 47/93).

Согласно ч. 1 ст. 2 УИК одной из задач уголовно-исполнительного законодательства является социальная адаптация осужденных в процессе реализации целей уголовной ответственности. Для решения указанной задачи в законодательстве о социальной адаптации отсутствует четкий механизм реализации мероприятий социальной адаптации освобождающихся из мест лишения свободы, в том числе не закреплен орган, координирующий и объединяющий полномочия всех субъектов, участвующих в процессе социальной адаптации осужденных в пенитенциарной и постпенитенциарной стадии уголовной ответственности.

Детальный анализ Инструкции № 15 и Постановления № 47/93 показывает, что основу взаимодействия между субъектами, ответственными за проведение социально-адаптационных мероприятий, составляет преимущественно обмен информа-

цией о нуждаемости осужденного в какой-либо социальной услуге, данные нормативные правовые акты не содержат четких императивных указаний на алгоритм действий заинтересованного субъекта в вопросе обеспечения социальной услуги.

Отсутствие механизма социальной адаптации и органа, координирующего деятельность субъектов, участвующих в процессе социальной адаптации, препятствует реализации эффективного взаимодействия отраслевых органов исполнительной власти и органов, исполняющих наказание. Кроме этого, отсутствие эффективно функционирующего механизма социальной адаптации является одной из причин достаточно высокого уровня рецидивной преступности. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2024 г. уровень рецидивной преступности остается в пределах 33 %, что является достаточно высоким показателем. Освобождаясь из мест лишения свободы, рассматриваемая категория лиц сталкивается с комплексом проблем, которые затрудняют процесс социальной адаптации и повышают риск повторного совершения преступлений. К данным проблемам можно отнести: отсутствие жилья, проблемы с трудоустройством и, как следствие, материальные трудности, сложности с восстановлением документов, утрата социально полезных связей, трудности в восстановлении межличностных отношений с родственниками, психологические и эмоциональные проблемы.

Большую часть обозначенных выше проблем, связанных с интеграцией осужденных в общество, можно решить путем разработки и закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве концептуальных основ организационно-правового механизма социальной адаптации осужденных. Стержневым элементом организационно-правового механизма социальной адаптации осужденных должна выступить разработка понятия социальной адаптации осужденных к лишению свободы, видов и форм процесса социальной адаптации осужденных, а также определение субъекта, координирующего процесс социальной адаптации осужденных к лишению свободы в обществе на всех этапах реализации уголовной ответственности.

УДК 343.8

Г.В. Шкарбун

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ С НАПРАВЛЕНИЕМ В ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОТКРЫТОГО ТИПА В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Сегодня одним из самых негативных факторов, влияющих на ресоциализирующую активность осужденных к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ), является их социальная стигматизация, результативностью которой выступает предвзятое отношение членов общества к таким осужденным, что, в свою очередь, обуславливают определенные сложности в социальной реадaptации осужденного и возрастание уровня риска совершения им нового преступления.

На наш взгляд, вопрос социальной стигматизации осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ направлен на организацию вопросов, связанных с их трудоустройством и трудовой деятельностью в период отбывания наказания.

Так, относительно большая часть осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ, в особенности в среде ранее судимых лиц, не имеет документов об образовании и обучении, что, в свою очередь, затрудняет вопросы с их трудоустройством на более квалифицированную работу. Существует также большая проблема, обусловленная отсутствием у осужденных трудовых книжек. Указанное связано с тем, что часть осужденных до отбытия наказания работала неофициально, либо на заработках за границей, в связи с этим кадровые службы организации не хотят заниматься трудоустройством таких осужденных по причине определенной трудоемкости, связанной с заведением им новых трудовых книжек и направлением запросов в организации, в которых работал осужденный, исходя из указанных данных в выписке из страхового стажа, для учинения записи в новую трудовую книжку.

Существует факт того, что не все юридические лица хотят взаимодействовать с ИУОТ в организации трудоустройства осужденных на своих трудовых объектах, ссылаясь на всеобъемлющий социальный стереотип, связанный с судимостью и совершением ими преступления. В связи с этим сотрудникам администрации ИУОТ иногда бывает весьма проблематично найти организацию, которая бы трудоустроила осужденного.

Необходимо также отметить, что уже после трудоустройства в организации у части осужденных появляются определенные конфликтные ситуации с работниками организации. Указанное в некотором роде связано с тем, что часть работников очень пренебрежительно относится к правовому статусу осужденного, заставляя его выполнять ту трудовую функцию, которую он не должен делать. Существует также и тот факт, что есть категория осужденных, которые по своим личностным факторам являются весьма конфликтными, провоцируя отдельных работников на определенные ситуации. Обозначенные факты также меньше мотивируют нанимателя брать к себе в организации осужденных в качестве работников.

Исходя из изложенного, можно отметить, что в большинстве случаев проблема социальной стигматизации осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ присутствует в вопросах их трудоустройства и трудовой деятельности. В связи с этим, на наш взгляд, одним из перспективных вопросов, связанных с нейтрализацией социальной стигматизации при трудоустройстве, выступает формирование системы правового стимулирования работодателей при приеме на работу таких лиц путем закрепления права нанимателя на налоговый вычет в установленном размере за каждого принятого такого осужденного. Ввиду особого правового статуса также было бы интересно разработать упрощенную систему трудоустройства, исключив, например, запрос на характеристику с предыдущего места работы по причине действующего правового статуса осужденного и наличия определенного спектра ограничений.

УДК 37.014.53

И.А. Барсук

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ: ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ, ЭВОЛЮЦИЯ

Духовно-нравственное воспитание будущего сотрудника органов внутренних дел (ОВД) является составной частью формирования гармонично развитой личности. Особую актуальность вопросы духовно-нравственного воспитания сотрудника ОВД в Республике Беларусь приобретают в период социальной турбулентности, возникновения новых угроз и вызовов, обострения международной политической обстановки, требующей мобилизации всего белорусского общества, направленной на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей.

Духовно-нравственное воспитание – это профессионально организованный процесс постижения гражданами государства основных национальных ценностей. Носителями данных ценностей могут выступать: мировое сообщество, нация, семья, религиозные общины (православные, католические, исламские, иудейские и т. д.). Духовно-нравственные ценности индивид усваивает из различных источников: в процессе взросления в семье, различных коллективах (трудовых, военизированных и т. д.), средствах массовой информации, во время отдыха, знакомстве с произведениями национальной и мировой культуры и т. д. Тем не менее принято считать, что системное духовно-нравственное развитие личности наиболее полно имеет место в системе образования, где молодой человек одновременно испытывает влияние государственной образовательной системы и социума.

Актуальность осуществления духовно-нравственного воспитания в современном белорусском обществе крайне высока. На современном этапе устои и ценности белорусского общества столкнулись с целым рядом серьезнейших внутренних и внешних вызовов. Это неминуемое влияние процессов глобализации. Республика Беларусь – открытое государство, неизбежно вовлеченное в общемировые культурные, политические и экономические процессы. В связи с этим национальная культура испытывает сильнейшее воздействие различных культурных стереотипов, выработанных обществом потребления. С одной стороны, это приводит к неизбежной адаптации национальной культуры под определенные мировые стандарты. С другой стороны, процесс глобализации актуализирует необходимость сохранения и трансляции подрастающим поколениям национальных ценностей, позволяющих сохранить свою культурную идентичность.

Духовно-нравственное воспитание по праву считается одним из основных направлений патриотического воспитания. С древнейших времен служители религиозных культов играли ключевую роль в сплочении родоплеменных образований, передаче знаний между поколениями, а также формулировании и сохранении духовно-нравственных ценностей. К сожалению, до наших дней не сохранились достоверные сведения о функционировании института жрецов в языческих протогосударственных образованиях на территории современной Республики Беларусь.

Поистине огромным событием в истории и культуре белорусских земель стало принятие христианства киевским князем Владимиром в 988 г. по византийскому образцу. Полоцкое и Туровское княжества, входившие в те времена в орбиту влияния князей киевских, также приняли новую веру. С появлением христианства было связано появление письменности. Тем самым православные церкви и монастыри стали первыми центрами интеллектуальной жизни, связанными с получением образования, переписыванием священных книг и созданием летописей.

С появлением христианства связано коренное изменение мировоззрения восточных славян. Десять христианских заповедей стали основой не только первой правовой системы восточнославянских княжеств, но и основой духовно-нравственного воспитания. Семья представлялась в христианстве подобием небольшой церкви, где должна господствовать любовь, взаимное уважение и верность.

Христианство сумело значительно ослабить обособленность языческих народов и на основе единоверия укрепить международные связи и возможности культурного обмена. Кроме того, христианство позволило переосмыслить институт семьи, отстаивало идеи целомудрия до вступления в брак, супружеской верности и моногамной семьи.

Следует отметить, что огромную роль в духовно-нравственном воспитании в истории белорусских земель сыграла не только православная церковь, но также католическая (укрепившая свои позиции в конце XIV – начале XV вв.), униатская (появившаяся в результате заключения Брестской церковной унии 1569 г.) и протестантская (распространившаяся в Восточной Европе в XVI–XVII вв.). С ними связано проникновение на территорию Беларуси идей западноевропейской цивилизации и приобщение Великого княжества Литовского к западноевропейской культуре.

События октября 1917 г. коренным образом повлияли на политику духовно-нравственного воспитания. Массовые репрессии в отношении священнослужителей более чем на 70 лет исключили церковь из общественной жизни. Пустоту, вызванную отстранением церкви, заняла коммунистическая идеология и общественные организации, курируемые Коммунистической партией Советского Союза (КПСС): профессиональные союзы, коммунистический союз молодежи, пионерские организации и т. д. Кроме того, огромное внимание уделялось пропаганде толерантности в отношении представителей иных народов. Это было крайне важно ввиду мультикультурной природы СССР и необходимости обеспечения устойчивой коммуникации между уроженцами всех братских республик.

Наследие СССР в духовно-нравственном воспитании ощущается в Республике Беларусь до сих пор. Трудолюбие, толерантность, стремление к социальной справедливости – все эти ценности десятилетиями успешно прививались советским гражданам. Несмотря на все очевидные успехи советской власти в пропаганде общечеловеческих ценностей, необходимо констатировать, что причины безразличного отношения к церкви значительной части современного белорусского общества кроются в бескомпромиссной политике СССР по искоренению религиозного сознания у своих граждан.

Современный этап духовно-нравственного связан с распадом СССР и становлением суверенного белорусского государства. Духовно-нравственным воспитанием граждан Республики Беларусь занимается не только государство, но и различные неправительственные организации и религиозные общины. В целом нравственно-духовные ценности становятся значимым фактором государственного развития. И поэтому деятельность ОВД основана на нравственных принципах – гуманизме, законности, справедливости, объективности, что порождает определенные требования к личным качествам сотрудника, необходимым в его профессиональной деятельности.

УДК 378.016:802

А.Э. Бондаренко

ОБУЧЕНИЕ КОНТЕКСТНОЙ ГРАММАТИКЕ С ЦЕЛЮ ДОСТИЖЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ПРИ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях глобализации и расширения международного профессионального сотрудничества формирование иноязычной функциональной грамотности у будущих специалистов правоохранительных органов перестает быть факультативной задачей и становится требованием времени. Результаты международных исследований, демонстрирующие пробелы в умении применять теоретические знания на практике, обязывают педагогическое сообщество пересматривать традиционные подходы. Современный выпускник учреждения образования МВД должен не просто знать грамматические правила английского языка, но и гибко, точно и адекватно ситуации использовать их в реальных профессиональных коммуникациях: при составлении протоколов, взаимодействии с коллегами на международных учениях, консультировании граждан или в оперативной обстановке. Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена необходимостью разработки и внедрения такой методической модели, которая преодолевает разрыв между абстрактным знанием грамматики и ее практическим, функциональным применением в специфическом контексте правоохранительной деятельности.

Целью данного исследования является описание и обоснование методической модели обучения контекстной грамматике английского языка, которая направлена на формирование функциональной грамотности у обучающихся юридических специальностей правоохранительной направленности.

В противовес традиционному методу, основанному на механическом заучивании правил вне связи с речевой практикой, контекстный подход как методологическая основа формирования функциональной грамматической компетенции, интегрирует изучение грамматических структур непосредственно в моделируемые ситуации профессионального общения. Его ключевые принципы, адаптированные для специальных целей, включают в себя:

использование аутентичных и профилированных материалов. Грамматика изучается по текстам служебных инструкций, образцам международных правовых документов, расшифровкам переговоров, отчетам об инцидентах и другим материалам, отражающим реальный языковой уклад профессиональной среды или их имитацию;

обучение через осознание функции. Правило объясняется не как самоцель, а как инструмент для решения коммуникативной задачи. Например, пассивный залог (Passive Voice) изучается не через формальные преобразования, а в контексте составления рапорта о происшествии, где акцент смещен с исполнителя на само действие или его результат (например, *The vehicle was found abandoned...*);

интерактивность и ситуативное моделирование. Обучающиеся участвуют в ролевых играх, имитирующих стандартные профессиональные сценарии (допрос свидетеля, общение на месте ДТП, брифинг для международной делегации), где корректный выбор грамматической конструкции напрямую влияет на точность и юридическую чистоту высказывания.

Вовлеченность и мотивация являются критическими факторами успеха. Для их поддержания в рамках контекстного подхода эффективно использовать интеграцию игровых методов и технологий искусственного интеллекта (ИИ) для интенсификации обучения, а именно:

метод деловой игры. Специально разработанные дидактические игры и кейсы «Установление обстоятельств» (отработка вопросительных структур и временных форм) или «Описание личности/объекта» (отработка прилагательных, причастий) превращают грамматическую практику в решение профессиональной задачи, развивая креативное мышление и адаптивность;

ИИ как персонализированный ассистент. Современные языковые модели (например, ChatGPT, GigaChat, Deepseek, Copilot) выступают мощным вспомогательным инструментом для создания бесконечного массива контекстуальных упражнений, симуляции диалоговых практик и обеспечения мгновенной обратной связи по письменным работам. Это позволяет моделировать нетиповые ситуации и организовывать дополнительную тренировку вне аудиторных занятий. Однако ключевая роль преподавателя сохраняется для контроля достоверности информации, построения системной программы обучения и коррекции ошибок, недоступных для ИИ (например, тонкости произношения, глубинные смысловые нюансы).

Внедрение описанной модели сопряжено с рядом вызовов, требующих методического внимания и критического анализа рисков и педагогических условий эффективности. К ним относятся:

риск поверхностного усвоения при чрезмерном увлечении технологиями. Необходим сбалансированный подход, где цифровые инструменты дополняют, а не заменяют глубокую аналитическую работу с текстом и живое профессионально-ориентированное общение;

требование к квалификации преподавателя. Педагог должен не только владеть языком и методикой, но и понимать основы правоохранительной деятельности, чтобы корректно подбирать и создавать аутентичные контексты;

академическая честность. Важно четко регламентировать допустимые формы использования ИИ в учебном процессе, смещая акцент с генерации готовых ответов на анализ и критическую оценку предложенных моделей.

Переходя к выводам, можно сказать, что предлагаемая модель, синтезирующая контекстный подход, игровые методы и администрируемое использование ИИ, позволяет перевести обучение грамматике из плоскости формального знания в плоскость функционального навыка. Это напрямую способствует достижению иноязычной функциональной грамотности, понимаемой как способность эффективно использовать языковые ресурсы для решения профессиональных задач в непредсказуемых условиях реального служебного общения. Перспективой дальнейших исследований является разработка детализированного банка контекстуально-профессиональных заданий и критериев оценки сформированности грамматической компетенции в рамках функциональной грамотности для специальностей правоохранительного профиля.

УДК 159.9:343.8

С.Л. Бураков

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОМЕРНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОЖИДАНИЙ ОСУЖДЕННЫХ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Современные условия функционирования уголовно-исполнительной системы (УИС) диктуют необходимость подготовки кадров, обладающих глубокими психолого-педагогическими компетенциями и владеющих инновационными методиками воздействия на личность лиц, отбывающих наказание. Одним из ключевых аспектов такой подготовки является формирование у будущих сотрудников компетенций в работе с социально-правовыми ожиданиями (СПО) осужденных.

СПО – это предубеждения, содержательно выражающие предвидение: правовых и связанных с ними личностно значимых событий; результатов и последствий собственных правомерных и противоправных действий; возможностей реализации определенных прав и законных интересов при существующих социальных условиях и в будущем при субъективно предполагаемом их изменении. Данные предубеждения представляют собой устойчивые личностные образования, которые базируются на предвидении юридически значимых событий, последствий собственных поступков, перспектив реализации прав в социуме. Этот психологический феномен является многокомпонентным и включает в себя четыре составляющие:

когнитивную (усвоенные знания и представления о социально-правовых возможностях и последствиях собственных действий);

эмоциональную (эмоциональная модальность предвосхищения социально-правовых возможностей и последствий);

образную (образное предвидение результатов, возможностей и последствий);

интуитивную (неосознанное предвосхищение).

Содержательный спектр СПО варьируется от правомерных до криминогенных, а эмоциональная окраска и степень уверенности могут существенно различаться. СПО выступают значимым индикатором адаптивных (ориентированных на законопослушное поведение и реадaptацию) или дезадаптивных намерений осужденных в постпенитенциарный период.

Система значимых для исправительного процесса СПО осужденных включает в себя серию ожиданий. К ним относятся: жизненные проблемы после отбытия наказания и возможности их решения; изменение образа жизни после отбытия наказания; возможное повторное привлечение к уголовной ответственности и его причины; возможности трудоустройства после отбытия наказания; уровень заработной платы и ее достаточность для жизнеобеспечения; жилищные условия; вероятность совершения преступлений для удовлетворения материальных потребностей (корыстных), их результативность и привлечение к ответственности; социальное отношение к лицам, отбывшим наказания, и к себе в частности; отношения со значимыми для социальной адаптации людьми (родственники, члены трудового коллектива, сотрудники милиции и др.); результативность и последствия использования правомерного и противоправного способов отстаивания личных интересов в конфликтных ситуациях; вероятность привлечения к ответственности за совершение криминального насилия; выполнение обязанностей по содержанию детей и последствия уклонения от их выполнения; связанные с употреблением алкоголя, наркотиков.

СПО функционируют на трех взаимосвязанных уровнях психической регуляции: интеллектуальном, эмоциональном и импульсивном. Только синтез когнитивной перестройки, эмоционального переживания и выработка новых поведенческих автоматизмов обеспечивает эффективность психолого-педагогического вмешательства. Изолированные попытки коррекции СПО лишь на рациональном уровне (информирование) часто оказываются малорезультативными.

Правомерные СПО подразумевают уверенность осужденного в возможности решения жизненных задач законными средствами, осознание неотвратимости ответственности за противоправные деяния. Их отсутствие или незрелость свидетельствует о недостаточной готовности личности к правопослушному образу жизни. Профессор А.Н. Пастушеня отмечает, что в кризисных ситуациях у индивидов нередко формируются искаженные, юридически неадекватные представления о будущем, и это коррелирует с их личностными особенностями и предубеждениями. Под влиянием ряда факторов такие представления могут способствовать восприятию преступной деятельности как более привлекательной и безнаказанной.

Характер СПО осужденных во многом обусловлен их криминальным аморальным прошлым, типом совершенного преступления и опытом отбывания наказания.

У осужденных к лишению свободы впервые СПО в значительной степени еще опираются на допенитенциарный, часто правопослушный жизненный опыт и сохраняют позитивную перспективную направленность. Для них характерны внутренний локус контроля (поиск причин неудач в себе), наличие осмысленных жизненных целей, что связано с целеориентирующей функцией ожиданий. Их СПО чаще выражают тенденцию к адаптивным стратегиям поведения после освобождения.

У лиц, ранее отбывавших наказание, под влиянием негативного пенитенциарного опыта часто формируются ригидные, пессимистичные СПО. Они выполняют демотивирующую функцию, порождая так называемый пенитенциарный пессимизм – стойкое убеждение в невозможности наладить жизнь законным путем. Это блокирует формирование правомерных жизненных планов. СПО данной категории осужденных в большей степени склоняются к дезадаптивным намерениям и повышают риск рецидивной преступности.

У осужденных СПО преимущественно сфокусированы на постпенитенциарном периоде и охватывают ключевые жизненные сферы: материальное обеспечение, социальное взаимодействие с другими людьми и социальными субъектами, выполнение гражданских обязанностей, потребление (в том числе отношение к психоактивным веществам). Структуризация по сферам позволяет сотрудникам детально диагностировать содержание ожиданий. Например, в области материального обеспечения могут выявляться деструктивные установки: «легально хорошо заработать невозможно», «проще украсть, чем честно трудиться». Искаженные СПО требуют целенаправленной психолого-педагогической коррекции, наполнения сфер жизнедеятельности правомерным содержанием.

Подготовка сотрудников УИС должна концентрироваться на развитии психолого-педагогических компетенций, позволяющих выявлять характер и содержание СПО осужденных;

дифференцированно работать с искаженными и криминогенными СПО, применяя комплексный многоуровневый подход (воздействие на интеллектуальный, эмоциональный и импульсивный уровни психической регуляции);

формировать и закреплять правомерные СПО, обуславливающие готовность вести правопослушный образ жизни.

Таким образом, подготовка сотрудников УИС должна быть сфокусирована на развитии у них компетенций по выявлению и корректровке искаженных, криминогенных и формированию правомерных СПО осужденных с использованием комплексного многоуровневого подхода. Это является важным условием для качественного психолого-педагогического сопровождения процесса исправления и реадaptации осужденных.

УДК 321.01

А.И. Веруш

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ИДЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Идеологическая работа предполагает знание фундаментальных основ, на которых строится идеология. Важнейшей составляющей государственной идеологии и фундаментом является национальная идея. Ее отсутствие, равно, как и нравственно-патриотических ориентиров не способствует интеграции общества. В то же время основательно продуманная и четко сформулированная национальная идея становится важным ориентиром для настоящих и будущих поколений. Преломляясь через специфику деятельности субъектов реализации идеологии государства, национальная идея объединяет общество, задавая ему общезначимую цель.

Необходимость расстановки акцентов в понимании белорусских смыслов и нарративов с учетом новых геополитических реалий назрели давно. Президент А.Г. Лукашенко часто возвращался к вопросам идеологии, национальной идеи, ценностей и смыслов. Так, 9 апреля 2025 г. им была подписана Директива № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», закрепившая концептуально понимание государственности белорусского народа через емкое описание жизни белорусского общества и государства в преломлении прошлого, настоящего и будущего.

Уже 12 июня 2025 г. на совещании с руководством Администрации Президента Глава государства заявил о необходимости «выработать национальную идею, способную захватить души людей, их сердца и разум». Поиск национальной идеи – одно из самых важных направлений развития любого общества или государства. Она представляет собой общее видение ценностей, целей и идеалов, которые объединяют людей определенной страны или нации; определяет культурные, политические и социальные основы общественной жизни и является реализацией самосознания нации.

Актуальность белорусской национальной идеи – базиса идеологии – заключается в укреплении государственности, решении социальных задач в сложных геополитических реалиях, вызванных обострением межгосударственных противоречий. Национальная идея должна сливаться с идеей белорусской государственности, отражать глубокую связь народа с родной землей, сохранять уникальную культуру, традиции и историческую память, зиждиться на главных святынях земли. В то же время она должна направлять в будущее, так как в национальной идее формулируется ключевая ценность и образ цели, к которой стремится народ, определяется путь преобразования сегодняшнего дня в завтрашний, содержатся ответы на вопросы о смысле существования нации и ее исторической миссии. Задача и в том, что национальная идея должна пребывать в развитии и совершенствовании, чтобы отражать не только ценности, но и изменяющиеся потребности и запросы белорусского общества.

Изучением ценностей и выявлением запросов белорусского общества занимается Белорусский институт стратегических исследований (БИСИ). Проводимые им исследования показали, что в современном белорусском обществе сформировалась относительная цельность и устойчивость ценностного фундамента, главными особенностями которого выступают:

безусловная ценность суверенитета и независимости Республики Беларусь;

преобладание территориальной (место жительства, рождения, малая родина) и социальной общности (семья, друзья, близкие) над этнической и религиозной;

высокая значимость эпохи независимости и советского периода Республики Беларусь;

ценностное отношение к Великой Отечественной войне как ключевому событию отечественной истории и предмету национальной гордости современных белорусов;

мощный консолидирующий потенциал идей социальной справедливости, мира и благосостояния.

Правоохранительные органы – один из столпов государственности, задача которых – защищать суверенитет, независимость и конституционный строй. Как показали исследования БИСИ, это является и безусловной ценностью белорусов и важнейшей составляющей их ценностного фундамента.

Надлежащее отношение к службе, сознание, основанное на принципах защиты суверенитета и независимости, патриотизме базируется на понимании заложенных в идеологии и национальной идее принципах, которые оказывают влияние на моральные качества и служебную деятельность сотрудников правоохранительных органов. Это достигается практической реализацией комплекса идеологической работы, направленной на формирование сознательных, компетентных и идеологически убежденных сотрудников правоохранительных органов, служащих белорусскому народу и Республике Беларусь.

Понимание сути государственной идеологии, процессов и событий, связанных с ней, позволяет сотрудникам правоохранительных органов выявлять преступления, имеющие под собой идеологическую подоплеку, деятельность, направленную на насильственное изменение основ конституционного строя, подрыв безопасности государства. В случае необходимости проведения профилактической беседы и работы с молодежью, разъяснения законов нужно также уметь говорить на языке ценностей и смыслов, заложенных в государственной идеологии.

Сотрудник правоохранительных органов – это и лицо государства. Понимание государственной идеологии, ценностей и смыслов, которые она несет, помогает сформировать внутренний стержень представителя правоохранительных органов, мыслящего профессионала, способного понимать глубинные причины событий, чтобы не стать мишенью для идеологического давления или вербовки.

Таким образом, для эффективного и легитимного выполнения своих обязанностей знание идеологии белорусского государства, ценностей и смыслов, которые она несет, является практической необходимостью в подготовке кадров для правоохранительных органов.

УДК 378.634.1

Д.Г. Вильмак

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Основные задачи кафедры включают в себя организацию и проведение образовательного процесса, научную и научно-методическую работу, подготовку и повышение квалификации. Профессорско-преподавательский состав (ППС) кафедры разрабатывает учебные программы по преподаваемым учебным дисциплинам, внедряет новые образовательные технологии, проводит научные исследования и обеспечивает высокий уровень преподавания по своим учебным дисциплинам.

ППС кафедры при проведении учебных занятий, индивидуальных консультаций в целях совершенствования образовательного процесса, формирования у обучающихся высоких профессионально-нравственных качеств, укрепления дисциплины максимально использует различные формы и методы. К таким направлениям относятся: уважение к национальной культуре, традициям белорусского народа, культуре других народов и национальностей; активность жизненной позиции; сознательное стремление к достижению целей, поставленных белорусским обществом и государством; формирование установок на здоровый образ жизни; формирование ориентации на достойное выполнение социальных ролей гражданина, патриота, труженика, профессионала, семьянина. При этом кафедра ориентируется на актуальные вопросы социально-экономического развития страны, политической ситуации в Республике Беларусь, решения Главы государства.

При обеспечении качества образовательного процесса особое внимание кафедра уделяет решению задач в практико-ориентированной подготовке будущих кадров: выдвигаются предложения по участию представителей-заказчиков кадров в проведении учебных занятий, промежуточной и итоговой аттестации (Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Департамента финансовых исследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и др.); а также предложения по совершенствованию организации проведения практики, стажировки обучающихся.

Для более эффективного результата в подготовке обучающихся правоохранительной системы ППС кафедры на постоянной основе проходит повышение квалификации, переподготовку и стажировку в учреждениях и подразделениях различных

ведомств и министерств, привлечение практических сотрудников для участия в учебных занятиях различных форм с целью освещения актуальных вопросов в период их служебной деятельности. Указанные меры существенно влияют на качество образования обучающихся для правоохранительной системы.

На кафедре также ведется плодотворная работа над созданием системы, при которой определяются приоритетные виды результата; устанавливается система регламентации и упорядочения деятельности ППС и его ответственность за конечный результат; уделяется большое внимание содержанию и качеству актуализации учебных, научно-методических, научно-исследовательских материалов, используемых в образовательном процессе.

Для закрепления теоретических и практических знаний обучающихся кафедрой осуществляется руководство дипломными проектами с целью формирования навыков ведения самостоятельной исследовательской работы, умений использовать современные методы исследования с целью определения подготовленности выпускника к профессиональной деятельности, к решению практических задач в современных условиях социально-экономического развития страны. Указанные исследования обучающихся должны быть основаны на сборе актуального эмпирического материала, полученного в ходе преддипломной практики (наличие научно-исследовательского характера, четкой структуры, логичности изложения, использование конкретных фактических данных из практической деятельности). Используемые методы и формы организации деятельности позволяют кафедре сделать вывод об актуальности исследования проблемы в контексте значимости для правоохранительной системы, иных государственных органов, в чьих интересах осуществляется подготовка специалистов.

Работа по созданию эффективной модели функционирования кафедры в направлении обеспечения качества образовательного процесса имеет и другие не менее важные аспекты, что в комплексе указывает на целесообразность такого подхода в успешном решении задач, стоящих перед образовательным учреждением.

УДК 378.635

Д.А. Воронаев

НАСТАВНИЧЕСТВО В АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВЗГЛЯД НАЧИНАЮЩЕГО НАСТАВНИКА

Институт наставничества в органах внутренних дел имеет богатую историю. Накоплен значительный практический опыт форм и методов взаимодействия, использование которых позволяет решить основную задачу, стоящую перед наставником, – оказать всемерное содействие адаптации наставляемого на новом месте прохождения службы и в новой должности.

В период осуществления наставничества у начинающих сотрудников формируются компетенции, необходимые для успешного исполнения служебных обязанностей. Наставничество позволяет повысить уровень профессионализма служебных коллективов, способствует сплочению личного состава, благоприятно сказывается на моральном климате в коллективе.

В настоящее время организация наставничества в органах внутренних дел регламентирована Инструкцией о порядке организации идеологической работы в органах внутренних дел, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 ноября 2018 г. № 333. В данном правовом акте под наставничеством понимается процесс передачи наставником знаний, профессионального опыта сотрудникам с целью формирования у них практических умений и навыков, необходимых для успешного выполнения должностных обязанностей, соблюдения служебной дисциплины и законности. В указанной инструкции достаточно последовательно и детально изложен алгоритм организации и осуществления наставничества. В частности, определен срок наставничества, в течение которого наставник обязан осуществить комплекс мероприятий, направленных на успешную адаптацию наставляемого на новом месте службы и в новой должности. По итогам наставничества составляется характеристика на наставляемого, которая рассматривается на заседании аттестационной комиссии органа внутренних дел и в дальнейшем приобщается к личному делу сотрудника.

Применительно к Академии МВД Республики Беларусь наставничество организовывается во взаимодействии с сотрудниками отдела идеологической работы и отдела кадров, а также иных служб и подразделений, которые оказывают наставнику необходимую методическую и иную помощь.

Как было отмечено ранее, практика организации и осуществления наставничества сегодня отработана и демонстрирует свою эффективность. В то же время важно понимать, что, как и любой нормативный акт, упомянутая инструкция носит абстрактный характер, т. е. определяет только примерный перечень мероприятий, осуществляемых в процессе наставничества, а также рассчитана на все подразделения органов внутренних дел без учета специфики их деятельности. Соответственно, особенности организации и осуществления наставничества определяются непосредственно на местах в службах и подразделениях, куда прибывают для прохождения службы сотрудники. И Академия МВД Республики Беларусь в этом плане не является исключением.

Практика осуществления наставничества автором тезисов позволяет обозначить некоторые моменты, осмысление которых, думается, может быть полезно лицам, осуществляющим наставничество, в Академии МВД Республики Беларусь. Как было отмечено ранее, кроме типовых мероприятий, установленных инструкцией, возможно, целесообразно предусмотреть еще некоторые.

При работе со служебной документацией важно разъяснить порядок и особенности подготовки индивидуального плана преподавателя, предостеречь от планирования мероприятий в таком объеме, который может оказаться трудновыполнимым в дальнейшем, а также проконтролировать корректность выставления отметок о выполнении пунктов плана по окончании семе-

стра и при необходимости учебного года. Одновременно следует разъяснить порядок учета выполненной учебной нагрузки, в том числе аудиторной и внеаудиторной, выполненной за истекший календарный месяц.

Применительно к проведению учебных занятий следует запланировать и осуществить оптимальное количество их посещений наставником с целью контроля над их организацией и проведением. Видится целесообразным посещение не менее двух занятий в месяц с последующим обсуждением хода занятия с наставляемым. Рекомендуется также приглашать наставляемого на занятия, которые проводит наставник либо кто-то из профессорско-преподавательского состава кафедры. Наиболее продуктивным представляется посещение учебного занятия по той же учебной дисциплине и теме, по которой наставляемому только предстоит проведение занятия. Такой подход позволяет начинающему преподавателю освежить в памяти содержание соответствующей темы учебного занятия, возможно, подметить эффективные методы его проведения.

Применительно к научной деятельности целесообразно обеспечить участие в проводимых в период наставничества научных форумах и иных представительских мероприятиях, что позволит наставляемому приобщаться к академической научной среде, ознакомиться с состоянием белорусской юридической науки и виднейшими ее представителями, актуальными направлениями исследований. Это необходимо для определения собственной сферы научных интересов и в перспективе – темы диссертационного исследования на соискание ученой степени.

Кроме достаточно формализованных вопросов, перечисленных выше, видится целесообразным ознакомление наставляемого с установленными формами взаимодействия с руководством Академии, руководством кафедры, ее профессорско-преподавательским составом, сотрудниками и работниками других кафедр, служб и подразделений, обучающимися, нюансами такого взаимодействия.

На наш взгляд, реализация указанных предложений наставником позволит в полном объеме решить стоящие перед ним задачи, что в конечном итоге положительно скажется на эффективности служебной деятельности начинающего преподавателя, над которым осуществлялось наставничество.

УДК 174

В.Л. Голубев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭТИКИ РУКОВОДИТЕЛЯ КУРСАНТСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Профессионально-управленческая этика является составной частью профессиональной этики. Они соотносятся как частное и общее.

В основе общих принципов профессиональной этики заложены общечеловеческие нормы морали, адаптированные к конкретной профессии и предполагающие профессиональную солидарность и корпоративность, когда в связи с родом деятельности особо понимаются долг, честь, достоинство, совесть, ответственность.

Профессионально-управленческая этика как частный аспект профессиональной этики включает в себя моральные нормы и принципы, возникающие при взаимоотношении между субъектами какой-либо организационной структуры. При этом этика управления основывается на нормах, устанавливающих необходимое поведение для эффективного выполнения служебно-профессиональных задач.

Для руководителя курсантского коллектива важно выстраивать свою деятельность так, чтобы добиваться максимальной эффективности управления, общения и контактирования с подчиненными, не допуская конфликтов, несправедливости, унижения человеческого достоинства, при этом проявляя строгость, принципиальность и требование дисциплинированности.

Процесс руководства курсантами требует высокого профессионализма, этической культуры, наличия высокоморальных личных качеств руководителя. Все это способствует созданию благоприятного социально-психологического климата в курсантской среде, всестороннему развитию личности курсанта, выявлению его достоинств и работе над личностными недостатками, т. е. формированию профессиональных качеств будущего специалиста.

Профессионально-управленческая этика руководителя предполагает, по крайней мере, четыре структурных момента, связанных с его личными качествами.

1. Идеино-политические качества как ключевые, базовые свидетельствуют о зрелости руководителя-офицера, благодаря которой он четко определяет свою роль и понимает меру ответственности за воспитание и обучение курсантов. Эти качества придают служебной деятельности руководителя единую направленность, здравомыслие, верное служение Конституции Республики Беларусь, Закону «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», Присяге рядового и начальствующего состава. Патриотизм, высокая идейность, демократическая убежденность, государственная ответственность способны эффективно влиять на курсантов в период их обучения.

2. Морально-психологические качества руководителя важны для исполнения ежедневных должностных обязанностей. Курсанты приветствуют доброжелательность, вежливость, корректность, тактичность, сдержанность, принципиальность, скромность и высокие личные требования руководителя к себе. Наоборот, имидж и авторитет руководителя могут быть подорваны чванством, высокомерием, надменностью, грубостью, небрежностью в общении со своими подчиненными.

Не менее важным качеством руководителя-офицера является надежность: профессиональная (выполнение служебных задач по предназначению), личностная (соответствие моральным требованиям поведения), функциональная (психофизическое благополучие и здоровье).

3. Деловые качества руководителя позволяют ему ставить четкие, грамотные цели и выполняемые задачи перед курсантами, указывать возможные пути их реализации. К деловым качествам можно отнести значительные познания в различных областях, компетентность, знание всех тонкостей службы, умение характеризовать людей, привлекать и располагать их к себе, принимать решения, распределять свое время и время подчиненных, здраво оценивать служебную ситуацию.

4. Организаторские качества руководителя призваны обеспечить сплоченность курсантского коллектива, а также слаженность работы как отдельных курсантов, так и всего коллектива в целом. Организаторские способности позволяют руководителю подобрать нужный подход к каждому, тем самым сохраняя здоровую дружественную атмосферу в коллективе и обеспечивая напряженное, но эффективное выполнение служебных задач с учетом работоспособности каждого, а также организационную стабильность.

В перечень организаторских качеств руководителя также входят умелость, распорядительность, умение отдавать приказы, давать поручения, разбираться в людях, правильно расставлять подчиненных по служебным функциям, контролировать, проводить различные мероприятия. Не менее важны организаторское чутье, практическая смекалка, педагогическая мудрость.

Таким образом, руководитель-офицер должен сочетать в себе вышеперечисленные качества, которые позволят повысить его авторитет в глазах курсантского сообщества.

Одним из аспектов профессионально-управленческой этики руководителя выступают компетенции (неэтично быть некомпетентным). В научной литературе они описаны Л.Я. Игнатской, П. Шеттеном, И. Хентце, З.М. Большаковой и др. Интересный набор компетенций руководителя предлагает М.С. Блохина. Выделим следующие компетенции.

1. Профессионально-этическая. Предполагает наличие знаний и умений, позволяющих анализировать возникающие трудности, проблемы, задачи во всех сферах деятельности (психолого-педагогической, естественно-научной, гуманитарно-социальной, экономической).

2. Мониторинговая. Обусловлена владением навыками по отслеживанию процессов, связанных с развитием подразделения, которые заключаются в соотнесении полученных и запланированных результатов.

3. Коммуникативная. Предполагает умения взаимодействовать с подчиненными сотрудниками, а также с работниками других учреждений.

4. Проектировочная. Заключается в способности прогнозировать, заранее определять необходимые действия для достижения приоритетных целей, в том числе путем грамотного планирования.

5. Креативная. Связана с творческим подходом в условиях различных ситуаций, требующих индивидуального подхода.

6. Информационная. Обусловлена владением специальными умениями получать, обрабатывать, использовать и сообщать необходимую информацию в процессе профессиональной деятельности.

7. Целевая. Предполагает владение навыками по выдвиганию правильных целей и формулировке задач для их достижения.

8. Рефлексивная. Обеспечивается обладанием способностью к контролю и оцениванию выполненной работы.

В некоторых статьях упоминаются и иные компетенции руководителя в контексте профессиональной этики: способность реализовывать профессиональные задачи в соответствии с нормами морали и служебного этикета; способность руководить коллективом, толерантно воспринимая социальные, культурные, профессиональные и др. различия, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации; уважение чести и достоинства личности; способность соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина; соблюдение и поддержание конфиденциальности.

Управляя курсантским подразделением, офицер должен на постоянной основе развивать в себе данные компетенции и применять их в повседневной деятельности, что благоприятно скажется на всем механизме управления в целом и на повышении эффективности учебного процесса курсантов. Каждая из перечисленных компетенций является значимой и необходимой, дополняющей другие.

УДК 37

А.В. Григорьев

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Актуальность обращения к проблемам патриотического воспитания обусловлена современными негативными тенденциями, связанными с распространением деструктивных идеологических течений. В этой связи особенно важно обратить внимание на уязвимость такой социальной группы нашего общества как молодежь. На повестке дня остро стоит вопрос разработки эффективных механизмов противодействия экстремизму и распространению радикальных идеологий в молодежной среде. В первую очередь это связано с тем, что использование радикальных идеологий является одним из эффективных инструментов осуществления цветных революций, что приводит к свержению легитимной власти и потере государственного суверенитета. Республика Беларусь эффективно противодействует этому благодаря организации патриотической работы с молодежью, использованию методов информационного противоборства, проведению государственной молодежной политики, качественной идеологической работе по формированию системы патриотических ценностей, обращению к исторической памяти, сплочению белорусского общества на этом основании и др.

В 90-е гг. XX в. на постсоветском пространстве на вопросы идеологического сопровождения патриотического воспитания не обращали должного внимания. В некоторой мере население было разочаровано коммунистической идеологией как единственно

верной. Все это происходило на фоне распада СССР и низкого уровня жизни. Что же в этот момент происходило в сознании людей? В сознании населения на постсоветском пространстве возник так называемый духовный вакуум, который нуждался в заполнении. Начался процесс создания и функционирования религиозных сект, которые проповедовали жертвоприношение; политических сил, которые пытались насильственным путем захватить власть; так называемых неправительственных организаций, которые под предлогом демократии готовили почву для осуществления государственных переворотов.

Благодаря Главе белорусского государства в 2003 г. в Беларуси была начата системная идеологическая работа. В учреждениях образования Беларуси был введен обязательный учебный курс «Основы идеологии белорусского государства», что дало определенные результаты. Однако сегодня не прекращается информационное воздействие на сознание населения с помощью различных мессенджеров, дискредитация органов государственной власти, распространение фейков и т. д. Незыблемость очевидных для нас патриотических ценностей (любовь к Родине, служение народу, единство нации, национальная культура, преемственность поколений и др.) оказались уязвимыми перед лицом деструктивных политических технологий.

Возникает закономерный вопрос: как всему этому противостоять, когда при этом не прекращаются попытки насаждения коллаборационистской символики, тенденциозные трактовки моральных и религиозных устоев, навязывания нам несвойственных культурных моделей, искажение исторических событий? И это при условии, что центральное место в исторической памяти народа занимает тема Великой Победы. В сознании людей война воспринимается как тяжелое испытание советского народа, а вклад наших народов в Победу выступает главным предметом национальной гордости. Деструктивному воздействию оказались подвержены смыслообразующие жизненные ориентиры современной молодежи. Например, происходит переосмысление института семьи, что приводит к сожительству, разводам, неполным семьям и т. д.

В современных условиях следует уделять большое внимание правовому воспитанию и просвещению, формированию у граждан высокого патриотического сознания, возвышенного чувства верности своему Отечеству, готовности выполнять гражданский долг, важнейшие конституционные обязанности по защите интересов Родины. Согласно положениям Концепции национальной безопасности Республики Беларусь обеспечение слаженного и эффективного функционирования системы идеологического воспитания, идейно-патриотической работы с молодежью повышение правовой грамотности населения предоставляет одно из направлений нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности.

Основная задача государственной политики в области воспитания молодого поколения определена Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко: «Воспитать патриота-гражданина, одухотворенного идеалами добра и социальной справедливости». Сегодня важно воспитать не только законопослушного гражданина, а человека, осознанно и активно исполняющего свой гражданский долг. Это предполагает уважение к государственным символам, героическому прошлому, культуре своего народа, любви к родному языку. Можно утверждать, что на основе возвышенных чувств патриотизма укрепляется любовь к Родине, появляется чувство ответственности за сохранение материальных и духовных ценностей.

УДК 316.48

И.Л. Дорощёнок

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ ДЕЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРИЕМА ГРАЖДАН В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПО ГРАЖДАНСТВУ И МИГРАЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Деятельность подразделений по гражданству и миграции (ПГиМ) в Республике Беларусь связана с постоянным и непосредственным взаимодействием с населением. В процессе приема граждан сотрудники сталкиваются с повышенной социальной и психологической нагрузкой, обусловленной высокой значимостью предоставляемых оказываемых услуг, строгой правовой регламентацией административных процедур, ограниченными сроками их оказания.

Практика показывает, что значительная часть обращений граждан сопровождается эмоциональным напряжением, недовольством, тревожностью либо агрессивными реакциями. Конфликтные ситуации возникают как на этапе первичного обращения, так и при повторных обращениях, в случае получения отказа в выполнении административной процедуры, непрофессионального или безграмотного консультирования, необходимости дополнительного сбора документов.

С точки зрения служебной деятельности конфликт при приеме граждан представляет собой форму деструктивного взаимодействия, характеризующуюся ростом эмоционального напряжения, снижением рационального восприятия информации и повышенным риском противоправного поведения.

Как правило, конфликт в подразделениях развивается поэтапно. Первоначально фрустрация – несоответствие ожиданий гражданина реальным условиям оказания услуги, после чего эмоциональная реакция – раздражение, тревога, возмущение, далее – вербальная агрессия – повышение тона, обвинения, угрозы жалобами, и в итоге поведенческая эскалация – возникновение конфликта и отказ от сотрудничества. Задача сотрудника – распознать конфликт на ранней стадии и применить меры психологической деэскалации до перехода ситуации в фазу открытого противостояния.

К наиболее типичным конфликтогенным факторам относятся: высокая правовая сложность законодательства Республики Беларусь и большое количество бланкетных норм; ограниченные сроки оформления документов; языковые и культурные барьеры; субъективное восприятие отказа как личной несправедливости; личные кризисные ситуации заявителей (утрата документов, незапланированные срочные поездки, семейные обстоятельства и др.).

Осознание данных факторов позволяет сотруднику прогнозировать развитие ситуации и заранее выбрать оптимальную модель поведения.

В качестве основных психологических техник деэскалации конфликтов могут выступить:

активное слушание как базовый инструмент деэскалации. Предполагает целенаправленное внимание к содержанию обращения и эмоциональному состоянию гражданина. Использование перефразирования, уточняющих вопросов и отражения чувств («Я понимаю, что ожидание вызывает у вас недовольство») способствует снижению эмоционального напряжения и формированию у гражданина ощущения, что его позиция услышана. Данная техника особенно эффективна на начальных стадиях конфликта и позволяет предотвратить его дальнейшую эскалацию;

контроль речевого поведения и невербальной коммуникации. В условиях конфликтного взаимодействия решающую роль играет не только содержание речи, но и форма ее подачи. Спокойный и уверенный тон, четкая дикция, отсутствие резких интонаций воспринимаются гражданами как признак профессионализма и снижают уровень агрессии. При этом ключевыми элементами невербальной деэскалации являются: открытая и нейтральная поза; соблюдение служебной дистанции; отказ от демонстративных жестов и резких движений; удержание визуального контакта;

структурирование и правовое разъяснение ситуации. Неопределенность усиливает конфликтность. Четкое, последовательное и юридически корректное разъяснение порядка действий, прав и обязанностей сторон, а также возможных вариантов решения проблемы позволяет перевести ситуацию в рациональное русло. Эффективной является техника «алгоритмизации» – представление информации в виде последовательных шагов с указанием сроков и нормативных оснований;

использование техники паузы и временной стабилизации. В случаях выраженного эмоционального возбуждения целесообразно применение временной паузы. Краткое прерывание диалога, смена темпа общения либо предложение вернуться к разговору после успокоения позволяет снизить импульсивность поведения и предотвратить дальнейшую эскалацию. Важно, чтобы пауза сопровождалась разъяснением ее цели и не воспринималась как игнорирование обращения;

переориентация на совместный поиск решения. Переход от конфронтационной модели к модели сотрудничества является одной из наиболее результативных деэскалационных стратегий. Формулировки, подчеркивающие общую цель («Наша задача – решить вопрос в рамках действующего законодательства»), способствуют снижению противостояния и восстановлению делового контакта. Даже в ситуации отказа корректное объяснение причин и указание возможных альтернатив значительно снижает уровень конфликтности;

саморегуляция и психологическая устойчивость. Ключевым условием успешной деэскалации является способность сотрудника сохранять эмоциональную устойчивость. Владение навыками саморегуляции, осознание профессиональной роли и отказ от персонализации негативных высказываний граждан позволяют избежать вовлечения в конфликт и поддерживать служебную эффективность.

Таким образом, систематическое применение психологических техник деэскалации конфликтов позволяет: снижать количество острых конфликтных ситуаций; минимизировать риск противоправных действий со стороны граждан; повышать доверие населения к органам внутренних дел; формировать позитивный имидж сотрудника; обеспечивать психологическую безопасность сотрудников.

Психологическая деэскалация конфликтов при приеме является важнейшим элементом служебной деятельности органов внутренних дел. В условиях высокой нагрузки на сотрудника данные навыки приобретают стратегическое значение. Их развитие и внедрение личным составом территориальных ПГМ способствует повышению эффективности службы и формированию положительного имиджа сотрудника органов внутренних дел. Приоритетным направлением для сотрудника должно стать повышение профессионального мастерства, постоянное изучение нормативных правовых актов с уделением особого внимания перечню документов, которые обязан предоставить гражданин, и срокам выполнения административных процедур.

УДК 316.346.36

А.В. Дробышевский

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ПОКОЛЕНИЯ Z КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И НАСТАВНИЧЕСТВА НАД МОЛОДЫМИ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Важность индивидуальной воспитательной работы (ИВР), проводимой руководителями органов внутренних дел (ОВД) всех уровней, трудно переоценить. Именно от ее эффективности во многом зависит не только состояние служебной дисциплины в ОВД, но и устойчивость кадрового ядра, текучесть кадров и т. п.

Понятие «индивидуальная воспитательная работа в ОВД» нормативно закреплено в п. 37 Инструкции о порядке организации идеологической работы в органах внутренних дел, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 ноября 2018 г. № 333 «Об организации идеологической работы в органах внутренних дел» (далее – Инструкция), и представляет собой систему целенаправленных мер воздействия на сознание, чувства и поведение сотрудника в целях развития и корректировки знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения служебных (трудовых) обязанностей. Проведение ИВР в отношении молодых сотрудников, только поступивших на службу в ОВД, неразрывно связано с их обучением и профессиональным формированием со стороны более опытных сотрудников, что именуется наставничеством.

Вопросы осуществления наставничества с молодыми сотрудниками подробно регламентированы в гл. 4 Инструкции. Наставничество является основной формой профессионального становления и воспитания сотрудников ОВД, т. е. той опо-

рой, благодаря которой происходит имплементация теоретической базы, полученной будущим сотрудником ОВД во время обучения, предшествовавшего началу самостоятельной службы, в реалии милицейской жизни, с которыми сотрудник сталкивается в практической деятельности. Вместе с тем предусмотренные Инструкцией мероприятия, хотя и охватывают широкий спектр вопросов служебной деятельности молодых сотрудников, на наш взгляд, являются, скорее, эталонными, т. е. своего рода парадигмой, не учитывающей личностные и поведенческие характеристики конкретного сотрудника.

В настоящее время на службу в ОВД поступают молодые люди, родившиеся преимущественно на рубеже тысячелетий и в первой половине 2000-х гг. Данное поколение ментально существенно отличается от представителей иных, более ранних поколений, представители которых в настоящее время также проходят службу в ОВД. Для более полного понимания значения слова «поколение» в рамках исследуемой темы обратимся к Теории поколений, которая впервые была научно обоснована и оформлена американскими учеными Нейлом Хоузом и Вильямом Штраусом в 1991 г. Данная теория возникла на стыке экономики, демографии и истории. Ключевым ее тезисом является факт, что промежуток времени, в который родился тот или иной человек, влияет на его мировоззрение и систему ценностей. Ученые обратили внимание на «конфликт поколений», который никак не связан с возрастными противоречиями. Люди, достигая определенного возраста, не приобретают возрастные ценности, характерные для этого периода, так как дети, достигая возраста своих родителей, не становятся такими же, как они, их отношение к жизни все равно другое. Рассматриваемое поколение Z (зумеры) – это новое поколение родившихся примерно с 1996 по 2010 г., полное решимости в том, что что-то должно измениться.

Нахождение зумеров в зарегламентированной военизированной среде, которую представляют из себя ОВД, формируют несколько иные ценности и приоритеты, чем у их гражданских сверстников. Проведенное в ноябре 2025 г. анонимное исследование уровня адаптации молодых сотрудников ОВД до года службы показало, что в процессе профессионального становления молодым сотрудникам, по их мнению, помогло наблюдение за более опытными сотрудниками (60 %), поддержка и взаимодействие наставников (22 %), предыдущий профессиональный опыт (12 %), прохождение первоначальной подготовки, обучение в учреждениях образования Министерства внутренних дел (7 %). Кроме этого, 60 % сотрудников указали, что важным условием в процессе адаптации явилась практическая помощь в освоении работы со стороны наставника. Подавляющее число респондентов – 56 % – готовы продолжить службу в ОВД, 21 % сотрудников планируют перейти в другое подразделение на вышестоящую должность, 8 % сотрудников планируют перейти в другое подразделение на равнозначную должность и 9 % сотрудников затруднились ответить.

В ходе опроса среди молодых сотрудников одним из направлений было изучение их ценностей–целей. Результаты опроса показали, что ведущими ценностями–целями молодых сотрудников являются: активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни); материальная обеспеченность жизни (отсутствие материальных затрат); любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком).

По результатам опроса среди молодых сотрудников ведущими ценностями–средствами являются: жизнерадостность (чувство юмора); смелость в отстаивании своего мнения, взглядов; рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения); высокие запросы (высокие требования к жизни).

Результаты вышеуказанных исследований позволяют сделать выводы о том, что ценностные установки поколения Z, в том числе его представителей, принимаемых в настоящее время на службу в ОВД, формируются из следующих составляющих: быстрой самореализации в профессиональной сфере; баланса работы и личной жизни; самообразования как способ профессионального самосовершенствования; технологичности и гибкости; индивидуальности и свободы в работе, стремления к комфорту; наличия социального смысла в выполняемой работе и признания за нее; наличия правильно выстроенных коммуникаций и обратной связи от руководства.

Таким образом, при проведении индивидуальной воспитательной работы с молодым сотрудником реализация установленных Инструкцией форм и методов ИВР представляется более эффективной, чем принятие мер материального реагирования. Однако необходимо учитывать личностные особенности сотрудников, многие из которых выросли в эпоху гаджетов и социальных сетей интровертами и болезненно реагируют на публичную критику. Задачами руководителей и наставников молодых сотрудников сегодня являются разъяснение молодым сотрудникам принимаемых руководством МВД мер по улучшению условий службы (было–стало), разумное соотношение формального и неформального стиля общения, в том числе с использованием кросс-платформенных систем мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров), реализация форм и методов ИВР с учетом жизненных ценностей молодых сотрудников и особенностей их мировосприятия и мировоззрения.

УДК 159.9:351.746

Н.А. Дубинко

УПРАВЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТЬЮ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ СИТУАЦИЯМ

Вопрос изучения психических состояний в профессиональной сфере осложняется существующим методологическим упрощением. Наряду с описанными в научной литературе классами состояний (эмоциональными, активационными и др.) существуют неклассифицируемые переживания, присущие любой социальной деятельности. В методологии эмпирических исследований доминирует подход, при котором комплексные психические состояния подменяются (или операционализируются) через набор объективных физиологических индикаторов. Однако, будучи функцией состояния, физиологическая реакция не равна ему. Распространенная ошибка прикладных исследований заключается в том, что процесс психического отражения подменяется его физиологическим посредником.

В области психологии психических состояний наблюдается выраженная терминологическая и методологическая фрагментация: различные научные школы интерпретируют данные феномены через призму функциональных (физиологический подход), личностных (общепсихологический подход) или клинко-медицинских критериев. И поскольку психологическая наука осуществляет системное изучение личности в контексте профессиональной деятельности, ее одной из центральных задач становится исследование того, каким образом психические состояния включаются в механизмы психической регуляции, обеспечивающие достижение субъектом поставленных целей.

Психическое переживание понимается нами как субъективная, целостная и динамическая форма отражения, и в своем ядре оно представляет собой ответную реакцию психики на значимые внешние события или внутренние процессы личности. При этом переживание не является пассивной реакцией, оно характеризуется активным изменением в познавательной, эмоциональной и регуляторной сферах личности. Это сложное образование обладает рядом сущностных характеристик. Прежде всего оно глубоко субъективно принадлежит исключительно внутреннему миру индивида и выступает как отклик на взаимодействие внешних (профессиональных, социальных) и внутренних (например, состояние организма) факторов.

Переживание как поликомпонентное психическое образование интегрирует взаимосвязанные структурные элементы: когнитивную оценку ситуации, актуальный эмоционально-аффективный фон, степень мотивационно-волевой готовности к действию и сопутствующие нейрофизиологические корреляты. Ключевой регуляторной функцией данного феномена выступает модуляция психофизиологических ресурсов личности, направленная на ее адаптацию к условиям и требованиям деятельности. При этом уровень рефлексивной представленности переживания в сознании может варьироваться в континууме от полной осознанности до недифференцированного эмоционального тонуса, что не нивелирует его системного влияния на регуляцию активности.

Как видим, психическое переживание предстает как интегративное явление – синтез различных психических и физиологических процессов в конкретный момент деятельности. Именно этот синтез, а не отдельная эмоция или реакция, напрямую влияет на эффективность и надежность решения профессиональных задач.

В исследованиях Я.А. Корнеевой, Р.А. Рыкалова, Н.В. Мартыросовой, Н.Н. Симоновой (2024) отмечены факторы влияния психических переживаний на сотрудников ОВД в условиях экстремальных задач. Авторы установили, что выполнение профессиональных задач в экстремальных обстоятельствах: вооруженном сопротивлении, прямой угрозе жизни или работе в очаге чрезвычайной ситуации – предъявляет высочайшие требования к психике сотрудника органов внутренних дел. В данном контексте именно психические переживания выступают центральным фактором, опосредующим всю профессиональную деятельность. При этом их влияние носит комплексный и глубоко противоречивый характер, определяя грань между эффективным выполнением долга и профессиональным срывом.

В своем оптимальном проявлении интенсивные переживания, будь то острая ответственность, мобилизованность или профессиональная решимость, выполняют критически важную адаптивную функцию, которая приводит к подлинной гипермобилизации ресурсов организма: обострению восприятия, ускорению мыслительных процессов, мощному выбросу энергии. О.Б. Полякова, Т.И. Бонкало (2020) указывают, что психика в таком состоянии способна подавлять второстепенные стимулы: игнорировать холода, усталость или незначительные ранения и способна фокусироваться на основной задаче. В результате профессиональные навыки активируются на уровне автоматизмов, позволяя действовать молниеносно и точно, минуя этап осознанного обдумывания в условиях острого дефицита времени.

Однако все может быть сложнее, так как при превышении индивидуального порога устойчивости или в случае недостаточной подготовленности те же самые переживания могут трансформироваться в деструктивную психическую напряженность, ведущую к срыву деятельности. Согласно точке зрения Д.А. Платоновой и В.Л. Дементьевой (2018), подобная ситуация приводит к глубокой дезинтеграции психических процессов. Когнитивная сфера характеризуется сужением объема внимания (феномен «туннельного восприятия») с последующим игнорированием релевантных деталей оперативной обстановки, нарастающей ригидностью мышления и значительным ухудшением оперативной памяти. Одновременно развиваются выраженные эмоционально-волевые нарушения: аффективные состояния по типу паники или неконтролируемой агрессии, а также психомоторная заторможенность (ступор), что в совокупности блокирует возможность целенаправленной деятельности.

Следует подчеркнуть, что источником этих интенсивных переживаний является не только прямая физическая угроза. Гораздо более мощными психогенными факторами часто становятся морально-этическая дилемма применения силы, порождающая глубочайший экзистенциальный кризис, а также постоянное давление от осознания публичности и социальной оценки каждого действия. К этому добавляется стресс, вызванный хроническим дефицитом времени и информации, который порождает устойчивое переживание тревоги и субъективной беспомощности.

Учитывая, что психические переживания являются системообразующим звеном, связывающим экстремальную ситуацию с эффективностью деятельности, их роль нельзя недооценивать при организации работы. Следовательно, это обуславливает ряд практических требований: необходимость профессионального психологического отбора, ориентированного на оценку стрессоустойчивости, внедрение в тренировочный процесс элементов управляемого стресса для формирования адаптивного «иммунитета», а также обязательное обучение навыкам оперативной эмоциональной саморегуляции. Не менее важным представляется и организация своевременного постэкстремального психологического сопровождения для нормализации состояния и профилактики отдаленных последствий.

Изложенное позволяет заключить, что психические переживания в экстремальной ситуации выполняют для сотрудника органов внутренних дел центральную регуляторную функцию, выступая основным материалом для управления деятельностью. В этой связи качество психологической подготовки и сформированность механизмов саморегуляции, обуславливающие возможность конвертации дезадаптивного стресса в мобилизационный ресурс, напрямую определяют исход выполнения задачи и уровень физической безопасности.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАДЕЖНОСТИ СОТРУДНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРИТЯЗАНИЙ

Реализация себя в профессии, в том числе и служебной деятельности, достижение профессиональных и личностно значимых целей и задач во многом определяется уровнем притязаний субъекта служебной деятельности и соответствием ее условий и особенностей его профессиональным психологическим особенностям.

Уровень притязаний в нашем исследовании является характеристикой профессионального самоотношения субъекта служебной деятельности и представляет собой его стремление к более трудным, значимым и престижным профессиональным целям, достижение которых способствует позитивной самооценке себя как профессионала, удовлетворенности своей карьерой. Под профессиональным психологическим типом понимаем сочетание индивидуальных психологических особенностей с функциями (руководитель, исполнитель, коммуникатор и генератор), которые способен реализовать субъект в трудовой деятельности (А.В. Смирнов, 2003). Использование представления о профессиональном психологическом типе дает возможность более точно оценивать актуальный и будущий профессиональный потенциал сотрудника, в том числе и риски его психологической надежности. При рассмотрении психологической надежности и ее рисков, придерживаясь положения о том, что в силу человеческой природы (подверженности соблазнам, ошибкам, слабостям, болезням и т. п.), любой без исключения специалист является потенциальным внутренним нарушителем (сознательным или нет) и представляет собой внутреннюю угрозу, достаточно сложно сказать, когда, при каких условиях он проявит себя как надежный или ненадежный работник (В.М. Крук, 2012). Под психологической надежностью будем понимать сочетание регулятивных, индивидуальную типологических и профессиональных психологических характеристик человека, которые могут манифестировать себя в поведении, а могут находиться в латентном состоянии и проявиться только при определенных условиях и обстоятельствах. К составляющим надежности мы относим регулятивную, индивидуальную типологическую и профессиональную типологическую. Укажем, что при изучении уровня притязаний как характеристики профессионального самоотношения сотрудников органов внутренних дел акцент поставим на анализ профессионального типологического компонента надежности, проявляющегося в типах «руководитель», «исполнитель», «коммуникатор» и «генератор».

Методика исследования. Респондентами выступили 207 сотрудников органов внутренних дел.

Гипотеза исследования: существуют различия в выраженности профессиональных психологических типов и релевантных им рисков психологической надежности у сотрудников с разным уровнем притязаний.

В исследовании мы использовали комплекс авторских психодиагностических методик: шкалу «уровень притязаний» из опросника «Отношение к себе как профессионалу» (ОСП) и опросник «Определение профессионального типа личности» (ПТЛ), позволяющий выявить и оценить профессиональный психологический тип сотрудника (руководитель, исполнитель, коммуникатор и генератор) и в зависимости от уровня выраженности определить соответствующие риски психологической надежности субъекта трудовой деятельности.

Описание результатов. Так, на основании данных, полученных по шкале «уровень притязаний» по методике «Отношение к себе как профессионалу», были выделены две группы. В первую вошли 112 сотрудников с высокими значениями по данной шкале (при переводе «сырых» значений в стандартные показатели находятся в диапазоне от 7 до 8 стэнов). Во вторую группу вошли 105 респондентов со средними значениями уровня притязаний (при переводе «сырых» значений в стандартные показатели находятся в диапазоне от 5 до 6 стэнов). В результате сотрудников с низкими и пониженными значениями уровня притязаний установлено не было. Затем использовали процедуру сравнительного анализа показателей по шкалам опросника «Определение профессионального психологического типа» у обследованных данных групп (с высоким и средним уровнем притязаний) были выявлены достоверные различия в выраженности профессиональных психологических типов «руководитель» и «генератор» у сотрудников с высоким и умеренным уровнем притязаний (значения t -критерия от 3,7 до 4,1, при $p \leq 0,001$). Таким образом, установлено, что доминирующим профессиональным психологическим типом сотрудников с высоким уровнем притязаний является «генератор». Этот показатель у 79,5 % респондентов данной группы выражен на высоком уровне, а показатель по шкале «руководитель» – на среднем. Соответственно, сотрудникам с высоким уровнем притязаний и профессиональным психологическим типом «генератор» свойственны: ориентация на будущее; скрытые притязания на власть и влияние, интуитивное видение отдаленных будущих перспектив развития проектов в сочетании со способностью найти неординарное решение проблемных ситуаций, избирательностью в общении, непереносимостью психологического давления и принуждения. В группе сотрудников с умеренным уровнем притязаний выявлена иная картина. Ведущим профессиональным психологическим типом является «руководитель» (этот показатель у 75,8 % респондентов данной группы выражен на высоком уровне, а показатель по шкале «генератор» – на среднем). У сотрудников с типом «руководитель» и умеренным уровнем притязаний имеет место выраженность волевой регуляции поведения, коммуникативных качеств и аналитических и организаторских способностей; им свойственна рациональность, реалистичность мышления с опорой на объективность, способность принимать решения, нести за них ответственность и контролировать выполнение своих поручений, умение делегировать полномочия подчиненным.

Обращает на себя внимание, что в группе с высоким уровнем притязаний у 20,5 % обследованных показатель профессионального психологического типа «генератор» выражен на высоком уровне, а в группе сотрудников с умеренным уровнем притязаний у 24,2 % респондентов на высоком уровне выражен тип «руководитель» (при переводе «сырых» значений в стандартные данные показатели находятся в диапазоне от 9 до 10 стэнов). Согласно разработанной нами концепции пси-

психологической надежности и кадровой безопасности такая выраженность показателей представляет собой риск психологической надежности. Таким образом, рисками психологической надежности сотрудников с высоким уровнем притязаний и типом «генератор» будут выступать: карьеризм, сочетаемый со страхом потерять престиж в глазах окружающих, высокомерием и властностью в отношении коллег, зависть и ревность к чужим успехам, оторванность от реальных положений дел в коллективе и отсутствие четкой линии поведения («человек-флюгер»). Тогда как рисками психологической надежности сотрудников с умеренным уровнем притязаний и типом «руководитель» будут выступать: чрезмерное стремление к доминированию и власти, сочетаемое со стремлением давать поручения и указания другим, не отдавая отчета в их объеме или выполнимости, а также поиск проблем (или их создание) с последующим желанием их разрешить.

Таким образом, результаты исследования доказали гипотезу о том, что уровень притязаний как ориентация на более высокие профессиональные стандарты и стремление к достижению профессиональных целей (превышающих способности, но не фрустрирующих субъекта) соотносится с профессиональными психологическими особенностями (в нашем случае это тип «руководитель» и «генератор») субъектов служебной деятельности. Полагаем, что полученные знания необходимо учитывать и использовать в кадровой работе с целью профилактики и превенции рисков психологической надежности сотрудников органов внутренних дел.

УДК 351.7

М.Г. Жук

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Идеологическое воспитание сотрудников органов внутренних дел (ОВД) играет важную роль в формировании профессиональной этики, патриотизма, лояльности государству и обществу. В условиях современной динамичной общественно-политической ситуации оно становится одним из ключевых элементов укрепления доверия граждан к правоохранительным органам и повышения эффективности их деятельности. Очень правильно сказал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко: «Во все времена в офицерской среде ценились честь, достоинство, благородство, чувство долга и патриотизма».

И поэтому идеологическое воспитание выступает тем процессом, который способен передать будущему поколению сформированные национальные идеи. Согласно высказыванию В.А. Сухорукова, идеологическое воспитание применительно к системе органов внутренних дел есть «...воспитательная работа, основанная на государственной идеологии...направленная на осознанное выполнение сотрудниками своего конституционного предназначения».

Организация идеологической и воспитательной работы должна осуществляться в полном соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании, Концепцией непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, Программой непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 годы.

В современных условиях не утрачивает актуальности и значимости объединяющая идейная сила, способная сплотить сотрудников на выполнение задач, поставленных перед ОВД государством и обществом.

Государственно-правовое воспитание сотрудников ОВД является одним из элементов воспитательной работы, проводимой в рамках идеологии. Оно направлено на формирование у сотрудников ценностных ориентаций, мотивов и установок, побуждающих в любой ситуации действовать в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, законами Республики Беларусь и другими нормативными правовыми актами Республики Беларусь, и является средством формирования профессионального правосознания.

Л.А. Морозова считает, что правосознание определяется как «совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности юридических органов и учреждений, а также к действиям и поступкам, совершаемым в правовой сфере».

И.Л. Вершок считает, что «правосознание представляет собой сложный, комплексный, волевой и юридически значимый процесс правильного восприятия, отражения, осмысления и выражения в индивидуальном человеческом мышлении социально-правовой действительности», что является особенно важным для сотрудника ОВД.

Идеологическое воспитание – это целенаправленная работа по формированию у сотрудников системы ценностей, мировоззренческих ориентиров и идеалов, соответствующих государственным интересам и задачам. В системе ОВД оно способствует укреплению правовой культуры, патриотизма и ответственному отношению к службе.

Роль такого воспитания очевидна: оно помогает сотрудникам осознать свою социальную миссию, повысить уровень профессионализма и создать внутриорганизационную сплоченность.

В Республике Беларусь идеологическое воспитание сотрудников ОВД реализуется посредством разных механизмов. К ним относятся:

образовательные программы: проведение занятий, лекций и тренингов, посвященных истории, идеалам и ценностям белорусского государства. Основная цель – укрепление национальной идентичности, ознакомление с историей и культурой Беларуси, развитие правовой грамотности. Следует согласиться с мнением Д. Корзюк о том, что «безопасность общества и государства – приоритет правоохранительных органов». Особое внимание он акцентировал на необходимости внедрения современных технологий в образовательный процесс для повышения его эффективности и ориентации на практику;

работа с личным составом: руководство ОВД должно служить образцом для подражания, демонстрируя приверженность законам и этическим нормам. Руководство МВД активно участвует в просветительских мероприятиях, выступает с публич-

ными заявлениями, участвует в мемориальных и патриотических акциях, проведении встреч с личным составом и ветеранами, что создает позитивный пример для подчиненных. Например, ежегодные акции руководства и курсантов Академии МВД совместно с первичной организацией Белорусского союза женщин Академии МВД в преддверии Нового года для столичного подшефного детского дома № 3 «Жемчужинка»;

межличностное взаимодействие: создание условий для формирования корпоративной культуры и укрепления единства коллектива. Внедрение в учебный процесс обязательных модулей по этике и профессиональному поведению, истории героев правоохранительных органов;

использование средств массовой информации (СМИ) и внутренней коммуникации: публикации, видеоролики, информационные бюллетени, способствующие распространению положительных ценностей. Активное распространение положительных образцов служебной и гражданской ответственности через СМИ, внутренние информационные системы и интернет-ресурсы. Например, просмотр прямой трансляции второго заседания VII Всебелорусского народного собрания и обращения Президента Республики Беларусь профессорско-преподавательским составом, офицерами, работниками и обучающимися Академии МВД;

внешнеслужебные акции и мероприятия с привлечением общественности. Реализация мероприятий, объединяющих сотрудников ОВД и граждан, укрепляет патриотические ценности, формирует позитивный имидж сотрудников правоохранительных органов. Например, молодежные акции по благоустройству городов и деревень, встречи с ветеранами, участие в памятных мероприятиях, посвященных национальным героям. Республиканский молодежный конкурс «100 идей для Беларуси» – это проект Белорусского республиканского союза молодежи, который дает возможность молодым ученым, изобретателям и предпринимателям презентовать свои инновационные идеи и проекты, талантливой молодежи заявить о себе, получить экспертные оценки своих разработок, найти поддержку для дальнейшего развития и внедрения.

Перечень мероприятий можно продолжать, но подробная информация изложена на сайте Академии МВД Республики Беларусь (<https://www.amia.by/>).

Реализация перечисленных механизмов способствует укреплению доверия граждан к правоохранительной системе; повышению лояльности сотрудников, формированию чувства ответственности и патриотизма. А это все направлено на обеспечение выполнения служебных задач в условиях внешних и внутренних вызовов.

Роль идеологического воспитания сотрудников ОВД Республики Беларусь невозможно переоценить. Оно является важным инструментом укрепления национальных ценностей, повышения профессиональной ответственности и формирования сильных моральных основ правоохранительной деятельности. В условиях современности его значение только возрастает, требуя постоянного совершенствования методов и форм реализации.

Таким образом, идеологическое воспитание сотрудников ОВД – это системная работа по формированию патриотизма, законности, профессионализма в рамках воспитательной работы, информационно-пропагандистской, психологической и социокультурной, направленной на гармоничное развитие личности, преданной государству, готовой к защите его интересов.

УДК 159.9

М.А. Жуковская

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У КУРСАНТОВ

Цифровая трансформация, движимая развитием искусственного интеллекта (ИИ), перестала быть перспективой будущего и стала актуальной реальностью сферы образования. Период восприятия ИИ как сугубо инструментального средства или потенциальной угрозы профессиональной идентичности педагога завершается. На смену ему приходит новая образовательная парадигма, основанная на концепции симбиоза человека и машины. В данном контексте симбиоз понимается не как механическое сосуществование, а как сложное, взаимодополняющее взаимодействие, в котором когнитивные способности человека и вычислительные мощности ИИ кооперируются для достижения синергетического эффекта. Центральным вопросом современной образовательной системы становится не замена преподавателя, а выбор необходимых психолого-педагогических условий для создания и способов эволюционирования роли педагога для того, чтобы симбиоз с ИИ стал ключевым фактором глубокой и осмысленной профессионализации обучающихся. Этот антропологический вызов, как отмечает философ образования Ж.Ф. Лиотар, требует пересмотра самой природы знания в эпоху «компьютеризации общества», где ценность смещается от запоминания информации к умению ориентироваться в ее потоках и придавать ей смысл.

Этот вопрос напрямую связан с фундаментальной целью профессионального образования – формированием целостного специалиста. По определению психолога Т.В. Кудрявцева, профессионализация – процесс становления профессиональной идентичности-интеграции внешних норм деятельности и внутренних ресурсов личности в устойчивый образ «Я-профессионал». Симбиоз с ИИ ставит эту формирующуюся идентичность перед сложным выбором: как объединить роль «интегратора интеллектуальных систем», сохранив при этом субъектность как конечный носитель ответственности. Особенность профессионализации в эту эпоху заключается в том, что она превращается из процесса усвоения готовых норм в непрерывный диалог с «другим разумом» (ИИ), где будущий специалист должен овладеть новыми цифровыми компетенциями, пройти через внутренний кризис доверия и в итоге консолидировать свою профессиональную идентичность не вопреки технологии, а поверх нее, поставив ее на службу высшим профессиональным ценностям – защите прав, справедливости, служению

обществу. Таким образом, новая парадигма требует такой организации учебного процесса, которая позволит обучающемуся конструировать свою профессиональную идентичность в новой, гибридной реальности деятельности.

Профессионализация в условиях симбиоза с ИИ требует пересмотра самого ядра профессиональных компетенций. Традиционная модель, опирающаяся преимущественно на усвоение и репродукцию статичного объема знаний, утрачивает актуальность. На первый план выходит способность к формированию и управлению гибридным интеллектуальным процессом. Это предполагает развитие у будущего специалиста навыков точной постановки задач для ИИ, критической верификации и интерпретации получаемых от системы результатов, а также их творческого применения в решении реальных профессиональных проблем. Исследователь в области образования Д. Уиллиам подчеркивает, что «главная задача педагога будущего – не передавать знания, а развивать у учащихся способность к саморегулируемому обучению», что в контексте симбиоза с ИИ становится критически важным. При этом возникает парадоксальный риск: ИИ, способный мгновенно предоставить формально корректное решение, создает иллюзию сформированности компетенции у обучающегося. Курсант, получая готовый алгоритм, лишается необходимости проходить через ключевые этапы профессионального мышления – самостоятельный анализ, выдвижение гипотез, перебор вариантов. Таким образом, инструмент, призванный усиливать обучение, может незаметно подменять процесс выработки и присвоения компетенции, формируя зависимость от «интеллектуального протеза».

Следует также отметить, что ИИ способен мгновенно предоставить формально корректное решение профессиональной задачи, что создает иллюзию сформированности компетенции у обучающегося. Возникает критическая проблема: курсант, получая готовый алгоритм или текст от ИИ, лишается необходимости проходить через ключевые этапы профессионального мышления – самостоятельный анализ, выдвижение гипотез, перебор вариантов. Таким образом, инструмент, призванный усиливать обучение, может незаметно подменять процесс выработки и присвоения компетенции, формируя зависимость от «интеллектуального протеза». Особенно остро эта проблема стоит в регламентированных сферах, таких как правоохранительная деятельность, где компетенции жестко привязаны к конкретным нормативным правовым актам и служебной этике. Генеративные модели ИИ, обучающиеся на общих массивах данных, продуцируют усредненные ответы, которые могут не учитывать специфику ведомственных регламентов. Существует риск формирования у будущего специалиста эклектичного, оторванного от реального контекста набора умений, где технологическая эффективность запроса к ИИ будет цениться выше, чем понимание иерархии приказов и служебной субординации.

Следовательно, создание среды, благоприятствующей становлению продуктивного симбиоза, требует целенаправленного формирования критической цифровой грамотности, выходящей за рамки базовых навыков. Ключевым становится развитие способности к метапознанию: анализу того, какую часть интеллектуальной работы эффективнее делегировать ИИ, а какую необходимо выполнять самостоятельно для углубления понимания и развития навыка. Параллельно резко возрастает ценность сугубо человеческих качеств: креативности, системного и критического мышления, эмоционального и социального интеллекта, способности к этическому выбору.

В этом контексте фундаментально меняется дидактическая позиция педагога. Его роль трансформируется от центрального транслятора знаний к многомерной роли «архитектора образовательного опыта» и «наставника симбиоза». В то время как ИИ обрабатывает информацию, педагог фокусируется на области смыслов, ценностей и интерпретаций. Он инициирует дискуссии по этическим дилеммам, помогает оценивать социальные последствия технологий, развивает эмпатию и критическое мышление. Преподаватель организует проектную деятельность, где ИИ является инструментом, а целью становится создание социально значимого продукта, требующего именно человеческого участия. Наконец, он сам становится непрерывным учеником и исследователем, активно тестируя новые ИИ-инструменты и рефлекслируя собственный педагогический опыт в быстро меняющейся среде.

Таким образом, симбиоз с ИИ представляет собой не техническую инновацию, а антропологический вызов для системы образования. Его продуктивная интеграция в процесс профессионализации зависит в первую очередь от готовности педагогического сообщества к глубокой методологической и личностной трансформации. Успех определяется не наличием технологий, а созданием психологически безопасной, этически выверенной и педагогически целесообразной среды, где ИИ выполняет функцию когнитивного усилителя, а не суррогата мышления. Новая миссия преподавателя заключается в том, чтобы стать проводником в эту гибридную реальность, целенаправленно развивая в обучающихся те уникальные человеческие качества, которые обретут высшую ценность в эпоху интеллектуального партнерства с машиной. Будущее образования лежит не на пути конкуренции человека и ИИ, а в плоскости их взаимного обогащения, где успех будет зависеть от способности педагогического сообщества осознать существующие противоречия и разработать новые дидактические принципы, превращающие ИИ из источника педагогических рисков в управляемый инструмент профессионализации.

УДК 351.74:37.091:172

Ч.А. Кадырова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Современный этап развития общества характеризуется усложнением социально-экономических процессов, трансформацией форм и способов преступной деятельности, ростом социальных рисков и конфликтности. В этих условиях особое значение приобретает не только профессиональная компетентность сотрудников правоохранительных органов, но и уровень сформированности их профессионально-ценностных и идеологических установок. Эффективность правоохранительной дея-

тельности во многом определяется устойчивостью нравственных ориентиров, осознанием служебного долга, приверженностью принципам законности и социальной ответственности.

В связи с этим система профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов должна быть ориентирована не только на формирование специальных знаний и навыков, но и на целенаправленное развитие ценностно-смысловой сферы личности будущего сотрудника.

Профессионально-ценностные установки сотрудников правоохранительных органов представляют собой устойчивую систему ценностей, норм и ориентаций, определяющих отношение личности к служебной деятельности, государству, обществу и праву. К числу базовых профессиональных ценностей относятся законность, справедливость, служебный долг, ответственность, дисциплина, гуманизм и патриотизм.

Доктрина Кыргызской Республики «Национальный дух – мировые высоты», утвержденная Указом Президента Кыргызской Республики от 18 декабря 2024 г. № 369 (далее – Доктрина), представляет собой концептуальный идеологический документ, направленный на формирование целостной системы ценностных ориентиров, основанных на национальной идентичности, исторической памяти и стратегических целях устойчивого развития государства. В контексте профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов положения Доктрины имеют принципиальное значение, поскольку задают мировоззренческие и идеологические основания служебной деятельности, ориентируя ее на приоритет общественных интересов, укрепление государственности и обеспечение социальной стабильности.

В Доктрине подчеркивается роль национального духа как интегрирующего фактора, обеспечивающего внутреннюю сплоченность общества и преемственность нравственных ценностей: служение государству, ответственность, справедливость, уважение к закону и достоинству личности. Эти ценности напрямую коррелируют с профессионально-ценностными установками сотрудников правоохранительных органов и усиливают их идеологическую устойчивость в условиях повышенной социальной и служебной нагрузки. Реализация положений Доктрины в системе профессиональной подготовки способствует формированию у сотрудников осознания своей миссии как носителей государственной идеологии правопорядка и законности, а также как представителей публичной власти, действующих в интересах общества и государства.

Таким образом, Доктрина выступает важным идейно-нормативным ориентиром в процессе формирования профессионально-ценностных и идеологических установок сотрудников правоохранительных органов, обеспечивая их мировоззренческую целостность, патриотическую направленность и готовность к ответственному исполнению служебного долга в условиях современных вызовов.

Формирование указанных установок является важнейшим условием становления профессиональной идентичности сотрудника правоохранительных органов, которая выступает как осознание своей принадлежности к профессиональному сообществу и принятие его ценностных ориентиров.

Формирование профессионально-ценностных и идеологических установок сотрудников правоохранительных органов осуществляется посредством совокупности взаимосвязанных психолого-педагогических и нормативных правовых механизмов, реализуемых в процессе профессиональной подготовки и служебной деятельности.

Нормативной основой данного процесса выступает Кодекс профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики, который закрепляет приоритет законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, служебного долга, честности, неподкупности и ответственности перед государством и обществом. Указанный Кодекс не только формулирует обязательные модели профессионального поведения, но и выполняет ценностно-ориентирующую функцию, способствуя формированию у сотрудников устойчивых моральных установок и внутренней готовности следовать этическим стандартам при осуществлении служебных полномочий.

Существенную роль в формировании идеологических установок играет и Закон Кыргызской Республики «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики», а также положения государственных программ и концепций, направленных на укрепление правопорядка и общественной безопасности. Эти нормативные акты закрепляют миссию и социальное назначение правоохранительных органов, определяют их место в системе публичной власти и тем самым формируют у сотрудников представления о государственной значимости их профессиональной деятельности, ее служебно-патриотической направленности и общественной ответственности.

В совокупности данные механизмы обеспечивают формирование профессиональной идентичности сотрудника правоохранительных органов как осознанного принятия ценностей и идеалов профессии, устойчивой ориентации на законность и справедливость, а также внутренней мотивации к добросовестному и ответственному исполнению служебных обязанностей. Нормативно закрепленные профессионально-ценностные и идеологические установки, будучи усвоенными в процессе подготовки, выступают важным фактором устойчивости правоприменительной практики и доверия общества к правоохранительной системе.

Формирование профессионально-ценностных и идеологических установок осуществляется посредством совокупности психолого-педагогических механизмов, среди которых ключевое значение имеют:

- ценностно-смысловое осмысление профессиональной деятельности, обеспечивающее внутреннее принятие профессиональных норм;

- идентификация с профессиональным эталоном, формируемая через образ наставника, преподавателя, опытного сотрудника;

- рефлексия профессионального опыта, позволяющая осмыслить служебные ситуации с позиции нравственных и правовых критериев;

- эмоционально-волевая регуляция, способствующая устойчивости поведения в экстремальных и конфликтных условиях.

Педагогическое воздействие в ведомственных образовательных организациях должно учитывать возрастные, психологические и социальные особенности обучающихся, а также специфику будущей профессиональной деятельности.

Система профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов представляет собой целостный процесс, включающий в себя образовательный, воспитательный и идеологический компоненты. Формирование профессионально-ценностных и идеологических установок должно носить системный характер и быть интегрировано:

в содержание учебных дисциплин (правовых, гуманитарных, психолого-педагогических);
воспитательную и внеаудиторную работу;
практическую и служебно-прикладную подготовку;
деятельность институтов наставничества.

Особое значение имеет согласованность образовательных целей с идеологическими и воспитательными задачами, а также личностный пример преподавательского и командного состава.

Формирование профессионально-ценностных и идеологических установок сотрудников правоохранительных органов является важнейшим направлением их профессиональной подготовки и необходимым условием эффективной правоохранительной деятельности. Устойчивость ценностных ориентиров и идеологических установок способствует повышению уровня правосознания, профилактике профессиональной деформации и укреплению доверия общества к правоохранительным институтам.

В современных условиях требуется дальнейшее совершенствование психолого-педагогических технологий и методик, направленных на интеграцию ценностно-идеологического компонента в систему профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов.

Таким образом, формирование профессионально-ценностных и идеологических установок сотрудников правоохранительных органов представляет собой системный и целенаправленный процесс, определяющий содержание их профессиональной идентичности и характер служебного поведения. Усвоение ценностей законности, справедливости, служебного долга и ответственности, а также принятие идеологических ориентиров государственной политики в сфере обеспечения правопорядка выступают необходимым условием эффективного функционирования правоохранительных органов. Нормативные правовые и программные документы Кыргызской Республики, включая Кодекс профессиональной этики органов внутренних дел и Доктрину, формируют устойчивую ценностно-мировоззренческую основу профессиональной подготовки, способствуя укреплению моральной устойчивости сотрудников и их ориентированности на служение государству и обществу. Реализация данных положений в системе профессионального обучения и воспитания повышает качество правоприменительной деятельности и уровень общественного доверия к правоохранительной системе.

УДК 159.9.072

Т.С. Каримова

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из условий повышения эффективности деятельности личного состава органов внутренних дел России является сформированность профессионально важных качеств, среди которых выделяются взаимодействие толерантных свойств личности и коммуникативных умений, так как при выполнении своих служебных обязанностей сотрудники полиции вступают в коммуникативное взаимодействие с коллегами, разными гражданами: подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями и обычными людьми.

Согласно п. 3 ст. 7 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудник должен «проявлять уважение к национальным обычаям и традициям граждан, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, религиозных организаций, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию».

По мнению Н.А. Гончаровой, для сотрудника полиции «такие моральные требования связаны с необходимостью ежедневного социального взаимодействия в соответствии с принципами толерантности».

В рамках рассматриваемого вопроса большой интерес представляет феномен «коммуникативная толерантность». При анализе данного понятия мы опирались на мнение авторитетных ученых, среди которых В.В. Бойко, В.М. Грищук, Е.А. Калач, Л.В. Скрыбина, Л.А. Николаева и Л.П. Яцкевич.

Так, например, В.М. Грищук рассматривает коммуникативную толерантность «как психосоциальную характеристику личности, ориентированную на терпимое и бесконфликтное коммуникативное поведение».

По мнению Л.А. Николаевой, «коммуникативную толерантность следует рассматривать как личностно значимое профессионально важное качество будущего специалиста в социально ориентированной сфере деятельности».

Е.А. Калач определяет коммуникативную толерантность как «важное гуманистическое качество специалиста» профессиональной сферы деятельности «человек-человек», которые являются коммуникативно ориентированными. К данной категории профессий относится профессия сотрудника полиции.

Так, с нашей точки зрения, «коммуникативная толерантность представляет собой совокупность личностно значимых, профессионально важных и гуманистических качеств специалиста в коммуникативно ориентированных сферах деятельности».

Например, профессиональное коммуникативное взаимодействие сотрудников полиции характеризуется, по мнению В.В. Аврамцева, «нормативной регламентацией, временными ограничениями, властным характером профессиональных полномочий, вынужденным характером общения, ролевым характером общения, повышенной стрессогенностью». В свою очередь, мы считаем, что «при общении с различными категориями граждан сотруднику полиции, с одной стороны, приходится проявлять эмоциональную уравновешенность, анализировать и прогнозировать последствия своих коммуникативных

действий, однако, с другой стороны, решительность, при необходимости жесткость в действиях, и обязательно всегда уважительное отношение к людям».

Выделим особенности коммуникативного поведения сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей.

Участковый уполномоченный полиции: способность устанавливать контакт с различными категориями граждан и оказывать психологическую поддержку.

Инспектор по делам несовершеннолетних: умение взаимодействовать с детьми и их семьями, а также оказывать психологическую поддержку в сложных ситуациях.

Сотрудники патрульно-постовой службы: способность организовывать и управлять беседой, а также использовать коммуникативные техники для достижения целей.

Оперативные сотрудники: умение моделировать ситуации общения и убеждать собеседника.

Из вышеизложенного следует, что «базовой особенностью коммуникативного поведения сотрудника полиции является способность оказывать управляющее воздействие на ситуацию общения. Это включает в себя: установление контакта с различными категориями граждан, оказание психологической поддержки и формирование партнерских моделей взаимодействия с общественными организациями и населением.

Профессиональная коммуникативная толерантность сотрудника полиции выражается в установке коммуникативного контакта с коллегами и гражданами, готовности к сотрудничеству с общественными структурами и местному населению, а также в умении организовывать результативное взаимодействие в ситуациях служебной деятельности. Учитывая изложенное, отметим, что эффективность психологического контакта в процессе общения, взаимодействие личностных факторов устойчивости и коммуникативных умений сотрудника полиции в условиях служебной деятельности способствуют конструктивности делового общения.

Формирование коммуникативной толерантности у обучающихся в образовательных организациях системы МВД России происходит в рамках изучения учебных дисциплин гуманитарного цикла. Для этого используются коммуникативные тренинги, дискуссионные методы и функционально-ролевые игры. Е.В. Слизкова отмечает, что коммуникативные тренинги способствуют стимулированию, корректировке и развитию личности участников. Дискуссионные методы – свободные и направленные дискуссии, совещания специалистов и обсуждение профессиональных казусов – основаны на живом общении участников и направлены на обмен мнениями и выработку групповых решений. Функционально-ролевые игры позволяют развивать воображение, критическое мышление, самостоятельность и коммуникативные навыки.

Таким образом, в процессе обучения важно сформировать у курсантов и слушателей ценности толерантного общения, умения и навыки толерантного взаимодействия, эмоционально-волевую готовность к диалогу и положительную коммуникативную установку. Конечной целью должно стать превращение коммуникативной толерантности в личностное качество и ее интеграция в систему личностных ценностей.

УДК 378.6

В.С. Ком

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КУРСАНТОВ – БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В современных условиях военно-политической обстановки к подготовке офицера внутренних войск предъявляются новые требования. Результатом подготовки должно стать не только формирование профессионала, владеющего современными образцами вооружения, боевой и специальной техники, беспилотными летательными аппаратами, но и способного и готового на высоком уровне осуществлять обучение и воспитание подчиненного личного состава своего подразделения. Основу боевой готовности подразделений составляют не только высоко подготовленные офицеры, но и обученный личный состав, готовый по своим морально-психологическим качествам выполнять служебно-боевые задачи любой сложности в любых условиях. Данные обстоятельства обуславливают изучение феномена педагогической компетентности офицера внутренних войск.

Состояние формирования педагогической компетентности офицера необходимо рассматривать в практическом и научно-методологическом плане.

Нормативные правовые документы последнего поколения в сфере регулирования образовательных правоотношений одним из основных направлений развития системы образования предусматривают компетентностный подход. На основе данного подхода разработана учебно-программная документация образовательных программ для системы высшего образования по подготовке будущих офицеров внутренних войск. Квалификационные требования к военно-профессиональной подготовке выпускников учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» по специальности 6-05-1031-07-2023 «Правовое обеспечение деятельности внутренних войск» закрепляют следующие виды военно-профессиональной деятельности, в которых должен быть компетент выпускник: административно-служебная, боевая, военно-педагогическая, правоохранительная и правоприменительная. Контент-анализ содержания нормативных правовых документов, регламентирующих деятельность офицера-выпускника, показывает, что педагогическая деятельность занимает важное место в профессиональной деятельности командира подразделения внутренних войск. В частности, основным пунктом обязанностей командиров всех уровней является обучение и воспитание подчиненных. Вместе с тем анализ содержания учебного плана по специальности свидетельствует о недостаточном внимании к данному вопросу: непосредственно на педагогическую подготовку будущего

офицера отводится только 36 аудиторных часов на изучение учебной дисциплины «Основы психологии и педагогики», кроме того, только 22 % военно-прикладных дисциплин рассматривают в своем содержании вопросы педагогической подготовки.

Таким образом, проведенные факты позволили выявить противоречие между большим вниманием к педагогической подготовке выпускника в нормативных правовых документах и недостаточной разработанностью данной проблемы на практическом уровне при реализации данных требований в образовательном процессе при подготовке будущего офицера внутренних войск.

Рассматривая педагогическую компетентность курсанта – будущего офицера внутренних войск в научно-методологическом плане, остановимся на содержании основных понятий «компетенция» и «компетентность». Содержание данных понятий подвергалось изучению многими учеными. Результаты этих исследований часто противоречивы, компетентность или отождествлялась, или противопоставлялась компетенциям.

За базовое определение компетенций мы принимаем точку зрения А.В. Хуторского: «Компетенция – это обобщенная характеристика личности, определяющая готовность к успешному решению профессиональных, социальных и личностных задач». Под компетентностью мы понимаем трактовку И.А. Зимней: «Компетентность – прижизненное формируемое, этно-социокультурно обусловленное, актуализированное в деятельности, во взаимодействии с людьми, основанное на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленное интегративное личностное качество человека, которое, развиваясь в образовательном процессе, становится его результатом».

Педагогическая компетентность как понятие педагогической науки достаточно изучена как в теоретическом, так и в практическом плане. Анализ литературы позволил выделить следующие подходы к изучению содержания профессиональной компетентности педагога:

функционально-деятельностный (Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин, Н.Ф. Талызина и др.) – компетентность как единство теоретической и практической готовности к осуществлению деятельности;

аксиологический (Б.С. Гершунский, В.Г. Воронцова и др.) – компетентность как образовательная ценность;

лично-деятельностный (И.А. Колесникова, М. Митина и др.) – личность педагога и труд рассматриваются в единстве.

Содержание понятия педагогической компетентности будущего офицера базируется на фундаментальных исследованиях компетентности в общем и ее проявлении в профессиональной деятельности педагогов в частности. Кроме того, при изучении феномена педагогической компетентности необходимо исследовать особенности профессиональной деятельности офицера, выполняемых им функций, направлений деятельности и т. д. Анализ базы отечественных диссертационных исследований, представленных к защите по педагогической специальности, в которых субъектами образовательных правоотношений выступают курсанты учреждений высшего образования, позволил установить отсутствие исследований, рассматривающих содержание и процесс формирования педагогической компетентности курсанта – будущего офицера.

Таким образом, данные факты свидетельствуют об объективном противоречии между интересом педагогической науки и практики к проблемам педагогической компетентности специалистов и недостаточной разработанностью ее научно-теоретических и методических основ в системе подготовки будущих офицеров внутренних войск.

В заключение отметим, что вопросы формирования педагогической компетентности курсанта – будущего офицера внутренних войск требуют дальнейшего изучения и проработки как в практическом, так и в научно-теоретическом плане с целью поиска путей разрешения сформулированных проблемных вопросов.

УДК 159.9

Е.В. Котенко

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕМПЕРАМЕНТА И ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ АКАДЕМИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сегодня конфликты стали повседневной реальностью. Интерес к данной проблеме привел к тому, что она превратилась в объект изучения множества наук: социологии, педагогики, физиологии, политологии и др. Особое место тема конфликта занимает и в психологической науке, особенно в контексте службы в органах внутренних дел (ОВД), поскольку профессиональная деятельность сотрудника ОВД изначально характеризуется высоким конфликтогенным потенциалом. Это обусловлено постоянным взаимодействием с правонарушителями, необходимостью применения мер принуждения и регулярным участием в ситуациях, где интересы сторон резко расходятся.

С другой стороны, одним из самых сложных, но имеющих прикладное значение в подготовке будущих сотрудников ОВД, является вопрос о факторах, имеющих значение для возникновения и протекания межличностного конфликта обучающихся. Знание особенностей личности, лежащих в основе формирования выбора стратегий поведения в конфликте, определяет и позволяет формировать более целенаправленные программы по профилактике нарушений поведения и выработке продуктивных копинг-стратегий среди обучающихся в учреждениях высшего образования системы Министерства внутренних дел, а также формировать адекватное конфликтное взаимодействие при исполнении служебных обязанностей.

Существуют разные подходы к пониманию детерминант конфликтного поведения.

В рамках личностного подхода в качестве детерминант конфликтного поведения выделяются прежде всего разные свойства личности: уровень притязаний, самооценка, цели, мотивы, потребности, ценностные ориентации, психические состояния и т. д., которые обуславливают конфликтное поведение.

В рамках ситуационного подхода авторы анализируют особенности ситуации и внешние (объективные) факторы, определяющие конфликтное поведение человека. В рамках этого подхода конфликтность интерпретируется как природная склонность

человека к конфликтному поведению, обусловленная природными особенностями человека (особенностями темперамента, низким уровнем эмоциональной устойчивости, импульсивностью, психодинамической активностью, неуравновешенностью и т. д.).

В рамках интегрального подхода авторы объясняют закономерности конфликтного поведения особенностями восприятия субъектом определенной ситуации. В качестве детерминант конфликтного поведения выступают оценки, взгляды, мнения, идеи.

Феноменологический анализ конфликтного поведения, анализ определений конфликта и конфликтности, обобщение результатов эмпирических исследований в этой области позволяют говорить о том, что специфику поведения в конфликте определяют прежде всего психологические особенности человека как целостной индивидуальности (концепция индивидуальности Б.Г. Ананьева). При этом в качестве основных детерминант конфликтного поведения выступают свойства всех уровней индивидуальности (личностного, субъектного, индивидуного) в единстве и взаимосвязи.

Полученные на сегодня эмпирические данные свидетельствуют о том, что на выбор стратегий поведения в конфликте влияет множество факторов, среди которых можно выделить такие личностные качества, как темперамент.

Для изучения взаимосвязи типа темперамента и поведения в конфликтной ситуации было проведено эмпирическое исследование среди 60 курсантов 1-го курса мужского пола в возрасте 17–19 лет с использованием таких диагностических методик: опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса и личностного опросника Г. Айзенка; математические методы обработки данных (корреляционный анализ *r*-Спирмена).

Анализируя результаты количественных показателей типов темперамента, можно отметить, что 23 респондента являются сангвиниками, 16 – холериками, 13 – меланхоликами, 8 – флегматиками. При этом к экстравертам относятся 39 обучающихся, интровертам – 21. Таким образом, можно заключить, что выборка в основном состоит из лиц, ориентация которых направлена на внешний мир, тех, кто с легкостью заводят новые знакомства, являются открытыми и общительными; меньшинство выборки, наоборот, являются замкнутыми людьми, склонными к одиночеству.

Следующий этап нашего исследования заключался в определении личностной предрасположенности к конфликтному поведению. Проведенное исследование показало, что у курсантов наиболее представлены три стратегии – соперничество, сотрудничество и компромисс. При этом для сангвиников преобладающей стратегией поведения является соперничество, для холериков – сотрудничество, для меланхоликов и флегматиков – компромисс.

Для выявления взаимосвязи между темпераментом и поведением личности в конфликтной ситуации применялся коэффициент корреляции Спирмена.

Гипотеза о взаимосвязи стратегии поведения в конфликтной ситуации «Компромисс» и типом темперамента подтвердилась, установлена слабая взаимосвязь – для сангвиников и холериков, сильная – для меланхоликов. При этом для флегматиков корреляция между указанной стратегией и типом темперамента отсутствует.

Выявлено отсутствие связи между стратегиями «Соперничество», «Сотрудничество», «Избегание» и «Приспособление» и типом темперамента.

Для оптимизации поведения в конфликтных ситуациях рекомендуется привести значения всех пяти стратегий поведения (соперничество, сотрудничество, компромисс, приспособление, избегание) в пределы нормы, т. е. реже прибегать к стратегиям, имеющим завышенные значения, и чаще использовать стратегии, имеющие заниженные значения. Считается, что для комфортного разрешения различных конфликтных ситуаций необходимо использовать все пять стратегий в зависимости от конкретных обстоятельств той или иной конфликтной ситуации. Адаптация ухудшается при использовании такой стратегии поведения в конфликте, как избегание, что вполне логично, так как данная стратегия характеризуется пренебрежением к собственным потребностям и интересам, в связи с чем курсант не ощущает удовлетворенности и внутреннего спокойствия. И поэтому рекомендуется стараться реже или менее интенсивно применять эту стратегию поведения в конфликтных ситуациях. Адаптация возрастает при использовании стратегий поведения сотрудничества и противоборства, что можно объяснить удовлетворением актуальных потребностей и интересов человека. Делая акцент на стратегии поведения в конфликте сотрудничество как наиболее продуктивной и позитивной для адаптации, рекомендуется повышать навыки сотрудничества – учиться продуктивно взаимодействовать с другими людьми и совместно с ними принимать обоюдно выгодные решения. Учитывая прямую зависимость эффективного поведения в конфликтной ситуации от локуса контроля, рекомендуется повышать уровень интернальности, т. е. учиться брать ответственность за свою жизнь и происходящие события. Это значит прежде всего не перекладывать ответственность на других людей, события, высшие силы. Важно увидеть свое личное участие, или бездействие, в конфликтной ситуации, признать свои недочеты, ошибки или вину. И после найти у себя желание исправить текущее положение дел, поставить цель и совершить действия, способствующие решению текущей сложной ситуации.

УДК 159.923:351.74

А.А. Ластовский

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ПРИНЯВШИХ РЕШЕНИЕ О НЕПРОДЛЕНИИ КОНТРАКТА НА СЛУЖБУ

В контексте современных вызовов, стоящих перед правоохранительной системой, проблема кадровой стабильности и сохранения профессионального потенциала приобретает стратегическое значение. Высокие психоэмоциональные нагрузки, социальная ответственность и особенности несения службы предъявляют исключительные требования к мотивационной устойчивости сотрудников органов внутренних дел (ОВД). В этой связи тревожным сигналом является тенденция принятия опытными сотрудниками осознанного решения о прекращении службы и непродлении контракта на службу в ОВД. Данное

явление выходит за рамки обычной текучести кадров и указывает на возможные пробелы в сфере профессиональной адаптации, организационной культуры и управления персональной мотивацией.

Исследование профессиональных установок сотрудников, решивших не продлевать дальнейшую службу в ОВД, представляет собой ключ к пониманию негативных процессов, вымывающих изнутри кадровый ресурс. Недостаточность научно обоснованных данных о психологических механизмах, заложенных в основе такого решения, затрудняет разработку эффективных превентивных мер. Теоретический анализ мотивационной сферы личности, дополненный эмпирическим изучением специфики мотивации достижения успеха и избегания неудач у данной категории сотрудников ОВД, позволяет не только диагностировать состояние профессиональной дезадаптации, но и выявить точки приложения для управленческого и психологического воздействия на их мотивационную сферу.

Таким образом, объектом проведенного нами исследования была мотивационная сфера личности сотрудников ОВД, принявших решение о непродлении контракта на службу. Предметом исследования являлось изучение наличия взаимосвязи возраста и типов мотивации у тех сотрудников, кто принял решение не продлевать контракт на дальнейшую службу в ОВД.

Исследование проводилось среди сотрудников, принявших решение о непродлении контракта на службу, в возрасте до 46 лет. Возрастные пропорции испытуемых распределились следующим образом: группа 1 (до 35 лет) – 15 %, группа 2 (от 36 лет до 41 года) – 25 %, группа 3 (от 42 до 46 лет) – 60 %.

Изучение характера связи между возрастными категориями и выраженностью различных типов мотивации осуществлялось при помощи «Опросника профессиональной мотивации-2» (ОПМ-2). В основе данного тестирования лежит теория самодетерминации – макротеория человеческой мотивации и личности, разработанная Эдвардом Деси и Ричардом Райаном. Она фокусируется на том, что движет людьми: от спонтанных, любопытных действий до вынужденного поведения под давлением.

Для выявления взаимосвязи между возрастом сотрудников ОВД и мотивации при принятии решения о непродлении контракта на службу применялся метод ранговой корреляции – коэффициент Спирмена, который позволяет определить тесноту (силу) и направление корреляционной связи между двумя признаками или двумя профилями (иерархиями) признаков.

Вначале исследовалась зависимость отдельных возрастных групп опрашиваемых и различных типов мотиваций. Для этого метод ранговой корреляции Спирмена применялся к каждой возрастной группе пошагово к каждому исследуемому типу мотивации. В итоге исследования почти все рассчитанные коэффициенты корреляции оказались незначимыми ($p\text{-value} > 0,05$). Кроме амотивации (отсутствие мотивации): обнаружена статистически значимая положительная корреляция между возрастом и амотивацией в двух возрастных группах из трех (до 35 лет, старше 46 лет). Это обстоятельство может означать, что чем старше сотрудник ОВД, тем выше у него уровень амотивации (потеря смысла и мотивации) при принятии решения о непродлении контракта на службу.

Затем исследовалась специфика мотивационной сферы в общей совокупности результатов при помощи опросника ОПМ-2 испытуемых всех возрастных категорий. Результаты решения теста ОПМ-2 выглядят следующим образом.

Средний показатель результатов опросника ОПМ-2 среди испытуемых

Мотивация	Общий рейтинг
Внутренняя мотивация	3,2
Интегрированная мотивация	2,6
Идентифицированная мотивация	2
Интроецированная мотивация	1,7
Экстернализованная мотивация	2,1
Амотивация	2,5

Среди полученных данных обращают на себя внимание низкий уровень внутренних мотивационных установок испытуемых. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что решение об уходе со службы в ОВД является не спонтанным актом, а результатом длительного процесса мотивационного истощения, потери связи между личностью сотрудника ОВД и его профессиональной ролью. Это указывает на возможное наличие пробелов в организации служебной деятельности, системе морального и материального стимулирования.

Полученные данные позволяют полагать, что одним из важных обстоятельств при принятии данного решения является пробел между личностью сотрудника ОВД и его профессиональной ролью, ведущий к эмоциональному выгоранию, отчуждению и в конечном счете к принятию решения об уходе. Таким образом, практическая значимость проведенного исследования заключается в выявлении проблем мотивационной сферы и разработке научно обоснованных рекомендаций для комплексного совершенствования кадровой и психологической работы в ОВД.

Перечислим основные из них.

Для кадрового менеджмента необходим переход от унифицированной системы стимулирования к дифференцированной с акцентом на нематериальную мотивацию, обогащение труда, расширение автономии и ясные карьерные перспективы.

Для психологической службы требуется внедрение системы ранней диагностики мотивационного неблагополучия (на основе ОПМ-2) и создание программ целевого психологического сопровождения, включающих в себя тренинги по профилактике выгорания, формированию «установки на рост» и переориентации мотивации.

Для руководителей всех уровней важно развитие навыков поддерживающего лидерства, направленного на создание среды, которая удовлетворяет потребности подчиненных в компетентности, уважении и принадлежности к коллективу.

Для образовательного процесса в программы ведомственной подготовки целесообразно включить модули, направленные на формирование устойчивой профессиональной идентичности и реалистичных ожиданий от службы.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Идеологическая подготовка кадров для органов внутренних дел на этапе образовательного процесса с курсантами реализуется в контексте задач национальной безопасности и формирования духовно-нравственных основ патриотизма. Акцент на духовно-нравственные основы патриотизма обусловлен тем, что ценности стали играть решающую роль в современном мире глобальной турбулентности.

Республика Беларусь имеет богатые духовно-нравственные основы патриотизма. Эти основы создавались многими поколениями белорусов. Начало формированию этих основ положили представители христианской православной традиции Кирилл Туровский и Евфросиния Полоцкая в XII в. Уже на ранних этапах совместной истории современного Союзного государства патриотизм понимался как единство восточных славянских народов перед лицом внешних угроз.

Пример этому единству задал брак благоверного князя Александра Невского с княжной из Полоцка. Этот брак позволил объединить княжеские дружины для противостояния крестоносцам Ливонского и Тевтонского орденов. В результате восточные славяне смогли сохранить свою идентичность, которую они реализовывают при решении задач национальной безопасности.

Вопросы духовности, патриотизма и ценностей традиционно входят в лекционный курс учебной дисциплины «Философия». Одна из первых тем предмета посвящена рассмотрению структуры мировоззрения с позиций патриотизма и ценностной тематики. Курсантам доводится тезис о том, что рациональную основу мировоззрения формирует государственная идеология, ключевые положения которой изложены в выступлении Президента А.Г. Лукашенко на втором заседании седьмого Всебелорусского народного собрания при обращении с Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию.

В разделе учебной дисциплины «Философия», связанном с тематикой генезиса философского знания, особая роль отводится вопросам формирования христианской традиции, которая конкретизируется в лекции, посвященной философской мысли Беларуси. В ходе лекции акцентируется тезис о том, что только верность православию и патриотизму помогла белорусам сохранить идентичность в условиях многонационального государства, каковым являлась Речь Посполитая. В этот период важную роль играла патриотическая деятельность Симеона Полоцкого, которая укрепляла единство православного населения.

Возвращению белорусов в русскую православную церковь способствовала деятельность Георгия Конисского и Иосифа Семашко. Эта тенденция закрепилась в творчестве Николая Лосского, ставшего ярким представителем русской религиозной философии. В Республике Беларусь, как отметил в своем выступлении Президент А.Г. Лукашенко на втором заседании седьмого Всебелорусского народного собрания при обращении с Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию, проявляют патриотические чувства представители разных религиозных и этнических групп. Их роднит с Беларусью принадлежность к титульной нации.

Именно формат такого патриотизма позволяет стране сохранять единство. Эти слова Главы белорусского государства доводятся курсантам в контексте характера их последующей профессиональной деятельности с опорой на ценности межконфессионального согласия в обществе.

Курсанты анализируют лекционный материал по учебной дисциплине «Философия» на практических занятиях через ценностную тематику исторической памяти. В этой тематике есть важная дата 80-летия Великой Победы советского народа. Это была победа над идеологией фашизма. Актуальность данной темы сохраняется в современных условиях, так как продолжается правовая оценка пособников фашизма, совершавших геноцид белорусского народа. Республика Беларусь, как отметил А.Г. Лукашенко, не может допустить ситуации повторения 22 июня 1941 г., когда немецкие войска вторглись в пределы Советского Союза, частью которого была Белорусская Советская Социалистическая Республика.

Чтобы эта ситуация не повторилась в настоящее время не только разработана Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, но и принимаются конкретные меры по ее практической реализации. Эти практические меры акцентируются в лекции «Беларусь в современном цивилизационном процессе» по учебной дисциплине «Философия».

Тематика национальной безопасности является быстро развивающимся разделом философии. Его концептуальная часть содержит тезис о важности института президентства в обеспечении национальной безопасности белорусского государства. Сильная государственная власть является основой для реализации устойчивого развития общества. Об этом в свое историческое время писал известный поэт и мыслитель с белорусскими корнями Н. Гусовский.

Прикладные аспекты безопасности рассматриваются в тематике гражданского общества. На лекции выделяются приоритеты работы сотрудников органов внутренних дел с населением. Курсантам доводится тезис о том, что от умения наладить конструктивное сотрудничество с гражданами государства зависит эффективность правоохранительной деятельности. Выделяются особенности учета разных возрастных категорий населения. Особо акцентируется умение сотрудников органов внутренних дел учитывать психологию пожилых людей, так как именно представители этой категории населения часто становятся жертвами цифровых мошенников, которые спекулируют на доверчивости пожилых людей.

По целому ряду вопросов безопасности требуют внимания молодые люди цифровых поколений. Это обусловлено тем, что этих людей злоумышленники втягивают в противоправную деятельность, связанную с наркотическим трафиком и терроризмом. И поэтому курсантам после получения образования и распределения на рабочее место придется часто бывать в образовательных учреждениях с целью разъяснения обучающимся последствий противоправных действий, если они к таковым будут прибегать. Курсантам рекомендуется проводить профилактическую работу в последующей профессиональной деятельности с целью разъяснения обучающимся тезиса о том, что незнание закона не освобождает их от ответственности.

В случае прямой военной угрозы Республике Беларусь сотрудники правоохранительных органов станут защитниками Отечества, поэтому для них патриотизм приобретает первостепенное значение. Это важная часть идеологии национальной безопасности, которая базируется на подвигах предков и их решимости защищать Родину.

Таким образом, изучение учебной дисциплины «Философия» является важным этапом в профессиональном становлении сотрудника правоохранительных органов. Лекции и семинарские занятия способствуют формированию у курсантов предметного поля мировоззрения с идеологическим ядром установки на ценности патриотизма. После такой подготовки курсант будет видеть события через контекст национальной безопасности. Он будет понимать значимость института президентства как гаранта сильной государственной власти.

УДК 378

А.О. Мартынов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ АКАДЕМИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вектор развития отечественной науки определен Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко: «Цели науке ставит само время. И сегодня нам особенно нужны знания и опыт уже известных, титулованных ученых, энергия и амбиции молодых, подающих надежды исследователей, готовых не только покорять неизведанные силы природы, но и противостоять вместе с государством сложнейшим политическим и экономическим вызовам».

В этой связи руководством Министерства внутренних дел Республики Беларусь, учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Академия МВД) уделяется значительное внимание научно-исследовательской работе как профессорско-преподавательского состава, так и различных категорий обучающихся, и, как следствие, создаются максимально комфортные условия для проведения научных исследований. Результатом этого является тот факт, что более 140 преподавателей Академии МВД имеют ученую степень кандидата или доктора наук.

Особая роль отводится работе с молодыми исследователями. В этой связи в каждом из учреждений высшего образования Беларуси в настоящее время создан и функционирует совет молодых ученых (СМУ). Академия МВД не стала исключением: 6 декабря 2022 г. создан СМУ, который является постоянно действующим коллегиальным органом, формируемым из числа адъюнктов научно-педагогического факультета, лиц из числа профессорско-преподавательского состава, не имеющих ученой степени, в возрасте до 30 лет, имеющих ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет и доктора наук в возрасте до 40 лет.

Создание СМУ было обусловлено необходимостью популяризации науки среди молодежи, консолидации усилий молодых исследователей для выполнения научных исследований, обмена идеями, возникающими в ходе осуществления собственных разработок, распространения новейших достижений науки среди молодежи и др. В этом и выражаются основные задачи, которые ставит перед собой СМУ. Так, СМУ Академии МВД обеспечивает оперативное взаимодействие с руководством учреждения образования по актуальным вопросам молодежной науки, а также молодых ученых между собой по следующим направлениям: научно-исследовательское, организационное, образовательное, профориентационное, идеологическое.

Научно-исследовательское направление. Все исследования, проводимые в Академии МВД, коррелируют с современными потребностями заказчиков кадров, а их результаты востребованы в работе различных подразделений органов внутренних дел, о чем свидетельствуют многочисленные акты о внедрении результатов разработок в практическую деятельность и образовательный процесс. Молодые ученые не только участвуют в различных научно-практических, методических конференциях, семинарах, осуществляют подготовку научных статей, тезисов докладов, но и выступают в качестве экспертов в рамках обсуждения диссертационных исследований, членов жюри на конкурсах, проектах, в том числе международного уровня. Это уникальная возможность знакомиться с другими исследователями и обмениваться опытом, результатами собственных работ.

Организационное направление. В апреле 2025 г. в Академии МВД проведена ежегодная международная научно-практическая конференция «Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов», посвященная 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, важной дате в жизни не только каждого сотрудника органов внутренних дел, но и каждого гражданина Республики Беларусь. Молодые ученые Академии МВД успешно справились с организационными вопросами, возникающими в ходе проведения указанной конференции, по результатам которой руководство Академии МВД милицейской альма-матер доверило проведение СМУ Международной научной конференции по юриспруденции для студентов, курсантов, слушателей и магистрантов «Актуальные проблемы юридической науки: взгляд молодежи». Члены СМУ рецензировали поступившие материалы, осуществляли подготовку и проведение пленарного и секционных заседаний конференции.

Образовательное направление. Каждый молодой ученый Академии МВД одновременно и педагог, и в настоящее время значительное внимание уделяется вовлечению обучающихся в научно-исследовательскую деятельность. Под руководством членов СМУ курсанты и студенты осуществляют подготовку научных статей, материалов конференций, разрабатывают программные продукты для образовательного процесса и практической деятельности подразделений органов внутренних дел, регулярно становятся призерами внутриакадемического, Республиканского конкурса научных работ студентов, участвуют в различных конкурсах, олимпиадах и т. п.

Значительную помощь в популяризации молодежной науки Академии МВД оказывает тот факт, что с 2011 г. Академия МВД входит в международную ассоциацию полицейских академий INTERPA, а начальник академии генерал-майор милиции А.В. Астрейко является ее вице-президентом. Международное сотрудничество осуществляется с учреждениями высшего об-

разования Азербайджана, Индии, Китая, России, Узбекистана и ряда других стран. Это позволяет ученым не только участвовать в научно-практических конференциях, семинарах, конкурсах, но и обмениваться научной литературой, осуществлять рецензирование публикаций, делиться наработанным опытом, разрабатывать передовые программные продукты. Например, в настоящее время совместно с коллегами из Омской академии МВД России кафедра оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Беларуси разработала компьютерную игру, представляющую собой пошаговый квест, в котором с использованием знаний, полученных на учебных занятиях, обучающиеся раскрывают совершенное убийство, находят предметы, представляющие оперативный интерес, и составляют необходимые процессуальные документы, чтобы привлечь преступника к установленной законом уголовной ответственности.

Профориентационное направление. В рамках данной планомерной, осуществляемой на постоянной основе работы молодые ученые выступают с научно-популярными лекциями перед детьми, посещают учреждения образования, привлекаются в качестве спикеров на различных диалоговых площадках и форумах, популяризируя при этом службу в органах внутренних дел и пробуждая интерес абитуриентов в выполнении научных исследований милицейской направленности.

Идеологическое направление. СМУ принимает участие в мероприятиях по случаю знаковых и памятных дат, в спортивных мероприятиях, оказывают необходимое содействие по наведению порядка. В качестве примера последнего можно привести Республиканскую акцию «Дай лесу новое жыццё», темп которой задал Глава государства, личным примером восстанавливая буреломные участки в Шкловском районе.

Координация деятельности СМУ учреждений высшего образования возложена на СМУ при Министерстве образования Республики Беларусь, основной целью которого является выработка предложений и рекомендаций Министерству образования для осуществления государственной молодежной политики в области науки. В СМУ входят все председатели СМУ учреждений высшего образования Беларуси.

Под эгидой СМУ при Министерстве образования Республики Беларусь проводится значительное количество мероприятий различной направленности, в том числе: Республиканский Форум молодых ученых, Школа молодого ученого, Фестиваль науки, Фестиваль профессий, «Шаг к успеху» и др., целью которых в первую очередь является популяризация научной деятельности среди молодежи.

Не остаются в стороне и руководители различных министерств и ведомств, которые на регулярной основе проводят встречи с молодыми учеными (встреча Министра внутренних дел Республики Беларусь генерал-лейтенанта милиции И.В. Кубракова, Министра образования Республики Беларусь А.И. Иванца в рамках проекта «Неслучайные встречи»), организуют различные мероприятия идеологического, обучающего, спортивного характера (проведен по указанию Министра внутренних дел патриотический форум на базе учреждения образования «Центр подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров МВД Республики Беларусь», проект «Время твоих возможностей», уже четвертый год проводимый на базе НДОЦ «Зубренок» и др.), чтобы не только ответить на интересующие начинающих исследователей вопросы, но и услышать молодежный актив.

Таким образом, в настоящее время перед СМУ Академии МВД стоит важная задача – осуществление целенаправленной работы по поиску, подбору и подготовке начинающих исследователей для укрепления кадровой политики ведомственного учреждения высшего образования. Реализация данного посыла видится в виде цепочки «абитуриент – курсант/студент – адъюнкт – кандидат наук – преподаватель». Для этого на предстоящий период СМУ ставит для себя следующие основные задачи: продолжать участвовать в привлечении обучающихся в научно-исследовательскую деятельность, поддерживать молодых ученых в популяризации науки, содействовать их профессиональному и творческому росту, представлять Академию МВД на различных научных мероприятиях, в том числе на международном уровне, продолжить работу по подготовке инновационных программных продуктов для их последующего внедрения в образовательный процесс.

УДК 343.2

Ф.А. Некрашевич

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Политические партии и общественные объединения являются одним из базовых институтов современной общественно-политической жизни. Они представляют и защищают интересы социальных групп, участвуют в формировании политических систем, в борьбе за власть и ее осуществление в государстве, являются существенным иницирующим фактором гражданского общества, связующим звеном между социумом и государством. Важной стороной деятельности партий является политическое воспитание граждан и формирование общественной мысли. В настоящее время в разных странах действует большое количество партий, которые представляют собой организованную силу в парламентской борьбе разных групп и слоев общества. Не является исключением и Республика Беларусь. Взаимодействие органов внутренних дел с общественными объединениями и политическими партиями страны носит комплексный и многогранный характер.

С одной стороны, вступление действующих сотрудников в политические партии ограничено положениями Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь». Деятельность органов внутренних дел осуществляется на принципах независимости от деятельности политических партий и других общественных объединений.

С другой стороны, к основным задачам органов внутренних дел относится оказание в пределах компетенции на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством, помощи общественным объединениям и иным организациям в реализации их прав и возложенных на них обязанностей. Органы внутренних дел в порядке и пределах, определяемых законодательством,

информируют общественные объединения о состоянии общественного порядка и мерах по его обеспечению, осуществляют свою деятельность во взаимодействии с общественными объединениями, иными организациями, в том числе иностранными.

Приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 ноября 2018 г. № 333 «Об утверждении Инструкции об организации идеологической работы в органах внутренних дел Республики Беларусь» определяет взаимодействие с общественными объединениями как одно из основных направлений идеологической работы со всеми категориями сотрудников. При этом особое внимание уделяется поддержке молодежных организаций, ведущих работу по гражданско-патриотическому и правовому воспитанию молодежи, а также Белорусской общественной организацией ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск, иными ветеранскими организациями и общественными объединениями патриотической направленности.

Сотрудники органов внутренних дел постоянно привлекаются к охране общественного порядка в период электоральных кампаний в Республике Беларусь. В связи с этим на действующих сотрудников могут возлагаться следующие задачи:

оказывать содействие в пределах своих полномочий депутатам, зарегистрированным кандидатам, должностным лицам органов государственной власти и местного самоуправления, членам избирательных комиссий, а также представителям общественных объединений и политических партий в осуществлении их законной деятельности, если им оказывается противодействие или угрожает опасность;

принимать меры по пресечению в ходе избирательной кампании, при подготовке и проведении выборов противоречащей закону предвыборной агитации, агитации по вопросам проведения выборов (включая меры по пресечению попыток подкупа избирателей, участников избирательной кампании);

информировать соответствующую избирательную комиссию или комиссию референдума о фактах выявленных нарушений и принятых в связи с этим мерах и др.

Для эффективного решения вышеназванных задач личному составу органов внутренних дел в рамках проведения занятий по идеологической подготовке систематически доводится информация, связанная с деятельностью политических партий и общественных объединений Республики Беларусь и зарубежья. В связи с этим сотрудникам, ответственным за организацию и проведение идеологической работы, необходимо:

уметь самостоятельно анализировать основные тенденции современного политического развития мирового сообщества и Республики Беларусь;

знать общие принципы и методологию анализа актуальных тенденций развития общественных движений и политических партий в политической сфере жизнедеятельности современного общества;

владеть информацией о деятельности общественных объединений и политических партий Республики Беларусь для проведения своевременного и качественного информирования личного состава.

Таким образом, несмотря на ряд ограничений, связанных с участием сотрудников силовых ведомств в деятельности политических партий, знание о специфике деятельности столь важного института гражданского общества является неотъемлемой частью проведения идеологической работы среди сотрудников органов внутренних дел.

УДК 378.1

А.П. Никифоронок

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

В настоящее время в современной отечественной системе подготовки и повышения квалификации преподавателей наблюдаются тенденции к сокращению продолжительности и прагматизации содержания обучения, повышению эффективности его качества путем усиления методической составляющей и т. п. В этих условиях важно не только не потерять накопленный опыт в этой сфере деятельности, сохранить достигнутый уровень, адекватный требованиям профессионально-педагогической деятельности, но и с учетом новых условий развития системы образования обеспечить эффективное развитие профессиональных компетенций будущих преподавателей высшей школы, в том числе – в системе органов внутренних дел.

Подготовка научно-педагогических кадров всегда выступала предметом глубокого изучения и осмысления в трудах исследователей с позиции содержательного и методического воплощения главного замысла «Сегодня подготовить педагогов, которые будут учить специалистов будущего». При этом остается недостаточно изученным вопрос о специфике подготовки таких кадров в образовательных организациях высшего образования системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь. В некоторых исследованиях представлены только общие вопросы и отдельные аспекты подготовки научных и научно-педагогических кадров в ведомственных образовательных организациях высшей школы.

Так, Л.В. Кузнецова, И.Ю. Лазарева рассматривают возможности цифровых технологий в подготовке будущих преподавателей, раскрывая целевую направленность их включения в образовательный процесс и самостоятельную работу адъюнктов. Е.И. Мещеряковой сформулированы противоречия, подчеркивающие актуальность рассмотрения проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров в рассматриваемой системе, которые сводятся к несоответствию между возрастающими требованиями к уровню культуры и профессиональной компетентности преподавателя-исследователя и качеством его подготовки в ведомственных образовательных организациях, а также между ограничениями ведомственной образовательной организации, не позволяющей в полной мере реализовать индивидуальный потенциал личности каждого. Н.В. Сердюк рассматривает проблемы качественной подготовки адъюнктами научно-квалификационных работ, взаимодействия с научными руководителями в ходе научно-исследовательской деятельности. А.И. Ивлева подчеркивает необходимость стимулирования творческой познавательной деятельности адъюнктов как аксиологической особенности данного уровня образования, что пре-

допределяет пересмотр технологий обучения и доминирование индивидуализированных технологий в подготовке преподавателя-исследователя.

Представленный краткий обзор отражает только часть проблемных аспектов организации педагогической практики в подготовке научно-педагогических кадров. Традиционно содержание педагогической практики связано с видами деятельности, к которым должен быть подготовлен будущий преподаватель-исследователь, и закрепленными в программе практики компетенциями, что логично, оправдано и целесообразно. И поэтому анализ научной литературы, обобщение опыта подготовки научно-педагогических кадров в системе органов внутренних дел позволяют сформулировать ключевые проблемы педагогической практики и пути их минимизации и (или) разрешения. В этой связи рассмотрение способов разрешения возникающих ситуаций ограниченности, исходя из опыта обучения адъюнктов и слушателей магистратуры профессорско-преподавательским составом кафедры управления органами внутренних дел, может стать одним из методов обеспечения эффективности обучения будущих преподавателей высшей школы системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Так, например, определенное внимание необходимо уделять вопросам подготовки будущих преподавателей к методической составляющей педагогической работы, что требует решения как в организационном, так и в содержательном аспектах, так как существующая практика иногда свидетельствует о формальном подходе к проектированию занятий будущим преподавателем. Решение данной проблемы возможно за счет внесения в содержание программы производственной практики обучающихся заданий по подготовке так называемого педагогического навигатора в рамках составления отчета о практике, в котором будут отражены этапы подготовки учебного занятия по учебным дисциплинам кафедры на их выбор. Разделами навигатора могут быть: проработанные материалы с пометками; список изученной при подготовке литературы; словарь по теме занятия; цитаты и высказывания по теме; ссылки на короткие видеоматериалы; подготовка технологической карты занятия с указанием возможных сложностей в проведении занятия и способами их устранения, эмпирические материалы служебной деятельности органов внутренних дел и др.

Для понимания всего процесса учебно-методической работы кафедры адъюнктами и слушателями магистратуры можно организовать их включение в отчет по практике учебно-методических материалов: изучения, подготовки и актуализации методических материалов, представленных на кафедре; составление схем разработки и утверждения методических материалов к занятиям (на выбор, исходя из направления подготовки и интереса адъюнкта (магистранта); оценка инновационного потенциала учебной дисциплины (можно использовать закрепленные за кафедрой учебные дисциплины или предложить разработать идею нового факультативного курса).

Кроме того, иногда возникает проблема подготовки адъюнктов и слушателей магистратуры к проведению ими учебного занятия с курсантами и необходимости формирования у будущего преподавателя-исследователя определенной культуры, связанной с ее профессионально-педагогической, исследовательской и методологической составляющими. Открытые информационные ресурсы предоставляют возможность быстрой, но не всегда качественной подготовки материала к учебному занятию (методической разработки, плана-конспекта как целостного материала, текста речи, презентации и т. п.). Вариантом решения данной проблемы может выступать создание уже описанного выше «педагогического навигатора», технологической карты занятия, участие в разработке (актуализации) методики преподавания учебной дисциплины и т. п.

Опыт методической работы позволит будущим преподавателям успешно справиться с заданиями повышенной сложности, поддерживая мотивацию к обучению и формированию психолого-педагогической компетентности. Например, подготовить методическую копилку собственных успешных разработок, презентовать свой опыт методической работы в формате синопсиса/учебного фильма или подготовиться к участию в конкурсе инновационных методических моделей, проводимых в рамках школы начинающих преподавателей и т. п., так как представленные аспекты содержания и организации педагогической практики будущих преподавателей учреждения образования «Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь», способы их решения не являются исчерпывающими.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что подготовка тех, кто в ближайшем будущем сам будет учить новое поколение сотрудников правоохранительных органов – миссия особой значимости, определяющая необходимость поиска наиболее эффективных форм, методов и средств их воплощения в современных условиях правоохранительной деятельности. Главное – будущий преподаватель высшей школы системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь должен осознать важность ответственной, планомерной, системной преподавательской и исследовательской деятельности, а также значимость непрерывного образования, личностного и профессионального развития.

УДК 378.147

Н.С. Новолодская

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ИЗ ЧИСЛА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН: АДАПТАЦИЯ К РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

С 2012 г. российская система высшего образования становится объектом целенаправленной государственной политики по укреплению ее позиций на мировом рынке. Интернационализация образования обеспечивает интеграцию образовательных систем в мировое сообщество. Система подготовки кадров для правоохранительных органов Российской Федерации не исключение. Ежегодно иностранные граждане поступают в российские ведомственные вузы. Их подготовка – это не только вопрос передачи профессиональных знаний и навыков, но и сложный процесс социокультурной и психологической интеграции в особую среду с жесткой дисциплиной. Успешность адаптации иностранных обучающихся напрямую влияет на акаде-

мическую успеваемость, психологическое благополучие и в итоге – на формирование компетентного специалиста. Таким образом, разработка эффективной системы психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса становится актуальной научно-практической задачей.

Адаптация иностранных обучающихся представляет собой многоуровневый процесс, включающий в себя академическую, социокультурную, психологическую и профессиональную составляющие. Ее специфика в контексте ведомственного вуза обусловлена рядом факторов: Среди них:

1) двойной культурный шок: обучающийся сталкивается не только с новой культурой, но и с субкультурой закрытого военного учреждения со своими ритуалами и системой ценностей;

2) языковая проблема как барьер профессионализации: недостаточное владение русским языком затрудняет не только бытовое общение, но и усвоение сложной юридической и специальной терминологии, что критично для будущей профессиональной деятельности;

3) жесткий регламент и стрессогенность: строгий распорядок дня, уставные отношения, физические нагрузки, высокие академические требования создают хронический стресс, который усугубляется фактором отрыва от привычной среды;

4) идеологический и правовой контекст: обучение связано с погружением в российскую правовую систему и государственную идеологию, что требует особой методики преподавания.

Традиционный подход, ограничивающийся интенсивным курсом русского языка, оказывается недостаточным. Необходимо сопровождение – непрерывная, системная деятельность, направленная на создание условий для успешной интеграции личности в новую среду.

Предлагаемая модель психолого-педагогического сопровождения иностранных обучающихся носит циклический и междисциплинарный характер и реализуется на протяжении всего периода обучения с акцентом на первый, наиболее сложный год.

1. Диагностико-прогностический этап (предварительный и входной контроль). Цель – формирование психологического и академического «портрета».

До приезда: анкетирование, касающееся уровня языковой подготовки, информирование о культурных и уставных нормах. По прибытии: комплексная диагностика, включающая в себя психологическое тестирование (уровень тревожности, стрессоустойчивость, коммуникативные навыки), а также собственно педагогическую диагностику: реальный уровень владения русским языком (особенно профессиональной лексикой), базовые знания по профильным дисциплинам и выявление потенциальных лидеров в новой группе.

2. Адаптационно-поддерживающий этап (первый семестр).

Цель – смягчение последствий культурного шока и формирование базовых навыков функционирования в новой среде.

Интенсивный языковой модуль с правовым уклоном: изучение языка через моделирование типовых профессиональных ситуаций (составление протокола, задержание, объяснение прав).

Кросскультурный тренинг «Кодекс обучающегося в ведомственном вузе»: разбор не только формальных правил, но и негласных норм, традиций, основ межличностного общения в многонациональном коллективе.

Психологическая группа поддержки: регулярные встречи с психологом в формате тренинга коммуникации, эмоциональной саморегуляции, снижения тревожности. Важна конфиденциальность и учет культурных особенностей обращения за психологической помощью.

Институт наставничества (тьюторства): закрепление за наиболее успешными или специально подготовленными российскими курсантами иностранных обучающихся для помощи в решении бытовых и учебных вопросов.

3. Интеграционно-развивающий этап (второй семестр – последующие курсы).

Цель – переход от пассивной адаптации к активной самореализации и профессиональному становлению.

Включение в проектную деятельность: участие в научных кружках, конференциях, культурно-массовых мероприятиях вместе с российскими курсантами. Это формирует чувство общности и профессиональной идентичности.

Углубленное профессионально-ориентированное языковое обучение: анализ судебной практики, работа с нормативными документами, ведение деловой переписки.

Психологическая подготовка к профессиональной деятельности: тренинги по принятию решений в условиях неопределенности, управлению конфликтами в межкультурной среде.

Организация межкультурного диалога: дни национальных культур, дискуссионные клубы на актуальные темы международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

4. Рефлексивно-оценочный этап (периодически и на выходе).

Цель – оценка эффективности сопровождения и коррекция программы.

К данному этапу отнесем проведение периодических мониторингов удовлетворенности образовательным процессом и психологическим климатом; итоговую диагностику уровня интеграции, профессиональной мотивации, языковой компетентности; обратную связь для совершенствования модели сопровождения будущих наборов. Ключевая роль принадлежит преподавателям и командирам подразделений. Им необходима особая педагогическая гибкость:

применение визуальных материалов, кейс-методов, интерактивных технологий для преодоления языкового барьера; избегание излишней этноцентричности в примерах и трактовках правовых норм, использование сравнительно-правового метода; толерантность к возможным ошибкам в речи и поведении, сочетающаяся с требовательностью к сути профессиональных знаний; тесное взаимодействие с психологической службой по сигналам о дезадаптации конкретных обучающихся.

Адаптация иностранных обучающихся в российских ведомственных вузах – это стратегическая задача, влияющая на международный авторитет страны и эффективность будущего межгосударственного сотрудничества в правоохранительной сфере. Успех обеспечивается не стихийно, а благодаря продуманной системе психолого-педагогического сопровождения. Предложенная модель, основанная на последовательном прохождении диагностического, адаптационного, интеграционного

и рефлексивного этапов, позволяет системно управлять этим процессом. Ее внедрение требует координации усилий всех субъектов образовательного процесса: от международного отдела и психологической службы до каждого преподавателя и куратора. Инвестиции в создание комфортной, поддерживающей, но требовательной среды для иностранных обучающихся окупаются формированием высококвалифицированных, лояльных к России специалистов, способных стать мостами для международного партнерства в борьбе с преступностью.

УДК 378

А.А. Озеров

ПОДГОТОВКА РУКОВОДЯЩИХ И НАУЧНЫХ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Подготовка квалифицированных кадров является одним из ключевых факторов успешного социально-экономического развития любого современного государства. Современная экономика характеризуется высоким уровнем конкуренции, динамичным развитием технологий и постоянным изменением требований к профессиональным компетенциям специалистов. Именно поэтому эффективная система подготовки кадров приобретает особое значение.

Органы внутренних дел играют ключевую роль в поддержании общественного порядка, защите прав и свобод граждан, борьбе с преступностью и противодействии терроризму. В условиях современной нестабильной международной обстановки и возрастающих угроз внутренней безопасности эффективность работы сотрудников Министерства внутренних дел становится критически важной.

Сотрудники органов внутренних дел выполняют широкий спектр обязанностей, для эффективного результата которых необходимы глубокие профессиональные знания, высокий уровень физической подготовки и психологическая устойчивость.

Современные реалии диктуют необходимость постоянного повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел. Это связано с появлением новых видов преступлений, использованием злоумышленниками высоких технологий, необходимостью соблюдения норм международного права и защиты прав человека. Таким образом, качественная подготовка кадров для органов внутренних дел становится важнейшим условием поддержания стабильности и безопасности общества.

Данные положения нашли свое отражение и в фундаментальном документе, определяющем единые подходы к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности – Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция), утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания. В соответствии с п. 65 Концепции органы внутренних дел отнесены к силам обеспечения национальной безопасности.

Эффективное управление правоохранительными органами требует наличия квалифицированных руководителей и исследователей, способных разрабатывать стратегии развития, внедрять инновационные технологии и обеспечивать эффективное функционирование подразделений.

Особенностью подготовки руководящих и научных кадров для органов внутренних дел является необходимость сочетания глубоких профессиональных знаний с высокими морально-нравственными качествами, физической подготовленностью и психологической устойчивостью. Сотрудники руководящего состава МВД должны уметь эффективно управлять коллективами, оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации, принимать взвешенные решения в сложных обстоятельствах.

Для решения этих задач государствами используются различные подходы к подготовке руководящих и научных кадров для органов внутренних дел: создание отдельных учреждений образования или использование потенциала уже имеющихся.

Например, Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан создана в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2024 г. № 908.

Миссией и целями учреждения образования являются: обеспечение органов внутренних дел высококвалифицированными руководителями и научно обоснованными решениями деятельности; повышение эффективности деятельности органов внутренних дел посредством адаптивной подготовки руководящего и научного состава для правоохранительной системы, а также научно обоснованной разработки решений ведомственных задач. Основные направления деятельности академии: подготовка руководителей высшего и среднего звена органов внутренних дел (руководителей районных и областных подразделений); осуществление послевузовского образования по образовательным программам, утвержденным МВД Республики Казахстан; переподготовка и повышение квалификации сотрудников правоохранительных и специальных органов Республики Казахстан, а также зарубежных стран; научно-исследовательская деятельность, направленная на совершенствование правоохранительной деятельности.

Факультет подготовки руководящего состава и Высшие академические курсы проводят обучение по следующим категориям: заместители начальников территориальных департаментов полиции и Центрального аппарата МВД (срок обучения – 4 недели); начальники управлений полиции и Центрального аппарата МВД (срок обучения – 6 недель); руководящий состав других правоохранительных органов Республики Казахстан и зарубежных государств (на платной основе).

Стоит отметить, что обучение данных категорий сотрудников осуществляется в дневной очной форме, т. е. с отрывом от исполнения служебных обязанностей. Заочная форма обучения в учреждении образования не предусмотрена.

Факультет послевузовского образования обеспечивает образовательный процесс по правоохранительной деятельности по следующим направлениям: профильная магистратура (срок обучения – 1 год); научно-педагогическая магистратура (срок обучения – 2 года); докторантура (PhD) (срок обучения – 3 года).

Следует подчеркнуть, что указанные направления деятельности в Академии МВД Республики Беларусь организованы на факультете повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров (в том числе практико-ориентированная и

научно-ориентированная магистратура – заочная форма получения образования, срок обучения – 1,5 года), а также научно-педагогическом факультете (адъюнктура и докторантура, очная и заочная форма получения образования). Повышение квалификации и переподготовка руководящих кадров также организованы на факультете как очно (с отрывом от основной деятельности), так и с использованием дистанционных форм (работа с резервом кадров в рамках Единой информационной системы обучения МВД Республики Беларусь).

Несмотря на различие в подходах к подготовке руководящих и научных кадров, вызванных территориальными и иными аспектами, государства и их МВД преследуют идентичные цели – качественное выполнение поставленных задач, подготовка высококвалифицированных кадров. Для достижения указанных целей осуществляется международное сотрудничество министерств и учреждений образования.

В качестве положительных примеров международного сотрудничества в указанной сфере, а также высокой оценки опыта Академии МВД Республики Беларусь в сфере подготовки руководящих и научных кадров следует отметить прохождение курса повышения квалификации «Организация идеологической работы и имиджевой деятельности в органах внутренних дел Республики Беларусь» в августе 2023 г. сотрудниками Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Макана Есбулатова. Немаловажным примером является подготовка диссертационного исследования и последующее присуждение ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.14 – административное право, административно-деликтное право, административный процесс заместителя командира СОБР Департамента полиции г. Алматы Республики Казахстан, защитившего диссертацию на тему «Административно-правовое регулирование деятельности ОВД Республики Казахстан в условиях чрезвычайных ситуаций социального характера».

Таким образом, подготовка квалифицированных кадров, особенно руководящих и научных, представляет собой стратегически важную задачу для устойчивого развития органов внутренних дел. Решение этой задачи требует как комплексного подхода, интеграции усилий учреждений образования, МВД и иных государственных структур, направленного на формирование эффективных механизмов подготовки и переподготовки специалистов, способных успешно функционировать в современных условиях, так и международного сотрудничества государств в указанной сфере для изучения передового опыта.

УДК 811:161.3 + 351.858

Т.Л. Памазенка

РОДНАЯ МОВА ЯК КРЫНІЦА ФАРМІРАВАННЯ НАЦЫЯНАЛЬнай САМАСВЯДОМАСЦІ

У сучасных умовах сусветнай глабалізацыі, якая суправаджаецца ўзмацненнем міжкультурных узаемадзеянняў і пагрозай уніфікацыі культур, праблема захавання нацыянальнай самабытнасці, нацыянальных каштоўнасцей, нацыянальнай ідэнтычнасці набывае асаблівую актуальнасць. Вышэйсказанае звяртае ўвагу да пытання фарміравання нацыянальнай самасвядомасці як аднаго з найважнейшых кампанентаў асобы. Фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці спрыяе кансалідацыі народа, што, у сваю чаргу, выступае галоўнай умовай развіцця дзяржавы.

Нацыянальная самасвядомасць (этнічная, або нацыянальная ідэнтычнасць) – гэта ўсвядомленая прыналежнасць асобы да пэўнага этнасу. Яна адлюстроўвае стаўленне да гістарычнага мінулага нацыі, яе сучаснасці і будучыні, актыўнасць у засваенні роднай мовы, вывучэнні народнай культуры, усведамленне і прыняцце нацыянальных інтарэсаў і каштоўнасцей арыентацыі, фарміраванне адносін да іншых этнічных супольнасцей. Адным з ключавых фактараў фарміравання і падтрымання ідэнтычнасці асобы выступае родная мова. У сувязі з гэтым даследаванне ролі роднай мовы ў структуры ідэнтычнасці становіцца важным кірункам сучасных гуманітарных навук, уключаючы сацыялінгвістыку, культуралогію і псіхалогію.

Мова – універсальная знакавая самабытная сістэма, сродак пісьмовых і вусных зносін этнічнай групы людзей. У тлумачэнні паняцця “родная мова” існуе некалькі падыходаў, якія факусіруюць у сабе наступныя дэфініцыі: матчына мова (першая мова, якую засвойвае дзіця), мова роднага этнасу (мова, якая злучае чалавека з яго народам, папярэднімі пакаленнямі, іх духоўным светам) і функцыянальна першая мова (мова, якая з’яўляецца для чалавека найбольш зручнай формай моўных зносін).

Паводле статыстычных дадзеных перапісу 2019 г., сярод насельніцтва Беларусі 84,9 % складаюць беларусы, з іх большасць называе сваёй роднай мовай беларускую, нягледзячы на тое, што многія ў камунікацыі карыстаюцца рускай мовай. Беларуская мова як мова тытульнай нацыі і дзяржаўная мова Рэспублікі Беларусь на ўсіх этапах свайго гістарычнага развіцця адыгрывае важнае значэнне ў жыцці беларусаў, сапраўды з’яўляючыся «духоўным пашпартам народа». Менавіта родная мова застаецца неад’емным элементам фарміравання нацыянальнай культуры і дзяржаўнасці, найважнейшым сродкам захавання і перадачы сацыяльна-гістарычнага вопыту беларускага народа, формай увасаблення яго светапогляду, духоўных каштоўнасцей, мастацка-эстэтычных уяўленняў і навуковых дасягненняў. На беларускай мове захоўваюцца велізарныя культурныя каштоўнасці (помнікі старабеларускай пісьменнасці, у тым ліку Статуты Вялікага Княства Літоўскага – асноўныя нарматывыя прававыя акты тагачаснай дзяржавы, творы сучаснай беларускай літаратуры, беларускі фальклор, навуковыя выданні), якія атрымалі прызнанне ва ўсім свеце і складаюць значную частку сусветнай духоўнай культуры. Таму для беларусаў родная мова – адзін з важных складнікаў культурнага кода нацыі і патрыятычнага выхавання. Яна выступае не проста ўсеагульным сродкам камунікацыі, гэта прадмет нацыянальнай гордасці, сімвал нацыянальнай самасвядомасці, фундамент нацыянальнай ідэнтыфікацыі, гістарычнай памяці, і «сваім развіццём пацвердзіла жыццяздольнасць і неабходнасць».

На сённяшнім этапе развіцця дзяржавы і грамадства толькі з выразным нацыянальным абліччам Беларусь можа разлічваць на дастойнае месца ў сусветным супольністве. Значэнне роднай мовы падкрэсліваецца на заканадаўчым узроўні:

згодна з арт. 54 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь родная мова з'яўляецца адной з нацыянальных каштоўнасцей, ахова якіх лічыцца абавязкам кожнага грамадзяніна і гасця нашай краіны, а захаванне і папулярызацыя – адным з напрамкаў ідэалагічнай работы нашай дзяржавы (абзац сёмы падп. 3.2 п. 3 Дырэктывы Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 9 красавіка 2025 г. № 12 «Аб рэалізацыі асноў ідэалогіі беларускай дзяржавы»). У сувязі з гэтым на пярэдні план выходзяць пытанні пашырэння сферы ўжытку беларускай мовы, бо нацыянальнай называецца мова, якая з'яўляецца сродкам пісьмовых і вусных зносін нацыі.

Каб асабліва сці беларускай культуры захоўваліся праз пакаленні, вялікая праца ў гэтым кірунку павінна весціся ў сістэме адукацыі. Важная задача бачыцца ў пашырэнні выкарыстання роднай мовы ў адукацыйнай прасторы, падтрыманні розных культурных ініцыятыў: правядзенне вучэбных заняткаў, ідэалагічных і выхаваўчых мерапрыемстваў, арганізацыя тэатральнай, мастацкай, літаратурнай, музычнай, музейнай самадзейнасці. Сацыяльныя сеткі і інтэрнэт таксама могуць стаць інструментамі распаўсюджвання беларускай мовы сярод моладзі.

Вышэйшая школа з'яўляецца адным з галоўных інстытутаў падтрымання беларускай мовы і традыцыйнай культуры ў грамадстве. Нацыянальныя каштоўнасці народа, яго духоўная спадчына, гістарычны вопыт заўсёды служылі моцнай крыніцай выхавання падрастаючага пакалення. Акрамя гэтага, паскоранае развіццё навукі і тэхнікі, укараненне новых тэхналогій, павышэнне ўзроўню маўленчай дзейнасці і функцыянаванне спецыяліста ва ўмовах білінгвізму патрабуюць ад адукацыйных устаноў падрыхтоўкі спецыяліста з развітымі навыкамі камунікацыі, які на высокім узроўні мог бы наладжваць зносіны ў прафесійнай сферы як на рускай, так і на беларускай мовах.

Вырашэнне задач ідэалагічна-патрыятычнага і духоўна-маральнага выхавання, эфектыўнага засваення роднай мовы ва ўмовах двухмоўя абумовіла неабходнасць удасканалення існуючых падыходаў фарміравання ўсебакова развітай гарманічнай асобы, стварэння адпаведнага камунікатыўнага і прадметна-прасторавага асяроддзя. У гэтай сувязі становіцца актуальным правядзенне комплексу мерапрыемстваў, накіраваных на падтрыманне цікавасці да роднай мовы як грамадскай з'явы і нацыянальнай каштоўнасці, выхаванне патрэбы яе вывучаць. Поспех у гэтай справе залежыць ад правільнага выбару педагагічных сродкаў навучання і выхавання, сярод якіх можна вылучыць наступныя:

1. Выкарыстанне ў адукацыйным працэсе тэхналогій інтэграванага навучання як спосабу фарміравання міжпрадметных сувязяў. Задзейнічанне гэтай тэхналогіі дапамагае ў прыцягненні звестак з розных вучэбных дысцыплін (мова, гісторыя, права і інш.) для фарміравання ў навучэнцаў цэласнага погляду на свет. Ужываюцца такія формы працы, як напісанне паведамленняў, эсэ на роднай мове, пераклады прафесійна-арыентаваных тэкстаў.

2. Арганізацыя і правядзенне выхаваўчай пазааўдыторнай работы на роднай мове розных тыпаў: фальклорных свят, літаратурных вечарын, навукова-даследчай, праектнай, краязнаўчай, асветніцкай дзейнасці. Гэтыя мерапрыемствы маюць на мэце захаваць асновы этнічнай самабытнасці, багатую народную культуру, сфарміраваць эстэтычны і маральны воблік моладзі. У прыватнасці, найбольш глыбока далучэнне навучэнцаў да роднай мовы і культуры адбываецца праз каляндарна-абрадавы і сямейна-абрадавы цыклы народных свят («Каляды», «Гуканне вясны», «Купалле», «Дажынкi», «Пакровы», «Дзяды», «Заручыны», «Вяселле»).

Значным рэсурсам фарміравання нацыянальнай самасвядомасці валодаюць творчыя праекты на роднай мове. Так, правядзенне конкурсу відэаролікаў «Славутыя землякі» мае на мэце папулярызацыю імёнаў вядомых землякоў, гісторыка-культурнай спадчыны роднага краю. Творчы праект змяшчае звесткі пра жыццёвы і працоўны шлях знакамітых асоб малой радзімы з апісаннем іх поспехаў і дасягненняў на карысць краіны і грамадства, ушанаванне памяці. Відэафільмы спрыяюць развіццю маўленчай практыкі, унясенню дынамікі ў адукацыйны працэс. Конкурс творчых праектаў «Беларусь сучасная» арыентаваны на выяўленне і падтрымку таленавітай моладзі, развіццё ў яе духоўных якасцей і творчага патэнцыялу, фарміраванне нацыянальнай ідэі. Намінацыі могуць быць наступныя: малюнак у пэўнай тэхніцы выканання; выраб дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва; камп'ютарная графіка. Абавязковай умовай конкурсу з'яўляецца публічная абарона аўтарскіх праектаў.

Артмайстэрня – гэта інавацыйная тэхналогія навучання, якая развівае пазнавальныя, творчыя і камунікатыўныя здольнасці, дазваляе ажыццявіць працэс пошуку ведаў шляхам самастойнага або калектыўнага адкрыцця. У рамках арганізацыі творчай прасторы адбываюцца майстар-класы – інтэрактыўныя заняткі па перадачы навучэнцам вопыту, мастацтва ў дакладным сэнсе, шляхам прамога і каментаванага паказу прыёмаў работы на роднай мове. З мэтай захавання нацыянальнага каларыту карысна наладжваць дзейнасць па стварэнні рэчаў ручной работы ў галіне народных промыслаў (разьба па дрэве, ганчарства, кавальства, пляценне і інш.).

Вольны мікрафон – форма публіцыстычна-асветніцкай дзейнасці моладзі ў сітуацыі дыялогу на зададзеную актуальную тэму (напрыклад, «Чаму моладзі трэба ведаць родную мову?»). Выкарыстанне новай камунікатыўнай метадыкі дазваляе стварыць сітуацыю для актыўных зносін на роднай мове, развівае крытычнае мысленне, здольнасць ацэньваць свае і чужыя прамовы, актыўную грамадзянскую пазіцыю.

У апошні час шырокае распаўсюджванне ва ўсіх тыпах адукацыйных устаноў атрымала такая форма актыўнасці, як акцыя. Агульнаўніверсітэцкая акцыя «Размаўляем па-беларуску» ўяўляе сабой комплекснае масавае мерапрыемства, сацыяльна значную падзею, якая заключаецца ў арганізацыі дзейнасці ўстановы адукацыі на беларускай мове (стварэнне дыялогаў, наладжванне тэматычных гутарак, дзелавых зносін, правядзенне вучэбных заняткаў і інш.). Сэнс дадзенай акцыі – праз сюжэт, структурнае напauненне данесці да яе ўдзельнікаў праблему захавання і пашырэння сферы ўжывання роднай мовы ў сваёй прафесійнай дзейнасці.

Такім чынам, прапанаваны комплекс мерапрыемстваў служыць прыкладам сучаснага падыходу ў вывучэнні роднай мовы, з дапамогай якога адбываецца інтэграцыя моўнай практыкі з культурнымі аспектамі, што ўзмацняе матывацыю навучэнцаў і дапамагае ім найлепшым чынам адаптавацца ў прафесійным асяроддзі. Выхаванне патрыятызму праз роднае слова бачыцца актуальным і важным для фарміравання высокамаральнай творчай асобы з высокім узроўнем культуры і нацыянальнай самасвядомасці, здольнай дзейнічаць у інтарэсах дзяржавы і свайго народа.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ САМОПРОЯВЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Успешность деятельности сотрудников правоохранительных органов (далее – сотрудников) определяется ее правильностью, которая является многогранной, включая правовую (соответствие нормативным правовым установлениям); инструктивно-методическую (соответствие требованиям инструкций, методических рекомендаций, определяющих порядок, методы, средства деятельности), организационную (правильное планирование, организационное взаимодействие, использование времени, обеспечение возможностей) и психологическую. Психологическая правильность (ее можно рассматривать как оптимальность) во многом определяет результативность деятельности и требует для ее обеспечения обоснования руководящих идей и алгоритмов, а также рекомендаций применительно к осуществлению конкретных профессиональных функций, решению определенных типов профессиональных задач с учетом условий их решения.

Прежде всего необходимо отметить, что психологическая правильность деятельности необходима тем ее составляющим, которые связаны с влиянием на психические явления людей, что присуще профессиональному взаимодействию сотрудника с гражданами, коллегами и иными должностными лицами. Психологическая правильность деятельности также необходима для обеспечения собственной работоспособности, включая нормальное психологическое самочувствие, что необходимо не только для продуктивной деятельности, но и для предупреждения нервно-психического выгорания, профессиональной деформации.

Говоря о психологической правильности профессионального взаимодействия, отметим, что оно касается всех видов коммуникаций сотрудников, осуществляемых чаще всего посредством речевого общения, а также использования правоприменительных мер и средств: санкций, ограничений, возложения обязанностей, правового принуждения, пресечения противоправных деяний, включительно применение специальных средств и физической силы. Профессиональному взаимодействию присущи определенные цели влияния на лиц, которые, в частности, выражаются в формировании побуждений к определенным действиям или к воздержанию от действий, в придании определенного эмоционального состояния, в способствовании воспоминанию определенных событий, в управлении мыслительной деятельностью и др. Такие влияния непосредственно касаются психических явлений лиц, с которыми сотрудники осуществляют взаимодействие, а эти явления порождают внешне проявляемую активность этих лиц. Так, коммуникации сотрудника, его действия, внешний вид и иные проявления воспринимаются этими лицами с субъективной оценкой их значения, вызывая эмоционально-оценочную реакцию, порождая умственную активность, побуждения, отношение к сотруднику и его действиям, что, в свою очередь, детерминирует активность этих лиц в виде коммуникаций и действий.

В связи со сказанным можно считать, что психологическая правильность профессионального взаимодействия сотрудников выражается в таком его осуществлении в совокупности составляющих и проявлений сотрудника, при котором у лиц, с которыми оно осуществляется, порождаются психические явления и обусловленные ими их действия, способствующие успешному решению сотрудником профессиональных задач.

Психологическая оптимизация профессионального взаимодействия, осуществляемого посредством коммуникаций, включает в себя не только информационно-содержательную сторону, охватывающую смысловое, образное, эмоциональное содержание информации, но и личностное проявление в нем сотрудника, обуславливающее отношение к нему лица, с которым осуществляется взаимодействие, и влияющее на его позицию и действия. Внешнее проявление сотрудника можно рассматривать с использованием различных понятий, среди которых объяснительной продуктивностью обладает понятие личный (индивидуальный) «стиль взаимодействия». Он определяется в литературе как относительно устойчивый комплекс приемов, средств и самопроявлений субъекта в деятельности и взаимодействии. Этот стиль должен варьироваться в зависимости от особенностей лиц, с которыми взаимодействие осуществляется, а также от его целей, задач и обстоятельств осуществления. В этой связи одним из важных принципов обеспечения психологической правильности взаимодействия является его правильное стилевое осуществление сотрудником, которое требует моделирования и самонастройки.

В научной литературе приводятся некоторые классификации такого стиля с использованием внешних критериев его характеристики, например: агрессивный, пассивный, ассертивный, императивный и т. д. Однако, вникая в сущность его психологической оптимизации, необходимо акцентировать внимание на том, как сотрудник, реализующий определенный стиль, воспринимается взаимодействующим с ним лицом, вызывая отношение к себе, к своим высказываниям и действиям, и какие в результате такого восприятия порождает позицию и активность у этого лица. Необходимая для успешной профессиональной деятельности позиция лица должна заключаться в его предрасположенности к сотрудничеству, доверию доводимой сотрудником информации, готовности к следованию его предложениям, подчинению законным требованиям.

Психологическая правильность самопроявления сотрудника в профессиональном взаимодействии, правильность его стиля включает в себя не только коммуникативные и деятельностно-поведенческие составляющие, но и внешний вид, в котором внимание партнера акцентируется на кинесических проявлениях. Достижение правильности самопроявления сотрудника в конкретных обстоятельствах взаимодействия основывается на определении, каким он должен быть в глазах партнера по взаимодействию, чтобы тот проникся уважительным отношением и указанной выше предрасположенностью к сотрудничеству. Это самопроявление имеет различные стороны, в том числе проявление у сотрудников личностных качеств, профессионализма, отношения к партнеру, своих стремлений, эмоционально-волевого состояния, внешнего вида, статусной позиции в общении и др. Характеристика правильного самопроявления зависит от решаемых задач и изначальной позиции лица, с которым осу-

ществляется взаимодействие. В связи с некоторыми решаемыми задачами можно предложить следующие модели самопроявления сотрудника, сформулированные с использованием результатов коллективных обсуждений (фокус-групп) сотрудников:

1) при получении юридически значимой информации сотрудник должен восприниматься как понимающий, уважающий личные интересы, человечный, морально порядочный в использовании информации, ориентированный на поддержку при сотрудничестве;

2) при осуществлении правового контроля он должен проявлять себя тактичным и уважающим законные интересы и личное достоинство, объективным, справедливым, ориентированным на контроль во благо правопорядка, а не запугивание контролируемых и придирки, обладающий личностной силой и спокойствием (волевой стойкостью), учитывающий объяснение контролируемых;

3) при пресечении правонарушений сотрудник должен быть в глазах правонарушителя человеком, обладающим личностной силой, уверенный в своих действиях и возможностях, желающий благоразумия правонарушителю для меньшей ответственности.

При моделировании психологически правильного самопроявления необходим учет позиции лица, с которым взаимодействует сотрудник. Она может иметь следующие варианты: 1) предрасположенность к сотрудничеству (при ней необходимо проявление психологической поддержки); 2) уклонение от сотрудничества (целесообразно проявление понимания личной позиции, желания меньших проблем в сочетании с побуждением к следованию предложениям, преодоление опасений и психологических барьеров); 3) настроенность противодействовать (необходимо проявление спокойной уверенной личностной силы в требованиях к нему с внушением благоразумия).

Для подготовки сотрудников к психологически правильному самопроявлению в профессиональном взаимодействии необходимо обучение, включающее в себя формирование умений его моделирования, а также навыков самонастройки на проявление необходимых качеств и состояний, что требует использования психологического тренинга и ролевых игр.

УДК 378.634:159.9

В.А. Плещач

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК МНОГОКОМПОНЕНТНЫЙ ПРОЦЕСС

Подготовка кадров для правоохранительных органов является ключевым элементом обеспечения правопорядка, стабильности и безопасности государства. Эффективная деятельность сотрудников невозможна без комплексного подхода, включающего в себя психологические, педагогические и идеологические аспекты.

В современных условиях общество сталкивается с экономическими трудностями, преступностью, межэтническими конфликтами, а влиянием дезинформации. В связи с этим системный подход к формированию профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов приобретает особое значение.

Несмотря на сформированную систему подготовки, сохраняются вопросы, требующие дальнейшего изучения и решения. Во-первых, необходимо оперативно обновлять образовательные программы с учетом меняющихся угроз и криминогенной обстановки. Во-вторых, важным направлением становится внедрение современных цифровых технологий обучения и расширение практико-ориентированных форм подготовки. В психологической сфере сохраняется проблема профилактики профессионального выгорания и постстрессовых состояний. Отмечается также нехватка специалистов, которые могли бы сопровождать курсантов не только во время обучения, но и на последующих этапах службы.

В педагогическом аспекте одной из важнейших задач является развитие критического мышления и аналитических навыков у будущих сотрудников. Это позволяет им эффективно противостоять дезинформации и быстро адаптироваться к нестандартным ситуациям. Отмечается также потребность расширения модульного обучения и индивидуальных образовательных траекторий.

В идеологической сфере важными остаются вопросы поддержания доверия граждан к правоохранительным органам и формирования устойчивой профессиональной идентичности. Актуальна задача – предупреждение проявлений экстремизма и снижение воздействия внешней информационной пропаганды. Требуется усиление работы по развитию ценностей служения обществу, правовой культуры и уважения к правам человека.

Комплексное взаимодействие психологического, педагогического и идеологического компонентов обеспечивает формирование профессионально подготовленных сотрудников, способных эффективно выполнять свои функции. При этом акцент делается на развитие эмоционального интеллекта и навыков межличностной коммуникации. Важно также формировать умение анализировать ситуацию и быстро принимать решения в сложных условиях. Профессиональная подготовка должна быть непрерывной и адаптивной, включая в себя как базовый этап обучения, так и последующее повышение квалификации.

Подготовка сотрудников ориентирована на формирование разносторонних компетенций, к которым относятся глубокое знание права и умение применять его на практике, навыки информационного поиска и анализа, коммуникации, критического мышления и принятия обоснованных решений в условиях неопределенности. Сотрудники учатся работать в команде, координировать действия с коллегами и государственными структурами, управлять временем и ресурсами, противостоять психологическим нагрузкам. Комплексный подход позволяет формировать не только профессиональные навыки, но и моральные, этические и гражданские качества.

Актуальность психологических, педагогических и идеологических аспектов обусловлена современными проблемами безопасности: преступностью, развитием киберугроз и экстремистских проявлений. Психологическая поддержка и педагоги-

ческая работа снижают риски профессионального стресса, укрепляют моральные принципы и развивают лидерские качества. Идеологическая подготовка формирует профессиональное самосознание и понимание социальной миссии службы.

Современные подходы к подготовке кадров в Республике Беларусь включают интеграцию теории и практики, использование информационных технологий, тренингов и симуляционных программ. Обучение учитывает реальные случаи из практики, формируя способность действовать в условиях неопределенности. Педагогическая работа развивает критическое мышление, навыки анализа информации и принятия рациональных решений, а психологическая подготовка помогает управлять эмоциями и взаимодействовать с коллегами и гражданами.

Особое внимание уделяется командной работе и лидерским качествам, дисциплине и ответственности за принятые решения. Идеологическая подготовка укрепляет профессиональную идентичность, чувство долга и патриотизма, готовит сотрудников к службе обществу в соответствии с правовыми и моральными нормами.

Таким образом, подготовка кадров для правоохранительных органов Республики Беларусь – это сложный многокомпонентный процесс. Этот процесс включает психологические, педагогические и идеологические аспекты. Комплексный подход обеспечивает формирование компетентных, морально устойчивых и граждански ответственных сотрудников, способных эффективно выполнять свои функции, повышать доверие общества к органам власти, а также обеспечивать стабильность и безопасность государства.

УДК 159.91

В.П. Прилепин

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В ПОЛИГРАФНЫХ ПРОВЕРКАХ

Несмотря на столетнюю историю практического применения, полиграф остается методом, вызывающим ожесточенные споры. Одним из ключевых аргументов его критиков является недостаточная, по их мнению, научная обоснованность. Данный тезис часто апеллирует к выводам комиссий Конгресса США и Национальной академии наук США, которые в начале 2000-х гг. изучили более десятка существовавших теорий, объясняющих работу полиграфа. К их числу относятся теория угрозы наказания, теория когнитивного диссонанса, дихотомизационная теория, теория активации и др.

Отечественные ученые также внесли значительный вклад в разработку теоретико-методологических основ полиграфных исследований, объясняя «психофизиологический феномен» с позиций учений И.П. Павлова, А.Р. Лурии, Д.Н. Узнадзе, П.В. Симонова. Однако сам феномен, заключающийся в том, что значимый стимул вызывает у опрашиваемого устойчивую физиологическую реакцию, превышающую реакции на нейтральные стимулы, чаще всего только констатирует эмпирически выявленную связь между психическими и физиологическими процессами, не раскрывая глубинных механизмов их взаимодействия.

В современной научной литературе продолжается активная дискуссия о теоретической основе полиграфных проверок. Российскими исследователями предложен ряд концепций, в которых в качестве детерминанты физиологических реакций выступают различные психические процессы. Так, Ю.И. Холодный в рамках теории целенаправленного тестирования памяти ключевым считает актуализацию «идеальных следов» в памяти. А.Б. Пеленицын и А.П. Сошников ведущую роль отводят вниманию, которое привлекается к стимулу в зависимости от его значимости. А.Ю. Молчанов и А.Ю. Бабилов, основываясь на теории деятельности А.Н. Леонтьева, выдвигают на первый план категорию личностного смысла.

Анализ существующих теорий показывает, что большинство из них в качестве триггера физиологических реакций выдвигают какую-либо отдельную психическую функцию (эмоцию, внимание, память), что, по справедливому замечанию многих авторов, является односторонним подходом. Человеческий организм – это целостная система, комплексно реагирующая на внешние воздействия. Современные исследователи Р. Нельсон и Р. Прадо констатируют, что в процессе реагирования на тестовые стимулы участвует множество психических процессов одновременно: эмоции, познание, внимание, память, мотивация, установка. Этой же позиции придерживаются ученые, обосновывающие метод полиграфа с позиций теории функциональных систем П.К. Анохина.

Таким образом, несмотря на обилие теорий, конкретные механизмы взаимосвязи психического и физиологического в ситуации полиграфной проверки остаются недостаточно определенными. Исключением, на наш взгляд, является «энергетический подход», предложенный Л.Г. Алексеевым. Суть его концепции состоит в том, что работа регулирующих систем организма направлена на сохранение гомеостаза, а эмоциональная реакция рассматривается как энергетический процесс, величина которого характеризуется степенью включенности вегетативных функций.

Развивая данный подход, мы предлагаем энергетическую модель возникновения физиологических реакций при тестировании на полиграфе. Ее основу составляет тезис о том, что любое заметное изменение в окружающей среде (внешний стимул) или внутренние психические процессы (воспоминание, мысль) вызывают повышенную активность головного мозга. Непринципиально, какой именно психический процесс является доминирующим – восприятие, память, страх или стыд. Важно, что усиление психической активности требует увеличения энергетических затрат, что, в первую очередь, означает необходимость усиленного снабжения клеток мозга кислородом и питательными веществами. Единственным средством такой «логистики» в организме является кровеносная система.

Полиграф, в рамках данной модели, выступает аналогом микроамперметра, регистрирующего увеличение энергопотребления системы. Задача прибора – зафиксировать объективные изменения в работе систем, обеспечивающих энергообеспечение мозга в ответ на предъявляемые стимулы (вопросы). Так, для усиления кровоснабжения мозга активизируется работа сердца (фиксируется кардиодатчиком и датчиком давления), кровь «забирается» с периферии, что приводит к спазму перифе-

рических сосудов (фиксируется плетизмографом) и изменению электродермальной активности (кожно-гальваническая реакция). Одновременно активизируется дыхательная система для насыщения крови кислородом (фиксируется пневмодатчиком).

Предложенная модель является упрощением сложных механизмов саморегуляции организма. Однако ее ценность заключается в целостном, системном взгляде на процесс, который позволяет преодолеть ограниченность подходов, фокусирующихся на отдельных психических функциях. Модель имеет и практическую значимость: она успешно применяется для доступного объяснения принципов работы полиграфа опрашиваемым лицам в ходе предтестовой беседы, что свидетельствует о ее дидактической полезности и эвристическом потенциале для специалистов-полиграфологов.

УДК 159

А.И. Сидор

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И ИДЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В условиях быстро меняющейся социальной, политической и экономической обстановки, повышения требований к эффективности и ответственности сотрудников правоохранительных органов становится особенно актуальным развитие и модернизация методов и подходов в подготовке кадров. В этом контексте особую значимость приобретают вопросы, связанные с психолого-педагогическими аспектами и идеологической подготовкой. В рамках изучаемой темы интерес представляет выявление основных направлений развития системы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в Республике Беларусь с учетом современных требований и вызовов с акцентированием внимания на вопросах психологической и педагогической подготовки, повышения уровня патриотизма.

Психология играет важнейшую роль в формировании эмоциональной устойчивости, стабильности, мотивации и профессиональных качеств сотрудников правоохранительных органов. Развитие навыков стрессоустойчивости, выработка умений принимать верные решения в экстремальных ситуациях, формирование морально-этических ценностей является важным аспектом психологической работы, которую можем определить как систему организационных и психологических мероприятий. Цель этой системы заключается в изучении и развитии у сотрудников правоохранительных органов психологических качеств и состояний, необходимых для успешного выполнения служебных задач, в поддержании психологической устойчивости и сохранении психологического здоровья. Психологическая работа сегодня основывается на диагностике, профессиональном отборе, просвещении, профилактике и помощи.

Однако в современных условиях существует необходимость внедрения системных программ по развитию психологической культуры и профилактике профессионального стресса на всех этапах подготовки и службы, а также программ развития межличностных и коммуникативных навыков взаимодействия с гражданами и коллегами.

Педагогика в системе подготовки кадров должна учитывать специфику правоохранительной деятельности. Важны такие подходы, как интеграция теоретического материала с практическими упражнениями, использование современных информационных технологий, моделирование ситуаций, приближенных к реальностям службы.

Важными в современной педагогике являются следующие аспекты:

1) дифференцированный подход: учет индивидуальных особенностей, уровня подготовки и профессиональных интересов сотрудников способствует более эффективной адаптации учебных программ;

2) практическая направленность: практика и стажировки в реальных условиях правоохранительной деятельности способствуют закреплению полученных знаний и формированию профессиональной уверенности;

3) интеграция междисциплинарных знаний: объединение элементов юриспруденции, психологии, этики, кибербезопасности в подготовке всесторонне развитого специалиста;

4) инновационные методы обучения: использование интерактивных технологий, тренингов позволяет моделировать различные ситуации, развивать аналитические способности и навыки оперативного принятия решений.

Современное педагогическое образование также акцентирует внимание на развитии у будущих кадров навыков коммуникации, стрессоустойчивости, командной работы, этического поведения и межличностных взаимодействий, обеспечивая эффективность правоохранительной деятельности.

Идеологическая подготовка, занимающая особое место в системе подготовки кадров правоохранительных органов, формирует мировоззрение, ценности и мотивацию служения Родине. В условиях современной геополитической ситуации необходимо усиливать программное направление, ориентированное на развитие патриотизма, национальной идентичности и гражданской ответственности среди сотрудников правоохранительных структур. Это включает в себя пропаганду традиционных ценностей, воспитание гражданской ответственности, уважения к национальной культуре и истории. Соответственно, идеологическую работу можно определить как целенаправленную деятельность по реализации политики белорусского государства в области идеологии в различных государственных органах, среди населения Республики Беларусь и международной общественности в интересах эффективного выполнения задач по обеспечению национальной безопасности, защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Вопросы патриотизма в системе идеологии особенно важны для рассматривания в условиях современности. Как отметил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на VI Всебелорусском народном собрании: «Патриотизму нельзя научить. Можно только показать пример своей искренней любовью к родной земле, гордостью достижениями своего народа, бережным отношением к историческому наследию, уважением традиций и ценностей многих поколений белорусов,

конкретными делами во благо страны». Патриотизм является фундаментом служения и верности государству, способствует формированию позитивного отношения к своей стране, укрепляет моральный дух и способствует сплоченности коллектива. В системе подготовки правоохранительных кадров необходимо системно внедрять образовательные программы, которые формируют уважение к национальной истории, традициям и культурным ценностям, организовывать мероприятия, направленные на сплочение коллектива. Такой подход способствует развитию чувства гордости и желания защищать интересы как личные, так и государственные.

В современном мире, насыщенном информационными потоками, необходимо укреплять чувство национальной идентичности путем личного участия в культурных и образовательных мероприятиях, что способствует формированию у сотрудников правоохранительных органов высокой степени патриотизма и ответственности.

Актуальность вопросов психологии, педагогики и идеологии в системе подготовки кадров для правоохранительных органов Республики Беларусь обусловлена возрастающей сложностью современных вызовов и угроз, необходимостью формирования профессионалов, обладающих высокой моральной стойкостью, профессиональными навыками. Интеграция современных психологических и педагогических методов позволяет повысить эффективность подготовки кадров, а развитие патриотической и гражданской ответственности играет ключевую роль в укреплении морально-психологического климата внутри коллектива.

Перспективы развития системы профессиональной подготовки правоохранительных органов в Республике Беларусь во многом будут зависеть от уровня и эффективности работы специалистов в сферах психологии, педагогики и идеологии. Особое значение имеет развитие патриотизма, национальной идентичности и ответственности, так как именно эти качества формируют морально устойчивых и этически настроенных сотрудников. Инвестиции в совершенствование данных аспектов не только создадут более устойчивую и морально стойкую кадровую основу, но и обеспечат подготовку специалистов, способных эффективно реагировать на современные вызовы и угрозы. Укрепление кадрового потенциала через развитие данных компетенций является фундаментом в обеспечении безопасности граждан, стабильности государства и его дальнейшем процветании. Вклад в эти направления должен стать приоритетом государственной политики, так как именно они способны обеспечить устойчивое развитие правоохранительной системы в условиях сложных внешних и внутренних факторов.

УДК 004.891

В.Г. Сосницкий

ВНЕДРЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ОБУЧАЮЩИХ СИСТЕМ В ПОДГОТОВКУ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В современном быстро меняющемся обществе в период бурного развития и внедрения информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы жизни, с одной стороны, и резкий скачок количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с другой стороны, обуславливают актуальность изучения вопроса повышения цифровой грамотности сотрудников правоохранительных органов. Немаловажными в рамках данной тематики являются именно вопросы психологии, педагогики и идеологии в системе подготовки кадров для правоохранительных органов.

Очень важно отметить, что в деятельности правоохранительных органов существующие вызовы и угрозы имеют разноплановый характер. Для успешного преодоления физических, эмоциональных, стрессовых и психологических нагрузок сотрудникам правоохранительных органов требуется обладать высоким уровнем цифровой грамотности и психологической подготовки. Немаловажным фактором в формировании и развитии цифровой грамотности и психологической подготовки выступает качественное обучение в профессиональном высшем учебном заведении. При этом безусловное требование к профессиональному образованию – это необходимость организовывать его по-новому, соответствующему современному уровню научно-технологического развития. Традиционное образование – это основа, но навыки обращения с современными интеллектуальными системами не менее важны, чем знания, полученные в традиционной школе.

Современная жизнь, практика (как более подвижная ее часть) диктуют постоянно изменяющиеся и повышенные требования к информационным технологиям, применяемым в образовательном процессе. Преподавательский состав, осуществляющий подготовку профессиональных кадров, должен владеть технологиями искусственного интеллекта и иными передовыми информационными технологиями, применяемыми на практике. Времена меняются, и нужно быть открытым для новых и смелых идей.

Преобразование содержания образования, изменение условий обучения, создание интеллектуальных систем обучения и тестирования, соответствующих потребностям жизни, как никогда ранее требуют действительного научного, методологического подхода.

Такого рода повышенные требования к образовательной и профессиональной подготовке сотрудников могут быть осуществимы в полном объеме только за счет создания целостной системы непрерывного образования.

Современный специалист должен обладать не только профессиональными знаниями и умениями применения компьютерных средств в своей профессиональной сфере, но и быть знакомым с автоматизированными средствами интеллектуальных систем поддержки принятия решений, используя необходимый программно-технический арсенал.

Один из возможных вариантов создания обучающей среды – реализация в игровой форме информационной модели профессиональной деятельности, основанной при ее построении на базе математических моделей.

Особый интерес в деле повышения цифровой грамотности сотрудников правоохранительных органов также представляет авторская модель поддержки принятия решений на основе анализа больших данных по эксплуатации информационных систем.

Следовательно, предлагаем следующие направления совершенствования в системе подготовки кадров для правоохранительных органов:

разработка и внедрение ряда интеллектуальных обучающих систем для повышения цифровой грамотности сотрудников;

внедрение автоматизированных психологических методик (с использованием искусственного интеллекта) в целях проведения мероприятий, направленных на улучшение кадрового потенциала;

включение в систему подготовки кадров для правоохранительных органов учебных дисциплин, отражающих новые реалии научно-технологического развития;

разработка и внедрение автоматизированных методик подбора кадров, проведение регулярных автоматизированных тестовых проверочных мероприятий (с использованием искусственного интеллекта);

проведение постоянных комплексных мероприятий по воспитанию и совершенствованию морально-волевых качеств личности сотрудника;

внедрение в систему подготовки кадров для правоохранительных органов гуманитарного, литературно-художественного образования, способствующего развитию профессионального мышления.

УДК 387.016:94(476)

А.М. Сувалаў

ГІСТАРЫЧНАЯ РЭТРАСПЕКЦЫЯ ІДЭАЛОГІІ «КРАЁВАСЦІ» Ё БЕЛАРУСІ ПРЫ ВЫКЛАДАННІ ВУЧЭБНАЙ ДЫСЦЫПЛІНЫ «ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ»

Засваенне навучэнцамі вучэбнай дысцыпліны «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці» будзе малаэфектыўным без разумення сутнасці ідэалагічных канцэпцый, якія мелі распаўсюджванне на нашых тэрыторыях на розных этапах айчынай гісторыі. Важна фарміраваць кампетэнцыі, звязаныя з уменнем інтэрпрэтацыі і аргументавання асноўных ідэй і каштоўнасцей ідэалогіі беларускай дзяржавы ў іх дынаміцы і гістарычнай зменлівасці. Гістарычная рэтраспекцыя ідэалогіі «краёвасці» спрыяе дасягненню мэт выкладання вучэбнай дысцыпліны «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці».

У найбольш агульным набліжэнні ідэалогія «краёвасці» ўяўляе сабой сукупнасць ідэй аб адзінстве гістарычнага лёсу, еднасці інтарэсаў насельніцтва тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) незалежна ад этнічнай (нацыянальнай) або класовай прыналежнасці, рэлігійных перакананняў і іншых падстаў, якія маглі б раз'яднаць жыхароў краю («краёўцаў»).

Сваімі каранямі ідэалогія «краёвасці» ўзыходзіць да перыяду ВКЛ. Першапачаткова ВКЛ было поліэтнічным утварэннем, і гэты момант шмат у чым вызначаў тагачасную дзяржаўную ідэалогію. У перыяд свайго станаўлення ВКЛ выступае з так званай прарускай праграмай – праграмай аб'яднання ўсходнеславянскіх земляў пад сваёй уладай. Апора ў рэалізацыі гэтай ідэі сталі беларускія (а пазней і ўкраінскія) землі.

У перыяд праўлення вялікага князя Ягайлы «праруская» скіраванасць мяняецца на пракаталіцкую і прапольскую. Гэта прывяло да Грамадзянскай вайны 30-х гг. XV ст. Пасля яе ў агульназемскіх прывілеях 1432 і 1434 гг. шляхецкія правы і прывілеі былі распаўсюджаны і на праваслаўных феадалаў. Так, паступова пачынае панаваль ідэя аб ВКЛ як аб поліэтнічнай дзяржаве, што абараняе правы сваіх падданных незалежна ад іх веравызнання. Безумоўна, на практыцы не ўсё выглядала так станоўча, але сама ідэя і яе рэалізацыя (у ВКЛ міжрэлігійныя канфлікты ніколі не дасягалі маштабаў еўрапейскіх рэлігійных войнаў ці барацьбы са стараверамі ў Расіі), указваюць на зараджэнне грамадзянскай (у першую чаргу, для шляхты і мяшчанства) супольнасці.

Люблінская унія 1569 г. прывяла да стварэння Рэчы Паспалітай – канфедэрацыі Кароны Польскай і ВКЛ. Вынікам стала і памяншэнне тэрыторыі ВКЛ (да Кароны адышлі Украіна і Падляшша). Узмацняецца польска-каталіцкая экспансія і паступова распаўсюджваюцца ў асяроддзі феадалаў ВКЛ ідэалагічныя ўяўленні аб іх прыналежнасці да адзінага народа – шляхты польскай. Важна акцэнтаваць, што ў большай ступені гэта было характэрна для ўкраінскай шляхты. У Беларусі ж, якая працягвала заставацца ў складзе ВКЛ, мясцовай шляхце заўсёды было выгадна памятаць, што яна зусім не польская. Прычына крылася ў манапольным праве мясцовай шляхты (гарантаваным Статутам ВКЛ 1588 г.) на заняцце ўсіх дзяржаўных пасадаў і набыццё зямлі ў межах княства. Таму ідэалогія «краёвасці», якая выявілася пазней (у XIX ст.), мела ў Беларусі даўнюю традыцыю.

Важным складальнікам ідэалогіі Рэчы Паспалітай было ўяўленне аб рэспубліканскім характары ўладкавання дзяржавы. Шляхта мела шырокі набор правоў і прывілеяў. Для яе Рэч Паспалітая – гэта сапраўды шляхецкая рэспубліка. Падзелы Рэчы Паспалітай знішчылі не толькі Польскае Каралеўства, але і другую частку канфедэрацыі – ВКЛ. Гэта пазбавіла шляхту ВКЛ апошніх падставаў аддзяляць сябе ад польскай шляхты. Першапачатковае папушчальніцтва расійскіх улад у канцы XVIII – першай трэці XIX ст. польскай прапагандзе (у тым ліку праз сістэму адукацыі заходняй навучальнай акругі на чале з Віленскім універсітэтам) у заходніх абласцях Расійскай імперыі спрыяла шырокаму распаўсюджванню ў Беларусі палітыка-гістарычнай канцэпцыі «агульнага» польскага народа як шматэтнічнага ўтварэння, якое складаецца не толькі з вялікапаляняў і мазураў, але і з беларусаў, украінцаў і літоўцаў. У гэтай ідэалагічнай пабудове сама Рэч Паспалітая падавалася як чыста польская дзяржава. Даследчыкі неаднойчы ўказвалі, што менавіта ў гэты перыяд адбываецца значная паланізацыя беларускай шляхты. Па маштабах яна пераўзыходзіла паланізацыю ўсяго папярэдняга перыяду. Таму нацыянальна-вызваленчыя паўстанні 1830–1831 і 1863–1864 гг. з іх ідэй адраджэння Рэчы Паспалітай як польскай дзяржавы мелі даволі моцную падтрымку і ў Беларусі.

Ужо на пачатку XIX ст. у асяроддзі выкладчыкаў Віленскага ўніверсітэта і проста адукаваных людзей краю фарміруецца своеасаблівая партыя, якая выступіла з ідэй адраджэння ВКЛ і беларускай мовы. Сярод іх можна назваць М. Баброўскага,

І. Даніловіча, Т. Нарбута, І. Лелевеля і інш. Распаўсюджваецца ідэя «краёвасці» як ідэалогія мясцовага патрыятызму. Найбольш прыкметна гэта прасочваецца ў дзейнасці чальцоў такіх арганізацый як «філаматы», «філарэты», «філадэльфісты», «прамяністыя» – А. Міцкевіча, А. Петрашкевіча, Ю. Яжоўскага, Фр. Малейскага, В. Кавалейскага, Н. Навіцкага, Я. Чачота, Т. Зана. Яны займаліся гісторыяй, фальклорам і этнаграфіяй мясцовага насельніцтва незалежна ад іх нацыянальнай і рэлігійнай прыналежнасці.

Ідэі «краёвасці» праявіліся таксама ў праектах М.К. Агінскага. Ён распрацоўваў праекты па адраджэнні ВКЛ у выглядзе аўтаноміі пад пратэктаратам Расійскай імперыі, прадстаўленыя імператару Аляксандру І. Указаныя праекты былі прыняты расійскім манархам добрамысліва, аднак у сувязі з падзеямі 1812 г. яны не былі рэалізаваны.

Другая трэць XIX ст. характарызуецца зваротам да пытання аб ролі народных мас у справе вырашэння сацыяльных і нацыянальных праблем, а таксама абгрунтаваннем права кожнага народа на нацыянальную самастойнасць (Ф. Савіч, Ю. Бакшанскі, «Дэмакратычнае таварыства» і інш.).

Рэпрэсіі пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. прывялі да значных страт у шэрагах дэмакратычнай інтэлігенцыі Беларусі. Тым не менш у 80-я гг. XIX ст. Беларуская сацыяльна-рэвалюцыйная народная партыя (больш вядомая як гурт «Гоман») выпусціла два нумары свайго перыядычнага выдання пад назваю «Гоман». У склад арганізацыі ўваходзілі А.І. Марчанка (адзін з кіраўнікоў беларускага студэнцкага руху ў Санкт-Пецярбургу ў 80-х гг. XIX ст.), І.Я. Грынявіцкі (нарадаволец, які падарваў разам з сабой расійскага імператара Аляксандра II), Х.А. Ратнер (адзін з рэдактараў часопіса «Гоман»), М.Я. Стацкевіч, С.Я. Нясцюшка-Буйніцкі, Л.М. Насовіч, Б.М. Рынкевіч, М. Янчэўскі, Л. Гарадзішча, А.А. Высоцкі і інш.

Нацыянальнае пытанне гоманайцы разглядалі зыходзячы з прынцыпу раўнапраўя ўсіх народаў і іх права на самавызначэнне. У праграме агульнарасійскіх народавольцаў былі прызнаны гэты прынцып, але беларускія народнікі палічылі неабходным асобна абавярыць права ўласна беларускага народа на нацыянальную самастойнасць. Гоманайцы ўпершыню ў айчыннай гісторыі акрэслілі галоўныя рысы беларускай нацыянальнай ідэалогіі: вызначылі асноўныя прыкметы беларускага народа і на іх аснове даказалі сам факт існавання беларусаў як самастойнага ўтварэння. «Гоман» даказваў, што беларусы як народ маюць сваю мову, культуру, побыт, паданні, тэрыторыю, ёсць у беларусаў і самастойнае гістарычнае мінулае.

Ідэі, распаўсюджаныя ў Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст., звязвалі будучыню з адраджэннем беларускага пісьменства (нацыянальна-культурнае адраджэнне), з барацьбой за аднаўленне культурных і гістарычных традыцый беларускага народа для абуджэння пачуцця народнага гонару і нацыянальнай самасвядомасці (В. Дунін-Марцынкевіч, Ф. Багушэвіч і інш.).

Найбольшую папулярнасць і сваё канчатковае афармленне ідэалогія «краёвасці» мела на пачатку XX ст. (Р. Скірмунт, З. Нагродскі, браты І. і А. Луцкевічы). Яна спрыяла пашырэнню ідэй лібералізму і інтэрнацыяналізму на нашых землях. Аднымі з апошніх праяў ідэй ідэалогіі «краёвасці» сталі абвяшчэнне Літоўска-Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі, а таксама характар правядзення палітыкі «беларусізацыі», якая, па сутнасці, вырашала не толькі ўласна інтарэсы пануючай нацыі, але і нацыянальныя інтарэсы асноўных нацыянальных меншасцяў Беларусі.

УДК 37.01

Е.М. Тихонов

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ

Современный этап развития человечества характеризуется технологизацией всех сфер социальных отношений и неуклонно возрастающей ролью в жизни человека всевозможных помощников (искусственный интеллект, цифровые сервисы, социальные сети и др.). Указанные и другие помощники, как правило, принимают на себя рутинные функции организации жизнедеятельности и позволяют ускорить ориентировку человека в отношении конкретных задач в тех или иных ситуациях взаимодействия со средовым окружением. Такая ориентировка позволяет человеку оценить ситуацию с учетом множества факторов, принять наиболее подходящее решение и перейти к действию. Однако, чем более субъективно сложной (личностно значимой и противоречивой) является ситуация, тем больше требуется наличие способностей человека к самоопределению. В методологии личностно ориентированного образования (В.В. Сериков) самоопределение выступает в качестве одной из личностных функций (функций быть личностью), механизмом которой является целеполагание. Самоопределение есть функция личности по самостоятельному определению субъектом границ своей активности при сопоставлении с индивидуальными целевыми ориентирами при исключении противоречивости индивидуальной системы ценностей, с учетом вероятных рисков взаимодействия со средой, с акцентом на удовлетворение личностных предпочтений и притязаний. Способность самоопределяться актуализируется для человека, когда он сам под влиянием факторов среды или своих собственных предпочтений должен самоопределиваться, т. е. самостоятельно сориентироваться относительно возможностей среды для удовлетворения своих предпочтений и притязаний и с учетом своих собственных возможностей для действия в конкретных условиях ситуации. Одной из таких ситуаций в жизни каждого человека является момент профессионального самоопределения. Очевидно, что выбор профессии для каждого человека является судьбоносным, так как профессия определяет перспективу социальных связей и отношений, открывает долгосрочные прогнозы профессионального становления, укрепления материального благополучия, возможности личностной самореализации в избранном виде деятельности, вероятность реализации предрасположенности человека к определенным видам деятельности. Современные социологические исследования по вопросу профессионального самоопределения показывают, что на выбор профессии менее трети россиян повлияли собственные увлечения и интересы (27 %), каждый пятый выбирал работу по стечению обстоятельств (22 %), 17 % руководствовались оплатой труда, 15 % ориентировались на престиж профессии и возможность карьерного роста, 12 % – на востребованность профессии на рынке труда. Зафиксированная тенденция показывает значимость проблемы профессионального самоопределения,

которая является предметом исследования многих ученых в социальных науках, а условия, при которых выбор профессии человеком соответствует его предпочтениям, устремлениям, задаткам и способностям, выступают предметом исследований в педагогике. В этой связи необходимо отметить, что неслучайно одной из задач системы образования в России определено развитие склонностей, интересов, способности обучающихся к социальному и профессиональному самоопределению (Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 329-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), а выбор профессии с ориентацией исключительно на предлагаемые извне ориентиры (запрос рынка труда, престиж профессии и социальное благополучие, карьерное развитие и иные) несет для человека риски экзистенциального плана, что происходит в том случае, если избранная профессия не отвечает предрасположенностям конкретного индивида.

Таким образом, способность человека к самоопределению закономерно является одним из значимых результатов образования и, следовательно, входит в предмет педагогической деятельности. Иными словами, целенаправленное создание педагогом в образовательном процессе условий для самостоятельного выбора обучающимся той или иной профессии должно составлять предмет педагогических воздействий. Возникает вопрос о том, что это за воздействия и как они должны быть организованы?

Здесь следует согласиться с мнением В.В. Серикова по поводу воздействий педагога на обучающихся, единственным из которых возможно и безоговорочно является поддержка. Поддержка в данном случае не просто одобрение, но выражение активной позиции самого педагога. Поддержка активности (свободного выбора) другого человека создает пространство для педагогических влияний, свободы самоопределения обучающегося, тем самым исключается доминирующая статусно-ролевая позиция педагога. Обучающийся получает не только право самоопределяться, но и обязанность осуществлять выбор, т. е. не только следовать внешнезаданным побуждающим воздействиям, но и руководствоваться прежде всего своими собственными соображениями относительно долгосрочного выбора. Однако и здесь возникает некоторое противоречие, которое, как отмечает О.С. Газман, заключается в том, что поддержать можно только то, что уже имеется в наличии или имеет потенциал, тенденцию. Данный тезис показывает в самоопределении личности определяющую роль самой личности. Поддержка является фактором опосредованной актуализации личностной функции самоопределения. Поддержка как система педагогических влияний на профессиональное самоопределение невозможна без устремленности самого субъекта к освоению нового опыта и без соответствующих для этого условий. Изложенное позволяет говорить о том, что поддержка является педагогическим средством и имеет своей целью создание условий, при которых образовательная среда как совокупность стимулов активности, источников и возможностей для развития из условия, благоприятствующего активности, преобразуется в фактор, вовлекающий субъекта в активное профессиональное самоопределение.

Поддержка в совокупности с самоопределением позволяет индивидуализировать процесс выбора субъектом профессии, формируя уникальную комбинацию средовых факторов под запрос обучающегося, а также под его возможности по овладению средой профессиональной деятельности. В число ведущих ориентиров деятельности педагога, таким образом, включаются не только выдвигаемые извне требования, но и самоопределение другого субъекта, а также задача поддержать активность и инициативы обучающегося. При этом поддержка включает в себя не только одобрение и защиту от деструктивных средовых влияний, но и критическую оценку, опосредованные ограничения активности другого изменяемыми параметрами среды.

Обобщая изложенное, представляется необходимым отметить, что вопрос профессионального самоопределения не утрачивает своей актуальности, так как выбор профессии – это всегда сочетание возможностей для развития субъекта и риска личностной самореализации в избранном виде деятельности. Педагогическая поддержка позволяет минимизировать указанные риски при полноценно самостоятельном выборе субъектом профессии.

УДК 351.74

Н.И. Труфанов

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТЕХНОЛОГИЯМ ПРОФАЙЛИНГА

В современных условиях противодействие преступлениям и правонарушениям, совершаемым на объектах транспортной инфраструктуры, является одним из ключевых направлений деятельности органов внутренних дел (ОВД) по обеспечению безопасности жизни, здоровья и прав граждан, охране общественного порядка и общественной безопасности. Объекты транспортной инфраструктуры требуют повышенного внимания правоохранительных органов, так как преступники могут использовать транспорт для перевозки оружия, взрывчатых или иных запрещенных к обороту веществ (средств), совершения нападений на граждан.

На объектах транспортной инфраструктуры, например, в аэропортах, железнодорожных вокзалах, станциях метро, автобусных терминалах, всегда достаточно высокий пассажиропоток, а большое количество людей и удобство перемещения по территории данных объектов делают эти места привлекательными для лиц, вынашивающих преступные планы. Таким образом, укрепление системы безопасности на объектах транспортной инфраструктуры – важнейшая задача органов внутренних дел и служб, отвечающих за безопасность перевозок.

Существует множество специальных технических средств, способствующих определению степени опасности того или иного человека. К таким относятся полиграф, анализатор стресса по голосу, дистанционные детекторы психоэмоционального состояния (дистанционные смотрители), но их применение в реальных условиях затруднено из-за необходимости быстрой и массовой проверки большого количества людей на объектах транспортной инфраструктуры. Это ставит перед сотрудниками ОВД на транспорте и специалистами по безопасности задачу поиска компромисса между эффективностью досмотра и пропускной способностью транспортных узлов.

Для повышения безопасности транспортной инфраструктуры рекомендуется использовать не только традиционные методы оперативно-розыскной деятельности, идентификации и видеонаблюдения, но и современные психологические методы выявления потенциально опасных лиц (пассажиров) – профайлинг.

Профайлинг – это метод психологического анализа, позволяющий составить психологический портрет человека на основе наблюдения за его поведением, речью, мимикой и другими характеристиками. В нашем случае, он представляет собой систему методик, которые способствуют выявлению лиц, готовящихся к совершению правонарушения (преступления), оценке степени опасности их поведения посредством анализа психофизиологических реакций.

Технология профайлинга на объектах транспортной инфраструктуры позволяет более детально наблюдать и анализировать окружающую обстановку, поведение людей, определять подозрительные признаки и своевременно предупреждать акты незаконного вмешательства, что способствует эффективному обеспечению безопасности объектов транспортной инфраструктуры, транспорта, граждан, находящихся на них. В этой связи сотрудники ОВД, обеспечивающие безопасность на транспорте, должны владеть навыками оперативного наблюдения, уметь проводить не только досмотровые действия, но и краткую опросную беседу.

В современных реалиях наблюдается необходимость создания профессионально подготовленных сотрудников ОВД, обладающих специальными знаниями в области профайлинга. Профессиональная подготовка сотрудников ОВД нуждается в дополнении ее методиками практического применения знаний о профайлинге. В данной связи необходимо совершенствовать подготовку специалистов правоохранительных органов в рассматриваемой области, изучать новые подходы, использовать современные методы профессионального образования в системе МВД России, разрабатывать и применять в образовательном процессе интегративные учебные дисциплины, например, «Основы профайлинга в обеспечении транспортной безопасности», «Профайлинг, методы выявления лиц, вынашивающих преступные замыслы», уделять внимание обучению сотрудников правоохранительных органов криминалистическому (криминальному) профайлингу.

Эффективным представляется включение в программу подготовки сотрудников ОВД, проходящих службу на объектах транспорта, программ обучения как вида дополнительного образования или повышения основной квалификации по методикам профайлинга. Подготовка сотрудников по технологиям профайлинга окажет существенное влияние на оздоровление оперативной обстановки в стране как в борьбе с терроризмом, так и в борьбе с преступностью в целом. Обучение методике профайлинга позволит существенным образом повысить эффективность антитеррористической защищенности на объектах транспортных систем, так как будет способствовать своевременному выявлению потенциально опасных лиц.

УДК 378:004

М.Ю. Узгорок

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ СИЛОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ

Проблемы адаптации курсантов силовых учреждений высшего образования к образовательному процессу возникают у большей части первокурсников. Это вызвано новыми требованиями и условиями обучения, военной дисциплиной, достаточностью свободного времени и ограниченными возможностями для личной и социальной активности.

Многое в данном аспекте зависит от работы администрации факультетов, курсовых офицеров и профессорско-преподавательского состава. Их слаженное взаимодействие обеспечивает комплексный подход к адаптации курсантов, их подготовке, создавая условия для приобретения ими необходимых профессиональных знаний, умений и личностных качеств, что является основой эффективности силовых структур страны.

Особую роль, по нашему мнению, в приспособлении курсантов к образовательному процессу в особых условиях является возможность заниматься научными исследованиями по профилю учреждения высшего образования. Вовлеченность в научно-исследовательскую работу дает им возможность быстрее и качественнее пройти процесс адаптации к обучению и к будущей профессиональной деятельности.

Рассмотрим основные аспекты данной проблемы.

Активное вовлечение в исследовательский процесс способствует укреплению уверенности в собственных силах, формированию мотивации к учебе и службе. Курсанты смогут чувствовать себя значимыми участниками получения новых знаний, что снижает стресс и помогает быстрее адаптироваться к новым условиям.

Участие в научных исследованиях дает возможность курсантам видеть дальнейшие перспективы для личностного роста, самореализации, развития их творческого потенциала, интересов и увлечений.

Очень важно поддерживать и поощрять активное участие обучающихся в научно-практических конференциях, олимпиадах, конкурсах научных работ, научных боях. Это формирует коллективный дух, уважение и взаимопонимание среди курсантов, создает благоприятную атмосферу для успешной учебы, сотрудничества и общения, дает возможность обмениваться опытом, поддерживать друг друга и формировать дружеские отношения. Ключевым моментом является также работа над развитием лидерских качеств, так как обучение в силовом учреждении требует не только знаний и навыков, но и способности принимать решения, руководить другими и работать в команде.

Следует отметить, что формирование коммуникационных навыков и способности общаться в научной среде поможет развитию критического мышления и умения аргументировать свою точку зрения по той или иной проблеме.

Участие в научно-исследовательской работе также способствует созданию благоприятной внешней атмосферы, где каждый курсант будет чувствовать поддержку со стороны профессорско-преподавательского состава. Имея опыт и знания

в научной работе, преподаватели могут оказать неоценимую помощь курсантам в освоении учебных дисциплин и адаптации к новым условиям. Важно, чтобы каждый курсант имел возможность не только проявить себя, но и осознал значимость своей деятельности для учреждения.

Одной из основных проблем адаптации к образовательному процессу является отсутствие опыта самостоятельной жизни и управления своим временем. Курсанты часто испытывают трудности с планированием подготовки к учебным занятиям, соблюдением дисциплины и выполнением служебных обязанностей. Участие в научно-исследовательской работе способствует формированию ответственности и самодисциплины, так как требует рационального подхода к распределению времени и самоподготовке.

Научно-исследовательская работа дает возможность курсантам глубже изучить интересующую проблему, анализировать информацию, выдвигать гипотезы, планировать и проводить эксперименты, что развивает навыки системного мышления и самостоятельной работы и помогает достигать высоких результатов в учебе.

Участие в научных проектах способствует более глубокому пониманию профильных дисциплин и применению теории на практике, повышая качество подготовки специалистов.

Стоит также учитывать, что каждый курсант уникален и может иметь свои собственные особенности и проблемы в процессе адаптации к образовательному процессу, поэтому необходим индивидуальный подход к каждому курсанту, принимая во внимание его потребности и особенности.

Таким образом, успешная адаптация курсантов первых курсов силовых учреждений высшего образования требует комплексного подхода, включая в себя обучение навыкам управления временем, коммуникации, развитие лидерских качеств, ответственности, умение работать в команде.

Создание благоприятной среды и условий для научно-исследовательской работы курсантов – залог их успешного обучения и подготовки как высококвалифицированных, мыслящих и инициативных специалистов.

УДК 159.923

А.А. Урбанович

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕГО ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Эффективность управленческой деятельности руководителя в системе органов внутренних дел (ОВД) определяется состоянием его индивидуальной управленческой концепции (ИУК), выступающей своеобразной «философией управления». В общем под ИУК понимается целостная, внутренне непротиворечивая система осознанных и неосознанных представлений, убеждений, установок, принципов и моделей поведения, которая определяет стиль, направленность и содержание управленческой деятельности конкретного руководителя. Данная концепция определяет содержание управленческих целей, путей и способов их достижения, оценочных критериев результативности. Эти представления выступают внутренними предпосылками индивидуально-своеобразного содержания управленческой деятельности и в целом детерминируют «авторский вариант» управленческой деятельности.

ИУК руководителя в системе ОВД формируется в специфическом институциональном и социокультурном «силовом поле», что проявляется в ряде особенностей. К ним относятся:

акцент на повышенном уровне ответственности и принятии решений в условиях неопределенности и риска. ИУК такого руководителя обязательно включает в себя управленческую эффективность, компонент готовности нести личную ответственность за свои действия и за действия подчиненных;

публичность и социальная ответственность. Действия руководителя в системе ОВД всегда находятся под пристальным вниманием граждан, общества и средств массовой информации, что влияет на продуманность и легитимность его управленческих шагов;

высокая степень регламентизации инструментальной части ИУК. Управление в ОВД регламентировано законами, уставами, наставлениями, инструкциями и др., что ограничивает произвольность в используемых методах управления. Однако в этих достаточно жестких рамках всегда есть возможность для проявления руководителем своих индивидуально-психологических особенностей. По нашему мнению, к ключевым индивидуально-психологическим особенностям руководителя, влияющим на его ИУК, следует отнести возраст, имеющийся опыт, темперамент, характер, ценностно-смысловую сферу личности и др. Руководитель должен стать для себя предметом профессионального изучения, четко осознать свои сильные стороны и опираться на них, знать «зоны управленческого роста». Жесткая, нерелефлексированная ИУК ведет к профессиональной деформации и неэффективности.

Как известно, возраст связан с этапами профессионального цикла. Молодой руководитель может делать акцент на инновации, карьерном росте, энергичности, но ему может не хватать мудрости и авторитета. Зрелый руководитель часто ценит стабильность, преемственность, обладает накопленным социальным капиталом.

Опыт руководителя (жизненный, профессиональный, управленческий) выступает в качестве значимого фактора формирования и становления его ИУК. Горький опыт неудач усиливает контрольную функцию и осторожность. Успешный опыт сложных (часто рискованных) действий формирует склонность к нестандартным решениям. Профессиональный опыт оперативника и руководителя в системе милиции общественной безопасности порождает принципиально разные управленческие подходы: первый – на оперативный результат, раскрытие, умение работать в ситуации неопределенности, абсолютной на-

дежности и инициативности подчиненных, второй – на предсказуемости, публичности, работе с населением, профилактике и др. Важно при этом не просто накапливать опыт, а проводить его регулярный анализ и пересмотр (что сработало? какая моя черта была ключевой в успехе/неудаче?) Это превращает случайный опыт в кирпичики созидания эффективной ИУК.

Что касается темпераментных особенностей личности руководителей, то можем предположить определенные различия их ИУК. Так, ИУК руководителя-холерика будет динамичной, импульсивной, ориентированной на быстрые результаты. При этом риски такой ИУК заключаются в некоторой непродуманности ряда решений и возможной конфликтности. Руководитель-сангвиник отличается наличием гибкой, адаптивной ИУК, ориентированной на коммуникацию и мотивацию. Значимым риском такой ИУК выступает возможная поверхностность в решении рутинных задач. Руководитель-флегматик отличается стабильной, методичной и надежной ИУК с акцентом на планировании и системном контроле. Возможные риски заключаются в определенной инерционности и сопротивлении изменениям. ИУК руководителя-меланхолика является глубоко продуманной, с высоким уровнем эмпатии к подчиненным. Риск при этом заключается в повышенной тревожности и сложности в принятии жестких кадровых решений. Напомним, что в чистом виде указанные типы темперамента встречаются крайне редко, но понимание своей доминанты позволяет руководителю компенсировать его слабые стороны.

На процесс формирования ИУК оказывают влияние характерологические особенности личности руководителя. Так, волевые качества (ответственность, настойчивость, самостоятельность и др.) формируют деятельностно-преобразующий тип ИУК. Высокая эмпатия руководителя способствует развитию гуманистической ориентации в управлении, а низкая эмоциональность – технократической. Рефлексивно-аналитический тип ИУК складывается под воздействием таких интеллектуальных черт: критичности, любознательности, гибкости ума и др. Руководитель с развитым эмоциональным интеллектом строит ИУК на диалоге и неформальном влиянии. Руководитель с низкой коммуникативной компетентностью – на формальных указаниях и дистанции.

Сформированная готовность к управленческой деятельности как интегральное свойство формирует активную, основанную на уверенности руководителя ИУК. При отсутствии такой готовности концепция будет хаотичной, имитационной, зависимой от внешних обстоятельств.

Типологические особенности ИУК во многом определяются уровнем притязаний и локусом контроля руководителя. Так, руководитель с внутренним локусом контроля («Я отвечаю за все») строит ИУК на личной активности. С внешним локусом («Виноваты обстоятельства») – на пассивном следовании вчерашним правилам.

Таким образом, индивидуально-психологические особенности руководителя являются базовым «исходным материалом» формирования ИУК. Искусство управления собой как руководителем заключается в том, чтобы, глубоко познав этот материал, сознательно выстроить из него эффективную, гибкую и нравственно ответственную управленческую систему – свою ИУК. Мудрый руководитель не пытается изменить свою природу кардинально, а подбирает заместителей и ключевых сотрудников, чьи сильные стороны компенсируют его слабости: импульсивный лидер нуждается в методичном первом заместителе, технократ – в сотруднике с высоким эмоциональным интеллектом для работы с коллективом. В условиях ОВД, где цена ошибки крайне высока, осознанная работа над собственной ИУК является не просто признаком профессиональной культуры, но и служебной необходимостью.

УДК 159.923

Ю.А. Фомин

СТЕПЕНЬ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА СОТРУДНИКА МИЛИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У КУРСАНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел (ОВД), материалов научных форумов, посвященных современной милиции и ее взаимодействию с обществом, результатов исследований общественного мнения показывает, насколько высоки требования к образу сотрудника милиции общественной безопасности (далее – сотрудник милиции) сегодня, обеспечивающего в рамках закона безопасность граждан, гуманного, вежливого, честного выполняющего профессиональные обязанности.

Анализ степени сформированности профессионального образа у будущих сотрудников милиции с использованием теории символического интеракционизма показал, что личность (self) формируется в процессе социального взаимодействия путем познания и принятия значимых символов (ролей, требований, слов и действий). Центральными для указанного анализа были следующие понятия:

блок «I» (Импульсивное Я. Личные приоритеты): спонтанная, творческая реакция индивида на вопрос «Каким курсант видит себя в профессии?».

блок «Me» (Нормативное Я. Понимание социальных ожиданий): усвоенная совокупность установок, правил, ожиданий и требований социума, проявляющаяся в ответе на вопрос «Каким, по мнению курсанта, его хотят видеть граждане и вышестоящее руководство и каких действий ожидают?».

блок «Self» (Самость. Профессиональная идентичность): результирующий образ курсанта, который формируется из совпадения ожиданий общества и личных приоритетов.

Итак, сформированный образ сотрудника милиции – это динамичная символическая структура, где «Me» интегрирует социальные ожидания (законность, гуманность, компетентность), а «I» обеспечивает гибкость и искренность в их реализации. Цель исследования – оценить, насколько успешно у курсантов выпускного курса произошла эта символическая интеграция, и выявить различия в рамках специализаций.

В исследовании приняли участие две группы курсантов (47 человек) последнего года обучения Академии Министерства внутренних дел (МВД) Республики Беларусь: 25 курсантов, обучающихся по специализации «участковый инспектор милиции» (УИМ) и 22 курсанта, обучающихся по специализации «инспектор дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции» (ИДПС).

Для оценки символической структуры профессионального образа был разработан опросник из трех блоков, соответствующих компонентам личности по Дж. Миду:

блок «Ме»: ранжирование 20 профессионально значимых качеств (например, коммуникативная компетентность, эмоциональная устойчивость, принципиальность, неподкупность, правовая грамотность) с точки зрения их важности, по мнению курсантов, для граждан и вышестоящего руководства;

блок «I»: ранжирование того же списка качеств с точки зрения их личной значимости для успеха в будущей профессии;

блок «Self»: оценка по 10-балльной шкале степени развития каждого из 20 качеств у себя в данный момент.

Главный показатель в исследовании – «Индекс Символической Интеграции» (ИСИ) определяет, насколько личные цели курсанта совпадают с ожиданиями общества и подкрепляются его адекватной самооценкой (максимум 100 %).

Проведенный анализ данных позволил получить следующие результаты:

1. Блок «Ме». Обе группы верно понимают, что общество ожидает от идеального сотрудника: законность, честность, умение общаться, эмоциональную устойчивость и компетентность в решении служебных задач. Однако выявилось и различие: для группы УИМ на 3-м месте оказалась «способность к эмпатии и разрешению бытовых конфликтов», для группы ИДПС – «Внимательность и оперативность в оценке ситуации на дороге». Это свидетельствует о начальной дифференциации «социальных ожиданий» в зависимости от будущей роли.

2. Блок «I». Здесь обнаружено расхождение. В группе УИМ личные приоритеты (топ 5 качеств «I») на 82 % совпали с топ 5 «Ме». В группе ИДПС это совпадение составило 64 %. У будущих ИДПС в личный топ 5 чаще входили такие качества, как «настойчивость и требовательность», «быстрота реакции» и «умение доминировать в ситуации», которые в общем социальном рейтинге («Ме») занимали с 7-го по 12-е места. Это указывает на формирование разных символических кодов: у будущих УИМ ориентация на диалог и помощь, у будущих ИДПС – на контроль и оперативное реагирование. Данные коррелируют с исследованиями, показывающими, что именно встреча с ИДПС чаще вызывает у граждан чувство напряжения.

3. Блок «Self». Средняя самооценка развития ключевых качеств у группы УИМ составила 7,8 из 10 баллов, у группы ИДПС – 7,1 балла. Наибольший дефицит будущие УИМ отмечали в «правовой грамотности в семейных конфликтах», а ИДПС – в «навыках бесконфликтного общения и снятия напряженности».

Итоговый расчет ИСИ показал, что в группе УИМ средний ИСИ составляет 75,4 %, т. е. умеренно-высокий уровень сформированности образа.

В группе ИДПС средний ИСИ – 57,0 %, т. е. уровень выше среднего.

Различие в 18,4 % является статистически значимым ($p \leq 0,01$).

Требования руководящих документов МВД Республики Беларусь (совпадают с общественными ожиданиями) в большей степени усвоены и приняты будущими УИМ (75,4 %). Их профессиональный образ более гармоничен. Некоторые будущие ИДПС демонстрируют внутреннюю несогласованность: знают, что от них ожидают вежливости и гуманности, но сами на первое место ставят контроль. Это может привести к определенному напряжению в работе с гражданами.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что степень сформированности профессионального образа к моменту учебной практики является неполной и дифференцированной. Усредненный по выборке ИСИ (66,2 %) указывает на наличие существенного ресурса для развития.

Для повышения качества подготовки, особенно для ИДПС, нужны тренировки в ходе учебной практики под руководством наставников по развитию поведенческой гибкости, а именно: им необходимо учиться ставить себя на место водителя и отрабатывать навыки бесконфликтного взаимодействия. Это поможет сочетать необходимый контроль с уважительным отношением к гражданам и формировать позитивный образ ИДПС.

Регулярный мониторинг с помощью адаптированных методик может стать частью итоговой аттестации, позволяющий выявлять и корректировать символические диссонансы до начала самостоятельной службы.

Таким образом, формирование позитивного образа сотрудника милиции – это в первую очередь задача формирования целостной профессиональной идентичности у самих курсантов. Только достигнув внутреннего согласия между ожиданиями общества и личными мотивами будущих сотрудников им соответствовать, можно поддерживать и укреплять общественное доверие к правоохранительным органам и активнее взаимодействовать с населением по поддержанию общественного порядка.

УДК 378.016:802

Е.А. Юркова

КЕЙС-МЕТОД КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В современных условиях эффективное освоение учебных дисциплин, включая иностранный язык, предполагает активное вовлечение обучающихся в образовательный процесс. В связи с этим в приоритете находятся такие интерактивные формы обучения, как компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, тренинги и др. Данные методы способствуют развитию критического мышления, самостоятельности и навыков решения практических задач.

В системе профессиональной подготовки специалистов Академии МВД учебная дисциплина «Иностранный язык» занимает особое место, выступая важным инструментом формирования иноязычной коммуникативной компетенции как составной части общей профессиональной компетентности. Владение иностранным языком в данном контексте рассматривается не только как обязательный элемент образовательного процесса, но и как средство расширения профессиональных возможностей будущих сотрудников органов внутренних дел. В этих условиях применение кейс-метода в обучении иностранному языку приобретает особую значимость, так как обеспечивает формирование общекультурных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций, способствует развитию профессионально значимых личностных качеств обучающихся (курсантов).

В современной педагогической практике кейс-метод рассматривается как эффективная технология обучения, основанная на анализе практико-ориентированных ситуаций, обеспечивающих связь теоретических знаний с практической деятельностью.

Рассматриваемый метод начал применяться педагогами в начале XX в. и получил широкое распространение благодаря своей прикладной направленности. В педагогическом контексте кейс следует понимать не как точное описание реальных событий, а как структурированный информационный комплекс, моделирующий профессионально значимую ситуацию и создающий условия для анализа, обсуждения и принятия решений. Использование кейс-метода способствует организации дискуссии и воспроизведению типичных проблем будущей профессиональной деятельности.

Занятие по иностранному языку, реализуемое на основе кейс-метода, включает в себя подготовительный, ознакомительный, аналитический, итоговый и рефлексивный этапы, обеспечивающие последовательную организацию учебной деятельности от представления кейса до оценки и осмысления полученных результатов.

В педагогической практике различают следующие типы кейсов:

по источнику содержания: полевые (основанные на реальных фактах профессиональной деятельности), кресельные (моделируемые преподавателем на основе нормативных источников);

объему и продолжительности реализации: длинные (американские, характеризуются междисциплинарностью и значительными временными затратами); короткие (западно-европейские, реализуются в ограниченные временные рамки и не требуют выраженных межпредметных связей).

Анализ педагогических исследований и собственного педагогического опыта свидетельствует о том, что кейс-метод функционирует как эффективный инструмент обучения, выступающий своеобразным «мостом» между теоретическим знанием и профессиональной практикой. Он позволяет «оживить» теоретический материал в контексте профессионально значимых ситуаций, усиливает учебную мотивацию обучающихся и обеспечивает более глубокое и осмысленное усвоение содержания обучения. Применение кейс-метода способствует формированию и совершенствованию у курсантов аналитических навыков (выделение и классификация информации), практических умений (применение теории на практике), творческих способностей (генерация альтернативных решений), коммуникативных навыков (дискуссия, аргументация позиции, работа в группе), социальных навыков (оценка поведения партнеров) и рефлексивных умений (анализ собственных действий и результатов).

Кейс-метод реализуется как структурированная система учебных действий, включающая в себя анализ содержания конкретной ситуации, идентификацию ключевой проблемы и значимых фактов, разработку возможных способов ее решения, прогнозирование последствий каждого из предложенных вариантов и выработку итогового, аргументированного решения.

Кейс-метод является эффективным средством профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, объединяющим интеграцию теории и практики, ориентацию на нестандартные ситуации, актуализацию профессиональной деятельности и экспертную оценку в профессиональном сообществе.

На основании проведенного анализа можно выделить основные направления внедрения кейс-метода в образовательное пространство ведомственных учреждений высшего образования. Во-первых, целесообразно его использование в дисциплинах профильного цикла и специализации, ориентированных на практико-ориентированное знание и моделирование профессиональной деятельности. Во-вторых, представляется обоснованным расширение применения кейс-метода в системе повышения квалификации и дополнительного профессионального образования сотрудников. В-третьих, кейс-метод рекомендуется реализовывать в сочетании с традиционными и инновационными методами обучения, что обеспечивает формирование базовых знаний и развитие умений их применения в динамично изменяющихся профессиональных ситуациях.

Практическое использование кейс-метода должно носить методически обоснованный характер и быть направлено на достижение оптимального эффекта в формировании профессиональных компетенций, что предполагает его регулярное обсуждение в рамках предметно-методических секций и заседаний кафедр. Реализация кейс-технологии требует высокой методической подготовки преподавателя и учета психолого-педагогических и возрастных особенностей курсантов.

В преподавании иностранного языка кейс-технология выполняет функцию профессионального коммуникативного тренажера, позволяя курсантам отрабатывать модели речевого поведения в условиях, максимально приближенных к служебной практике. Как отмечал Дж. Равен, компетентность формируется в процессе решения значимых задач, а не простого усвоения знаний. В данном контексте кейс-метод приобретает особую актуальность для системы языковой подготовки в Академии МВД, обеспечивая развитие ключевых компетенций, необходимых для успешной профессиональной самореализации будущих сотрудников органов внутренних дел.

УДК 623.4:159.9

А.В. Буров

РЕФЛЕКСИЯ КАК ТЕХНИКА РАЗВИТИЯ СТРЕЛКОВЫХ НАВЫКОВ

Применение или использование оружия – это последний аргумент сотрудника в ситуациях, от которых может зависеть жизнь и здоровье граждан и самого сотрудника, вследствие этого освоение такой учебной дисциплины, как «Огневая подготовка», является жизненно необходимой задачей. Применение или использование оружия сопровождается сильным стрессом для сотрудника, обусловленным неуверенностью в своих навыках, опасностью самой ситуации и высокой ответственностью сотрудника за принятое решение. Освоение учебной дисциплины «Огневая подготовка» является достаточно сложным процессом, не ограничивающимся системным повторением правильных действий и следованием учебной программе. Преподаватель, безусловно, является важной составляющей процесса обучения сотрудника, но ключевую роль в подготовке обучающегося по данному направлению являются его способности к самоанализу.

Рефлексия – это процесс осмысления собственных действий, опыта и ошибок с целью их анализа и последующего улучшения. Большая часть процесса обучения проходит в формате «рассказ, показ, тренировка». Подробный рассказ преподавателя о цели занятия, выполняемом упражнении стрельбы, указание на типичные ошибки при стрельбе и как их избежать, таким образом, помогает обучающимся понять, что от них требуется и как это реализовать. Показ преподавателем правильных действий с подробным описанием этих действий помогает обучающемуся создать паттерн поведения. Тренировка без патрона с индивидуальной корректировкой видимых ошибок помогает закрепить полученные знания после рассказа и показа. Все эти действия являются важными при обучении, и их эффективность не вызывает сомнений. Но при проверке полученных знаний путем проведения практических стрельб у некоторых стрелков могут проявиться ошибки, которые заметны по результату на мишени. И в решении этих проблем формат «рассказ, показ, тренировка» уже неэффективен, так как формат занятия больше направлен на работу с группой и механическую отработку действий и знания приходят к обучающемуся извне в готовом виде и не каждый самостоятельно начинает пропускать эти знания через самоанализ. Но есть несколько техник помогающих стрелку запустить этот процесс в нужном направлении:

указание на ошибку – демонстрация стрелку его ошибок, имитируя для него условия выстрела;

ведение стрелкового дневника – систематическое ведение дневника также запускает процесс анализа своих действий;

обсуждение проблемы с преподавателем – подробное описание природы ошибки стрелка помогает логически прийти к корню проблемы и начать бороться с проблемой осознанно;

замедленная видеосъемка момента выстрела – помогает стрелку увидеть допущенные ошибки в момент выстрела и начать их исправление;

использование вопросов для самоанализа – постановка себе группы заранее запланированных вопросов после стрельбы и осмотра мишеней, например: «Где был фокус зрения?», «Как сильно я сжимал кисть?»;

моделирование ситуации – планирование действий также помогает лучше контролировать свои эмоции и действия на огневом рубеже.

Однако самое главное при обучении – мотивация сотрудника познать эту дисциплину и способности к самоанализу. Вышеперечисленные техники помогают запустить процесс, но не запускают его сами по себе. Если сотрудник не способен сам оценивать свои действия, то никакая помощь извне не сможет запустить этот процесс.

В заключение можно отметить, что рефлексия – это важная часть процесса обучения огневой подготовке сотрудников органов внутренних дел, но происходит бессистемно и неосознанно для большинства обучающихся. Введение некоторых техник самоанализа могло бы увеличить результативность обучения и помочь сотрудникам быть более уверенными при выполнении служебных задач с оружием.

УДК 351.75

С.В. Горбачёв

ПРОБЛЕМА НИЗКОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ДЕЙСТВИЯМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ПРИ НЕСЕНИИ СЛУЖБЫ

В середине 2000-х гг. в стране ликвидированы организованные преступные группы, их главарь и активные участники приговорены к длительным срокам лишения свободы. В указанный период значительно сократилось количество совершенных убийств, большинство из которых имели бытовой характер. Аналогичное снижение наблюдалось с количеством совершаемых грабежей и разбоев. Как итог, сотрудники органов внутренних дел (ОВД), выходя на сообщения о преступлении, не соблюдали элементарные меры безопасности, часто выезжали на место происшествия по одному, не опасаясь того, что преступники причинят вред их здоровью.

В результате всего перечисленного встала проблема низкой готовности сотрудников ОВД к действиям в экстремальных условиях при несении службы. Рассмотрим причины возникновения данной проблемы. Первая причина кроется в том, что практически каждым сотрудником ОВД использование или применение табельного оружия рассматривается как крайняя мера, а в большинстве случаев не рассматривается вообще. Вторая заключается в отсутствии уверенности в законности его применения либо использования. Третья – отсутствие навыков тактики применения оружия (где можно, а где нельзя использовать или применять огнестрельное оружие, как это можно, а как нельзя делать).

Основная причина, на наш взгляд, – отсутствие навыка предусмотреть и предвидеть возможные варианты развития ситуаций с целью недопущения тех условий, в которых правонарушитель мог бы незаметно для сотрудника извлечь тот же нож либо иной предмет, который может причинить вред здоровью сотрудника либо граждан, находящихся поблизости.

Что же с этим делать и как быть, чтобы сократить случаи гибели сотрудников или получения ими телесных повреждений?

Решение указанной проблемы кроется в практической подготовке личного состава к таким действиям. Для качественного проведения данных занятий необходимо повысить уровень подготовки сотрудников центров подготовки личного состава при ГУВД, УВД. Для выработки единого подхода во всех ГУВД, УВД необходимо провести с сотрудниками указанных центров методические сборы. На данных сборах нужно практически отработать вопросы по общению с гражданами на открытом участке местности, тактику задержания вооруженных лиц в различных условиях. Рассмотреть вопросы проведения досмотровых мероприятий, безопасного движения по лестничному маршу и задержания правонарушителя на лестничном марше, безопасного входа в помещение и задержания граждан в помещении, задержания в автомобиле (остановка автомобиля, подход к нему, размещение сотрудника возле автомобиля и т. п.) и безопасного доставления граждан в служебном автомобиле, оборудованном отсеком для задержанных и не оборудованном таковым. При этом занятия должны быть не семинарские, а практические, с использованием учебно-материальной базы (учебное оружие, специальные средства).

Для развития таких навыков необходимо пересмотреть учебную программу учреждений образования системы МВД. Нужно в разы увеличить учебные часы для отработки вопросов, с которыми может столкнуться сотрудник ОВД при несении службы и резком изменении обстановки. Данные занятия с курсантами следует проводить не менее одного раза в неделю на протяжении всего периода обучения. При проведении таких занятий в обязательном порядке использовать ту экипировку, в которой и с которой сотрудники несут службу. Занятия должны проводиться на тактических городках, оборудованных для отработки данных учебных вопросов, с использованием учебного оружия, специальных и транспортных средств. Только в этом случае можно сократить случаи получения сотрудниками ОВД травм при несении службы.

Изменение подходов к подготовке и обучению личного состава, а также регулярное проведение практических занятий с личным составом по действиям сотрудников ОВД в экстремальных условиях позволят каждому сотруднику выработать индивидуальные навыки по действиям в той или иной обстановке. Общего подхода в отработке данных вопросов быть не может, так как тактика поведения сотрудника ОВД в любой ситуации может меняться в зависимости от местности, погодных условий, планировки, телосложения правонарушителя и др.

Особое место по-прежнему занимает экипировка сотрудника ОВД, которая должна быть прежде всего удобной для самого сотрудника и позволять ему выполнять поставленные задачи максимально быстро. Если мы говорим об извлечении оружия или специальных средств, то экипировка должна позволять это делать в максимально короткое время и с использованием только одной руки, так как вторая рука может быть занята процессом борьбы с правонарушителем, либо удержанием одного правонарушителя и нападения другого.

В заключение отметим, проблема подготовки сотрудников ОВД сегодня весьма актуальна. Так, выработка единого подхода для преодоления всех недостатков в существующей учебной программе является своевременной. Полагаем целесообразным занятия с сотрудниками центров подготовки личного состава проводить на базе Академии МВД с привлечением сотрудников, которые могут как сформировать навыки тактико-специальной подготовки, что касается непосредственно действий сотрудников в сложных условиях, так и юридически закрепить данные действия для более уверенной работы личного состава в этих условиях.

УДК 351.74

Т.А. Грабовский

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ БЕСПИЛОТНЫМ ЛЕТАТЕЛЬНЫМ АППАРАТАМ

Правоохранительные органы в деятельности по обеспечению безопасности на современном этапе развития общества постоянно сталкиваются с новыми вызовами, обусловленными расширением технических способов совершения различных правонарушений. Не более 10 лет назад беспилотный летательный аппарат (БЛА) воспринимался либо как профессиональный инструмент узкого круга специалистов, либо как дорогая игрушка. Однако в настоящий момент доступность такого рода высокотехнологичных устройств неограниченному кругу лиц позволяет рассматривать их как реальную угрозу для критически важной инфраструктуры, охраняемых объектов и лиц, а также иных граждан, как препятствие эффективной деятельности правоохранительных органов.

Вслед за научно-техническим прогрессом развивается и законодательство. Большинство стран мира имеют нормативную правовую базу, регламентирующую общественные отношения в области использования БЛА, в том числе мало-размерных.

В Республике Беларусь в настоящий момент существует полный запрет для физических лиц на ввоз на территорию, хранение, оборот, эксплуатацию и изготовление гражданских БЛА и авиамоделей, а также использование воздушного про-

странства гражданскими БЛА. В то же время правоохранительные органы наделены полномочиями для использования всех доступных средств для пресечения функционирования любого БЛА, угрожающего жизни и здоровью военнослужащих (сотрудники, работники, должностные лица) и граждан, имуществу, окружающей среде, а также для обеспечения безопасности охраняемых лиц и объектов.

Вместе с тем наличие соответствующих запретов лишь затрудняет, но не исключает использования злоумышленниками БЛА для достижения своих преступных целей. В этой связи важно наличие у сотрудников правоохранительных органов реальной возможности противодействовать такой угрозе.

Процесс пресечения противоправного полета БЛА для условного сотрудника, столкнувшегося с такой ситуацией, можно разбить на несколько этапов:

Первый этап – обнаружение БЛА. Максимально доступный и наименее эффективный способ – при помощи невооруженных органов чувств самого сотрудника. В достаточно тихую погоду можно услышать приближение небольшого квадрокоптера за 100 м. Внимательное наблюдение в предполагаемом секторе появления БЛА позволяет заметить его на расстоянии нескольких сотен метров. Наличие дополнительных устройств в виде оптических и акустических приборов увеличит возможности сотрудника, но наиболее эффективным способом обнаружения управляемых по радиоканалу БЛА являются приборы радиотехнического контроля. Данный тип устройств позволяет на значительном расстоянии определять наличие сигналов на различных частотах, используемых для управления и передачи данных БЛА и в зависимости от модели определить его тип, рабочую частоту и местоположение.

Второй этап – идентификация БЛА. Для принятия решения о пресечении полета БЛА, при отсутствии признаков явной угрозы, сотруднику необходимо осуществить идентификацию и проверку правомерности нахождения БЛА в контролируемом пространстве. Информацию о наличии разрешения на использование воздушного пространства в определенном месте может предоставить Центр организации воздушного движения. Идентификация принадлежности самого БЛА возможна лишь посредством изучения нанесенных на него регистрационных номеров при их наличии. И тот и другой способ не позволяют сделать это достаточно быстро, что само по себе может быть опасно. Самым эффективным способом идентификации и определения правомерности использования БЛА воздушного пространства для правоохранителей была бы развернутая городская сеть средств радиотехнического контроля по примеру Санкт-Петербурга, с удобным интерфейсом приложения для конечного пользователя. Эта система позволила бы сотруднику за несколько секунд определить наличие оснований для пресечения полета БЛА.

Третий этап – воздействие на БЛА. Оно может осуществляться как посредством применения специальных средств подавления или преобразования сигналов дистанционного управления БЛА, так и физического уничтожения либо с совмещением этих двух способов. В первом случае сотрудник, используя доступные ему средства радиоэлектронной борьбы, сможет осуществить прерывание канала управления БЛА, постановку помех, перехват управления БЛА; прерывание канала связи БЛА с навигационной системой, фальсификацию навигационных координат и др. Во втором случае может использоваться специализированное огнестрельное оружие и боеприпасы к нему либо БЛА-перехватчики. Следует учесть, что стандартные образцы огнестрельного оружия (как правило, нарезного), используемые при несении службы, не позволяют эффективно поражать такого рода цели и сами являются источником серьезной опасности, в особенности при использовании их в городе. Наиболее эффективным оружием является самозарядное ружье 12-го калибра со специализированным боеприпасом.

Немаловажными для сотрудника являются также теоретические знания и практические навыки использования имеющегося в его распоряжении оборудования и оружия, а также четко сформулированный алгоритм действий при уничтожении БЛА, учитывающий возможные риски, связанные с падением его обломков.

Таким образом, сотрудниками, способными реально противодействовать угрозам, связанным с БЛА, являются лица, обладающие следующими минимальными требованиями:

получившие достаточные знания, умения и навыки по использованию имеющихся в их распоряжении оборудования и оружия;

руководствующиеся нормативно закрепленным алгоритмом действия при пресечении полета (функционирования) БЛА; имеющие в распоряжении анализатор радиочастотного спектра, оптические приборы, в том числе тепловизор, носимые средства радиоэлектронного подавления БЛА, полуавтоматическое ружье 12-го калибра с соответствующими боеприпасами.

Отсутствие каких-либо пунктов из указанного перечня не позволит сотрудникам эффективно выполнять задачи по противодействию БЛА, что важно учитывать руководящему звену при формировании соответствующих групп оперативно-боевого назначения.

УДК 351.74

М.В. Денисевич

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ОПЕРАТИВНО-СИТУАЦИОННЫХ ШТАБОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Оперативно-ситуационный штаб (ОСШ) представляет собой орган управления, формируемый из должностных лиц органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) (иных государственных органов и государственных организаций – по согласованию), организационно объединенных

для выполнения функций по управлению силами и средствами в различных условиях оперативной обстановки в целях недопущения ее осложнения.

Структурно органы управления формируются в МВД (вышестоящий либо основной ОСШ), управлениях внутренних дел областей и главном управлении внутренних дел Минского городского исполнительного комитета (далее – УВД, ГУВД), территориальных районных управлениях, городских и районных органах внутренних дел (далее – РУ-ГО-РОВД).

Работа штабов всех уровней осуществляется непрерывно в круглосуточном режиме до момента решения задач обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности, а также достижения целей, послуживших основанием для функционирования указанных органов управления.

Основными задачами ОСШ любого уровня на пункте управления являются:

непосредственная оценка оперативной обстановки, масштабов и степени общественной опасности возможных негативных событий и их ожидаемых последствий;

планирование, организация и контроль реализации основных мер и мероприятий по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности;

организация взаимодействия и координация действий сил и средств органов внутренних дел, внутренних войск, иных заинтересованных, привлекаемых для обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Следует помнить, что решения руководителя ОСШ МВД являются обязательными для всех должностных лиц как на республиканском, так и на территориальном уровнях, решения руководителей ОСШ УВД, ГУВД, РУ-ГО-РОВД – на соответствующих территориальных уровнях.

Кроме того, важным является уяснение основных функций ОСШ МВД как вышестоящего или основного органа управления.

Первой является аналитическая функция, основывающаяся на глобальном прогнозировании складывающейся обстановки в масштабах всей республики, во взаимосвязи со сведениями, полученными в результате мониторинга событий, и оперативной обстановки за ее пределами.

Второй функцией является его управляющая и координирующая деятельность. ОСШ МВД организует и проверяет готовность органов и пунктов управления УВД, ГУВД к выполнению задач обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Третьей является контрольная функция, т. е. контроль полноты и качества проводимых мероприятий на всех этапах обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности. ОСШ МВД истребует от региональных органов управления более подробную информацию с учетом местного видения проблемы, изучает предложенные ими варианты реагирования на возможные угрозы, оперативно рассматривает предложенные варианты решений, оценивает эффективность принимаемых мер к имеющимся угрозам, при необходимости отдает указания на проведение дополнительных мероприятий и проверяет степень их исполнения.

Четвертой функцией является возможность организации передислокации людских, технических и материальных ресурсов из одного региона в другой в зависимости от складывающейся оперативной обстановки.

Пятой является функция дополнительного обеспечения деятельности отдельных органов управления силами и средствами, имеющимися в распоряжении и не включенными в расчеты привлекаемых сил и средств.

Вместе с тем, несмотря на ведущую роль в организации управления ОСШ МВД, не исключаются возможности областных и районных органов управления решать возникающие проблемы при наличии критических ситуаций самостоятельно, но налагает обязанность на руководителей ОСШ УВД, ГУВД, РУ-ГО-РОВД видения оперативной обстановки на всем поле оперативного реагирования с учетом ее краткосрочного и долгосрочного прогнозирования.

УДК 378.6

Д.В. Ермолович

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПНЕВМАТИЧЕСКИХ ВИНТОВОК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В современных условиях в учреждениях образования правоохранительных органов постоянно анализируются вопросы, связанные с возможностью обучения курсантов и иных категорий обучающихся навыкам эффективного владения современным стрелковым оружием, а также другим оборудованием и снаряжением, используемыми в практической деятельности.

В рамках современного образовательного процесса для приобретения устойчивых навыков работы со стрелковым оружием обучающимся необходимо иметь возможность работы в специализированном тире (открытом полигоне), оборудованном соответствующей стрелковой обстановкой. Данная категория обучающихся в соответствии с нормативными правовыми актами ведомства должна обеспечиваться боеприпасами согласно нормам положенности. Ограниченность действующих специализированных тиров, а также регламентированное количество используемых на учебной практике боеприпасов создают определенные затруднения при формировании устойчивых навыков по владению стрелковым оружием и экипировкой. Для нейтрализации указанных затруднений и повышения качества обучения можно использовать образцы современного пневматического оружия.

В настоящее время существует достаточно большое количество специализированных тренажеров и образцов пневматического, пневмоэлектрического и иного спортивно-охотничьего и имитационного оружия, которые позволяют приобретать

достаточно широкий перечень навыков. На наш взгляд, в настоящий момент одним наиболее перспективным для образовательных организаций правоохранительных органов и военизированных организаций являются многозарядные пневматические винтовки типа «Леший-2» (Российская Федерация, компания EDgun). Образец данной винтовки изучался и тестировался в Академии МВД Республики Беларусь на кафедре тактико-специальной подготовки в 2025/2026 учебном году.

Используя образцы современных пневматических винтовок, возможно систематическое проведение презентационно-развлекательных занятий (конкурсов), а также обучающих практических стрельб со взрослыми и несовершеннолетними как в специализированных тирах, так и на базе неподготовленных помещений и участков местности. При наличии базового оборудования для подзарядки баллонов высокого давления (компрессорная станция), а также приобретения в свободном доступе либо самостоятельного изготовления различных пуль (комбинированных боеприпасов) стоимость одного выстрела представляется минимальной. Следует также отметить отсутствие необходимости по обеспечению дополнительной вентиляции и уборки помещений от продуктов выстрела огнестрельного оружия. Образцы современных пневматических винтовок в базовых комплектациях не требуют специальных разрешений и дополнительных затрат на организацию хранения и транспортировку, что существенно упрощает порядок оборота данного оборудования.

Рассматривая основные направления применения современных образцов пневматических винтовок, можно выделить следующие:

- работа с несовершеннолетними в рамках военно-патриотических классов и клубов;
- работа с разновозрастными гражданами в рамках спортивных секций и клубов, а также как спортивно-охотничье увлечение (хобби) для действующих сотрудников правоохранительных органов и ветеранов;
- работа с обучающимися учреждений образования правоохранительных органов как дополнительная возможность приобретения и закрепления базовых и специализированных стрелковых навыков;

- работа с практическими сотрудниками правоохранительных органов для поддержания ослабевающих стрелковых навыков.

Рассматривая содержание и направленность стрелковых упражнений, на наш взгляд, можно предложить три основных направления.

1. Базовые упражнения. Работа с различными открытыми прицелами на дистанции до 50 м из различных положений, а также в движении. Основная цель – приобретение навыка правильного прицеливания и обработки спуска.

2. Специализированные упражнения для приобретения навыков работы с коллиматорными прицелами на дистанции до 50 м. Основная цель – приобретение устойчивых навыков настройки и прицеливания при помощи коллиматорных прицелов из различных положений и в движении, правильная обработка спуска.

3. Специализированные упражнения для приобретения навыков работы со снайперскими прицелами на дистанции от 50 до 100 м. Основная цель – приобретение устойчивых навыков настройки и прицеливания при помощи современных снайперских прицелов, правильная обработка спуска.

В заключение можно отметить, что предложенный подход по активному внедрению современного пневматического оружия в образовательный процесс и специальную подготовку сотрудников правоохранительных органов имеет и ряд значимых ограничений. Как любое высокоточное оружие, оно требует правильного и бережного отношения. Преподаватели учреждений образования, действующие сотрудники и инструкторы спортивных и военно-патриотических клубов, работающие с подобными образцами вооружения, должны обладать знаниями и навыками по подготовке и обслуживанию конструктивных элементов указанного оборудования, а при построении стрелковых упражнений с данным оружием не рекомендуется падать в грязь, песок и совершать иные действия.

УДК 632

Д.С. Зубковский

СПОСОБ ЗАРЯЖАНИЯ ОРУЖИЯ КАК ПРИЕМ УСТРАНЕНИЯ ЗАДЕРЖЕК ПРИ СТРЕЛЬБЕ

Практика показывает, что как в процессе огневой подготовки, так и в условиях деятельности сотрудников правоохранительных органов встречаются задержки при стрельбе, особенно в стрессовых ситуациях. Задержки при стрельбе могут иметь серьезные последствия для самого сотрудника и общественной безопасности. Отсутствие уверенности в своих силах и навыках приводит к замедленной реакции, что может стать критичным в условиях реальной обстановки.

Нередко действующие сотрудники и курсанты на занятиях по огневой подготовке неспособны быстро оценить ситуацию и самостоятельно устранить задержки при стрельбе в моделируемых упражнениях. Такие ситуации всегда вызывают стрессовое состояние и, как результат, предсказуемые и неизбежные физиологические реакции. В условиях стресса общая моторика преобладает над мелкой моторикой, что приводит к потере способности совершать точные и тонко координированные действия. Это может быть связано с психологическими и физиологическими особенностями человека, недостаточной отработкой стрессоустойчивых навыков огневой подготовки и применением устаревших методов обучения.

В разных источниках вопрос возникновения задержек и их видов трактуется по-разному. Анализируя самые распространенные случаи задержек при стрельбе из пистолета Макарова (ПМ), можно отметить, что они возникают вследствие неисправности оружия, боеприпасов, ошибок стрелка, связанных с неправильной эксплуатацией оружия.

Неправильное устранение задержки при стрельбе из пистолета, например распатроненной осечки, может привести к появлению нового, более сложного вида задержки. В таких случаях задержки становятся комплексными – сочетаются осеч-

ки, неподача или неподвижение патрона из магазина в патронник, прихват (ущемление) гильзы или патрона затвором, что требует больше времени и усилий на устранение, часто вынуждая стрелка частично разбирать оружие или терять время на более сложные манипуляции.

Таким образом, правильное устранение осечки заключается в аккуратном перезарядании оружия – контролируемом отведении затвора, удалении проблемного патрона и повторной подаче патрона. Это помогает избежать усложнения вида задержки и минимизировать время ее устранения.

В процессе огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел предлагаем рассмотреть способ зарядания оружия, при котором можно не только максимально быстро приводить оружие в боевую готовность и производить выстрел, но и использовать как прием, которым можно устранять основные задержки при стрельбе из ПМ.

Данный способ зарядания оружия применяется в настоящее время в Российской Федерации при подготовке сотрудников в центре специальной подготовки «Витязь», Российском университете спецназа им. В.В. Путина и имеет обозначения как «скоростной». Указанный способ сходный с широко используемым «спортивным». Однако следует отметить, что он имеет отличие от «спортивного» в том, что при зарядании оружие не вращается, а прихват осуществляется за переднюю часть затвора сверху.

Действия стреляющего при зарядании оружия «скоростным» способом:

извлекается оружие из кобуры в точку контроля оружия. Одновременно с извлечением пистолета и выведением его в точку контроля осуществляется выключение предохранителя большим пальцем (пистолет удерживается вертикально, не наклоняя его оси канала ствола);

пистолет помещается между указательным и большим пальцем левой руки, между мушкой и окном выбрасывания гильз (ближе к концу ствола). Важно, чтобы пальцы левой руки не закрывали окно выбрасывания гильз и захват позволял удерживать оружие в прицельной линии без смещения оси ствола;

быстро отводится затвор в крайнее заднее положение до упора и резко отпускается (не сопровождая рукой), затвор возвращается в исходное положение. Само зарядание при этом осуществляется отведением левой руки затвора назад и одновременно отведением правой руки вперед. При этом пистолет не останавливается, а продолжает движение. Левая рука, разжав затвор, естественным скольжением по нему занимает свое место на рукоятке пистолета, движущегося на линию прицеливания;

выводится оружие с точки контроля до линии прицеливания и выносится по линии прицеливания вперед, одновременно с доформированием двуручного хвата производится выстрел.

Этот способ объединяет в себе основные способы зарядания оружия: «классический», «универсальный», «спортивный». При этом каждый способ имеет свои плюсы и минусы, а также назначение.

Следует отметить, что «скоростной» способ зарядания оружия также имеет свои преимущества и недостатки. Этот способ сложен в освоении. Начинаящему стрелку необходимо чувствовать углы выноса оружия, а также контролировать на начальных этапах тренировок технику его выполнения, избегая удара левой руки в спусковую скобу. Из-за отсутствия в ПМ насечек в передней части затвора, есть вероятность скольжения руки по нему, что не дает 100%-ю гарантию досылания патрона в патронник. Однако освоение правильной техники указанного способа зарядания оружия позволит без труда и ошибок устранять основные задержки при стрельбе, выполняя аналогичные действия.

Действия стреляющего при устранении основных задержек:

подтянуть пистолет к груди и слегка развернуть против часовой стрелки, чтобы идентифицировать тип задержки;

после определения степени задержки необходимо убедиться, что магазин плотно сидит в основании рукоятки. Для этого достаточно подбить магазин ладонью снизу вверх (исключить неподачу или неподвижение патрона из магазина в патронник); провести действия, аналогичные действиям при зарядании оружия «скоростным» способом.

Этот алгоритм помогает устранить основные виды задержек: осечку, неподачу или неподвижение патрона из магазина в патронник, прихват (ущемление) гильзы или патрона затвором.

Для отработки вопроса по устранению задержек на занятиях по огневой подготовке необходимо использовать учебные боеприпасы, снаряжая ими весь магазин и выполняя вышеуказанные действия до израсходования патронов по схеме «выстрел, устранение задержки, выстрел, устранение задержки и т. д.».

Рекомендуем также проводить комбинированный норматив: преподаватель или инструктор на нескольких пистолетах делает разные виды задержек и кладет их на стол в направлении мишеней, по сигналу таймера обучающийся подбегает к столу и по порядку берет каждый пистолет, устраняя различные виды задержек. При проведении тренировочных стрельб преподавателям и инструкторам с действующими сотрудниками и курсантами старших курсов целесообразно «подмешивать» учебные патроны в магазины и вставлять магазин в пистолет самим, чтобы они не видели очередность холостых и боевых. Это поможет им устранять ошибки при стрельбе и, самое главное, в перестрелке сотрудник уже не будет в случае задержки по привычке прекращать стрельбу, поднимать руку вверх и докладывать руководителю стрельб.

Навык устранения возникающих при стрельбе задержек очень важен при подготовке сотрудников правоохранительных органов, его необходимо тщательно тренировать. При этом следует помнить, что часто основными причинами возникновения задержек при стрельбе из ПМ являются сами стрелки, забывающие о правильной эксплуатации и обслуживании данного оружия. В связи с этим мы предлагаем данный способ работы с пистолетом, который подлежит дальнейшему научному и практическому осмыслению.

РАДИОПРОТЕКТОРЫ – ЭФФЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОЛУЧЕВОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

В настоящее время источники ионизирующих излучений (ИИИ) присутствуют практически во всех сферах человеческой деятельности. По данным на 31 декабря 2024 г. на учете Департамента по ядерной и радиационной безопасности Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (Госатомнадзора) находились 1 848 проверяемых субъектов (в 2023 г. – 1 855), использующих в своей деятельности 23 476 (в 2023 г. – 24 674) ИИИ, включая радиационно опасные объекты, установки, аппараты, пункты хранения, радионуклидные источники. Кроме того, потенциальную угрозу жизни и здоровью людей создают атомные электростанции и накопленный в разных точках земного шара арсенал ядерных боеприпасов, включая возрастающий интерес к ядерному оружию со стороны террористических организаций.

Радиопротекторы – это препараты и субстанции, которые защищают клетки и ткани организма от повреждений, вызванных ионизирующим излучением. Они применяются для снижения негативного воздействия радиации как в медицинских целях (например, при лучевой терапии), так и в условиях повышенного радиационного фона.

Создание средств противорадиационной защиты долгие годы остается актуальной задачей. Над ее решением работают ученые разных стран мира, которые достигли значительных успехов в этом направлении исследований. Существует классификация радиопротекторов по эффективности изменять, а именно уменьшать последствия радиационного облучения. Введена величина ФИД – фактор изменения дозы (ранее – фактор уменьшения поглощенной дозы (ФУД)). По величине ФИД радиопротекторы разделяют на слабые (ФИД < 1,2), умеренные (1,2 < ФИД < 1,5) и сильные (ФИД > 1,5). Наиболее эффективны радиопротекторы в отношении кровяного синдрома (агранулоцитарный или анемический), где величина ФИД может достигать 2,0–2,7 при облучении рентгеновским или гамма-излучением (показано на мышах). Обнаружено, что эффективность радиопротекторов уменьшается с увеличением линейной передачи энергии излучения.

Для безопасности применения радиопротекторов определяют их токсичность по терапевтическому индексу (ТИ). Этот показатель рассчитывают как соотношение токсической дозы препарата (ЛД₅₀, т. е. доза препарата, вызывающая гибель 50 % животных) к эффективной дозе этого препарата, для которой рассчитан ФИД. ТИ радиопротектора показывает, во сколько раз его эффективная (радиозащитная) доза ниже его токсической дозы. У препаратов, оказывающих при профилактическом введении радиозащитный эффект, показатель ФИД больше единицы.

Действие радиопротекторов направлено в первую очередь на защиту костного мозга и других гемопоэтических тканей, поэтому препараты этой группы применяют для профилактики поражений, вызываемых облучением в «костно-мозговом» диапазоне доз (1–10 Гр). Существует несколько классификаций радиопротекторов. В большинстве из них за основу взяты принципы химического строения вещества или механизмы защитного действия. В Республике Беларусь и Российской Федерации разрешены к применению профилактические радиопротекторы из двух групп соединений – аминотиолов и биогенных аминов (см. табл. ниже).

Характеристика радиопротекторов с наиболее широким практическим применением

Группы радиопротекторов	Препараты	ФИД	Длительность действия	Радиозащитная широта	Способ введения
Серосодержащие	Цистамин	1,2–1,5	4–6 ч	2–3	Внутрь
	Цистеамин	1,2–1,5	4–6 ч	2–3	Внутрь
	Гаммафос (этиол, амифостин, WR-2721)	1,2–1,5	4–6 ч	2–3	Внутривенно
Агонисты биологически активных аминов	Мексамин	1,2–1,4	30–60 мин	20–30	Внутрь
	Серотонин	1,2–1,4	30–60 мин	20–30	Внутримышечно
	Индралин (Б-190)	1,2–1,4	30–60 мин	30–90	Внутрь
	Нафтизин	1,2–1,4	30–60 мин	30–90	Внутримышечно

Согласно современным представлениям механизмы защитного действия радиопротекторов связаны с возможностью снижения косвенного действия ионизирующего излучения на критические структуры клетки – биологические мембраны и ДНК.

Как известно, косвенное действие радиоактивного излучения обусловлено избыточным накоплением в живом организме продуктов свободнорадикальных реакций – активных форм кислорода, оксида азота, продуктов перекисного окисления липидов и др.

Радиозащитный эффект радиопротекторов может быть достигнут:

снижением содержания кислорода в клетке, что ослабляет выраженность кислородного эффекта и проявлений оксидативного стресса;

прямым участием молекул радиопротектора в «конкуренции» с продуктами свободнорадикальных реакций за «мишени» (инактивация свободных радикалов, восстановление возбужденных и ионизированных биомолекул, стимуляция антиоксидантной системы организма и т. д.);

торможением под влиянием радиопротектора митотической активности стволовых клеток костного мозга;

сочетанием вышеперечисленных механизмов.

Экспериментально доказано, что ингибиторы свободнорадикальных процессов, такие как производные фенолов и др., могут оказывать мощную противолучевую активность при образовании долгоживущих радикалов биомолекул. Научным коллективом Всероссийского национального научно-исследовательского института виноградарства и виноделия «Магарах» РАН (Ялта, РФ) получен пищевой концентрат «Эноант» из ягод винограда. Препарат обладает сильным противолучевым действием благодаря содержанию мономерных полифенолов с высокой антиоксидантной активностью. Препарат «Эноант» обеспечивает снижение количества aberrантных клеток при спонтанном мутагенезе, что замедляет процессы старения, а также обладает лечебным эффектом при радиационном поражении и при лечении онкологических заболеваний с применением радиационной терапии.

В настоящее время перечень широко известных радиопротекторов дополняется новыми противолучевыми средствами, которые эффективны в пострadiационный период. Наиболее востребован препарат на основе ДНК, так называемый экзогенная ДНК, обеспечивающий репарацию хроматина в ядре поврежденной клетки путем гомологичной рекомбинации, исключающей мутации. Препарат экзогенной ДНК эффективен в экстренных случаях радиационного поражения, после введения подкожно он быстро распределяется по организму, не имеет побочных эффектов, стабилен в обычных условиях.

Современным направлением экстренной терапии лучевых поражений в Российской Федерации является использование препаратов на основе цитокинов, к которым относятся препарат Г-КСФ «Нейпоген» (филграстим) и препараты ГМ-КСФ «Лейкомакс» (молграмостим) и «Беталейкин» (рекомбинантный интерлейкин-1 бета). Экспериментально доказано антиапоптозное действие цитокинов на клетки костного мозга и предотвращение летального исхода в случае гамма-облучения.

В заключение следует отметить, что развитие исследований в области радиационной биологии и медицины и поиск новых эффективных противолучевых средств защиты населения является важным направлением обеспечения государственной безопасности Республики Беларусь.

УДК 799.313

С.А. Кожанько

ОСОБЕННОСТИ ПРИЦЕЛИВАНИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ СРЕЛЬБЕ С УЧЕТОМ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В огневой подготовке сотрудников (курсантов) военно-учебных заведений Республики Беларусь большую роль играет практическая стрельба. Особенности ведения огня при выполнении стрелковых заданий в практической стрельбе подводят к тому, что необходимо более глубоко изучать вопросы формирования базовых навыков стрельбы, таких как изготовка, хват, прицеливание, обработка спуска.

Физиологические особенности прицеливания в практической стрельбе связаны с работой зрения, нервной системы, мышечного аппарата и дыхания стрелка. Они должны быть максимально согласованы в короткий отрезок времени перед выстрелом. При ошибках в этих физиологических механизмах резко падает устойчивость прицельной линии, возрастает утомление и снижается точность стрельбы.

Во время прицеливания формируется сложный зрительно-двигательный акт: стрелок одновременно контролирует мушку, целик и мишень. Для точного выстрела важна не столько резкость изображения цели, сколько четкость прицельных приспособлений и их соосность с глазом и мишенью. Стрелку перед каждым выстрелом в ходе выполнения стрелкового задания раз за разом приходится выполнять алгоритм по «настройке» и «адаптации» зрения к выстрелу.

Можно выделить несколько фаз, при которых выделяются следующие действия: 1) идентификация цели (0,5 с); 2) адаптация зрения к внешним условиям (0,1 с); 3) фокусировка на прицельных приспособлениях (0,3 с); 4) фиксация взгляда на прицельных приспособлениях (мушке) до производства выстрела (0,2 с); 5) выстрел; 6) перевод взгляда для поиска новой группы мишеней или на прицельных приспособлениях в случае нескольких выстрелов по одной мишени (0,2 с).

Во время выстрела процесс прицеливания не прерывается, а только корректируется в связи с возросшей нагрузкой на зрительный аппарат и всей системой «стрелок – оружие».

Перевод взгляда на следующую мишень реализуется следующими движениями глаз: слежения – медленные движения, позволяющие плавно отслеживать движущиеся объекты, саккады – резкие скачкообразные движения для переноса взгляда на новый объект, нистагмы – периодическое чередование плавных и скачкообразных движений, вергентные движения – конвергенция (сведение зрительных осей навстречу друг другу для четкого изображения вблизи) и дивергенция (разведение зрительных осей для четкого изображения вдали).

При стрельбе реализуются все типы двигательной активности глаз. При выполнении прицеливания и постоянной смене внешних условий стрелок принимает решение на производство выстрела с уверенностью в его результативности. Расфокусировка прицельных приспособлений происходит после каждого выстрела и связана с внешними факторами воздействия на стрелка после отдачи оружия и ответной реакцией опорно-двигательного аппарата стрелка.

Таким образом, можно выделить ряд ключевых особенностей, которые следует учитывать при прицеливании:

непрерывное прицеливание более 8–10 с вызывает прогрессирующее утомление глаза и снижение остроты зрения.

за 1 мин непрерывного прицеливания острота зрения может падать примерно вдвое, что делает такие задержки крайне неэффективными для точного выстрела;

положение головы определяет нагрузку на глазные мышцы и комфорт зрительного восприятия при прицеливании. Сильный наклон головы вперед и взгляд исподлобья приводит к неестественному положению глазного яблока и быстрому утомлению глазных мышц;

зажмуривание неприцельного глаза ухудшает работу прицельного глаза за счет рефлекторного перенапряжения мышц и уменьшения остроты зрения почти вдвое;

слишком длительная задержка дыхания приводит к кислородному голоданию, росту мышечного напряжения и дрожанию прицельной линии;

локальное перенапряжение одной группы мышц вызывает рефлекторное избыточное напряжение других групп мышц, что нарушает координацию движений при прицеливании и нажатии на спуск.

Ключевые физиологические процессы при прицеливании включают в себя работу зрительной, нервной, мышечной систем и дыхания, которые образуют единый зрительно-двигательный акт. Их согласованность определяет точность удержания прицела и качество спуска.

В небольшом интервале времени перед выстрелом синхронизируются: стабилизация прицельной линии, оптимальное мышечное напряжение, задержка дыхания и плавный спуск. Любой сбой в одном из этих процессов (скачок внимания, лишнее мышечное усилие, поздняя реакция) приводит к смещению оружия и снижению точности стрельбы.

В практической стрельбе стремятся выработать автоматизм согласованных действий: выноса оружия, стабилизации, короткой задержки дыхания, уточнения прицеливания и плавного спуска в строго ограниченный по времени интервал.

Для развития зрительно-моторной координации применяются специальные упражнения, где глаз «ведет», а рука и тело точно и быстро подстраиваются под увиденное.

Далее приведем несколько таких упражнений: ловля и броски мяча одной и двумя руками о стену, в цель, с изменением расстояния и высоты траектории; попадание указкой (палкой) в движущиеся объекты (мяч, маятник, подвешенный предмет), удерживая ровную траекторию движения руки; перекаldывание мелких предметов (фишки, кубики, гильзы) из одной емкости в другую на время; слежение глазами за кончиком пальца или маркера, который описывает линии, круги, «восьмерки», при этом голова остается неподвижной; ведение взглядом и рукой по лабиринтам на бумаге от старта до финиша без касания линий, обводка контуров фигур, штриховка узкой полосы, проведение линий по образцу (прямые, волнистые, зигзаг) без выхода за границы; последовательное касание большим пальцем всех остальных пальцев, сначала одной, потом двумя руками синхронно и в разных темпах; перекаldывание небольшого мячика или шарика по ладони, между пальцами; перекаldывание монеты щепковым захватом, динамические игры и сложнокоординационные виды спорта (теннис, сквош, дартс, бросание мяча в мишени разного размера).

УДК 343

В.Е. Козлов

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БЛОКИРОВКИ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Блокировки услуг электросвязи (ЭС) решают несколько важных задач, направленных на защиту интересов личности, общества, государства и в целом на обеспечение национальной безопасности. Определенный исследовательский интерес представляет обобщенная информация об осуществлении блокировок оказания услуг ЭС в Российской Федерации и Республике Польша в динамически меняющихся условиях оперативной обстановки.

Правовые основания для блокировки, например, сотовой подвижной электросвязи (СПЭС) операторами в России при проведении полицейских спецопераций в 2024–2025 гг. базировались на следующих нормативных правовых актах: законодательстве, регулирующем общественные отношения в области национальной безопасности, позволяющем правоохранительным органам требовать ограничения оказания услуг ЭС на определенных территориях в период проведения спецопераций, а также нормативных правовых актах, предусматривающих обязательство операторов ЭС выполнять распоряжения Национального антитеррористического комитета (НАК) и Федеральной службы безопасности по отключению или ограничению ЭС в целях предотвращения угроз безопасности. Законодательные инициативы, введенные в 2024–2025 гг., освобождают операторов ЭС от ответственности за временные отключения ЭС, если это производится для обеспечения общественной и государственной безопасности. Практически блокировка СПЭС операторами при проведении полицейских спецопераций осуществляется в России по требованию уполномоченных органов. Она может включать блокировку сетей ЭС в определенных радиочастотных диапазонах, используемых основными операторами ЭС («МТС», «Мегафон», «Билайн» и др.). Такие меры являются стандартной практикой для решения задач органов внутренних дел и не влияют на качество ЭС для обычных пользователей в целом. Утвержден также порядок блокировки ЭС при проведении контртеррористических операций, когда операторы ЭС обязаны по решению НАК приостанавливать оказание услуг (ЭС) в определенных местах на период проведения таких операций. Для воздействия на ЭС используются как административные требования к операторам, так и программно-аппаратные средства.

Примеры блокировки сотовой подвижной ЭС ее операторами в России при проведении спецопераций в 2025 г. обусловлены преимущественно необходимостью противодействия угрозам безопасности, связанными с атаками беспилотных летательных аппаратов (БЛА). Так, в мае 2025 г. было зафиксировано массовое отключение мобильного интернета в более чем 30 городах и регионах из-за угрозы атак БЛА. Летом 2025 г. в регионах России (включая Ярославскую, Московскую, Ленинградскую, Брянскую области) вводились временные ограничения и полная приостановка работы мобильного интернета и СПЭС для затруднения наведения дронов, использующих LTE-модемы с российскими сим-картами для управления. Эти меры применялись, в том числе, вокруг стратегически важных объектов и во время крупных мероприятий, где есть риск террористических и диверсионных угроз. В ноябре 2025 г. начался эксперимент по «охлаждению» сим-карт, побывавших в роуминге.

ге за границей, включая блокировки оказания услуг СПЭС из-за таких же угроз. Таким образом, блокировки и ограничения ЭС в России при проведении спецопераций и в целях обеспечения безопасности осуществляются регулярно, имеют техническое и законодательное обоснование и применяются в конкретных зонах риска или в периоды спецопераций.

В Республике Польша блокировка оказания услуг ЭС широко применялась во время протестов, связанных с ограничениями из-за пандемии COVID-19 и другими социальными проблемами (2020 г.). В Варшаве и других крупных городах были осуществлены ограничения СПЭС для минимизации возможности организации протестующих. В ряде случаев полиция проводила операции по задержанию членов преступных группировок, связанных с наркоторговлей и иными преступлениями. В таких ситуациях временная блокировка СПЭС применялась для предотвращения общения между правонарушителями.

В 2023 г. внесены изменения в закон о борьбе с организованной преступностью, что позволило правоохранным органам оперативно блокировать доступ к услугам ЭС подозреваемым в преступной деятельности. В 2024 г. польская полиция провела масштабную операцию против организованных преступных групп (ОПГ), занимающихся торговлей наркотиками, в ходе которой были заблокированы сети СПЭС, включая доступ к сети Интернет у членов ОПГ. Это позволило лишить их возможности координировать свои действия. В 2025 г. в рамках борьбы с контрабандой было зафиксировано несколько случаев блокировки услуг ЭС для подозреваемых в организации каналов контрабанды.

С 1 сентября 2025 г. вступили в силу поправки в законодательство, позволяющие оператору ЭС приостанавливать операции с денежными средствами, если есть основания полагать, что они использовались в преступной деятельности, включая приостановление возврата средств с мобильных счетов и блокировку платежей. При этом правоохранные органы выносят постановления о блокировке ЭС без предварительного судебного решения, если у них есть достаточные основания, что сделано для оперативного реагирования на применение мошеннических интернет-схем.

С сентября 2025 г. применяются ограничения для затруднения несанкционированных полетов БЛА. Кроме того, в случае кибератак на системы безопасности блокировки или ограничения ЭС могут использоваться для обеспечения безопасности коммуникаций между правоохранными органами. С 18 ноября 2025 г. после атаки на железнодорожную инфраструктуру для противодействия дезинформации в сети Интернет были заблокированы отдельные средства ЭС на различных платформах.

Следовательно, блокировка оказания услуг ЭС применяется как средство обеспечения государственной безопасности, борьбы с преступностью, общественного порядка.

Такие меры осуществляются в соответствии с нормами законодательства с соблюдением прав человека и обеспечением прозрачности процедур.

В Беларуси основным документом, регламентирующим блокировки оказания услуг ЭС, является постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 сентября 2025 г. № 476 «О порядке применения мер ограничительного характера», в котором определены порядок применения мер ограничительного характера, позволяющих государственным органам в определенных случаях блокировать доступ к информационным ресурсам (ИР) и приостанавливать услуги ЭС. К таким органам отнесены Генеральная прокуратура, Следственный комитет, Комитет государственной безопасности, Министерство внутренних дел Республики Беларусь. Они имеют право выдавать предписания на ограничение доступа к ИР, если таковые используются для совершения преступлений. Процедура блокировки включает в себя составление представления, в котором указываются конкретные нарушения закона и связь между ИР и преступной деятельностью. Представление направляется соответствующим органам (например, Государственной инспекции по ЭС и операторам ЭС). Блокировки могут применяться на неопределенный срок, однако доступ может быть возобновлен после устранения нарушений в случае приостановления услуг ЭС. Это, как правило, происходит на срок до шести месяцев, по истечении которого оператор может расторгнуть договор с абонентом.

Таким образом, блокировки оказания услуг ЭС направлены на создание безопасной среды для реализации интересов личности, общества и государства. Методика и тактика их осуществления являются актуальным направлением проведения научных исследований.

УДК 351.74

Э.П. Костюкович

МАЛАЯ ТАКТИЧЕСКАЯ ГРУППА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БЕСПИЛОТНЫМ ЛЕТАТЕЛЬНЫМ АППАРАТАМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Организация противодействия беспилотным летательным аппаратам (БЛА) в особых условиях требует учета специфики задач, решаемых органами внутренних дел (ОВД), а также ограничений, обусловленных правовым режимом мирного времени. В отличие от классических военных операций, где приоритет отдается огневому поражению воздушных целей, деятельность ОВД ориентирована как на выявление и пресечение правонарушений, связанных с незаконным оборотом БЛА, так и на минимизацию рисков для гражданского населения и критически важной инфраструктуры при их применении правонарушителями.

Специфика угрозы, исходящей от современных БЛА, состоит в сложности их обнаружения посредством органов зрения или средств оперативного наблюдения, разнообразии конструктивных и тактико-технических характеристик, а также способности применяться в преступных, террористических и диверсионных целях. Малые и микродроны, в том числе и FPV-дроны, могут запускаться с минимально подготовленных площадок в городской застройке, использоваться для разведки, доставки запрещенных предметов, корректировки огня или нанесения прицельных ударов по критически важным объектам и сотрудникам ОВД, осуществляющим деятельность в особых условиях. Это объективно осложняет задачу своевременного обнаружения, идентификации и пресечения полета БЛА. В этих условиях ключевую роль приобретают малые тактические группы (МТГ)

ОВД, создаваемые для оперативного реагирования на угрозу применения БЛА. Примером такой группы является группа противодействия БЛА, функционирующая в ходе проведения различных специальных операций.

Отметим, что МТГ ОВД выступает центральным звеном практической реализации противодействия БЛА в особых условиях. В качестве основных задач данной группы следует выделить: оперативное обнаружение и классификацию воздушных объектов, документирование фактов незаконного использования БЛА, выбор и применение надлежащих средств нейтрализации с учетом правовых ограничений.

Анализ современных способов противодействия FPV-дронам силами МТГ ОВД позволяет заключить, что они ориентированы на мобильность, скрытность и комбинацию применения пассивных тактик действий группы с применением портативных средств радиоэлектронного обнаружения (РЭО) и средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Эффективность деятельности достигается за счет распределения выполняемых функций среди членов группы, что и определяет ее численный состав – 2–3 специалиста (например наблюдатель, оператор средств РЭО и РЭБ, стрелок/водитель).

В свою очередь, современные средства противодействия БЛА, адаптированные для применения МТГ ОВД, целесообразно классифицировать по функциональным группам: средства обнаружения и оповещения, радиоэлектронного подавления, кинетического воздействия и комплексные системы защиты объектов. К средствам обнаружения относятся малогабаритные радиолокационные станции для малоразмерных целей, пассивные радиотехнические комплексы для пеленгации сигналов управления и передачи данных БЛА, а также оптико-электронные и акустические сенсоры, обеспечивающие круглосуточный мониторинг воздушного пространства над охраняемыми территориями.

К числу наиболее востребованных в практике ОВД, в том числе и МТГ, средств противодействия относятся радиоэлектронные комплексы подавления каналов управления и навигации БЛА, включая переносные и возимые блокираторы и так называемые антидроновые ружья. Это группа научно-технических средств, специально разработанных для нейтрализации каналов управления, передачи телеметрии и визуализации (видеопотока) современных БЛА, включая FPV-дроны и коммерческие квадрокоптеры. Данные устройства работают по принципу направленного создания мощных помех в ключевых частотных диапазонах: 400–1 050 МГц (управление FPV-дронами), 2,4 ГГц и 5,8 ГГц (Wi-Fi каналы управления и видео), а также 1,5 ГГц (GPS-, ГЛОНАСС-навигация). Подавление приводит к разрыву связи оператора с аппаратом, потере ориентации, невозможности передачи видеосигнала и вынужденной посадке или отклонению БЛА, что делает их идеальными для применения в городских условиях и при охране критически важных объектов без риска кинетического поражения. Отметим, что одним из перспективных направлений при техническом перевооружении ОВД средствами противодействия является приобретение модульных систем с возможностью апгрейда частотных модулей под «эволюционирующие» протоколы БЛА и их интеграцией с искусственным интеллектом, обеспечивающей автоматическое распознавание сигналов и селективное подавление. Данное техническое решение повысит эффективность применения средств противодействия малым летательным аппаратам в насыщенной электромагнитной обстановке.

Кинетические средства противодействия БЛА в деятельности МТГ ОВД рассматриваются как крайняя мера, применяемая при наличии прямой и очевидной угрозы жизни и здоровью граждан или возможного причинения существенного ущерба охраняемым объектам. В качестве таких средств могут использоваться стрелковое оружие с прицельными комплексами для стрельбы по малоразмерным воздушным целям, малокалиберные установки ближнего действия, а также специализированные нелетальные средства, включая сеточные системы перехвата, отстреливаемые в направлении дронов.

Ключевым ограничителем применения средств противодействия БЛА со стороны ОВД выступает правовое регулирование, определяющее условия и порядок вмешательства в воздушное пространство, использования радиоэлектронных средств и вооружения. Правовые рамки должны обеспечивать необходимый баланс между эффективностью нейтрализации угроз и соблюдением прав и свобод граждан, а также интересов законных пользователей воздушного пространства.

Подготовка личного состава и организационное развитие МТГ ОВД являются необходимым условием реализации изложенных подходов в практической деятельности ОВД. Данный факт обуславливает необходимость разработки и внедрения специализированных программ обучения, включающих тактику действий при угрозе применения БЛА (моделирование типовых сценариев действия МТГ ОВД в различных особых условиях и формирование на этой основе типовых алгоритмов реагирования), основы работы с современными средствами РЭО и РЭБ, правовые аспекты применения оружия при пресечении полетов дронов, а также навыки межведомственного взаимодействия в рассматриваемой сфере.

Таким образом, противодействие БЛА в правоохранительной деятельности ОВД следует рассматривать как динамично развивающееся направление, требующее комплексного развития правового регулирования данной деятельности, современного научно-технического оснащения и разработки эффективных организационно-тактических решений. Системное использование МТГ ОВД, оснащенных современными средствами РЭО и РЭБ, действующих в рамках четко определенных правовых регламентов, является одним из факторов повышения устойчивости национальной системы безопасности к угрозам, формируемым современными беспилотными технологиями.

УДК 159

С.Л. Кураленя

ФИЗИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ПРИ СТРЕЛЬБЕ

Развитие физических качеств является неотъемлемым процессом всестороннего гармоничного развития сотрудника правоохранительных органов. В зависимости от специфики выполняемых задач в различных сферах профессиональной деятельности определяется приоритетность получаемых качеств. Воспитание физических качеств является процессом,

в основе которого главное место занимает тренировка. С точки зрения решаемых оперативно-служебных задач сотрудниками правоохранительных органов на первый план выходит необходимость развития физических качеств, обеспечивающих преимущество при возникновении огневого контакта. Перечень этих качеств довольно широк. Учитывая тот факт, что стрельба является сложным видом деятельности, то развитие двигательных-координационных способностей будет иметь приоритетное значение.

Развитию физических способностей посвящено достаточное количество научных работ. Учитывая специфику деятельности сотрудников правоохранительных органов и высокую вероятность ситуаций, в которых возможен огневой контакт с правонарушителем, наибольшее внимание необходимо уделять развитию общих, специальных и специфических координационных способностей. Более того, необходимо отметить, что огневой контакт имеет ряд признаков, подтверждающих его особенность и специфичность. К таковым целесообразно отнести: внезапность возникновения вооруженного сопротивления и неопределенность развития огневого контакта, минимальную дистанцию до преступника, изменение временных и пространственных характеристик огневого контакта.

Несение службы в условиях населенных пунктов обуславливает ограниченность пространства, в котором может возникнуть экстремальная ситуация, требующая принятия рассматриваемых мер. Проведенный анализ подтверждает, что сотрудниками правоохранительных органов огнестрельное оружие применяется в основном на коротких дистанциях – до 15 м (в условиях жилых помещений – до 7 м). Указанные расстояния и особенность обстановки требуют от сотрудника быстрого принятия решения, выполнения действий по обеспечению собственной безопасности, приведению оружия в боевую готовность и, при необходимости, производства выстрела. Кроме того, перемещения противника и сотрудника постоянно меняют пространственные характеристики огневого контакта: изменяется дистанция, возникают или исчезают перепады высот, линия боевого соприкосновения изгибается, рвется, стремительно приближается или отдаляется. Важным качеством для сотрудника являются скоростные способности. Можно сказать, что скорость зависит прежде всего от свойств зрительного, слухового и других анализаторов, динамики центральных нервных процессов и нервно-мышечных отношений. Следует также выделить направленность внимания (сознания) на ожидаемый сигнал к действию. Совершенствование скоростной силы, а также сократительных способностей мышечного аппарата для достижения необходимой амплитуды движений, особенно в конечных точках, обуславливающей безупречную спортивную технику, требует многократного повторения отдельных элементов техники выполнения выстрела (принятие изготровки, удержание оружия в районе прицеливания, уточнение наводки оружия с одновременной работой по управлению спуском).

Таким образом, следует отметить, что подготовка сотрудника состоит из нескольких ветвей процесса тренировочного совершенствования: технической, психологической, физической, теоретической и тактической. Данные практики свидетельствуют о неразрывной диалектической связи, единстве и взаимообусловленности всех слагаемых деятельности, составляющих основу всесторонней подготовки. Какой из процессов играет решающую роль в подготовке представителей органов внутренних дел, на каком этапе тренировок следует отдать предпочтение тому или иному направлению подготовки? Это вопросы, требующие разрешения.

УДК 378

Н.А. Лумпов

СЛУЖЕБНО-ПРИКЛАДНОЙ ПОТЕНЦИАЛ ГИРЕВОГО СПОРТА В РАЗВИТИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел протекает в условиях повышенной физической и психоэмоциональной нагрузки. Служебные задачи требуют от сотрудника не только развитых физических качеств, но и способности сохранять самообладание, устойчивость к стрессу и контроль над собственным состоянием в экстремальных ситуациях.

В этой связи физическая подготовка в системе Министерства внутренних дел не может рассматриваться исключительно как средство развития мышечной силы или выносливости. Она должна выполнять более широкую функцию – способствовать формированию психофизической готовности личности к служебной деятельности. Одним из эффективных средств решения данной задачи является гиревой спорт, сочетающий в себе силовое, аэробное и психорегуляционное воздействие.

Развитие силовой выносливости. Гиревой спорт отличается от традиционных силовых дисциплин тем, что предполагает многократное выполнение упражнений с относительно стабильнымотяжением в течение продолжительного времени. Такая специфика нагрузки способствует развитию силовой выносливости – качества, имеющего первостепенное значение для сотрудников органов внутренних дел.

Выполнение упражнений «рывок», «толчок», «длинный цикл» активизирует крупные мышечные группы нижних и верхних конечностей, мышц спины и корпуса. Это обеспечивает гармоничное развитие опорно-двигательного аппарата и снижает риск дисбалансов, часто возникающих при изолированных силовых тренировках на отдельные группы мышц.

Функциональная готовность организма. С физиологической точки зрения гиревые упражнения формируют устойчивую адаптацию сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Работа в смешанном аэробно-анаэробном режиме способствует повышению общей физической работоспособности и формированию аэробных способностей.

Для сотрудников органов внутренних дел данные изменения имеют прикладное значение, так как служебная деятельность часто требует длительного поддержания функциональной активности без возможности полноценного восстановления.

Координация и двигательный контроль. Работа с гирей требует высокой точности движений, контроля траектории снаряда и устойчивого положения тела. Это способствует развитию координационных способностей и двигательной осознанности. Указанные качества напрямую связаны с безопасностью выполнения служебных действий и снижением травматизма.

Формирование стрессоустойчивости. Гиревой спорт характеризуется монотонной, ритмичной нагрузкой, выполняемой в условиях нарастающего утомления. В процессе тренировок обучающиеся сталкиваются с необходимостью продолжать работу при выраженном физическом дискомфорте, что способствует формированию устойчивости к стрессу и умения контролировать эмоциональные реакции.

С точки зрения психологии физической культуры, подобные нагрузки развивают способность к произвольной регуляции поведения и повышают толерантность к напряжению, что является важным профессионально значимым качеством сотрудника органов внутренних дел.

Развитие саморегуляции и волевых качеств. Техника гиревых упражнений требует строгого соблюдения ритма дыхания, экономии движений и рационального распределения усилий. Это формирует навыки саморегуляции, умение управлять собственным состоянием и сохранять концентрацию внимания.

Регулярные занятия гиревым спортом способствуют развитию таких волевых качеств, как преодоление усталости, постановка и достижение целей, самодисциплина.

Взаимосвязь физического и психологического компонентов подготовки. Физическое и психологическое развитие в гиревом спорте находятся в тесной взаимосвязи. Развитие силовой выносливости сопровождается формированием психической устойчивости, а совершенствование координации движений – повышением концентрации внимания и самоконтроля.

Таким образом, гиревой спорт выступает не как узкоспециализированное средство физической подготовки, а как комплексный инструмент формирования психофизической готовности сотрудника органов внутренних дел.

С учетом физического и психологического воздействия гиревого спорта целесообразно:

включать гиревые упражнения в учебные занятия по физической подготовке;

использовать их в рамках тренировок, направленных на развитие выносливости и стрессоустойчивости;

применять гиревой спорт как элемент профилактики профессионального выгорания за счет повышения общей физической активности и эмоциональной разрядки.

Методическое сопровождение должно предусматривать постепенное увеличение нагрузки и обязательный контроль техники выполнения упражнений.

Гиревой спорт является эффективным средством комплексного физического и психологического развития сотрудников органов внутренних дел. Его использование в системе профессиональной подготовки позволяет формировать не только силовую выносливость и функциональную готовность, но и устойчивость к стрессу, саморегуляцию и волевые качества.

Гиря как символ силы в данном контексте отражает целостный образ профессиональной надежности сотрудника органов внутренних дел, в котором физическая мощь неотделима от психологической устойчивости и внутреннего контроля.

УДК 351.74

Д.А. Назаренко

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ, СОБИРАЕМОЙ БЕСПИЛОТНЫМИ ЛЕТАТЕЛЬНЫМИ АППАРАТАМИ, В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В век постиндустриального общества информация стала основным вектором, который задает направления развития общества и определяет научный прогресс. Информация, полученная в ходе использования беспилотных летательных аппаратов (БЛА), содержит подробности частной жизни, неприкосновенность которых регламентируется Конституцией Республики Беларусь, и персональные данные разрабатываемых лиц. Ввиду вышеуказанных причин возникает вопрос о регламентации порядка использования такой информации.

В настоящее время с целью повышения эффективности решения оперативно-служебных задач сотрудники органов внутренних дел (ОВД) активно используют современные технологии в служебной деятельности. Маневренность, малогабаритность, высокое разрешение визуальной информации, многократный зум и отсутствие пилота на борту – основные преимущества использования БЛА правоохранительными органами. Благодаря научно-техническому прогрессу базовая комплектация БЛА, включающая в себя цифровую видеокамеру, систему навигации, систему передачи изображения и дополнительное оборудование, пополнилась цифровыми платформами для согласования полетов и системами интеграции БЛА с «ЭРА-ГЛОНАСС». На современном этапе развития беспилотной авиации появились и инновационные БЛА, например с возможностью самостоятельного поиска цели и фиксации информации, что позволило более оперативно решать задачи, возложенные на сотрудников ОВД в соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь».

Правовая регламентация использования БЛА сотрудниками ОВД является достаточно широкой и открывает перед операторами БЛА ряд прав и обязанностей, позволяющих решать различные задачи, в том числе связанные с розыском и идентификацией лиц. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» персональными данными является любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Так, приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 14 января 2022 г. № 9 утверждена Политика в отношении обработки персональных данных, которая устанавливает порядок обработки, хранения и защиты персональных данных операторами.

Следует отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) Республики Беларусь отсутствуют нормы, регламентирующие использование данных, зафиксированных на камеру БЛА, в качестве доказательств в уголовном процессе. Определение понятия «доказательства» в ст. 88 УПК Республики Беларусь не конкретизировано, в связи с этим, исходя из определения, БЛА можно относить к техническим средствам, используемым для получения доказательств, а оператора управления БЛА – к специалистам, привлекаемым для получения доказательственной информации по делу.

Учитывая изложенное, следует резюмировать, что до настоящего времени использование данных, зафиксированных системами БЛА, является проблемным вопросом и требует четкой законодательной регламентации путем внесения изменений в соответствующие нормативные правовые акты. Некоторые исследователи относят данные, полученные в ходе использования БЛА, к категории электронных доказательств и отмечают, что они могут стать началом административного или уголовного процесса, если получены в соответствии с действующими законодательными актами, регламентирующими применение БЛА в деятельности сотрудников ОВД. К такому же заключению приходят исследователи из Российской Федерации, при этом в УПК Российской Федерации правовая регламентация использования информации, полученной в ходе применения БЛА, также отсутствует. Возникают вопросы и с криминалистической фотосъемкой с использованием камер БЛА, регламентация которой также четко не указана в нормативных правовых актах.

Таким образом, современные БЛА являются многофункциональными устройствами, позволяющими выполнять полеты без пилота на борту и получать информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступлений, однако ее обработка и использование не имеют четкой правовой регламентации. В связи с вышеизложенным предлагается расширить формулировки соответствующих статей приказа Министерства внутренних дел Республики Беларусь и УПК, а также внести изменения, позволяющие закрепить данные, полученные в процессе фото- и видеосъемки при использовании камеры БЛА, в качестве доказательственной информации.

УДК 629.7:351.74

М.Г. Петруевич

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ОПЕРАТОРОВ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Цифровизация и технологическое развитие современного общества оказывают существенное влияние на деятельность правоохранительных органов. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений является использование беспилотных летательных аппаратов (БЛА), которые применяются для наблюдения, мониторинга оперативной обстановки, поиска лиц и объектов, а также фиксации противоправных действий.

В последние годы БЛА стали важным инструментом в системе обеспечения правопорядка. Их применение позволяет оперативно получать информацию, минимизировать риски для личного состава и повысить точность принимаемых управленческих решений. Использование БЛА особенно актуально при проведении массовых мероприятий, антитеррористических операций и розыскных мероприятий. Таким образом, эффективность применения беспилотных систем напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки операторов.

Современные БЛА представляют собой сложные технические комплексы, включающие в себя системы навигации, передачи данных и автоматизированного управления. Использование БЛА в правоохранительной деятельности сопряжено с повышенными требованиями к безопасности, особенно при полетах вблизи объектов инфраструктуры и мест массового пребывания граждан.

В условиях расширения сфер применения БЛА возрастает потребность в квалифицированных операторах, обладающих специальными знаниями и навыками. Недостаточная подготовка сотрудников может привести к нарушению требований безопасности и прав граждан. В современных условиях оператор БЛА должен обладать знаниями в области аэродинамики, метеорологии, радиосвязи и эксплуатации программно-аппаратных комплексов.

Понимая возникшую необходимость в значительном количестве операторов БЛА и возрастающие требования к их подготовке, в учреждении образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Академия МВД) начиная с 2023 г. осуществляется повышение квалификации сотрудников практических подразделений органов внутренних дел по тематике обучения «Использование беспилотных летательных аппаратов мультироторного типа сотрудниками органов внутренних дел». В рамках курса слушатели усваивают теоретические основы работы БЛА мультироторного типа, правовые основы использования БЛА, порядок подготовки БЛА к работе. Значительную часть курса составляют практические занятия с выполнением упражнений по маневрированию в различных условиях.

С 2025/2026 учебного года в Академии МВД организовано изучение учебной дисциплины «Основы использования беспилотных летательных аппаратов в правоохранительных органах». Целью изучения данной учебной дисциплины является обеспечение готовности выпускника Академии МВД к умелому, эффективному и безопасному выполнению задач, связанных с использованием БЛА в различных ситуациях, складывающихся в деятельности правоохранительных и иных государственных органов. Учебная дисциплина дополняет базовую профессиональную подготовку, обеспечивая адаптацию выпускников к современным условиям служебной деятельности и расширяя их прикладные возможности без перегрузки основного учебного плана. Значительный объем практических занятий позволяет сформировать устойчивые навыки планирования полетов, предполетной подготовки, дистанционного пилотирования и анализа полетной информации, что повышает качество подготовки выпускников.

Дисциплина формирует знания законодательства Республики Беларусь в области использования воздушного пространства, ответственности за правонарушения с применением БЛА и особенностей правового статуса государственной авиации.

Таким образом, подготовка операторов БЛА для правоохранительных органов является необходимым условием эффективного и безопасного использования беспилотных технологий. Комплексный характер подготовки операторов БЛА, осуществляемой на базе Академии МВД, включающей в себя технические, правовые, тактические компоненты, позволяет повысить результативность правоохранительной деятельности и уровень общественной безопасности.

УДК 623.4

Ю.И. Селятыцкий

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИК ПРАКТИЧЕСКОЙ СРЕЛЬБЫ В ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ СИЛОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Огневая подготовка является одним из ключевых элементов профессиональной подготовки курсантов силовых учреждений высшего образования. В современных условиях, когда требования к оперативности, точности и эффективности действий сотрудников силовых структур постоянно возрастают, традиционные методы обучения стрельбе часто оказываются недостаточными. В связи с этим все больше внимания уделяется внедрению методик практической стрельбы, которые позволяют не только улучшить навыки обращения с оружием, но и развить тактическое мышление, скорость принятия решений и психологическую устойчивость.

Практическая стрельба как вид спорта и метод подготовки возникла в середине XX в. и быстро завоевала популярность благодаря своей универсальности. Основными принципами практической стрельбы являются точность, скорость и безопасность. В отличие от традиционной стрельбы, где акцент делается на статическую точность, практическая стрельба предполагает выполнение упражнений в условиях, максимально приближенных к реальным боевым ситуациям, – стрельба из различных положений, перемещение, использование укрытий, стрельба по движущимся целям и другие элементы.

Для курсантов силовых учреждений высшего образования практическая стрельба представляет особый интерес, так как позволяет развить навыки, необходимые для выполнения служебных задач. Например, умение быстро оценивать ситуацию, принимать решения и действовать в условиях стресса является критически важным для сотрудников органов внутренних дел и других силовых структур. Кроме того, практическая стрельба способствует формированию мышечной памяти, что позволяет действовать автоматически в критических ситуациях.

В странах ближнего зарубежья, таких как Россия и Казахстан, практическая стрельба активно внедряется в программы подготовки курсантов силовых учреждений высшего образования. В России, например, Федерация практической стрельбы активно сотрудничает с Министерством внутренних дел (МВД) России и другими ведомствами, предоставляя свои методики для обучения сотрудников. В частности, в учебных центрах МВД России курсанты проходят тренировки, включающие в себя элементы практической стрельбы, такие как стрельба в движении, работа с укрытиями и стрельба в условиях ограниченной видимости.

Казахстан также активно внедряет методики практической стрельбы в программы обучения курсантов. Например, в учебных центрах МВД Казахстана проводятся регулярные тренировки, направленные на развитие навыков стрельбы в условиях, приближенных к реальным. Особое внимание уделяется психологической подготовке курсантов, что позволяет им действовать более эффективно в стрессовых ситуациях.

В Республике Беларусь практическая стрельба не только используется при подготовке курсантов Академии МВД, но и активно внедряется в подготовку сотрудников всех практических подразделений органов внутренних дел, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Министерства по чрезвычайным ситуациям и др. Этому способствует совместный проект, реализованный по инициативе руководства Белорусской федерации практической стрельбы и кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД во взаимодействии и с поддержкой МВД Республики Беларусь. В его рамках Институтом повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов физической культуры, спорта и туризма Белорусского государственного университета физической культуры с непосредственным участием профессорско-преподавательского состава Академии МВД и на ее базе уже более восьми лет осуществляется подготовка специалистов по специальности «Тренерская работа (практическая стрельба)». Подготовленные в ходе реализации данного проекта специалисты и сотрудники активно внедряют методики практической стрельбы в своих подразделениях как в рамках профессиональной подготовки сотрудников по направлению огневая подготовка, так и при организации и проведении соревнований по практической, тактической стрельбе. Кроме того, в Академии МВД сформированы и на постоянной основе функционируют учебно-тренировочные группы по практической стрельбе. Входящие в их состав курсанты не только дополнительно занимаются огневой подготовкой, но и участвуют в соревнованиях по практической стрельбе, получают судебскую практику при проведении подобных соревнований.

Таким образом, использование методик практической стрельбы в огневой подготовке курсантов силовых учреждений высшего образования имеет ряд преимуществ. Во-первых, это позволяет улучшить навыки обращения с оружием, включая точность, скорость и безопасность. Во-вторых, практическая стрельба способствует развитию тактического мышления, что позволяет курсантам более результативно действовать в реальных ситуациях. В-третьих, практическая стрельба помогает формировать психологическую устойчивость, что является критически важным для сотрудников силовых структур. Кроме того, практическая стрельба развивает физическую выносливость и мышечную память, что позволяет эффективно действовать в критических ситуациях, когда времени на принятие решений крайне мало. Практическая стрельба является эффективным инструментом подготовки курсантов силовых учреждений высшего образования, что делает ее внедрение в программы обучения необходимым шагом на пути к повышению профессиональной готовности сотрудников силовых структур.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФАЙЛИНГА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Выявление субъектов, представляющих потенциальную угрозу для окружающих, является весьма актуальной задачей, требующей решения в процессе обеспечения безопасности. Сотрудникам правоохранительных органов надо быть на несколько шагов впереди тех, кто замышляет противоправные деяния, постоянно повышать качество защиты граждан страны от актов незаконного вмешательства.

Практика показывает, что применение только досмотрового оборудования и режимных мероприятий недостаточно для предотвращения актов незаконного вмешательства. Существующий инструментарий нацелен на обнаружение опасных предметов и веществ, но за пределами этих возможностей остаются преступные намерения отдельных субъектов. Вот почему важно иметь в виду межличностное взаимодействие, которое дает дополнительные возможности для выявления противоправных намерений. Следовательно, различного рода технические устройства не смогут заменить специально подготовленных сотрудников органов внутренних дел, а лишь будут помогать им в решении стоящих задач.

Необходимую для работы информацию вполне возможно получить с помощью специальных психологических методов, направленных на выявление потенциально опасных субъектов. Речь в данном случае идет о профайлинге.

Профайлинг как совокупность методов по предотвращению противоправных действий в настоящее время активно развивается в теоретическом аспекте, а также обогащается практическим опытом работы. Использование профайлинга предполагает применение методов психологии в их прикладном контексте. В данной технологии основной акцент делается на процесс межличностного взаимодействия, на возможностях человеческого восприятия к считыванию внешней и внутренней информации. Чтобы профайлинг в местах массового скопления людей был эффективным, нужно как минимум системно совершенствовать психологическую подготовку сотрудников отделов внутренних дел, развивать у них такие качества, как наблюдательность и коммуникативность, совершенствовать их навыки в правильной интерпретации считываемой информации. Даже не имея знаний о методах профайлинга, мы можем оценивать поведение человека, опираясь на свой жизненный опыт. Тем более знания, полученные в процессе обучения профайлингу, позволят профессионально и качественно оценивать характеристики внешности человека, информативные признаки его вербального и невербального поведения. В этой связи подготовка в области профайлинга является обязательной для курсантов – будущих сотрудников правоохранительных органов.

В основе использования профайлинга лежит комплексный анализ таких значимых факторов, как внешность и поведение человека, его документы, находящиеся при нем вещи. Обычно выделяют два основных метода, предназначенных для создания опознавательного портрета (профиля) потенциального правонарушителя: статистический и смысловой.

Статистический подход направлен на формирование базы данных уголовных дел с целью выделения и систематизации типичных признаков вербального и невербального поведения лиц, совершивших преступления. Понятие признака рассматривается как основной элемент в технологии профайлинга. В данном контексте признак – это специфическая черта, свойство человека, позволяющие выделить и распознать его среди других, возможно, похожих субъектов. Отсутствующие у субъекта особенности также рассматриваются как его признак, например отсутствие багажа у пассажира. Перечень присущих наблюдаемому субъекту признаков характеризует его состояние и выделяет его среди других людей. Подозрительные признаки имеют существенное практическое значение в связи с невозможностью их изменить или замаскировать. Именно они указывают на преступные планы субъекта.

Смысловой подход основывается на психологическом анализе материалов из сформированной базы данных. Знание типичных признаков преступного поведения важно и необходимо для последующего сравнения и выявления их соответствия с демонстрируемыми признаками субъектом, находящимся под наблюдением. Иными словами, важно установить или отвергнуть корреляционную зависимость между типичными признаками преступления и признаками личности устанавливаемого преступника. Профайлер анализирует проявляемые субъектом приметы, особенности, знаки, сопоставляет фактические признаки с типичными и составляет его психологический портрет. В нем специалист обозначает психотип человека, черты его характера, особенности поведения, делает предположения о его возрасте, расе, семейном и служебном положении, называет его привычки, наклонности, описывает стиль взаимоотношений с окружением, предсказывает его дальнейшие шаги.

Вместе с тем профайлеру важно иметь в виду также базовую линию поведения человека. Речь идет о том, как обычно ведет себя человек в спокойном, комфортном для него состоянии: как он жестикулирует, какая у него мимика, как он разговаривает. Необходимо учитывать то обстоятельство, что любые признаки, в большинстве случаев явно указывающие на обман, для некоторых людей могут оказаться только частью их обычного поведения. Базовая линия поведения – это та точка, от которой следует отталкиваться в процессе общего профилирования. Ритм, темп, направление и способ передвижения людей, присутствующих на крупных мероприятиях, в общественных местах, приблизительно одинаковы. Вот почему важно обращать внимание на любые изменения в движениях людей, которые выбиваются из общей схемы базового поведения в аналогичной ситуации. Это может проявляться в замедлении либо ускорении темпа и ритма движения, немотивированной агрессии по отношению к окружающим, привлечении к себе внимания или, наоборот, желании спрятаться в толпе.

Одним из подозрительных признаков в профайлинге являются поддельные документы, наличие которых, как правило, указывает на возможную причастность данного субъекта к планируемому преступлению или на его вероятную связь с криминальными структурами. Поэтому выявление поддельных документов – это еще один важный прием в профайлинге, которому

следует уделять особое внимание. Процесс проверки документов подразумевает также комплексный подход к определению потенциальной опасности субъекта, т. е. документы, внешность, поведение, личные вещи оцениваются комплексно, поскольку любая подозрительная деталь может указывать и на другие несоответствия. Так, напряженное поведение, проявляемые признаки лжи могут свидетельствовать о наличии у данного субъекта фиктивных документов. Если какие-то детали в паспорте не соответствуют его владельцу (например, возраст), то логично будет предположить, что он использует чужой (поддельный) документ для каких-то противоправных целей. При предъявлении биометрического паспорта, учитывая его более высокую степень защищенности, следует усилить контроль на предмет принадлежности паспорта именно данному человеку.

Таким образом, одним из аспектов подготовки кадров для правоохранительных органов является внедрение в учебные программы методов профайлинга и обучение им курсантов, которые позволяют наблюдать и анализировать поведение людей, эмоциональное проявление их внутренних переживаний, искать подозрительные признаки, устанавливать причинно-следственные связи. Конечным итогом процесса профилирования является составление психологического портрета – профиля человека. Профиль можно охарактеризовать как совокупность значимых признаков, указывающих на наличие или отсутствие потенциальной связи субъекта с предполагаемой угрозой.

УДК 343.228

С.М. Струганов

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ МЕР СИЛОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В СИТУАЦИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

В настоящее время ни в одном российском законодательстве не предусматривается, какие именно пределы необходимой обороны могут быть использованы в случаях самозащиты человека или сотрудника во время нападения на него другим лицом; какие средства защиты могут носить законный характер и быть соразмерными со средствами нападения. Именно эта проблема уже давно носит дискуссионный характер, но до настоящего времени на него до сих пор нет конкретного ответа. Поэтому при возникновении таких ситуаций постоянно возникает проблема: как классифицировать действия, связанные с необходимой обороной; с какого момента начинаются эти пределы и когда они заканчиваются, чтобы данные действия не переросли в превышение необходимой обороны, особенно в случаях их применения сотрудниками правоохранительных органов. Поэтому в любых ситуациях определение правомерности применения необходимой обороны в настоящее время основывается только в случаях возникновения реальной угрозы и возникновения опасности для жизни и здоровья человека.

Такое возникновение реальной угрозы должно заключаться в действительном риске для жизни и здоровья обороняющегося или иного лица. Чтобы решить вопрос о соразмерности, необходимо рассмотреть ряд обстоятельств и понять, отсутствуют или присутствуют действия, которые связаны с необходимой обороной. Обратимся к действующему постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». В данном постановлении говорится, что необходимая оборона является одной из гарантий прав и свобод человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации. На основании этой статьи каждый человек вправе защищать свою жизнь и здоровье не запрещенными законом способами, если на него посягает нападающий и возникает реальный вред жизни и здоровью.

В соответствии со ст. 2 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах человека и основных его свобод лишить жизни человека можно только в случаях необходимой обороны и крайней необходимости. Вышеуказанное постановление с учетом ст. 37 и ст. 38 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) постановляет, что суд при рассмотрении дел должен иметь единую практику применения, и в соответствии с этим закон должен распространяться на всех в равной степени, независимо от социальной, религиозной принадлежности, социального статуса, служебного положения.

Как отмечает А. Агаджанян, общественно опасное посягательство, предусмотренное ч. 1 ст. 37 УК РФ, должно создавать реальную угрозу для жизни и здоровья, и пределы обороны должны быть урегулированы. Поэтому о наличии такого нападения могут свидетельствовать, в частности: угроза жизни обороняющегося, например нанесение человеку множественных ударов по жизненно важным органам (живот, шея, грудь, брюшная полость, корпус). К ним в том числе можно отнести способы нападения, которые также представляют угрозу жизни и здоровью (например, при применении человеком оружия или предмета, имеющего сходную с оружием структуру, также применяются поджог, удушение и т. п.). Угроза также может выражаться не только в физическом намерении, но и в моральном. В этих случаях нападающий может выражать угрозы причинения вреда, опасного для жизни и здоровья другого гражданина. Сюда же можно отнести случаи, когда при выражении угрозы словами одновременно демонстрируют предметы или оружие, которые могут нанести вред здоровью человеку при его использовании, а также взрывные устройства и взрывчатые вещества с угрозой их применения.

Следует учитывать, что суду необходимо установить, действительно ли у обороняющегося имелись основания сделать вывод о том, что имела место реальная угроза для жизни и здоровья. Состояние необходимой обороны возникает не только с момента, когда лицо начинает свое противоправное деяние, но и с момента, когда поступила угроза причинения вреда, опасного для жизни и здоровья.

Когда выясняется вопрос о степени внезапности нападения на лицо, выполнялись ли неожиданные действия в отношении обороняющегося и мог ли он объективно оценить данную степень и характер вреда в данный момент времени, в этих случаях, как указывает К.А. Волков, суду следует учитывать все обстоятельства, которые подлежат доказыванию: время,

место и количество лиц, посягающих на человека; наличие оружия или предметов, конструктивно сходных и визуально неотличимых от настоящего оружия; способ совершения преступления, обстановку, эмоциональное состояние обороняющегося (находилось ли данное лицо в состоянии страха, испуга и т. д.); возможность обороняющегося отразить посягательство, где следует учитывать его пол, возраст, психическое состояние и многие другие обстоятельства, которые могли бы повлиять на действительное соотношение сил нападающего и оборонявшегося лица.

В случаях длящегося общественно опасного посягательства или его продолжительного характера может возникнуть состояние необходимой обороны, например, когда человека лишают свободы, ограничивают свободу передвижения, причиняют какие-либо физические и психические страдания путем систематического нанесения побоев и т. д. Право на то, чтобы применить необходимую оборону, сохраняется до момента окончания данного деяния.

О.В. Белянская и Т.В. Сланская отмечают, что правомерность применения необходимой обороны признается, даже если лицо находилось в состоянии невменяемости или не достигло возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Поэтому, чтобы правильно дать юридическую оценку, суду необходимо рассмотреть все обстоятельства и выяснить такие вопросы: не находилось ли лицо в состоянии сильного душевного волнения, т. е. в состоянии аффекта, которое было вызвано общественно опасным посягательством.

Поэтому при оценке каждой конкретной ситуации суд в обязательном порядке должен учитывать характер нападения и реальную угрозу жизни и здоровью защищаемого. В ситуациях с сотрудниками полиции, которым разрешено при нападении на них применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, следует учитывать тот факт, что их применение будет обоснованным и правомерным без превышения должностных полномочий и унижения чести и достоинства нападавшего лица.

В заключение следует отметить, что основным направлением в повышении правовой помощи и тактической подготовленности сотрудников является совершенствование их профессиональных качеств, связанных с формированием умений и навыков и двигательных действий, используемых ими в ходе решения различных оперативно-служебных задач. Поэтому в процессе обучения необходимо больше уделять внимания организации проведения комплексных практических занятий с моделированием типовых и нестандартных оперативно-служебных ситуаций, которые встречаются в служебной деятельности сотрудников полиции. Вклад в совершенствование профессиональных компетенций также должны вносить и научные исследования, направленные на повышение эффективности образовательного процесса при проведении практических занятий по физической, тактико-специальной и огневой подготовке с сотрудниками ОВД и обучающимися в ведомственных образовательных организациях высшего образования МВД России.

УДК 623

А.А. Сысоев

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕНИЯ КАК ФОРМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ДЕЙСТВИЯМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

В современных реалиях правоохранительной деятельности значительно возрос объем оперативно-служебных задач, решаемых органами внутренних дел в особых условиях, сопряженных с дефицитом времени, повышенными рисками и значительными материальными затратами. Параллельно ужесточились критерии оценки профессиональной компетентности полицейских при выполнении ими служебных обязанностей. Данные обстоятельства обуславливают необходимость постоянного совершенствования системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, направленной на формирование навыков эффективного реагирования в кризисных ситуациях независимо от времени суток, места действия и обстоятельств.

Сегодня образовательные организации Министерства внутренних дел России обладают значительным позитивным опытом подготовки сотрудников к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях. Тем не менее накопленный опыт профессиональной подготовки личного состава нуждается в более полном обобщении. Кроме того, по некоторым аспектам профессиональной подготовки наблюдается отсутствие единообразия в подходах и методах.

Повысить эффективность обучения и минимизировать затраты позволяет использование имеющегося опыта и передовых педагогических технологий с учетом современных условий правоохранительной практики.

Между тем ключевая роль в процессе профессиональной подготовки принадлежит преподавателю – будь то сотрудник образовательной организации Министерства внутренних дел России либо специалист кадровой службы территориального органа, ответственный за профессиональную подготовку личного состава. При этом эффективно справляться с этими задачами способен исключительно высококвалифицированный сотрудник, который обладает глубокими знаниями в области тактико-специальной подготовки, имеет практический опыт организации действий органов внутренних дел в различных условиях службы.

Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел представляет собой структурированный учебный процесс, который направлен на последовательное развитие, отработку и доведение до автоматизма практических навыков и прикладных умений, необходимых для успешного выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях службы. Ввиду своей специфической природы данное направление профессиональной подготовки требует применения современных образовательных методик и инновационных педагогических технологий.

Тактико-специальные учения как форма обучения является эффективным инструментом для совершенствования тактических навыков личного состава, развития управленческих компетенций руководителей и старших нарядов при несении службы в особых условиях.

Сущность тактико-специальных учений заключается в отработке обучающимися совместно с органами оперативного управления определенных тактических действий по выполнению оперативно-служебных задач в условиях динамичной и сложной обстановки. В рамках единого сценария могут отрабатываться взаимосвязанные задачи, включающие в себя оперативно-тактические и организационные элементы, а также решаться вопросы взаимодействия различных подразделений органов внутренних дел и взаимодействующих структур.

В ходе учений возможно моделирование ситуаций, максимально приближенных к реальным условиям оперативной обстановки. Данная форма учебных занятий позволяет оптимально использовать условия подготовки, включая состав участников, структуру, место и время проведения, применение оружия и спецтехники, средств защиты и имитации. Кроме того, тактико-специальные учения являются эффективным инструментом контроля и завершающим этапом изучения определенных тем и разделов. Они способствуют развитию навыков командной работы и принятия решений.

Тактико-специальные учения представляют собой важный элемент профессиональной подготовки личного состава органов внутренних дел, направленный на систематизацию полученных теоретических знаний, формирование и развитие тактических навыков, а также на объективную оценку уровня профессиональной готовности сотрудников.

Ключевым фактором результативности тактико-специальных учений в образовательном процессе выступает грамотно разработанная методика их организации. Основной акцент учебного процесса делается на практической отработке функциональных обязанностей в условиях, моделирующих реальные служебные ситуации в деятельности оперативных групп и служебных нарядов. Наряду с этим в ходе учений могут быть задействованы такие методы наглядного обучения, как демонстрация и пояснение.

Особое значение имеет создание учебной среды, максимально приближенной к реальным условиям оперативно-служебной деятельности, что обеспечивает высокую эффективность формирования профессионального мастерства.

Главной детерминантой результативности тактико-специальных учений в контексте образовательной деятельности выступает методологический подход к их организации и проведению. На таких учениях основной упор учебного процесса необходимо делать на практическую отработку обучающимися всего спектра функциональных обязанностей, возложенных на личный состав, включая дежурные формирования, специализированные группы и руководящее звено, в условиях, максимально приближенных к реальным.

Предлагаемая форма профессиональной подготовки, основанная на деятельностном подходе к профессиональному обучению, позволит максимально приблизить учебный процесс к реальным условиям служебной деятельности сотрудников. Такой подход обеспечит обогащение практическим опытом, развитие навыков работы в команде и способности к адаптации к нестандартным ситуациям.

Важным аспектом является и полноценное использование творческого потенциала обучающихся, что обеспечит овладение не только теоретическими знаниями, но и практическими умениями и навыками, необходимыми для эффективных действий при возникновении особых условий. Для реализации данного подхода необходимо широкое применение активных форм обучения, среди которых тактико-специальные учения занимают особое место. Признавая значимость других форм занятий, следует подчеркнуть, что учения предоставляют уникальные возможности для комплексной подготовки сотрудников, позволяя отработать навыки принятия решений, координации действий и эффективного взаимодействия в условиях, максимально приближенных к реальным. Таким образом, целенаправленное и систематическое использование активных форм обучения, особенно учений, является необходимым условием для обеспечения высокого уровня профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению возложенных на них задач.

УДК 623.5

А.С. Федоренко

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА

Современная оперативная обстановка, складывающаяся в ходе выполнения сотрудниками правоохранительных органов своих служебных обязанностей, все чаще характеризуется высокой степенью неопределенности, динамичностью и потенциальной угрозой для жизни и здоровья как самого сотрудника, так и окружающих. В подобных условиях эффективное применение огнестрельного оружия становится не просто технической задачей, а сложным психофизиологическим вызовом, требующим высокого уровня подготовки, самоконтроля и адаптивности.

Традиционные подходы к огневой подготовке, преобладающие в системе профессионального обучения на протяжении десятилетий, в основном ориентированы на отработку кинематических навыков стрельбы (точности, стабильности положения тела, правильности хватки и прицеливания) в контролируемых, статичных и предсказуемых условиях тира. Хотя такие упражнения важны для формирования базовой техники, они недостаточны для обеспечения готовности к реальным экстремальным ситуациям. В условиях реального боевого или кризисного столкновения сотрудник оказывается под воздействием множества стрессогенных факторов: резкого повышения частоты сердечных сокращений, выброса адреналина, мышечного напряжения, когнитивной перегрузки, дефицита времени на принятие решения и сенсорной неопределенности. В таких обстоятельствах даже хорошо отработанные двигательные навыки могут деградировать, а способность к адекватной оценке ситуации и принятию этически и тактически верного решения – существенно снижаться.

В этой связи особенно актуальным становится внедрение в учебный процесс интегрированных методик адаптации к стрессу, моделирующих реальные условия боевого применения оружия. Такие методики предполагают целенаправленное создание у обучающихся состояния, близкого к боевому стрессу, с последующей отработкой стрелковых навыков в условиях этого стресса. Это позволяет не только закрепить технические навыки, но и развить стрессоустойчивость, способность сохранять контроль над вниманием, точность зрительно-моторной координации и способность к принятию решений в условиях неопределенности.

Ключевыми компонентами подобных методик выступают следующие элементы:

1. Физическая нагрузка высокой интенсивности, предшествующая стрелковому упражнению (например, спринт на короткую дистанцию, подъемы по лестнице, серия силовых упражнений). Такая нагрузка имитирует физиологические маркеры стресса (тахикардию, одышку, мышечную усталость) и позволяет отрабатывать навыки применения оружия при физическом истощении.

2. Динамические и когнитивно сложные мишенные комплексы, включающие в себя появление мишеней без предупреждения, изменение их статуса (например, переход от «вооруженного противника» к «невооруженному гражданскому лицу»), необходимость различения угрозы в условиях ограниченного времени и плохой видимости.

Это развивает способность к тактическому мышлению и соответствию правовым критериям применения силы.

3. Сенсорная перегрузка, создаваемая с помощью стробоскопического или мерцающего освещения, громкого фонового шума (крики, выстрелы, сирены), тактильных раздражителей (вибрация, толчки, имитация контакта с противником).

Такие условия имитируют хаотичность реального боя и тренируют способность концентрации внимания и подавления панических реакций.

Интеграция подобных элементов в учебный процесс трансформирует огневую подготовку из набора статичных упражнений в динамическую систему профессиональной адаптации. Такой подход позволяет формировать не просто «метких стрелков», а профессионально подготовленных сотрудников, способных действовать эффективно, законно и безопасно даже в самых напряженных и непредсказуемых ситуациях.

В перспективе это напрямую способствует снижению количества тактических и профессиональных ошибок в критических условиях, повышению оперативной эффективности правоохранительных подразделений, минимизации рисков неправомерного или неоправданного применения оружия, укреплению доверия общества к правоохранительным органам.

Таким образом, переход от традиционной «тировой» стрельбы к стресс-инокуляционным, тактико-психофизиологическим методикам является не просто инновацией, а необходимым и стратегически обоснованным шагом в модернизации подготовки кадров правоохранительных органов в современных условиях.

УДК 623.5

В.В. Царь

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В СРЕЛБЕ И ИХ ПРИЧИНЫ

Главная задача в стрельбе по мишени – попасть в центр. Но получается это далеко не всегда. Причины могут быть следующие: некачественные боеприпасы, неисправное состояние пистолета, допущение ошибки при стрельбе.

Маловероятно, что причиной плохой стрельбы могли быть дефекты патронов промышленного изготовления, но отдельные «отрывы» могут быть вызваны тем, что повреждена головка пули или истек срок годности патронов (т. е. в процессе хранения изменились характеристики порохового заряда). Необходимо пользоваться только качественными боеприпасами и такими, которые соответствуют пистолету.

Если причиной плохого выстрела был сам пистолет, то это, скорее всего, связано с возникновением такого дефекта, который мог быть обнаружен ранее. Например, могли ослабнуть винты крепления мушки и целика или была случайно нарушена регулировка их положения. Могло произойти освинцовывание ствола, и от этого ухудшилась точность боя (при стрельбе в условиях высокой температуры и повышенной влажности освинцовывание ствола происходит очень быстро, даже если ствол был прочищен перед началом стрельбы). Всегда необходимо проверять пистолет перед стрельбой: убедиться, что целик и мушка прочно закреплены, затвор не загрязнен и все винты затянуты. Пистолет нужно регулярно чистить и периодически показывать опытному оружейному мастеру.

Подавляющее большинство неточных выстрелов являются следствием тех ошибок, которые совершает сам стрелок. Эти ошибки можно разделить на четыре основные группы: ошибки в прицеливании, неправильная обработка спуска, ошибки в изготовке и хвате оружия, ошибки в концентрации.

Ошибки в прицеливании. При неправильном совмещении мушки с целиком возникает ошибка углового типа, в результате чего пробоина будет смещена относительно центра мишени. Если совмещение правильное, но в момент выстрела мушка выйдет из зоны прицеливания, возникнет ошибка параллельного типа, а это приведет к тому же результату, что и в первом случае.

Некоторые стрелки «заваливают» пистолет, иными словами, они держат его под некоторым углом относительно вертикали, в результате чего прицел наклоняется вправо либо влево. Если угол наклона сравнительно невелик, такой «завал» в некоторых случаях позволит держать пистолет более естественно и с меньшим напряжением в лучезапястном суставе, однако при этом могут увеличиться ошибки прицеливания, так как будет труднее выравнивать мушку.

Неправильная обработка спуска. Центр тяжести пистолета обычно находится в районе спускового крючка. Любое резкое усилие, приложенное в этой точке, вызовет смещение центра тяжести. Результат зависит от того, какого рода усилие было приложено к спусковому крючку – рывок или толчок. Если палец надавил на внешнюю, т. е. левую сторону спускового крючка

(речь идет о стрелке, стреляющем с правой руки), значит был рывок, при котором пробойна смещена вправо. Если усилие приложено к внутренней (правой) стороне спускового крючка, значит был толчок и пробойна сместится влево. И в первом и в другом случае пробойны будут смещены еще и вниз, так как и при рывке, и при толчке ствол пистолета несколько опускается. Ошибки такого рода появляются в том случае, если спортсмен стреляет, ожидая выстрел. Ожидание выстрела приведет к напряжению мышц предплечья и плеча, а из-за этого пробойна окажется выше. Если пистолет не удерживается после выстрела, это также приведет к смещению пробойны вверх, при этом она одновременно сместится правее, когда расслаблен лучезапястный сустав, и левее, если расслаблен локтевой.

Толчок или рывок будет иметь место в том случае, если палец занимает на спусковом крючке неправильное положение.

Толчок произойдет, если слишком далеко разместить палец: спусковой крючок будет толкать вторая фаланга пальца и пробойна (у стрелка, стреляющего с правой руки) сместится влево и несколько выше. Если на спусковой крючок давить самым кончиком пальца, произойдет рывок и выстрел сместится вправо.

Ошибки в изготовке и хвате оружия. При неправильной изготовке положение тела неустойчиво, и для того, чтобы удерживать точную картину прицеливания, придется напрягать мышцы. Как только наступит усталость, рука сама по себе сместится в естественное положение, а из-за этого сместится и средняя точка попадания.

Непостоянство плотности хвата или неправильный хват приведут к рассеиванию пробойн. При слабом хвате центр тяжести оружия внутри ладони сместится немного левее и ствол пистолета при выстреле будет также направлен левее (и ниже), несмотря на то, что картина прицеливания казалась стрелку правильной, сила отдачи сместит ствол пистолета в сторону меньшего сопротивления. С другой стороны, если держать рукоятку слишком плотно, давление ладони (примыкающей к большому пальцу) заставит пистолет сместиться вправо и вверх. Если большой палец давит на выступ рукоятки, то в зависимости от того, как направлена сила давления, пробойны сместятся влево и вниз или вправо и вбок. Давление кончиков пальцев (или мизинца) приведет к смещению выстрелов вниз (и левее).

Ошибки в концентрации. Причиной плохого выстрела чаще всего является недостаточная концентрация. Без сосредоточенности невозможно обнаружить ошибки, возникающие во время прицеливания, а результатом будет плохой выстрел. Целый ряд внешних факторов, например шум, изменение освещения, ветер, мысли о сумме очков и т. д., могут помешать концентрации на технике выполнения выстрела. Также сильной помехой может быть стресс. Следствие плохой концентрации может быть беспорядочное рассеивание выстрелов, причем при полном отсутствии какой-либо закономерности.

Очень важно уметь правильно анализировать результаты стрельбы, чтобы обнаружить причину допущенной ошибки, а найти причину ошибки – значит застраховать себя от ее повторения. Ошибка может быть допущена в любой момент – к этому стрелок должен быть всегда готов. Но не следует забывать и о том, что не все ошибки следует относить на свой счет. Большинство ошибок связаны с погрешностями техники выполнения выстрела, но всегда существует некоторая вероятность того, что неточность стрельбы возникла из-за низкого качества патронов или неисправности пистолета.

Нужно анализировать каждый выстрел сразу после срабатывания спуска и окончания удержания пистолета после выстрела. Это следует делать и на тренировке, и во время соревнования. Со временем начнет развиваться подсознательное ощущение хорошего выстрела и связанной с ним картины прицеливания. Как только эта подсознательная картина запомнится, сразу станет легче фиксировать малейшую неточность прицеливания.

УДК 623

А.Г. Чекуть

ПИСТОЛЕТ МАКАРОВА В УСЛОВИЯХ БЛИЖНЕГО БОЯ: ТАКТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТРЕЛЬБЫ И ДЕЙСТВИЙ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ

Пистолет Макарова (ПМ), оставаясь массовым образцом вооружения в правоохранительных органах, требует особого подхода к подготовке в контексте современных тактических реалий ближнего боя. Узкая проблематика применения ПМ сводится не только к приемам стрельбы, но и к формированию целостного алгоритма действий сотрудника, компенсирующего тактико-технические ограничения оружия (малая емкость магазина, умеренная останавливающая способность патрона 9 × 18 мм) за счет тактического превосходства и отработанных навыков.

Расширенное проблемное поле включает следующие ключевые аспекты:

1. Методический базис: от «тира» к тактическому сценарию. Эффективность ПМ в ближнем бою напрямую зависит от переноса навыка со статической стрельбы по силуэту на динамические упражнения. Критически важными становятся:

формирование «моторной карты» оружия – доведение до автоматизма действий по извлечению ПМ из различных видов кобуры (в том числе из-под внешней одежды), устранению задержек (типовых для ПМ – утыкание патрона) и скоростной перезарядке в условиях дефицита времени;

стрельба в условиях сенсорного и физического стресса – выполнение упражнений после высокоинтенсивной физической нагрузки, в условиях ограниченной освещенности с использованием тактического фонаря, при наличии звуковых раздражителей, что моделирует реальное психофизиологическое состояние сотрудника при задержании.

2. Тактическая интеграция: огневая подготовка как часть единого алгоритма. Применение ПМ не должно быть изолированным актом. Необходима отработка комбинированных действий:

речевой контроль и работа с оружием – отработка четких команд, одновременных с приведением оружия в готовность, для доминирования в правовом и психологическом поле ситуации;

использование укрытий и рельефа местности – особенности компактного ПМ позволяют эффективно вести огонь из-за укрытий, через проемы, с использованием упоров. Тренировки должны включать в себя выбор позиции, стрельбу с нестандартных положений (с колена за углом, лежа) и перемещение между точками укрытия;

действия после открытия огня – обязательным элементом становится отработка алгоритма «выстрел – оценка – решение»: перемещение, смена позиции, осмотр оружия, переход к контакту для оказания первой помощи или окончательного контроля, связь с нарядами.

3. Адаптация приемов под специфику ПМ:

инстинктивная стрельба на сверхкороткой дистанции (1–3 м) – из-за особенностей прицельных приспособлений ПМ акцент делается на стрельбу с упором в цель или с выведением оружия на линию взгляда без точкового прицеливания, используя естественное направление;

экономное ведение огня и «огневой барьер» – тактика двух прицельных выстрелов по центральной массе с немедленной оценкой результата и готовностью к смещению или повторному выстрелу. Отработка тактической перезарядки при малейшей паузе, не дожидаясь полного расхода магазина;

работа в паре (наряде) – согласование зон огня и перемещений при использовании однотипного оружия с ограниченным боезапасом, чтобы избежать одновременной перезарядки и обеспечить постоянное огневое прикрытие.

4. Современные дополнения и правовой аспект. Внедрение в тренировочный процесс стрельбы по мишеням, меняющим статус (угроза или не угроза), для отработки принятия решения на применение силы. Рассмотрение возможности оснащения ПМ тактическими фонарями или лазерными целеуказателями для условий слабой освещенности, что кардинально повышает его эффективность в ближнем бою.

Таким образом, ПМ в арсенале современного правоохранителя требует не упрощенного, а более изощренного и продуманного подхода к подготовке. Разработанный тактико-методический комплекс, интегрирующий огневые навыки, тактическое мышление, правовую оценку и действия в условиях стресса, позволяет превратить потенциальный недостаток оружия в предсказуемый фактор, нивелируемый высочайшим уровнем профессионализма сотрудника. Данное направление является перспективным для научно-методического обеспечения тактико-специальной подготовки.

УДК 351.74

П.А. Чепик

БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТАКТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей сложностью обеспечения общественной безопасности и правопорядка, особенно в условиях проведения массовых мероприятий, которые могут служить почвой для возникновения чрезвычайных ситуаций, беспорядков или иных правонарушений. В этом контексте использование передовых технических средств, в частности беспилотных летательных аппаратов (БЛА), приобретает критическое значение для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. БЛА предоставляют уникальные возможности для мониторинга больших территорий, оперативного сбора данных и обеспечения ситуационной осведомленности, недоступной при использовании традиционных методов наблюдения с земли. Необходимость применения этих технологий обусловлена не только тактической целесообразностью, но и требованиями современной правовой инфраструктуры, направленной на государственный учет и контроль за использованием гражданских БЛА, что является фундаментом для обеспечения безопасности воздушного пространства и предотвращения их несанкционированного или преступного использования. Таким образом, интеграция БЛА в систему обеспечения правопорядка является неотъемлемым элементом стратегии национальной безопасности.

Фундаментальным условием для законного и эффективного использования технологий БЛА в любом государстве, включая Республику Беларусь, является наличие четкой системы учета и контроля гражданских БЛА. Государство, созная потенциальные риски, связанные с бесконтрольным оборотом и эксплуатацией БЛА, принимает меры по созданию специализированных информационных систем. Так, в Республике Беларусь утверждено Положение о порядке создания и ведения автоматизированной информационной системы государственного учета гражданских беспилотных летательных аппаратов (далее – АИС БЛА), которое было введено в действие постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 971. Эта система, оператором которой является Департамент по авиации Министерства транспорта и коммуникаций, является краеугольным камнем для обеспечения контроля в данной сфере.

АИС БЛА представляет собой комплекс программных средств, предназначенный для постановки на государственный учет (и снятия с него) гражданских БЛА, находящихся в законном владении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – заявителей. Хотя основной целью системы является учет гражданских устройств, ее функционирование критически важно для правоохранительных органов, так как государственные органы являются пользователями АИС БЛА и имеют право получать содержащуюся в ней информацию.

Правоохранительные органы как субъекты информационного взаимодействия получают сведения о заявителях и гражданских БЛА, находящихся на государственном учете, на безвозмездной основе. Это позволяет им оперативно идентифицировать владельцев законно учтенных аппаратов и отслеживать их характеристики. Сведения, передаваемые заявителями в АИС БЛА, являются исчерпывающими и включают в себя: полные наименования и регистрационные данные юридических

лиц и индивидуальных предпринимателей; детальные характеристики самого БЛА, такие как уникальный серийный номер, конфигурация, наличие шасси, тип силовой установки, а также устройства, осуществляющие фото- и видеосъемку. Чрезвычайно важны также данные о максимальной высоте и скорости полета, разрешенных погодных условиях, а также сведения о системах предупреждения столкновения в полете и оценке эксплуатационных рисков. Получение такой информации государственными органами позволяет в режиме реального времени проводить анализ потенциальных угроз и оперативно реагировать на появление неучтенных или несанкционированно используемых БЛА.

Функционирование АИС БЛА основано на принципах обеспечения технологической возможности информационного взаимодействия с другими государственными системами и обеспечения защиты информации. Развитие этой системы включает в себя внедрение блоков для реализации интерфейса взаимодействия с общегосударственной АИС, а также функций, связанных с получением, накоплением и хранением сведений о БЛА. Таким образом, правоохранительные органы получают мощный легальный инструмент для контроля воздушного пространства и идентификации потенциально опасных объектов.

УДК 342.77

В.В. Чудаков

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ПОРЯДКА ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В жизни государства бывают моменты, когда постоянные законы, цель которых – поддержание общественного порядка и безопасности, признаются недостаточными и восполняются временными исключительными мерами. Исторический анализ отечественного законодательства о чрезвычайных ситуациях и происшествиях позволяет говорить о том, что любые государство и общество могут оказаться в условиях экстремальной опасности по причине внутренних конфликтов. Данные обстоятельства неоднократно вынуждали правителей использовать правовые механизмы, направленные на решение насущных проблем государственного обустройства и стабилизации жизни общества, за счет существенного ограничения или подавления возникших негативных реакций, которые могли привести к свержению государственного строя. В целях выполнения главных задач государства по защите и обороне своих территорий, обеспечению стабильности, общественной и государственной безопасности законодательством многих государств предусматривается введение в стране или отдельных ее местностях особых правовых режимов, одним из которых является режим чрезвычайного положения (ЧП).

ЧП означает вводимый в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на всей территории Республики Беларусь или в ее отдельных местностях особый временный правовой режим деятельности республиканских государственных органов (РОГУ), иных организаций, их должностных лиц, допускающий установленные ограничения (приостановление) прав и свобод граждан, прав организаций, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок введения ЧП и определяющими мероприятия по его обеспечению, являются Закон Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении» и Указ Президента Республики Беларусь от 22 ноября 2021 г. № 451 «Об обеспечении чрезвычайного положения».

Основанием для введения ЧП может являться наличие обстоятельств, представляющих непосредственную угрозу безопасности жизни и здоровью людей, территориальной целостности и существованию государства, устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер. К таким обстоятельствам относятся:

чрезвычайные ситуации (ЧС) природного и техногенного характера, в том числе: эпидемии и эпизоотии, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения;

беспорядки, сопровождающиеся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность для жизни и здоровья людей, территориальной целостности и существования государства (попытки насильственного изменения конституционного строя, захвата или удержания государственной власти неконституционным путем, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, межнациональные и межконфессиональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу безопасности жизни и здоровья людей).

Целями введения ЧП являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение безопасности жизни и здоровья людей, а также устранение опасности, представляющей угрозу территориальной целостности и существованию государства.

ЧП на всей территории Республики Беларусь или в ее отдельных местностях вводится указом Президента с внесением в трехдневный срок принятого решения на утверждение Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (СРНС).

Указ Президента о введении ЧП подлежит немедленному официальному опубликованию и распространению через все каналы связи и оповещения.

После обнародования указа Президента о введении ЧП члены СРНС обязаны прибыть к месту проведения заседания СРНС в возможно короткие сроки без специального вызова.

СРНС рассматривает указ Президента о введении ЧП и не позднее чем в трехдневный срок после его внесения принимает соответствующее решение. Указ Президента, не утвержденный большинством голосов от полного состава СРНС, утрачивает силу сразу же после принятия соответствующего решения СРНС, о чем население Республики Беларусь или ее отдельных местностей оповещается в том же порядке, в каком оно оповещалось о введении ЧП.

Вместе с тем ЧП может вводиться Всебелорусским народным собранием (ВНС) при наличии оснований, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, и в случае бездействия Президента по этому вопросу. Вопрос о введении ЧП рассматривается ВНС по инициативе Президиума ВНС или СРНС.

Срок действия ЧП, вводимого на всей территории Республики Беларусь, не может превышать 30 суток, а в отдельных местностях – 60 суток.

По истечении указанного срока ЧП считается прекращенным. Если в течение этого срока цели введения ЧП не были достигнуты, действие ЧП может быть продлено указом Президента.

ЧП отменяется Президентом ранее срока при устранении обстоятельств, послуживших основанием для его введения, о чем население Республики Беларусь или ее отдельных местностей оповещается в том же порядке, в каком оно оповещалось о введении ЧП.

В случае гибели Президента в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма, внешней агрессии, вследствие иных действий насильственного характера на основании решения Совета безопасности Республики Беларусь (далее – СБ) незамедлительно вводится ЧП на территории в установленном порядке.

В сложившихся обстоятельствах заседания СБ проходят под руководством Председателя СРНС. СБ определяет перечень подлежащих применению чрезвычайных мер и временных ограничений.

Решения СБ обязательны и подлежат незамедлительному исполнению всеми должностными лицами и гражданами. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должностными лицами решений СБ последний вправе освобождать таких лиц от должности, замещая другими.

О введении ЧП Министерство иностранных дел Республики Беларусь через Генерального секретаря ООН немедленно информирует об этом другие государства, участвующие в Международном пакте о гражданских и политических правах.

В случае введения ЧП ввиду возникновения ЧС природного и техногенного характера, координация действий сил и средств, обеспечивающих режим ЧП, осуществляется Комиссией по ЧС при Совете Министров Республики Беларусь и Ситуационным штабом управления ликвидацией ЧС республиканского уровня. При этом указом Президента образуются комендатуры областей (г. Минска), на территории которых введено ЧП, подчиненные данной Комиссии, и комендатуры районов, на территории которых введено ЧП, подчиненные соответствующим комендатурам областей (г. Минска).

В случае введения ЧП на всей территории Республики Беларусь по причине возникновения массовых беспорядков указом Президента образуются республиканский объединенный оперативный штаб (РООШ) при РОГУ, определяемом Президентом, и комендатуры областей (г. Минска), подчиненные РООШ. Если по этой же причине вводится ЧП в отдельной местности, включающей в себя территории нескольких областей (г. Минска) либо территории нескольких административных районов, формируются комендатура территории, на которой введено ЧП, а также комендатуры областей (г. Минска), подчиненные комендатуре территории, на которой введено ЧП, и комендатуры районов, подчиненные комендатурам областей. Когда беспорядки возникли на территории, включающей в себя несколько административных районов, образуются комендатура территории, на которой введено ЧП, и подчиненные ей комендатуры районов. Если ЧП введено на территории одного административного района, создается комендатура этого района.

В составе комендатуры может быть создан объединенный оперативный штаб для координации действий сил и средств, обеспечивающих режим ЧП, и другие структурные подразделения, обеспечивающие организацию и контроль выполнения задач.

Формирование комендатур и РООШ осуществляется их руководителями.

Местные исполнительные и распорядительные органы заблаговременно разрабатывают планы подготовки к введению ЧП и обеспечению его режима на соответствующих территориях.

В целях предупреждения возникновения и устранения оснований для введения ЧП задействуется государственная система реагирования на акты терроризма, деятельность террористических организаций, незаконных вооруженных формирований и массовые беспорядки. Порядок ее функционирования определяется Президентом.

В заключение следует отметить, что существующие реалии порядка введения в Республике Беларусь или отдельных ее местностях ЧП в полной мере позволяют устранить обстоятельства, представляющие непосредственную угрозу безопасности жизни и здоровью граждан, территориальной целостности и существованию государства.

УДК 799.313

С.О. Шамардин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКОРОСТНОЙ СТРЕЛЬБЫ

В стрельбе иногда приходится жертвовать максимальной точностью ради скоростного, но менее точного выстрела. Скоростная стрельба не позволяет стрелку выполнить «классический спуск», контролировать процесс дыхания при каждом выстреле и завершить полный цикл продолжением выстрела. По этим причинам точность стрельбы со скоростью пять выстрелов в секунду намного меньше точности стрельбы со скоростью один выстрел в минуту. Это вовсе не означает, что точностью стрельбы можно пренебречь. Навык точной стрельбы из пистолета можно быстро утратить, если не тренироваться. Отрабатывая точность при низком темпе стрельбы, стрелок повышает уровень точности, нужно учиться находить баланс между точностью и скоростью.

Контроль попаданий представляет собой способность определить место пробойны на мишени, не осматривая мишень. В основе этого навыка – картина прицеливания во время выстрела, а также качество спуска и движение оружия при отдаче. Он требует определенного опыта, но стоит затраченного времени и усилий. Во время стрельбы стрелок высшего уровня выполняет серию из нескольких выстрелов в мишень, второй и последующие выстрелы выполняются без перерыва и колебаний. Сознание не контролирует этот процесс. Более того, не происходит перемещение фокуса на мишень с целью оценки наличия обеих пробойн. Если дополнительный выстрел был необходим и запланирован, значит такой стрелок обладает навыком контроля попаданий. При стрельбе по стальным мишеням стрелок не дожидается звука попадания в цель. Как только выстрел сделан или даже за мгновение до этого, стрелок высшего уровня понимает: попала пуля в мишень или нет. Поэтому решение о необходимости дополнительного выстрела принимается моментально. Бесспорно, что этот навык имеет огромное значение для стрелков высшего уровня.

Рекомендуется отрабатывать этот навык до тех пор, пока стрелок не будет мгновенно сознавать, когда нужно сделать дополнительный выстрел. В основе навыка контроля попаданий – картина прицельных приспособлений, качество спуска и движение оружия при отдаче. Опытный стрелок, который обращает на это внимание, может точно определить местоположение пробойны на мишени.

Картина прицельных приспособлений имеет первостепенное значение при определении места попадания пули. Опытным путем необходимо установить, как, например, выглядит в прицельных попадание влево по горизонту с расстояния 10, 15, 25 м и т. д. Концентрация внимания и многократное повторение – ключ к успеху.

Воздействие нажатия на спусковой крючок. Хорошо известно, что правильное усилие нажатия на спусковой крючок обеспечивает точность стрельбы, а его неправильная обработка отрицательно сказывается на положении пробойны. Стрелку на собственном опыте в ходе тренировок предстоит разобраться, куда именно и насколько далеко от цели уходит пуля при некорректном усилии нажатия на спусковой крючок.

Ощущение отдачи довольно сложно разложить на составляющие. Когда мышечное напряжение обеспечивает правильный хват, а оружие при выстреле поднимается и опускается обратно, то пуля попадает в цель. Если к оружию приложены взаимно противоположные силы, отдача становится «неестественной». Такая отдача, отрицательно сказывающаяся на выстреле, должна учитываться при контроле попаданий. Сама «неестественная» отдача не имеет большого значения (так как пуля выходит из ствола еще до начала отдачи) – на ошибку указывает ощущение отдачи.

Цель стрелка, например, при выполнении какого-либо стрелкового упражнения – как можно быстрее поразить мишень в максимально зачетной зоне, а чтобы этого добиться, необходимо обеспечить контроль отдачи. В сущности, нужно добиться «возврата прицельных». Необходимо как можно быстрее и эффективнее навести прицел на мишень, чтобы получить возможность выполнить следующий выстрел в эту зону. Многие стрелки считают контроль отдачи основным фактором успеха в стрельбе и все свои усилия прилагают к отработке скоростной стрельбы. Такие стрелки допускают ошибку: скорость стрельбы действительно важна, но не является ключевым фактором успеха.

Когда стрелки начинают обучаться стрельбе, многие говорят о технике двойного выстрела. Двойной выстрел выполняют следующим образом: стрелок наводит прицельные на мишень, а затем быстро два раза нажимает на спусковой крючок, даже не пытаясь навести прицел при втором выстреле. Если при первом выстреле попасть в цель, то при хорошем контроле отдачи вторая пуля теоретически также попадет в цель. Считалось, что вторая пробойна окажется рядом с первой. Многие стрелки используют такой способ стрельбы, однако многие опытные стрелки говорят и об обратном. Прицеливаться перед вторым выстрелом не нужно только в той ситуации, когда стрелок не прицеливался и перед первым. При этом каждая мишень должна попасть в прицел, за исключением тех, по которым стреляют в упор. Если после выстрела оружие смещается хотя бы немного, вторая пуля может сместиться куда угодно. Если стрелок не выполняет выравнивание по линии прицеливания, нет никакой гарантии, что вторая пуля попадет в цель.

При правильном выполнении выстрелов время между двумя выстрелами состоит из следующих элементов: время, за которое прицельные при отдаче уходят с мишени и возвращаются обратно; время, за которое стрелок осознает, что прицельные вернулись обратно и можно выполнить следующий выстрел; время, за которое стрелок нажимает на спусковой крючок.

Три описанных выше элемента составляют в совокупности время между двумя выстрелами стрелка, который правильно выполняет выстрелы в соответствии с полученной зрительной информацией. Каждому из них необходимо уделять время, отрабатывая технику. В результате тренировок общее время между выстрелами уменьшится.

Повышение уровня контроля отдачи зависит от множества факторов. Однако многие стрелки не уделяют их анализу и поиску оптимального способа контроля достаточно времени. Мы довольно быстро становимся заложниками собственных привычек и перестаем экспериментировать. Кажется, что достаточно усилить хват, чтобы противостоять отдаче. Это далеко от истины. Конечно, сильные плечи и предплечья дают преимущество при стрельбе из крупнокалиберного пистолета, но сильный хват не самое оптимальное решение проблемы. Существуют и другие элементы, влияющие на контроль отдачи. К этим элементам относятся: стойка стрелка, положение головы, сгибание локтей, центр тяжести, колени, расположение ног и распределение веса, хват и усилие хвата стрельбы, усиление хвата и изменение конструкции, модификация рукоятки под хват, индивидуальные накладки на рукоятку, теория высокого хвата, упор для большого пальца, возвратные пружины, патроны, уменьшение времени прицеливания, навык отслеживания прицельных в течение всего цикла выстрела, фокус глаз на прицельных, неподвижная голова, стрельба на кучность, концентрация внимания, уменьшение времени обработки спуска. Все это влияет на скорость и качество стрельбы.

МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ И КУРСАНТОВ К БЕГУ НА 3 000 м

Уровень физической подготовленности всех граждан Республики Беларусь должен соответствовать нормативным требованиям государственного физкультурно-оздоровительного комплекса Республики Беларусь «ГТО» (далее – ГФОК «ГТО»), нормированных по возрасту и полу. Программы по физической культуре для различных звеньев физического воспитания разрабатываются с целью обеспечения должного уровня физической подготовленности, соответствующего возрастным нормативным требованиям ГФОК «ГТО». Кроме того, содержание и возрастные нормативные требования ГФОК «ГТО» служат нормативной основой программ учебной дисциплины «Физическая культура» в учреждениях высшего образования. Наибольшую трудность у студентов и курсантов вызывают испытания в беге на 3 000 м (юноши). В связи с этим рассмотрим методики подготовки студентов к преодолению зачетно-соревновательной дистанции 3 000 м с помощью бега. Рядом исследований доказано, что в рамках учебного занятия для направленного развития общей аэробной выносливости требуется не менее 30 мин непрерывной работы умеренной мощности – в режиме порога аэробного и анаэробного обмена в большей степени, чем в режиме максимального потребления кислорода. Длительность такой подготовки в рамках семестра (полугодия) должна составить не менее трех месяцев направленного развития (развивающая нагрузка) с последующим поддержанием его уровня (стабилизирующая, поддерживающая нагрузка). Студент или курсант не сможет сразу пробежать дистанцию 3 000 м за 12 мин, как это делают тренирующиеся спортсмены. Для того чтобы студенту, курсанту преодолеть дистанцию 3 000 м, требуется тренировать, направленно развивать и проявлять аэробную выносливость и скоростные способности, которые надо показать при финишировании, чтобы обойти соперников. Общеизвестно, что дистанцию 3 000 м рационально преодолевать равномерно и на финише, если есть такая возможность, ускориться. Равномерное преодоление дистанции характеризуется экономным расходом энергии, вырабатываемой организменными системами, и поэтому рационально.

Порядок подготовки к забегу.

Первое: требуется упорядочить дневной график деятельности, предусмотреть регулярные тренировки для укрепления здоровья, поддержания физической кондиции, успешного закрытия зачета по учебной дисциплине «Физическая культура», прилагая наибольшие усилия преимущественно к овладению профессиональными компетенциями в избранном направлении образования.

Второе: начинать тренировки нужно с самого минимума – регулярно пробегать хотя бы 2 000 м. Это доступно каждому. Если студент, курсант настроены хорошо подготовиться к преодолению дистанции 3 000 м самостоятельно, то за два–три месяца до старта к ежедневным кроссам по 2 000–3 000 м необходимо добавлять специальные беговые упражнения (СБУ) и общеразвивающие физические упражнения (ОФУ), обеспечивая формирование правильной техники бега и общефизическую подготовку.

При подготовке к подобной дистанции нужно выполнять физические нагрузки в двух направлениях – по направленному развитию выносливости (общей аэробной выносливости в режиме порога аэробного и анаэробного обмена, скоростной выносливости) и направленному развитию скоростных способностей. При этом, если на занятии планируют избирательную нагрузку скоростной направленности, учебные задания требуется выполнять с такой скоростью, с какой планируется финишировать на соревнованиях-зачете. Важно выполнять два раза в неделю СБУ (для формирования рациональной техники бега). Студентам, курсантам достаточно выполнять СБУ на 25–30-метровых отрезках. Кроме СБУ необходимо уделять время ОФУ, а также упражнениям по направленному совершенствованию эластичности мышц и связок с сохранением их упругости, повышению подвижности в суставах, заниматься на тренажерах. Необходимо предусмотреть одну в неделю тренировку силовой направленности. Требуется тренировать мышцы, которые преимущественно обеспечивают бег. Для этого применяют классические приседания (полуприседания) со штангой на плечах; присед небольшой со штангой на плечах с последующим подъемом на переднюю часть стопы; небольшие выпрыгивания с гирей в руках; выпрыгивания на тумбу и сшагивание назад-вниз; приседания на одной ноге, другая, согнутая в колене, сзади стопой зафиксирована на повышенной опоре, например на тумбе (болгарский полуприсед); из положения выпада – одна нога впереди на полной стопе, угол в коленном суставе составляет 90°, другая нога сзади опирается коленом и передней частью стопы в пол: нога, находящаяся сзади, выносится вперед с подъемом на впереди стоящую тумбу, спортсмен поднимается на тумбу, затем шагает назад-вниз; выпрыгивания с утяжелителем; жим ногами на тренажере и др.

Включают в силовую тренировку и упражнения без отягощения: подскоки, отскоки на двух ногах с приземлением на переднюю часть стопы; запрыгивание на бордюр и спрыгивание; отскоки вверх в выпаде (угол впереди стоящей ноги в коленном суставе стремится к 90°); «разножки» в выпаде (и др.); бег на подъем (угол наклона холма примерно 4–5°), что требует высокого выноса бедра маховой ноги и усиленного отталкивания от грунта и обеспечивает более высокий уровень тренированности, возможность увеличить степень доступной интенсивности бега (за меньший объем работы, меньшее тренировочное время, но с большим усилием).

Кроме того, такая физическая нагрузка способствует предупреждению травматизма при подготовке к соревновательной дистанции. Чтобы улучшить результаты в беге на 3 000 м, в тренировочном процессе необходимо нарабатывать скорость бега на меньших отрезках – 1 000–2 000 м. Можно использовать интервальные упражнения (например, 8 раз по 400 м со средней запланированной скоростью бега на дистанции 3 000 м (суммарная длина беговых отрезков должна быть больше соревновательной дистанции); 8 раз по 100 м с запланированной скоростью на финише). Требуется применять метод вариативного

непрерывного упражнения на дистанции, длиннее соревновательной, когда каждый километр преодолевается с помощью бега с разной скоростью и с обязательным ускорением на финише (с запланированной финишной соревновательной скоростью), а также применять «фартлек» (игра скоростей). При этом скорость темпового бега должна быть запрограммирована, т. е. такая скорость, которую надо демонстрировать на контрольных стартах в беге на 3 000 м (средняя скорость). Предусмотреть применение методического подхода объединенно-транзитивного воздействия (использование комплексного переноса общего тренировочного эффекта подготовительных упражнений и избирательного воздействия на факторы специфической выносливости, в частности проявляемой в беге на 3 000 м).

Таким образом, при подготовке к преодолению дистанции 3 000 м с помощью бега важно: наладить график деятельности, предусмотрев время на физкультурные занятия; предусмотреть условия для тренировок (в парке на мягком грунте и на стадионе); наладить рациональное и сбалансированное питание; заниматься регулярно, предусмотрев постепенность выполнения СБУ, ОФУ, другими словами, втягивание в нагрузку; для формирования рациональной техники бега два раза в неделю выполнять СБУ на 25–30-метровых отрезках; выделять время ОФУ, а также в целях предотвращения травматизма выполнять упражнения по направленному совершенствованию эластичности мышц с сохранением их упругости, повышению подвижности в суставах; один раз в неделю предусмотреть силовую подготовку мышц, преимущественно обеспечивающих бег; для развития выносливости, а также возможности переключения техники бега и механизмов энергообеспечения применять методы непрерывного стандартного, а также непрерывного вариативного упражнений на дистанциях, длиннее искомой дистанции, в различных формах занятий, метод «фартлек» и т. д.; для улучшения результатов преодоления дистанции нарабатывать скорость бега на меньших отрезках – 1 000–2 000 м; использовать интервальные упражнения, например, 8 раз по 400 м (суммарная длина отрезков выше искомой дистанции) со средней запланированной скоростью бега на дистанции 3 000 м; 8 раз по 100 м с запланированной скоростью на финише; предусмотреть постепенное повышение степени физических воздействующих нагрузок; провести подведение к контрольным стартам (по требованию).

УДК 347.1

С.С. Аксенчик

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В современном мире развитие информационных технологий прогрессирует стремительными темпами. У общества возникает все больший интерес к информационным технологиям. Особенно привлекательны информационные продукты, включающие в себя компьютерные игры, социальные сети, иной развлекательный и рабочий контент. Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» определены основные направления цифрового развития Республики Беларусь до 2030 г.: создание и внедрение собственного программного обеспечения, информационных технологий; внедрение информационных технологий в различные сферы государственного управления; создание государственной цифровой платформы «Умный город (регион)»; перевод административных процедур в электронную форму. Одним из важнейших объектов развития компьютерного пространства является понятие виртуального образа. В условиях быстрого расширения цифровых коммуникаций необходимость определения правового режима виртуальных образов становится особенно востребованной для реализации и защиты прав граждан. Необходимо отметить важность унификации законодательства разных стран в сфере правовой регламентации виртуального образа. Например, в Соединенных Штатах Америки действует право на образ (Right to publicity), в рамках которого существует ограничение на использование образов известных людей в коммерческих целях без их согласия. Отсутствие правового регулирования категории виртуального образа может создать угрозу нарушения прав и интересов граждан в сфере информационных технологий.

В гражданском законодательстве Республики Беларусь отсутствует определение категории «виртуальный образ». Вместе с тем постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» закрепляется нормативное определение термина «цифровой двойник» – это виртуальная цифровая модель (прототип) существующего в реальности физического объекта или процесса, моделирующая внутренние процессы, технические характеристики и поведение реального объекта в условиях взаимодействия помех и окружающей среды. Понятия «виртуальный образ» и «цифровой двойник» имеют сходные признаки, однако между ними есть существенные отличия.

Представляется целесообразным выделить следующие отличительные признаки виртуального образа:

цифровая природа – виртуальный образ нематериален, существует только в цифровой среде;

идентифицируемость – виртуальный образ обладает уникальными признаками, позволяющими отличать его от других объектов, а также может служить индивидуализированным отражением конкретного объекта, предмета, человека либо аватара, существующих либо не существующих в реальной жизни;

возможность использования в гражданском обороте – виртуальный образ может выступать в качестве объекта гражданских прав.

Существует несколько видов виртуальных образов:

цифровые изображения – изображения людей, персонажей, аватаров, животных, воссозданных в виртуальном пространстве;

уникальное цифровое изображение (NFT) – уникальный цифровой актив (изображение, музыка, видео), находящийся в исключительной собственности лица и созданный при помощи технологии блокчейн;

цифровые копии – копии реальных людей, объектов, воссозданных в цифровом пространстве;

цифровые объекты – объекты, воссозданные либо существующие только в цифровом пространстве (результаты интеллектуальной деятельности, воссозданные в виртуальной среде).

Четкое определение правовой природы виртуального образа имеет важнейшее значение для определения его места в системе гражданских прав. Законодательство Республики Беларусь не содержит норм, регламентирующих правовой механизм использования и охраны виртуального образа, что является правовым пробелом. Руководствуясь общими принципами гражданского права, можно выделить подходы, определяющие место виртуальных образов в системе гражданских прав.

Так, виртуальный образ можно рассматривать как объект интеллектуальной собственности. Ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь презюмируется, что одним из объектов гражданских прав являются объекты интеллектуальной собственности и права на них. В свою очередь, объектом интеллектуальной собственности являются результаты интеллектуальной деятельности. Автор при создании цифрового контента (графика, изображения, видеоролики, цифровое искусство) проявляет творческий подход, приобретая в результате своей деятельности исключительные права на него. Данное направление интеллектуальной деятельности становится популярным у пользователей индустрии развлечений – компьютерных игр. Так, в игре Counter-Strike 2 (принадлежит американской компании Valve), являющейся симулятором, разработчик предусмотрел участие аудитории в создании цифрового контента, используемого в игровом процессе. Игроки посредством заданных инструментов могут создавать уникальные цифровые объекты. При соблюдении определенных условий, предусмо-

трен переход исключительных прав на объект интеллектуальной собственности в пользу разработчика игры, за что автору осуществляются выплаты.

Таким образом, виртуальные образы подпадают под действие авторского права. Согласно положениям ст. 992 Гражданского кодекса Республики Беларусь объектом авторского права являются произведения скульптуры, живописи, графики, литографии и другие произведения изобразительного искусства.

В юридической литературе отмечается, что виртуальные образы можно рассматривать в качестве объектов имущественных прав (цифровые активы, которые возможно приобретать, отчуждать, обменивать, дарить, образуя рынок с собственной экономикой). В настоящее время это наиболее актуально в силу развития NFT-контента.

Необходимо указать еще один подход, согласно которому виртуальные образы относят к нематериальным благам. Это виртуальные образы, связанные с личностью человека (использование изображения гражданина, медийной личности, отражающего его внешний облик, – совокупность характеристик необходимых для идентификации определенного субъекта). Так, в компьютерной игре FIFA (разработчик американская компания Electronic Arts), являющейся футбольным симулятором, воссоздаются виртуальные образы реальных футболистов. Однако, как показала практика, согласие на использование права на изображения футболистов представители компании получают не всегда. Например, футболист Златан Ибрагимович обратился с иском в суд по факту неправомерности использования его внешности в футбольном симуляторе, поскольку согласия на создание его виртуального образа в игре он не давал.

Законодательством Республики Беларусь, а именно Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», установлено, что обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных (в письменном виде либо в электронной форме), за исключением случаев, предусмотренных данным законом и иными законодательными актами.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что такая правовая категория, как «виртуальный образ», обладает признаками различных объектов гражданских прав. При этом, на наш взгляд, виртуальный образ имеет достаточные самостоятельные признаки для его определения в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Таким образом, можно сформулировать следующее определение: виртуальный образ – это совокупность цифровых данных, существующих в цифровой среде, обладающих отличительными признаками, способствующими идентификации реального физического объекта или процесса, предоставляющих возможность их использования в гражданском обороте.

УДК 349.222 + 351.74

Е.В. Боровая

ПРЕКРАЩЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА И КОМПЛЕКТОВАНИЕ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Одной из основных внутренних функций современного государства является правоохранительная, или функция защиты прав и свобод граждан. В ее реализации принимают участие все государственные органы без исключения. Правоохранительная деятельность – это широкомасштабная общегосударственная работа специально уполномоченных органов и всех законопослушных сил общества, направленная на установление и поддержание в стране правопорядка и законности. Вместе с тем в механизме государства есть специальные органы, призванные обеспечивать именно реализацию правоохранительной функции.

Обязательность соблюдения закона и эффективность его применения – задача правоохранительных органов. Поэтому и престиж закона связан с престижем этих органов. Качество и результативность любой деятельности во многом зависят от людей, которые ее осуществляют, от уровня их подготовленности, компетентности, профессионализма и в немалой степени от того, какими моральными качествами они наделены. Существенное значение для комплектования органов внутренних дел имеет тщательный отбор кандидатов на службу, при осуществлении которого необходимо подробно изучать личность будущего сотрудника, его нравственные качества, отношение к правовым ценностям, степень его правовой осведомленности в целях недопущения приема на работу в правоохранительные органы человека с изначально деформированным правовым сознанием.

Одной из основных задач кадровой политики является отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел по моральным и деловым качествам. Моральные качества характеризуют уровень нравственного сознания будущего сотрудника, определяют доминирующие установки поведения работника, его отношение к людям и окружающему миру. К ним можно отнести: моральную устойчивость, честность, неподкупность, бескорыстность; требовательность и самокритичность к своим поступкам; достоинство и профессиональную честь; чуткость и внимательность к людям, их интересам и запросам; тактичность и вежливость; скромность; чувство ответственности за порученное дело; недопустимость совершения действий, унижающих честь и достоинство и т. п. Моральные и нравственные качества сотрудника – важнейшая сторона его личности. Именно они составляют основу доверия и уважения к сотруднику правоохранительных органов со стороны граждан, признанию его авторитета, его морального права на осуществление правоохранительной деятельности, защиты людей, а также являются важнейшим фактором повышения престижа правоохранительной деятельности, права в целом. Деловые качества характеризуют профессиональную и психологическую подготовленность работника к осуществлению его служебной деятельности: профессионализм и компетентность; трудолюбие, хорошие организаторские способности; коммуникабельность; способность инициативно разрешать служебные вопросы; требовательность и принципиальность; корректность; настойчивость в дости-

жении поставленных целей и т. п. Органичное единство деловых и моральных качеств позволяют утверждать, что такой кандидат сможет при приеме на службу успешно выполнять служебные обязанности сотрудника правоохранительных органов.

Отметим, что все перечисленные выше качества, безусловно, характеризуют человека как сформировавшуюся личность. Любой наниматель заинтересован в таком работнике, на которого можно положиться, особенно в кризисной ситуации, который ответственно относится к выполнению возложенных на него трудовых обязанностей.

Трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, а также срочный трудовой договор на основании ст. 37 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) можно прекратить в любой момент по соглашению сторон. Данное основание является достаточно универсальным в плане разновидности трудового договора, но требует добровольного волеизъявления обеих сторон, направленного на окончание трудовых отношений. Причем мотивы прекращения трудового договора по соглашению сторон никакого правового значения не имеют. Трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, можно прекратить по желанию работника на основании ст. 40 ТК. На практике это означает, что работник имеет право за один месяц в письменном виде предупредить нанимателя и расторгнуть трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, даже не объясняя причин своего увольнения. Сложнее ситуация с расторжением срочного трудового договора, который по общему правилу можно прекратить по соглашению сторон или по требованию работника, если речь идет о совершении виновных действий со стороны работника. Отметим, что в настоящее время большинство работников работают на основании срочных трудовых договоров.

В связи с указанным в правоприменительной практике нередко возникает ситуация, когда отобранный на службу в правоохранительные органы кандидат не может прекратить трудовые отношения, так как наниматель не желает отпускать добросовестного и ответственного работника. Данный вопрос является проблемным только для работающих на основании срочного трудового договора, поскольку при отсутствии соглашения сторон работник не имеет права прекращения трудовых отношений по желанию. Расторжение срочного трудового договора возможно по требованию работника в случаях, предусмотренных частью первой ст. 41 ТК. Условно все основания, предусмотренные данной статьей, можно разделить на две группы. К первой группе относятся причины расторжения срочного трудового договора, связанные непосредственно с работником (болезнь, инвалидность, поступление на военную службу по контракту и т. п.), ко второй – случаи нарушения нанимателем законодательства о труде, коллективного договора, трудового договора. Как видим, одним из оснований прекращения срочного трудового договора по требованию работника является поступление на военную службу по контракту, тогда как поступление, например, на службу в Следственный комитет, органы внутренних дел, Государственный комитет судебных экспертиз и т. д. основанием для прекращения срочного трудового договора по требованию работника не является. Принятием нового Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» к системе государственной службы были отнесены: государственная гражданская служба; военная служба; служба в военизированных организациях. Любой вид государственной службы является значимым для государства, а поэтому с точки зрения реализации государственной кадровой политики для осуществления любого вида государственной службы должны отбираться высококвалифицированные и ответственные кандидаты. Полагаем, что положения ст. 41 ТК следует уточнить, предоставив возможность расторжения срочного трудового договора по требованию работника кандидату, поступающему на государственную службу, независимо от ее вида.

Пrestиж работы в правоохранительных органах и авторитет государственной власти во многом определяются тем, как граждане оценивают деятельность сотрудников этих органов. Следовательно, от компетентности, общей культуры сотрудников (работников) государственных органов в немалой степени зависят авторитет государственной власти и права в целом. Поэтому очень важно создать законодательный механизм, который позволит принимать на службу только высококвалифицированных и ответственных сотрудников. Полагаем, что возможность прекращения трудовых отношений с работниками, принимаемыми на службу (работу) в государственные органы, по их требованию будет способствовать формированию сильного кадрового состава правоохранительных органов.

УДК 351.74:65 + 349.2

А.В. Гиндранков

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЖЕБНОГО ВРЕМЕНИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Правовое регулирование служебного времени в деятельности органов внутренних дел (ОВД) является важным и постоянно развивающимся направлением, необходимым для эффективного функционирования правоохранительной системы и соблюдения служебно-трудовых прав сотрудников. Четкое правовое регулирование служебного времени позволяет обеспечить правильное планирование кадрового обеспечения ОВД, учет нагрузки сотрудников, предотвратить переработки и защитить права работников и сотрудников ОВД.

В настоящее время правовое регулирование служебного времени сотрудников ОВД осуществляется как актами специального законодательства (Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133 (далее – Положение о прохождении службы в ОВД), нормативные правовые акты Министерства внутренних дел Республики Беларусь), так и законодательством о труде при наличии соответствующих отсылок в актах специального законодательства.

Режим служебного времени в ОВД устанавливается начальником в соответствии с законодательством исходя из особенностей деятельности ОВД. При этом в соответствии с п. 120 Положения о прохождении службы в ОВД продолжительность служебного времени устанавливается Министром внутренних дел Республики Беларусь исходя из особенностей деятельности органов внутренних дел и в соответствии с законодательством о труде. В случае возникновения необходимости сотрудник

может привлекаться к выполнению служебных обязанностей за пределами служебного времени, в выходные дни, государственные праздники и праздничные дни, установленные или объявленные нерабочими Президентом Республики Беларусь. В этих случаях сотруднику предоставляются дни отдыха или производится оплата в соответствии с законодательством о труде в порядке, определяемом Министром внутренних дел Республики Беларусь.

Правовое регулирование подобного привлечения подчиняется общим нормам трудового законодательства. Так, в соответствии со ст. 122 Трудового кодекса Республики Беларусь сверхурочное время не должно превышать для каждого сотрудника 10 часов в служебную неделю и 180 часов в год, а продолжительность ежедневной службы с учетом сверхурочного времени не должна превышать 12 часов. При этом необходимо отметить, что допускается привлекать для службы не более 12 выходных дней в год каждого сотрудника.

Вместе с тем в предельное количество сверхурочного времени и выходных дней, которые могут использоваться для привлечения сотрудника к выполнению служебных обязанностей, не включается время привлечения сотрудника к несению службы: для предотвращения и ликвидации нарушений общественного порядка и (или) массовых беспорядков; задержания вооруженных преступников, освобождения заложников, пресечения деятельности организованных групп или преступных организаций; проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, необходимых для немедленного устранения последствий преступных и иных противоправных посягательств, устранения обстоятельств, которые могут угрожать или угрожают жизни и здоровью граждан, правам и законным интересам организаций; охраны общественного порядка в период проведения массовых мероприятий, государственных праздников, праздничных дней и памятных дат; участия в предотвращении несчастных случаев, немедленном устранении последствий стихийных бедствий и катастроф.

Проведенный анализ актов специального законодательства показал, что многие вопросы, касающиеся служебного времени сотрудников, гл. 10 «Служебная дисциплина. Служебное время» Положения о прохождении службы в ОВД не урегулированы. Здесь отсутствуют исключительно важные для прохождения службы нормы о том, что понимается под служебным временем, продолжительность служебного времени для различных категорий сотрудников, порядок использования и учета служебного времени и пр. На наш взгляд, целесообразно основные вопросы правового регулирования служебного времени сотрудников ОВД регламентировать непосредственно Положением о прохождении службы в ОВД без использования актов законодательства о труде.

Для сравнения укажем, что в Российской Федерации в ст. 53 «Служебное время» Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержится определение служебного времени, а также более четко проработаны вопросы его нормирования. Подобный подход способствует эффективному выполнению обязанностей при условии несения службы в обычных условиях.

На основании изложенного представляется обоснованным:

- 1) предусмотреть в Положении о прохождении службы в ОВД самостоятельную главу «Служебное время»;
- 2) включить в предполагаемую главу: определение понятия «служебное время»; продолжительность служебного времени для различных категорий сотрудников; порядок использования и учета служебного времени и пр.

Например, считаем возможным сформулировать следующее определение понятия «служебное время»: «время, в течение которого сотрудник ОВД в соответствии с правилами внутреннего служебного распорядка, графиками несения службы, решениями на охрану общественного порядка, условиями контракта, а также актами законодательства, обязан выполнять свои служебные обязанности по месту несения службы или в ином установленном месте, определяемом исходя из складывающейся обстановки начальником ОВД».

Полагаем, что всестороннее урегулирование вопросов служебного времени на уровне Положения о прохождении службы в ОВД будет способствовать правильному и единообразному решению этих вопросов на практике и тем самым обеспечит повышение эффективности социально-правовой защиты сотрудников ОВД.

УДК 35.08

А.А. Греченков

СЛУЧАИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ К СЛУЖЕБНО-ТРУДОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) применяется к трудовым и связанным с ними отношениям отдельных категорий работников в случаях и пределах, предусмотренных специальными законодательными актами, определяющими их правовой статус (ст. 5 ТК). Согласно сложившейся практике к таким работникам относятся различные категории государственных служащих, включая лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел (ОВД), проходящих военизированную государственную службу (далее – сотрудники).

Из содержания ст. 5 ТК вытекает, что ТК и иные акты законодательства о труде применяются к трудовым и связанным с ними (служебно-трудовым) отношениям сотрудников, но только в случаях и пределах, предусмотренных специальными законодательными актами, определяющими их правовой статус. При этом такие случаи и пределы находят отражение в отсылках к законодательству о труде в специальных законодательных актах. Для сотрудников специальными законодательными актами, определяющими их правовой статус, являются Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах

внутренних дел Республики Беларусь», Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133 (далее – Положение), и др.

Как справедливо отмечается в юридической литературе (А.М. Лушников, М.В. Лушникова и др.), в подобных случаях имеет место субсидиарное (дополнительное) регулирование нормами трудового права отношений, связанных с трудом иной отраслевой (в данном случае – административно-правовой) принадлежности.

Следует обратить внимание, что действующее Положение содержит достаточно много отсылок к законодательству о труде, предусматривая при этом два варианта применения норм трудового законодательства к служебно-трудовым отношениям сотрудников: прямое и в порядке, определяемом Министром внутренних дел Республики Беларусь (далее – Министр). Примерами первого варианта являются:

часть третья п. 120 Положения, согласно которой предельное количество сверхурочного времени и выходных дней, которые могут использоваться для привлечения сотрудника к выполнению служебных обязанностей, устанавливается в соответствии с законодательством о труде;

часть первая п. 147 Положения, в соответствии с которой сотруднику, получающему по направлению (с разрешения) Министра или другого начальника согласно компетенции, определяемой Министром, образование в вечерней, заочной или дистанционной форме получения образования в учреждениях среднего специального, высшего образования, учреждениях образования, организациях, реализующих образовательные программы научно-ориентированного образования, учреждениях дополнительного образования взрослых, иных организациях, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, предоставляются гарантии, предусмотренные законодательством о труде. При отсутствии направления (разрешения) Министра или другого начальника согласно компетенции, определяемой Министром, может предоставляться отпуск без сохранения денежного довольствия продолжительностью, предусмотренной законодательством о труде;

п. 162 Положения, в соответствии с которым беременные женщины-сотрудники, женщины-сотрудники (сотрудники, являющиеся отцами (отчимами), опекунами детей, воспитывающими их без матери (в случае ее смерти, лишения родительских прав, длительного (более одного месяца) пребывания в государственной организации здравоохранения, а также в случае наличия у матери заболевания, состояния, препятствующих выполнению обязанностей по воспитанию и содержанию детей, подтвержденных заключением врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения, и в других случаях, когда мать не может осуществлять уход за ними в течение длительного времени), имеющие детей в возрасте до 16 лет (ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет), пользуются гарантиями, установленными законодательством о труде.

В качестве примеров второго варианта применения норм законодательства о труде к служебно-трудовым отношениям сотрудников можно указать части первую и вторую п. 120 Положения, согласно которым продолжительность служебного времени сотрудников устанавливается Министром исходя из особенностей деятельности органов внутренних дел и в соответствии с законодательством о труде; в случаях привлечения сотрудника к выполнению служебных обязанностей в сверхурочное время, выходные дни, государственные праздники и праздничные дни, установленные или объявленные нерабочими в порядке, предусмотренном законодательством, ему предоставляются дни отдыха или (и) производится оплата в соответствии с законодательством о труде в порядке, определяемом Министром.

Важно учитывать, что необходимым условием эффективного использования механизма субсидиарного регулирования нормами трудового права служебно-трудовых отношений сотрудников являются четкие, не содержащие пробелов и спорных положений формулировки норм законодательства о труде, которые требуется применять при отсылках к ним в специальных законодательных актах, определяющих правовой статус сотрудников. К сожалению, некоторые нормы законодательства о труде имеют подобного рода недостатки. Так, полагаем, что существенным пробелом ст. 69 ТК, которую согласно части второй п. 120 Положения требуется применять при предоставлении компенсации в случаях привлечения сотрудника к выполнению служебных обязанностей в сверхурочное время, выходные дни, государственные праздники и праздничные дни, установленные или объявленные нерабочими, является отсутствие в ней указания на срок, в течение которого должна предоставляться компенсация в виде другого дня отдыха, в результате чего на практике у сотрудников до недавнего времени иногда возникали сложности в получении такого дня в желательный для них срок.

В целях устранения отмеченного пробела приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) от 26 апреля 2025 г. № 148 утверждена Инструкция о порядке учета часов переработки сотрудников органов внутренних дел и предоставления им времени отдыха (далее – Инструкция). Инструкция подробно регламентирует порядок учета переработки сотрудников, проходящих службу в подразделениях центрального аппарата и центрального подчинения МВД, территориальных ОВД, подразделениях и организациях, входящих в систему ОВД, за исключением подразделений Департамента охраны МВД, и предоставления им времени отдыха. Так, Инструкцией предусмотрено, что для учета переработки сотрудников составляется табель учета переработки установленной формы. За часы переработки, указанные в таблице, предоставляется время отдыха в текущем и последующих месяцах. Дни отдыха предоставляются из расчета один день отдыха за 8 часов переработки (в предпраздничный день – за 7 часов переработки). Для предоставления времени отдыха сотрудник подает рапорт на имя должностного лица, уполномоченного утверждать табель в соответствии с подчиненностью. В рапорте указывается согласованная с непосредственным начальником дата (время) планируемого дня (дней, часов) отдыха. Рапорт с разрешающей резолюцией передается ответственному сотруднику для учета.

С учетом вышеизложенного считаем целесообразным дополнить ст. 69 ТК частью пятой следующего содержания: «Неоплачиваемый день отдыха (отгул) за работу в сверхурочное время, государственные праздники, праздничные и выходные дни предоставляется работнику в течение одного месяца».

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Эффективность осуществляемой военнослужащими деятельности по реализации возложенных на них государством задач во многом зависит от наличия целостной системы государственных гарантий и реального механизма их обеспечения. В связи с этим вопросы социально-правовых гарантий военнослужащих не утрачивают своей актуальности.

Одной из важнейших социально-правовых гарантий, предусмотренных законодательством для военнослужащих, является закрепленное ст. 48 Конституции Республики Беларусь право на жилище, относящееся к группе социально-экономических прав. В развитие данных положений Жилищным кодексом Республики Беларусь (далее – ЖК), Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих», Указом Президента Республики Беларусь от 13 февраля 2023 г. № 37 «Об арендном жилье для военнослужащих» (далее – Указ № 37), а также иными нормативными правовыми актами предусмотрены особенности правового регулирования жилищных отношений с участием военнослужащих.

Право военнослужащих на жилище является неотъемлемым элементом их правового статуса и может быть реализовано различными способами. При этом предполагается как прямое, так и косвенное содействие со стороны государства. В области жилищных отношений военнослужащим гарантируются следующие права.

1. Право на выплату денежной компенсации расходов по найму жилых помещений. Согласно подп. 1.6 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 195 «О некоторых социально-правовых гарантиях для военнослужащих, судей, прокурорских работников и должностных лиц таможенных органов» денежная компенсация расходов по найму жилых помещений за счет средств соответствующих государственных органов, в которых предусмотрена военная служба, предоставляется военнослужащим, пользующимся жилыми помещениями по договору найма, в порядке, размерах и на условиях, определяемых постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 сентября 2025 г. № 499 «О размерах денежной компенсации расходов по найму жилых помещений».

2. Право на получение жилых помещений государственного жилищного фонда при прохождении военной службы в соответствии с ЖК и иными законодательными актами (ст. 122 ЖК). Жилые помещения государственного жилищного фонда предоставляются военнослужащим на период служебных отношений, за исключением жилых помещений в общежитиях, которые могут предоставляться также и на период обучения.

Порядок и особенности предоставления военнослужащим жилых помещений в общежитиях регулируются государственными органами и организациями, в которых предусмотрена военная служба, осуществляющими предоставление таких жилых помещений. В отличие от специальных жилых помещений, порядок и особенности предоставления которых определены Положением о специальных жилых помещениях, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2008 г. № 1408 «О специальных жилых помещениях государственного жилищного фонда», согласно которому военнослужащим могут быть предоставлены специальные жилые помещения в административных и общественных зданиях органов государственной безопасности.

Военнослужащие имеют право на предоставление им арендного жилья как республиканского, так и коммунального жилищного фонда. При этом военнослужащие имеют первоочередное право на предоставление арендного жилья коммунального жилищного фонда при отсутствии у них, а также у членов их семей, которым совместно с военнослужащим предоставляется арендное жилье, других жилых помещений в собственности (долей в праве общей собственности на жилые помещения) и (или) во владении и пользовании, за исключением жилых помещений, занимаемых по договору найма жилого помещения в общежитии, в населенном пункте по месту работы (службы).

Особый характер обязанностей военнослужащих и связанные с ними ограничения компенсируются не только предоставлением военнослужащим первоочередного права на получение арендного жилья, но и правом на приобретение арендного жилья в собственность. Так, в 2023 г. Указом № 37 была введена возможность передачи арендного жилья, предоставленного на условиях договора найма в связи с характером служебных отношений, военнослужащим, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, в собственность по их заявлениям.

С учетом особенностей, установленных Указом № 37, арендное жилье передается военнослужащим в собственность: при наличии 20 календарных лет выслуги на службе – на возмездной основе по оценочной стоимости, но не выше рыночной, которые определяются по результатам независимой оценки; при наличии 25 календарных лет выслуги на службе – безвозмездно. При этом военнослужащим, воспользовавшимся государственной поддержкой, арендное жилье передается в собственность на возмездной основе, за исключением случаев, когда право на государственную поддержку может быть реализовано повторно.

3. Право на предоставление государственной поддержки на строительство (реконструкцию) или приобретение жилых помещений (ст. 126 ЖК). Военнослужащим, в том числе уволенным с военной службы (службы) по возрасту, состоянию здоровья, в связи с проведением организационно-штатных мероприятий, имеющим не менее 5 календарных лет выслуги на военной службе (за исключением периодов обучения в учреждениях образования, осуществляющих подготовку кадров по специальностям для воинских формирований, в дневной форме получения образования), состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, независимо от отнесения их к категории малообеспеченных граждан предоставляется право на получение государственной поддержки, за исключением финансовой помощи государства в погашении задолженности по льготным кредитам, при строительстве (реконструкции) или приобретении жилых помещений в порядке и на условиях, предусмотренных законодательными актами. Порядок и условия предоставления военнослужащим государственной

поддержки определены Указом Президента Республики Беларусь от 6 марта 2025 г. № 95 «О государственной поддержке при жилищном строительстве».

Таким образом, белорусским законодательством предусмотрена система гарантий, обеспечивающих реализацию права на жилище военнослужащих. Вместе с тем законодательство в данной сфере нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе посредством расширения возможностей граждан для самостоятельного решения жилищного вопроса, что предусмотрено подп. 45.8 п. 45 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. В данном случае интересен зарубежный опыт, например, Республики Казахстан, где военнослужащие имеют право на получение жилищных выплат, как единовременных, так и текущих, которые переводятся на личный специальный счет военнослужащего и могут быть использованы только на конкретные цели, а именно: на приобретение жилья в собственность; пополнения накоплений в виде жилищных строительных сбережений, которые могут быть истребованы только на приобретение жилья в собственность; оплаты аренды жилого помещения.

Внедрение в белорусское законодательство новых способов жилищного обеспечения военнослужащих и дальнейшая реализация уже существующей системы гарантий создадут условия для повышения престижа и стабильности военной службы, а также будут способствовать претворению такого частного принципа государственной жилищной политики, как свобода выбора действий граждан при решении жилищных проблем. Данный принцип предполагает возможность выбора вариантов решения жилищных проблем в конкретной жизненной ситуации, что особенно актуально для военнослужащих, которые в период прохождения военной службы могут неоднократно переезжать при назначении на должности.

УДК 347.1

А.В. Иванов

БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОХРАНЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Охрана изображения, несмотря на безусловный частноправовой характер нематериального блага, отображает в себе не только частноправовой, но и публично-правовой интерес, что выражается в возможности использования изображения в публичных интересах. При этом использование изображения гражданина в публичных интересах допускается без его согласия, а в частноправовых – ставится в зависимость от его наличия. Установление баланса частного и публичного интересов является одной из важнейших проблем, решение которой позволит при соблюдении публичного интереса не ограничить частный и наоборот.

Основная проблема правового регулирования изображения связана с отсутствием специальных норм в законодательстве Республики Беларусь. Охрана изображения как объекта гражданских прав и защита личных неимущественных прав в отношении его осуществляются общими нормами о нематериальных благах, которые не учитывают их специфику, в том числе в рамках обеспечения баланса частных и публичных интересов при охране изображения гражданина как объекта гражданских прав.

Иначе к проблеме подходит российский законодатель. Так, в подп. 1 п. 1 ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации отражены случаи, при которых получение согласия у гражданина на использование его изображения не требуется. Таковым случаем называется государственный, общественный или же иной публичный интерес, которые усмотрело лицо, желающее использовать изображение гражданина.

Содержание понятия публичного интереса является открытым. Однако к таковому представляется возможным относить государственные и общественные интересы. Так, Т.В. Дерюгина предлагает под публичным интересом понимать «представляющий собой особую ценность интерес общества и государства, признаваемый государством и охраняемый правом».

В целях обеспечения прав и законных интересов публичных лиц, изображение которых может быть обнародовано и использовано в рамках общественного интереса к таковому по причине осуществления государственно-властных полномочий или же особого положения в социально-общественных сферах жизнедеятельности, верным будет констатировать, что в случае, если посредством обнародования и использования изображения публичного лица удовлетворяется обывательский интерес к личной жизни и (или) при помощи изображения указанного лица планируется извлечение прибыли, то в таких случаях право на собственное изображение указанных лиц охраняется в общем порядке: на обнародование и использование их изображения необходимо получить согласие. Таким образом, лишь одно фактическое обстоятельство публичности гражданина не позволяет обнародовать и использовать изображение без его согласия (не освобождает от необходимости получить согласие). Представляется, что в контексте возможности такого обнародования и использования основополагающее значение будет иметь категория цели, которую преследовало лицо, обнародовавшее и использовавшее изображение.

В отношении необходимости выделения иных публичных интересов как основания для использования изображения без согласия гражданина Т.С. Яценко отметила, что «предпосылками выделения наряду с государственными и общественными иных публичных интересов являются объективные социальные и экономические процессы, которые предопределяют усиление значения персонифицированных групп...».

В данной связи представляет интерес правоприменительная практика. Так, Казачинским районным судом Красноярского края было отказано в исковых требованиях гражданину Т., содержанием которых выступило обстоятельство использования изображения истца в краевой газете. Согласно обстоятельствам дела изображение истца, являющегося врачом-неврологом, было использовано в газете в рамках статьи о деятельности истца. Данное изображение редактором было взято из архива

газеты, где оно находилось в силу публикации при иных обстоятельствах. Свое решение суд обосновал тем, что «...фотография, которая опубликована ответчиком, не относится к частной жизни лица, изображение было получено при коллективной съемке на мероприятии, посвященном Дню медицинского работника. ...Использование ответчиком фотографий истца было вызвано публичным интересом». Таким образом, публичный интерес был обоснован необходимостью информирования общественности о медицинской деятельности. Обозначенный судом подход расширяет рамки понимания публичного интереса.

В Республике Беларусь правоприменительная и законотворческая деятельность в контексте обеспечения баланса частных и публичных интересов, которые могут складываться по поводу изображения гражданина, находится на стадии становления.

В контексте органов внутренних дел (ОВД) важно отметить, что деятельность ОВД является открытой и публичной, что позволяет гражданам осуществлять общественный контроль, в том числе и путем фотографирования сотрудников ОВД. Однако данное право не может быть осуществлено при препятствовании гражданином путем фото- или видеосъемки законным действиям сотрудников ОВД. В этих случаях сотрудники имеют право требовать прекращения такой деятельности, так как она мешает нормальному осуществлению сотрудниками ОВД своих обязанностей, что может послужить причиной нарушения законности.

Полагаем, что в целях охраны публичного интереса необходимо установить дополнительное ограничение на фиксацию изображения сотрудников ОВД, а именно: исключить возможность фиксации изображения сотрудников ОВД, если таковая фиксация препятствует исполнению его служебных обязанностей, и (или) необоснованно создает негативный образ сотрудников ОВД либо формирует необоснованное негативное мнение об исполнении служебных обязанностей, а также служит достижению иных противоправных целей.

Таким образом, изображение гражданина, будучи нематериальным благом, может быть объектом как частного интереса, основным правовым средством обеспечения которого выступает получение согласия на использование изображения, так и публичного, в рамках которого гражданин вынужден претерпевать ограничение своего права на собственное изображение, заключающееся в преодолении необходимости получения согласия на использование его изображения. Осуществление гражданами своего права на охрану изображения не должно ограничивать права иных лиц на свободное получение и распространение информации. Установление наличия частного и (или) публичного интереса (необходимости получения согласия) должно проводиться в зависимости от цели, которую преследовало лицо, обнародовавшее и использовавшее изображение.

УДК 347.122

А.А. Капитанова

ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Согласно ст. 22 Конституции Республики Беларусь все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. В ст. 23 Конституции Республики Беларусь указано, что никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону. Данные принципы отражены в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), где отмечено, что субъекты гражданского права участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законом, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону, и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

Однако следует указать, что действующее белорусское гражданское законодательство предусматривает случаи наделяния субъектов гражданского права некоторыми преимуществами в осуществлении принадлежащих им правовых возможностей. Такие преимущества законодатель назвал преимущественными правами.

ГК содержит целую группу преимущественных прав, охватывающих различные имущественные отношения: преимущественные права участников общей долевой собственности (ст. 253); преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок (ст. 592); преимущественные права наследников на определенные объекты из состава наследства при его разделе (ст. 1082) и др. Несмотря на разнообразие преимущественных прав в настоящее время в цивилистической литературе сложилось неоднозначное мнение по поводу соответствия преимущественных прав основным началам гражданского законодательства, в частности принципу равенства участников гражданских отношений.

Безусловно, принцип равенства участников гражданских отношений без преувеличения можно назвать одним из центральных принципов гражданского права. В.А. Витушко подчеркивает, что «как идеал и цель правового регулирования данный принцип считается обязательным атрибутом гражданского права всех свободных сообществ». Принцип равенства участников гражданских отношений закрепляет, что все субъекты гражданского права обладают одинаковыми юридическими возможностями, и на их действия по общему правилу распространяются одни и те же гражданско-правовые нормы. При этом, по нашему мнению, соблюдение названного принципа определяется сохранением баланса интересов всех участников гражданских правоотношений, обеспечением их равноправия и независимости друг от друга, выражающейся в исключении подчинения одной стороны другой.

Преимущественные права – это своего рода изъятия из общих начал гражданского законодательства. Такие изъятия заключаются в том, что субъекту преимущественного права предоставляются определенные привилегии в осуществлении некоторых правовых возможностей. Именно поэтому многих правоведов настораживает название таких прав в качестве преимущественных, так как данная дефиниция дает ее обладателю возможность «привилегированного» действия по отношению к третьим лицам. Многие противники преимущественных прав основывают свою точку зрения на том, что предоставление

каких-либо преимуществ определенным участникам гражданских правоотношений противоречит рассматриваемому нами принципу равенства участников гражданских отношений. Так, профессор Е.А. Суханов отмечает, что «преимущественные права имеют особый, исключительный характер, так как выходят за рамки принципа равенства субъектов гражданских правоотношений». По мнению Л.А. Мамедовой, предоставление преимуществ отдельным участникам гражданских правоотношений априори противоречит принципу юридического равенства участников, так как устанавливаемое законом преимущество одного лица ставит его в более выгодное положение перед другими лицами.

Однако, на наш взгляд, такие опасения напрасны. Следует согласиться с мнением С.Е. Никольского, который отмечает, что «принцип равенства сторон гражданских правоотношений ничуть не нарушается преимущественными правами, поскольку преимущество у одной из сторон возникает по отношению к третьим лицам, а не по отношению к другой стороне». Думается, что преимущественные права являются некоторым ограничением принципа равенства участников гражданских отношений, а также дополняют и уточняют его в целях наиболее полного удовлетворения интересов субъектов гражданских правоотношений.

Как справедливо отмечает Н.Л. Бондаренко, «как и любое исключение, преимущественное право должно устанавливаться только на основании закона и осуществляться в точном соответствии с его положениями». При этом цели, преследуемые законодателем при установлении преимущественных прав, могут быть различны. В одних случаях они обеспечивают стабильность гражданского оборота; в других – могут выступать в качестве стимула, побуждающего участников гражданских правоотношений к соответствующей деятельности; в третьих – являются средством достижения справедливости.

Преимущественные права защищают права тех лиц, в чью пользу они установлены, позволяют в большей степени учитывать проявления фактического неравенства субъектов гражданского права, упорядочивать гражданский оборот и обеспечивать наиболее значимые интересы субъектов в случаях, когда у них имеются равные правовые возможности при различной степени заинтересованности. При этом отстраняемое волеизъявлением обладателя преимущественного права третье лицо не теряет ничего, кроме потенциальной возможности вступить в конкретное правоотношение; такая возможность у него сохраняется, и при наличии желания в рамках гражданского оборота он может ее удовлетворить.

Таким образом, рассматривая преимущественные права в контексте принципа равенства участников гражданских отношений, представляется логичным сделать выводы.

1. Преимущественные права не противоречат принципу равенства участников гражданских отношений, они направлены прежде всего на сохранение баланса интересов участников гражданских правоотношений, созданы для наиболее полного осуществления и защиты их гражданских прав. Преимущественные права призваны защищать права и законные интересы лиц, в чью пользу они установлены, при этом некоторые ограничения прав другой стороны, в конечном счете, не ущемляют ее интересов.

2. Предоставление преимущественных прав как некоторых отступлений от принципа равенства участников гражданских отношений может устанавливаться только законом с целью достижения справедливости путем обеспечения «равновесия сил» участников гражданского оборота.

УДК 347.51

Д.А. Колбасин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Вопрос о ценностных характеристиках человека, защите его нематериальных прав и благ в современной правовой системе Республики Беларусь находится в центре внимания. Одним из важных механизмов в этом направлении является институт компенсации морального вреда, с помощью которого создается возможность восстанавливать нарушенные права, обеспечивать реальную гарантию их осуществления, компенсировать нравственные и физические страдания, причиненные неправомерными действиями других лиц.

Приоритетность данного правового института особенно возрастает в условиях информатизации, необходимой защиты от деструктивных элементов, использования интернета без прямого взаимодействия преступника с потерпевшим, а также из-за того, что все большее число преступлений переходит в цифровую плоскость, о чем неоднократно высказывалось в различных источниках. В литературе цивилистического направления уделено достаточно много внимания значимости и потребности компенсации морального вреда. Среди источников, которые послужили научно-теоретической основой, выделим труды белорусских и российских ученых А.Л. Анисимова, Т.В. Воронович, И.И. Гусева, Е.В. Смиренской, А.М. Эрделевского и др.

В целом механизм надежной защиты прав граждан отражен в Конституции Республики Беларусь, Гражданском кодексе Республики Беларусь и других нормативных правовых актах, а также в международных правовых документах. Разумеется, и современное состояние института компенсации морального вреда находится под постоянным контролем государства, получает отражение в литературных источниках и научных исследованиях, проводимых в этом направлении. Правовые документы регулируют отношения, возникающие в связи с причинением морального вреда, устанавливают основания и порядок его компенсации.

В то же время, в условиях развития гражданского общества, приверженности принципам добросовестности, гуманизма и справедливости, совершенствования правовой культуры населения, актуальным становится выработка всевозможных механизмов, направленных на совершенствование данного правового института. Движение в этом направлении подсказывает и

судебная практика. Как следует из публикаций и правоприменительной практики, имеется разнопорядковость в определении критериев размера компенсации морального вреда, основаниях и порядке доказывания прав граждан, пострадавших от неправомерных действий правонарушителей.

В этой связи, думается, заслуживает внимания, изложенное в литературных источниках мнение о необходимости провести анализ законодательства и правоприменительной практики с целью выявления проблемных моментов, возникающих в процессе применения института компенсации морального вреда. Как уже отмечалось, вопросам компенсации за причинение морального вреда и в частности разработкам критериев определения размера компенсации морального вреда за причиненный вред посвятили свои научные труды белорусские и российские ученые. Что касается определения размера причиненного вреда, здесь обозначились различные суждения.

Такие ученые-цивилисты, как А.Л. Анисимов, И.И. Гусева, В.Н. Зубков, В.Н. Кивель, А.М. Эрделевский, пришли к выводу, что сумма размера возмещаемого вреда должна быть четко определена законодателем. Более того, А.М. Эрделевский предложил формулу расчета компенсации морального вреда исходя из совершенного правонарушения, степени вины причинителя вреда и самого потерпевшего, его индивидуальных особенностей, обстоятельств, заслуживающих внимания. По его мнению, заявление истца о том, что он претерпел физические и нравственные страдания является прямым доказательством факта причинения вреда.

Присутствует и другая точка зрения, сторонники которой отвергают подобный расчет размера компенсации морального вреда. В качестве основы определения размера компенсации ими предлагаются такие критерии, как степень виновности причинителя вреда, характер противоправного поведения, пол, возраст потерпевшего, руководствуясь которыми судья определяет сумму компенсации причиненного морального вреда. Поддерживая изложенное, Е.В. Смирнская предлагает в помощь судье проводить судебно-психологическую экспертизу. По ее мнению, это наиболее объективный инструмент определения суммы причиненного потерпевшему морального вреда. Необходимость проведения судебно-психологической экспертизы подтверждается суждением о том, что неудовлетворенность сторон размерами компенсации морального вреда порождает обжалование решений, которое приводит к неоднократному рассмотрению судами одного дела. Научные знания в области психологии, как уверждается далее, позволяют отметить, что к описанию истцом своих страданий следует относиться как к гипотезе: оно может полностью соответствовать действительности, соответствовать частично или совершенно от него отличаться.

Моральный вред – это правовой институт, который представляет собой совокупность прав потерпевшего требовать от правонарушителя компенсации за причиненный вред. Позиционность авторов в отношении размера компенсации потерпевшему за причиненный вред и того, кто будет его определять, требует осмысления. Трансформация в оболочку, начинкой которой является карательный элемент в виде выплаты денежной суммы за причиненный вред в каждом возможном случае, конкретный размер которой не определен, вызывает сомнение. Думается, не является убедительным и то, что размер компенсации и за что она положена, определяет именно суд. Авторская позиция в этом направлении была изложена ранее. Детализируя ее, хотелось бы обозначить следующее. Представляется, что предпочтительнее было бы определение законодателем конкретного размера компенсации за причиненный вред в зависимости от состава совершенного правонарушения. Отсутствие конкретизации размера компенсации морального вреда за причиненный вред в зависимости от состава совершенного правонарушения приводит к мысли, что он может быть произвольным. Если допустить, что решение в данном вопросе должен принимать судья, то, полагаем, это усложнит процедуру доказывания. В свою очередь, выбор решения путем проведения экспертизы установления конкретного состава совершенного правонарушения, в зависимости от которого в законе указан размер компенсации за причиненный вред, является более убедительным. Что касается передачи этого права на усмотрение судьи, разумеется, его роль не умаляется. Судья при вынесении решения руководствуется установками закона и внутренним убеждением. Но не исключено, что такое убеждение у каждого судьи может быть разным, а следовательно, и решение может быть не четко обозначенным.

Таким образом, теоретико-правовое осмысление различного рода подходов, изложенных в литературных источниках, указывает на необходимость комплексного анализа законодательства и правоприменительной практики с целью выявления теоретических и практических проблем в процессе применения компенсации морального вреда за причиненный вред потерпевшему правонарушителем.

УДК 349.2 + 351.74

П.А. Колесник

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ КОНТРАКТОВ О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В соответствии с п. 11–13 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133 (далее – Положение), одной из главных «отправных точек» начала прохождения службы в органах внутренних дел является дата вступления в силу заключенного контракта о службе. Для сотрудников, проходящих службу по контракту о службе, срок службы устанавливается в данном контракте. По общему правилу срок службы прекращается в день истечения срока контракта о службе.

Согласно части первой п. 29 Положения контракт о службе представляет собой договор, заключенный в письменной форме на определенный срок между гражданином (сотрудником) и Министерством внутренних дел (МВД) Республики Бела-

русь или иным органом внутренних дел в лице Министра внутренних дел Республики Беларусь (далее – Министр) или другого начальника согласно компетенции, определяемой Министром.

П. 32 Положения определено, что контракт о службе должен содержать следующие обязательные условия и сведения: добровольность поступления на службу;

наименование органа внутренних дел, с которым заключается контракт о службе, а также должность, специальное звание (при его наличии), фамилию, собственное имя и отчество (если таковое имеется) Министра или другого начальника, подписывающего контракт о службе от имени этого органа согласно компетенции, определяемой Министром;

фамилию, собственное имя и отчество (если таковое имеется) гражданина (сотрудника), специальное звание сотрудника, заключающего контракт о службе;

дату вступления в силу контракта о службе;

дату истечения срока контракта о службе;

основные права и обязанности органа внутренних дел и сотрудника, заключающих контракт о службе;

перечень проступков, являющихся основанием для досрочного расторжения контракта о службе или прекращения его действия;

основания для досрочного расторжения контракта о службе и прекращения его действия.

Порядок заключения контракта о службе в части, не урегулированной Положением, а также типовые формы контрактов о службе в настоящее время определены постановлением МВД Республики Беларусь от 30 января 2025 г. № 27 «О заключении контракта о службе в органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – постановление). В частности, постановлением утверждена Инструкция о порядке заключения контракта о службе в органах внутренних дел Республики Беларусь, а также установлены типовые формы контрактов о службе в органах внутренних дел с различными категориями сотрудников.

П. 9 каждой из типовых форм контракта содержит перечень проступков, совершение которых сотрудниками является основанием для досрочного расторжения или прекращения действия контракта о службе. К ним, например, относятся: распитие спиртных напитков, потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ в служебное время или по месту службы (учебы); управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, а также передача управления транспортным средством лицу в таком состоянии либо отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ; совершение коррупционных правонарушений, установленных законодательными актами, иных проступков, несовместимых с нахождением на службе в органах внутренних дел; нарушение регистрационно-учетной дисциплины и другие, совершение которых недопустимо как при исполнении должностных обязанностей, так и вне служебной деятельности.

Постановлением МВД Республики Беларусь от 17 октября 2025 г. № 321 «Об изменении постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 января 2025 г. № 27» типовые формы контрактов о службе были дополнены новым основанием, согласно которому контракт также может быть досрочно расторгнут или его действие прекращается в случае повторного в течение года после проведения профилактической работы посещения игорного заведения, в том числе виртуального, для участия в азартных играх, если это не связано с исполнением служебных обязанностей.

Указанная норма обусловлена необходимостью профилактики игровой зависимости среди сотрудников органов внутренних дел и исключения предпосылок к совершению правонарушений, создающих условия для коррупции либо иных тяжких последствий, так как формирование игровой зависимости может повлечь за собой рост долговых обязательств, что, в свою очередь, не исключает возможность совершения преступлений с целью погашения образовавшейся задолженности. Кроме того, несмотря на кажущуюся непопулярность, данная мера, безусловно, способна положительным образом повлиять на морально-психологический климат как в служебных коллективах, так и в семьях и поднять уровень правосознания среди сотрудников.

Данное дополнение вступило в силу с 1 января 2026 г. и обусловило необходимость корректировки Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь, утвержденных приказом МВД Республики Беларусь от 4 марта 2013 г. № 67 (далее – Правила). В частности, гл. 5 Правил, посвященная поведению сотрудников в нерабочее время, дополнена новым п. 21¹, согласно которому сотрудник должен воздержаться от посещения игорных заведений, в том числе виртуальных, для участия в азартных играх согласно перечню, определяемому Министром, если это не связано с исполнением служебных обязанностей. Кроме того, п. 36 Правил дополнен новой нормой о необходимости проведения в установленном порядке профилактических мероприятий в рамках индивидуальной воспитательной работы с сотрудниками, участвующими в азартных играх на деньги, в том числе онлайн. Особенно актуальна данная мера в отношении сотрудников, имеющих психологическую зависимость от азартных игр, организуемых на так называемой возмездной основе (на деньги).

По нашему мнению, решению указанной проблемы также, безусловно, может послужить существующий правовой механизм самостоятельного ограничения гражданами своего посещения игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участия в азартных играх, который в настоящее время определен п. 13 Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2025 г. № 226, и является своего рода интегрирующим переходником между нормативной правовой базой в сфере игорного бизнеса и сложившейся системой правовых актов, направленных на укрепление служебной дисциплины в органах внутренних дел.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ

Важнейшей сферой государственной правоприменительной деятельности является судебная деятельность по разрешению правовых споров. Данная деятельность именуется процессуальной, ее внешняя оболочка – процессуальной формой.

Суть процессуальной формы по делам об урегулировании неплатежеспособности (о несостоятельности, о банкротстве) сводится к тому, что отношения, которые возникают при осуществлении правосудия по рассматриваемой категории дел, могут реализовываться только в порядке и в пределах, установленных нормами гражданского процессуального законодательства. Еще профессор А.Х. Гольмстен, дореволюционный юрист, описывая проекты банкротных уставов России XVIII в., указывал на придание решающего значения моменту «начатия конкурсного процесса».

Основным назначением процессуальных норм в исследуемой сфере является установление в судебном процессе факта несостоятельности или банкротства субъекта хозяйствования, влекущего особые условия его дальнейшего функционирования.

Анализ содержания и структуры складывающихся правоотношений в связи с урегулированием неплатежеспособности, правового регулирования позволил выделить следующие их виды: судебные процессуальные отношения и непроцессуальные отношения, в числе которых процедурные отношения (правоотношения, связанные с реализацией права на участие в собрании (комитете) кредиторов, на заключение мирового соглашения, на обращение к управляющему с требованием кредитора и т. п.) и материально-правовые отношения (самостоятельно осуществляемые субъектами действия по заключению, исполнению, расторжению договоров, реализации имущества на торгах и т. п.), урегулированные специальным законодательством.

Нами выявлены отличительные особенности процессуальных правоотношений, возникающих в производстве по делу о несостоятельности или о банкротстве: наличие обязательных (основных) участников правоотношения (кредиторы, должник, управляющий); множественность лиц на стороне кредиторов по общему правилу, поскольку производство направлено на защиту коллективного (группового) интереса; нефиксированный, нестабильный (меняющийся по количественному и качественному показателю) состав участников правоотношений – кредиторов; расширенный круг участников правоотношений, поскольку помимо основных участников в процессуальные правоотношения вступают лица, связанные с должником отношениями учредительства, руководители, в том числе бывшие, государственные органы и др.; неприменение классических процессуальных терминов в наименовании лиц, участвующих в деле, использование для их обозначения материально-правовой терминологии обязательственного, корпоративного права; длительность (долговременность) правоотношений.

Верное понимание правовой природы правоотношений имеет большое значение для повышения качества правоприменения. В этой связи отметим, что имеющая место в специальном законодательстве «несогласованность материально-правовой и процессуальной терминологии», на что указывает профессор Т.В. Сахнова, по нашему мнению, не снижает уровня его понимания для квалифицированного и компетентного субъекта. Более того, полагаем, что отказ от использования процессуальных терминов («истец», «ответчик», «заявитель», «заинтересованные лица», «третьи лица») для наименования лиц, участвующих в деле о несостоятельности и банкротстве, является необходимым, обусловлен объективными причинами, упрощает комплекс специальной терминологии, используемой в Законе Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон № 227-3), ранее – в Законах Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 28 июля 2000 г. № 423-3 и от 13 июля 2012 г. № 415-3. Кроме того, в силу особенностей рассматриваемого отдельного вида производства и множественности участников, употребление указанных терминов для наименования лиц, участвующих в деле, не соответствовало бы их смысловому значению и вело бы к логической ошибке.

Значение гражданской процессуальной формы защиты права состоит в создании определенного стандарта юрисдикции, который, с одной стороны, обеспечивает для заинтересованных в исходе дела лиц процессуальные гарантии правомерного разрешения дела, а с другой стороны, создает условия для суда, позволяющие правильно применить нормы материального и процессуального права, вынести законное и обоснованное решение по делу, а также обеспечить условия для его исполнения.

С точки зрения анализа процессуальной формы значима констатация самостоятельного характера каждого из дел в сфере урегулирования неплатежеспособности – дел о несостоятельности и банкротстве – а также споров, связанных с ними.

Выявленная в процессе исследования специфика процессуальной формы состоит в следующем:

для дел о несостоятельности и банкротстве (общее) – немедленное исполнение судебных определений о введении процедур (защитный период, конкурсное производство) и судебных решений; обязательность мотивированного решения, обжалование в кассационную инстанцию определения о завершении ликвидационного производства (п. 9 ч. 3 ст. 591 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь), назначение временного (антикризисного) управляющего и др.;

для дел о несостоятельности – набор специфических условий, предусмотренных Законом № 227-3 (п. 1 ст. 8), определение и продление судом срока санации и др.;

для дел о банкротстве – набор специфических условий, предусмотренных Законом № 227-3 (п. 2–8 ст. 8, ст. 10), основание для отказа суда в завершении ликвидационного производства при наличии в производстве судов общей юрисдикции, судов иностранных государств, третейских судов, иных судов неразрешенных дел с участием должника, за исключением уголовных дел (подп. 2.2 п. 2 ст. 148) и др.;

для споров, связанных с несостоятельностью и банкротством (оспаривание решений собрания (комитета) кредиторов, заявление о требовании и др.), – условие возбуждения в виде наличия возбужденного дела о несостоятельности или бан-

кротстве должника и введение соответствующей процедуры как юридического факта-состояния, для спора о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам банкрота – это вынесение решения о признании должника банкротом.

Таким образом, выявленные специфические черты процессуальной формы урегулирования неплатежеспособности демонстрируют взаимосвязь и взаимодействие содержательной и формальной стороны процесса. Вышеизложенное подтверждает тезис о том, что наиболее полно сущность процессуальной формы раскрывается в организации процесса судебного правоприменения, направленного на достижение целей и задач судопроизводства.

УДК 347.95

А.С. Костюк

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА КОНФИСКАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ

Принцип процессуальной экономии выступает фундаментальной идеей, на которой базируется исполнительное производство в Республике Беларусь. Его сущность сводится к тому, чтобы исполнительные действия совершались с минимальными затратами и в максимально короткие сроки, что следует из абзаца третьего п. 3 Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. № 67 (далее – Инструкция № 67). Однако анализ законодательства об исполнительном производстве демонстрирует, что данный принцип не всегда реализуется в полном объеме в процессе исполнения требований исполнительных документов о конфискации недвижимого имущества.

Отметим, что органы принудительного исполнения (ОПИ) являются в соответствии с п. 39 Перечня терминов и их определений, установленного Указом Президента Республики Беларусь от 19 февраля 2016 г. № 63 «О совершенствовании работы с имуществом, изъятым, арестованным или обращенным в доход государства» (далее – Указ № 63), уполномоченными органами, которые осуществляют изъятие, арест и учет имущества, подлежащего конфискации. Процесс исполнения требований исполнительных документов о конфискации недвижимого имущества, на первый взгляд, представляет собой достаточно несложную совокупность действий: судебный исполнитель ставит недвижимое имущество на учет путем внесения в государственную автоматизированную информационную систему «Конфискат» необходимых сведений, подразделение Департамента по гуманитарной деятельности Управления делами Президента Республики Беларусь (далее – Департамент) осуществляет приемку недвижимого имущества, исполнительное производство оканчивается после подписания акта приемки судебным исполнителем и представителем от Департамента, что прямо указано в части первой п. 270 Инструкции № 67. Именно такой путь осуществляется на практике судебными исполнителями в процессе реализации исполнительных документов о конфискации недвижимого имущества.

Но если мы обратим внимание на дальнейшую судьбу такого недвижимого имущества и порядок законодательной регламентации, то увидим, что судебный исполнитель не исключается из процесса конфискации имущества. Так, исходя из содержания п. 264 Положения о порядке учета, хранения, оценки и реализации имущества, изъятого, арестованного или обращенного в доход государства, утвержденного Указом № 63, приходим к выводу, что судебный исполнитель выполняет определенную роль при реализации Департаментом подлежащего конфискации имущества через аукцион, ведь именно на уполномоченный орган (которым в данном случае выступает ОПИ) и хранителя возлагается функция по обеспечению ознакомления с недвижимым имуществом всех потенциальных покупателей (физических и юридических лиц). Возникает вполне закономерный вопрос о законности совершения судебным исполнителем таких действий по окончанию исполнительного производства.

Кроме того, обратим внимание, что требования абзаца второго ст. 83 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве») обязывают судебного исполнителя по окончанию исполнительного производства снять арест с недвижимого имущества должника. Если признать за истину то, что исполнительное производство о конфискации недвижимого имущества должно быть окончено после подписания акта приемки Департаментом, то и арест с него должен быть снят в момент принятия такого решения, что предоставит должнику «законную лазейку» для реализации ничем де-факто не обремененного имущества, ведь получение Департаментом результатов оценки недвижимого имущества, назначение и проведение аукциона может занимать не только недели, но и месяцы. Если такая ситуация произойдет, то, конечно же, в судебном порядке возможно будет оспорить совершенные должником сделки с таким имуществом, но это существенно увеличит сроки и затраты на обращение конфискованного имущества в доход государства.

Соответственно, приходим к выводу, что часть первая п. 270 Инструкции № 67, равно как и сложившаяся среди судебных исполнителей практика окончания исполнительного производства о конфискации недвижимого имущества после подписания акта приемки, противоречат положениям Указа № 63 и Закона «Об исполнительном производстве», а также не позволяют решать задачи, поставленные перед исполнительным производством, в том числе задачу по охране интересов государства.

Исходя из представленного анализа мы предлагаем три альтернативных подхода к разрешению обозначенной проблемы. Первый, не требующий значительных изменений в законодательстве, заключается в окончании исполнительного производства после реализации имущества, переданного на последующий учет, и снятия ареста с недвижимого имущества на основании судебного решения. Однако такой подход может привести к необоснованному увеличению сроков исполнительного производ-

ства, вступая в противоречие с принципом процессуальной экономии, и не в полной мере соответствует цели конфискации имущества, так как контроль за имуществом фактически переходит к Департаменту после передачи материалов на учет.

Второй подход предполагает унификацию процедуры оформления акта приема имущества от уполномоченного органа, что позволит судебному исполнителю правомерно окончить исполнительное производство. Но при таком подходе потребуются корректировка положений Указа № 63 в части снятия обязанности, закрепленной за уполномоченным органом, по показу недвижимого имущества и предоставления информации о нем для широкого круга лиц, сохранив эту функцию за хранителем имущества. Контроль за исполнением хранителем данной нормы может быть возложен на Департамент. Также необходимо будет дополнить абзац второй ст. 83 Закона «Об исполнительном производстве» исключением из общего правила снятия ареста с имущества при окончании исполнительного производства о конфискации имущества, как это уже сделано по некоторым исполнительным производствам (об обеспечении иска, о наложении ареста на имущество должника).

Наиболее предпочтительным с точки зрения реализации принципа процессуальной экономии, на наш взгляд, является третий вариант, предусматривающий исключение ОПИ из процедуры исполнения конфискации недвижимого имущества. Суд может напрямую направлять необходимые документы для постановки недвижимого имущества на учет в Департамент, что позволит оптимизировать процесс и избежать дублирования функций.

Таким образом, приходим к выводу, что предусмотренная законодательством об исполнительном производстве процедура исполнения требований исполнительных документов о конфискации недвижимого имущества не в полной мере соответствует принципу процессуальной экономии, а также содержит ряд существенных противоречий, которые не позволяют наиболее полно разрешать поставленные перед исполнительным производством задачи. Правоприменительная практика и законодательные противоречия обуславливают необоснованное затягивание процесса исполнения, увеличение материальных затрат, а в некоторых случаях способны приводить к возникновению условий, при которых должник сможет уклониться от исполнения решения суда. Предложенные нами подходы к разрешению выявленной проблемы, как нам видится, позволят оптимизировать процедуру исполнения исполнительных документов о конфискации имущества. При этом, считаем, что третий вариант должен вызвать наибольший интерес у нормотворческого органа и правоприменителей, так как он позволяет исключить дублирование функций Департамента и ОПИ, сокращает сроки исполнения конфискации, повышает эффективность обращения взыскания на подлежащее конфискации имущество.

УДК 346.26:719:341.355.22

И.Э. Мартыненко

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ГЕНОЦИДА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЦЕЛЯХ РАЗРАБОТКИ НОВЫХ МЕР ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ ОТ УНИЧТОЖЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ¹

После принятия в 1948 г. Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него понятие геноцида не переосмысливалось. Считаем, что в настоящее время требуется новая оценка данного международного соглашения, опирающаяся на факты уничтожения произведений искусства, памятников древнерусской и древнебелорусской культуры, разграбление церквей, музеев и библиотек, совершенные фашистской Германией на временно оккупированной территории во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., установленные государственными комиссиями и представленные мировой общественности сразу после освобождения территории БССР и других союзных республик. Масштабы разграбления культуры, вандализм однозначно свидетельствуют о том, что данные действия являлись частью фашистской геноцидальной политики и проводились в рамках генерального плана уничтожения советского народа. Это ключевое утверждение позволяет нам выдвинуть концепцию культурного геноцида для юридического обоснования необходимости принятия новых мер защиты культуры от уничтожения во время войны.

Для того чтобы дать современную оценку теории (культурного) геноцида, необходимо, по нашему мнению, вначале разобраться с этим юридическим термином, который образован в результате комбинации слов, происходящих от греческого слова *genos* – род, племя, и латинского глагола *caedo* – убиваю. Отсюда и образовалось этимологически сходное понятие «культурцид». Геноцид – это намерения и действия умышленно убивать (*caedo*) или иным способом уничтожать группу людей (*genos*) по объединяющему их признаку расовой, национальной, этнической, религиозной принадлежности, что полностью отражено в нацистской теории расового превосходства; воспрепятствование деторождению в среде такой группы, умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы. Таким образом появились этимологически близкие понятия «экоцид», «этноцид», «политицид» и др.

Доктрина геноцида была реализована в международном соглашении – Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.). Согласно ст. II данной конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: убийство членов такой группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. В национальные законодательства включена соответствующая уголовно-правовая норма: в российском и белорусском уголовном законодательстве

¹ Статья подготовлена при поддержке Белорусского фонда фундаментальных исследований.

введена уголовная ответственность за геноцид (например, ст. 357 «Геноцид» Уголовного кодекса Российской Федерации; ст. 127 «Геноцид» Уголовного кодекса Республики Беларусь), а в Беларуси еще и за отрицание геноцида (ст. 130² «Отрицание геноцида белорусского народа» Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Признавая некоторую условность словосочетания «культурный геноцид», понимаем его как часть (элемент) умышленных действий, заключающихся в преднамеренном уничтожении и осквернении памятников культуры (культурных и исторических ценностей) для достижения геноцидальной цели (в настоящее время она определена в Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него). При этом исходим из того, что среди появившихся новых форм и проявлений геноцида отчетливо выделяется культурный геноцид, что обуславливает потребность объединения научных идей в соответствующую юридическую концепцию. Своевременное выявление проявлений культурного геноцида (если принимать за основу данную терминологию), оценка его новых форм и разновидностей позволяют создать теоретико-правовую базу для разработки новых межгосударственных соглашений, направленных на предотвращение геноцида вообще.

Применительно к исследуемому нами периоду Великой Отечественной войны концепция культурного геноцида содержание заключается в обосновании понимания, что уничтожение и разграбление войсками и другими формированиями фашистской Германии на оккупированной территории БССР культурных ценностей советского народа (памятников истории и культуры, произведений искусства, культовых зданий и сооружений, музеев, библиотек, архивов и др.), вандализм и через эти действия попытка насаждения чуждой нацистской культуры и идеологии, онемечивание и дерусификация населения (включая изменение топонимических наименований) являются частью нацистской политики геноцида белорусского народа, направленной на уничтожение белорусской национальной, славянской этнической и религиозной группы. Данная концепция позволяет в будущем дополнить Конвенцию ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него еще одним (не определенным в этом соглашении) проявлением геноцида, охватываемым общей геноцидальной целью фашистской Германии на территории СССР.

Предлагаем включить в определение понятия «преступления геноцида» также преступное уничтожение культурных ценностей в геноцидальных целях. Дело остается за практической реализацией: подготовкой и внесением в международные организации предложений по обновлению Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него путем включения положения о признании культуры (памятников истории и культуры, культурно-исторических ценностей и мест их сосредоточения – музеев, архивов, библиотек) объектом преступления геноцида.

УДК 347.441

В.В. Паращенко

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ СУДАМИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАБЛУЖДЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Анализ судебной практики по отдельным категориям гражданских дел как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь позволяет говорить о том, что в последнее время увеличилось количество рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции такой категории дел, как признание сделки недействительной под влиянием заблуждения.

Отдельные из них, обычно связанные со сделками купли-продажи преимущественно недвижимого имущества, обладающего высокой потенциальной или реальной стоимостью (квартиры, жилые дома и др.), в силу их неоднозначности, которая не позволяет четко и конкретно определить: стороны действительно желают наступления правовых последствий, вытекающих из существа обязательства (приобретение (прекращение) права собственности на имущество), или это некая мошенническая схема, предполагающая получение незаконного вознаграждения или имущества, – вызвали огромный общественный резонанс.

Теоретически можно предположить, что в контексте рассматриваемой проблемы ее объектом могут выступать различные сделки – как двусторонние (купля-продажа, мена, дарение, рента и т. д.), так и многосторонние (финансовая аренда, договор о совместной деятельности, учредительный договор о создании хозяйственного общества и др.).

Следует отметить, что признание сделки недействительной под влиянием заблуждения также распространяется на отдельные инвестиционные обязательства (концессионный договор, сделка РЕПО, соглашение о государственно-частном партнерстве, соглашение о разделе продукции, договор о комплексном освоении территории, инвестиционный договор и др.), а также договорные обязательства, используемые в предпринимательской деятельности (договор поставки, кредитный договор, договоры возмездного оказания услуг и др.).

Что касается односторонних сделок, то к числу таковых относятся, например, принятие наследства, публичное обещание награды, объявление конкурса. Вместе с тем не все их разновидности могут быть признаны недействительными по данному основанию, например, составление завещания (завещатель вправе в установленном порядке отменить ранее составленное завещание и написать новое) и др.

В свою очередь, такие схемы создают определенную напряженность в обществе в целом и отрицательно сказываются на стабильности гражданского оборота в частности, так как отпугивают потенциальных участников от заключения подобного рода сделок, а также других.

Необходимо подчеркнуть, что искомая проблема вовсе не является новеллой гражданского законодательства и в своем становлении и развитии прошла определенный исторический этап. Так, ст. 32 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., ст. 59

Гражданского кодекса БССР 1964 г. предусматривали обеспеченную законом возможность признания сделки, совершенной под влиянием заблуждения, недействительной.

Согласно п. 1 ст. 179 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) сделка, совершенная под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения. В данном случае речь идет о сделках с пороками воли. В теории гражданского права такие сделки относятся к числу относительно недействительных (оспоримых). Изначально они являются действительными, однако в судебном порядке сторона сделки вправе требовать признания ее недействительной, т. е. оспорить.

Важно указать, что по смыслу части второй п. 1 ст. 179 ГК существенное значение имеет заблуждение лишь относительно самой природы сделки, тождества или таких качеств ее предмета, которые значительно снижают возможности его использования по назначению. Что касается заблуждения относительно мотивов сделки (побудительная причина, для чего совершается сделка), то оно не имеет существенного значения.

В контексте изложенного классик русской цивилистики Г.Ф. Шершеневич обращал внимание на следующий факт: «лицо могло продать имение, вследствие стесненного имущественного положения, а потом получило наследство, – это обстоятельство не имеет и не должно иметь значение для юридических последствий, потому что в противном случае от непрочности сделок пострадал бы гражданский оборот».

Так как недействительной такую сделку вправе признать либо не признать только суд, то из этого следует, что им должна быть дана оценка: действовало ли лицо под влиянием заблуждения или это был иной порок воли. Другими словами, суд должен выяснить саму природу заблуждения, его характерные особенности, позволяющие отграничить это понятие от сходных, например, психического принуждения, обмана и др. Различны также и правовые последствия признания сделок с пороками воли недействительными: может быть применена соответственно двусторонняя или односторонняя реституция.

Вместе с тем гражданское законодательство не закрепляет самого понятия «заблуждение», не раскапывает его существенные особенности. Так как тексты отдельных видов договоров формализованы, из содержания самого договора не всегда возможно установить это самое заблуждение, которое, как правило, вдруг возникает в самое ближайшее время после совершения сделки. Следовательно, именно на суде лежит обязанность выяснить фактические обстоятельства каждого подобного гражданского дела путем выявления при помощи использования определенных гражданским процессуальным законодательством средств доказывания порока воли стороны, совершающей сделку.

Для правоприменительной практики обозначенная правовая неопределенность порождает соответствующие проблемные ситуации, связанные с субъективной трактовкой судьями термина «заблуждение» при рассмотрении и разрешении подобного рода гражданских дел.

Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова под заблуждением понимается состояние того, кто заблуждается, ошибается; ложное мнение. Синонимами данного термина являются неправильность, ошибка, погрешность, ложь и др. Заблуждение противоположно истине и по содержанию сходно с понятием ошибки.

В теории гражданского права общее понимание заблуждения (от фр. *donner le change* – ввести в заблуждение) заключается в обозначении такой ситуации, когда воля лица, совершающего сделку, непосредственно формируется исключительно под воздействием его ошибочного представления о сущности сделки. Такое представление может возникнуть как в результате неких просчетов в процессе мыслительной деятельности этого лица, так и его иррационального поведения (действия, нацеленного на достижение конкретного результата в отсутствии обдуманных поступков, а также их оценки). Другими словами, в данном случае налицо несоответствие (дисбаланс) между субъективным (внутренним) представлением лица о природе сделки и объективным положением вещей.

Полагаем, что в целях совершенствования правоприменительной практики в части признания судами недействительными сделок, совершенных под влиянием заблуждения, представляется целесообразным нормативное закрепление самого понятия «заблуждение», в связи с чем предлагаем дополнить п. 1 ст. 179 ГК частью третьей следующего содержания: «Заблуждением считается ошибочное (искаженное) представление участника сделки о природе, а также предмете сделки, которую он бы не совершил, разумно и объективно оценивая ситуацию, если бы знал действительное положение дел, при отсутствии преднамеренных действий других участников».

УДК 37.035.4

С.И. Протосевич

МЕНТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Современный этап развития международных отношений характеризуется ростом нестабильности, усложнением форм политического и экономического противоборства, а также смещением акцентов в сфере обеспечения национальной безопасности в сторону нематериальных и когнитивных факторов. В условиях глобализации и цифровизации особое значение приобретает способность государства и общества сохранять устойчивость коллективного сознания, систему базовых ценностей и историческую идентичность. Для Республики Беларусь, находящейся в зоне пересечения различных геополитических и цивилизационных влияний, данная проблематика приобретает стратегический характер. Все более очевидным становится тот факт, что устойчивость государственности определяется не только экономическими показателями и уровнем военной безопасности, но и состоянием ментального пространства общества.

В научном дискурсе ментальная безопасность рассматривается как особое состояние защищенности индивидуального и коллективного сознания от деструктивных воздействий, направленных на разрушение ценностно-смысловых оснований социального бытия. Ментальность как совокупность устойчивых способов мышления, восприятия и интерпретации реальности формируется на протяжении длительного исторического периода и отражает специфику культурного, социального и политического развития общества. В этом контексте ментальная безопасность выступает не вспомогательным, а системообразующим элементом национальной безопасности, обеспечивающим целостность социальной системы и ее способность к саморазвитию.

В отличие от информационной безопасности, ориентированной преимущественно на защиту информации и каналов ее распространения, ментальная безопасность затрагивает глубинные когнитивные и ценностные структуры общества. Объектом защиты в данном случае являются не отдельные сообщения или информационные потоки, а интерпретационные модели, исторические нарративы, морально-нравственные ориентиры и символические основания общественного сознания. Именно через воздействие на данные элементы осуществляется подрыв доверия к государственным институтам, формирование чувства социальной дезориентации и снижение уровня общественной солидарности.

Национальная безопасность Республики Беларусь традиционно включает в себя политическую, экономическую, военную, социальную, информационную и духовную составляющие. Однако в условиях гибридных форм противоборства ментальное измерение безопасности приобретает особую значимость, поскольку именно оно обеспечивает интеграцию всех иных компонентов. Ослабление ментальной устойчивости общества неизбежно отражается на функционировании политических институтов, уровне социальной стабильности и способности государства противостоять внешнему давлению. В этом смысле ментальная безопасность выполняет функцию фундаментального основания национальной безопасности в целом.

Коллективное сознание белорусского общества формируется под воздействием исторического опыта, культурных традиций, системы образования и государственной политики в гуманитарной сфере. Национальная идентичность, являясь ядром коллективного сознания, обеспечивает чувство принадлежности к единому сообществу, осознание общей исторической судьбы и готовность разделять ответственность за будущее государства. Подрыв идентичности приводит к росту социальной атомизации, снижению уровня доверия и ослаблению механизмов общественной самоорганизации, что существенно повышает уязвимость государства перед внешними и внутренними деструктивными воздействиями.

В условиях глобализации и цифровизации ментальное пространство Республики Беларусь подвергается интенсивному воздействию со стороны транснациональных информационных потоков, социальных сетей и внешних идеологических центров. Использование технологий «мягкой силы», когнитивного влияния и информационно-психологических операций направлено на формирование альтернативных ценностных моделей и интерпретаций социальной реальности, не совпадающих с национальными интересами государства. Особую опасность представляет тот факт, что подобные воздействия часто маскируются под процессы демократизации, культурного обмена и модернизации, что затрудняет их своевременное выявление и нейтрализацию.

К числу основных угроз ментальной безопасности Республики Беларусь относятся деструктивные информационно-психологические воздействия, направленные на дискредитацию государственных институтов и исторического прошлого, эрозию традиционных ценностей, подмену смыслов социальной и гражданской активности, а также манипуляция исторической памятью. Искажение событий Великой Отечественной войны, нивелирование роли белорусского народа в борьбе с нацизмом и пересмотр итогов исторического развития выступают важными инструментами воздействия на коллективное сознание. Значительную угрозу представляет и ценностная дезориентация молодежи, связанная с навязыванием чуждых культурных и социальных моделей, не соответствующих историческому опыту и социокультурным особенностям белорусского общества.

Особенностью современных угроз ментальной безопасности является их латентный характер. Они редко воспринимаются обществом как целенаправленное воздействие и часто интерпретируются как естественные социальные процессы. Это существенно осложняет формирование эффективных механизмов противодействия и требует системного, научно обоснованного подхода к обеспечению ментальной устойчивости общества.

В условиях распространения гибридных форм противоборства ментальная безопасность становится одной из ключевых целей внешнего давления. Воздействие на ментальное пространство позволяет достигать стратегических политических и социальных результатов без применения прямой военной силы. Формирование у населения ощущения утраты перспектив, подрыв доверия к государству и разрушение ценностных ориентиров значительно снижают способность общества к мобилизации и сопротивлению. Для Республики Беларусь противодействие подобным угрозам невозможно без целенаправленной государственной политики, ориентированной на укрепление ментального суверенитета.

Обеспечение ментальной безопасности требует комплексного и междисциплинарного подхода, включающего взаимодействие государственных органов, научного сообщества, системы образования, культуры и средств массовой информации. Важнейшим направлением является формирование целостной системы ценностей и смыслов, основанной на исторической преемственности, социальной справедливости и идее суверенитета. Существенную роль играет система образования как ключевой институт формирования мировоззрения и гражданской ответственности. Развитие гуманитарных наук, поддержка национального научного знания и укрепление культурного суверенитета выступают необходимыми условиями обеспечения ментальной устойчивости общества.

Таким образом, ментальная безопасность является фундаментальным фактором национальной безопасности Республики Беларусь в условиях современных глобальных трансформаций. Защита ментального пространства общества, сохранение национальной идентичности и исторической памяти выступают не только гарантами стабильности, но и важнейшими предпосылками устойчивого развития государства. В обстановке нарастающих гибридных угроз обеспечение ментальной безопасности должно рассматриваться как стратегический приоритет, требующий системного, долгосрочного и научно обоснованного подхода со стороны государства и общества.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Проблемам отличия ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации (пробации) посвящено множество научных исследований (О.А. Адоевская, С.Л. Бабаян, К.И. Воронков, М.Т. Дибиров, Л.А. Латышева), раскрывающих определения, отдельные признаки, которые носят практически идентичный характер и порой друг с другом отождествляются. Согласимся с авторским мнением, о том, что «отсутствие единого универсального подхода к толкованию терминов „ресоциализация“, „социальная адаптация“, „социальная реабилитация“ приводит к неверному определению их сущности, что может породить проблемы на практике».

Авторами (Д.К. Танатова, С.Ю. Зазин, И.В. Лескова) проведено всестороннее исследование толкования явления «ресоциализация» как категории социальной природы и базовой категории социализации, а именно: исправление девиантной личности. И.И. Евтушенко, О.В. Позднякова дают толкование явления «социальная адаптация» как процесс приспособления субъекта к новым правилам поведения социальной среды. В отношении явления «социальная реабилитация» дано обобщенное толкование как восстановление утраченных способностей к социальному функционированию, а также преодоление социальных, психологических, семейных, бытовых, жилищных трудностей. При этом детерминантами выступают социальная среда, личностные и возрастные особенности осужденного.

В свою очередь, Федеральным законом Российской Федерации от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 10-ФЗ) закреплены следующие меры пенитенциарной пробации:

ресоциализация – это комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых в целях реинтеграции в общество (п. 5 ч. 1 ст. 5);

социальная адаптация – это комплекс мероприятий, направленных на оказание содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также иной помощи в целях стимулирования правопослушного поведения (п. 6 ч. 1 ст. 5);

социальная реабилитация – это комплекс мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций (п. 7 ч. 1 ст. 5).

Таким образом, указанные меры могут находиться между собой в определенной последовательности: от ресоциализации, социальной адаптации к социальной реабилитации. Тем самым в подобной последовательности может быть определен характер гражданско-правовых отношений, где на каждом этапе социализации формируются специальные составы гражданских прав и обязанностей осужденного к наказаниям в виде принудительных работ.

Так, при ресоциализации права и обязанности осужденного непосредственно связаны с потребностями в развитии профессионального образования и труда. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения (п. 1 ст. 2), где воспитание носит пенитенциарное происхождение, а обучение – образовательное происхождение, а также гражданскую природу: удовлетворять потребности человека в получении образования различных уровня и направленности (ч. 4 ст. 5). Незыблемым остается конституционная суть права на образование (ст. 43 Конституции Российской Федерации).

Право на обучение у осужденного тесно связано с профилактикой правонарушений. В профилактике вправе участвовать и институты гражданского общества (общественные объединения и иные социально ориентированные организации) (ч. 3 ст. 13 Федерального закона Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ), обеспечивающие в том числе правовое просвещение.

Для осужденных к наказанию в виде принудительных работ значимо обеспечение социально-трудовых прав и обязанностей независимо от того, заключен трудовой договор или договор сотрудничества исправительного центра и организации-работодателя. Так, допуск к рабочему месту служит основанием возникновения трудовых правоотношений (ст. 16 Трудового кодекса Российской Федерации).

В случае нарушения социально-трудовых прав осужденного, например, в силу несоблюдения условий труда или порядка выплат заработной платы, или иных нарушений трудового законодательства работодателем или исправительным центром, где потерпевший осужденный претерпел ущерб, моральный вред, убытки, предусмотрена судебная защита (ст. 352 Трудового кодекса Российской Федерации). Напомним, что и сам осужденный несет материальную ответственность при отбывании наказания в виде принудительных работ (ст. 60.20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации).

Ресоциализация осужденных к наказаниям в виде принудительных работ наряду с пенитенциарными средствами включает в себя социальную помощь для реинтеграции в общество в форме информирования, консультаций, методического сопровождения и содействия им совместно с социальными, гражданскими и государственными институтами. Иными словами, присутствует преемственность между ресоциализацией и социальной адаптацией, где последняя служит конечным этапом реинтеграции в общество.

В целом при обучении (профилактике), трудовой деятельности и оказании социальной помощи осужденному к принудительным работам гражданско-правовые формы правоотношений возникают в случае профилактического воздействия институтами гражданского общества и защиты нарушенных образовательных, социально-трудовых прав, а также наступления материальной ответственности осужденного при нанесении ущерба и убытков исправительному центру.

При социальной адаптации гражданско-правовые формы связаны с осуществлением труда в исправительном центре, где также должны соблюдаться требования к жилью, условиям труда и отдыха в соответствии с трудовым, социальным и

жилищным законодательством, неисполнение которых приводит к нарушению прав осужденного, который вправе обратиться в суд за защитой и восстановлением нарушенных прав в виде возмещения ущерба и морального вреда.

При социальной адаптации присутствуют гражданско-правовые признаки, связанные с правозащитной деятельностью, а также с профилактикой правонарушений, сопряженной с повышением правовой грамотности посредством образовательного, воспитательного, организационно-методического сопровождения.

В социальной реабилитации участвуют представители гражданского общества, оказывая профилактическое воздействие, направленное на упреждение правонарушений, которые могут совместно с пенитенциарными учреждениями способствовать восстановлению социальных связей и функций осужденного при социальном обслуживании (п. 5 ст. 2 Федерального закона № 182-ФЗ).

Согласно приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 1 августа 2025 г. № 187 «О внесении изменений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 „О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ „О пробации в Российской Федерации“» вступили в силу последние изменения гражданско-правового характера, предусматривающие право на отказ в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; право на повторное обращение за социальной помощью, в том числе по месту жительства. Внесены положения о возможности корректировки индивидуальной программы с учетом критериев оценки нуждаемости по заявлению осужденного. Помощь в виде единовременной денежной выплаты при освобождении предусмотрена только для осужденных, отбывавших наказание в виде лишения свободы.

УДК 347.51

А.Г. Савчук

ДОГОВОРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Одним из способов совершенствования правоохранительной деятельности в сфере противодействия коррупции может стать создание и использование договорных инструментов воздействия на участников экономической деятельности для достижения целей, перечисленных в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон).

В соответствии со ст. 5 Закона юридические лица должны не допускать в своей деятельности нарушения требований законодательства о борьбе с коррупцией, в том числе осуществления в любой форме от их имени или в их интересах подкупа государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

Законом (ст. 43) закреплена и обязанность руководителей органов и организаций принимать установленные законодательством меры, направленные на борьбу с коррупцией, в том числе на предупреждение и выявление нарушений законодательства о борьбе с коррупцией, устранение последствий, наступивших в результате таких нарушений, причин и условий, им способствующих.

Из перечисленных обязанностей обращает на себя внимание необходимость предупреждения, т. е. профилактики, коррупционных правонарушений, в том числе в процессе осуществления экономической деятельности. Для выполнения этой превентивной функции субъектам хозяйствования при заключении разного рода соглашений потребуется использование возможностей гражданско-правовых механизмов противодействия коррупционной деятельности.

Некоторыми исследователями предлагается в деятельности юридических лиц по противодействию коррупции применять антикоррупционные принципы и формы ведения договорной работы. Однако коррупция мгновенно встраивается в различные, даже во вновь возникающие общественные отношения, следовательно, и способы противодействия ей должны быть гибкими и эффективными.

При определении стратегических направлений борьбы с коррупцией в частном секторе (п. 8 разд. II Стратегии борьбы с коррупцией, утвержденной на 25-м заседании Республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией) обоснованно отмечена разработка и внедрение правовых механизмов применения санкций (мер принуждения) в отношении недобросовестных контрагентов в случае нарушения антикоррупционных условий договора (коррупционной оговорки).

Тем не менее в настоящее время законодательство о борьбе с коррупцией не регулирует использование указанного договорного инструмента профилактики коррупционных правонарушений. Не установлены форма и содержание антикоррупционной оговорки, случаи, в которых она могла бы применяться как государственными органами или организациями, так и частными субъектами хозяйствования.

Исходя из принципа свободы договора (ст. 391 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)) стороны вправе самостоятельно определять его условия, включая содержание антикоррупционной оговорки. Вместе с тем, учитывая установленную Законом обязанность принятия мер по профилактике коррупции, соответствующие рекомендации государственных органов и иных организаций по осуществлению указанной работы должны предусматривать включение в договоры, прежде всего о закупках товаров (работ, услуг), антикоррупционной оговорки. Такие меры приняты только отдельными государственными органами. В правовых информационных системах можно найти рекомендации, локальные нормативные акты Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь, которыми закреплены примерные формы договоров о закупке товаров, оказании услуг, выполнении работ, содержащие антикоррупционные оговорки.

Очевидно, что подобные меры способствуют созданию антикоррупционной среды и доверия в экономических отношениях, формируют культуру нетерпимости к коррупционному поведению и оперативного реагирования сторон договора на нарушения законодательства о противодействии коррупции.

По сути, антикоррупционная оговорка – это обязательство сторон честно и добросовестно вести коммерческую деятельность, не использовать незаконные формы заинтересованности контрагента. Она представляет собой гражданско-правовой механизм предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений при исполнении договорных обязательств. Как превентивный механизм позволяет сторонам противостоять коррупционным рискам, самостоятельно формулировать условия уведомления друг друга о выявленном факте коррупционного характера либо о подозрениях на совершение коррупционных действий работниками юридических лиц или иными лицами. Служит инструментом внедрения стандартов корпоративной антикоррупционной политики, обеспечивая единообразие антикоррупционных требований в договорах и снижение репутационных рисков. В то же время гармонизация национальных и международных стандартов в указанной сфере повышает привлекательность экономики для иностранных инвестиций.

Антикоррупционная оговорка предусматривает установление запретов на любые коррупционные действия, механизма контроля за их соблюдением, процедуры выявления и разрешения коррупционных споров, а также санкций за нарушение оговоренных правил поведения.

В части гражданско-правовой ответственности при обнаружении коррупционных правонарушений антикоррупционная оговорка обеспечивает добросовестной стороне возможность расторжения договора по ее требованию (ст. 420 ГК), отказа от договора (ст. 420¹ ГК), взыскания убытков (ст. 364 ГК), штрафа за нарушение условий оговорки (ст. 311 ГК), создавая этим материальные стимулы для отказа от коррупционного поведения.

В юридической литературе отмечается, что на формирование существенных условий договора значительное влияние оказывает природа регулируемых отношений и возможные риски, к которым относятся и коррупционные. Отсутствие в договорах антикоррупционной оговорки специалистами в области оценки и анализа коррупционных рисков называется одним из главных индикаторов наличия указанных рисков в сфере договорной работы организации.

В этой связи для достижения целей противодействия коррупции гражданско-правовыми способами полагаем необходимым не только законодательное закрепление использования в договорах антикоррупционной оговорки, определения ее содержания, но и отнесения оговорки к числу обязательных условий для конкретных видов договоров. Например, отказ от включения такой оговорки в договор при закупках товаров (работ, услуг) должен препятствовать заключению сделки, а ее отсутствие в договоре – влечь его недействительность.

Таким образом, антикоррупционная оговорка – это комплексный инструмент предупреждения, выявления и пресечения коррупции, который позволяет обеспечить добросовестное исполнение договорных обязательств в соответствии с требованиями законодательства о противодействии коррупции. Кроме того, с ее помощью происходит имплементация публично-правовых антикоррупционных норм в частноправовые обязательства.

УДК 340

А.Г. Сачек

ПОНЯТИЕ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ЗАЩИТА ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Формирование цифровой экосистемы в Республике Беларусь сопровождается созданием надежных механизмов для легитимного электронного взаимодействия. Центральное место среди них занимает институт электронной подписи (ЭП), выполняющий функции цифрового удостоверения личности и гаранта аутентичности данных. Назначение данной технологии заключается в обеспечении юридической значимости электронных документов, подтверждении авторства и фиксации факта отсутствия изменений в содержании после заверения. В современной правоприменительной практике ЭП перестала быть опциональным инструментом, превратившись в обязательный компонент для деловой активности, взаимодействия с государственными сервисами и реализации гражданских правомерных действий. Параллельно с ростом ее применения расширяется спектр потенциальных рисков и киберугроз, что актуализирует необходимость построения всесторонней системы безопасности.

Исходные правовые условия применения ЭП определены Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», которым установлен ключевой принцип – равнозначности, признающий электронный документ, удостоверенный электронной цифровой подписью (ЭЦП), юридически соответствующим бумажному носителю с собственноручной подписью при соблюдении регламентированных условий. Также была закреплена прогрессивная трехуровневая классификация. Первый уровень – простая электронная подпись. Формируется с применением стандартных средств идентификации (логин/пароль, SMS-код). Ее юридическое действие возникает исключительно на основании предварительной договоренности сторон, что ограничивает сферу использования преимущественно некритичными операциями, например, авторизацией на информационных ресурсах.

Ко второму уровню можно отнести усиленную неквалифицированную электронную подпись, создаваемую с использованием криптографических методов, позволяющих идентифицировать подписавшего и обнаружить модификацию данных. Для придания ей полной юридической силы также требуется отдельное соглашение между участниками оборота. Такая подпись часто применяется во внутренних корпоративных системах.

Третий уровень – усиленная квалифицированная электронная подпись (КЭП). Наиболее защищенный тип, обладающий безусловной юридической силой. Ее обязательными атрибутами являются: создание посредством сертифицированных криптографических средств и наличие квалифицированного сертификата, выданного аккредитованным удостоверяющим центром (УЦ). Использование КЭП является императивным требованием для участия в отношениях с государственными органами и в официальных электронных процедурах.

Институциональное ядро системы КЭП составляют УЦ, деятельность которых регламентируется приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 10 декабря 2015 г. № 118 «Об утверждении Положения о Государственной системе управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи Республики Беларусь», которым определены полномочия организаций, выполняющих ключевые функции по идентификации пользователей, выпуску и аннулированию сертификатов, формированию доверия в цифровой среде.

Для субъектов хозяйствования КЭП стала технологическим стандартом, обеспечивающим операционную эффективность. Ее применение структурирует несколько ключевых направлений. Во-первых, КЭП служит единственным легитимным средством для представления обязательной электронной отчетности в контролирующие органы: налоговые декларации в Министерство по налогам и сборам, расчеты по страховым взносам в Фонд социальной защиты населения, статистические формы в Национальный статистический комитет, таможенные документы. Это позволяет оптимизировать издержки и минимизировать риски, связанные с бумажным документооборотом. Второе направление – корпоративный и контрагентский электронный документооборот (ЭДО). Подписание договоров, актов, счетов-фактур и иной первичной документации с помощью КЭП получает массовое распространение. Правовой базой выступают нормы гражданского законодательства, признающие электронную форму сделки. Внедрение ЭДО ускоряет бизнес-процессы и повышает надежность юридического сопровождения операций. Третье, внутреннее направление заключается в использовании КЭП для визирования внутренних распоряжений, приказов, а также кадровых документов (трудовых договоров, дополнительных соглашений), что особенно актуально для управления удаленными сотрудниками.

Обращаем внимание на тот факт, что многие электронные торговые площадки, а также системы дистанционного банковского обслуживания требуют применения КЭП для совершения юридически значимых действий, таких как подача предложений, подписание контрактов или распоряжение средствами. Особое место ЭЦП занимает в осуществлении процедуры государственных закупок. Сфера государственных закупок, регулируемая Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», демонстрирует модель почти абсолютного применения КЭП. Весь цикл процедуры в Единой информационной системе (goszakupki.by) – от регистрации участника до заключения контракта – требует использования КЭП, которая здесь выступает не просто инструментом подписи, а технологическим гарантом прозрачности, конкурентности и безопасности всей закупочной процедуры.

Вместе с тем активное использование ЭЦП приводит к повышению риска возникновения угроз противоправных посягательств, включающих кражу носителей ключа, мошенническое получение сертификатов, использование подписи под принуждением, кибератаки на инфраструктуру и др. Ведущее место в противодействии указанному виду угроз играют органы системы обеспечения национальной безопасности.

Представляется необходимым обратить внимание на основные направления деятельности по нивелированию рисков и угроз, связанных с совершением правонарушений с использованием ЭЦП. Ведущую роль здесь играет профилактическая работа. Совместно с регулятором и УЦ правоохранительные органы участвуют в информировании граждан и организаций о правилах безопасного использования ЭП, что способствует снижению рисков, связанных с человеческим фактором. Тесное сотрудничество с регуляторами и иностранными компетентными органами позволяет оперативно обмениваться данными о новых угрозах и координировать ответные действия. Не менее важна контрольная функция, заключающаяся в мониторинге соблюдения порядка выдачи сертификатов. Проверки УЦ на предмет корректности идентификации заявителей позволяют предотвращать попытки получения сертификатов по подложным документам. В случаях когда превентивные и контрольные мероприятия не дали положительного результата и совершено правонарушение с использованием ЭЦП либо направленное на незаконное завладение ЭЦП, правоохранительные органы обладают широким инструментарием по их раскрытию и расследованию, а также по выявлению и нейтрализации вредоносного программного обеспечения.

Таким образом, ЭП в Республике Беларусь сформировалась в целостную экосистему, являющуюся фундаментом цифровой трансформации в соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1. Ее надежность обеспечивается синтезом криптографических технологий, институционального регулирования и правоохранительного контроля. Правоохранительная система выступает в качестве необходимого элемента этой архитектуры, выполняя не только карательную, но и превентивную функцию. Эффективное расследование киберпреступлений, противодействие мошенничеству и системная профилактика формируют среду, в которой доверие к цифровым инструментам может устойчиво развиваться.

УДК 347.1

П.А. Тарасов

НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Стремительное развитие цифровой экономики в Республике Беларусь оказывает существенное влияние на трансформацию гражданского оборота и систему объектов гражданских прав. Цифровизация затрагивает не только формы взаимодействия участников гражданских правоотношений, но и само содержание общественных отношений, в рамках которых по-

являются новые виды объектов, не укладывающиеся в традиционные правовые конструкции. В этих условиях информация, являющаяся самостоятельным объектом гражданских прав, приобретает иные формы представления, связанные с ее функционированием в цифровой среде.

Перевод информации в цифровую форму сопровождается изменением способов доступа к ней, скорости передачи, возможностей обработки и тиражирования, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта. Указанные свойства повышают экономическую ценность информации, но вместе с тем создают дополнительные риски нарушения прав ее обладателей. В связи с этим особо актуальным представляется рассмотрение понятия цифровой информации и иных связанных с ней проблемных аспектов.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствуют комплексные научные исследования, связанные с проблемами цифровой информации в гражданском праве. Тем не менее анализ существующих сегодня теоретико-правовых разработок позволяет вынести некоторые суждения, касающиеся данного вида информации.

Во-первых, в современном гражданском праве отсутствует единый и четко сформированный терминологический аппарат в сфере цифровой информации. В юридической литературе многими правоведами (В.А. Вайпан, А.Е. Канакова, П.У. Кузнецов, В.В. Мартынов, К.А. Мефодьева, Л.К. Терещенко и др.) используются такие понятия, как «цифровая информация» и «цифровые данные». Они встречаются и в белорусском законодательстве (например, в Законе Республики Беларусь от 5 марта 2024 г. № 356-З «Об обращении с генетическими ресурсами», Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь и др.). Однако их легальные определения отсутствуют. Это приводит к неопределенности в правоприменительной практике и затрудняет квалификацию соответствующих объектов.

На основе изучения международных нормативных правовых актов и доктринальных подходов можно сделать вывод о том, что понятие «цифровая информация» носит более широкий характер и охватывает все виды сведений, обрабатываемых при использовании информационно-коммуникационных технологий, включая цифровые данные. В целях совершенствования гражданско-правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере представляется обоснованным использование именно категории «цифровая информация», поскольку традиционно объектом гражданских прав признается информация как таковая, независимо от формы ее фиксации. Опираясь на международный опыт, для решения данного проблемного вопроса требуется разработка и закрепление легального определения понятия «цифровая информация» Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации».

Во-вторых, немаловажным является определение места цифровой информации в системе объектов гражданских прав. Действующее гражданское законодательство Республики Беларусь не предусматривает цифровую информацию в качестве самостоятельного объекта. В данном случае имеет место, как справедливо отмечает И.З. Аюшеева, «проблема существования так называемых непоименованных объектов, которые не нашли легального закрепления в законе, однако по поводу которых возникают субъективные гражданские права и обязанности». Цифровая информация является неоднородной категорией и включает в себя различные по своей природе объекты (например, персональные и биометрические данные, базы данных, большие данные, цифровые активы, учетные записи, цифровые следы, алгоритмы, созданные системами искусственного интеллекта, и иные объекты). Полагаем, что попытка признания цифровой информации единым самостоятельным объектом гражданских прав и включение ее в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь может привести к смешению правовых режимов и дублированию уже существующих объектов, в частности нераскрытой информации.

В качестве решения данной проблемы предлагается использование дифференцированного подхода к правовой квалификации цифровой информации в зависимости от ее вида и функционального назначения. Он подразумевает ее частичную объективацию через уже существующие категории. Так, например, биометрические персональные данные можно рассматривать как информацию ограниченного доступа (нераскрытую информацию), цифровой образ физического лица – в качестве нематериального блага, токены – в виде имущественных прав и т. д.

В-третьих, принятые в белорусском государстве нормативные правовые акты (Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» и др.) посвящены отдельным аспектам цифровизации. Они регулируют лишь некоторые проблемные вопросы, но не формируют целостной модели оборота цифровой информации. Это затрудняет разграничение правовых режимов новых видов информации и повышает риск возникновения пробелов и коллизий в законодательстве.

По нашему мнению, отсутствие общих критериев правового режима цифровой информации также осложняет защиту прав ее обладателей. В зависимости от вида цифровая информация может обладать признаками нематериальных благ, нераскрытой информации, имущественных прав и иных объектов. Неправильная квалификация таких объектов способна привести к неверному выбору способов защиты и снижению эффективности гражданско-правовой защиты в целом.

Для преодоления указанной проблемы представляется целесообразным использование комбинированного подхода. Он предполагает разработку общих норм, регулирующих общественные отношения в цифровой среде, а также дифференциацию новых видов объектов в зависимости от их специфики.

В качестве практического решения предлагается разработка и принятие концепции оборота цифровой информации. Она могла бы закрепить цели и принципы оборота цифровой информации, определить ее основные виды и критерии ее правовой квалификации, а также обеспечить согласованность гражданского законодательства с иными актами в сфере цифровизации. Полагаем, что принятие такой концепции позволит конкретизировать терминологический аппарат (устранит имеющиеся пробелы), выделить отдельные виды цифровой информации с возможностью расширения их перечня (снимет необходимость принятия множества новых специальных законодательных актов), а также определить режим их правовой охраны (создаст условия использования имеющихся правовых норм).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровая информация является неоднородной категорией, которая требует комплексного подхода к правовому регулированию с опорой на существующие институты гражданского права и

разработку общих межотраслевых правовых норм. Предложенные меры – разработка легального определения, принятие концепции оборота цифровой информации, а также внесение точечных изменений в законодательство Республики Беларусь – позволят устранить терминологические пробелы, обеспечить четкую квалификацию объектов и эффективную защиту прав субъектов в цифровой среде. Реализация этих предложений будет способствовать устойчивому развитию цифровой экономики белорусского государства.

УДК 347.518

А.В. Чигилейчик

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА

Цифровизация и развитие информационного общества невозможны без искусственного интеллекта. В современный период искусственный интеллект рассматривается как масштабный, массовый инструмент, внедряемый повсеместно во все сферы жизнедеятельности общества, а не как ранее – недоступная экспериментальная технология. Действующее в данной сфере законодательство, в том числе гражданское, подвержено динамичным изменениям. Сегодня определены концептуальные основы использования в гражданском обороте искусственного интеллекта. Так, Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348, в рамках направления «Машиностроение, машиностроительные технологии, приборостроение и инновационные материалы» предусмотрена реализация проектов по формированию кластера производств электротранспорта различного назначения (в перспективе – беспилотных и автономных), разработке роботизированных (коллаборативных) систем с использованием технологий искусственного интеллекта (в том числе обрабатывающих центров и станков с числовым программным управлением), а также их компонентов (бескорпусные двигатели и сервомоторы); в рамках направления «Цифровые информационно-коммуникационные и междисциплинарные технологии, основанные на них производства» будут выполняться проекты по внедрению аппаратных и программных решений с использованием искусственного интеллекта.

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь» в сферах гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства предстоит урегулировать вопросы обращения цифрового имущества и цифровых имущественных прав, применения искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем, беспилотного транспорта (подп. 45.4 п. 45).

Вместе с тем технологии искусственного интеллекта не только оказывают существенное влияние на гражданский оборот, но и несут в себе значительные риски причинения вреда. При этом потенциальная природа риска причинения вреда искусственным интеллектом изменилась в сторону увеличения масштабности и непрогнозируемости. В качестве примера можно привести в том числе экологический след искусственного интеллекта, связанный с энергопотреблением. Проблема, связанная с возмещением вреда, причиненного искусственным интеллектом, усугубляется автономностью функционирования искусственного интеллекта, самостоятельностью и независимостью в принятии им отдельных решений, представлении информации и т. п. Противодействие рискам, связанным с причинением вреда технологиями искусственного интеллекта, необходимо минимизировать эффективным гражданско-правовым регулированием, его адаптацией к реалиям современного общества.

В настоящее время к рискам, связанным с причинением вреда в связи с внедрением искусственного интеллекта, можно отнести следующие: неправомерное распространение персональных данных; изменение и интерпретация смарт-контрактов; дорожно-транспортные происшествия с беспилотным транспортом (активированным режимом автопилота); ошибочная медицинская диагностика с использованием систем искусственного интеллекта, ненадлежащие роботизированные медицинские операции, повлекшие серьезные осложнения здоровья; неверные финансовые рекомендации, влекущие существенные финансовые потери; ненадлежащая оценка рисков клиентов при кредитовании, влекущая отказы на основании дискриминационных и иных факторов; неправомерное удаление контента в социальных сетях системами мониторинга, созданными на основе искусственного интеллекта; распространение не соответствующих действительности сведений (например, предоставление ошибочной информации о политике компаний: тарифах, услугах и т. п.).

Не менее важным риском выступает риск определения субъекта гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда в результате использования технологий искусственного интеллекта. Сегодня системы искусственного интеллекта не наделены особым правовым статусом, определяющим ответственность за причинение вреда. Общеизвестно, что субъектами гражданско-правовой ответственности за причинение вреда могут выступать разработчики, создавшие соответствующие алгоритмы и модели, используемые в искусственном интеллекте, пользователи, применяющие искусственный интеллект, производители оборудования, юридические лица, производящие устройства со встроенным искусственным интеллектом, ответственные за дефекты своих разработок. Необходимость исключения правовой неопределенности в установлении субъекта гражданско-правовой ответственности не вызывает сомнений и требует оперативной корректировки гражданского законодательства.

Таким образом, в сфере противодействия рискам, связанным с причинением вреда технологиями искусственного интеллекта, видится целесообразным:

1) системное внесение изменений в гражданское законодательство, регулирующее возмещение вреда, причиненного системами искусственного интеллекта; определение надлежащего субъекта гражданско-правовой ответственности; проведение масштабной ревизии всего гражданского законодательства, регулирующего возмещение вреда, причиненного технологиями искусственного интеллекта, на предмет противодействия соответствующим рискам;

2) определение правового статуса виртуальных и киберфизических (роботизированных) форм искусственного интеллекта, с уточнением ограничений и запретов их использования; конкретизация субъекта, ответственного за причинение вреда; проработка вопроса, связанного с отнесением искусственного интеллекта к источникам повышенной опасности;

3) включение в систему объектов гражданских прав объектов, созданных искусственным интеллектом, законодательное определение их как вещей, иного имущества и интеллектуальной собственности, обеспечение их надлежащей правовой охраны.

УДК 347.634/ 637

Е.В. Шандроха

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ

Благоприятный рост и развитие детей для Республики Беларусь является одним из приоритетных направлений государственной политики, реализуемых в целях формирования стабильного и процветающего общества.

Данный тезис отражен в Конституции Республики Беларусь, а также отраслевых нормативных правовых актах, регулирующих семейные правоотношения. Важность и значимость указанной сферы общественных отношений подтверждается закреплением положений, касающихся семьи, Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь» (далее – Концепция). Так, в соответствии с подп. 26.1 п. 26 Концепции сохранение социальной направленности законодательства, которое в том числе защищает традиционные ценности – семью как основную ячейку общества, материнство, отцовство и детство, является одной из характерных положительных тенденций формирования и развития национальной правовой системы нашего государства.

Несомненно, один из способов защиты детства – становление ребенка в семье, рядом с родителями, родными и близкими людьми. Однако нередки случаи, когда исходя из интересов ребенка государством в лице государственных органов принимается решение об ограждении ребенка от его родителей. Реализацией такого решения может быть лишение родительских прав. Следует отметить, что такие случаи нередки, и, к сожалению, сегодня наблюдается рост количества вынесенных по делам о лишении родительских прав решений с удовлетворением заявленных требований, что подтверждается статистическими данными о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия. Так, в 2024 г. было удовлетворено 2 558 исков о лишении родительских прав. Для сравнения: количество таких решений в 2023 г. составило 2 312, а в 2022 г. – 2 266.

Вместе с тем необходимо заметить, что лишение родительских прав – самая суровая и исключительная мера, применяемая к родителям в случае ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей. До принятия ответственного решения о разрыве правовой связи родителя и ребенка государственными органами применяются превентивные меры, способствующие исправлению родителя, что, в свою очередь, является реализацией восстановительной функции семейно-правовой ответственности. При этом, в случае продолжения ненадлежащего поведения родителей и нарушения прав и законных интересов детей, суд принимает решение о лишении таких родителей их прав по отношению к несовершеннолетним.

Необходимо отметить исключительность как признак указанной меры, применяемой к родителям. Безусловно, при вынесении решения о лишении родительских прав родители утрачивают права по отношению к своим детям, что подтверждается в том числе возможностью третьих лиц усыновления таких несовершеннолетних детей. Вместе с тем законодательство закрепляет еще одну возможность воссоединения семьи – восстановление родителя в его родительских правах.

Несмотря на то что законодательством родителям предоставлено право восстановления их в родительских правах, далеко не все законные представители прибегают к данной возможности. Так, например, согласно статистическим данным Верховного Суда Республики Беларусь в 2023 г. лишь 97 лиц было восстановлено судом в родительских правах. При этом, как отмечалось ранее, за данный период количество лиц, лишенных родительских прав, составило 2 312. Таким образом, только 4 % родителей обратились в суд и смогли подтвердить своими действиями способность надлежащим образом исполнять родительские права и обязанности.

Исходя из положений ст. 84 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) можно говорить о том, что восстановление в родительских правах допускается при соблюдении определенных условий: воссоединение с родителями удовлетворяет интересам ребенка; с момента вступления в законную силу решения суда о лишении родителя его прав по отношению к ребенку прошло не менее шести месяцев; несовершеннолетний не был усыновлен в течение этого срока; получено согласие от самого несовершеннолетнего, достигшего десятилетнего возраста.

Норма гласит, что суд принимает решение о восстановлении в родительских правах, если оно не противоречит интересам ребенка. Что следует понимать под данным положением?

Разумеется, ненадлежащее выполнение родительских обязанностей по воспитанию и содержанию детей, являясь основанием к лишению родительских прав, порождает в том числе и нарушение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних детей, так как такое поведение родителей оказывает негативное воздействие на качество жизни и становление детей. Исходя из этого, можно утверждать, что одним из важнейших оснований к принятию судом решения о восстановлении в родительских правах является исправление родителя, исполнение им своих родительских обязанностей надлежащим образом, не нанося вред благополучию ребенка, его психологическому состоянию и развитию. Данный факт подтверждается и п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г. № 7 «О судебной практике

по делам о лишении родительских прав», которым закрепляется требование к суду о необходимости проверки изменения поведения и образа жизни родителей, лишенных родительских прав, и выяснения их отношения к воспитанию детей. Для принятия соответствующего решения суд изучает акт обследования жилищно-бытовых условий жизни истца и заключение о возможности воспитания ребенка в его семье, предоставляемые органом опеки и попечительства.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на исключительность такой меры, как лишение родительских прав, у родителей все же есть шанс вернуть ребенка в семью и восстановить свои родительские права по отношению к нему. Суд в данном случае выносит необходимое решение при условии, что оно соответствует интересам несовершеннолетнего. При этом, на наш взгляд, целесообразно закрепление ст. 84 КоБС важности именно исправления родителя по отношению к своему ребенку, начала надлежащего исполнения им обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетнего, что в настоящее время в норме не отражено.

УДК 347.2

И.Н. Яхновец

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В современном обществе информационные технологии приобретают ключевое значение в различных сферах человеческой деятельности, оказывая существенное воздействие на экономику, социальные отношения и правовую систему. Развитие цифровых финансовых активов ставит перед юридическим сообществом задачу адаптации законодательства к динамично меняющейся цифровой реальности. В этом контексте важно обеспечить не только актуальное правовое регулирование данной сферы отношений, но и единообразное использование терминологии.

В последнее время в сфере экономики и права все более активно появляются новые термины, используемые при регулировании цифровой среды. Научные публикации также оперируют терминами «финансовые активы», «цифровые финансовые активы», «цифровые технологии», «цифровые знаки», «криптовалюта», «токены» и др., однако в законодательстве не все используемые термины нашли свое закрепление. Такое многообразие понятий может создавать неопределенность в правовом статусе цифровых активов, а также сложности в правоприменительной практике, например, при их наследовании. В настоящее время в научной литературе одним из наиболее часто используемых терминов, позволяющих охватить многообразие дефиниций, является «цифровой актив» или «цифровой финансовый актив».

Следует отметить, что в Республике Беларусь отсутствует законодательно закрепленное понятие цифрового финансового актива, однако в нормативных правовых актах нашло свое закрепление понятие «финансовый актив». Необходимо обратить внимание, что наблюдается некоторое противоречие при определении данной дефиниции. Например, в Национальном стандарте бухгалтерского учета и отчетности «Финансовые инструменты», утвержденном постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 22 декабря 2018 г. № 74 «О бухгалтерском учете финансовых инструментов», финансовый актив понимается как актив, представляющий собой: денежные средства, в том числе эквиваленты денежных средств, а также долевого финансового инструмента другого лица или право получения финансового актива от другого лица, обмена финансовым инструментом с другим лицом на выгодных для организации условиях, в том числе получения переменного количества собственных долевого финансовых инструментов от иного лица. В Положении о финансировании коммерческих организаций под уступку прав (требований) за счет средств, привлеченных путем эмиссии облигаций, либо с последующей эмиссией облигаций, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 11 мая 2017 г. № 154 «О финансировании коммерческих организаций под уступку прав (требований)», под финансовым активом понимаются денежные средства, ценные бумаги, а также иные объекты гражданских прав, перечень которых определяется республиканским органом государственного управления, осуществляющим государственное регулирование рынка ценных бумаг. Существующее противоречие свидетельствует о том, что приведенные определения рассматриваемой дефиниции зависят от вида регулируемых отношений, что может порождать неоднозначность правоприменительной практики. Также законодатель не предусмотрел возможность отнесения к финансовым активам технологии блокчейн и криптографии, которые могут существовать и передаваться в электронной форме без необходимости централизованного контроля со стороны финансовых институтов. Таким образом, определение финансовых активов включает в себя широкий спектр активов, а цифровые финансовые активы отличаются своей электронной и децентрализованной природой, что связано с использованием современных технологий.

В отличие от отечественного законодательства, в Российской Федерации цифровые финансовые активы нашли свое правовое закрепление. Они регулируются Федеральным законом Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, включающие: денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, в том числе право требовать передачи данных ценных бумаг, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы; права участия в капитале непубличного акционерного общества.

Из законодательно закрепленного определения цифровых финансовых активов следует, что ими являются цифровые права. Необходимо отметить, что регулирование цифровых прав в России осуществляется в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которому цифровыми правами признаются обязательственные

и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным признакам. Гражданский кодекс Российской Федерации определяет правовой статус цифровых прав и устанавливает основные принципы их оборота. Цифровые права признаются объектами гражданских прав и могут быть переданы, унаследованы, а также использованы в сделках с соблюдением установленных законом требований.

В отличие от законодательства Российской Федерации, белорусское не использует термин «цифровой финансовый актив», а оперирует термином «цифровой знак (токен)». Основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок использования цифрового знака (токена), является Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет о развитии цифровой экономики), который закрепил следующее определение цифрового знака (токена): запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой. В данном случае объектом гражданских прав непосредственно выступают имущественные права, с которыми можно совершать любые действия, предусмотренные Гражданским кодексом Республики Беларусь, однако Декретом о развитии цифровой экономики установлены ограничения по обороту криптовалюты между субъектами гражданского права. Юридические лица вправе создавать, владеть, приобретать, хранить токены в виртуальных кошельках, а также совершать с ними иные сделки с учетом особенностей и установленных ограничений. Физические лица вправе, с учетом особенностей, установленных законодательством, владеть токенами, осуществлять майнинг, хранение в виртуальных кошельках, обменивать, приобретать, отчуждать, а также дарить их и завещать.

Проведенный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере цифровых активов позволяет констатировать, что, несмотря на принимаемые законодателем меры по правовому регулированию цифровой экономики, в национальных правовых порядках сохраняется терминологическая неоднородность, оказывающая непосредственное влияние на гражданско-правовой оборот соответствующих объектов. В Российской Федерации цифровые финансовые активы получили нормативное закрепление как разновидность цифровых прав, признанных объектами гражданских прав. В Республике Беларусь, напротив, использование категории «цифровой знак (токен)» в отсутствие системного включения цифровых объектов в структуру объектов гражданских прав порождает доктринальные и практические сложности, в том числе при квалификации сделок, наследовании и определении объема субъективных гражданских прав. В условиях цифровизации имущественного оборота и с учетом тенденций унификации гражданского законодательства Союзного государства представляется целесообразным дальнейшее развитие и уточнение гражданско-правовой регламентации цифровых активов, направленные на формирование единого понятийного аппарата и устранение выявленных нормативных противоречий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУХАЛИЛОВ Хожиакбар Дилмурод угли – старший преподаватель кафедры административного права Академии МВД Республики Узбекистан.

АБРАМЧУК Анатолий Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

АВРАМЧИК Наталья Викторовна – старший оперуполномоченный управления уголовного розыска криминальной милиции УВД Минского облисполкома.

АКСЕНЧИК Серафим Святославович – оперуполномоченный отделения уголовного розыска криминальной милиции Ждановичского отдела милиции УВД Минского райисполкома.

АЛЕКПЕРОВ Руслан Ракбер оглы – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

АЛЕШКА Дарина Сергеевна – эксперт Брестского межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

АНАНИЧ Валерий Антонович – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор.

АНИЩЕНКО Инесса Алексеевна – профессор кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

АЧИНОВИЧ Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры международного экономического права факультета права Белорусского государственного экономического университета.

БАЛИТКИН Александр Валерьевич – доцент кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

БАРСУК Ирина Александровна – доцент кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент.

БАРХАТОВА Екатерина Николаевна – профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

БАХУР Олег Иванович – начальник кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БЕЗБОРОДОВ Александр Сергеевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

БЕЛОМЫТЦЕВ Николай Николаевич – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

БЕСКИШКИЙ Артём Александрович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

БОНДАРЕНКО Алексей Эдуардович – старший преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД Республики Беларусь.

БОРИСЕВИЧ Егор Владимирович – оперуполномоченный группы по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции отдела внутренних дел Щучинского райисполкома.

БОРОВАЯ Елена Владимировна – начальник кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БОРОВИК Пётр Леонидович – доцент кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БОРОДИЧ Алексей Иванович – профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БОРОДУЛЬКИНА Екатерина Сергеевна – ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности, осуществления правосудия и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БУРАКОВ Сергей Леонидович – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь.

БУРОВ Артём Викторович – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ВЕРЕМЕЕНКО Виталий Михайлович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ВЕРУШ Алла Ивановна – профессор кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат политических наук, доцент.

ВИЛЬМАК Дмитрий Геннадьевич – заместитель начальника кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ВИШНЕВСКАЯ Татьяна Игоревна – доцент кафедры общеправовых и уголовно-правовых дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ВОЛКОВ Владимир Александрович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ВОРОБЕЙ Анна Валерьевна – старший эксперт экспертно-криминалистического отдела Заводского (г. Минска) межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ВОРОНОВ Алексей Михайлович – главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ВОРОПАЕВ Дмитрий Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ВЫСОЦКАЯ Полина Николаевна – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ГАВРИЛЮК Михаил Николаевич – заместитель начальника кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь.

ГАЙКОВИЧ Сергей Леонтьевич – заместитель начальника уголовно-исполнительного факультета по учебной работе Академии МВД Республики Беларусь.

ГАЛЬЦОВ Вячеслав Станиславович – доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГВОЗДЕВ Дмитрий Владимирович – профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГИНДРАНКОВ Алексей Васильевич – заместитель начальника отдела внутренних дел администрации Центрального района г. Гомеля по идеологической работе и кадровому обеспечению.

ГНИЛЯКЕВИЧ Виктор Леонидович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ГОЛОВАНОВ Денис Владимирович – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

ГОЛУБЕВ Василий Леонидович – профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент.

ГОРБАЧЁВ Сергей Владимирович – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ГРАБОВСКИЙ Тимур Александрович – начальник цикла подготовки операторов беспилотных летательных аппаратов кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ГРЕЧЕНКОВ Аркадий Анатольевич – профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГРИБ Денис Вячеславович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ГРИГОРОВИЧ Василий Леонидович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ГРИГОРЬЕВ Александр Владимирович – начальник кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГРИГОРЬЕВА Елена Николаевна – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГРИШИН Борис Сергеевич – старший инспектор по административной практике отдела государственной автомобильной инспекции УВД Минского райисполкома.

ГУБИЧ Михаил Валерьевич – заместитель начальника кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГУЛЮК Артём Александрович – старший оперуполномоченный по особо важным делам управления по противодействию киберпреступности криминальной милиции УВД Брестского облисполкома.

ДЕГОНСКИЙ Сергей Юрьевич – начальник кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ДЕНИСЕВИЧ Михаил Владимирович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ДЕШУК Александр Владимирович – доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ДОБРИЯН Сергей Васильевич – начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ДОРОЩЁНОК Игорь Леонидович – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь.

ДРОБИШЕВСКИЙ Андрей Валерьевич – заместитель начальника отдела внутренних дел администрации Железнодорожного района г. Гомеля по идеологической работе и кадровому обеспечению.

ДРОЗД Александра Николаевна – начальник кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ДУБИНКО Наташа Александровна – профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент.

ДУБАВА Надежда Михайловна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь.

ДУХОВСКИЙ Сергей Витальевич – профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

ДУХОВНИК Юрий Евгеньевич – заместитель начальника кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЕГОРОВ Дмитрий Анатольевич – начальник кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЕМЕЛЬЯНОВА Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

ЕРМОЛОВИЧ Дмитрий Владимирович – профессор кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЕСЬКО Александр Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЖУК Мария Генриховна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

ЖУКОВСКАЯ Марина Александровна – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь.

ЗАКИРОВ Тимур Маратович – научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Самарского юридического института ФСИН России.

ЗИНОВЕНКО Виталий Владимирович – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЗУБАРЕВА Людмила Леонидовна – заместитель директора Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ЗУБКОВСКИЙ Денис Сергеевич – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ИВАНОВ Андрей Викторович – старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ИВАНОВА Людмила Аполлоновна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ИВАНЦОВА Александра Игоревна – преподаватель кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь.

ИВАНЬКОВИЧ Дарья Викторовна – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

КАБАК Олег Михайлович – преподаватель кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь.

КАБАШНИКОВА Людмила Федоровна – профессор кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь, доктор биологических наук, доцент.

КАДЫРОВА Чолпон Айзабековна – начальник кафедры общественно-политических дисциплин и психологии Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева, доктор юридических наук, доцент.

КАЗАКЕВИЧ Светлана Михайловна – заведующая кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КАМИНСКИЙ Владислав Викторович – старший офицер управления войсковой части 1250.

КАПИТАНОВА Анастасия Александровна – заместитель начальника следственно-экспертного факультета по учебной работе Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КАРАБАНОВ Вадим Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

КАРАЗЕЙ Олег Георгиевич – заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КАРИМОВА Татьяна Сергеевна – заведующая кафедрой иностранных языков и культуры речи Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

КАРПОВ Кирилл Николаевич – доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

КАРЯГИН Руслан Сергеевич – преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шиловой.

КАШИНСКИЙ Михаил Юльевич – начальник научно-исследовательского отдела Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КАЩЕЕВ Андрей Владимирович – ученый секретарь ученого совета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук.

КИЙКО Николай Владимирович – начальник уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КЛЮЧКО Римма Николаевна – заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

КЛЮЧНИКОВ Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

КОВАЛИК Борис Владимирович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

КОВАЛЬЧУК Алексей Васильевич – докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КОВАЛЬЧУК Кристина Юрьевна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

КОЖАПЕНЬКО Сергей Александрович – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

КОЗЕЛ Александр Александрович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент.

КОЗЕЛЕЦКАЯ Наталья Ивановна – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

КОЗЕЛЕЦКИЙ Иван Владимирович – начальник кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КОЗЛОВ Виталий Евгеньевич – доцент кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КОЛБАСИН Дмитрий Ануфриевич – профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

КОЛЕСНИК Павел Андреевич – старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь.

КОЛЯГО Виктор Витольдович – заместитель начальника кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КОНОНОВИЧ Андрей Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

КОРБАН Арина Александровна – инспектор специального отдела следственного изолятора № 2 управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по Витебской области.

КОРЕНЬ Татьяна Анатольевна – заведующая кафедрой юриспруденции факультета экономики и права Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, кандидат юридических наук, доцент.

КОСТЮК Анастасия Сергеевна – старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь.

КОСТЮКЕВИЧ Денис Викторович – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

КОСТЮКОВИЧ Эдуард Петрович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КОТ Виктор Сергеевич – заместитель начальника кафедры оперативно-тактической подготовки внутренних войск факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

КОТЕНКО Елена Викторовна – профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат филологических наук, доцент.

КРАВЕЦ Владислав Владимирович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

КРАВЦОВА Марина Александровна – доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КРИВОНОЩЕНКО Александр Сергеевич – доцент кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КРЮКОВ Владимир Николаевич – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КУДЛА Никита Андреевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

КУДРЯВЦЕВ Дмитрий Сергеевич – заместитель начальника факультета милиции общественной безопасности по учебной работе Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КУЗЬМЕНКОВА Светлана Валерьевна – доцент кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

КУРАЛЕНЯ Сергей Леонидович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ЛАВРЕНОВ Виктор Вячеславович – старший преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ЛАПАНОВИЧ Сергей Фёдорович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

ЛАСТОВСКИЙ Александр Андреевич – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь.

ЛЕВЧЕНКОВА Анастасия Юрьевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

ЛЕВШУК Ольга Ивановна – начальник кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛИСАУСКАЙТЕ Валентина Влодо – профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ЛОЙКО Лариса Егоровна – профессор кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент.

ЛОСЕВА Виктория Геннадьевна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЛУГОВСКИЙ Сергей Григорьевич – доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛУКЬЯНЧИК Максим Иванович – начальник отдела внутренних дел Столинского райисполкома.

ЛУМПОВ Николай Александрович – старший преподаватель кафедры организации огневой и физической подготовки Академии управления МВД России.

МАГАЗИНЩИКОВА Мария Александровна – преподаватель кафедры административной деятельности факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь.

МАРКИНА Вера Вячеславовна – судья Брестского областного суда.

МАРКОВА Оксана Валентиновна – начальник кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МАРТЫНЕНКО Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор.

МАРТЫНОВ Артём Олегович – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МАРЦЫНКЕВИЧ Наталья Анатольевна – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МАРЧУК Василий Васильевич – профессор кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

МАТЛАК Антон Николаевич – начальник кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

МАТЮК Алексей Викторович – доцент кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МАТЮШЕНКО Николай Евгеньевич – заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

МЕЕРСОН Владислав Романович – доцент кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

МЕЗЯК Вадим Юрьевич – старший преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

МЕЛЕШКО Валерий Владимирович – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МИЛЮС Александр Иозосович – заместитель начальника кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

МИТРОФАНОВА Светлана Вячеславовна – доцент кафедры административно-правовых и процессуальных дисциплин Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук.

МИХАЭЛИС Дмитрий Владимирович – старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат исторических наук.

МИХНЕВИЧ Виктория Назимовна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

МУРАШКО Александр Иванович – начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

МЫТНИК Пётр Васильевич – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

НАЗАРЕНКО Денис Анатольевич – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

НЕКРАШЕВИЧ Татьяна Анатольевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

НЕКРАШЕВИЧ Филипп Анатольевич – доцент кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

НЕМЧИНСКАЯ Валерия Васильевна – инспектор специального отдела исправительной колонии № 1 управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по Витебской области.

НЕСТЕР Иван Сергеевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

НЕФЁДОВ Илья Олегович – старший инспектор по особым поручениям отдела нормативно-правовой работы управления правового обеспечения штаба МВД Республики Беларусь.

НИКИФОРЁНОК Александр Павлович – старший преподаватель кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь.

НОВИКОВА Екатерина Викторовна – заведующая кафедрой судебной деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

НОВОЛОДСКАЯ Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и культуры речи Восточно-Сибирского института МВД России.

ОЗЕРОВ Алексей Андреевич – преподаватель кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь.

ОРЛОВ Кирилл Александрович – начальник кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОСИПОВА Наталья Александровна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ПАВЛЕНКО Денис Алексеевич – начальник отдела воспитательной работы со спецконтингентом в исправительных учреждениях, следственных изоляторах и лечебно-трудовых профилакториях управления организации исправительного процесса Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь.

ПАВЛОВ Вадим Иванович – заместитель директора Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь – руководитель Института правовых исследований, кандидат юридических наук, профессор.

ПАВЛОВЕЦ Галина Александровна – начальник научно-исследовательского отдела Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАВЛЮТЬ Ольга Вячеславовна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ПАГОЦКИЙ Василий Александрович – старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела уголовного розыска УВД администрации Ленинского района г. Минска.

ПАНТЕЛЕЕВА Наталья Викторовна – доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ПАРАЩЕНКО Виктор Владимирович – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАСИНИЦКИЙ Николай Леонидович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

ПАСТУШЕНЯ Александр Николаевич – профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, доктор психологических наук, профессор.

ПАТРАШ Наталья Васильевна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН России, кандидат исторических наук.

ПАЦКЕВИЧ Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ПАШКЕЕВ Михаил Александрович – первый заместитель начальника Колледжа МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАШУТА Игорь Владимирович – заместитель начальника учебно-методического управления – начальник отдела контроля качества образовательного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАШУТА Наталья Николаевна – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

ПЕТРУСЕВИЧ Максим Геннадьевич – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ПИКТА Владислав Игоревич – старший преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ПИЛЮШИН Святослав Викторович – доцент кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПЛЕСКАЧ Владислав Андреевич – старший инспектор отдела международного сотрудничества управления организационно-правовой и международной деятельности Академии МВД Республики Беларусь.

ПОДУПЕЙКО Александр Алексеевич – профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПОЛУЯН Валерия Александровна – помощник прокурора Ленинского района г. Минска.

ПОМАЗЕНКО Татьяна Леонидовна – старший преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД Республики Беларусь.

ПОСТНИКОВА Алла Анатольевна – профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПРИЛЕПИН Владимир Петрович – профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент.

ПРОКОПЕНКО Глеб Михайлович – главный эксперт отдела дактилоскопических учетов управления дактилоскопии, баллистики и поретральной идентификации главного управления криминалистических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ПРОТАШИК Павел Игоревич – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь.

ПРОТОСЕВИЧ Сергей Иванович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ПУХОВ Артём Александрович – заместитель начальника управления экспертно-аналитической работы Секретариата Всебелорусского народного собрания, кандидат юридических наук, доцент.

РАДОМАН Виталий Николаевич – профессор кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

РЕУТСКАЯ Елена Александровна – доцент кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

РОДЕВИЧ Андрей Валерьевич – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

РОДИЧЕВА Ирина Владимировна – старший следователь второго следственного отделения Лидского районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

РОЖКОВА Анна Юрьевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент.

РОПОТ Руслан Михайлович – начальник кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

САВРУК Ян Вячеславович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

САВЧУК Александр Григорьевич – судья Верховного Суда Республики Беларусь.

САКУЛЕВИЧ Елена Владимировна – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии МВД Республики Беларусь.

САЧЕК Александр Григорьевич – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин факультета права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СВИЛО Светлана Михайловна – доцент кафедры правовых дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Минске, кандидат юридических наук, доцент.

СЕЛЯТЫЦКИЙ Юрий Иосифович – профессор кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СЕМЁНОВА Елена Леонидовна – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

СЕМЁНОВА Светлана Александровна – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

СЕМЕНЮК Дмитрий Петрович – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СЕНЬКЕВИЧ Сергей Сергеевич – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

СЕРЕБРЯКОВ Вадим Викторович – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

СЕРЕДА Руслан Александрович – заместитель начальника кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СЕРИКОВ Виктор Евгеньевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

СЕЧКО Инга Витальевна – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

СИДОР Александр Иванович – начальник исправительной колонии-поселения № 26 управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по Гродненской области.

СИДОРОВА Екатерина Закариевна – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

СИЗОВА Светлана Борисовна – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь.

СОКОЛОВСКАЯ Ольга Георгиевна – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

СОСНИЦКИЙ Вячеслав Геннадьевич – начальник 2-го отдела главного информационно-аналитического центра МВД России.

СТАБРОВСКИЙ Егор Игоревич – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

СТАЛЬБОВСКИЙ Вадим Викторович – заместитель начальника кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СТАНЕВСКАЯ Анна Ежиевна – инспектор по информации и связи с общественностью управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гродненской области.

СТАРОВОИТ Святослав Александрович – заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СТРУГАНОВ Сергей Михайлович – профессор кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук, профессор.

СУБЦЕЛЬНЫЙ Александр Михайлович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

СУВАЛОВ Олег Николаевич – профессор кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

СУДАРИКОВ Виталий Владимирович – преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

СУЛИМОВ Михаил Андреевич – преподаватель кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь.

СУРЖЕНКО Юрий Александрович – заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СЫСОЕВ Алексей Александрович – заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат исторических наук.

ТАРАСОВ Павел Анатольевич – преподаватель кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь.

ТЕЛЯТИЦКАЯ Татьяна Валерьевна – профессор кафедры международного экономического права факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

ТЕЛЯТИЦКИЙ Андрей Викторович – аспирант Белорусского государственного экономического университета.

ТЕРЕШЕНКО Егор Геннадьевич – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ТЕРЕШЕНКО Татьяна Георгиевна – докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ТИМОФЕЕВА Елена Андреевна – старший преподаватель кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь.

ТИТ Александр Александрович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ТИХОНОВ Евгений Михайлович – адъюнкт кафедры педагогики, психологии и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

ТРИКОЗА Владислав Васильевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

ТРУБКИНА Ольга Викторовна – профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ТРУФАНОВ Николай Ильич – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Восточно-Сибирского института МВД России.

УДОДОВ Сергей Леонидович – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

УЗГОРОК Марина Юрьевна – доцент кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент.

УЛАСЕВИЧ Тимофей Николаевич – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии МВД Республики Беларусь.

УНЖАКОВА Светлана Владимировна – доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

УРБАНОВИЧ Алексей Аркадьевич – профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

ФЕДОРЕНКО Александр Сергеевич – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ФЕДОРОВИЧ Александр Леонидович – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

ФИЛИПОВИЧ Станислав Михайлович – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

ФИЦЕВ Дмитрий Юрьевич – начальник отдела оперативно-информационной работы криминальной милиции УВД Гомельского облисполкома.

ФОМИН Юрий Алексеевич – доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, доцент.

ФОМИНА Инна Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ФРОЛЕНКОВА Ольга Михайловна – старший преподаватель-методист отдела методического обеспечения образовательного процесса учебно-методического управления Академии МВД Республики Беларусь.

ХОМИЦЕВИЧ Ирина Геннадьевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЦАРЬ Василий Вячеславович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ЦЫНКЕВИЧ Владимир Николаевич – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ЧВАНКИН Вадим Аркадьевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЧЕКУТЬ Андрей Генрихович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ЧЕПИК Павел Александрович – преподаватель цикла подготовки операторов беспилотных летательных аппаратов кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ЧЕХОВИЧ Александр Александрович – преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ЧИГИЛЕЙЧИК Андрей Викторович – начальник следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЧУДАКОВ Виктор Владимирович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ЧУРНОСОВ Александр Иванович – старший преподаватель кафедры правового обеспечения Института пограничной службы Республики Беларусь.

ШАБАЛЬ Владимир Сергеевич – заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ШАМАРДИН Сергей Олегович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь.

ШАМАТУЛЬСКИЙ Игорь Александрович – заместитель начальника кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ШАНДРОХА Елизавета Викторовна – старший преподаватель кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

ШАЧЕНОК Дмитрий Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ШЕВЧЕНКО Анастасия Алексеевна – адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.

ШИРОКАНОВА Лидия Ивановна – доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Международного института управления и предпринимательства, кандидат педагогических наук, доцент.

ШКАРБУН Глеб Валентинович – старший инспектор по бытовому и трудовому устройству осужденных группы организации исправительного процесса исправительного учреждения открытого типа № 22 управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по Гомельской области.

ЩЕРБАК Наталия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

ЮБКО Юрий Михайлович – профессор кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЮРКОВА Елизавета Александровна – преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД Республики Беларусь.

ЯКЖИК Дмитрий Сергеевич – старший преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ЯКУБЕЛЬ Мария Михайловна – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЯКУБУК Владислав Владимирович – заместитель начальника юридического управления Государственного пограничного комитета Республики Беларусь.

ЯКУШЕВ Эдуард Вадимович – заместитель начальника кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России.

ЯНЧИН Виталий Олегович – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

ЯСКЕВИЧ Александр Васильевич – профессор кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЯСКЕВИЧ Владимир Александрович – заместитель начальника отдела защиты государственных секретов и документационного обеспечения Академии МВД Республики Беларусь.

ЯХНОВЕЦ Ирина Николаевна – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Бородич А.И. Некоторые аспекты деятельности Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств	3
Кащеев А.В. Взаимодействие в научной сфере как неотъемлемая составляющая деятельности Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств	4
Павловец Г.А., Сакулевич Е.В. Совет министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств: три десятилетия на страже безопасности Содружества	5
Радоман В.Н. Перспективы взаимодействия министерств внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств в подготовке научных работников высшей квалификации	6

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Волков В.А. Доктринальная функция судебной власти в Республике Беларусь	8
Григорьева Е.Н. Нормативно-правовые основы формирования ценностно-правовых ориентаций современной белорусской молодежи	8
Дегонский С.Ю. Отдельные аспекты социальной политики Республики Беларусь	10
Дубрава Н.М. Практика толкования правовых норм органами внутренних дел	11
Иванцова А.И. Соотношение чрезвычайных мер и временных ограничений с конституционными правами личности	13
Ковальчук К.Ю. Право на свободу передвижения как основа противодействия незаконной миграции	14
Козел А.А. Тип правопонимания как вектор правоохранительной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь	15
Лапанович С.Ф. Восстановление деятельности органов внутренних дел в период освобождения территории БССР от немецко-фашистских захватчиков (1943–1945 гг.)	16
Луговский С.Г. Частная жизнь человека и гражданина в Республике Беларусь как объект конституционно-правового регулирования	18
Михаэлис Д.В. Краснодарский и Харьковский судебные процессы: историко-правовой аспект	19
Мурашко А.И. Реформирование органов внутренних дел и государственной безопасности Советского государства в конце 1940-х – начале 1950-х гг.	20
Некрашевич Т.А. Теория и практика реализации правового воздействия	21
Орлов К.А. Проявления негативных последствий коррупции в различных сферах жизни общества: теоретический аспект	22
Павлов В.И. Принципы права в антрополого-правовой концепции: характеристика и особенности интерпретации	23
Патраш Н.В. Уголовная ответственность за подделку документов в 1920-х гг. (по материалам Гдовского дома заключения)	25
Пашкев М.А. Оперативно-розыскная деятельность как научная категория	26
Подупейко А.А. Народовластие как базовый принцип развития общества и государства	27
Протащук П.И. Юридический дизайн: тренд или осознанная необходимость?	28
Семёнова С.А. Совершенствование организационной структуры и системы подготовки кадров для уголовного розыска СССР во второй половине 1940-х – 1950-х гг.	29
Серёда Р.А. Народовластие как конституционный принцип политической системы белорусского государства: этапы становления и перспективы развития	31
Стабровский Е.И. Правовые ценности в правовом сознании личности	32
Фицеев Д.Ю. Организационно-правовые формы деятельности органов внутренних дел при использовании республиканской системы мониторинга общественной безопасности в контексте реализации права граждан от незаконного вмешательства в частную жизнь	33

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА, АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Абдухалилов Х.Д. Совершенствование административной ответственности за мелкое хулиганство в Республике Узбекистан	35
Абрамчук А.А. Проблема профилактики правонарушений, совершаемых в бытовых притонах: пути совершенствования законодательства	36
Ачинович Д.М. Организационная структура учреждения высшего образования в системе административно-правового регулирования	37
Безбородов А.С. Деликтоспособность сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь	39
Воронов А.М. Публичное администрирование правоохранительной деятельности	40
Гвоздев Д.В. Процессуальная форма внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров	41
Голованов Д.В. Некоторые меры по обеспечению органами внутренних дел безопасности дорожного движения с участием несовершеннолетних	42
Гришин Б.С. Совершенствование доказывания по делам об административных правонарушениях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта	43
Добриян С.В. Исчисление сроков наложения административного взыскания за совершение административного правонарушения	44
Егоров Д.А. Обеспечение принципа справедливости в административном процессе	45

Зиновенко В.В. Повышение эффективности организации деятельности подразделений технического надзора Государственной автомобильной инспекции	46
Иванова Л.А. История становления и развития понятия административного правонарушения	47
Кабак О.М. Система субъектов административно-правового режима защиты персональных данных	48
Карабанов В.А. Некоторые вопросы организации профилактических мероприятий с несовершеннолетними	49
Каразей О.Г. Реализация решения Конституционного Суда по жалобе гражданина	51
Карягин Р.С. Привлечение к административной ответственности по однородным административным правонарушениям	52
Ключников А.В. Организация лицензионно-разрешительной работы органов внутренних дел Республики Беларусь	53
Козелецкий И.В. Нормативное правовое регулирование государственной кадровой политики в органах внутренних дел	54
Коляго В.В. Понятие «противодействие правонарушениям»	55
Кривонощенко А.С. Административно-правовые презумпции: признаки и виды в законодательстве Республики Беларусь	56
Крюков В.Н. Приостановление подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению	57
Лукьянчик М.И. Некоторые вопросы рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных лицами, не достигшими возраста, с которого наступает административная ответственность	58
Матюшенко Н.Е. Кодификация законодательства о применении мер административного пресечения в деятельности органов внутренних дел как способ повышения эффективности их правоохранительного потенциала	60
Митрофанова С.В. Цифровая трансформация государства: как алгоритмы меняют власть и угрожают правам граждан	61
Пагоцкий В.А. Проведение досмотра и личного обыска в административном процессе Республики Беларусь	62
Полуян В.А. Административные взыскания как инструмент предупреждения правонарушений в Республике Беларусь	63
Постникова А.А. Индивидуальная профилактика как способ предупреждения правонарушений	64
Семёнова Е.Л. Некоторые аспекты исполнения постановления о депортации	65
Семенук Д.П. Мелкое хулиганство: исторический анализ состава и проблемы квалификации в белорусском праве	66
Серебряков В.В. Признание юридического лица субъектом правонарушений против безопасности дорожного движения как способ повышения дисциплины водителей транспортных средств	67
Соколовская О.Г. Правовые проблемы предотвращения уклонения от мероприятий по призыву на воинскую службу	68
Старовойт С.А. Привод в системе мер обеспечения административного процесса	70
Судариков В.В. Совершенствование административно-правового регулирования охранной деятельности Департамента охраны Министерства внутренних дел и организаций	71
Телятицкая Т.В. Критерии и показатели эффективности административного пресечения в деятельности органов внутренних дел	73
Телятицкий А.В. Идентификация субъекта интернет-торговли как доказательственная проблема в административном процессе	74
Удодов С.Л. Некоторые меры по повышению эффективности деятельности подразделений охраны правопорядка и профилактики	75
Федорович А.Л. Субъективные признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 19.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях	76
Филипович С.М. Правовая природа и проблемные аспекты применения профилактических мер воздействия	77
Фроленкова О.М. Отдельные вопросы правового регулирования профилактики правонарушений в отношении престарелых	78
Янчин В.О. Административно-правовые меры снижения уровня латентности домашнего насилия в отношении несовершеннолетних	79

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Балиткин А.В. Нейтрализация финансовой составляющей организованной преступности: современное состояние теории и практики	81
Борисевич Е.В. Отдельные аспекты выявления и раскрытия фактов сокрытия падежа крупного рогатого скота	81
Боровик П.Л. Методы установления реальных владельцев криптоактивов при расследовании преступлений	82
Гайкович С.Л. Оперативно-розыскная деятельность в качестве средства обеспечения режима в исправительных учреждениях	84
Гальцов В.С. Деятельность Государственного таможенного комитета Республики Беларусь в сфере таможенного контроля как основа обеспечения экономической безопасности страны	84
Гриб Д.В. Уголовно-правовое обеспечение противодействия легализации средств, полученных преступным путем	86
Губич М.В. Актуальность разработки интегративной методологии цифрового противодействия преступности	87
Гулюк А.А. Киберпреступность как сервис (Crime-as-a-Service): современные возможности, модели функционирования и методы противодействия злоумышленникам в цифровом пространстве	88
Дешук А.В. Уголовно-правовые средства противодействия налоговым правонарушениям в контексте экономической безопасности государства	89
Каминский В.В. Использование перспективных технологий в оперативно-розыскной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь	90
Ковалик Б.В. Противодействие нелегальной терминции голосового трафика	91
Кравец В.В. Прогнозирование состояния информационного пространства в рамках оперативно-розыскного противодействия преступлениям экстремистской направленности	92
Кравцова М.А. Совершенствование системы экономической безопасности	94
Кудрявцев Д.С. Основания проведения оперативно-розыскных мероприятий	94
Маркова О.В. Использование технологий и инструментов искусственного интеллекта при совершении легализации (отмывания) преступных доходов	96
Мезяк В.Ю. Методы исследования документов при выявлении экономических преступлений	97
Пантелеева Н.В. Правовое регулирование промышленной безопасности как приоритетное направление обеспечения экономической безопасности	99
Пикта В.И. Эволюция научных представлений о вредоносных компьютерных программах	100

Пилушин С.В. Манипулятивные техники социальной инженерии в телефонных схемах мошенничества	101
Родевич А.В. Противодействие отравлениям психоактивными веществами: современное состояние и направления совершенствования	102
Субцельный А.М. Некоторые аспекты совершенствования государственной защиты	104
Цынкевич В.Н. Предупреждение преступлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	105
Чехович А.А. Отдельные аспекты планирования проведения оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии несанкционированного доступа к компьютерной информации	106
Чурносов А.И. Исследование компьютерной информации в системе оперативно-розыскных мероприятий, проводимых органами пограничной службы	107
Якжик Д.С. Государственная политика в сфере искусственного интеллекта и ее влияние на трансформацию юридического образования: китайская модель в сравнительном контексте	108
Яскевич В.А. Экономическая безопасность как ключевой элемент национальной безопасности	109

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бахур О.И. Квалификация действий участников незаконного оборота наркотиков, публикующих в Telegram-каналах призывы к совершению противоправных действий против здоровья человека	111
Веремеенко В.М. Определение ущерба, причиненного субъектам хозяйствования в результате совершения преступления	112
Дрозд А.Н. Шоплифтинг и уголовный закон	113
Духовник Ю.Е. Причинение вреда при задержании лица как обстоятельство, исключающее преступность деяния, и признание деяния административным правонарушением: сравнительно-правовой аспект	114
Карпов К.Н. Лишение права занимать должности в коммерческих и иных организациях, реализующих государственные функции	116
Кийко Н.В. XV Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию: проблемное поле дискуссии	117
Ключко Р.Н. Обеспечение информационно-психологической безопасности личности и общества: от концептуализации к определению научной стратегии законотворчества	118
Ковальчук А.В. Шкала межотраслевой согласованности как инструмент измерения соразмерности уголовно-правового запрета	119
Козелецкая Н.И. Понятие детской порнографии в условиях цифровизации: международный и национальный подходы	120
Кудла Н.А. Некоторые проблемы применения административной преюдиции по отдельным составам преступлений	122
Левшук О.И. Проблемные аспекты реализации превентивного надзора как уголовно-правового института	122
Лисаускайте В.В. Правовые особенности экстрадиции как элемента межгосударственной борьбы с преступностью Содружества Независимых Государств	123
Марчук В.В. Понимание содержания примечания к ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь	124
Меерсон В.Р. Некоторые особенности правовых последствий в контексте декриминализации	126
Новикова Е.В. Влияние крупного размера наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов на квалификацию преступного деяния	127
Осипова Н.А. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности Республики Беларусь	128
Пухов А.А. Сравнительно-правовой анализ норм об ответственности за геноцид по уголовному законодательству ряда стран постсоветского пространства	129
Реутская Е.А. Законодательная дифференциация уголовной ответственности в Особой части Уголовного кодекса Республики Беларусь	130
Саврук Я.В. Определение объекта истязания в уголовном праве	131
Серигов В.Е. Регламентация ответственности за организацию деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации в Республике Беларусь	132
Сидорова Е.З. Место цифровой образовательной среды в системе обеспечения криминологической безопасности образования	134
Станевская А.Е. Киберпреступность в Республике Беларусь: история и современность	135
Сулимов М.А. Склонение спортсмена к использованию или использование в отношении него веществ и (или) методов, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов	136
Фомина И.А. Современные тенденции преступности и их влияние на развитие уголовного законодательства	137
Шевченко А.А. Вовлечение несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность на современном этапе: криминологический аспект	138
Щербак Н.Е. Дифференциация ответственности за незаконный майнинг криптовалют, способы определения причиненного ущерба	139
Якушев Э.В. Мониторинг информационных ресурсов в выявлении преступлений в сфере спорта	140

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аврамчик Н.В., Мелешко В.В. Проблемные аспекты производства по материалам и уголовному делу о безвестном исчезновении лица в уголовном процессе Республики Беларусь	142
Алекперов Р.Р. Отдельные вопросы назначения и проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела	143
Алешка Д.С. Объективность и ее реализация в судебно-экспертной деятельности	144
Анищенко И.А. Криминалистическое предупреждение преступлений в системе профилактики преступности	145
Беломытцев Н.Н. Криминалистические аспекты расследования и профилактики киберпреступности в Содружестве Независимых Государств	146
Бескишский А.А. Непрерывность судебного разбирательства в контексте уголовно-процессуального доказывания	148
Бородулькина Е.С. Международные стандарты восстановительного правосудия: эволюция и значение для национальной правовой политики	149
Воробей А.В. Возможности исследования цифровой рукописной биометрической подписи	150

Гнилякевич В.Л. Специалист и переводчик как иные участники уголовного процесса: сходство и различие	151
Григорович В.Л. Интеграция антропологического метода М.М. Герасимова в современную криминалистику	152
Есько А.В. Понятие и сущность тактических комбинаций, используемых в процессе расследования коррупционных преступлений	153
Кононович А.А. Эффективность осмотра мест дорожно-транспортных происшествий, связанных с использованием средств персональной мобильности	154
Костюкевич Д.В. Использование инструментального подхода общей теории права при изучении взаимодействия уполномоченных субъектов при расследовании преступлений	155
Левченко А.Ю. Роль уголовно-процессуальных презумпций в доказывании	156
Лосева В.Г. Информационно-криминалистическое обеспечение проведения судебной технической экспертизы реквизитов документов	157
Марцынкевич Н.А. Отдельные аспекты протоколирования осмотра места происшествия	158
Матлак А.Н. Предпосылки возникновения частной теории экспертной диагностики	159
Матюк А.В. Особенности дачи письменных поручений следователем органам дознания в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь	160
Милкус А.И. Алгоритмизация и последовательность действий следователя при подготовке к проведению осмотра мобильного телефона (по законодательству Российской Федерации)	161
Михневич В.Н. Некоторые аспекты выделения коррупционных преступлений в самостоятельную криминалистическую группу	162
Мытник П.В. Свидетель в уголовном процессе: уточнение дефиниции и процессуального статуса	163
Нестер И.С. Современные представления о предмете криминалистики	165
Павлють О.В. Системная основа для определения этапов деятельности специалиста при проведении осмотра места происшествия	166
Пасиницкий Н.Л. Предъявление для опознания: проблемы и пути разрешения	167
Пацкевич А.П. Анализ криминалистической информации о способе совершения незаконного завладения автотранспортными средствами	168
Пашута И.В. Основные направления использования искусственного интеллекта в криминалистике	170
Пашута Н.Н. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений сотрудниками органов внутренних дел: совершенствование информационно-справочной составляющей организационного элемента	171
Прокопенко Г.М. Теория отражения в криминалистике на современном этапе	172
Родичева И.В. Использование информационных технологий в процессе доказывания при расследовании преступлений в налоговой сфере	173
Ропот Р.М. Судебно-экспертная характеристика преступлений как элемент системы судебно-экспертного обеспечения доказывания	175
Сенькевич С.С. Цифровая криминалистика в деятельности правоохранительных органов государств – участников СНГ: состояние и перспективы развития	176
Тимофеева Е.А. Использование ситуационного подхода в планировании расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенных в сфере деятельности организаций собственников	177
Трикоза В.В. Некоторые вопросы постановления судом приговора по делам ускоренного производства	178
Трубкина О.В. Механизм слеодообразования в преступлениях против собственности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет	179
Уласевич Т.Н. Отдельные вопросы обеспечения права на защиту задержанному по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления	180
Унжакова С.В. Использование специальных знаний в системе преодоления противодействия расследованию незаконной рубки лесных насаждений	182
Чванкин В.А. Следы зубов как объект криминалистического исследования	183
Шаматульский И.А. Планирование при производстве по материалам проверки о преступлениях против интересов службы	184
Юбко Ю.М. Информационно-аналитическая деятельность лица, производящего дознание, по установлению источников доказательств по заявлениям (сообщениям) о преступлениях против интересов службы	185
Якубель М.М. Проблемные аспекты ознакомления лица, страдающего психическим расстройством (заболеванием), с постановлением о назначении экспертизы и заключением экспертов	186
Якубук В.В. Правовое значение решения об отказе в возбуждении уголовного дела	187
Яскевич А.В. Виды тактических комбинаций	188

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ И КРИМИНОЛОГИИ

Ананич В.А. Основные показатели преступности в БССР в 1960–1969 гг.	190
Бархатова Е.Н. Противодействие преступлениям в сфере спорта: организационный аспект	191
Вишневская Т.И. Когнитивные технологии в противодействии преступности	192
Высоцкая П.Н. Предпосылки формирования института probation в Республике Беларусь	193
Гаврилюк М.Н. Совершенствование профилактики виктимизации сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях служебной деятельности	194
Закиров Т.М. Роль дисциплинарных взысканий в следственных изоляторах при решении вопроса о досрочном освобождении осужденных	195
Зубарева Л.Л. Криминологические риски трансформации преступности в условиях экономических санкций	196
Иванькович Д.В. Совершенствование подготовки водителей как одно из ключевых направлений специально-криминологического предупреждения преступления, предусмотренного ст. 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь	197
Казакевич С.М. Особенности преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь: оценка количественно-качественных показателей	199
Кашинский М.Ю. Особенности уголовно-исполнительной характеристики осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, совершивших преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних	200

Корбан А.А. Проблемы правового регулирования порядка и условий сокращения срока нахождения граждан в лечебно-трудовых профилакториях	201
Кузьменкова С.В. Правовые пределы цифрового контроля при исполнении ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа	202
Лавренов В.В. Некоторые аспекты применения теории игр при построении эффективной системы противодействия преступности	203
Магазинщикова М.А. Профилактика совершения правонарушений лицами, имеющими судимость	204
Маркина В.В. В поисках стимула к добросовестному исполнению уголовного наказания в виде общественных работ	205
Немчинская В.В. Общественные работы как вид уголовного наказания: проблемные аспекты правоприменения	206
Нефёдов И.О. Исторические предпосылки становления общественного воздействия как средства исправления осужденных	207
Павленко Д.А. Принципы организации процесса исправления осужденных	209
Свило С.М. Предупреждение домашнего насилия в отношении женщин	210
Сизова С.Б. Основные направления исправительной психокоррекции Я-концепции личности женщин, осужденных за убийство, в условиях лишения свободы	211
Стальбовский В.В. Нанотехнологии в противодействии преступности	212
Сурженко Ю.А. Влияние миграционных процессов на оперативную обстановку в исправительных учреждениях	213
Терещенко Е.Г. Проблемы исполнения отдельных видов наказаний в отношении лиц, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях	215
Терещенко Т.Г. Зарождение взглядов о противодействии коррупции в философско-правовой мысли Беларуси: криминологический аспект	215
Тит А.А. Предупреждение киберпреступности в Республике Беларусь	216
Хомицевич И.Г. Воспитательное воздействие в отношении несовершеннолетних осужденных в Республике Беларусь: проблемы правового регулирования и пути совершенствования	218
Шабаль В.С. Процессуальные моменты привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы	219
Шаченок Д.А. Формирование организационно-правового механизма социальной адаптации осужденных к лишению свободы на определенный срок	220
Шкарбун Г.В. Проблема социальной стигматизации осужденных к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа в период отбывания наказания	221

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И ИДЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Барсук И.А. Духовно-нравственное воспитание в идеологической работе: генезис, сущность, эволюция	222
Бондаренко А.Э. Обучение контекстной грамматике с целью достижения функциональной грамотности при иноязычном общении для правоохранительной деятельности	223
Бураков С.Л. Формирование правомерных социально-правовых ожиданий осужденных в психолого-педагогической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы	224
Веруш А.И. Идеологические аспекты в системе подготовки кадров для правоохранительных органов: идеология и национальная идея	225
Вильмак Д.Г. Основные направления деятельности кафедры в обеспечении качества образования для правоохранительной системы	226
Воропаев Д.А. Наставничество в Академии МВД Республики Беларусь: взгляд начинающего наставника	227
Голубев В.Л. Некоторые аспекты профессионально-управленческой этики руководителя курсантского коллектива	228
Григорьев А.В. Идеологическое сопровождение патриотического воспитания современной молодежи в Республике Беларусь	229
Дорощёнок И.Л. Психологические техники деэскалации конфликтов при осуществлении приема граждан в подразделениях по гражданству и миграции органов внутренних дел	230
Дробышевский А.В. Ценностные установки поколения Z как детерминанты эффективной индивидуальной воспитательной работы и наставничества над молодыми сотрудниками органов внутренних дел	231
Дубинко Н.А. Управление психической напряженностью для повышения готовности личного состава органов внутренних дел к экстремальным ситуациям	232
Духновский С.В. Профессионально-типологические особенности и риски психологической надежности сотрудников с разным уровнем притязаний	234
Жук М.Г. Механизмы реализации идеологического воспитания сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь	235
Жуковская М.А. Психолого-педагогические условия взаимосвязи искусственного интеллекта и формирования профессиональных компетенций у курсантов	236
Кадырова Ч.А. Формирование профессионально-ценностных и идеологических установок сотрудников правоохранительных органов в процессе профессиональной подготовки	237
Каримова Т.С. Формирование коммуникативной толерантности у обучающихся в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации	239
Кот В.С. Педагогическая компетентность курсантов – будущих офицеров внутренних войск	240
Котенко Е.В. Взаимосвязь темперамента и поведения курсантов Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь в конфликтных ситуациях и пути оптимизации конфликтного взаимодействия	241
Ластовский А.А. Особенности мотивационной сферы сотрудников органов внутренних дел, принявших решение о непродлении контракта на службу	242
Лойко Л.Е. Идеологическая подготовка кадров для органов внутренних дел в контексте задач национальной безопасности	244
Мартынов А.О. Основные направления деятельности совета молодых ученых Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь	245
Некрашевич Ф.А. Политические партии: специфика интерпретации в идеологической работе сотрудников органов внутренних дел	246
Никифоронок А.П. Совершенствование педагогической практики	247
Новолодская Н.С. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся из числа иностранных граждан: адаптация к российской образовательной среде	248

Озеров А.А. Подготовка руководящих и научных кадров для органов внутренних дел (на примере Республики Беларусь и Республики Казахстан)	250
Памазенка Т.Л. Родная мова як крыніца фарміравання нацыянальнай самасвядомасці	251
Пастушэня А.Н. Психологическая правильность самопроявления сотрудников правоохранительных органов в профессиональном взаимодействии	253
Плескач В.А. Подготовка кадров для правоохранительных органов как многокомпонентный процесс	254
Прилепин В.П. Энергетическая модель как объяснительный принцип психофизиологического феномена в полиграфных проверках	255
Сидор А.И. Актуальные вопросы психологии, педагогики и идеологии в системе подготовки кадров для правоохранительных органов	256
Сосницкий В.Г. Внедрение интеллектуальных обучающих систем в подготовку кадров для правоохранительных органов	257
Сувалаў А.М. Гістарычная рэтраспекцыя ідэалогіі «краёвасці» ў Беларусі пры выкладанні вучэбнай дысцыпліны «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці»	258
Тихонов Е.М. Педагогическая поддержка в профессиональном самоопределении	259
Труфанов Н.И. Необходимость обучения сотрудников органов внутренних дел технологиям профайлинга	260
Узгорок М.Ю. Научно-исследовательская работа как средство адаптации курсантов силовых учреждений высшего образования к образовательному процессу	261
Урбанович А.А. Влияние индивидуально-психологических особенностей личности руководителя на формирование и становление его индивидуальной управленческой концепции	262
Фомин Ю.А. Степень сформированности профессионального образа сотрудника милиции общественной безопасности у курсантов-выпускников	263
Юркова Е.А. Кейс-метод как педагогическое средство повышения эффективности иноязычной подготовки сотрудников правоохранительных органов	264

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Буров А.В. Рефлексия как техника развития стрелковых навыков	266
Горбачёв С.В. Проблема низкой готовности сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях при несении службы	266
Грабовский Т.А. Противодействие беспилотным летательным аппаратам	267
Денисевич М.В. Отдельные аспекты организации работы оперативно-ситуационных штабов органов внутренних дел и внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь	268
Ермолович Д.В. Использование современных пневматических винтовок в образовательном процессе учреждений образования правоохранительных органов	269
Зубковский Д.С. Способ заряжания оружия как прием устранения задержек при стрельбе	270
Кабашикова Л.Ф. Радиопротекторы – эффективные средства противолучевой защиты населения	272
Кожаненко С.А. Особенности прицеливания в практической стрельбе с учетом физиологических особенностей зрения человека	273
Козлов В.Е. Отдельные аспекты блокировки оказания услуг электросвязи при проведении специальных операций	274
Костюкович Э.П. Малая тактическая группа как элемент системы противодействия беспилотным летательным аппаратам в особых условиях	275
Кураленя С.Л. Физические качества при стрельбе	276
Лумпов Н.А. Служебно-прикладной потенциал гиревого спорта в развитии сотрудников органов внутренних дел	277
Назаренко Д.А. Некоторые проблемы использования информации, собираемой беспилотными летательными аппаратами, в правоохранительной деятельности	278
Петрусевич М.Г. Актуальные вопросы подготовки операторов беспилотных летательных аппаратов для органов внутренних дел	279
Селятыцкий Ю.И. Использование методик практической стрельбы в огневой подготовке курсантов силовых учреждений высшего образования	280
Сечко И.В. Актуальные вопросы профайлинга в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов	281
Струганов С.М. Основания и порядок применения мер силового воздействия в служебной деятельности сотрудников полиции в ситуациях необходимой обороны	282
Сысоев А.А. Тактико-специальные учения как форма профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к действиям в особых условиях	283
Федоренко А.С. Современные методики огневой подготовки в условиях моделирования психофизиологического стресса	284
Царь В.В. Типичные ошибки в стрельбе и их причины	285
Чекуть А.Г. Пистолет Макарова в условиях ближнего боя: тактико-методический комплекс стрельбы и действий при задержании	286
Чепик П.А. Беспилотные летательные аппараты в обеспечении общественной безопасности: тактическая необходимость и развитие системы государственного учета	287
Чудаков В.В. Современные реалии порядка введения чрезвычайного положения в Республике Беларусь	288
Шамардин С.О. Некоторые особенности скоростной стрельбы	289
Широканова Л.И. Методика подготовки студентов и курсантов к бегу на 3 000 м	291

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аксенчик С.С. Виртуальный образ как объект гражданских прав	293
Боровая Е.В. Прекращение трудового договора и комплектование кадров для правоохранительных органов	294
Гиндранков А.В. Правовое регулирование служебного времени в деятельности органов внутренних дел	295

Греченков А.А. Случаи и пределы применения законодательства о труде к служебно-трудовым отношениям сотрудников органов внутренних дел	296
Емельянова Ю.В. Вопрос реализации права на жилище военнослужащих	298
Иванов А.В. Баланс частных и публичных интересов при охране изображения гражданина как объекта гражданских прав	299
Капитанова А.А. Преимущественные права в контексте принципа равенства участников гражданских отношений	300
Колбасин Д.А. Некоторые особенности правового регулирования компенсации морального вреда	301
Колесник П.А. Некоторые вопросы прекращения контрактов о службе в органах внутренних дел	302
Корень Т.А. Процессуальная форма урегулирования неплатежеспособности	304
Костюк А.С. Пути совершенствования процесса конфискации недвижимого имущества через призму принципа процессуальной экономии	305
Мартыненко И.Э. Концепция культурного геноцида и ее реализация в целях разработки новых мер защиты культуры от уничтожения во время войны	306
Паращенко В.В. Особенности признания судами недействительными сделок, совершенных под влиянием заблуждения: отдельные проблемы понятийного аппарата	307
Протосевич С.И. Ментальная безопасность как фактор национальной безопасности Республики Беларусь	308
Рожкова А.Ю. Гражданско-правовые формы пенитенциарной probation для осужденных к наказаниям в виде принудительных работ	310
Савчук А.Г. Договорные инструменты противодействия коррупции	311
Сачек А.Г. Понятие, правовые основы использования и защиты электронной подписи в Республике Беларусь	312
Тарасов П.А. Некоторые суждения о цифровой информации в гражданском праве	313
Чигилейчик А.В. Искусственный интеллект: риски и перспективы возмещения вреда	315
Шандроха Е.В. Некоторые правовые аспекты и социальная значимость восстановления в родительских правах	316
Яхновец И.Н. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в Республике Беларусь и Российской Федерации: гражданско-правовой аспект	317
Сведения об авторах	319

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

Тезисы докладов
Международной научно-практической конференции
(Минск, 16 апреля 2026 г.)

Подписано в печать 30.03.2026. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 38,83. Уч.-изд. л. 46,76. Тираж 75 экз. Заказ 33.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.